ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ IV.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ГОДЪ XXXI.—ТОМЪ CXCVIII.—1/13 ИЮЛЯ 1870.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

12683

49 г.

ТОМЪ IV.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ, 2.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

I.

Въ селѣ Спасскомъ дѣлались приготовленія къ пріѣзду помѣщицы. Огромный домъ, убранный, драпированный, съ паркетами и люстрами, съ мебелью и роялемъ, со всѣмъ необходимымъ—отъ постелей до кухонной посуды, приводился въ порядокъ; въ цвѣтникѣ подстригался дернъ и чистились дорожки; въ оранжереяхъ считались ягоды на кустахъ земляники и готовились деревья для убранства комнатъ. Духановъ, котораго Верховской взялъ съ собою на вводъ во владѣніе, расхаживалъ и распоряжался, совершенно счастливый. Онъ вытребовалъ къ себѣ управляющаго и строго подтвердилъ ему о порядкѣ, объясняя конфиденціально, чтобъ не очень *всѣ* разсчитывали на благодушіе барина, который, казалось, ни на что не обращалъ вниманія; что настоящее—еще впереди; что это не баринъ, а, вотъ, пріѣдетъ барыня.

Верховской былъ занятъ формальностями дѣла, ѣздилъ къ посреднику по дѣлу казенныхъ крестьянъ и провелъ эти дни въ такихъ хлопотахъ, что не заботился посмотрѣть, что дѣлаетъ его товарищъ. Онъ взялъ Духанова въ деревню въ смутномъ соображеніи, что онъ можетъ пригодиться, слышалъ издали, какъ онъ покрикивалъ, и не противорѣчилъ: вступиться—значило бы самому приняться за хлопоты, а Верховскому было некогда. Онъ не

*) См. выше: февр. 5; март. 580 стр.

зналъ, какъ скорѣе воротиться въ N. Онъ разсчитывалъ, что теперь, узнавъ, что уже все кончено, Лидія Матвѣевна не замѣшкаетъ въ Москвѣ, что до ея пріѣзда осталось едва нѣсколько дней. Нетерпѣніе скорѣе кончить тутъ и успѣть пробыть въ N. хоть эти нѣсколько дней, дѣлало Верховскаго разсѣяннымъ ко всему остальному. Онъ никогда не жилъ съ народомъ и не умѣлъ говорить съ нимъ, а теперь — еще менѣе. Онъ, молча, отвѣчалъ поклонами на поклоны и похваливалъ, что все прекрасно. Управляющій доложилъ ему, что дворовые почти всѣ мастеровые, столяры, ткачи, даже есть одинъ парикмахеръ. Верховской сказалъ, что этимъ распорядится Лидія Матвѣевна и что пускай они представляются ей. Онъ только разрѣшилъ двѣ свадьбы, которыхъ не позволяла прежняя госпожа, но приказалъ, чтобъ онѣ были спразднованы какъ можно скорѣе, на этой же недѣлѣ, и вдругъ объявилъ, что могутъ вѣнчаться въ Спасскомъ всѣ желающіе, крестьяне и дворовые, но только непремѣнно на этой же недѣлѣ.

Его выслушали въ недоумѣніи, а Духановъ засмѣялся.

— Это вы хотите сюрпризъ Лидіи Матвѣевнѣ? спросилъ онъ:—сочетать влюбленныхъ?

— Да, пожалуй, отвѣчалъ Верховской.

— Только, вотъ что̀, знаете... Имъ, — то-есть, Лидіи Матвѣевнѣ,—это можетъ быть непріятно, зашепталъ Духановъ, идя за нимъ по комнатамъ:—знаете, женатый—ужъ не работникъ,... да и рекрутчина тоже...

«И этотъ туда же»..., подумалъ Верховской и опять повернулъ въ переднюю, откуда еще не разошелся народъ. — Вѣнчайтесь, братцы; я скажу *батюшкѣ* и свадьбы на мой счетъ. Съ Богомъ!

Что̀-то странное, не то воспоминаніе, не то чувства, не то нервы взволновались въ немъ, когда онъ выговорилъ послѣднее слово.

— Совѣтъ-любовь, жена-помощница — первое дѣло, продолжалъ онъ:—а тамъ, что́ Богъ дастъ. Еще въ этомъ-то вамъ себѣ отказывать!.. Но только безъ разсчета и безъ принужденія. Дѣвушекъ не неволить, а молодежи на деньги не смотрѣть.

— Какія деньги-то у насъ... всѣ равны, раздался голосъ изъ дамъ кружка.

— И то правда; васъ Богъ отъ грѣха избавилъ, договорилъ Верховской, уходя опять.

Онъ сошелъ въ садъ и бродилъ тяжело задумавшись, не глядя, по незнакомымъ дорогамъ. Ему послышались голоса, поцѣлуи. Дворовая дѣвушка, немолодая, некрасивая, цѣловала

своего тоже немолодого жениха, которому прибѣжала сказать нечаянную радость. Оба смутились.

— Поздравляю, сказалъ, улыбнувшись, Верховской.

Они бросились цѣловать его руки. Что-то горячее, острое какъ боль, захватило ему грудь; онъ отчаянно обнялся съ этими счастливцами.

— Баринъ, вѣдь пятнадцатый годъ ждали! повторяли они, среди слезъ:—а вотъ, привелъ Господь, дождались!

Они разсказывали несвязно; онъ слушалъ полупонимая подробности замученной жизни, напрасной молодости, но онъ видѣлъ, что воскресала жизнь, зацвѣтала молодость... на долго-ли, не на новую-ли, еще болѣе тяжкую муку вдвоемъ — эти люди не думали и не спрашивали.

— Вотъ вы гдѣ, Андрей Васильевичъ! закричалъ, подходя, Духановъ:—ну ужъ теперь, любовь завелась, надо саду поклониться; работать некогда.

На счастье садовникъ былъ не одинъ. Верховской сбирался ѣхать и потому уступилъ просьбамъ Духанова и обошелъ посмотрѣть, какъ тотъ распорядился уборкой дома. Духановъ восхищался, какъ будто это была его собственность.

— Все что̀ угодно есть! Полная чаша, — приходи и живи! Вотъ, Андрей Васильевичъ, мы какую штучку съ вами обдѣлали! Я тутъ хлопочу—дамскія комнаты, уголочки. Вы скажите, такъ ли по ихъ вкусу...

Верховской не зналъ вкусовъ своей жены. Но онъ легко замѣтилъ, что комнаты были убраны похоже на то, къ чему его глаза привыкли въ теченіе десятка лѣтъ: большой просторъ для гардероба, много диванов для лежанья; загороженныя окна, гдѣ нельзя присѣсть съ работой; крошечные столики, дрожащія этажерки, неспособныя вынести тяжести книгъ; ни даже мѣстечка для пятнышка чернилъ,—все драпированное, все застланное, все среди комнаты. Верховской подумалъ, что Духановъ въ самомъ дѣлѣ «великая полезность», что ему самому такъ не разставить бы ничего во вѣки, и выразилъ, что Лидія Матвѣевна будетъ ему очень благодарна.

— Надѣюсь заслужить, Андрей Васильевичъ. А потому позвольте мнѣ ужъ здѣсь остаться до ихъ пріѣзда. Еще не все; безъ себя нельзя; управляющій—мѣщанинъ, что̀ онъ понимаетъ... Конечно, я человѣкъ не изъ высшаго круга, но все же видалъ, и я чувствую снисхожденіе, что я допущенъ...

Верховской не понималъ, что, за свои угожденія, чиновникъ набивается быть приглашеннымъ на знакомство. Верховской подумалъ, что онъ ждетъ подарка. Предложить деньги—неловко.

Дѣльцовъ принято дарить «вещами» и для этого спеціально существуютъ вызолоченныя стопы и ящики съ однимъ вызолоченнымъ столовымъ приборомъ; но Верховскому показалось какъ-то брезгливо готовить подарокъ для Духанова. Такъ что-жъ ему дать? Натурою, деревенское? Корову, что-ли?

— Вы семейный человѣкъ? Живете своимъ домомъ? спросилъ Верховской.

— Нѣтъ еще, Андрей Васильевичъ, средствъ не имѣю. Я себя продешевить не хочу, Андрей Васильевичъ. Я теперь, если могу жениться, то развѣ изъ купечества взять, а если дворянку, то, такъ, какую-нибудь, небогатую. Это ужъ что́ такое, за что́ же мнѣ себя ронять? куда ее покажешь...

Онъ договаривалъ это на крыльцѣ, пока Верховской садился на перекладную.

Былъ ужъ вечеръ, когда онъ въѣхалъ въ N. Съ какимъ-то удовольствіемъ онъ почувствовалъ толчки мостовой, увидѣлъ покривившіеся столбы безъ фонарей, дома уже знакомые, тротуары утоптанные вровень съ улицей, темныя фигуры запоздалыхъ гуляющихъ. Все будто родное, будто ждетъ здѣсь кто-то, и надо спѣшить скорѣе, скорѣе, чтобъ не измучить ожиданіемъ... Верховской мчался и торопилъ; на дворѣ было жарко, а онъ надвинулъ фуражку, поднялъ воротникъ пальто, кутаясь и забавляясь тѣмъ, что прятался. Вотъ большой домъ Волкаревыхъ; въ «пріютѣ» мерцаетъ фонарикъ; окно отворено... ея превосходительство въ одиночествѣ не любуется-ли природой?... Какое счастье—никого у окна, никто не видѣлъ...

Его комната въ гостинницѣ показалась ему такой уютной. Какая славная здѣсь прислуга; все вмигъ готово. На столѣ лежали два письма, онъ узналъ ихъ издали и не тронулъ, перемѣнилъ свое запыленное платье и сказалъ, выходя:

— Если кто-нибудь ко мнѣ зайдетъ, скажите, что я еще не пріѣзжалъ.

— Вѣроятно, никто не зайдетъ, возразили ему:—теперь ужъ поздно.

Верховской только тутъ замѣтилъ, что, въ самомъ дѣлѣ, по N-скому поздно; можно, пожалуй, посѣтить только m-me Волкареву. Онъ, однако, не воротился домой, и не пошелъ на большую улицу. Онъ даже и не гулялъ, а шелъ скоро, будто за дѣломъ. Было темно, тихо, пыльно, въ переулкахъ не проходило человѣка. Сонный городъ хуже пустого поля; есть жизнь — и замерзла, есть духъ—и молчитъ; существованіе сказывается сту-

комъ калитки запираемой отъ вора, нескладной пѣсней, хриплымъ голосомъ городового, грохотомъ кареты, на которую мечутся заспавшіяся собаки... Верховской шелъ, забывъ прелесть полей, которыя видѣлъ только поутру, и радуясь, что никого не встрѣчалось. У него въ душѣ было что-то похожее на эту ночь съ темнымъ сводомъ и золотой окраиной,—памятью свѣта, который былъ, надеждой свѣта, который настанетъ. Сердце изнывало отъ томленья и тревоги; въ головѣ перебивалась путаница мыслей и не было возможности успокоиться, остановиться, одуматься.

«Я не мальчикъ..», говорилъ онъ себѣ и шелъ все дальше, какими-то незнакомыми мѣстами.

Большой, запертой, видимо необитаемый домъ; за нимъ заборъ. Высокія черныя деревья на просвѣтѣ неба. Еще заборъ заросшій дикой акаціей. Верховской вдоль его повернулъ за уголъ, на улицу, и тутъ невольно пошелъ тише; у него подкашивались ноги.

«Я не мальчикъ...», повторилъ онъ, оглядываясь на акаціи, и вдругъ обрадовался: со стороны улицы, для презентабельности, былъ уже не заборъ, а рѣшетка; правда, акація ее густо загораживала, но оставались промежутки. Сквозь нихъ мелькалъ огонь. Балконъ былъ отворенъ; изъ комнаты тянулся свѣтъ, угловато переламываясь на ступенькахъ; на нижнихъ вѣткахъ стараго клёна освѣщенные тяжелые листья блестѣли будто металлическіе. На балконѣ былъ кто-то; тамъ вспыхнула спичка. Изъ комнаты раздавался голосъ; что-то читали. Кругомъ было такъ тихо, что Верховской могъ-бы слышать все до слова, если-бы у него не стучало сердце.

Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, отошелъ отъ рѣшетки, но сдѣлалъ это потому только, что услышалъ, какъ отворялась дверь подъѣзда. На крыльцо вышла горничная.

— Господа дома? спросилъ ее Верховской, подходя.

— Дома.

— Принимаютъ?

— Пожайлуте; тамъ отперто, отвѣчала она съ недоумѣніемъ, вглядываясь, узнавая поздняго гостя, и, пропустивъ его войти, не пошла о немъ докладывать.

Верховской вошелъ одинъ въ темную прихожую, изъ нея въ знакомую темную гостиную и остановился на порогѣ второй комнаты.

Катерина сидѣла тамъ у дверей балкона, облокотясь на маленькій столикъ, передъ свѣчою, и читала, замѣтно стараясь громче:

— «Der Abgeschiedne lebt uns....»

Верховской сдѣлалъ движеніе; она оглянулась.

— Что-жъ замолчала? спросилъ Багрянскій съ балкона. Кто тамъ?

— Гость, отвѣчала она.

— Кто?

— Я, отвѣчалъ Верховской тоже громко, идя къ нему.

Онъ еще не опомнился. Кажется, его спросили, когда онъ пріѣхалъ изъ деревни; онъ отвѣчалъ и сталъ извиняться, что, гуляя, зашелъ такъ поздно.

— Вѣрно, послѣ деревенскаго воздуха, не сидѣлось въ комнатѣ? привѣтливо досказалъ за него Багрянскій. А къ намъ забрели, вѣрно, на огонекъ? Доброе дѣло, а то бы я васъ еще долго не увидѣлъ. Я часа черезъ два уѣзжаю въ уѣздъ; только жду одного человѣка. Ложиться ужъ не стóитъ. Иди сюда, Катерина.

— Вы читали? спросилъ Верховской.

— Старину перечитываемъ, отвѣчалъ отецъ. Садитесь, разскажите, какъ съѣздили.... Да, прежде всего: вашу спасскую дачу я сегодня утромъ утвердилъ и имѣю честь васъ поздравить съ убыткомъ, какъ вы желали.

Говоря это, онъ весело потрясалъ ему руку.

— Откровенно скажу вамъ, Андрей Васильевичъ, — вы сдѣлали только должное, но могли бы его и не дѣлать, васъ бы не осудили, и вамъ оно не дешево стало. Посмотришь кругомъ— столько на свѣтѣ нехорошаго, что, какъ вотъ этакой случай встрѣтится, и обрадуешься, скажешь—*свой человѣкъ*. Жизнь не легко достается... право, не тѣмъ, что денегъ мало, а дурныхъ людей ужъ слишкомъ много. Такъ, душевно тратишься; оглянешься иногда... Да, что! я ужъ старикъ; вотъ вы, человѣкъ молодой, а ужъ, конечно, тоже всякое видали. Пробовали когда-нибудь свести такіе счеты?...

Верховской слушалъ сначала смутно, но понемногу разговорился, разсказывалъ, что́ зналъ и видѣлъ изъ общественной жизни. Багрянскій въ свою жизнь, начатую рано, трудно, бѣдно, зналъ и видалъ еще больше. Онъ какъ-то забавлялся, удивляя Верховскаго разсказами о темныхъ дѣлахъ и продѣлкахъ, о подвигахъ несправедливости, злобы, продажности, казалось бы невозможныхъ, но не только сходившихъ съ рукъ, а увѣнчанныхъ полнымъ успѣхомъ. Онъ раскрывалъ тайны разныхъ быстрыхъ возвышеній, тысячныхъ кражъ, примѣры неожиданныхъ паденій, приводилъ анекдоты о ловкости и оборотливости изумительной. Верховской еще никогда не встрѣчалъ такого запаса свѣдѣній и знанія по этой части. Въ его чиновничьемъ

кругу въ Петербургѣ, можетъ быть, это было извѣстно, можетъ быть объ этомъ говорилось, но Верховской не прислушивался. Въ его обществѣ, особенно крупные факты передавались какъ новость и имѣли значеніе только въ свою настоящую минуту, или когда бывали въ связи съ другими подобными фактами; объ ихъ нравственномъ значеніи не говорилось никогда; случалось, они возбуждали насмѣшку, чаще всего принимались снисходительно. Обезпеченное общество жило легко, интересовалось насущнымъ; никакіе факты его не поражали и не имѣли на него нравственнаго вліянія. Верховской кружился въ этомъ обществѣ; все, что пробѣгало въ мысли— оставалось неразобраннымъ, смутнымъ впечатлѣніемъ. Разбираться было трудно, некогда и не съ кѣмъ. Чаще всего, ощущеніе собственнаго одиночества сантиментально наталкивало только жалѣть о себѣ, злобно сторониться отъ однихъ людей и мечтать о существованіи другихъ, *своихъ*. Случалось встрѣчаться съ людьми, казалось бы, тоже смутно недовольными; съ ними говорилось, говорилось долго, и все-таки чувствовалось, что ихъ слова не поддержали, не направили, даже ничего не выяснили; они тоже сами какъ будто видѣли все сквозь туманъ и, негодуя, довольствовались тѣмъ, что хорошо негодовали. Верховской подмѣчалъ это, но не подмѣчалъ, что дѣлалъ тоже, довольствовался тѣмъ же.... Въ настоящую минуту у него былъ совсѣмъ не такой собесѣдникъ. Багрянскій не удовлетворялся только тѣмъ, что выражалъ свое негодованіе на проступки людей, свое омерзѣніе къ людямъ, что слѣдилъ до малѣйшихъ подробностей ихъ паденія, будто наслаждаясь, что имъ нѣтъ оправданія,—онъ грозно, безпощадно предсказывалъ далекія послѣдствія, какъ неминуемо разовьется настоящее зло, какими оттѣнками въѣстся оно въ жизнь другого поколѣнія, какъ отзовется тамъ, гдѣ и не ожидаютъ... ужасающая, безнадежная безконечность зла! Онъ заставлялъ себя говорить спокойно и не могъ, раздражался—не своими собственными словами, какъ бываетъ съ людьми слабыми, — а тяжкимъ чувствомъ, для котораго не находилъ даже опредѣленія.

— Душитъ, душитъ!.. вырывалось у него не разъ. И положиться не на кого, понадѣяться не на что! Умрешь, и будешь знать, что и послѣ тебя все тоже! Корысть, неправда, безнаказанность, и нѣтъ имъ конца!

— Долженъ быть, возражалъ Верховской: —невыносимо, значитъ конецъ близокъ.

— Вы надѣетесь?

— Надѣюсь! Когда мы не станемъ прятать нашего зла...

— Гдѣ-жъ оно спрятано, кто-жъ его не видитъ? прервалъ

Багрянскій. Срамъ на всю вселенную! Сами не видимъ, потому что не хотимъ...

— Мы должны говорить, не скрываясь...

— Праздныя рѣчи?

— Наши мнѣнія!

— Я слыхалъ говоруновъ, Андрей Васильевичъ... Какъ сюда, на шею, дали—всю тоску какъ рукой сняло!

— Что-жъ это за люди! Нѣтъ, такіе люди, чьи слова разбудили бы совѣсть...

— У кого она есть, въ томъ не засыпаетъ, прервалъ строго Багрянскій.

— Не совѣсть, вѣрнѣе,—сознаніе; люди часто не вѣдаютъ, что творятъ....

— Охъ, какъ вѣдаютъ! Но *не вѣдать* выгодно!...

— Но когда заговорятъ и напомнятъ о долгѣ люди недумающіе о выгодахъ, люди съ лучшими стремленіями...

— Нашли голосистыхъ!... Ну, хорошо, напомнятъ. И вы думаете, *тѣ* (онъ куда-то махнулъ головой) не найдутъ лазейки спрятаться отъ вашего хваленаго сознанія? Не найдутъ своей логики, посильнѣе чѣмъ ваша? И васъ самихъ не опутаютъ? Не подставятъ вамъ одну, другую, десятую уступку во имя справедливости для всѣхъ, во имя состраданія?

— Конечно, справедливость для всѣхъ, конечно, состраданіе! вскричалъ Верховской — иначе, это замѣна одного произвола другимъ!

— Такъ — безнаказанность?

— Не безнаказанность, но....

— Вотъ и надѣйся на васъ! вскричалъ, захохотавъ, Багрянскій. Вотъ, вы всѣ, лучшіе нынѣшніе — ни убить, ни помиловать! Ничего вы не сдѣлаете!... Состраданіе! Къ кому, спрошу я васъ,—къ отдѣльнымъ личностямъ, или къ обществу, которое онѣ безобразятъ?

— Общество не сдѣлается лучше, если въ немъ прибавятся несчастные...

— Старая пѣсня — не дѣлать несчастныхъ!

— Такъ, чтобы общество было лучше, сдѣлайте больше счастливыхъ, вмѣшалась вдругъ Катерина—устройте жизнь полегче, дайте права—и не будетъ преступленій...

— Что такое? вскричалъ Багрянскій—кому это права? кому это устроивать жизнь? Какія имъ блага нужны? Да стоятъ ли жизни эти люди?

— Жизни? повторилъ Верховской.

— Да, жизни! Долой ихъ совсѣмъ съ лица земли, уничтожайте ихъ, казните, законно избавляйте отъ нихъ общество!

— Законно? повторилъ Верховской — можетъ ли быть законно то, противъ чего возмущается человѣческая природа?

— Человѣческой природѣ должно быть возмутительно преступленіе, а не кара, прервалъ громко Багрянскій. Щадить плевелы... Библію читали? За что Господь низложилъ Саула?

— Ужъ право не помню, отвѣчалъ Верховской.

— За то, что тотъ не до послѣдняго истребилъ нечестивыхъ, разсуждать вздумалъ, сдѣлалъ уступочку во имя состраданія.... Щадить злодѣя.... Давайте мнѣ его, я съ наслажденіемъ, крестясь, подпишу ему смертный приговоръ!

— Крестясь? отозвалась Катерина.

— Крестясь, хоть бы ты сама у меня за него въ ногахъ валялась, рѣзко отвѣчалъ отецъ, обращаясь въ темноту, откуда раздался ея голосъ. Наказаніе есть искупленіе. Наказаннаго людьми милуетъ Господь.

— То-есть, Господь поправляетъ по-своему дѣло рукъ человѣческихъ, сказала она спокойно, будто для себя.

— Въ народѣ, однако, существуетъ это понятіе, замѣтилъ Верховской, глядя, какъ она встала и прошла въ комнату; она показалась ему блѣдна.

— Несчастное понятіе, возразила она съ порога:—Милосердіе—а все-таки нужно его удовлетворять кровью, хоть здѣсь.

— Что такое? вскричалъ Багрянскій.

— Вы знаете, что это правда, отвѣчала она спокойно.

Верховской не видѣлъ ее, но слышалъ, какъ она перелистывала книгу. Багрянскій молчалъ.

— Послушать ее, вдругъ обратился онъ къ Верховскому съ странной, нѣжной и вмѣстѣ ѣдкой насмѣшкой:—Послушать ее—всѣ мошенники гуляли бы по бѣлу-свѣту и не смѣй у нихъ и паспорта спрашивать.

Онъ оглянулся въ комнату, Верховской тоже; Катерины тамъ больше не было. Багрянскій продолжалъ тихо.

— Что-жъ дѣлать; самъ я виноватъ, волю ей далъ. Одна. Двухъ часовъ послѣ матери осталась, вотъ и выростилъ себѣ утѣшеніе.... А только одной души своей не отдамъ я за эту дѣвку! вдругъ сказалъ онъ порывно, почти отчаянно, будто кто отнималъ у него дочь.—Господи, да если что съ ней случится... дай мнѣ дожить, ее уберечь! Я тому злодѣю и въ будущей жизни не прощу! Она вѣдь святая; мы праха ногъ ея не стоимъ.... Чище свѣтлостей солнечныхъ.... Господи, какія слова говорю!

Думаешь, надѣешься,—за то, что такую взлелѣялъ, сохранилъ,—и тебѣ, окаянному, отпустится....

Онъ наклонилъ голову, зашепталъ молитву и вдругъ обратился къ Верховскому.

— Не осудите меня. Вы не можете этого понять. Вы росли богато и дѣтей вашихъ также выростите безъ труда, на наемныхъ рукахъ...

— Нѣтъ, прервалъ Верховской, — я росъ не въ богатствѣ, меня также берегли и любили...

Багрянскій его не слушалъ, за собственной мыслью.

— Страшно такъ привязаться къ чему-нибудь одному. Одна ниточка, знаешь, если оборвалась—всему конецъ... Что-жъ дѣлать, одна, хороша!... Но не грѣшу, не паче Бога люблю. Если только и она... Господи, помилуй!

Онъ съ ужасомъ принялся креститься большими, поспѣшными крестами и всталъ.

— Что это я... Всякую мерзость человѣческую вспомнили мы съ вами, такъ и мерещится. Охъ, немудрено мерещиться — все на свѣтѣ вынесъ, всякій позоръ... А больше, кажется, оттого, вдругъ заговорилъ онъ и тревожно, и улыбаясь: — что уѣзжаю; ужъ очень жаль съ ней разстаться. И она скучаетъ, хоть ей отъ меня не велика забава. Общества она не любитъ, да и что здѣсь за люди. Я ей предоставилъ полную волю знакомиться, принимать. Это здѣсь дико показалось, прибавилъ онъ самодовольно: — молодая дѣвушка, красавица, принимаетъ, выѣзжаетъ совсѣмъ одна, какъ дама. Кромѣ баловъ, тогда—съ кѣмъ-нибудь; но причина, батюшка: не обзавелись каретой.

Онъ засмѣялся, передохнувъ, будто сбросилъ тяжесть.

— Сама виновата; я говорю: откладывай, сберегай, а она на книги соритъ. Впрочемъ, что-жъ это я на нее, я самъ такой же... Вы книгами богаты?

— Очень бѣденъ, отвѣчалъ Верховской, — въ Петербургѣ осталось немного, а здѣсь и совсѣмъ нѣтъ ничего.

— Какъ же такъ? Нѣтъ, мы съ ней устроились; есть у насъ пріятель книгопродавецъ изъ иностранцевъ... Я и въ Петербургѣ жилъ, служилъ,—для нея; тамъ учиться дешево. Да нѣтъ, скверенъ вашъ Петербургъ. Исколесилъ по свѣту не мало... Катя, да иди сюда, закричалъ онъ, услыша ея шаги, — гдѣ запропастилась?

— Васъ собираю, отозвалась она, — не ѣхать же вамъ голодному.

Онъ не вытерпѣлъ и пошелъ къ ней.

Верховской остался одинъ; его забыли. Соображеніе, что слѣ-

дуетъ уйти и не мѣшать хозяевамъ, мелькнуло, прошло и забылось. Онъ чувствовалъ раздѣльно каждую минуту, которую проживалъ, и ему была дорога каждая минута. Онъ сошелъ къ цвѣтнику, воротился, вдругъ вспомнивъ, что можно видѣть другое, лучшее; побѣжалъ въ комнату и, только вбѣжавъ, одумался, что тамъ могъ быть кто-нибудь. Никого не было. Никого не было и въ гостиной. Верховской остановился, переводя дыханіе, и оглядывался. На столѣ лежала какая-то работа; онъ машинально взялъ, посмотрѣлъ, положилъ опять. За распахнувшейся суконной занавѣской, въ темнотѣ, что-то бѣлѣло; невысоко, въ углу, свѣтилась маленькая искорка, — золотой вѣнчикъ образа. Верховской смотрѣлъ. Что-то похожее на первое ощущеніе сна охватило его волной, влекло и кружило, томящее и нѣжное; грудь стѣснилась, глаза туманились; въ памяти пролетѣла какая-то дѣтская, давно забытая молитва....

— Радость.... выговорилъ онъ шепотомъ, складывая руки и вдругъ, какъ безумный, бросился прочь.

Ночь стала холоднѣе и тревожнѣе; полоса свѣта колыхалась, листья шелестили. Верховской прислонился лбомъ къ косяку балконной двери и смотрѣлъ въ темноту.

Гостиная освѣтилась; тамъ приходили и уходили. Верховской обернулся и схватилъ книгу; его руки дрожали, строки разбѣгались въ глазахъ; ему что-то вспомнилось.

— Что́ вы тутъ смотрите? спросила, подходя, Катерина.

— Вы это читали, когда я пришелъ?

— Да.

— Эти самыя слова: «Der Abgeschiedne lebt uns?»

— Да.... въ самомъ дѣлѣ. А что́?

— Странно. Гдѣ это я читалъ.... или у кого есть повѣрье, что если кто зайдетъ во время чтенія и услышитъ текстъ....

— Текстъ?

Она разсмѣялась.

— Все равно....

— Вы суевѣрны?

— Не знаю.... Но слова хорошія.... А справедливы они?

— Не знаю, повторила она, взглянувъ на него пристально.

— Вотъ, что́ передъ ними, то ужъ совсѣмъ справедливо, продолжалъ онъ, глядя въ книгу. «*Люди еще не вмѣстѣ, когда они не врозь*». Это-то ужъ великая истина; отъ нея-то и не живется. Но *то*, — скажите, вѣрно ли? разберите, вдумайтесь, если не испытали сами, поищите для другого... «*Усопшее живо для насъ*»... Дорогое, счастье, радость наша, вѣчно ли жива она?

— Вѣчно, если вѣчно дорога; она жива въ насъ.

— Этого мало, сказалъ Верховской. *Въ насъ*, нашимъ же чувствомъ! Нѣтъ, *для насъ*, живая, повторенная, воплощенная. Такая радость, чтобъ жизнь стала опять имѣть цѣну, чтобъ воротилась вѣра... У меня такая радость была. Я погибъ съ той минуты, какъ ея не стало; погибъ, поймите, совсѣмъ; у меня нѣтъ никого, ничего... Будетъ ли еще что-нибудь? Можетъ ли быть?

— Ну, Катерина, прощай, закричалъ издали Багрянскій.

На улицѣ задребезжали колеса чего-то громоздкаго; топотъ лошадей, бубенчики.

— Я сейчасъ ухожу. Дайте мнѣ руку, сказалъ Верховской.

Она дала нерѣшительно, будто повинуясь. Верховской сжалъ ее, поцѣловалъ и тихо оставилъ. Она не сказала ни слова и пошла на голосъ отца.

Багрянскій, совсѣмъ по дорожному, былъ въ прихожей. Ямщикъ выносилъ чемоданъ; молодой чиновникъ, тоже по дорожному, запиралъ сундукъ съ бумагами.

— Прощай, голубка моя, прощай, мое сокровище, повторялъ Багрянскій, крестя и цѣлуя дочь. Не скучай, скоро ворочусь; ты какъ-нибудь разсѣйся... А, Андрей Васильевичъ, дождались моихъ проводовъ! Навѣстите ее безъ меня, не забудьте...

Прощаясь, всѣ вышли на крыльцо. Чиновникъ ужъ сидѣлъ въ тарантасѣ; тамъ свѣтилась его папироска. Багрянскій закурилъ тоже, вскочилъ бодро, усѣвшись, охнулъ какъ старикъ, и еще разъ подалъ руку уходившему Верховскому.

— Прощайте, Андрей Васильевичъ, вамъ путь налѣво, мнѣ направо. Прощай, Катерина.

Тарантасъ отъѣхалъ, подкидываясь на колеяхъ; маленькая струйка пыли невысоко тянулась за колесами. Все скоро скрылось въ сѣро-голубомъ, влажномъ туманѣ. Стукъ затихъ, его относилъ вѣтеръ; въ саду шумѣли деревья. Катерина стояла на крыльцѣ.

— Пойдемте, барышня, я запру подъѣздъ, сказала Маша.

Катерина еще разъ оглянулась влѣво. Въ сумракѣ далеко еще мелькала тѣнь; по вѣтру будто слышались медленные, тяжелые шаги. Маша затворила дверь; Катерина крѣпко повернула ключъ въ замкѣ и вошла въ домъ.

Тамъ было темно; только въ ея комнатѣ пламя забытой свѣчи металось, бросая красный свѣтъ и безобразныя тѣни. Катерина машинально переставила ее на другой столъ и остановилась.

— Что-жъ это такое? сказала она громко.

Ей было какъ-то жутко, — не оттого, что кругомъ пусто,

темно и поднимается непогода. Около нея, казалось, былъ кто-то и ее тревожило это присутствіе невидимаго. Она очень устала и не хотѣлось ложиться. Ее что-то удивляло, что̀ — она опредѣлить не могла, можетъ быть, свое собственное смятеніе.

Она взглянула на часы, пошла за занавѣску и тихо стала молиться, обрядно, безъ мысли, читая давно затверженныя слова. Вдругъ ей стало такъ тяжело... она нетерпѣливо отвернулась и отошла.

— Стало быть несчастье, когда выдаетъ себя первому встрѣчному; стало быть тяжко... Но что̀ за несчастье?.. «*Нѣтъ никого*»... Развѣ можетъ никого не быть у человѣка?..

II.

Утро взошло свѣтлое, теплое, тихое, изъ такихъ, что̀ нѣжатъ, зовутъ куда-то далеко, вызываютъ память всего далекаго, гонятъ печаль, какъ тьму изъ всякаго угла... Какъ можетъ уходить печаль, когда приходитъ воспоминаніе — знаютъ тѣ, кто говоритъ это, люди, для которыхъ все прошедшее разъ навсегда кончено...

N-ское общество съ утра думало какъ бы разнообразнѣе провести этотъ день; его, по мнѣнію любителей природы, было грѣшно просидѣть въ комнатахъ.

День необыкновенно начался въ домѣ Багрянскаго. Былъ ужъ давно десятый часъ, а Катерина еще не просыпалась. Маша и кухарка Прасковья ждали, ждали и, наконецъ, ужасаясь такого отступленія отъ заведеннаго порядка, рѣшили, что надо поднять барышню.

— Вставайте, повторяла Маша, смѣясь, какъ та испугалась съ просонка.

— Батюшка воротился? спросила Катерина.

— Батюшка не воротился, а смотрите, гдѣ день-то? Баба цѣлую кашолку ландышей принесла; вставайте, разбирайтесь, вотъ вамъ дѣло. Вотъ вашъ воспитанникъ вамъ добраго утра желаетъ. Ступай, ступай, пискунъ, къ мамашенькѣ...

Она подсадила къ ней котенка.

— А я не хочу вставать! закричала Катерина.

— Никакъ, война? сказала, входя, старая Прасковья. Безъ батюшки-то своя воля! Точно барыня, губернаторша! Вставай, безъ обѣда оставлю!

— Такъ хорошо же, вскричала Катерина,—я барыня, я свою волю возьму! Сейчасъ столъ сюда, на балконъ, самоваръ, чашки,

17683

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

вмѣстѣ чай пить. Я сейчасъ готова. Весь день вмѣстѣ, обѣдать вмѣстѣ, — хочу жить какъ хочу...

Она торопила, тормошила, шалила, смѣялась, обнималась, выглянула въ садъ, весь влажный и душистый отъ ночной грозы; она не слыхала этой грозы въ своемъ крѣпкомъ снѣ; свѣтъ и тепло лились струями, но, среди лучезарнаго сіянія, чернымъ пятномъ мелькала тѣнь чужой печали...

— Господи! сказала она, складывая руки: — я счастлива... сдѣлай же, чтобъ и другіе были счастливы!

Состраданіе, скорбь, чувство шире и лучше молитвы, наполнило ей грудь; у нея брызнули крупныя, страстныя слезы...

Ей была дорога любовь этихъ простыхъ женщинъ, — этой старухи, когда-то замѣнявшей мать, этой горничной, преданной подруги,—дорогъ этотъ уголъ, доставленный трудомъ отца, полный его благословеній. Она оглядывалась довѣрчиво, ласково и несмѣло; какая-то новая сила влекла ее любить, все больше любить все это близкое, любить со всею прелестью нетяготящей благодарности. Ей вспомнилось и прошлое, далекое, дѣтство, село, изба; дѣдъ, сѣдой заштатный дьячокъ; бабушка, которая отличалась отъ своихъ сосѣдокъ-крестьянокъ только тѣмъ, что ходила повязанная платкомъ, а не въ кичкѣ. Отецъ оставилъ у нихъ свою новорожденную сироту, а самъ служилъ въ уѣздѣ и помогалъ чѣмъ жить старикамъ. Старики были добры; съ ними бывало скучно, но тихо и хорошо вспоминается ихъ ласка. Всѣ подробности житья памятны; все будто передъ глазами. Понятливыя дѣти помнятъ рано, когда окружающая жизнь отъ нихъ нескрыта и вмѣсто нея не подставлена другая, искусственная. Бабушка пріучала Катерину къ хозяйству, а дѣдушка выучилъ грамотѣ, священной исторіи и цифрамъ. Онъ обѣщалъ, когда ей минетъ семь лѣтъ и она побываетъ на исповѣди, брать ее съ собой читать псалтырь по покойникамъ. Катерина живо помнила, какъ ждала этого наслажденія, но ему не было суждено сбыться: отецъ раньше взялъ ее къ себѣ. Его тогда перевели служить въ губернскій городъ; средствъ стало побольше; тогда онъ взялъ Катринѣ няню, — Прасковью, которая съ тѣхъ поръ у нихъ осталась. Отецъ былъ занятъ, но не проходило ни одного дня, чтобы, лишая себя даже короткаго отдыха, онъ не занялся съ Катериной, не далъ ей книги, не училъ ее, чему могъ. Она видѣла, онъ самъ для нея учился; впослѣдствіи, онъ лишалъ себя необходимаго, чтобы дать ей возможность учиться; онъ любилъ ее безъ мѣры...

Она радостно остановилась на этихъ воспоминаніяхъ. Какой-то новый свѣтъ освѣтилъ ей отца, его высокую честность,

самоотверженное терпѣніе, его грозную справедливость... Ей стало страшно; съ минуту, она смутилась и, вслѣдъ затѣмъ, твердо сказала себѣ, что она его достойна. Она его ученица, его созданіе. Онъ показалъ ей, какъ живутъ для другихъ, какъ считаютъ ни во что всѣ эти земныя блага, изъ-за которыхъ люди бьются такъ жалко и такъ злобно; онъ выучилъ ее любить бѣдность, въ которой она родилась, выросла и жила, — потому что въ бѣдности,—и только въ ней одной,—родится, растетъ и живетъ ясное понятіе правды, искренность отношеній, уваженіе человѣческаго достоинства. Онъ суровъ, но онъ старикъ... Жизнь досталась ему трудно и дорого. Было несчастье, тяжкое для всякаго, — для него тяжкое вдвое...

Катерина наклонила свою смѣлую голову; она вспомнила своего брата...

Его звали Викторъ; онъ былъ старше ея лѣтъ десять, жилъ съ отцомъ, а потомъ, поступивъ въ гимназію,—въ губернскомъ городѣ, у одного отцовскаго хорошаго знакомаго. Въ дѣтствѣ, Катерина видѣла его всего одинъ разъ, когда, какъ-то лѣтомъ, отецъ привозилъ его въ село къ дѣдушкѣ. Она начала помнить Виктора съ тѣхъ поръ, какъ отецъ, переѣхавъ въ губернскій городъ, взялъ ихъ обоихъ къ себѣ. Викторъ былъ большой, красивый, въ гимназическомъ мундирѣ, веселый; все шутилъ, игралъ, смѣялся...

— А теперь?.. сказала она съ отчаяніемъ. Отецъ говоритъ постороннимъ, что я у него одна... А я-то, говорю-ли я кому-нибудь, что у меня есть братъ?..

Это ужъ не чужая, а своя собственная печаль... Но почему же ей быть сильнѣе, чѣмъ печаль за другихъ? Мы справедливы, безпристрастны, грозны къ винѣ чужихъ людей, а оробѣемъ, извинимъ, потому только, что преступникъ — свой?.. *Свой!*

— Викторъ мнѣ не свой..., выговорила она, блѣдная, уставя глаза на песокъ. Помочь ему, подѣлиться съ нимъ, отдать ему все — я готова, но видѣть его...

Она встала, скоро пошла по дорожкѣ и вдругъ остановилась припоминая.

Викторъ былъ рядовымъ на Кавказѣ; его линейный батальонъ стоялъ въ маленькомъ укрѣпленіи, въ горахъ, на сѣверѣ, куда война не доходила. Катерина писала ему, правда, иногда коротко, но часто, увѣдомляя о здоровьи отца, о всемъ житейски необходимомъ, заботливо спрашивая о немъ самомъ, почти не говоря о себѣ. Ея письма были какъ тысячи писемъ, которыя равнодушно пишутся на свѣтѣ; для нея они были мученіемъ, принятымъ на себя добровольно, въ страхѣ ожесточить чело-

вѣка, въ какой-то жалости, пережившей остальныя чувства. Викторъ отвѣчалъ ей нѣсколькими строками только тогда, когда она присылала ему денегъ. Она дѣлала это тайно отъ отца, отдавая свои заработанныя или сбереженныя отъ тѣхъ, что ей давались на необходимое. Отецъ не писалъ Виктору никогда; зналъ онъ или не зналъ сношенія дочери, онъ никогда не спрашивалъ.

Мѣсяца три назадъ, Катерина послала брату денегъ, — онъ не отвѣчалъ; писала еще нѣсколько разъ — отвѣта не было. — Случайно, на военномъ балѣ, офицерша, обществомъ которой дразнили Катерину, назвала одного своего знакомаго въ томъ самомъ батальонѣ, гдѣ служилъ Викторъ. Катерина наскоро записала адресъ, надѣясь развѣдать черезъ посторонняго, что́ сталось съ братомъ.

Она припомнила, что этотъ лоскутокъ бумаги оставался у нея въ комнатѣ, на столѣ, гдѣ этими днями перебывало множество бумагъ, во время работы съ отцомъ, — побѣжала въ домъ и принялась искать. Лоскутокъ уцѣлѣлъ между конвертами, тетрадями, связками *дѣлъ*.

«Еслибъ было что́ послать ему...», раздумывала Катерина, обрадовавшись находкѣ.

Она разсчитывала, что̀ послать, и убирала на столѣ. Маша, какъ ей было сказано, устроивала чай на балконѣ.

— Что-жъ нейдетъ няня? что такъ долго? спросила Катерина.

— Вотъ что́, зашептала ей дѣвушка: — тамъ пришла женщина; спрашиваетъ, не возьму ли я работы; я, вѣдь, по вашей милости, прослыла въ городѣ первой швеей...

— Ну, что́-жъ?

— Дюжину рубашекъ. Возьметесь?

— Какъ не взять, съ радостью! вскричала Катерина.—Батюшка съ мѣсяцъ проѣздитъ, у меня дѣла нѣтъ. Ступай, торгуйся дороже. Кому это?

— Вотъ, былъ недавно, какъ его, молодой баринъ...

— Лѣсичевъ?

— Онъ, онъ.

Катерина на секунду задумалась.

— Бери, Маша, сказала она: — только посекретнѣе.

— Конечно, секретно, отвѣчала та, уходя.

Катерина опять задумалась и улыбнулась. Она ужъ не одинъ разъ брала заказы на имя Маши. «Секретъ» былъ необходимъ. Въ то время, въ городѣ N—вѣрнѣе, во всѣ времена, во всемъ нашемъ отечествѣ, общество нашло бы такое занятіе крайне неприличнымъ. Молодого человѣка, своего круга, дѣвица можетъ

обирать конфетами, обманывать на пари, обыгрывать въ карты,— но сшить ему рубашки и взять деньги за работу... да это ужасъ! Катерина не посмотрѣла бы на этотъ «*ужасъ*», но надо было прятаться ради отца: увидя ее за работой, ни одна душа въ N не убѣдилась бы и не повѣрила, что у предсѣдателя палаты имуществъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ денегъ, что всякая непрожитая копѣйка жалованья откладывается на черный день; сказали бы только, что Багрянскій жаденъ, и изъ жадности допускаетъ дочь унижаться.

— «Униженіе!..» — Она продолжала думать и улыбаться.— А вотъ смѣшно: случись этотъ заказъ раньше, это было-бы, пожалуй, приготовленіе къ свадьбѣ...

Маша прибѣжала съ сверткомъ полотна; вызвали Прасковью, напились чаю. Катерина раздвинула въ гостиной столъ и начала кроить.

— Смотри, попадешься, пророчила ей нянька:—застанутъ!

— Маша, запри подъѣздъ и не пускай души христіанской! закричала Катерина.

— И что̀ ты только дѣлаешь, сударыня; рубашки жена мужу шьетъ, и то — любя...

— Какая любовь необыкновенная! Ну, нянька, не мѣшай намъ, готовь обѣдать, а когда поспѣетъ, зови насъ.

Дѣло шло проворно. Дѣвушки были веселы; у Катерины были всегда въ запасѣ шутки, пустяки, шалости; у Маши въ глазахъ рябило отъ ея бѣготни; обѣ хохотали до слезъ.

— Что̀ у васъ тутъ, проказницы? спросила нянька, когда до нея достигъ взрывъ этого хохота.

— Ты посмотри, отозвалась Катерина.

— Много такъ-то наработаете!

— Еще лучше идетъ, возразила Маша.

— На что̀ похоже, сударыня, словно ты маленькая. Все равно, какъ по головешкѣ ударишь — искры во всѣ стороны, такъ и ты мечешься; что̀ хорошаго...

— Чтожъ ты боишься, одурѣю? спросила Катерина.

— А что̀ люди скажутъ?

— А я имъ сама скажу, что они глупы. Когда люди не на свое мѣсто влѣзутъ, то сами важничаютъ, сами дрожатъ: ай, шевельнусь, свалюсь. За меня не бойся. А важничать, какъ они, не велика мудрость. Хочешь, смотри, какая я на людяхъ-то.

Она въ одинъ мигъ укротила всѣ свои живыя движенія, выпрямилась; улыбка исчезла, взглядъ погасъ; она вся будто застыла, хотя въ этой комедіи не было нисколько преувеличенія;

она плавно прошлась, сказала нѣсколько словъ равнодушно-тягучимъ свѣтскимъ тономъ и больше не выдержала.

— А, ну ихъ!.. Видѣла? Хорошо?

— Господь съ тобой! вскричала нянька сначала изумленная и, наконецъ, расхохотавшись: — да это съ тоски помрешь! И какъ на такихъ мужчины смотрятъ?

— Спроси у нихъ. Однако, съ тобой время проходитъ. Маша, я принесу иголки, сядемъ шить и пѣсни пѣть.

— А я васъ что̀ спрошу, сказала Маша, ужъ серьезно, когда ушла старуха: — съ чего вы сегодня такъ особенно веселы?

— Съ чего? повторила Катерина съ порога своей комнаты:— дѣло есть, добрые люди есть, я на свѣтѣ не одна...

И при этомъ словѣ, у нея вдругъ упало сердце.

— Съ чего? спросила она себя, стараясь улыбнуться и чувствуя, что не можетъ. Ее вдругъ охватила та же тревога, что вчера ночью. Комната была не пуста; чья-то душа билась въ ней и тосковала; будто пробужденное словомъ Катерины, другое слово облетѣло кругомъ и отозвалось.

«Я не суевѣрна....», подумала она, нетерпѣливо отгоняя то, что̀ подсказывалось въ ея памяти.

Она подошла къ ящику взять иголки. Съ нимъ рядомъ лежала раскрытая книга, оставленная съ вечера. Катерина взяла ее, заглянула и вдругъ повернула къ свѣту: вдоль страницы была рѣзкая, свѣжая черта, проведенная ногтемъ. Катерина не видала вчера, какъ это сдѣлали. Ей было страшно, и не было силъ уйти.

— Маша, кликнула она: — Мы съ тобой забыли ландыши.

Она принялась разбирать ихъ. Пучки цвѣтовъ туго перетянутые ниткой, холодные, влажные, прелестные, дрожа, сцѣплялись головками. Катеринѣ стало чего-то жаль.

— Маша, я хочу въ поле.

— Что-жъ, сходимъ утромъ, пораньше. Только вотъ теперь работа. Охъ, долго мы провозимся съ этими ландышами; смотрите, который часъ.

— Твоя правда, сказала Катерина:—я сейчасъ ихъ уставлю, разомъ. Все это не нужно.... Нечего терять времени; все это вздоръ....

Она торопливо сѣла за шитье. Съ нея, какъ замѣтила Маша, «сошелъ стихъ» смѣяться, но вмѣстѣ съ спокойнымъ трудомъ воротилось и спокойствіе. Она разговорилась съ своей подругой, какъ это бывало всегда, когда онѣ сходились вдвоемъ. Еслибъ N—ское общество слышало ихъ разговоры, оно бы еще разъ

удивилось и пожало плечами. Маша, всегда занятая, знала свой «свѣтъ» небольше чѣмъ Катерина свой; четырехъ-лѣтнее житье вмѣстѣ завело у нихъ дружбу, общія привычки, общій взглядъ на вещи, даже сходство занятій. Маша умѣла читать, любила читать, и какъ ей часто бывало некогда, ставила Катеринѣ въ обязанность пересказывать все, что та прочитывала интереснаго. Бесѣды бывали постоянныя. Такъ теперь, за шитьемъ, отъ партіи рекрутъ, которая прошла мимо окна, отъ войны, отъ разныхъ подробностей, разговоръ и разсказы пошли очень далеко и день шелъ незамѣтно. Слушательница, конечно, знала меньше чѣмъ иныя дѣти, но она хотѣла, торопилась знать, схватывала и помнила; ея добрая воля была лучше подготовки; ея внимательность и увлеченіе еще больше одушевляли разскащицу. Говорилось о прошедшемъ, о далекомъ; житейское, ежедневное, которое люди подставляютъ каждую минуту, мелко прикрываясь предлогами необходимости, праздно отшучиваясь отъ мысли, это житейское и ежедневное не было забыто, но только отставлено на свое мѣсто, и ему давалось не больше какъ одно его мѣсто. Занимала жизнь болѣе общая, понятая сердцемъ, если не знаніемъ, доступная всякому сердцу, которое само не захочетъ для нея затвориться. На живые вопросы—живые отвѣты. Разсказывая, въ впечатлѣніи, которое вызывала, Катерина еще разъ и еще сильнѣе переживала знакомое, учила и училась сама, ей было сердечно хорошо разбираться въ своей мысли, въ своемъ знаніи, дѣлиться ими, заставлять любить свое любимое. Она жила всей душой, и ни о чемъ не могла говорить хладнокровно; вмѣстѣ съ тѣмъ, что знала, она отдавала все, что чувствовала; дѣла прошедшаго, люди исторіи были для нея близкіе, живые; она дѣлила опасности, торжествовала удачи, сострадала, негодовала, будто сама видѣла, сама вынесла то, о чемъ разсказывала. Ея воображеніе было полно живыхъ, яркихъ образовъ; ея умъ не переставалъ искать, ея одушевленіе ни на минуту не угасало....

Между тѣмъ какъ иголки живо прокалывали крѣпкое полотно, Катерина, дѣтски восхищаясь, разсказывала о диковинныхъ дальнихъ странахъ.

На Гангѣ все блескъ, ароматъ,
Цвѣтутъ исполины деревья;
Красивые, кроткіе люди
Предъ лотосомъ молятся въ-землю....

Маша слушала съ дѣтски-радостнымъ смѣхомъ, а нянька, которая пришла посидѣть съ ними, никакъ не хотѣла вѣрить, чтобы въ такой прекрасной сторонѣ жены сжигались съ покойниками-мужьями.

— Вотъ, погоди, я туда поѣду, тамъ замужъ выйду, ты посмотришь, сказала Катерина.

— Ты-то замужъ? Никогда тебѣ замужемъ не быть, возразила нянька, чѣмъ-то обидясь.

Маша засмѣялась.

— Почему?

— Да никого не полюбишь; гдѣ тебѣ!

Старуха будто отрѣзала разговоръ. Катерина оглянулась въ окно; солнце ужъ было низко. У нея въ памяти досказался послѣдній стихъ:

И темная ночь на землѣ....

Мысль смѣшалась.... Какая это «темная ночь?...» Вспомнилось вдругъ что-то далекое, опять дѣтство, опять деревня, что-то похожее на эту пустую тихую улицу, то что́ всякій вечеръ бывало предъ глазами: выгонъ на полугорѣ, вытоптанный, сухой; розовый туманъ пыли; сквозь него мелькаетъ возвращающееся стадо; красный закатъ; на немъ вырѣзается черная деревянная церковь; горятъ и сверкаютъ ея окошки съ мелкими стеклами; птицы качаются на цѣпочкахъ узорчатаго креста. Все примеркаетъ, все тише, все покойнѣе; красная полоса поблѣднѣла, небо темно. Недалеко отъ узорчатаго креста зажигается треугольникъ звѣздъ, пониже — еще четыре.... Дѣдушка сказалъ, какъ ихъ называютъ.... А на страстной, бывало, народъ идетъ по выгону изъ церкви и, точно, несутъ домой свѣчки....

— Почему же я никого не полюблю? спросила она, все глядя въ окно.

— Mais vous êtes chez vous? звонко раздалось оттуда.

Подъ окномъ стояла m-lle Ольга съ другой дамой.

— Bonsoir, chère. Я гуляю. Видите, мамаша и сестра уѣхали въ гости, меня не взяли, несчастную. Я упросила, вотъ Варвару Петровну, и мы ходили, ходили. Вдругъ, вижу, вашъ домъ. Я такъ устала. Стучу въ подъѣздъ — заперто. Мы ужъ хотѣли назадъ.... Avec qui êtes-vous? зашептала она.

— Моя няня и моя Маша, отвѣчала Катерина.

— Впустите же насъ. Я, кажется, разстроила компанію? говорила она, входя, подсмѣиваясь и напвничая.

— Да, разстроили, отвѣчала Катерина; между тѣмъ, какъ Маша уносила свое шитье, а нянька и не показалась съ той минуты, какъ отворила двери гостьямъ.

— Cette chère Catherine, всегда шутитъ.... Но у васъ хорошо. Знаете ли, въ самомъ дѣлѣ, у васъ хорошенькій домикъ. Я какъ-то

прежде не обратила вниманія. N'est-ce pas, Варвара Петровна? Такъ чисто.... Ну, что-жъ вы подѣлываете, чѣмъ занимаетесь?

Варвара Петровна, безобразнѣйшая изъ N—скихъ старыхъ дѣвъ, къ счастью, молчаливая, вслѣдъ за игривой дѣвицей потянула, помяла и погладила полотно, изслѣдуя его доброту, и съ глубокой, никогда не покидавшей ее скорбью, спросила о цѣнѣ.

— Не знаю, не я покупала, отвѣчала Катерина.

— Это очень дорогое.... сказала тихо съ благоговѣніемъ m-lle Ольга. Неужели вашъ папа.... вѣдь онъ нигдѣ не бываетъ....

Катерина засмѣялась.

— Нѣтъ, душка, неужели это для вашего папа?

— Или на заказъ. Рѣшайте!

— Полноте, вы шутите, ни то, ни другое. Это для вашего жениха. Enfin, mademoiselle Catherine, поздравляю! Гордое сердце сдалось! Нѣтъ, нѣтъ, не отказывайтесь, не скрывайтесь, я не слушаю, нехорошо, вы неоткровенны....

Она кричала, вертѣлась, зажимала уши, ребячилась, бросалась Катеринѣ на шею, поднимала весь содомъ, какой поднимаютъ дѣвицы, когда непремѣнно хотятъ, чтобъ имъ подтвердили то, что онѣ сами выдумали.

— Catherine, я не отстану!

— Хоть до завтра, отвѣчала Катерина.

— Нѣтъ, душка, causons. Мнѣ бы такъ хотѣлось поговорить отъ души, сказала m-lle Ольга, наконецъ запыхавшись и впадая въ меланхолію. Вотъ, Варвара Петровна меня понимаетъ. Вѣдь моя жизнь — ужасъ!!.. Я ужъ не говорю, les privations, какъ меня одѣваютъ, какъ мнѣ говорятъ, чтобъ я не думала объ удовольствіяхъ, чтобъ я старалась понравиться какому-нибудь старикашкѣ, а я еще не знаю, что такое любовь... Судите же.... Mon Dieu, il y a quelqu'un....

Дверь была отперта, въ прихожую вошелъ Верховской. Катерина немного поспѣшно встала ему на встрѣчу и подала руку; ей вдругъ показалось, что ее не удивилъ его приходъ, что она была въ немъ увѣрена, что она весь день его ждала. Но она не обрадовалась, а смутилась и, встрѣтивъ привѣтливо, не сказала ни слова.

— Пойдемте...., шептала между тѣмъ печальная гостья m-lle Ольгѣ.

Та покачала головой и смотрѣла на Верховскаго.

— Вашъ батюшка поручилъ навѣстить васъ...., сказалъ неловко Верховской, раздосадованный, что встрѣтилъ этихъ особъ,

и надѣясь по крайней мѣрѣ, что, непредставленный, можетъ съ ними не говорить.

Это не удалось.

— M-r Верховской, я имѣла удовольствіе васъ видѣть у Марьи Васильевны Волкаревой, заговорила m-lle Ольга.

Верховской поклонился.

— Это вечеромъ было, передъ самымъ баломъ на дачѣ....

— Помню...., отвѣчалъ Верховской и обратился къ Катеринѣ: какъ вы провели день?

— А, Catherine, за вами наблюдаютъ, отъ васъ требуютъ отчета! перебила m-lle Ольга. M-r Верховской, это ваша привычка, наблюдать. Помните, Catherine, на балѣ.... Но нѣтъ, вы дремали! У меня шелъ одинъ разговоръ съ однимъ человѣкомъ, а m-r Верховской притаился и все слушалъ. Признайтесь, вы меня подслушали? А теперь, подслушали?

Она завладѣла разговоромъ, совершенно счастливая, что нашлось передъ кѣмъ кокетничать, если и безъ цѣли, то хоть для упражненія, и вполнѣ увѣренная, что всѣхъ оживляетъ, что безъ нея не зналъ бы что́ дѣлать этотъ гость, который зашелъ «по порученію батюшки».

— Спрашивайте, спрашивайте у нея отчета, m-r Верховской! кричала она, разыгравшись до того, что считала возможнымъ уже ни надъ чѣмъ не задумываться. У Catherine милліонъ тайнъ самыхъ интересныхъ. Прежде всего—ледяное сердце. Но мы кое-что́ знаемъ! Боже мой, не отрекайтесь, я и сама не отрекаюсь, это льститъ нашему самолюбію.... человѣкъ у нашихъ ногъ.... А вы горды, Catherine, вамъ это пріятно, хоть для забавы! Бѣдненькій, *онъ* такъ забавенъ.... Не бойтесь, не назову, хоть это и не тайна! кто хоть разъ его видѣлъ.... Ахъ, m-r Верховской, *онъ*, кажется, изъ вашихъ друзей, вы меня выдадите. Я не могу видѣть несчастныхъ влюбленныхъ.... или, можетъ быть, онъ ужъ счастливъ, Catherine?

— Вы меня извините, возразила Катерина: вы знаете, я тупа; я васъ рѣшительно не понимаю.

— Catherine, такъ я назову по имени! пригрозила m-lle Ольга.

— Хоть сто именъ, для меня все равно.

— Такъ у васъ сто поклонниковъ? Bravo, quel embarras de richesses! Неудивительно, que vous faites fi... Pardon, chère, я шучу; но право, это такъ необыкновенно, неестественно, что дѣвушка въ вашъ возрастъ... Я говорю откровенно при m-r Верховскомъ... что вы такъ безчувственно холодны...

— Ужъ солнце садится, напомнила ей спутница.

— Ахъ, что-же, тѣмъ лучше! М-r Верховской насъ проводитъ.

— Извините, рѣзко отвѣчалъ Верховской, молчавшій во все время:—мнѣ нужно въ другую сторону, по дѣлу.

— Стало быть, вмѣстѣ выйдемъ?

— Нѣтъ, мнѣ еще рано.

Спутница умоляла идти, представляя, что въ этомъ переулкѣ страшныя собаки; m-lle Ольга хвасталась мужествомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, очень злы, особенно одна, сказала Катерина очень серьезно.

— Ah, ma bonne, вы меня выгоняете! вскричала m-lle Ольга и шепнула, выходя:—А это—сто-первый?...

Покуда онѣ еще прощались, Верховской ходилъ взадъ и впередъ, считая минуты. Онъ самъ не зналъ, хотѣлось ли ему поторопить, или продлить эти минуты. Катерина проводила гостей и, не останавливаясь, прошла въ свою комнату.

— Пойдемте туда, сказала она.

Она отворила балконъ и сѣла на ступеньки. Верховской вышелъ вслѣдъ за нею и сѣлъ подлѣ нея. Она не оглянулась и молчала.

Она помнила, что онъ тутъ, чувствовала, что онъ на нее смотритъ, но была разсѣяна, устала. Вся эта безпокойная, безтолковая болтовня еще шумѣла у нея въ ушахъ. Ей было необходимо отдохнуть, опомниться... Но вдругъ та же тревога, которую столько разъ она отгоняла въ теченіе этого длиннаго дня, поднялась опять, смутила, смѣшала, спугнула всѣ мысли... Мученіе!.. На нее смотрятъ. Онъ ждетъ, чтобъ она заговорила. Что́ сказать? Что-нибудь постороннее?.. Еще какъ-нибудь болталось при чужихъ, но теперь, съ глаза-на-глазъ, нельзя, нѣтъ силъ, языкъ не шевелится... Стыдно говорить вздоръ съ этимъ человѣкомъ... Онъ три раза начиналъ говорить такія вещи... Съ чего ему вздумалось?.. Все равно; онъ говорилъ отъ души. Молчать съ нимъ, значитъ—спрятаться, оттолкнуть. Это не честно́. Онъ пришелъ отдать горе, ему нуженъ *свой* человѣкъ,—отдавай и бери!

— Что-же, сказала она, вдругъ обернувшись къ Верховскому и чувствуя, что холодъ бѣжитъ у нея по плечамъ:—вамъ, конечно, никуда не нужно по дѣлу; пустяковъ сейчасъ говорилось довольно. Скажите о себѣ.

— Что́ сказать?

— Что́ хотите.

— Я, вотъ что хочу, отвѣчалъ онъ и сталъ цѣловать ея руку. Вы только, ради Бога, меня не прогоняйте, прибавилъ

онъ чрезъ минуту, не понимая, что́ говоритъ и дѣлаетъ. Я долженъ вамъ казаться очень страннымъ, Катерина Николаевна. Простите.

— Да, это странно, отвѣчала она въ раздумьи. Но о странностяхъ толковать нечего. Что́ съ вами?

— Богъ знаетъ что́..., сказалъ онъ, еще не опомнясь. Мнѣ хорошо. Это мои первые свѣтлые дни. Такъ ужъ не гоните, позвольте отдохнуть.

— Я не гоню. Я спрашиваю.

— И не спрашивайте... Право, прибавилъ онъ вдругъ съ усмѣшкой: — что вамъ до моей блажи? Мнѣ совѣстно, что я васъ вчера потревожилъ. Прошло!...

— У васъ, стало-быть, скоро проходитъ? спросила она серьезно. Только, пожалуйста, если вчера вы говорили праздныя слова, не подумайте, что сегодня я спрашиваю изъ празднаго любопытства. Я того и другого не уважаю.

Она наклонила голову, пряча глаза отъ косыхъ розовыхъ лучей, которые свѣтили ей на лобъ и сверкали въ волосахъ. Верховской опять спросилъ себя, гдѣ онъ ее видѣлъ?

— Ради Бога, простите, сказалъ онъ: смѣю ли я это подумать?... Нѣтъ, лучше признаюсь: я шелъ къ вамъ сегодня, просто, увидѣть васъ, услышать два слова... ну, хоть пустыя два слова, лишь бы отдохнуть. Вотъ, и не стало силы говорить о печальномъ. Еще успѣю... Отложимъ?

— Ну, отложимъ, отвѣчала она съ доброй улыбкой. А то, признаюсь тоже, мнѣ не понравилось, какъ вы сейчасъ это легко сказали. Сегодня одно, завтра другое,—такъ, будто нѣтъ ничего завѣтнаго. Скучно. Вы меня извините, я рѣзка. Но если хотятъ говорить со мной, пусть говорятъ мнѣ правду. Если есть что́ въ самомъ дѣлѣ на душѣ, продолжала она, живо обратясь къ нему: я выслушаю, а фразъ я терпѣть не могу: я примѣтила,— люди иногда выдумаютъ себѣ чувство и толкуютъ о немъ до тѣхъ поръ, покуда сами ему повѣрятъ... Вамъ случалось это примѣчать?

— Случалось... отвѣчалъ Верховской, заглядываясь на нее. Но... Катерина Николаевна, простите, если я васъ спрошу... Если вы позволяете мнѣ говорить о себѣ...

— Да, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Мнѣ нужно бы прежде знать о васъ.

— Обо мнѣ?

— Да. Счастливы ли вы?

Она помолчала и отвѣчала искренно и какъ-то нѣжно—несмѣло.

— Послушайте... Пожалуйста, не подумайте, что я умничаю;

я вамъ буду говорить отъ чистаго сердца. Ни одинъ человѣкъ не можетъ, да и не долженъ быть счастливъ.

— Почему?

— Кругомъ такъ темно, жалко, бѣдно... За себя одного, человѣкъ бываетъ доволенъ своимъ дѣломъ, своими ближними... пожалуй, счастливъ тѣмъ, что не можетъ помириться на одномъ своемъ счастьи... Это гордость, если хотите; но, кажется, можно простить ее, за то что она ужъ очень печальна.

— Я не о такомъ счастіи говорю, сказалъ Верховской.

— А довольна ли я моимъ положеніемъ? Вполнѣ. Сегодня я объ этомъ много передумала, вспоминая васъ, прибавила она.

— Вы обо мнѣ думали?

— Какъ-же не думать?

— Что́-же вы рѣшили?

— Я не рѣшила; я не могла понять, какъ можетъ человѣкъ быть одинъ, когда на свѣтѣ тысячи людей только и ждутъ, чтобъ имъ протянули руку, помогли, сказали слово...

— А онъ самъ осмѣливается протягивать руку и выпрашивать! прервалъ Верховской.

— Да, подтвердила она, взглянувъ ему въ глаза:—просить, когда могъ-бы самъ давать.

Верховской не отвѣчалъ, отвернулся и наклонилъ голову въ колѣни.

— Мнѣ-бы слѣдовало поблагодарить васъ за комплиментъ, Катерина Николаевна, заговорилъ онъ съ холодной усмѣшкой: вы считаете меня на что́-нибудь способнымъ. Скажу просто,— и также попрошу васъ не принимать моихъ словъ за фатство, вы не ошибаетесь. Я понимаю бѣдствія и печали человѣческаго рода и очень-бы радъ его счастливить. Но я самъ вынесъ не мало. Если бы на мою собственную долю выпало хоть немножко отрады или поддержки, если-бы судьба не закинула меня въ омутъ, гдѣ людей нѣтъ и откуда выхода нѣтъ, если-бы у меня былъ хоть одинъ другъ, если бы... Ну, все-равно!... я, пожалуй, не сталъ бы выпрашивать, а поживалъ бы, размѣниваясь душою на души другихъ. Вѣдь этимъ способомъ покупается счастье.... то-есть довольство своимъ положеніемъ, какъ вы опредѣлили? Какъ видите, оно доступно людямъ, тоже, въ своемъ родѣ, богатымъ. Бѣднѣе меня мало найдутся... Вы, въ этомъ случаѣ, такъ-сказать, легкомысленно разсудили по наружности.

— Пожалуйста, не смѣйтесь, прервала серьезно Катерина.

— Не смѣяться?

— Да. Скажите мнѣ прямо, что я васъ оскорбила. Тутъ не до учтивостей. Я не знаю вашего несчастья и невольно могу

быть виновата словами; остановите меня во время, а не отмщайте.

Онъ оглянулся въ волненіи, будто испуганный, удивленный, вслушивался, не сводя съ нея глазъ.

— Я не знаю, что́ вы со мной дѣлаете, Катерина Николаевна; я не знаю, что это такое...

Онъ всталъ и закрылъ руками лицо.

— Кажется, я не суевѣренъ, а съ вами — все будто передо мною моя мать... Такъ не до учтивостей, вы сказали? не до учтивостей?

Онъ быстро воротился, сѣлъ и взялъ обѣ ея руки.

— Простите-же мнѣ эти выходки... это не въ первый разъ, но такъ и быть!... Простите меня. Если вамъ живется легко, не судите въ самомъ дѣлѣ, по наружности; не осуждайте на мужество, на терпѣніе тѣхъ, кому, можетъ быть, больше силъ нѣтъ. Вамъ противна людская злоба, людская низость; мнѣ — не меньше, а мнѣ еще достается съ нею бороться. Вы молоды, ваше золотое счастье впереди; я молодъ, а для меня все кончено давно. Вы такая гордая, независимая, любимая... вамъ не понять, что такое завядать, замирать, терять вѣру въ свое значеніе... Вы скажете: дѣйствуй, ищи, дѣлись. Вы правы, вы ужасно правы!... Но лучше разжалуйте меня изъ дѣятельныхъ, изъ способныхъ, и дайте мнѣ крошечку счастья,—такъ, только, хоть посмотрѣть, какое оно бываетъ: я вѣдь не видывалъ!.. Нѣтъ, правда, видѣлъ! вскричалъ онъ, поднимаясь опять:—видѣлъ, въ послѣднія три недѣли, когда умирала мать... вотъ, когда я его понялъ!... И, Боже мой, опять тоже: тогда—три недѣли, теперь—три дня... Это съ ума сойдешь!

Онъ отошелъ; она, не двигаясь, смотрѣла ему вслѣдъ...

— У васъ нѣтъ розъ? спросилъ Верховской, остановясь у цвѣтника.

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше; я не могу ихъ видѣть... Можно пройтись здѣсь?

Катерина подошла къ нему, молча. Они дошли вмѣстѣ до конца аллейки, упиравшейся въ чужой заборъ.

— И только всего сада? спросилъ Верховской.

— Развѣ мало? возразила она.

— Нѣтъ, послушайте, что-же это? вскричалъ онъ: — вы не нарочно такъ говорите? Знаете ли, ка́къ вы на нее похожи? Не лицомъ,—лицомъ ни одной черты, но что́ ни слово — живая!... У васъ совсѣмъ другая красота. Она... Только въ картинахъ великихъ мастеровъ есть такія лица, такое выраженіе. Боже-

ственное! И отъ божественнаго, просвѣтленнаго, до простѣйшаго дѣтскаго. Улыбнется, пошутитъ — праздникъ!... И вотъ, также, при ней бывало легко, вдругъ легко... О, съ ней не бывало ни страха, ни усталости, ни сомнѣній! Тогда я вѣрилъ, что нуженъ, что гожусь на что-нибудь, — *она* въ это вѣрила! Она всему, даже незамѣтному, даже ничтожному давала его значеніе, давала мѣсто на землѣ, ободряла, освѣщала. Она все знала, все понимала, все прощала, все любила, добрая, ласковая... Радость! ты знаешь, ты видишь, былъ ли одинъ день, одинъ часъ...

Онъ опомнился, чувствуя, что ломаетъ пальцы Катерины.

— Ахъ, простите... Вотъ, такъ мы жили... Нѣтъ, мы только сбирались такъ пожить! Жизнь вмѣстѣ, за одно...

— Разсказывайте, вскричала Катерина: — говорите, что хотите, только о ней! Если ужъ нѣтъ больше радости, такъ хоть назовите ее; вспомните, какъ вы ее любили,—будетъ легче...

Онъ остановился.

— Разскажите, какова она была, всякую малость, — все свято!

Верховской смотрѣлъ на нее молча, задумавшись, казалось не видя, прищуривая глаза будто отъ свѣта,—въ самомъ дѣлѣ, отъ смущенія, что его рѣсницы были влажны. Съ его лица исчезло оживленіе и замѣнилось выраженіемъ холодной, затаенной злости; его голосъ измѣнился, когда онъ заговорилъ.

— Повѣрите ли вы, Катерина Николаевна, что, вотъ, одиннадцатый годъ, какъ нѣтъ моей матери на свѣтѣ, а вы первая— *первая* спросили меня о ней? Вы повѣрите, что я никому не говорю о ея существованіи?

Она взглянула на него съ испугомъ.

— Да, никому! Вѣдь я вамъ сказалъ, что у меня нѣтъ никого.

— А ваша жена?

Верховской съ минуту помолчалъ.

— Вы ее увидите, сказалъ онъ.

Они прошли еще разъ всю дорожку и повернули опять, не замѣчая. Верховской заговорилъ первый.

— Вотъ, что... Право, не знаешь съ чего начать. Того, что прошло, не воротишь. Усопшее живетъ, но не оживаетъ, а человѣкъ вертится въ настоящемъ. Мое настоящее... Разсказывать, такъ ужъ все. Мы были бѣдны; ничего, кромѣ надеждъ на будущее. Я вздумалъ ихъ поторопить и женился на богачкѣ... Мать не только не требовала, даже не знала, прибавилъ онъ поспѣшно.— Все это вышло ни къ чему. Она не пошла жить ко мнѣ и про-

жила всего годъ. О, конечно, этотъ годъ она не нуждалась, отдохнула, воображала, что и я счастливъ... Ну, ей не удалось умереть въ этомъ пріятномъ заблужденіи!

— Въ какомъ заблужденіи?

— Въ заблужденіи, что я люблю мою жену.

— А вы...

— Я ее ненавижу съ перваго дня, отвѣчалъ онъ, раздражаясь, сдерживаясь, и чтобы дать просторъ этому мученію, неловко засмѣялся. Васъ это удивляетъ?

— Господи, какой ужасъ..., выговорила она.

— Да, не весело.

Онъ опустилъ голову и шелъ молча.

Ему стало досадно, зачѣмъ онъ все это сказалъ. Казалось, это было и главное, съ этого и слѣдовало начинать, чтобы сбросить съ души то, что ее тяготило; но странно, тяжесть будто сильнѣе налегла, обрушилась и заставляла ниже клонить голову. Онъ не сознавалъ себя виноватымъ, но ждалъ осужденія; не робѣлъ предъ нимъ, но и не встрѣтилъ бы его хладнокровно...

— Послушайте, Андрей Васильевичъ, сказала Катерина.

— Слушаю, отвѣчалъ онъ.

— Послушайте, вы начали,—досказывайте. Если вамъ точно легче при мнѣ, будто при вашей матери... я этого не стóю! Но, ужъ если такъ, скажите мнѣ все. Какъ вы могли это сдѣлать... жениться, не любя?

— Вы никогда не видали, какъ это дѣлается? спросилъ онъ, усмѣхаясь.

— Но развѣ вы тó, что другіе? возразила она спокойно и твердо. Вы были обязаны подумать. Чтó за искушеніе — деньги!

— Искушеніе? вскричалъ онъ, встрепенувшись, будто раненый. Искушеніе? Вы не знали нищеты! Понимаете ли вы, чтó это такое? Бывали дни — *она* не ѣла! Голодная! Моя мать! Да понимаете ли вы, чтó это? Когда сотни, тысячи какихъ-нибудь тварей... Искушеніе!! Я продался какъ рекрутъ, я отдалъ жизнь безъ оглядки, я старался полюбить мою жену, я не пользовался... Нѣтъ, вы должны все знать! я не хочу, чтобъ вы меня осуждали!

Онъ привелъ ее къ балкону, посадилъ, сѣлъ самъ и сжалъ ея руки.

— Ради Бога, за чтó-же такъ? Я не заслуживаю, не прогоняйте меня, слушайте... За чтó-же въ вашихъ глазахъ я человѣкъ низкій, продажный? Я поступилъ безумно, но, по крайней мѣрѣ, мать умерла не въ гниломъ углу...

Онъ зарыдалъ.

— Простите меня..., разсказывайте, сказала Катерина.

Темнѣло. Верховской не замѣчалъ, волнуясь, разсказывая, спѣша оправдываться. Но для оправданія ему не было надобности описывать свою жизнь съ женою; довольно было сказать, каково было счастье, чтобы дать понятіе о его противоположности. Предъ совершенствомъ все блѣдно; здѣсь въ замѣнъ совершенства далось что-то ужасающее, мертвящее... Онъ прервалъ разсказъ съ первыхъ словъ и его пощадили отъ продолженія. Все было понято вдругъ, безъ уговора, какъ въ послѣдніе дни съ матерью. Это пониманіе, эта пощада только жарче и нѣжнѣе напомнили и освѣтили ему его вѣчно дорогую радость. Онъ говорилъ только о ней, о любви къ ней, о ея любви, ея совершенствахъ, говорилъ съ восторгомъ, съ отчаяніемъ, съ дѣтской простотой; въ немъ повторялись всѣ ощущенія прошлаго, со всѣмъ сознаніемъ, что этого прошлаго нѣтъ; онъ разомъ, спѣша, захватывалъ счастья воспоминаній за многіе годы; онъ былъ счастливъ и въ настоящемъ. Онъ чувствовалъ, что его слушаютъ, ободряютъ, что онъ не одинъ, что ему отзываются живымъ сердцемъ; онъ опять жилъ молодостью, жилъ золотыми годами...

Катерина слушала, глядя ему въ глаза, принимая всей душой весь чистый свѣтъ этого прошлаго... Стало-быть, можетъ существовать то, что до этой минуты было для нея только восторженной мечтой? стало быть, можно жить бѣдно и честно, сердечно, разумно, независимо; можно трудиться ради высшаго значенія труда, ради его прелести, его нравственной необходимости? Это не подвигъ рабскаго терпѣнія, не выставка на диво тупому безсилію, не борьба, въ которой человѣкъ ожесточается и ожесточаетъ. Это дѣло простое, какъ дѣло природы, работающей безъ остановки, безъ усталости, свободно,—творящей потому, что не творить она не можетъ... Это было,—слѣдовательно, это можетъ быть. Какое счастье чувствовать и въ себѣ эту свободную силу!

— О, какъ хорошо! повторяла она, отвѣчая всему, что переживала за-одно съ человѣкомъ такъ недавно ей чужимъ. Она любила то, что онъ любилъ, его скорбь стала ея скорбью; она догадывалась, дополняла, подсказывала его разсказы; она вслѣдъ за нимъ называла радостью его радость, поклонялась ей, какъ вѣрующая. Онъ былъ оправданъ своей вѣчной памятью о *ней*. Эта память живила; она переносила изъ тѣснаго угла въ жизнь

всего міра, отъ своего личнаго къ общему, будила мысль и участіе ко всему живущему. Говоря о *ней*, думалось и говорилось обо всѣхъ... Верховской будто ожилъ. Такъ, бывало, юношей, онъ надѣялся, мечталъ, восторгался безъ холодно насмѣшливыхъ оглядокъ; восхищеніе умно не размѣрялось, негодованіе осторожно не пряталось. И теперь, будто та же весна просыпалась въ сердцѣ, молодая, трепещущая; чувство *общаго*, отдыхая, поднималось изъ темноты, гдѣ было, неволею, запрятано; кругомъ вѣяло забвеніемъ всего мелко житейскаго; въ душѣ тихо, ясно горѣло сознаніе, что убѣжденія раздѣлены, полуслова поняты, разъясненія готовы,—и что-то странное, волнующее, небесное охватывало сердце...

Онъ не ошибался: та, которая его слушала, сочувствовала всякому его слову. Она не удивлялась; эти стремленія, эта честная печаль были ей давно знакомы; она только радовалась, что ихъ встрѣтила. Въ нихъ—счастье этого человѣка; такія силы не гибнутъ; дѣло его жизни не кончено...

— И вы отчаявались! говорила она. Отчаявались, когда у васъ и средства и полная воля сдѣлать все добро, какое захотите! Сомнѣвались въ себѣ? Но развѣ вы не видите, что вы тотъ-же что́ были, когда *она* была съ вами? Знаете, зачѣмъ вы ее пережили? Чтобы славить ея имя!

— Вы говорите это? вскричалъ онъ.

— Да, говорю! Но славить не словами, а дѣломъ...

— Дѣломъ? О, еслибы это было возможно! но когда все стѣснено, когда нѣтъ права ни надъ чѣмъ...

— Неправда, прервала она: — отговорка лѣнивыхъ! Есть страшное право, — право надъ людьми,—а кто имъ пользуется по-человѣчески?... Не постройки избъ — это выгода владѣльца, не кротость—это физическая добродѣтель! вскричала она, заранѣе останавливая возраженіе. Нѣтъ, воспитать этихъ людей, дать смыслъ ихъ жизни, дать имъ понятіе ихъ выгодъ, дать имъ полюбить трудъ... Вѣдь они его ненавидятъ, эти люди, прикованные къ землѣ, люди, у которыхъ одинъ помыслъ—хлѣбъ и чужая воля... Ужасъ! Сократите же эту волю, которая грабитъ этотъ хлѣбъ; ѣшьте наравнѣ съ работникомъ, чтобъ у него былъ часъ отдохнуть и одуматься; не наряжайте въ шелкъ вашу балованную семью, чтобъ у крестьянскихъ ребятъ были пеленки! Дайте имъ образованіе, ихъ головы не хуже вашей, освѣтите ихъ умъ, развейте руки. Это не мудрено, не сложно: только тратьте на нихъ то, что имѣете отъ нихъ, оставляйте себѣ только законную, вполнѣ законную долю, какъ наставникъ... Это не слова одни, не мечты; это можно сейчасъ къ дѣлу! Вы сказали—

Спасское куплено для удовольствія... Стыдъ! я забыть этого не могу! Вотъ ваше дѣло, оно стоитъ передъ вами. Никто васъ не стѣснитъ, никто не помѣшаетъ; ужасы творятся, и о тѣхъ не спрашиваютъ..., оглянитесь хоть на то же Спасское!... Сдѣлайте изъ этого голоднаго кроваваго пустыря честное убѣжище, чтобъ изъ него вышли дѣльные люди, готовые къ свободѣ...

— Еще ближе, дать ее сейчасъ, прервалъ Верховской.

— Да, ближе, и съ вида, пожалуй, даже великодушнѣе, а на дѣлѣ—скорѣе съ рукъ долой! Какъ жалко, вы не знаете народа. Кругомъ неволя, кругомъ безурядица, грабежи, притѣсненія, а вы бросите туда лишнюю горсть людей безъ правъ, безъ огражденія, забитыхъ, непонимающихъ... Свобода, такъ свобода для всѣхъ.

Она встала.

— Можетъ быть, и дождемся ея и вздохнемъ вольно всѣ вмѣстѣ!... А до тѣхъ поръ, съ Богомъ, безъ отговорокъ, за дѣло. Чтобъ не было больше этой праздной тоски, что жизнь пропадаетъ, никому ненужная: всегда найдется кому ее отдать. Не робѣйте, неблагодарно, стыдно. Это—будущее; оно будетъ расти у васъ на глазахъ. Трудиться за одно съ людьми, для того, чтобъ имъ сталъ понятенъ и милъ свѣтъ Божій,... начать новую жизнь, такую хорошую жизнь... сотни душъ большихъ и маленькихъ вздохнутъ по-человѣчески... забота о всякой бѣдной мелочи... Господи, это блаженство!

У нея градомъ покатились слезы.

— Спросите себя: что́-бы сказала ваша радость?...

— То, что́ она говоритъ..., прошепталъ Верховской, наклоняя голову почти до земли.

— Она-бы сказала: я съ тобой, я жива въ тебѣ, чрезъ тебя, я жива для другихъ!... Да, жива! Еслибъ вы знали... съ той минуты, какъ вы о ней сказали, я—другая, я на все готова, на работу, на нужду, я умерла бы охотно... Счастливецъ!...

— Счастливецъ!... повторилъ онъ.

Онъ вскочилъ, встряхивая головою, и убѣжалъ въ садъ...

— Подите сюда..., сказалъ онъ черезъ минуту, появляясь среди темноты.—Ни слова больше объ этомъ. Дайте отдохнуть.

Она подошла. Онъ, закрывая глаза, прижалъ ея руку къ своей горячей головѣ.

— Неправда ли, я сумасшедшій?... Вѣдь это все могло-бы быть...

— Что́?

— Вотъ, этотъ сонъ... Поздно!

— Что́ поздно? повторила она.

Онъ сжималъ до боли ея руку и молчалъ.

— Вотъ, что́ поздно, сказалъ онъ наконецъ, странно улыбаясь:—десять часовъ. Прощайте. Если вы думаете...

— Ну, да, приходите завтра, прервала она, не понимая, что̀ говоритъ.

Онъ вошелъ въ домъ. Она не пошла за нимъ и осталась, какъ стояла, оторопѣлая. Дверь стукнула, онъ уходилъ... Ей показалось, что она хотѣла еще что-то̀ сказать ему. Что̀? она не помнила. Она вдругъ, разомъ, все забыла. Яснѣе всего было это неожиданное поспѣшное прощаніе. Она посмотрѣла на свою руку, задумалась — и ничего не могла думать. Ничего... Это было какъ-то обидно.

Память воротилась, какая-то несвязная. Все, что такъ хорошо освѣтило, какъ-то отодвинулось, отхлынуло. Мысль, чувства, ощущенія, все видѣнное, слышанное, сказанное толпится, кружится безпорядочно, перемѣшано, неполно; хотѣлось бы думать, призвать ближе все это святое, безконечное, хотѣлось бы опять сладко заплакать... и нѣтъ возможности, и въ несчастную голову врывается именно то, что, полчаса назадъ, будто вовсе не существовало, томитъ, мучитъ какъ бредъ, пестро вертится въ глазахъ...

«Ледяное сердце... Сотня поклонниковъ...»

— Я въ жизнь мою не потѣшалась! сказала съ нетерпѣніемъ Катерина, будто защищаясь, отбиваясь отъ обвиненія, раздраженная, будто обвинители стояли передъ нею:—я не тратила моей души, не обманывала ни другихъ, ни себя... Женщина должна быть женщиной только для одного; для всѣхъ остальныхъ, она, просто—человѣкъ. Какую-же любовь я отдамъ милому, когда всю ее раздамъ по мелочи на встрѣчныхъ?...

И вдругъ ее охватила странная печаль... Туманъ, который наполнялъ ея голову все тяжелѣе, тяжелѣе спускался на сердце...

Ее спросили, счастлива ли она. Она сказала: вполнѣ!..

Вполнѣ-ли?... Живется легко; любима, независима...

Зачѣмъ повторяются тѣ же слова? Почему не подумались другія?...

Случайно, что ли, этимъ днемъ, вся жизнь прошла въ памяти. Тратить душу по мелочи—недостойная потѣха..., но какъ-то странно, ново, неожиданно, вдругъ выяснилось, вдругъ стало горько жаль, что много остается въ душѣ нераздѣленнаго, никому не отданнаго... Дѣлить съ другимъ это добро, которое тяготитъ и ломитъ, ища исхода; дать волю этому внутреннему свѣту, жизнью своей души живить другую душу... Быть для него женщиной и человѣкомъ, любовью безъ конца, опорой безъ об-

мана, самоотверженіемъ безъ оглядки, быть его страстью, быть его совѣстью...

— Женатъ!... сказала она громко, и охолодѣла...

III.

Верховской шелъ домой. Было ли темно, или въ глазахъ у него темнѣло, но онъ не видѣлъ дороги, даже сбивался съ нея, хотя она была и довольно пряма и довольно ему знакома. Что онъ чувствовалъ, онъ самъ не зналъ; онъ отдалъ бы все, лишь бы ему позволили воротиться, остаться... Онъ еще разъ повторилъ: «поздно!» но уже безъ отчаянія, безъ печали; онъ какъ-то забывалъ, что на свѣтѣ бываютъ печаль и отчаяніе. Онъ забывалъ все, что было, не думалъ, что будетъ; онъ слышалъ *ея* призывный, добрый голосъ и не помнилъ ни одного слова; онъ видѣлъ ее, ея сильную, строгую красоту, прелесть ея движеній, ея безгрѣшно сіяющіе глаза; она то шла впереди, шла съ нимъ объ-руку, то останавливалась и стояла, высокая, стройная, какъ въ ту минуту, когда онъ до земли преклонился передъ нею... Онъ шелъ какъ сумасшедшій, то спѣшилъ, почти бѣжалъ, будто крадучи уносилъ драгоцѣнность, то спокойно повторялъ себѣ, что этого блаженства никто не отниметъ, что оно—его, что онъ уступитъ его только съ жизнью...

Кругомъ стало что-то шумнѣе; проѣзжали экипажи; встрѣчались прохожіе. Верховской осмотрѣлся: широкая улица, большіе дома, гостинница. Онъ засмѣялся какъ школьникъ, котораго застали въ расплохъ.

— До завтра! Она сама позвала, сама придумала... А то, пожалуй, не рѣшился бы попросить позволенія придти. Вотъ было бы умно!

Онъ съ наслажденіемъ смѣялся надъ собою.

— До завтра. Съ утра? Невозможно. Ну, куда-нибудь дѣвать день; все равно... А вечеромъ...

Передъ нимъ былъ подъѣздъ гостинницы. На улицѣ стояли двѣ отпряженныя дорожныя кареты. Свѣтилось что-то много окошекъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, Верховской подумалъ, что охотно отдохнетъ.

— Имѣю честь поздравить, сказалъ корридорный, выбѣгая къ нему на встрѣчу:—ваша супруга изволила пріѣхать.

— Кто? переспросилъ Верховской.

— Ваша супруга и дѣтки. Еще не ложились, дожидались васъ.

Верховской какъ-то невольно взялся за перила.

— Уже часа три какъ пріѣхали. Номера рядомъ съ вашимъ. Онѣ приказали отворить къ вамъ дверь. Пожалуйте прямо.

Верховской ничего не слышалъ и шелъ не спѣша, не мѣшкая, не думая, не чувствуя. У него скользнуло въ умѣ, что такъ, должно-быть, люди идутъ на казнь. Впереди приготовлено что-то отвратительное, неизбѣжное, и тянетъ къ себѣ; въ тѣлѣ—ужасъ; въ душѣ—животная покорность... Онъ засмѣялся, не сладивъ отворить ручку двери. Лакей помогъ ему.

— Принесите мнѣ стаканъ воды, сказалъ Верховской, рѣшительно входя въ комнату.

Комната была большая, незнакомая, нѣчто въ родѣ гостиной; на столахъ горѣли лампы, и за ихъ шарами Верховской не сразу разглядѣлъ общество.

— Monsieur! сказалъ кто-то, увидя его.

Ему на встрѣчу встала молодая особа, вся въ черномъ. Верховской, молча, подалъ ей руку, вспоминая, что это m-lle Роше, гувернантка. Зачѣмъ же она въ черномъ? Онъ, должно быть, долго думалъ, потому что она напомнила:

— Voici madame.

— Гдѣ же это ты былъ, André? раздался голосъ Лидіи Матвѣевны.

Верховскому хотѣлось крикнуть ругательство.

— Здравствуйте, сказалъ онъ, подходя.

Лидія Матвѣевна, въ шелковой блузѣ, въ шали, заколотой опаловой брошкой подъ горло, въ крошечномъ батистовомъ чепчикѣ, подъ который были тщательно подобраны всѣ ея бѣлокурые волосы, разбиралась въ дорожномъ несессерѣ. Ее загораживалъ столъ, на которомъ еще оставался неубранный чайный приборъ. Черезъ столъ она перегнулась къ мужу; ихъ губы встрѣтились.

Подлѣ нея, на диванѣ, были маленькіе мальчикъ и дѣвочка; они встали и поклонились. Верховской наклонился и поцѣловалъ ихъ.

— Гдѣ же Элимъ? спросила по-французски Лидія Матвѣевна.

M-lle Роше вышла позвать его. Машинально глядя ей вслѣдъ, Верховской увидѣлъ еще особу, сидѣвшую на другомъ диванѣ, у лампы; передъ нею на столѣ была рабочая корзинка, рабочій ящикъ. Она вышивала англійскимъ швомъ такъ комфортно, такъ спокойно, какъ будто не совершила никакого путешествія, а только перемѣстилась изъ одной комнаты въ другую. Это была m-lle Annette Каруцкая, дочь вліятельнаго дядюшки.

— Bonjour, mon cousin, сказала она, привставъ и выказы-

вая свою стянутую талію, сотни оборокъ на платьѣ и концовъ чернаго бархата на головѣ и на плечахъ.

Верховской какъ-то обрадовался ея присутствію.

— Анна Петровна! сказалъ онъ такъ привѣтливо, какъ никогда съ ней не разговаривалъ:—какъ вы вздумали къ намъ?

— Annette ѣдетъ ко мнѣ, потому что ей нуженъ воздухъ, отвѣчала Лидія Матвѣевна. Но гдѣ же ты былъ до сихъ поръ, André?

— Гуллъ, отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой, будто хотѣлъ чѣмъ-то озадачить, мелькомъ поцѣловалъ своего старшаго сына и сѣлъ. Merci, mademoiselle, прибавилъ онъ, когда m-lle Роше передала ему принесенную воду и, также мелькомъ, на него взглянула. Скажите,—я боюсь спросить,—что́ случилось?...

— Мой отецъ умеръ, отвѣчала гувернантка, глядя на него ужъ пристальнѣе:—мой братъ идетъ драться съ вами. Я хотѣла оставить Россію, но средствъ нѣтъ.

— Война не мѣшаетъ намъ быть лично друзьями, сказалъ Верховской.

— Для этого нужно много силы характера съ обѣихъ сторонъ, возразила она серьезно: — и мое положеніе, какъ одинокое,—труднѣйшее....

— Ахъ, опять тоже! вскричала Лидія Матвѣевна:—вы мнѣ двѣ недѣли уши прожужжали! Обрадовались, что есть еще кому жаловаться! Кажется, ужъ соображено, разсчитано, что вы въ вашей прекрасной Франціи не найдете себѣ мѣста въ три тысячи франковъ; по-русски вы ни слова не понимаете, стало-быть, что́ говорится—вамъ все равно; положеніе ваше на милой родинѣ незавидное....

— Epargnez-moi les humiliations, madame, отвѣчала дѣвушка и отошла.

— Humiliations! повторила Лидія Матвѣевна и продолжала по-русски. Вѣтренница, какихъ на свѣтѣ мало! Право, обрадовалась, что есть передъ кѣмъ повертѣться, понимаютъ ее. Въ Москвѣ, вѣдь, пришлось ей цѣлые дни молчать, сидя въ гостинницѣ. Я ее прозвала «Нѣмая на Тверской...». Помните, Annette?

Annette оглянулась. Верховской молчалъ.

— Право, не до этихъ вздоровъ, продолжала Лидія Матвѣевна: — я удивляюсь, André, что ты ничего не скажешь? Вѣдь это странно. Точно ты вчера всѣхъ видѣлъ, точно ничего не было....

— Да что́ же было? сказалъ онъ:—Спасское тебѣ куплено, я писалъ.

— Да, наконецъ! И всѣ формальности кончены?

— Кончены.... Нѣтъ, еще не кончены. Я не ждалъ васъ такъ скоро.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Что́ же за скоро, помилуй? долго ли же еще мнѣ было кочевать въ Москвѣ? Ты здѣсь, я тамъ.... я сейчасъ провѣрила; это Богъ знаетъ что́! Я, наконецъ, захворала; тамъ такая жара, дѣти безъ уроковъ, и все это только потому....

— Я знаю почему, прервалъ онъ, продолжая ходить. Ты мнѣ писала.

— Я тамъ, у тебя, видѣла два моихъ письма нераспечатанныхъ?

— Можетъ быть.

— Но что̀ же это? Что́ еще не кончено?

— Полы не вымыты въ Спасскомъ, отвѣчалъ онъ и засмѣялся.

— Тамъ паркеты! вскричала она и вдругъ спохватилась:— что это за странности?

— Никакихъ странностей. Въ деревнѣ ни кола, ни двора.... А вы не находите, mesdames, что пора спать? двѣнадцатый часъ. Какъ по-вашему, по-столичному?

— Это Богъ знаетъ что̀! вскричала Лидія Матвѣевна. Что́ же тамъ такое, я спрашиваю? Вѣтромъ, что ли, унесло домъ, паркъ...

— Успокойтесь, все цѣло, и хоромы, и парки, и лабиринты. Извините, я спать хочу. Покойной ночи.

Онъ ушелъ въ свою комнату, повернулъ ключъ въ двери и, послышалось, шаркнулъ спичкой.

Лидія Матвѣевна была поражена; во всю жизнь она не видала такихъ выходокъ отъ своего супруга. Она не знала—удивляться ли, гнѣваться, или плакать? идти ли спать, или спросить ужинать? Она растерялась до того, что чуть не обратилась къ Annette, не разъяснитъ ли она это какъ-нибудь, но одумалась: всего обиднѣе, что это случилось при Annette. Размысливъ, Лидія Матвѣевна отослала спать дѣтей и m-lle Роше и, оставшись вдвоемъ съ кузиной, спросила ужинать. Это заняло довольно времени.

— Какъ здѣсь тихо, замѣтила, прислушиваясь, Annette: — неужели въ деревнѣ еще тише?

Лидія Матвѣевна была только однажды въ одной изъ своихъ деревень, но отъ скуки не прожила тамъ и недѣли. На вопросъ кузины она улыбнулась.

— Что̀-жъ дѣлать, сказала она. Приходитъ такой возрастъ,

что люди думаютъ не объ удовольствіяхъ, а о томъ, чтобы сберечь что-нибудь своимъ дѣтямъ.

Хотя отвѣтъ не приходился прямо къ вопросу, но Annette имъ удовлетворилась.

— Мы долго пробудемъ здѣсь, въ N? спросила она.

Этотъ вопросъ былъ щекотливѣе. Маленькіе глаза Лидіи Матвѣевны сверкнули.

— Вы слышали, я думаю; въ Спасскомъ еще не все готово, отвѣчала она съ пренебреженіемъ. А впрочемъ, André правъ: поздно; всѣ что-то бредятъ. Bonne nuit.

Она быстро встала. Верховской, который не ложился, слышалъ все, что происходило, весь шумъ ходьбы и успокоенія. При женѣ, дѣтяхъ и кузинѣ были три горничныя; при двухъ каретахъ, въ которыхъ все это пріѣхало, при громадной поклажѣ, было два лакея; возни было много. Верховской не позаботился о помѣщеніи и ужинѣ прислуги, а потому слышалъ, какъ Лидія Матвѣевна еще два раза приходила въ гостинную, распоряжалась, приказывала, сердитая, усталая. Онъ растворилъ окно и курилъ въ потьмахъ, глядя на улицу.

У него въ душѣ была отвратительно холодная, тупая, нелѣпая злость, слишкомъ хорошо знакомая, тысячу разъ испытанная, томящая, унижающая; злость, въ которой человѣкъ стыдится взглянуть на себя, готовъ съ радостью умереть и готовъ хохотать всякой пошлости....

— Вотъ и дождался! сказалъ онъ себѣ, даже вслухъ, сквозь сигару. Итакъ, завтра, послѣ-завтра, до скончанія вѣка!...

Въ комнатахъ кругомъ, наконецъ, притихло. Тишина еще больше внушаетъ мысль, что надо рѣшиться, дѣйствовать, иногда заставляетъ одуматься, чаще наводитъ на несообразныя предположенія, погружаетъ въ горячечный сонъ на яву.... Верховской отошелъ отъ окна, зажегъ свѣчу и сѣлъ писать письмо.

Онъ не затруднялся, не рвалъ бумаги. Онъ досказывалъ то, что, три часа назадъ, не высказалъ словами: всю свою исторію съ ея прозаическими подробностями. Мучась тѣмъ, что довѣрялъ, онъ не задумывался, кому довѣряется. Это существо всесильное; оно должно все разрѣшить; какъ — оно должно само знать. Письмо было постыдная исповѣдь, отчаянная мольба. Исповѣдуясь, молясь, люди заботятся о себѣ, а не о божествѣ...

Дверь стукнула, Верховской вскочилъ; не ловко ли онъ ее заперъ, или дурной замокъ уступилъ толчку, но она отворилась. Вошла Лидія Матвѣевна. Она была вся въ бѣломъ, въ чепчикѣ, худая, блѣдная.

— Я увидѣла у тебя огонь. Ты не спишь?

Верховской бросилъ бѣлый листъ бумаги сверхъ исписаннаго.

— Ты не ложился? продолжала Лидія Матвѣевна.

Онъ не отвѣчалъ.

— Для чего-жъ ты сказалъ, что хочешь спать?

Верховской молчалъ. Она ждала. Онъ отошелъ, прошелся нѣсколько шаговъ, воротился, закурилъ, заложилъ руки въ карманы и опять зашагалъ по комнатѣ.

— Я хотѣлъ быть одинъ, сказалъ онъ наконецъ.

— Зачѣмъ?

Онъ, проходя, увидѣлъ въ длинномъ зеркалѣ ея бѣлую фигуру и перемѣнилъ направленіе своей прогулки.

— Ты, кажется, довольно пробылъ одинъ.

Отвѣта опять не было. Лидія Матвѣевна сѣла на мѣсто оставленное мужемъ, и положила руку на бумаги. Верховской подошелъ, собралъ эти бумаги, сунулъ въ столъ, заперъ и опустилъ ключь въ карманъ.

— Что̀ это, André? Ты писалъ?

— Я грамотный, сказалъ онъ.

— Я, кажется, имѣю право знать!

— Что̀ такое?

— Что ты пишешь, что дѣлаешь, однимъ словомъ—все!

— Какое-жъ это право? спросилъ онъ, остановясь.

— Я твоя жена.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее. Онъ какъ будто провѣрялъ, довольно ли твердо помнитъ эти сухія черты, этотъ взглядъ не глубокій, не пронзительный, но острый, безпокоящій, не глупый, не лукавый, не кокетливый, но вѣчно обидно подозрительный. Въ эту минуту она даже имѣетъ право подозрѣвать. Она напомнила о своихъ правахъ просто, безъ выраженія, даже безъ всякаго чувства, какъ о чемъ-то изъ домашняго обихода; мелькнуло развѣ что-то тоже въ родѣ обидчивости, какъ является у иныхъ женщинъ, когда противорѣчатъ ихъ хозяйственнымъ распоряженіямъ... Верховской усмѣхнулся.

— Чему ты смѣешься?

— Смѣшно, сказалъ онъ.

— Андрей Васильевичъ, эти комедіи очень глупы и я выносить ихъ не стану. Этого никогда не бывало, это ни на что̀ не похоже. Что̀ вы сейчасъ дѣлали при Annette? Вѣдь вы знаете, что такое Annette; интригантка, сплетница; она навязалась сюда ѣхать, чтобъ подсматривать... Впрочемъ, я очень рада, что есть свидѣтели. Если такъ продолжится... Вы и не ожидаете, что̀ будетъ!

Онъ продолжалъ ходить.

— Андрей Васильевичъ!

Она вскочила съ мѣста.

— Андрей Васильевичъ, я не дѣвочка, не ребенокъ, я не позволю надъ собой издѣваться, вы въ моихъ рукахъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Боже мой... Нѣтъ, должна быть причина!

Онъ былъ близко, она бросилась ему на шею.

— André, André, поклянись, что ты меня любишь!

— Нельзя ли не на весь домъ? сказалъ Верховской.

— О, такъ, знаю: у тебя есть любовница!

— Тьфу! вскричалъ онъ, вырываясь.

— О, нѣтъ, это ужасно, я этого не перенесу, я тебя погублю! Да! я уѣду въ деревню и живите какъ знаете! закричала она внѣ себя. Сію минуту напишу дядѣ .. на ваше мѣсто охотниковъ много! дядя только скажетъ слово и вы ни въ одномъ министерствѣ мѣста не найдете! Попробуйте, побѣгайте, покланяйтесь! Попробуйте, проживите! Человѣкъ, который забылъ все... я отомщу, я тебя уничтожу! Ты не умѣлъ меня цѣнить, такъ, клянусь Богомъ — на тебѣ не было рубашки, я тебя пущу съ сумою... Говори, гдѣ ты былъ сегодня? У нея? Къ кому ты писалъ? Подай мнѣ ключъ! Подай, я буду кричать... эй, люди!.. Кто здѣсь губернаторъ, полиціймейстеръ... пусти!

Она была ужъ у двери. Верховской подхватилъ ее на руки и положилъ на диванъ.

— Лидія, сказалъ онъ:—я тебѣ совѣтую замолчать; это можетъ дурно кончиться...

— Дурно? дурно? кричала она въ изступленіи, вскочивъ на колѣняхъ на диванъ, путаясь въ своемъ платьѣ, хватаясь за мужа. Дурно? ты грозишь? Такъ клянись мнѣ...

Она разорвала свой капотъ и вытащила цѣпочку съ крестомъ.

— Клянись мнѣ дѣтьми, клянись мнѣ Богомъ, что у тебя нѣтъ любовницы!

— Ну, клянусь, если это можетъ тебя успокоить...

Она сунула крестъ къ его губамъ и упала ему на грудь.

— André, я жена твоя...

Верховской не зналъ что́ дѣлать. Слезы, конвульсіи были не притворны. Онъ уложилъ ее, вылилъ ей на голову все, что было одеколона, ухаживалъ. Бѣшенство укротилось; оставалось выносить нѣжности.

— André, я тебя обожаю. Ты долженъ помнить, что я тебѣ не измѣняла; случаевъ было довольно: я молода, я окружена. Ты долженъ помнить, что ты мой. Съ твоей стороны это была

бы неблагодарность, низость. Чего тебѣ недостаетъ? Кто тебѣ все доставилъ? И ты мнѣ такъ заплатишь?... Будь увѣренъ, что тебѣ это такъ не пройдетъ. Я тебя обожаю, я на все готова. Вотъ, стаканъ съ водой, — я бы тебѣ яду налила, клянусь! А эту женщину... ахъ, дурно... на площадь ее, къ позорному столбу! André, incomparable, царь мой, знаешь-ли что, я тебя устроила? я шла тебѣ разсказать... Но какъ-же ты меня встрѣтилъ? жена воротилась, а ты... гдѣ ты былъ? Гдѣ ты былъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Гулялъ, былъ у знакомыхъ, отвѣчалъ одурѣлый Верховской.

— У тебя много здѣсь знакомыхъ?

— Очень много.

— Не дрянь какая-нибудь?

— Вся аристократія.

— Неужели? André, adorable, душка! Видишь, какая я; у меня одна минута... Ну, послушай. Ты не писалъ. Я измучилась въ Петербургѣ двѣ недѣли! я сказала дядѣ Александру Дмитріевичу, au gros bonhomme le général... Ему ленту дали,— знаешь?... что подозрѣваю тебя, что убѣждена — и теперь есть что-нибудь, и прежде было... ну, j'étais folle! Я его просила, и онъ мнѣ далъ слово... мнѣ вѣдь нѣтъ отказа!... что если я ему напишу, онъ настроитъ l'oncle Pierre Каруцкій, и тебя сейчасъ въ отставку; это рѣшено и ужъ приготовлено. Я не вытерпѣла, сама попросила l'oncle Pierre. Если-же нѣтъ... вообрази, что онъ придумалъ, божественный, что онъ дастъ тебѣ командировку сюда, въ N, для собранія свѣдѣній... постой, c'est drôle... я забыла какихъ: статистическихъ, хореграфическихъ... Eh bien, je n'y suis pas! Тебѣ бумагу пришлютъ. И живите здѣсь, богъ мой, милашка, сколько хотите; чѣмъ больше, тѣмъ лучше: жалованье—твое, и еще три рубля суточныхъ; c'est joli. А дѣло— только иногда здѣсь въ судахъ спросить... Ну, не знаю. Будешь сюда пріѣзжать для этого изъ Спасскаго, а то и совсѣмъ можешь не безпокоиться; это только одна формальность...

— Для меня служба не одна формальность, возразилъ Верховской.

— Ну, пожалуй! Видишь, какая я добрая, тотчасъ соглашаюсь. Ѣзди сюда, я буду пріѣзжать съ тобой. Вотъ тутъ будемъ останавливаться. Это славная комната. Непремѣнно буду брать ее. Она мнѣ будетъ памятна, я въ ней счастлива. Я тебя люблю... Comme tu es toujours joli garçon, André! Барыни, я думаю, здѣсь отъ тебя съ ума сошли, а онъ,—toujours tendre et fidèle своей Лидинькѣ. Ну, цѣлуй крѣпче! Ты мнѣ, сдѣлай

милость, не балуй Роше: дура; je l'abomine; не толкуй съ ней о разныхъ разностяхъ; эти премудрыя—наказаніе Господне. Но, вотъ, Annette. Это, André, какъ хочешь,—она за тѣмъ и пріѣхала, — ты обязанъ для дяди Pierre найти ей жениха; онъ для тебя такъ много дѣлаетъ, — и суточныя, — ты обязанъ. Сдѣлай одолженіе, чтобъ мнѣ не отвѣчать предъ моими родными... Dieu sait comme je t'aime! Ахъ, нѣтъ ничего лучше ссоры,—слаще потомъ! Вѣдь это у насъ первая ссора, André?.. Ну, положимъ, бывали...

Она захохотала и бросилась ему на шею.

— Бывали, но только не за *это*... Ахъ, но *это*... André, André, я холодѣю, когда вспомню... Поклянись, поклянись...

— Я ужъ клялся..., выговорилъ онъ, отклоняясь.

Разсвѣтало, когда Верховской отвелъ Лидію Матвѣевну, наконецъ, совсѣмъ успокоенную, къ ней въ комнату. Онъ воротился къ себѣ, чуть не сломалъ замка, запираясь, и кинулъ въ открытое окно стаканъ остававшійся на столѣ. Что съ нимъ было, онъ не понималъ; что было кругомъ, онъ не видѣлъ. Онъ упалъ въ кресла, головою и руками на столъ. Спалъ онъ или не спалъ,—онъ не зналъ, долго-ли—не помнилъ; онъ не слыхалъ ни звона колоколовъ, ни ѣзды подъ окнами, ни ходьбы по коридору, встрепенулся на какой-то незначительный шорохъ, вскочилъ, взглянулъ на часы, не замѣтя часа, схватилъ шляпу и выбѣжалъ на улицу.

IV.

Madame Волкарева грустно и одиноко гуляла по бульвару; съ восьми часовъ она обошла его уже не разъ и повернула въ примыкавшій къ нему городской садъ. Тамъ густо разрослись клумбы жимолости и сирени, начинавшей зацвѣтать, и подъ ихъ тѣнью были скамейки, гдѣ могли отдыхать гуляющіе. Но только воробьи, скача по чисто выметеннымъ дорожкамъ, любовались на щегольской утренній туалетъ губернаторши; только зефиры шептались съ нею, перелетая по вѣтвямъ и играя ея розовымъ вуалемъ. Лѣсичевъ, которому наканунѣ съ вечера было приказано явиться на прогулку, не имѣлъ привычки подниматься такъ рано, и m-me Волкарева, утомленная, уже намѣревалась отправиться домой, когда вдали, подъ навѣсами жимолости увидѣла кого-то сидящаго. Неожиданное часто бываетъ пріятнѣе нежели условленное. M-me Волкарева подошла, сама замѣчая легкость своей неслышной походки.

— М-г Верховской, вы-ли это? воскликнула она.

Онъ поднялъ голову. М-me Волкарева или кто другой, все равно,—онъ былъ радъ, счастливъ, что увидѣлъ человѣка; онъ даже поцѣловалъ ея перчатки, между тѣмъ какъ она вспоминала, что на одной недоставало пуговицы.

— Боже мой, что̀ съ вами? Давно-ли вы изъ деревни?

— Сегодня.... вчера.... Моя жена пріѣхала.

— Въ самомъ дѣлѣ?... Поздравляю! протяжно прибавила она, всматриваясь въ него и не отнимая своей руки, которую онъ, забывшись, не выпускалъ. Но что̀ съ вами, ради Бога? Нездоровы?

— Да, боленъ; не спалъ.... Моя жена пріѣхала.

— Вы сказали....

— Да.... Какъ это вы здѣсь? я не думалъ....

— Что меня увидите?

— Да....

— Развѣ вы ужъ уѣзжаете сегодня? Ваша жена спѣшитъ въ деревню?

— Она? да.... Нѣтъ, въ Петербургъ.

— Вы?...

М-me Волкарева была такъ изумлена, что Верховской нѣсколько очнулся.

— Я все путаю, сказалъ онъ. Да, можетъ быть, я поѣду.... Еще не знаю.

М-me Волкарева сѣла подлѣ него.

— Какіе прекрасные дни были, сказала она, послѣ нѣкотораго молчанія, задумчиво, слегка вздыхая, и вмѣстѣ достаточно равнодушно, чтобы можно было принять это и за простой разговоръ о погодѣ. И не возвратятся!... А мы мало видѣлись, не правда ли? прибавила она.

— Да.

— Такъ васъ увозятъ сегодня?

Верховской всталъ. Она сдѣлала видъ, что не обращаетъ вниманія.

— Я хочу быть въ деревнѣ у васъ. А вы,—хотите?

— У меня? странно сказалъ онъ.

— У васъ, повторила m-me Волкарева, слегка краснѣя отъ удовольствія. Что-жъ вы удивились? Лѣса, поля.... это еще лучше города. Когда ваша жена познакомится со мною? Она, конечно, будетъ у меня?

Верховской думалъ свое и почти не слышалъ.

— Глупыя приличія, заговорила m-me Волкарева, послѣ небольшого прекрасно исполненнаго колебанія, достойнаго болѣе

внимательнаго зрителя.—Но когда чувство выше предразсудковъ... Не будетъ странно, если я первая приду къ вашей женѣ?

— Сейчасъ? вскричалъ Верховской.

— Хоть сейчасъ, если это можно. Съ вами....

— Неужели? Какъ вы добры! Вы сдѣлаете для меня....

— Bien peu de chose! сказала она, грустно улыбаясь. Вы, стало быть, не знаете, какъ женщины бываютъ добры. Дайте вашу руку, пойдемте.... Вы не противъ того, чтобъ наша компанія прибавилась? спросила она, увидя Лѣсичева въ концѣ аллеи:—мнѣ бы хотѣлось взять его съ нами.

Верховской былъ на все ссгласенъ. Всякій лишній посторонній былъ для него будто лишній защитникъ; всякое обстоятельство, всякая случайность хоть на минуту дѣлали перерывъ мученію, хоть разнообразили мученіе.... Можетъ быть, это посѣщеніе и поведетъ къ чему-нибудь; во всякомъ случаѣ, задержитъ въ городѣ на день,—можетъ быть, на два. А въ теченіе двухъ дней.... Но и въ это самое утро, покуда всѣ будутъ заняты....

Онъ дружески поздоровался съ Лѣсичевымъ, не замѣчая, что тотъ ужъ слишкомъ наблюдательно въ него вглядывался. Въ послѣднее время, веселость Лѣсичева «куда-то затерялась», какъ опредѣлила m-me Волкарева, но въ это утро онъ былъ въ духѣ какъ будто нарочно, въ противоположность разсѣянности Верховского, который не отзывался даже и тогда, когда шутки не совсѣмъ ловко касались его самого. М-me Волкаревой это было очень непріятно, но вмѣшаться было невозможно. Лѣсичевъ самъ чувствовалъ, что шутитъ не просто, что въ немъ шевелится злость; онъ помнилъ, что выдалъ Верховскому въ припадкѣ откровенности тайну своей любви, и предполагалъ, что ему извѣстна и тайна неудачи. Лѣсичевъ не прощалъ этого себѣ и, слѣдовательно, Верховскому. Къ тому же, Верховской явно выдавалъ тайны своихъ собственныхъ неудачъ, посерьезнѣе, — слѣдовательно, представлялся случай поквитаться насмѣшкой....

Верховской пошелъ впередъ на лѣстницу гостинницы, забывшись и оставивъ m-me Волкареву; Лѣсичевъ предложилъ ей свой локоть.

— За вами не поспѣешь, Андрей Васильевичъ, сказалъ онъ, смѣясь. На крылахъ любви! Впрочемъ, супружеская, кажется, безъ крыльевъ. Вотъ, мнѣ такъ приходится читать.... какъ это? «Не пожелай жены ближняго....». Помните, мы съ вами говорили?

Верховской помнилъ только, какъ вчера вечеромъ онъ всходилъ по этой лѣстницѣ....

— Встали? спросилъ онъ.

— Приказали готовить чай.

Верховской отворилъ дверь «гостинной». Прямо напротивъ, вырѣзаясь на свѣтъ оконъ, стояла тонкая, граціозная женская фигура; она была одна. Лѣсичевъ вытаращилъ глаза; m-me Волкарева шла съ привѣтствіемъ, вдругъ почему-то затруднилась, сконфузилась и вздохнула свободнѣе, когда Верховской сказалъ:

— Ayez la bonté, mademoiselle, de prevenir ma femme.

M-lle Роше вышла. Верховской попросилъ садиться.

— Charmante! воскликнулъ Лѣсичевъ: — это ваша гувернантка? Нѣтъ ли еще кого-нибудь?

— Есть кузина моей жены.

— Такая-же хорошенькая? Сколько-же ихъ у васъ, хорошенькихъ?

— Дочь Петра Михайловича Каруцкаго? значительно спросила m-me Волкарева, укрощая это неумѣстное оживленіе.

— Да, отвѣчалъ Верховской.

Волненіе, съ которымъ онъ нѣсколько совладѣлъ, поднималось въ немъ снова; ему было стыдно, гадко, смѣшно. За затворенной дверью слышался шорохъ, бѣготня, шептанье....

— Извините, я скажу самъ...., выговорилъ онъ и вышелъ.

Лидія Матвѣевна чуть не упала въ обморокъ, получивъ первое извѣстіе, что ея супругъ привелъ какую-то барыню. При второмъ, положительномъ свѣдѣніи, что эта барыня — N-ская губернаторша и съ нею—первый чиновникъ особыхъ порученій и первый N-скій танцоръ,—опасность обморока обратилась уже на горничныхъ. Всѣ три были призваны въ одно мгновеніе разметать дорожные баулы и совершить туалетъ Лидіи Матвѣевны, начиная отъ туфель до серегъ. Торопясь, Лидія Матвѣевна не имѣла привычки портить свои наряды и только бросала чѣмъ случалось въ голову, кому случалось. На этотъ разъ, дѣйствія не сопровождались словами: Лидія Матвѣевна помнила, что въ гостинницѣ тонкія стѣны.

Annette, оставленная всѣми, изъ другой комнаты призывала m-lle Роше. Лидія Матвѣевна приказала гувернанткѣ переодѣть дѣтей.

— Не съ перваго же дня вѣшаться на шею женихамъ..., прошептала она, толкнувъ между тѣмъ горничную, которой это было сказано: — Лизавета, вѣдь и отсюда въ вятскую деревню есть дорога!.... — André, душка, душка, mercі pour le plaisir! Но какъ-же было, въ самомъ дѣлѣ, меня не предупредить? Сейчасъ, сейчасъ, я готова.... Ну, любуйся на жену!.... Вѣдь дуры всѣ, эти провинціалки?...

Верховской взглянулъ на нее и растерялся.

— Накинь шаль...., сказалъ онъ.

— Ахъ, да, будто съ дороги.... Ce sera du chic!

Она завернулась, но не въ дорожную, а въ тысячную шаль и, волоча ее концомъ по полу, стремительно распахнула дверь въ гостинную.

— Excusez-moi, madame.... Mon mari m'a tant parlé de vous.... dans toutes ses lettres.... Si je le croyais capable d'une infidélité....

Трескъ выходилъ оглушительный. M-me Волкарева не уступала въ любезности. Лѣсичевъ былъ представленъ. На него нашелъ вдругъ припадокъ скромности; онъ не говорилъ ни слова, не отводя взоровъ отъ Лидіи Матвѣевны, и потупляя ихъ, когда она ему улыбалась. Верховской терзался. Уйти не было возможности.

— Какъ хорошо начался день, томно говорила m-me Волкарева:—я пью во́ды....

— Ah, je suis donc aussi souffrante!

— Я такъ была удивлена, встрѣтивъ вашего мужа....

— И такого озабоченнаго, подсказалъ вдругъ Лѣсичевъ.

— Ахъ, André всю ночь ухаживалъ за мною; онъ не можетъ выносить если что́-нибудь.... Вотъ, и сейчасъ — закуталъ меня. Что́-жъ дѣлать—покоряешься деспотизму!

— Un despotisme si doux, добавила m-me Волкарева.

— О, но только въ этомъ, поспѣшила прибавить Лидія Матвѣевна: — если я хочу чего-нибудь.... Ахъ, я вамъ покажу моихъ дѣтей!

Лѣсичевъ боялся дѣтей и сдѣлалъ-было движеніе за шляпой; но при дѣтяхъ есть гувернантка....

— André.... Chère madame, не хотите ли чаю? Ахъ, снимите шляпку, я такъ рада....

— Если позволите....

Онѣ поцѣловались.

— André, прикажи и пришли Annette; пусть она приведетъ дѣтей и сдѣлаетъ чай.

Верховской пошелъ.

— Повинуется! сказалъ вслѣдъ Лѣсичевъ.

— Ахъ, онъ всегда....

— На этотъ разъ, кажется, что-то неохотно.

— Почему? Что́ вы находите?....

— Я нахожу, что вашъ супругъ сегодня очень разстроенъ.

— Онъ мнѣ говорилъ, вступилась m-me Волкарева: — онъ нездоровъ.

— Eh, quelle idée, онъ вѣчно здоровъ!

— Онъ просто не въ духѣ, сказалъ Лѣсичевъ.

— Ахъ, онъ всегда такой!

Верховской все слышалъ изъ корридора. Ему хотѣлось задушить Лѣсичева. Долго ли это продолжится?

— Всю жизнь! отвѣчалъ онъ себѣ вслухъ.

Посторонніе, чужіе, всякій судитъ, всякій лѣзетъ, куда его не спрашиваютъ.... Такъ вотъ что́ такое его жизнь со стороны, на свѣжіе глаза. *Тамъ*, — въ омутѣ, гдѣ все началось, — ужъ присмотрѣлись къ ней, привыкли. Здѣсь, все сейчасъ подмѣтили, поняли,—станутъ, пожалуй, доискиваться причинъ.... Ужъ замѣтили въ немъ перемѣну. Стало-быть, въ самомъ дѣлѣ, онъ за это время, этими днями, вчера,—былъ человѣчнѣе?... Вчера!...

Что́ же дѣлать? Какъ отвести эти посторонніе глаза? чѣмъ заткнуть рты, чтобъ не смѣли смѣяться? Лучше, что́-ли, эти люди, и сами, на мѣстѣ бѣдняка, не сдѣлали бы того-же?... Искушеніе! Да вы-то,... ты-то, франтикъ, провинціальный левъ, губернаторшинъ прислужникъ, устоялъ ли бы ты? Ты такой-же... ты хуже, и у тебя все-таки нѣтъ ничего! На́, полюбуйся, грызи себѣ кулаки... Ты, кажется, воображалъ себя «выгодной партіей»...

Задыхаясь, Верховской позвалъ людей и торопилъ, распоряжался. Чрезъ полчаса, въ гостинной накрывали столъ тончайшимъ бѣльемъ, явился фарфоръ, хрусталь, массивное серебро. Лидія Матвѣевна узнала свое богатство, выложенное изъ бауловъ, и обратила вопросительный взглядъ на входившаго мужа.

— Я спросилъ позавтракать, сказалъ равнодушно Верховской.

Ея взглядъ вспыхнулъ восторгомъ. Она уже не стала дожидаться Annette и засѣла сама за серебрянный самоваръ, роняя изъ рукъ ложки, гремя чашками и размѣряя чай крупинками.

— Ты проголодался, André? спросила она шутливо, подавая ему стаканъ.

Верховской поблѣднѣлъ; онъ не сообразилъ, что́ ему напомнитъ эта комедія... Ему показалось, что m-me Волкарева взглянула на него съ состраданіемъ. Онъ отвернулся, чтобъ дать ей возможность кушать покойно, и взглянулъ мелькомъ въ зеркало. «Ничего, еще презентабеленъ», подумалъ онъ и усмѣхнулся.... Къ нему воротилось сознаніе. Вся эта кутерьма, эти люди, ихъ рѣчи, все становилось отчетливѣе. Его собственное положеніе между ними стало ясно. Холодная тоска набѣгала въ душу; отчаяніе угасло, тревога улеглась; тишина мертвая и чужіе, противные голоса раздаются будто сверху, изъ-за рыхлой насыпи...

Вотъ, ласкаютъ и хвалятъ его дѣтей. Къ нему не обращаются ни съ однимъ словомъ... и хорошо дѣлаютъ...

— Элимъ, Анатоль, Валентина, повторяла m-me Волкарева за Лидіей Матвѣевной: mais c'est délicieux, c'est poétique!

— Хоть сейчасъ въ романъ, сказалъ Верховской.

Никто не отозвался, будто не слышалъ. Говорили, не умолкая. Лѣсичевъ былъ что-то очень любезенъ, ѣлъ съ аппетитомъ, смѣялся, смѣшилъ. Считались знакомыми, нашлись какіе-то общіе; ихъ вспоминали, расхваливали, разсказывали, хохотали. Наконецъ, вошла очень нарядная m-lle Annette. M-me Волкарева встрѣтила ее уже какъ старая знакомая Лидіи Матвѣевны, поцѣловалась, объяснила, что въ провинціи не церемонятся, и, мило смѣясь ея незнанію провинціальныхъ обычаевъ, выставила ее молоденькой, неопытной, чуть не пансіонеркой. Это было сдѣлано съ такой искусной простотой, съ такой деликатной грубоватостью, что петербургская дѣвица, хотя съ непривычки и не поняла вдругъ, но почувствовала себя пріятно. M-me Волкарева тотчасъ же рекомендовала ей Лѣсичева и завела рѣчь объ N-скихъ увеселеніяхъ. На первомъ планѣ было послѣднее событіе— прелестный военный балъ; пересчитывались чуть ли не всѣ его свѣчки.

— Какъ всѣ жалѣли, что васъ недоставало! восклицала m-me Волкарева: вотъ мужъ... Mais, mon Dieu, c'est alors qu'il était maussade! Онъ просто, погубилъ праздникъ для меня и для себя... Помните, m-r Верховской, вы, говорятъ, тамъ гдѣ-то спали?

— Не помню, отвѣчалъ Верховской.

— Первая и единственная наша ссора, продолжала она, бросивъ ему взглядъ, исполненный чувства. Надѣюсь, вы будете послушнѣе...

— Конечно, отвѣчалъ онъ.

— Какъ, André, и будешь танцовать?

— Можетъ быть.

— Ну, ужъ извини, я не позволю! Въ твои лѣта, въ твоемъ положеніи... «Анна» на шеѣ, и прыгать со всякой дѣвчонкой...

Лѣсичевъ говорилъ съ кузиной и слушалъ однимъ ухомъ.

— Я не знала, что вы décoré, тихо сказала m-me Волкарева.

— Какъ? онъ и не надѣвалъ ордена? вскричала Лидія Матвѣевна.

Верховской всталъ, утомленный. Поняла ли его m-me Волкарева, или нашла, что пора уходить, но она встала тоже. Прощаніе грозило быть очень долго.

— Mais, enfin, chère madame Верховской, не уѣзжайте такъ скоро; проведемъ весь день вмѣстѣ; позвольте прислать мой экипажъ, и, вотъ, мы всѣ, отобѣдаемъ у меня, а вечеръ...

Она значительно пожимала руку Annette.

— Вечеръ — танцуемъ! я устрою.

— Ахъ, божественно! вскричала Лидія Матвѣевна, всплеснувъ ручками.

— Но если мужъ запретитъ танцовать? вмѣшался Лѣсичевъ.

— Quelle folie! прервала m-me Волкарева, нѣсколько строго... Ахъ pardon, chère madame Верховской; вѣдь вы — рожденная Зурова?

— Нѣтъ, это мой дядя... дядя André, генералъ Зуровъ, тамъ... въ комитетѣ.

— Такъ напишите ему, m-r Верховской... у меня будетъ просьба...

— Извините, прервалъ Верховской — все что́ касается генерала Зурова, — дѣло... ея.

Онъ указалъ на Лидію Матвѣевну.

— О, мнѣ онъ ни въ чемъ не откажетъ! Tout ce que je veux...

Онѣ наконецъ простились. Верховской взялъ шляпу.

— Ты куда-же? спросила Лидія Матвѣевна.

— Проводить ихъ, сказалъ онъ, спѣша выдти.

У него упало сердце; онъ не зналъ какъ дожилъ до этой минуты, истомился; не было силъ идти. Онъ прислонился къ стѣнѣ, въ корридорѣ,—отдохнуть, выждать, чтобъ подальше ушли гости. Но онъ все-таки поторопился и недовольно промѣшкалъ: m-me Волкарева и Лѣсичевъ только что вышли на улицу.

— Ah, vous voilà! Проводить меня? Mercì; пойдемте.

Это было ужъ слишкомъ...

— Нѣтъ. Я такъ сказалъ Лидіи, но... не говорите ей, прошу васъ... Мнѣ нездоровится...

— Посовѣтуйтесь съ врачемъ! вскричала m-me Волкарева

— Я сейчасъ это сдѣлаю. До свиданія.

Онъ сѣлъ на дрожки и уѣхалъ.

— Venez dîner! прокричала ему вслѣдъ m-me Волкарева. Бѣдный, онъ страдаетъ.

— Можетъ быть, только не хвораетъ, сказалъ Лѣсичевъ.

— Ахъ, Боже мой, еще что́?

— Любопытно, къ какому врачу онъ отправился. Въ той сторонѣ ни одинъ не живетъ.

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ... Нѣтъ, онъ точно боленъ, но боится испугать жену.

— Она ничего не испугается, возразилъ Лѣсичевъ.

— Это премилая женщина...

Лѣсичевъ слегка поклонился.

— Она его обожаетъ...

— Онъ ее боготворитъ.

— Это такая счастливая пара...

— Марья Васильевна! вскричалъ Лѣсичевъ: да вы-то изъ-за чего играете комедію?

— Vous êtes fou, je crois, Лѣсичевъ.

— Нѣтъ, я не удивлюсь, если этотъ счастливецъ взбѣсится! Впрочемъ, подѣломъ...

— Laissons cela, je vous prie. Надо бы устроить вечеръ въ клубѣ... Какъ вамъ нравится m-lle Каруцкая?

— Кто?... Вы, я думаю, знаете, что я боюсь уродовъ.

— Вы недурно сдѣлаете, если будете говорить о ней осторожнѣе.

— Почему?

— Это — mademoiselle Каруцкая.

— Ну, и Господь съ нею.

— Лѣсичевъ, когда вы будете благоразумны?...

— Марья Васильевна, вы хотите меня женить? Ради Господа, погодите! Дайте налюбоваться на счастливыхъ... Кузины, вѣдь, ягодки съ одной вѣточки...

— Съ чего вы взяли? Нисколько не похожи, ничѣмъ...

— Вы говорили, что m-me Верховская — милая женщина.

— Перестаньте!... Безъ шутокъ: надо думать о будущемъ...

— Я безъ шутокъ думалъ, Марья Васильевна, отвѣчалъ Лѣсичевъ серьезно. Вы это знали.

— Ну, что́-же, и послѣ глупаго отказа у васъ такъ мало самолюбія...

— Позвольте, Марья Васильевна! самолюбіе въ сторону... и любовную досаду тоже въ сторону: я знаю, вы о ней сейчасъ заговорите. Я чувствую теперь, что это была не шутка. Прошу васъ, не записывайте меня въ несчастные, не ахайте. Я, можетъ быть, когда-нибудь и женюсь, но если я кого-нибудь въ жизни любилъ, такъ, это... все ее-же.

— Лѣсичевъ, nous en causerons.

— Нѣтъ. Это — въ первый и послѣдній.

— Знаете... Нѣтъ, вы не знаете... заговорила, m-me Волкарева, запинаясь и загадочно. Но еслибы вы знали... вы бы, можетъ быть, были довольны что это... не состоялось...

— Почему?

— Я, по крайней мѣрѣ, за себя довольна, что мое участіе въ этомъ было не велико...

— Что́ это такое?

— Не моя тайна.

— Можетъ быть, тайна Верховского? вскричалъ Лѣсичевъ, смѣясь, взволнованный.

— Верховского?... Eh, quelle idée! совсѣмъ другого рода... Верховской... Ка́къ вамъ пришло въ голову; они едва ли знакомы. Войдите, поговоримъ...

Но Лѣсичевъ откланялся, взведя ея превосходительство на крыльцо ея дома.

Этотъ день былъ праздникъ. Маша рано поднялась и, помня, что Катеринѣ хотѣлось въ поле, пришла звать ее. Катерина спала одѣтая, какъ была, наканунѣ; свѣча подлѣ нея догорѣла, но не было ни книги, ни работы, ничего, чѣмъ бы, можно предположить, она занималась. Было видно, что она бросилась на постель очень усталая; она спала крѣпко, хоть тревожно. Машѣ стало жаль ее будить, потомъ, глядя на нее, Богъ знаетъ почему, стало какъ-то жаль ея самой. Лицо Катерины, какъ бо́льшая часть правильныхъ лицъ, во снѣ казалось печально. Блѣдная, она притихла какъ надломленная, покорно сложила руки, безпомощно наклонила голову... У Маши не стало силъ смотрѣть на нее долго; она ушла осторожно и умоляла няньку не безпокоить барышню. Утро проходило. Къ Машѣ пришли родные и увели ее къ себѣ. Нянька соскучилась и подняла Катерину.

Но пробужденіе было не похоже на вчерашнее. Катерина открыла глаза, не жалуясь, что ей не дали отдохнуть, не радуясь дню, который былъ еще пышнѣе и прекраснѣе вчерашняго, не говоря ни слова; она перемѣстилась съ постели въ кресла къ письменному столу и ничего не дѣлала. Нянька пришла сказать, что ее хочетъ видѣть одна чиновница, попросить ее; мужъ этой чиновницы лишился мѣста.

— Да развѣ я предсѣдатель палаты? вскричала Катерина. Скажи ты ей, нянька, что я въ отцовскія дѣла не смѣю мѣшаться. Это онѣ за мужьевъ служатъ, за мужьевъ взятки берутъ. Воображаютъ, что если въ домѣ у начальника есть женщина, такъ можно ее разжалобить.... Выгнали его! Да я бы, можетъ быть, хуже чѣмъ отецъ выгнала!

— А ты зла, я погляжу, сказала нянька.

— Зла.

— Ты разбери, да научи...

— Пусть придетъ къ отцу.

— Да ты хоть успокой....

— Если не виноватъ, нечего ему и безпокоиться; у отца правый всегда правъ.... Ты меня, пожалуйста, оставь въ покоѣ.

Нянька пошла и воротилась.

— Разчеши свою гриву-то, сказала она, глядя, какъ Катерина, потупившись надъ столомъ, постукивала въ него рукою. Дѣлать тебѣ, видно, нечего.

— Что еще?

Нянька разсмѣялась.

— Что́, къ тебѣ нынче не приступишься? Дьяконъ тебѣ просвиру прислалъ. Сынъ его тамъ, книжки твои принесъ, что ты ему давала; говоритъ, ты еще физики какія-то обѣщала.

— Онъ, должно быть, книжки не читаетъ, а только нюхаетъ. Вотъ отдай.

Нянька опять пошла и опять воротилась. Катерина сидѣла на томъ же мѣстѣ, глядя въ садъ.

— Потѣха, право, какіе смѣлые. Я отдаю ему, а онъ: «когда Катерину Николаевну можно видѣть? я, говоритъ, въ той книжкѣ не понялъ, хотѣлъ спросить...»

— Что-жъ ты сказала?

— Что́ сказала? Вотъ, еще, говорю, есть ей съ вами когда....

— Ахъ, что́ ты сдѣлала! вскричала, вскочивъ, Катерина— онъ ушелъ?

— Такъ голову и повѣсилъ, ушелъ.

— Что ты сдѣлала! Какой ты грѣхъ сдѣлала! въ какой ты меня грѣхъ ввела! Ты все равно, что нищаго выгнала....

— Матушка, Господь съ тобой, что ты?

— Охъ, няня, скучно!...

— Что́ такое? И, дѣлать тебѣ нечего. Это, матушка, кому нѣтъ работы, тѣ такъ блажатъ. Ты ужъ кстати заплачь, лучше будетъ, еще умнѣе. Отъ роду съ тобой этого не бывало. Вотъ онъ, грѣхъ-то. Дай, я уберу тебя лучше....

Она помогла ей переодѣться и любовалась, взвѣшивая на рукѣ ея косы.

— Гибель! пагуба молодецкая!

— Ты же вчера сказала, что я никого не полюблю...., а замужъ я никогда не пойду, сказала Катерина.

— Ну, Господь съ тобой, повторила старуха,—ты думаешь, мнѣ на тебя легко глядѣть, что ты такая?...

Катерина осталась одна, ни за что́ не принималась, расхаживала по своимъ двумъ комнатамъ, не заглянула въ садъ, гдѣ высадки цвѣтовъ поблекли, не политыя съ вечера. Ее томила одна мысль, преслѣдовало одно слово, и отъ нихъ не было ни защиты, ни убѣжища. Она припомнила что-то читанное въ этомъ родѣ; должно быть, въ самомъ дѣлѣ такъ бываетъ. Машинально, праздно, она открыла рояль и стала играть; она играла плохо. Ей стало смѣшно надъ собою, потомъ взяло раздумье, что-то вспомнилось и вдругъ будто освѣтило.

— *Она* бы такъ не дѣлала! сказала она и встала.

Кто бы увидѣлъ ее въ эту минуту, сказалъ бы, что она воскресла....

Какое право имѣетъ человѣкъ такъ много заниматься одной своей особой?.... Вотъ, бѣдная женщина ушла, — ей, можетъ быть, ѣсть нечего; семинаристъ ушелъ—голову повѣсилъ; нянька ушла — заплакала. За что̀?... Потому что — *не до них*; потому что въ душѣ завелось что̀-то новое! Что̀ это за блажь? Чѣмъ другіе люди виноваты? Это *новое* до нихъ не касается, оно не должно имъ мѣшать, или вовсе его не нужно. Не смѣй оно жить, если живетъ на счетъ другихъ.

И лучше такъ, чище.... простительнѣе.

Но что же непростительнаго? Развѣ *это* забава, праздная выдумка отъ нечего дѣлать или потѣха самолюбію.... Что́ разбирать! Ужъ все разобрано, все передумано этой ночью!....

Что́-жъ нужно ей? Ничего!... Ему? Дала бы ему цѣль жизни, честное дѣло, и съ нимъ пошла бы на это дѣло рука объ руку.... На свѣтѣ столько дѣла, нечего разбирать, — всякое для всѣхъ, всякое нужно, всякое свято.... Рука объ руку съ нимъ; нельзя— узка дорога — шла бы слѣдомъ, лѣпилась бы съ краю, чтобъ только идти, куда онъ идетъ; не пустили бы съ нимъ—глядѣла бы вслѣдъ, радостно простясь, хоть на вѣки.... Ну, злые люди вырыли бы ровъ на дорогѣ,—бросилась бы въ него: пройди по мнѣ, только дойди!...

— Вотъ тебѣ съ почты, сказала няня, принося ей два письма.

Катерина встрепенулась, будто ее разбудили. Она пошла въ свою комнату, достала денегъ почтальону и, когда ушла няня, стояла, глядя на письма брошенныя, или вѣрнѣе, упавшія на столъ. Они оба были въ безобразныхъ штемпельныхъ конвертахъ, запечатанныя одинаковымъ дурнымъ сургучомъ и одинаковой печатью, равно затерты, надписаны однимъ почеркомъ,— одно къ Катеринѣ, другое къ ея отцу.

Она узнала почеркъ, какъ-то неопредѣленно испугалась, сѣла, распечатала свое, стала читать, медленно, казалось, не вѣря тому, что́ было передъ глазами, и бросила, еще не перевернувъ страницы.

— Господи, выговорила она, — чѣмъ я это заслужила?

Письмо было очень длинно, очевидно, сочиненное и переписанное чрезвычайно четко и старательно.

— «Не знаю, какъ долженъ я начать это посланіе: *милостивая государыня*, или *любезная сестрица* Катерина Николаевна. Первый титулъ, вы сами примете за ложь, потому что, хотя вы и считаете, что вы моя повелительница, но, сами знаете — не милостивая. Что́ же до титула *любезной сестрицы*, то, признаюсь откровенно, я въ глубинѣ души моей вамъ его не даю и потому лгать не желаю. Вы и безъ того мечтаете о себѣ очень высоко и выставляете себя образованной, добродѣтельной особой и примѣрной дочерью. Только въ числѣ добродѣтелей вы изволите забывать братскую любовь, и это для васъ очень выгодно. Вамъ хорошо, Катерина Николаевна; вы изнѣжены съ колыбели, вы полная хозяйка въ домѣ; доходы батюшки, конечно, не скудные, а по его чину и мѣсту, вы вездѣ имѣете почетъ. А мои несчастія вамъ извѣстны. Подвергнувшись гнѣву родителя, за то что не умѣлъ хватать звѣзды познаній, я пять лѣтъ тянулъ канитель юнкерства, пока изъ нея не соткались мои эполеты. Счастье мнѣ, наконецъ, улыбнулось, я исполнялъ священный долгъ присяги, а послѣ славной кампаніи 1849 года, отличившись и возвышенный предъ моими сверстниками, получилъ роту. Я начальствовалъ исправно и безпристрастно. Имѣя обезпеченное положеніе, живя какъ прилично офицеру, я надѣялся отдохнуть отъ трудовъ. Это продолжалось три года. Вдругъ — оборотъ колеса — моя собственная благородная горячность, неосторожность, ничтожное обстоятельство, злоба завистниковъ, неправосудіе... и все погибло, и я уничтоженъ! Легко уничтожить невиннаго — но я съ послѣднимъ вздохомъ скажу, что незаслуженно!... Вамъ, Катерина Николаевна, все это извѣстно. Ваша душа не содрогнулась отъ проклятія, которое послалъ мнѣ отецъ. Онъ не можетъ понять чувствъ человѣка моего званія, но вы бы, какъ свѣтская дѣвица, могли. Никогда я не повѣрю, чтобы почтеннѣйшій батюшка не читалъ моихъ писемъ, а если такъ, то это — чрезъ ваши наговоры и подлащиванье, и это съ вашей стороны безчестно. Я пишу къ нему теперь прямо, смиряя себя, сколько позволяетъ оскорбленная гордость и благородное самолюбіе. Но обстоятельства къ тому вынуждаютъ.

Я, въ настоящее время, раненъ и нахожусь въ госпиталѣ. Уже не въ первый разъ проливаю я кровь на полѣ чести. Между тѣмъ, Катерина Николаевна, какъ вы, покоряя всѣхъ кругомъ себя, наряжаетесь въ шелкъ и бархатъ, братъ вашъ, какъ послѣдній человѣкъ, страдаетъ на койкѣ, рядомъ съ какимъ-нибудь сдаточнымъ... Но пуля, поразившая меня, принесла мнѣ и неожиданное счастіе!... Какое, — я упоминаю въ письмѣ къ батюшкѣ. Вамъ же я пишу, чтобъ предупредить и приготовить васъ къ такому удару, а также, чтобы, высказавъ всю полноту чувствъ, недоразумѣній между нами не выходило....»

Оглушенная первыми строками, Катерина скоро пришла въ себя. На свой смутный вопросъ: за что? она сознательно отвѣтила. Не за что! и два раза перечитала письмо отъ начала до конца; она даже улыбалась, читая, но ей каждую секунду дѣлалось ужаснѣе отъ своего смѣха.... чувство тоже новое....

До этой минуты онъ въ ея глазахъ былъ несчастный, преступникъ, падшій и уже наказанный; она не разъ горько упрекала себя за то невольное, для нея самой мучительное презрѣніе, которое примѣшивалось къ ея жалости, котораго она не могла преодолѣть даже ради нищеты, ради униженія, всего что выносилъ этотъ человѣкъ, всего что должно было происходить въ его совѣсти.... Въ его совѣсти ничего не происходило. Онъ обвиняетъ, онъ хвастается. Это не усмиренное животное, это наглый злодѣй. На немъ убійство—онъ каламбуритъ.... Не свою онъ кровь проливалъ, не на полѣ чести....

Она вскрикнула въ ужасѣ и вскочила.

— Боже, я его ненавижу!.... Ненавижу, ненавижу, повторяла она, мечась по комнатѣ и хватаясь за волосы. Родного брата!... Ну, ругался бы надо мною, но вспомнилъ бы.... Пишетъ къ отцу! Какъ его рука поднялась? Къ отцу, къ святому?... Что онъ еще выдумалъ, какое счастье....

Она схватила другое письмо и чуть не распечатала.

— Какъ я его подамъ? Что это? Что еще будетъ....

Подъ окномъ прогремѣло. Она выглянула, бросилась въ прихожую и отперла. Вошелъ Верховской.

— Что случилось? вскричалъ онъ, увидя ее.

Она тоже успѣла взглянуть на него.

— Ничего! Справлюсь! отвѣчала она, и смѣло, какъ-то сильно дала руку, дрожа, улыбаясь, едва дыша.

Верховской остолбенѣлъ; она была хороша поразительно.

— Идите, сказывайте, что съ вами, продолжала она, уводя его. На васъ лица нѣтъ. Жена пріѣхала?

— Я васъ люблю, отвѣчалъ Верховской.

Она прислонилась къ стѣнѣ.

— Я, кажется, тоже, проговорила она черезъ минуту, между тѣмъ какъ ея поблѣднѣвшее лицо опять вспыхнуло.

Онъ, безумный, упалъ къ ея ногамъ.

— Встаньте, сказала она, — любятъ не такъ.

Она обняла его крѣпко, сильно, отклоняясь отъ поцѣлуевъ, и глядѣла ему въ глаза.

— Мы люди, мы равные, мы родные.... душой за одно, если жизнью врозь....

— Зачѣмъ же врозь? за что́ же врозь? вскричалъ Верховской, удерживая ее.

— А! что́ же дѣлать!

Она освободилась.

— Одну минуту....

— Когда она пріѣхала? прервала Катерина.

— Вчера....

— Когда вы уѣзжаете?

— Не знаю....

— Ступайте скорѣе, пора за дѣло, пора.... Ступайте къ ней! вдругъ вскрикнула она съ отчаяніемъ, убѣжала къ себѣ и заперла дверь....

В. Крестовскій.
Псевдонимъ.

ЖЕНЩИНЫ
АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

III *).

Главная сила женщинъ американской революціи была, какъ уже сказано выше, не въ немногихъ женщинахъ, которыя умомъ, талантами или отношеніями къ главнымъ вождямъ революціи выдвинулись изъ толпы, а въ цѣлой массѣ, въ томъ дружномъ одушевленіи, которымъ онѣ были проникнуты во всѣхъ сословіяхъ, начиная отъ жены генерала и члена конгресса до жены бѣднѣйшаго фермера, послѣдняго работника, которая, отпуская мужа въ лагерь, сама съ ружьемъ умѣла отстаивать свою крышу и часто свою честь. Мемуары мистрисъ Эллетъ даютъ такъ много интересныхъ свѣдѣній о дѣятельности этой массы, что невольно остановишься, затрудняясь въ выборѣ самыхъ выдающихся, характеристическихъ очерковъ. Въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ, деревушкѣ сохранилось преданіе о геройскомъ подвигѣ, о жертвахъ, принесенныхъ женщиной освобожденію колоній. По истеченіи безъ малаго цѣлаго вѣка, когда время давно изгладило изъ памяти впечатлѣніе, произведенное этими подвигами и жертвами, невозможно оцѣнить во всей силѣ вліяніе ихъ на судьбы зарождавшейся республики. Одушевленіе ихъ не ослабѣвало во все время войны за независимость, а патріотизмъ нашихъ женщинъ, пишетъ біографъ генерала Рида, «оказался во многихъ случаяхъ чище и самоотверженнѣе патріотизма мужчинъ». И справедливо. Женщины за него не ждали ни награды, ни по-

*) См. выше, іюнь, 507 стр.

чести, ихъ не вело честолюбіе, ни личныя выгоды; ихъ любовь къ свободѣ была чиста отъ всякой примѣси мелкихъ своекорыстныхъ чувствъ. Женщины колоній оказались достойными дочерьми свободной страны; онѣ, несмотря на опасности, преслѣдованія, даже въ рукахъ озлобленныхъ враговъ умѣли сохранять достоинство и независимость гражданокъ свободной страны. Онѣ постоянно съ негодованіемъ отвергали названіе rebels, (бунтовщики), которое давали возставшимъ англичане и тори, и мистрисъ Эллетъ наивнымъ образомъ недоумѣваетъ о причинѣ этого негодованія, хотя это негодованіе должно бы быть вполнѣ понятно американкѣ. Слово «бунтъ» даетъ понятіе о буйствѣ, о нарушеніи законнаго порядка, а дѣло, которому онѣ служили, былъ не беззаконный бунтъ, а справедливое возстаніе, вызванное притѣсненіями, провозглашеніе законныхъ правъ человѣка, попранныхъ насиліемъ и произволомъ. И онѣ пользовались каждымъ случаемъ, чтобы своими дѣйствіями, словами заявить свой протестъ противъ этого насилія и произвола. Англійскій главнокомандующій Бургоинъ, при вступленіи своемъ въ колоніи, хвастался, что онъ будетъ танцовать съ дамами на всѣхъ балахъ, и заставитъ покориться всѣхъ мужчинъ, писалъ одинъ американскій офицеръ въ 1780 г. «Теперь онъ долженъ имѣть лучшее понятіе о достоинствѣ и гражданскомъ чувствѣ нашихъ женщинъ, равно какъ и о непреклонномъ мужествѣ нашихъ мужчинъ». Бургоинъ, чтобы расположить къ себѣ населеніе взятыхъ городовъ, задавалъ великолѣпные праздники, но ни одна изъ американокъ партіи виговъ не показалась на нихъ. Тѣ, у которыхъ были средства, уѣзжали; тѣ же, которыхъ обстоятельства принуждали остаться, дѣятельно возстановляли противъ англичанъ и ту часть населенія, которая не пошла въ лагерь Вашингтона или въ отряды партизанъ. Онѣ надѣли трауръ, устроивали общественныя молитвы о скоромъ избавленіи отъ враговъ въ частныхъ домахъ, потому что эти молитвы были запрещены въ церквахъ. Библія и псалмы давали имъ богатый матеріалъ для вдохновенныхъ молитвъ. «Мечъ Господу и Вашингтону» было ихъ воинственнымъ кличемъ, когда онѣ отсылали мужей въ битву, или слушали съ замираніемъ сердца гулъ дальней пальбы. Послѣ побѣдъ генерала Грина онѣ смѣнили черный цвѣтъ зеленымъ. Онѣ не боялись дразнить смѣлымъ словомъ сильнаго врага, отъ котораго зависѣло ихъ состояніе, жизнь и жизнь дорогихъ людей. Вотъ что разсказываетъ одна молодая женщина въ своихъ запискахъ:

«Я зашла въ лавку, въ которой было нѣсколько англійскихъ офицеровъ, которые сидѣли на прилавкѣ и болтали ногами. На

полкѣ лежалъ свертокъ полосатыхъ лентъ бѣлыхъ съ чернымъ. Я попросила купца передать свертокъ и сказала офицеру: «сосчитайте, не тринадцать ли полосъ»? и нарочно съ удареніемъ на тринадцать (тринадцать было число колоній). Полосъ оказалось въ самомъ дѣлѣ тринадцать. Но когда купецъ передалъ мнѣ свертокъ, то я увидѣла, что то были не полосатыя ленты, а просто узкая черная, обернутая вокругъ широкой бѣлой. «Сударыня, сказалъ купецъ, купите бѣлую и черную и сметайте ихъ вмѣстѣ». «Ни за что, отвѣчала я, я не хочу, чтобы онѣ были сметаны на живую нитку, онѣ составятъ одно крѣпкое цѣлое». Какъ эти офицеры разинули рты при этихъ словахъ!»

Другая американка, очень молодая дѣвушка, на вопросъ англійскихъ офицеровъ: не боится ли она рева британскаго льва, отвѣчала: «нисколько, потому что эти животныя ревутъ всего сильнѣе, когда испуганы». Мистрисъ Брютонъ, молодая женщина была выслана изъ Чарльстона, занятаго англичанами, за то, что на вопросъ, какъ идутъ дѣла, отвѣчала слогомъ того времени, «что вся природа улыбается, потому что все одѣлось зеленью въ цѣлой колоніи». Это былъ каламбуръ на имя генерала Грина. Получивъ разрѣшеніе вернуться во второй разъ, она подвергнулась новому изгнанію за то, что, встрѣтивъ англійскихъ офицеровъ у дома прежняго губернатора штата Рётледжа, занятаго англійскимъ генераломъ Монкриффомъ, она, поднявъ оторвавшійся отъ оборки кусокъ чернаго крепа, повязала его на рѣшетку крыльца, сказавъ, что дѣлаетъ это въ знакъ того, что домъ вмѣстѣ съ друзьями свободы долженъ носить трауръ во время общественной катастрофы. Надобно знать, что̀ значила въ то время высылка изъ города, когда женщинѣ приходилось ѣхать одной за сотни миль, рискуя попасть въ руки разбойничавшихъ бѣглыхъ солдатъ, не находя часто ни пристанища, ни куска хлѣба. Но чувство негодованія противъ притѣснителей было сильнѣе страха, оно было даже сильнѣе любви къ жизни и своимъ близкимъ. Одна американка, надъ головой которой былъ занесенъ серпъ, на требованіе выдачи мужа, отвѣчала гордыми словами «ищите его въ лагерѣ Сёмтера». Мери Слокёмбъ, прославившаяся своимъ героизмомъ въ войну за независимость, отвѣчала генералу Торльтону, на его похвальбу, что плантація ея будетъ превосходнымъ герцогствомъ для кого-нибудь изъ нихъ: «тѣ земельные участки, которые вамъ дастъ Америка, можно будетъ измѣрить двумя шагами въ ширину и шестью въ длину». Мистрисъ Ганъ, жена одного члена конвента, выхлопотавъ себѣ пропускъ на Лонгъ-Эйлендъ, чтобы свидѣться съ больной матерью, лишилась его потому, что отвѣтила офицеру, потребо-

вавшему ея ключи для обыска чемодановъ: «Если вы ищете измѣны, то не трудитесь напрасно, вы найдете достаточно на концѣ моего языка». Какъ это напоминаетъ то мѣсто изъ стихотворенія Гейне «Германія», гдѣ онъ говоритъ о контрабандѣ, которую онъ на зло всякимъ таможнямъ провезъ въ мозгу своемъ изъ Франціи въ Пруссію. Другая американка, Сара М. Калли отвѣчала извѣстному своей грубостью и жестокостью лорду Раудону, грозившему, что ея мужа, проклятаго бунтовщика, слѣдуетъ повѣсить: «Игра еще не кончена и ваша очередь можетъ еще придти быть вздернуту на висѣлицу», не смотря на то, что судьба ея мужа и двухъ сыновей, какъ военноплѣнныхъ, зависѣла вполнѣ отъ лорда Раудона. Американки постоянно отказывались исполнять приказанія воинскихъ властей и принимать участіе въ торжествованіи побѣдъ надъ республиканскими войсками. Въ Чарльстонѣ генералъ англійскихъ войскъ приказалъ освѣтить всѣ окна въ честь побѣды при Гильфордѣ. Мистрисъ Гейуардъ не выставила ни одной свѣчи въ окнахъ своей квартиры. Одинъ англійскій офицеръ зашелъ узнать о причинѣ такого дерзкаго нарушенія приказа военнаго начальника. Мистрисъ Гейуардъ спросила его, какъ онъ могъ ожидать, чтобы она радовалась съ ними; на строгое приказаніе не медля освѣтить окна, она отвѣчала упорнымъ отказомъ, и даже угроза разрушить домъ въ случаѣ упорства не могла поколебать ея рѣшимости. Когда черезъ годъ праздновалась годовщина этой же побѣды, она снова отказалась повиноваться тому же приказу. Пьяная толпа черни, передавшейся на сторону англичанъ, принялась бить ея окна; сестра ея, лежавшая въ агоніи, умерла при крикахъ, ругательствахъ, звонѣ битыхъ стеколъ и грохотѣ летѣвшихъ камней и кирпичей. На другой день начальникъ города прислалъ къ ней офицера съ извиненіями и обѣщаніями вознаградить за убытки; она отказалась съ негодованіемъ, отозвавшись, «что они не могутъ загладить оскорбленія, котораго не должны бы были допустить».

Впрочемъ, по пословицѣ въ семьѣ не безъ урода, и между американками нашлись женщины, служившія не свободѣ, а рабству; онѣ съ радостью встрѣчали войска, которыя шли разорять ихъ отечество: но все-таки онѣ не дошли ни до такого наглаго презрѣнія къ чувствамъ народа, какъ французскія аристократки временъ реставраціи, которыя осыпали цвѣтами союзныя войска, вступившія въ Парижъ; ни до того злобнаго фанатизма и безчеловѣчной мести, съ какими эти аристократки рукоплескали бѣлому террору. Правда, не было и причинъ этой мести, не было и той глубоко въѣвшейся испорченности и продажности. Американки,

лоялисти или тори, были потомками знатныхъ фамилій католиковъ, изгнанныхъ изъ Англіи Елизаветой, и кавалеровъ, изгнанныхъ Кромвелемъ. Онѣ были тѣже аристократки, знавшія, что объявленіе республики будетъ смертнымъ приговоромъ ихъ силѣ и вліянію въ обществѣ, и потому готовыя купить свои выгоды цѣной порабощенія цѣлаго народа. Этихъ женщинъ было немного. На сторонѣ короля были или первые богачи колоній, или невѣжественный бѣлый пролетаріатъ, котораго въ то время было очень немного и который размножился въ Америкѣ съ развитіемъ большихъ промышленныхъ центровъ, слѣдовательно тори составляли меньшинство. Героини нашлись только между аристократіей, которая держалась крѣпко за свой принципъ, бѣлый пролетаріатъ былъ въ полномъ смыслѣ слова горстью черни, готовой пристать къ торжествующей партіи, способной только шумѣть, бить стекла и грабить. Эти героини были дочерьми энергической крѣпкой расы, которая не отступила ни передъ опасностями, ни передъ изгнаніемъ, чтобы спасти свою святыню; онѣ боролись всѣми силами противъ общаго потока, отстаивали свое существованіе; но онѣ далеко уступали въ энергіи и мужествѣ героинямъ республики. Онѣ служили отживающимъ началамъ, а только живое всегда притягиваетъ къ себѣ лучшія силы. Онѣ были поглощены общимъ потокомъ революціи. За республику была масса населенія колоній, все среднее сословіе, фермеры, купцы, которыхъ разоряли пошлины метрополіи. Отстаивая свою свободу, они отстаивали свои средства къ жизни. Вотъ причина общаго одушевленія, двигавшаго всѣ сословія на упорную борьбу, заставлявшая и женщинъ принимать въ ней такое дѣятельное участіе. Но въ этой массѣ женщинъ нашлись многія, которыя не только не пріобрѣтали никакихъ выгодъ для близкихъ своихъ отъ революціи, но теряли и то, что имѣли. И онѣ съ готовностію жертвовали своимъ состояніемъ дѣлу освобожденія.

Въ мемуарахъ есть нѣсколько интересныхъ случаевъ этой готовности, и между прочимъ разсказъ о мистрисъ Мотте, который былъ подтвержденъ многими историческими источниками. Когда лордъ Раудонъ, занявшій своими войсками южную Каролину, былъ принужденъ оставить Кэмдэнъ американской арміи, ему оказалось необходимымъ сохранить фортъ Мотте, осажденный генералами Мэрсономъ и Ли. Этотъ фортъ былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ провіанта и военныхъ припасовъ, которые пересылались изъ Кэмдена въ Чарльстонъ; сверхъ того позиція его на высокомъ холмѣ на берегу рѣки дѣлала его ключемъ водяного сообщенія. Большой новый домъ мистрисъ Мотте составлялъ главное зданіе форта, былъ окруженъ глубокими траншеями, на внут-

ренней сторонѣ которыхъ былъ насыпанъ высокій брустверъ. Противъ форта на другомъ холмѣ стояла старая ферма, куда переѣхала мистрисъ Мотте, выгнанная англичанами изъ своего дома. На этомъ холмѣ стояли отряды Мэрсона и Ли. Полковникъ М. Ферсонъ, несмотря на малочисленность своего отряда, держался упорно, ожидая прибытія англійской арміи. Ночью курьеръ привезъ американскимъ генераламъ извѣстіе о приближеніи арміи Раудона. Большой домъ мистрисъ Мотте, составлявшій центръ форта, прикрывалъ осажденныхъ и мѣшалъ дѣйствію огня американцевъ, необходимо было сжечь его, чтобы заставить непріятеля сдаться. Американскіе генералы захотѣли прибѣгнуть къ этой крайности; мистрисъ Мотте и безъ того принесла много жертвъ революціи, вооружила своихъ негровъ, содержала часть войска, ходила за больными и ранеными; сверхъ того южная Каролина была на половину республиканской, на половину лоялистской, и сверхъ того было много колебавшихся между обѣими сторонами, и вожди революціи старались, насколько возможно было, избѣгать крутыхъ мѣръ, чтобы не раздражить противъ себя враждебную часть населенія. По семейнымъ преданіямъ, мистрисъ Мотте, услышавъ споры объ этомъ предметѣ, сама предложила сжечь свой домъ; по запискамъ генерала Ли, она встрѣтила съ восторженной улыбкой офицера, который съ замѣшательствомъ началъ говорить ей о рѣшеніи военнаго совѣта, и сказала, что счастлива жертвовать всѣмъ для блага отечества. Затѣмъ, увидѣвъ лукъ и стрѣлы, которыя должны были принести горючія вещества на крышу ея дома, она нашла ихъ плохими и предложила замѣнить другими, добытыми ея родственниками отъ индѣйцевъ. Домъ вспыхнулъ. Мистрисъ Мотте съ восторгомъ смотрѣла на пожаръ его, она имъ купила — новое торжество войскамъ республики. Англичане, попытавшись напрасно загасить пожаръ, сдались, и лордъ Раудонъ, пришедшій слишкомъ поздно, чтобы спасти фортъ, отступилъ. Сдача этого форта доставила важныя выгоды американцамъ, она открывала имъ свободный рѣчной путь и отдавала имъ огромные запасы, въ которыхъ они нуждались. Положимъ, что и безъ этой готовности мистрисъ Мотте пожертвовать домомъ, его все-таки сожгли бы, но эта готовность доказывала, что она точно также отдала бы свой домъ, еслибы ее и не могли принудить къ тому. Другая республиканка, Маргарита Уэттенъ, на патріотическое дѣло отдала почти все свое состояніе. Мужъ ея, въ началѣ революціи, неизвѣстно почему, въ порывѣ ли энтузіазма, или изъ неосторожной спекуляціи обратилъ большую часть состоянія въ ассигнаціи. Когда онѣ стали быстро падать въ цѣнѣ и всѣ спѣшили

ихъ сбывать, она, несмотря ни на какія убѣжденія, ни на возраставшую разорительную дороговизну, не захотѣла спасти хоть часть суммы, купивъ звонкую монету или землю. «Я не хочу способствовать пониженію цѣны установленной конвентомъ, и подрывать еще болѣе падающій кредитъ», говорила она. Она разорилась, но не жалѣла о своемъ разореніи, потому что избѣгнуть его она могла только, бросивъ тѣнь на состоятельность отечества. Женщина, хозяйка трактира, выручила генерала Грина изъ очень труднаго положенія. Этотъ случай упомянутъ во многихъ исторіяхъ войны за независимость и въ біографіи генерала Грина. Послѣ несчастной битвы при Каупенѣ генералъ Гринъ отступалъ черезъ обѣ Каролины къ рѣкѣ Катаубѣ, за нимъ гнался лордъ Корнваллисъ, чтобы захватить его при переправѣ. Гринъ шелъ форсированнымъ маршемъ, терпя недостатокъ во всемъ, съ оборванными, голодными и упавшими духомъ солдатами. Онъ послалъ отрядъ милиціи занять переправу черезъ рѣку, и наконецъ отправился самъ, чтобы удостовѣриться, исполненъ ли его приказъ. Онъ не нашелъ у рѣки ни одного милиціонера. Измученный, убитый, онъ поѣхалъ на приготовленную ему квартиру въ гостинницѣ, принадлежавшей Елизабетѣ Стиль. На порогѣ его встрѣтилъ докторъ и, пораженный его разстроеннымъ видомъ, спросилъ, что съ нимъ. «Да, я измученъ, голоденъ, одинъ и безъ гроша», отвѣчалъ Гринъ. Мистрисъ Стиль услыхала эти слова и когда генералъ остался одинъ въ своей комнатѣ, вошла къ нему утѣшить его, напомнивъ, что онъ не одинъ, что у него найдутся тысячи преданныхъ помощниковъ, и въ доказательство отдала ему два небольшихъ мѣшка звонкой монеты, скопленной ею въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. «Возьмите, сказала она просто: вамъ они нужны, а я могу обойтись безъ нихъ». «Никогда утѣшеніе и помощь не приходили болѣе кстати», говоритъ біографъ генерала Грина. Отдохнувши, онъ бодро повелъ свое войско далѣе, зная, что у него есть чѣмъ прокормить его на нѣсколько дней.

Американки не ограничивались этими пожертвованіями, онѣ принимали дѣятельное участіе въ войнѣ. Многія изъ нихъ, оставшись въ городахъ занятыхъ англійскими войсками, несмотря на угрозы прокламацій, на обыски патрулей, пробирались въ американскій лагерь, принося припасы и одежду. Онѣ пекли дома хлѣбы, жарили мясо и потомъ отвозили ихъ за сотни миль въ лагерь однѣ, большею частію по ночамъ. Часто лагерь въ Веллей-Форджѣ былъ обязанъ своимъ продовольствіемъ женщинамъ. Онѣ разорялись на то, чтобы прокормить войско. Ассигнаціи упали до того, что нужно было цѣлый возъ ихъ,

чтобы купить возъ провизіи. Фунтъ свѣжей рыбы стоилъ 12 пенсовъ; нога теленка 8 шилинговъ и 2 пенса; фунтъ ветчины 2 шил., небольшой баранъ 35 шил., мѣра дровъ около сажени 41 шил. 8 п. Надо еще принять въ разсчетъ, что въ то время деньги стоили втрое или вчетверо дороже теперешняго. Всѣ хитрости женскаго ума пускались въ ходъ, чтобы обмануть патрули. Мѣшки муки, соли принимали форму сѣделъ, гинеи и ассигнаціи вплетались въ волосы, штуки сукна превращались въ тройныя юбки, офицерскія каски скрывались подъ шиньонами à la Marie Antoinette, эполеты подъ фижмами, сапоги проносились на ногахъ, которыя принимали свои естественные размѣры по возвращеніи къ англійскимъ форпостамъ. Женщины носили лекарства, одежду и пищу плѣннымъ, ухаживали за ними въ болѣзни, несмотря на заразу. Онѣ пріѣзжали за десятки и сотни миль, иныя чтобы навѣстить родныхъ, другія потому, что въ это время каждый солдатъ республики былъ для нихъ братомъ, и помогать ему было долгомъ гражданки. Упомянутая выше Маргарита Уэттэнъ, оставшись въ Нью-Іоркѣ, занятомъ англичанами, несмотря на всѣ препятствія и непріятности, организовала комитетъ женщинъ для помощи плѣннымъ, положеніе которыхъ было ужасно. Дѣятельность мистрисъ Уэттэнъ въ облегченіи участи плѣнниковъ въ тюрьмахъ нью-іоркскихъ и на корабляхъ, обращенныхъ въ тюрьмы, стоявшихъ въ бухтахъ у Лонгъ-Эйленда, была такъ значительна, что Вашингтонъ по вступленіи въ Нью-Іоркъ прислалъ ей отъ имени конгресса и арміи благодарственный адресъ, восхвалявшій ея преданность и мужество. Для того, чтобы посѣщать эти суда, обращенныя въ тюрьмы, нужно было едвали не болѣе мужества чѣмъ для того, чтобы стать противъ непріятельскаго огня. Эти корабли были сценами такихъ ужасовъ и страданій, какіе съ трудомъ представитъ себѣ самая пылкая фантазія. Вотъ какъ описываетъ эти корабли въ своихъ запискахъ одинъ плѣнный мистеръ Андросъ, бѣжавшій съ одного корабля на Лонгъ-Эйлендѣ: «Эти корабли были настоящими разсадниками бѣдствій, заразы и смерти. Большой транспортъ «Уитби», стоялъ на якорѣ въ бухтѣ Уалбаутъ. Онъ былъ биткомъ набитъ плѣнными, которыхъ болѣзни, испорченная пища, лишеніе свѣжаго воздуха и движенія довели до ужаснѣйшаго положенія. Песчаный берегъ бухты и ровъ были покрыты могильными насыпями, которыя тянулись безконечными рядами. Одинъ изъ этихъ кораблей въ слѣдующемъ году сгорѣлъ, зажженный, говорятъ, несчастными плѣнными, доведенными до отчаянія. Другой, «Нью-Джерсей», на который меня перевели, былъ большой корабль, мрачная и гряз-

ная наружность котораго соотвѣтствовала вполнѣ отчаянію и смерти жившимъ во внутренности его. Около 1,100 американскихъ моряковъ погибли въ его стѣнахъ медленной смертью, и никто не пришелъ облегчить ихъ участь. Разъ или два въ день бросали въ середину толпы мѣшокъ яблоковъ и тутъ происходила ожесточенная свалка, всѣ кидались къ яблокамъ съ животной жадностью, рискуя оставить въ свалкѣ члены или даже самую жизнь. Плѣнные сидѣли между палубами за желѣзными рѣшетками, которыя отпирались только, когда нужно было выкачивать воду, чтобы впустить отрядъ вооруженныхъ солдатъ; тѣ прикладами гнали плѣнныхъ къ вороту съ ругательствами и проклятіями». Понятно, что посѣщенія этихъ чумныхъ тюремъ было подвигомъ самоотверженія, и многія женщины поплатились за него здоровьемъ и жизнью. Въ числѣ ихъ была мистрисъ Джексонъ, мать Эндрю Джексона, члена конвента. Она заразилась тюремной лихорадкой и, возвращаясь съ кораблей Лонгъ-Эйленда, умерла въ дорогѣ, въ наскоро сдѣланномъ шалашѣ изъ сосновыхъ вѣтвей, на пустынномъ песчаномъ берегу, вдали отъ всякой помощи.

Были и другіе подвиги; американки оказывали существенную помощь войскамъ республики какъ курьеры, проводники, лазутчики. Рискуя жизнью, свободой и своей женской честью, онѣ проѣзжали по ночамъ десятки миль въ странѣ, опустошенной непріятельскими войсками, отрядами тори, которые обращались съ вигами безчеловѣчнѣе самихъ англичанъ, и шайками разбойничавшихъ дезертеровъ. Газеты того времени и военныя реляціи и донесенія конгрессу сохранили много интересныхъ случаевъ этой службы женщинъ. Когда генералъ Гринъ отступалъ, преслѣдуемый лордомъ Раудономъ, ему нужно было, перейдя Broad River (Широкую рѣку), послать приказъ генералу Сѣмтеру, стоявшему тогда лагеремъ на Унтери, соединиться, чтобы вмѣстѣ напасть на лорда Раудона, который раздѣлилъ свои силы. Весь округъ былъ занятъ отрядами торіевъ, которые вѣшали курьеровъ виговъ. Гринъ вызывалъ охотника, ему нуженъ былъ человѣкъ, хорошо знавшій мѣстность; но охотника не находилось; большая часть мужчинъ ушла въ отряды милиціи, оставшіеся не имѣли смѣлости рискнуть на такое опасное предпріятіе, или были ненадежны. Молодая дѣвушка Эмилія Джейджеръ вызвалась доставить депешу. Гринъ далъ ей письмо къ Сѣмтеру и въ тоже время передалъ содержаніе его на словахъ. Она отправилась въ дорогу верхомъ на дамскомъ сѣдлѣ. На другой день ее перехватили лазутчики лорда Раудона. Усталый видъ и забрызганное грязью платье и лошадь молодой дѣвушки, ѣхавшей отъ

направленія лагеря Грина, показались подозрительны офицеру поста, къ которому ее привели. Къ довершенію несчастія, молодая дѣвушка по наивности, молодости и пуританской щепетильности не умѣла солгать не краснѣя. Офицеръ велѣлъ обыскать ее, но къ счастью былъ настолько деликатенъ, что вышелъ изъ комнаты, чтобы позвать женщину. До прихода ея, Эмилія успѣла изорвать письмо на мелкіе кусочки и проглотить его. Не найдя ничего, офицеръ отпустилъ ее. Она поѣхала въ объѣздъ и на слѣдующій день прибыла въ лагерь Сѣмтера, которому передала приказъ Грина немедленно выступать для соединенія съ арміей, и Сѣмтеръ присоединился къ ней при Орэнджбургѣ.

Въ штатѣ южной Каролины въ округѣ Лауренсѣ долго сохранялось преданіе о Дайсей Лэнгстонъ, которая прославилась во время войны за независимость какъ курьеръ виговъ. Ей было не болѣе пятнадцати лѣтъ при началѣ ея добровольной службы. Отецъ ея принадлежалъ къ обществу сыновъ свободы, но, состарѣвшись, доживалъ свой вѣкъ, отказавшись отъ всякихъ обществъ. Братъ ея, горячій патріотъ, составилъ отрядъ и, поселившись въ лѣсу на фермѣ окруженной болотами, велъ ожесточенную партизанскую войну съ торіями и отдѣльными отрядами англійскихъ войскъ. Округъ Лауренсъ былъ населенъ торіями и молодой дѣвушкѣ очень легко было узнавать о движеніяхъ непріятелей. Она долгое время передавала брату извѣстія, отрядъ его всегда являлся во время разрушать всѣ предпріятія враговъ, и никто не думалъ подозрѣвать молодую дѣвушку — почти ребенка. Наконецъ тори узнали и потребовали, чтобы отецъ ея запретилъ ей, угрожая въ противномъ случаѣ сжечь его плантацію. Старикъ былъ не изъ слишкомъ ревностныхъ сыновъ свободы и строго запретилъ дочери передавать извѣстія брату. Авторитетъ родительской власти былъ въ то время очень силенъ въ Америкѣ, тѣмъ болѣе надъ женщинами. Дайсей на время повиновалась. Но, узнавъ, что отрядъ торіевъ, извѣстный подъ именемъ «Кроваваго лазутчика», неистовствовавшій въ окрестностяхъ съ жестокостью, которая дѣлала изъ торіевъ достойныхъ предковъ нынѣшнихъ южанъ, собирается напасть на эйлерскую ферму — гнѣздо республиканцевъ, гдѣ скрывался ея братъ, она рѣшилась предупредить его. Чтобы не подать подозрѣнія, она вышла одна ночью и пѣшкомъ. Ей пришлось идти нѣсколько миль лѣсомъ, перерѣзаннымъ болотами, идти въ бродъ черезъ разлившійся рукавъ рѣки. Раздутый дождями бродъ превратился въ быстрый потокъ. Ее не остановили ни темнота ночи, ни ревъ потока. Она потеряла бродъ, вода доходила до затылка, наконецъ ей сдѣлалось дурно, и она не помнила, какъ дошла до другого

берега, на которомъ стояла ферма. Отрядъ брата только-что вернулся изъ похода, измученные люди отказывались выступить снова. Изнемогшая отъ усталости и вынесенныхъ волненій, продрогшая въ мокрой одеждѣ, молодая дѣвушка нашла въ себѣ довольно силы, чтобы съ помощью слуги стряпать обѣдъ для солдатъ. Черезъ два часа лепешки были испечены, мясо изжарено и уложено въ ранцы, отрядъ поѣлъ похлебки и снова пустился въ походъ предупреждать другіе пóсты виговъ, и когда Кровавый лазутчикъ явился жечь эйлерскую ферму, онъ не нашелъ уже ни одного милиціонера. За свою службу вигамъ Дайсей Лэнгстонъ едва спаслась изъ рукъ торіевъ. Она возвращалась послѣ одной экспедиціи изъ сосѣдняго округа и была схвачена отрядомъ торіевъ, которые потребовали, чтобы она сказала, куда пошелъ отрядъ бунтовщиковъ. Начальникъ отряда приставилъ къ ея груди пистолетъ, угрожая ей смертью въ случаѣ отказа. Дайсей сорвала съ себя длинный шарфъ и, раскрывъ шею и грудь, вскричала: «стрѣляйте, если смѣете, я не скажу ни слова». Взбѣшенный тори спустилъ курокъ, но другой успѣлъ отвесть дуло пистолета и выстрѣлъ пролетѣлъ надъ головой молодой героини.

Дивизія Кларка, игравшаго такую видную роль въ войнѣ за независимость, была спасена женщиной. Полковникъ Фергюзонъ съ отрядомъ торіевъ и англійскихъ войскъ остановился на фермѣ Диллярдъ. Мистрисъ Диллярдъ случайно услыхала, что Фергюзонъ, получившій черезъ лазутчиковъ извѣстіе о мѣстности, гдѣ скрывался Кларкъ, собирался напасть на него ночью. Мистрисъ Диллярдъ принадлежала къ партіи виговъ, она захотѣла предупредить Кларка, у котораго было втрое менѣе войска чѣмъ у Фергюзона. Она прокралась ночью на конюшню, взнуздала лошадь, но не могла достать сѣдла, потому что непріятельскіе солдаты спали въ сараѣ, гдѣ лежали сѣдла, и на неосѣдланной лошади проскакала нѣсколько десятковъ миль, и къ разсвѣту достигла аванпостовъ американскихъ войскъ. Собравшійся военный совѣтъ рѣшилъ, что сопротивляться втрое сильнѣйшему непріятелю было верхомъ нелѣпости, и когда полковникъ Фергюзонъ со своимъ отрядомъ кавалеріи прибылъ на мѣсто лагеря, Кларкъ былъ уже далеко на дорогѣ къ Сѣверной Каролинѣ. Кларку было суждено два раза быть обязаннымъ своимъ спасеніемъ женщинѣ. Мистрисъ Томасъ, мужъ которой и два сына были плѣнными въ Бостонѣ, навѣщая ихъ, услыхала, какъ два солдата говорили о предполагаемомъ нападеніи англійскаго полковника Дёнлэна на дивизію Кларка, стоявшую у Сэдерскаго ручья. Она колебалась съ минуту: долгъ гражданки заставлялъ ее предупредить Кларка объ опасности, но за то от-

крытіе ея поступка могло повредить мужу и сыновьямъ, и лишить ее возможности облегчать ихъ положеніе, которое, какъ мы видѣли, было ужасно. Но сознаніе долга гражданки восторжествовало, говоритъ мистрисъ Эллетъ, и она поспѣшно, простившись съ мужемъ, вернулась домой и, перемѣнивъ лошадь, поѣхала предупредить Кларка. Военный совѣтъ порѣшилъ приготовить для Дёнлэна засаду: американцы попрятались въ лѣсу, оставивъ большіе костры на мѣстѣ стоянки, и когда отрядъ англичанъ пришелъ къ Сэдерскому ручью, то вмѣсто соннаго непріятеля, котораго надѣялся перерѣзать безъ затрудненія, онъ нашелъ только пылавшіе костры. Вдругъ сзади англичанъ раздались выстрѣлы и они, увидя себя захваченными въ расплохъ, не зная силы непріятеля, были разбиты и обратились въ бѣгство, оставя своихъ раненыхъ. Мистрисъ Томасъ выказала примѣръ неустрашимости. Мужъ ея при началѣ революціи былъ выбранъ полковникомъ полка партизанъ въ своемъ округѣ, который получилъ названіе Спартанбурга, потому что полкъ назвался спартанскимъ полкомъ. Губернаторъ Рётлэджъ, какъ тогда называли правителей колоній, разсылалъ во всѣ полки запасы оружія и военныхъ снарядовъ. Домъ полковника Томаса, находившійся близко границы штата, былъ выбранъ складочнымъ мѣстомъ и къ нему приставленъ караулъ изъ 25 человѣкъ. Лазутчики принесли извѣстіе, что отрядъ торіевъ намѣревается напасть на домъ и захватить запасы. Виги сочли неблагоразумнымъ оставаться ожидать нападенія и ушли въ лѣсъ, унося съ собой оружія и пороху, сколько были въ силахъ снести, разсчитывая притомъ, что тори, увидѣвъ оставленный домъ, подумаютъ, что всѣ запасы унесены. Въ домѣ осталась одна мистрисъ Томасъ съ зятемъ, мистеромъ Кёльбертсономъ, и молодымъ мальчикомъ и дочерью. Тори потребовали немедленной выдачи всѣхъ запасовъ. Мистрисъ Томасъ рѣшилась сопротивляться. Домъ былъ сложенъ изъ толстыхъ цѣльныхъ бревенъ, бревенчатая дверь запиралась крѣпкимъ засовомъ и была загромождена мебелью. Градъ выстрѣловъ посыпался на стѣны дома, не сдѣлавъ ни малѣйшаго вреда. Осажденные отвѣчали изъ верхняго этажа выстрѣлами, изъ которыхъ ни одинъ не пропадалъ даромъ. Кёльбертсонъ и мальчикъ стрѣляли, мистрисъ Томасъ съ дочерью заряжали ружья. Безпрестанный огонь заставилъ торіевъ думать, что число защитниковъ несравненно значительнѣе и, опасаясь вылазки виговъ изъ лѣсу, они ушли, подобравъ раненыхъ. Порохъ, сохраненный благодаря геройству женщинъ, составилъ главный запасъ арміи Сёмтера въ сраженіяхъ при Скалистой горѣ и Генгингъ-Рокѣ. Другая женщина, Марта Брэттонъ, охранявшая порохъ, была не такъ счастлива: когда американскимъ войскамъ

стало невозможнымъ сохранить Чарльстонъ за недостаткомъ пороха, губернаторъ Рётлэджъ послалъ, какъ уже сказано, партіи пороха въ полки партизанъ, чтобы они тревожили непріятельскую армію и отвлекали ее отъ преслѣдованія отступавшей американской. Мужъ Марты, полковникъ Брэттонъ, послѣ занятія Южной Каролины англичанами, не захотѣлъ отдаться въ подданство, взять protection letters и, бросивъ свою плантацію, ушелъ въ Сѣверную Каролину и тамъ, вмѣстѣ съ Сёмтеромъ, Маффитомъ, Уайномъ и другими собралъ отряды партизанъ, которые такъ отличались въ 1780 г. Всѣ начальники отряда спрятали порохъ въ дуплахъ деревьевъ; Брэттонъ, желая его предохранить отъ сырости, отдалъ женѣ. Тори узнали объ этомъ и дали знать англійскому офицеру, командовавшему ближайшимъ по́стомъ. Мистрисъ Брэттонъ, узнавъ о приближеніи отряда посланнаго отнять порохъ, посыпала отъ склада его до дому дорожку пороха, зажгла ее, взорвала порохъ на воздухъ въ виду подошедшаго отряда. Начальникъ отряда, взбѣшенный тѣмъ, что добыча ускользала изъ его рукъ, требовалъ выдачи виновнаго, угрожая ему жестокимъ наказаніемъ. Мистрисъ Брэттонъ неустрашимо назвала себя: «Я сдѣлала это, сказала она, и что́ бы ни ждало меня, я счастлива тѣмъ, что могла отвратить хоть часть зла, которое наносятъ жестокіе враги моему отечеству».

Армія Вашингтона была спасена женщиной отъ неожиданнаго нападенія, которое могло бы быть для нея гибельно. Мистрисъ Эллетъ въ подтвержденіе этого случая ссылается на газеты того времени. Эту женщину звали Лидія Дэррэ. Она была квакерша. По вступленіи англичанъ въ Филадельфію, домъ Лидіи былъ занятъ англійскимъ адъютантомъ генеральнаго штаба, и такъ какъ квартира генерала Гау находилась напротивъ, то этотъ домъ былъ выбранъ для засѣданій военнаго совѣта; отчасти тоже потому, что вслѣдствіе отвращенія квакеровъ къ войнѣ, составляющаго догматъ ихъ религіи, англичанамъ нечего было опасаться измѣны. 2-го декабря 1777 г., адъютантъ приказалъ Лидіи приготовить комнату для засѣданія и запереть на верху дѣтей и прислугу. Лидія исполнила приказаніе, и вечеромъ, впустивъ членовъ совѣта, заперла двери и была отослана на верхъ. Она легла, но тревога не давала ей заснуть. Она сошла внизъ и, подкравшись къ двери, начала прислушиваться. Долго она не могла различить ничего кромѣ смутнаго говора споривших голосовъ, наконецъ она явственно услышала громкое чтеніе приказа о выступленіи войска на слѣдующую ночь для нападенія на армію Вашингтона, стоявшую лагеремъ у Уайтъ-Марша. Лидія вернулась къ себѣ наверхъ; вскорѣ она услыхала стукъ въ дверь;

она притворилась спящей, и отворила дверь черезъ нѣсколько времени. Адъютантъ приказалъ выпустить всѣхъ офицеровъ. Вернувшись въ спальню, Лидія думала-было послать мужа предупредить Вашингтона объ ночномъ нападеніи, но ее остановила опасность, угрожавшая ему вслѣдствіе открытія; англичане не церемонились и платили за такія услуги висѣлицей. Она составила планъ дѣйствія, и разбудивъ мужа сказала, что у нихъ не достаетъ муки и ей надо отправиться съ зерномъ на мельницу въ ближайшее мѣстечко. Въ то время, въ Америкѣ среди достаточныхъ людей сохранялась еще простота правовъ первыхъ поселенцевъ колоній, и намѣреніе Лидіи отправиться одной, безъ служанки, на мельницу не могло показаться подозрительнымъ. Взявъ мѣшокъ зеренъ, она зашла на главную квартиру, выпросила себѣ у генерала Гау пропускъ за англійскіе форпосты и вышла за городъ. Оставивъ мѣшокъ на мельницѣ, она побѣжала къ американскимъ аванпостамъ и встрѣтила генералъ-лейтенанта легкой кавалеріи Крека, своего знакомаго. Она передала ему о подслушанномъ приказѣ и вернулась въ городъ съ мѣшкомъ муки за спиной; никто не подозрѣвалъ, что смиренная квакерша спасла армію отъ гибели. На слѣдующую ночь англичане выступили изъ города, къ утру они вернулись. Адъютантъ генеральнаго штаба позвалъ Лидію къ себѣ: «Всѣ-ли спали у васъ въ домѣ въ тотъ вечеръ, Лидія», спросилъ онъ сурово. «Да», отвѣчала она, зная, что отъ ея самообладанія зависѣло спасеніе ея семьи. «Странно, отвѣчалъ адъютантъ. Вы спали, я знаю, я васъ насилу добудился. Намъ измѣнили. Когда мы пришли къ Уайтъ-Маршу, войска Вашингтона стояли подъ ружьемъ, пушки были на-готовѣ, и намъ пришлось уйти назадъ».

Армія Пётнэма была тоже обязана своимъ спасеніемъ женщинѣ; объ этомъ упоминаетъ и Вашингтонъ Ирвингъ въ своей біографіи Вашингтона и въ исторіи Ботта. Генералъ-майоръ Пётнэмъ, очистивъ Нью-Іоркъ, пошелъ въ обходъ дорогой вдоль рѣки, чтобы не встрѣтиться съ англійскими войсками, вступавшими въ городъ съ двухъ сторонъ. Эта дорога пересѣкалась другой, которая должна была его привести прямо къ главной американской арміи. Недалеко отъ мѣста, гдѣ скрещивались дороги, находилось имѣніе Грэнджъ, принадлежавшее мистрисъ Мёррей, которая была ревностная республиканка, или какъ тогда говорили, патріотка, несмотря на то, что ея мужъ былъ тори. Вскорѣ послѣ прохода Пётнэма мимо Грэнджа, на ту же дорогу вышелъ съ другой стороны сильный отрядъ англичанъ и гессенцевъ, который неизбѣжно встрѣтился бы съ Пётнэмомъ, прежде нежели тотъ успѣлъ бы дойти до поворота. Не зная, что непріятель

такъ близко впереди, англійское войско остановилось на роздыхъ у Грэнджа. Мистрисъ Мёррей на этотъ разъ встрѣтила непріятеля угощеніемъ, какъ встрѣчала войска республики; пригласила офицеровъ къ себѣ, поставила вина и задержала ихъ любезностями цѣлыхъ два часа. Губернаторъ Тріонъ тоже все время подтрунивалъ надъ бѣгствомъ враговъ; она выслушивала шутки съ отлично сыгранной веселостью, не выдавъ своей тревоги. Когда англичане выступили въ походъ, Пётнэмъ былъ уже далеко за поворотомъ на дорогѣ къ главной арміи. Тоже сдѣлала другая женщина съ отрядомъ кавалеріи. Лазутчики виговъ привезли извѣстіе, что полковникъ Торльтонъ идетъ форсированнымъ маршемъ въ Чарльстонъ захватить всѣхъ членовъ суда, который тогда собрался на зимнюю сессію. Нѣкоторые изъ членовъ были въ гостяхъ на плантаціи полковника виговъ Джона Уокера. Извѣстіе пришло поздно и вслѣдъ за нимъ появились и англійскіе солдаты съ торіями у воротъ дома. Торльтонъ арестовалъ двухъ членовъ суда, остальные успѣли убѣжать, благодаря помощи мистрисъ Уокеръ. Торльтонъ потребовалъ обѣда для голодныхъ солдатъ. Мистрисъ Уокеръ нарочно мѣшкала приготовленіями, и потомъ такъ долго задержала Торльтона угощеніемъ и любезностью, что бѣжавшіе члены суда успѣли достигнуть Чарльстона и припрятать всѣ бумаги.

Мистрисъ Эллетъ разсказываетъ еще нѣсколько случаевъ въ этомъ родѣ, когда американскія войска были обязаны своимъ успѣхомъ участію женщинъ. Не придавая преувеличеннаго значенія этому участію, нельзя не признать въ тоже время, что оно вліяло отчасти на счастливый исходъ войны. Очень понятно, какая неизмѣримая разница вести войну среди враждебнаго или дружески расположеннаго населенія; какъ поднимаетъ духъ войска увѣренность, что оно найдетъ всюду радушный пріемъ, помощь, что ему нечего бояться нечаяннаго нападенія, потому что сотни преданныхъ друзей, какъ тогда называли виги другъ друга, готовы предупредить его о каждомъ движеніи непріятеля. Очень понятно, какъ много зависитъ успѣхъ войны отъ духа войска, какъ часто судьба арміи виситъ на волоскѣ во время отступленій, тайныхъ переходовъ, чтобы ускользнуть отъ непріятеля, и какъ важно въ это время, чтобы не нашлось врага или измѣнника, который могъ бы навести непріятеля на слѣдъ.

Армія Вашингтона, спасенная разъ женщиной, чуть не была погублена въ другой, тоже женщиной. Жена Джона Рэпельджъ жила въ своемъ деревенскомъ домѣ на Лонгъ-Эйлендѣ близъ Брукской переправы (Brook Ferry). Она была женой лоялиста

и вполнѣ раздѣляла убѣжденія мужа. Въ 1776 г. она продолжала пить запрещенный чай. Нѣсколько подпившихъ милиціонеровъ-виговъ стали стрѣлять въ окна въ то время, когда она сидѣла за чайнымъ столомъ. Они были наказаны, но она не удовлетворилась наказаніемъ, найдя его слишкомъ легкимъ. Когда Вашингтонъ, стоявшій лагеремъ на Лонгъ-Эйлендѣ, сталъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ готовиться съ величайшей таинственностью къ своему знаменитому ночному отступленію, мистрисъ Рэпельджъ, изъ оконъ дома которой была видна Brook Ferry, догадалась въ чемъ дѣло, видя множество лодокъ на рѣкѣ, и въ отмщеніе за полученное оскорбленіе, отправила своего негра къ англійскому главнокомандующему, съ увѣдомленіемъ о предполагаемомъ отступленіи. Негръ, къ счастью, попался въ руки часового гессенца, который, не понявъ ни слова изъ того, что онъ говорилъ, продержалъ его до утра. Онъ прибылъ въ главную квартиру англійской арміи, когда американская армія съ обозомъ и артиллеріей благополучно переправилась черезъ рѣку. Историки войны за независимость и біографы Вашингтона говорятъ, что еслибы англичане напали на него во время этой ночной переправы, то легко могли бы уничтожить всю армію. «Отъ такой счастливой случайности зависѣла судьба зараждавшейся республики», говоритъ мистрисъ Эллетъ. Но судьба народовъ не въ рукахъ войска, она въ ихъ собственныхъ. Пораженіе, даже уничтоженіе арміи Вашингтона не могло погубить зарождавшуюся республику, она была подготовлена вѣками развитія европейской мысли, которая, не находя себѣ мѣста въ Старомъ Свѣтѣ, воплотилась въ смѣлыхъ піонерахъ Новаго. Республика была въ религіи, въ нравахъ, въ крови американцевъ. Пораженіе арміи Вашингтона могло только отсрочить ея рожденіе на неопредѣленное время. Счастливая случайность была каплей, перетянувшей колебавшіеся вѣсы.

IV.

Дѣятельное участіе, которое принимали американки въ войнѣ, было признано самими англичанами. Сохранилось нѣсколько приказовъ англійскихъ военныхъ начальниковъ обыскать домъ той или другой женщины за укрывательство шпіоновъ американской арміи. Эти услуги всего болѣе оказала республикѣ Маргарита Уэттэнъ, которую за нихъ не разъ грозили выслать изъ города. Сара М. Калла, за смѣлый отвѣтъ лорду Раудону, приведенный нами выше, находилась подъ строгимъ присмотромъ каж-

дый разъ, когда она павѣщала плѣннаго мужа. «Эта женщина, сказалъ онъ, можетъ надѣлать много вреда войскамъ его величества», и не ошибся; потому что Сара М. Калла съ необыкновенной проницательностью умѣла собирать свѣдѣнія о движеніи войскъ, когда бывала въ Бостонѣ у мужа, и передавала ихъ вигамъ. Онъ приказалъ строже стеречь ея мужа, на томъ основаніи, что мужъ такой женщины долженъ быть опаснымъ врагомъ. «Лордъ Раудонъ, говоритъ мистрисъ Эллетъ, разсуждалъ въ этомъ случаѣ какъ испанскій генералъ, который, обѣщавъ помилованіе одному военноплѣнному за то, что сынъ его согласился дать себѣ отрѣзать уши, чтобы спасти отца, казнилъ его и оправдывалъ себя тѣмъ, что отецъ такого ребенка опасенъ для Испаніи». Англичане, стараясь привлечь на свою сторону главныхъ начальниковъ виговъ, чаще всего старались дѣйствовать черезъ женщинъ, зная, какъ сильно было ихъ вліяніе на мужей и сыновей. Полковникъ Рэндольфъ съ своимъ партизанскимъ отрядомъ наносилъ много вреда англійской арміи, стоявшей лагеремъ на восточной сторонѣ Стэтэнъ-Эйленда; англійскіе офицеры предложили его сестрѣ, мистрисъ Дизосуей, мужъ которой былъ плѣнникомъ на кораблѣ, освободить ея мужа, если она уговоритъ брата пристать къ тори. Она отвѣчала съ негодованіемъ: «Еслибы я даже была способна поступить такъ подло, то неужели вы думаете, что въ арміи Вашингтона—всего одинъ Рэндольфъ»? Когда Нью-Джерсей былъ занятъ англичанами, Бордентоунъ, имѣніе, принадлежавшее мистрисъ Борденъ, было главной квартирой войска. Одинъ изъ генераловъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ газетъ, самъ лордъ Корнваллисъ, требовалъ, чтобы мистрисъ Борденъ своимъ вліяніемъ заставила мужа и сыновей измѣнить республикѣ, угрожая въ противномъ случаѣ опустошить все ея имѣніе. Мистрисъ Борденъ отвѣчала: «Видъ моего пылающаго дома будетъ для меня наслажденіемъ. Я знаю очень хорошо, что вы уничтожаете только то, что не надѣетесь сохранить для себя. Первый факелъ, который зажжетъ мои стѣны, будетъ сигналомъ вашего ухода». Угроза была исполнена, домъ сожженъ до тла и имѣніе опустошено. Мистрисъ Эллетъ, какъ примѣръ вліянія женщины, приводитъ Изабеллу Фергюзонъ, невѣстку Елизабеты, которая участвовала въ неудачной попыткѣ подкупить генерала Рида. Изабелла была пресвитеріянка и горячая исповѣдница политическаго символа вѣры этой церкви, говоритъ мистрисъ Эллетъ. Мужъ ея былъ фермеръ охотникъ — и ничего болѣе. Всѣ братья его были лоялистами, а старшій, полковникъ Фергюзонъ, которому обѣщаны большія выгоды, убѣждалъ брата пристать къ его партіи. «Я буду сдѣланъ лордомъ,

сказалъ онъ, и тогда каково будетъ мое положеніе, когда мнѣ скажутъ, что братъ бунтовщикъ». Изабелла услышала это и отвѣчала: «Да, я бунтовщица и горжусь этимъ, мой отецъ и братья бунтовщики. Слушай, Сэмъ, что я скажу тебѣ; мнѣ легче было бы видѣть тебя въ рубищѣ, чѣмъ выряженнымъ въ этомъ мундирѣ. Бунтуй и освобождай себя, вотъ моя вѣра. Мы часто съ тобой говорили объ этомъ, Сэмюель, ты самъ никогда не оправдывалъ эти беззаконныя злодѣйства. Они пришли сдѣлать рабами насъ, которые скорѣе умремъ, чѣмъ согласимся покориться; они пришли насъ грабить, отнимать скотъ. Если ты пойдешь съ ними, то и оставайся тамъ, я больше не жена тебѣ; ты знаешь, если братья Джо или Дженъ (ея братья Барберы, партизаны) увидятъ тебя въ его компаніи, они выберутъ тебя цѣлью и не промахнутся». Этотъ потокъ словъ, переданный мистрисъ Эллетъ, по ея отзыву, съ буквальной вѣрностью, убѣдилъ Сэма отказаться отъ предлагаемой чести. Онъ попросилъ брата передать англійскому военачальнику, что будетъ служить его королевскому величеству дома и прибавилъ, что еслибы ему удалось переубѣдить его Изабеллу, то онъ привелъ бы къ его величеству всѣхъ республиканцевъ ихъ округа. Служить дома королю ему не удалось, потому что Изабелла завела въ имѣніи складъ запасовъ и содержала семейства милиціонеровъ. Сэмъ не слишкомъ тужилъ объ этомъ, потому что братья его одинъ за другимъ были убиты. Партизаны были мѣткіе стрѣлки и постоянно цѣлились въ офицеровъ, такъ что полковникъ Фергюзонъ носилъ сверхъ мундира блузу, но и это не спасло его. Сэмюель Фергюзонъ былъ единственный лоялистъ, которому позволено было остаться въ Честерскомъ округѣ, по заключеніи мира, и этимъ онъ обязанъ патріотизму жены.

Всего болѣе дѣятельности, мужества и геройства выказали въ войнѣ за независимость женщины пограничныхъ округовъ. Имъ пришлось нести самую тяжелую долю въ лишеніяхъ и бѣдствіяхъ этой эпохи. Сосѣдство индѣйскихъ племенъ, союзниковъ англичанъ, увеличивало ужасъ войны. Индѣйцы грабили, жгли, скальпировали женщинъ, уводили дѣтей. Мужья составляли отряды, чтобы преслѣдовать непріятеля, и часто въ деревняхъ оставались однѣ женщины. Онѣ составляли отряды, учились стрѣльбѣ и не разъ отстаивали свои домы отъ шаекъ краснокожихъ и дезертеровъ. Онѣ пахали землю, сѣяли хлѣбъ и часто отрядъ кавалеріи скашивалъ зеленую жатву для корма скота. Хлѣба не стало. Онѣ поджаривали еще зеленыя зерна и это было ихъ пищей въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Мяса давно не было. Если случалось достать его, или добыть охотой какую-нибудь дичь, то ее

очень часто, за недостаткомъ соли, приправляли золой. Постельное бѣлье и одѣяла исчезли, солдаты уносили все, что могли захватить изъ полотняныхъ вещей и всѣ запасы полотна, и имъ приходилось спать на бычачьихъ шкурахъ. Обувь износилась, достать новой было невозможно, всѣ запасы ея ушли на войско, а подвозъ товаровъ былъ невозможенъ въ странѣ, занятой непріятелемъ. Онѣ обертывали ноги сукномъ, въ нѣсколько разъ сшитыя, покромки сукна служили подошвами. Многія уходили въ лѣса и прилаживали пряжу къ деревьямъ, ткали полотна, которыя закрывали листьями. Несмотря на эти лишенія и ежедневно грозившую опасность быть сожженной заживо или скальпированной, женщины пограничныхъ округовъ были самыми ревностными «дочерьми свободы». Ни разу среди ихъ не раздался голосъ за подчиненіе. Онѣ заставляли мужей отказываться упорно отъ protection letters, и когда ихъ села и городки были заняты англичанами, онѣ, забравъ дѣтей, уходили, часто нищенствуя, чтобы прокормиться.

Исторія пограничной войны (Border war) сохранила для потомства много подвиговъ женщинъ. Бётлеръ въ своей исторіи Гроттона говоритъ, что патріотизмъ женщинъ въ это время, которое было тяжелымъ искусомъ и для мужской твердости, выказался во всей своей силѣ. Когда полковникъ Прескоттъ со своимъ отрядомъ милиціонеровъ, прозванныхъ minute men — люди мгновенія, потому что они являлись мгновенно то въ впереди, то въ тылѣ, то съ фланговъ непріятеля, — выступилъ изъ округа Гроттонъ, двѣ женщины, мистрисъ Давидъ Райтъ изъ Пенпереля и мистрисъ Джо Шеттёнъ изъ Гроттона, собрали женщинъ сосѣднихъ округовъ, одѣлись въ платья мужей и вооружились ружьями, вилами, заступами. Мистрисъ Райтъ была выбрана сержантомъ отряда. Онѣ очередными патрулями сторожили границу и мостъ, и поклялись не пропускать ни одного непріятеля. Ночью онѣ завидѣли по дорогѣ одного изъ сосѣдей, котораго давно подозрѣвали въ торизмѣ и шпіонствѣ. По приказанію сержанта Райта его схватили, сдернули съ лошади, обыскали и нашли депеши въ сапогахъ. Продержавъ плѣнника до утра, онѣ отправили его съ конвойными до ближайшаго поста американскихъ войскъ, а депеши представили въ комитетъ общественной безопасности. На этомъ оканчивается выписка изъ исторіи Гроттона; но мистрисъ Эллетъ прибавляетъ еще подробность, сообщенную ей знаменитымъ американскимъ историкомъ, имени котораго она не называетъ, но по всѣмъ вѣроятіямъ это долженъ быть Прескоттъ, на свидѣтельство котораго она не разъ ссылалась въ своихъ мемуарахъ. На разсвѣтѣ, курьеръ увидѣлъ,

въ чьи руки онъ попался и такъ какъ онъ былъ очень красивый молодой человѣкъ, то онъ пытался смягчить сердца своихъ побѣдительницъ по всѣмъ правиламъ галантерейности того времени, но все искусство его пропало даромъ для суровыхъ женщинъ республики. Ту же услугу революціи оказали женщины семейства Мертинъ. Мать, мистрисъ Мертинъ была, несмотря на далеко не молодыя лѣта, крѣпкой энергической женщиной—матроной Рима или Спарты. Она въ началѣ войны, когда по всѣмъ церквамъ округа Найнти-Сиксъ раздался призывъ къ вооруженію, отправила девятерыхъ сыновей въ лагерь съ словами: «Ступайте, молодцы, сражайтесь за свободу, до смерти, если придется, но не дайте унизить ваше отечество. Будь я мужчина, я пошла бы вмѣстѣ съ вами». Когда гулъ пушечной пальбы Чарльстонской битвы доносился до ея фермы, она, поднявъ руки къ небу, вскричала: «Благодарю небо, они сыновья республики». Сыновья такой матери были герои; они нанесли много вреда непріятелю, и имя Мертиновъ сдѣлалось ненавистно королевскимъ войскамъ. Когда старшій сынъ ея былъ убитъ при осадѣ Аугусты, одинъ англійскій офицеръ, удовлетворяя чувству злобной мести, заѣхалъ нарочно на ферму, чтобы спросить мистрисъ Мертинъ, не было ли у нея сына въ послѣднемъ сраженіи. На утвердительный отвѣтъ ея онъ сказалъ, что видѣлъ мозгъ его, разбрызганный выстрѣломъ. Несмотря на неожиданность удара она, чтобы не порадовать врага своего горестію, нашла въ себѣ силы отвѣтить спокойно: «Онъ не могъ умереть за лучшее дѣло». Эта же мистрисъ Мертинъ съ двумя невѣстками, узнавъ случайно, что ночью по лѣсной дорогѣ, находившейся близь ихъ фермы, долженъ былъ проѣхать курьеръ съ депешами, составила планъ захватить депеши. Онѣ одѣлись въ платье мужей и съ ружьями и пистолетами спрятались въ кусты у дороги. Когда курьеръ въ сопровожденіи двухъ солдатъ поровнялся съ ними, онѣ выскочили изъ кустовъ и съ крикомъ кинулись на непріятеля, требуя депешъ. Захваченный въ расплохъ курьеръ, видя приставленные къ груди пистолеты, и въ темнотѣ полагая, что имѣетъ дѣло съ сильнымъ непріятелемъ, отдалъ сумку съ депешами и вмѣстѣ съ конвойными былъ отпущенъ на слово. Мистрисъ Мертинъ съ дочерьми и невѣстками не разъ сами служили курьерами республиканской арміи, и мистрисъ Эллетъ отзывается съ большой похвалой объ осторожности и ловкости, которыя онѣ выказали въ исполненіи данныхъ порученій, и объ ихъ умѣніи хранить ввѣренную тайну.

Какъ ни наивной и обидной можетъ показаться послѣдняя похвала для женщинъ, но нельзя не сознаться, что она вызвана

необходимостью. Одно изъ многихъ обвиненій, которыя противники общественной дѣятельности женщины приводятъ въ доказательство ея неспособности — обвиненіе въ страсти къ болтовнѣ и неумѣньи хранить ввѣренную тайну, недостатки, которые, какъ утверждаетъ вѣковая клевета, составляютъ исключительное свойство женской природы. Но еслибы обвинители были способны заглянуть поглубже въ жизнь женщины, они увидѣли бы, что скрытность—недостатокъ, въ которомъ скорѣе бы слѣдовало упрекнуть женщинъ. Это свойство всѣхъ порабощенныхъ, униженныхъ, задавленныхъ личностей. Если женщинамъ и случалось иногда выдавать важную тайну или неосторожно болтать объ общественныхъ дѣлахъ, то единственно оттого, что вслѣдствіе непривычки принимать въ нихъ участіе онѣ неспособны понимать всей ихъ важности; но тѣ же самыя женщины умѣли съ изумительнымъ искусствомъ, несмотря на самыя инквизиторскія выпытыванія, сохранять въ продолженіи цѣлой жизни какую-нибудь ничтожную, лично ихъ касавшуюся тайну. Американки временъ революціи опровергнули самымъ блестящимъ образомъ вѣковую клевету болтливости, тяготѣвшую надъ женщинами.

Многія изъ женщинъ колоній отличились при защитѣ фортовъ и своимъ присутствіемъ духа спасали гарнизонъ. Такъ было при осадѣ англичанами форта Брайэнта близъ Лексингтона въ 1780 г. Гарнизонъ снабжался водой, которую каждое утро приносили женщины изъ ручья, протекавшаго недалеко отъ форта. Въ фортѣ получено было извѣстіе, что отрядъ индѣйцевъ залегъ въ засаду въ лѣскѣ у ручья, другой съ нѣсколькими ротами англичанъ стоялъ въ виду крѣпости. Недоставало воды. Собравшійся совѣтъ рѣшилъ послать женщинъ, потому что индѣйцы, увидѣвъ, вмѣсто женщинъ, солдатъ, могли догадаться, что въ фортѣ извѣстно о засадѣ, и напасть на нихъ съ двухъ сторонъ. Мистрисъ Эллетъ чистосердечно сознается, что не всѣ женщины оказались героинями, нѣкоторыя отказались идти, но нѣсколько мужественныхъ женщинъ убѣдили робкихъ и всѣ съ ведрами вышли за ворота. Онѣ спокойно ровными шагами подошли къ ручью, наполнили ведра, безъ малѣйшей поспѣшности или признаковъ страха и такъ же спокойно вернулись, не подавъ ни малѣйшаго подозрѣнія индѣйцамъ.

Въ сраженіи при рѣкѣ Катаубѣ отличились двѣ молодыя женщины, Эстеръ Уокеръ и Мери Гэстонъ, невѣстка главнаго организатора партизанскихъ пограничныхъ отрядовъ, судьи Гэстона. Услыхавъ пальбу, онѣ, несмотря на убѣжденія родныхъ, поѣхали верхами къ мѣсту сраженія. На встрѣчу имъ попалось нѣсколько бѣглецовъ. Эстеръ остановила ихъ и уговаривала вер-

нуться. Они колебались. Тогда она вскричала въ негодованіи: «Дайте намъ ваши ружья, мы пойдемъ на ваши мѣста». Пристыженные бѣглецы вернулись. Эстеръ съ невѣсткой послѣдовали за ними и остались до конца сраженія. Онѣ разносили порохъ, воду, перевязывали раненыхъ и уносили ихъ изъ-подъ выстрѣловъ. При осадѣ форта Генри, на берегу Огіо, гарнизонъ былъ обязанъ женщинѣ спасеніемъ форта. Англичане осаждали его съ отрядами краснокожихъ, полковникъ Шэпердъ съ слабымъ отрядомъ милиціонеровъ защищалъ его. Долго отстаивали они фортъ съ упорнымъ мужествомъ, наконецъ оказался недостатокъ въ порохѣ. Англичане въ это время очень кстати прекратили огонь и выставили переговорный флагъ, требуя сдачи. Шэпердъ захотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы добыть пороха. Въ домѣ одного изъ милиціонеровъ, Эбенезера Зэна, былъ спрятанъ большой бочонокъ пороха. Домъ стоялъ въ концѣ деревни за фортомъ и идти къ нему приходилось подъ выстрѣлами непріятеля, который не замедлилъ бы открыть огонь. Шэпердъ вызвалъ охотниковъ. Вышло четыре, но онъ велѣлъ бросить жребій, кому идти, потому что могъ рисковать не болѣе какъ однимъ человѣкомъ. Тогда сестра Эбенезера, Елизабета, вызвалась сходить за порохомъ. Напрасно отговаривали ее братья и невѣстка, она твердо стояла на своемъ, что должно беречь гарнизонъ, а жизнь ея не нужна для защиты форта. Полковникъ, чтобы не тратить даромъ послѣднихъ минутъ перемирія, согласился. Ее выпустили изъ воротъ; индѣйцы, бродившіе около деревни, видѣли ее издали, но пропустили, по капризу состраданія, или просто жалѣя тратить заряды на женщину. Она взяла порохъ и, по отзыву однихъ газетъ, пронесла боченокъ на спинѣ, по отзыву другихъ, высыпала его въ большую скатерть и обвязала около пояса. Когда она вышла изъ дома, индѣйцы, подозрѣвая, что ее посылали не даромъ, осыпали ее градомъ пуль, но къ счастію ни одна не задѣла ее и она донесла благополучно порохъ до форта. Неустрашимость молодой дѣвушки воодушевила измученный гарнизонъ и, благодаря принесенному пороху, онъ продержался до прихода американской арміи. Во все продолженіе осады Елизабета и другія женщины, бывшія въ фортѣ, не отходили отъ стѣнъ, разносили порохъ, воду, заряжали ружья. Елизабетѣ было не болѣе шестнадцати лѣтъ и она только-что вышла изъ школы. Впрочемъ это далеко не единственный примѣръ героизма дѣвушекъ этихъ лѣтъ. Такъ одна, миссъ Муръ, отправилась ночью черезъ рѣку Сэлюба въ маленькой лодкѣ и въ сопровожденіи девятилѣтняго мальчика, передать капитану Уэллесу нужныя депеши. Миссъ Муръ было не болѣе пятнадцати лѣтъ. Но то было время,

крестившее огнемъ, оно крестило въ героинь женщинъ чуть вышедшихъ изъ дѣтства.

Особенно интересны въ этихъ мемуарахъ біографіи Мери М. Клюръ и Катерины Стиль. Въ округѣ Фишингъ-Криксъ Южной Каролины долго сохранялось преданіе о первой, какъ объ одной изъ самыхъ дѣятельныхъ женщинъ. Мери М. Клюръ была женой одного изъ первыхъ поселенцевъ въ этомъ округѣ, который много терпѣлъ отъ нападеній шаекъ индѣйцевъ. Она не разъ въ отсутствіе мужа защищала себя и дѣтей отъ краснокожихъ и была за то прозвана Черокезской героиней.

Мистрисъ Клюръ была уже пожилой женщиной, матерью семерыхъ взрослыхъ дѣтей — четырехъ сыновей и трехъ дочерей. Два старожила, жившіе въ то время, когда мистрисъ Эллетъ собирала матеріалы для мемуаровъ, говорили ей, что «Мери М. Клюръ была неутомима, дѣлала все, что могла, убѣждала всѣхъ вооружаться, послала въ армію всѣхъ сыновей и зятьевъ, и даже сосѣдей». Она была ревностная кальвинистка и религіозная фанатичка. Но фанатизмъ—признакъ большой нравственной силы; дѣло въ томъ, на что онъ направленъ. Религіозный фанатизмъ того времени служилъ свободѣ и цивилизаціи. Суровая пуританка съ омерзѣніемъ смотрѣла на распущенность нравовъ придворныхъ британскаго двора, которые пріѣзжали наживаться въ колоніи, грабя народъ и заражая его продажностью. Она была убѣждена, что нечестивцы заслужатъ праведный гнѣвъ Господень, и въ самое тяжелое время, когда американскія войска были разбиты, она ни на минуту не теряла надежды на близкое торжество сыновъ свободы. Война за независимость была для нея религіозной войной,—за истину, которой учила ее библія, что народъ имѣетъ право на самоуправленіе и въ церкви, и государствѣ. Она готова была вынести мученическую смерть, чтобы видѣть «исполненіе слова Божія и, судя по себѣ, говорила, что столѣтія борьбы не сломятъ народъ Божій». Когда англійскія знамена побѣдоносно развѣвались въ обѣихъ Каролинахъ, она предсказывала, что «британцы закованные враги, и время гибели ихъ близко». Вліяніе такихъ натуръ всегда сильно на окружающихъ, и Мери привела подъ знамена республики бо́льшую часть сосѣдей, колебавшихся между двумя сторонами. Женщины сосѣднихъ округовъ подчинились ея вліянію и Фишингъ-Криксъ съ сосѣдними округами дружно вооружился за республику. Старшій сынъ ея, Джонъ Мак-Клюръ, былъ однимъ изъ самымъ отважныхъ партизановъ южныхъ штатовъ.

Англичане, занявъ южную Каролину, издали прокламаціи, приказывавшія всѣмъ вигамъ, не медля, выѣхать изъ страны, а остав-

шимся покориться, угрожая въ случаѣ неповиненія висѣлицей. Мери Мак-Клюръ осталась и дѣлала порохъ и лила изъ своей оловянной посуды пули, снаряжая младшихъ сыновей въ лагерь. Отрядъ солдатъ, подъ начальствомъ извѣстнаго своимъ звѣрствомъ капитана Хёка, пришелъ схватить ихъ. Они защищались отчаянно, но были осилены многочисленнымъ непріятелемъ. Ихъ взяли въ плѣнъ, обыскали: карманы были полны пулями, запасъ пороху и пуль былъ найденъ въ домѣ. Расправа была коротка. Обоимъ сыновьямъ накинули веревки на шею. Мать знала, что всѣ мольбы будутъ напрасны и молча смотрѣла на приготовленія казни. Оставивъ связанныхъ плѣнныхъ, солдаты принялись грабить домъ, а мистрисъ Мак-Клюръ воспользовалась этимъ, чтобы отправить старшую дочь Мери въ отрядъ къ старшему брату, который явился во́-время, чтобы спасти братьевъ. Во время грабёжа дома, Хёкъ швырнулъ библію и псалтыри въ огонь, замѣтивъ, что эти книги дѣлаютъ ихъ такими проклятыми измѣнниками; мистрисъ Мак-Клюръ кинулась спасать свою святыню изъ пламени, взбѣшенный Хёкъ ударилъ ее плашмя саблей. «Сэръ, отвѣчала она, этотъ ударъ вамъ дорого обойдется». Эту же неустрашимость выказала она, когда ей пришлось навѣстить плѣннаго сына, умиравшаго въ Чарльстонѣ; она отправилась одна верхомъ за двѣсти миль. И въ Чарльстонѣ она продолжала предрекать близкую гибель враговъ; несмотря на то, что ей не разъ пришлось быть свидѣтельницей жестокости англичанъ не только въ отношеніи плѣнныхъ, но даже женщинъ и дѣтей, она продолжала «дразнить льва въ его логовищѣ», какъ она говорила. Дочь ея, Мери, составила общество женщинъ и съ ними ходила обработывать землю бѣдныхъ фермеровъ, жены которыхъ не въ силахъ были, послѣ ухода мужей въ лагерь, справиться съ работой. Многимъ изъ этихъ женщинъ въ первый разъ пришлось браться за заступъ и плугъ, и благодаря имъ Фишингъ-Криксъ былъ спасенъ отъ бѣдствій голода.

Катерина Стиль была героиней того же закала, какъ и Мери Мак-Клюръ. Она тоже принадлежала къ числу первыхъ поселенцевъ на берегахъ Катаубы въ южной Каролинѣ. Двадцатилѣтняя женщина, веселая, живая и романическая, съ радостью пошла на полную приключеній и опасностей жизнь піонеровъ. Она мужественно переносила всѣ опасности и лишенія, которыя казалось только доставляли пищу ея неистощимой веселости и остроумнымъ шуткамъ, въ которыхъ выказался ея національный характеръ. Катерина Стиль была ирландка. Около Стилей собралось нѣсколько семей поселенцевъ. Во время войны съ индѣйцами домъ мистриссъ Стиль былъ обращенъ въ блокгаузъ,

обложенъ дерномъ и укрѣпленъ. Сосѣди пріютились въ фортѣ Стиля — какъ его прозвали. Когда мужья уходили въ военныя экспедиціи, мистрисъ Стиль, собравъ женщинъ подъ свою команду, учила ихъ стрѣлять, отбивала нападенія индѣйцевъ и была прозвана Кэти изъ крѣпости, «Katy of the fort». Мужъ ея былъ убитъ индѣйцами, Кэти занялась воспитаніемъ дѣтей и обработываніемъ фермы. Когда дѣти выросли, она раздѣлила между ними поровну имѣніе, признавая несправедливымъ законъ первородства, который былъ въ полной силѣ въ южныхъ штатахъ, и старшій сынъ добровольно согласился на раздѣлъ, который дѣлалъ его скромнымъ фермеромъ изъ богатаго землевладѣльца. Онъ съ дѣтства привыкъ видѣть общее уваженіе къ его матери, его убаюкивали разсказами о героизмѣ «Кэти изъ крѣпости», онъ видѣлъ въ ней опору, друга и руководителя, ея вліяніе на сына было прочно и глубоко. Она передала ему свою любовь къ свободѣ, и вдохнула въ него свое романическое и непреклонное мужество, говоритъ мистрисъ Эллетъ. Отношенія между матерью и сыномъ были отношенія двухъ друзей, товарищей по общему дѣлу, такъ что еслибы кто случайно подслушалъ ихъ разговоры, то могъ бы подумать, что то говоритъ не мать съ сыномъ, а двое молодыхъ людей обсуждаютъ съ одушевленіемъ общественныя дѣла. Сынъ такой матери не могъ не быть героемъ. Историки войны за независимость прозвали его «Мюратомъ 1780 г.». Онъ отличился при осадѣ Саванны въ аттакѣ подъ начальствомъ графа Пулавскаго, и съ отрядомъ партизанъ безпрестанными нападеніями нанесъ много вреда англичанамъ при осадѣ Чарльстона. Онъ былъ изъ первыхъ республиканцевъ, собравшихся въ домѣ судьи Джона Гэстона, которые дали клятву не подчиняться англичанамъ и биться до послѣдней капли крови. Судья Гэстонъ былъ первымъ организаторомъ возстанія въ Каролинѣ. Катерина Стиль дѣятельно помогала ему. Въ утро знаменитой клятвы, когда отрядъ двинулся въ походъ, она позвала младшаго сына Джона, юношу семнадцати лѣтъ, и отдавая ему ружье, сказала: «Ступай съ ними, я не хочу, чтобъ могли сказать, что сыновья стараго сквайра сдѣлали болѣе для свободы, чѣмъ сыновья вдовы Стиль». Этотъ отрядъ разбилъ англичанъ въ нѣсколькихъ стычкахъ и эти успѣхи, какъ они ни были незначительны сами по себѣ, имѣли благодѣтельное вліяніе на весь округъ; они подняли падавшій духъ и удержали многихъ робкихъ, которые думали уже передаться англичанамъ. Мистрисъ Стиль оказала важную услугу республиканской арміи, спасши бумаги генерала Сёмтера. Старшій сынъ ея Джонъ, прозванный «Мюратомъ рѣки Катаубы», прикрывалъ съ своимъ отрядомъ конныхъ

партизановъ отступленіе генерала Сёмтера. Когда въ ночь 18-го августа на армію его напали англичане и начали рѣзать сонныхъ солдатъ, Стиль вынесъ соннаго генерала изъ палатки, посадилъ на лошадь, захватилъ его чемоданъ съ бумагами; проводивъ Сёмтера по дорогѣ въ Чарлотъ, онъ съ чемоданомъ поѣхалъ къ матери, и встрѣтивъ женщину изъ сосѣднихъ виговъ, поручилъ ей передать мужу и всѣмъ «друзьямъ», чтобы они собирались съ оружіемъ въ Чарлотъ къ генералу Сёмтеру. Джонъ Стиль не зналъ, что мужъ этой женщины послѣ уничтоженія арміи передался торіямъ. Мужъ собралъ торіевъ, чтобы захватить капитана Стиля съ бумагами. Утромъ два отряда непріятеля напали на ферму Ниля, гдѣ остановился Стиль съ матерью. Милиціонеры, еще не оправившіеся послѣ ночной рѣзни 18-го августа, потеряли голову отъ неожиданнаго нападенія. Мистрисъ Стиль, выглянувъ изъ окна, закричала имъ сперва «сражайтесь», но видя, что они растерялись совершенно, крикнула «бѣгите!» и побѣжала готовить лошадей, и спасать бумаги республики. Джонъ былъ въ сѣдлѣ, когда она принесла ихъ, и не дожидаясь, пока мать отодвинетъ шесты, задвигавшіе ворота, смѣлымъ скачкомъ очутился на другой сторонѣ; за нимъ поскакали другіе, но двое были ранены и упали съ лошадьми, придавивъ мистрисъ Стиль. Въ воротахъ произошла отчаянная схватка съ подоспѣвшими англичанами; по окончаніи ея, когда стали подбирать раненыхъ, подняли и мистрисъ Стиль, которая счастливой случайностью осталась жива и невредима. Когда она пришла въ себя, первыми ея словами были: «Джонъ и бумаги». Узнавъ, что они спасены, она торжественно благодарила Бога при непріятелѣ, доведенномъ до ярости неудачей, и потомъ начала перевязывать раненыхъ. Англичане ушли, но тори, въ отмщеніе за спасеніе бумагъ, сожгли до тла ея домъ и разрушили все, что ей принадлежало.

Были и героини изъ народа или лучше сказать, изъ сословія земледѣльцевъ и работниковъ. Въ мемуарахъ есть нѣсколько очерковъ этихъ героинь. Въ началѣ войны за независимость все пространство штата Георгіи, отъ Негосонскихъ прудовъ до Черокез-Корнера съ одной стороны, и до рѣки Саванны съ другой, было прозвано англичанами Hornets' Nest, т. е. «гнѣздомъ шершней», за ожесточенное сопротивленіе и безпрестанныя нападенія партизановъ. Эта часть штата орошается большимъ ручьемъ, который и теперь извѣстенъ подъ названіемъ «War woman's creek», въ буквальномъ переводѣ: «бухта воинственной женщины». Это названіе онъ получилъ во время войны за независимость, потому что при заливчикѣ, образуемомъ впаденіемъ его въ рѣку Саванна, жила

женщина Нэнси Хартъ, которой преданіе приписываетъ нѣсколько подвиговъ, выказавшихъ далеко не женскую силу и храбрость. Мистрисъ Эллетъ писала этотъ очеркъ со словъ одного старожила, свидѣтеля подвиговъ Нэнси; но допустивъ, что въ разсказъ его вкралось невольное преувеличеніе, нельзя не признать, что и подобныя преданія имѣютъ свою цѣну и бросаютъ свѣтъ на характеръ эпохи. Нэнси Хартъ была женщина грубая, необразованная, но горячая патріотка. Она была усердной помощницей виговъ, которыхъ звала «молодцами свободы». Она носила пищу этимъ молодцамъ, передавала извѣстія, укрывала ихъ, когда они, пробираясь лазутчиками, скрывались отъ преслѣдованій торіевъ. У Нэнси былъ мужъ, добрякъ и тряпка, котораго она звала poor stick—что равносильно болвану, за то, что онъ не ушелъ съ отрядами партизанъ. Нэнси часто отстаивала свой скотъ и птицу отъ грабителей — и разъ даже, какъ говоритъ преданіе, забрала въ плѣнъ человѣкъ пять-шесть торіевъ. Одинъ изъ членовъ революціоннаго комитета штата бѣжалъ отъ преслѣдованія торіевъ; Нэнси впустила его на ферму въ однѣ ворота и выпустила въ другія, и потомъ, заперевъ ворота, стала ждать непріятеля. Они остановились у фермы и спросили, въ какую сторону скрылся бѣглецъ. Нэнси указала на сторону лѣса. Тори, проплутавъ въ безплодномъ поискѣ, вернулись къ фермѣ, требуя обѣда и вина. Торжествующая Нэнси разсказала имъ, какъ она хорошо надула ихъ и сказала, что будь они поумнѣе, то увидѣли бы слѣды лошадиныхъ копытъ, сворачивавшихъ во дворъ фермы; а на требованіе обѣда отвѣчала-было, что не станетъ ни за что кормить проклятыхъ измѣнниковъ, но потомъ уступила, сила была не на ея сторонѣ. Когда тори усѣлись за столъ и кружки съ пивомъ пошли въ круговую, Нэнси замѣтила, что они неосторожно поставили свои мушкеты въ уголъ у стѣны. Въ головѣ Нэнси созрѣлъ планъ овладѣть ими. Она вылила всю воду и когда тори стали требовать воды, отвѣчала, что надо послать дочь ея Сайкей къ ключу. У колодца была привѣшена рогообразная раковина, въ которую трубили въ знакъ опасности. Сайкей побѣжала дать сосѣдямъ сигналъ, а Нэнси между тѣмъ, прислуживая за столомъ, успѣла незамѣтно вытащить сосновыя дранки и лучины, которыми былъ забитъ промежутокъ между бревнами и выбросить на улицу два мушкета; тори замѣтили только, когда она бралась за третій. Они вскочили изъ-за стола, но Нэнси, прижавшись къ углу, закрывая собой остальные мушкеты, встрѣтила ихъ наведеннымъ мушкетомъ. Тори, подпившіе исправно, остановились въ нерѣшимости. Наконецъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ движеніе, чтобы схватить

мушкетъ, Нэнси выстрѣлила и ранила его, потомъ съ быстротой молніи швырнула мушкетъ и взяла другой. Въ эту минуту Сайкей прибѣжала съ мушкетомъ и съ извѣстіемъ, что отецъ и сосѣди сейчасъ придутъ. Нэнси выстрѣлила въ другой разъ и положила другого тори. Нэнси, не выпуская мушкета, требовала съ ругательствами, чтобы они сдали свои проклятые трупы женщинѣ вигу. Тори, заслыша приходившихъ виговъ, сдались. Мужъ Нэнси, видя заграбленный и перерѣзанный скотъ и птицу, хотѣлъ застрѣлить торіевъ, но Нэнси была ожесточена двумя убійствами и сказала, что разстрѣливаніе слишкомъ большая честь для торіевъ. Виги поняли намекъ и, связавъ торіевъ, вздернули ихъ на первое дерево.

Многія жены солдатъ несли въ крѣпостяхъ солдатскую службу наравнѣ съ мужьями и одна изъ нихъ, Маргарита Корбинъ, была изувѣчена ранами, полученными при аттакѣ англичанами форта Вашингтона. Она заняла мѣсто убитаго мужа, канонира, и геройски въ продолженіи всей аттаки успѣшно дѣйствовала его орудіемъ. Когда конгрессъ занялся вознагражденіемъ солдатъ за войну, онъ постановилъ, въ засѣданіи 17 іюля 1779 года, выдать ей похвальный отзывъ и пенсію въ половинное жалованье мужа и ежегодно по парѣ платья изъ общественныхъ магазиновъ, или взамѣнъ его опредѣленную сумму.

Между женщинами Америки нашлась и героиня, которая, какъ Іоанна д'Аркъ, надѣла мужское платье и встала въ ряды солдатъ. Разумѣется, значеніе героизма бѣдной крестьянской работницы Деборы Самсонъ не можетъ сравниться съ значеніемъ крестьянки Дом-Реми. Времена суевѣрія прошли и изъ патріотической энтузіастки, которая отдала свободѣ свои руки и свою кровь, какъ простой рядовой, невозможно было сдѣлать въ XVIII вѣкѣ вдохновенную воительницу-пророчицу, посланную небомъ для спасенія народа отъ враговъ. Но сущность и той и другой была одна и та же. Дебора была дочерью бѣдныхъ работниковъ, умершихъ въ богадѣльнѣ; по смерти ихъ община раздала ея братьевъ и ее съ сестрами по разнымъ семьямъ фермеровъ на воспитаніе. Объ ученіи не могло быть и рѣчи. Дебора была домашней служанкой. У нея была съ дѣтства страсть къ ученью и она удовлетворяла ей урывками, распрашивая школьниковъ, ходившихъ въ школу по дорогѣ, близь которой она пасла скотъ, доставая у нихъ книги. Когда ей минуло восемнадцать лѣтъ, она могла работать на себя; она работала и день и ночь, чтобы скопить себѣ деньги на школу. Въ короткое время она сдѣлала быстрые успѣхи: для нея довольно было нѣсколькихъ мѣсяцевъ на то, на что другіе тратили годы. Революція вспыхнула; кро-

вопролитная лексингтонская рѣзня послужила призывомъ къ возстанію въ Новой Англіи, мужчины ушли въ партизанскіе отряды. Дебора отдала послѣдніе пенсы на вооруженіе. Но ей мало было этой жертвы, она горько жалѣла, что она не мужчина и не можетъ принять участія въ святой войнѣ. Отъ сожалѣнія она перешла къ мысли выдать себя за мужчину; ей это было не трудно. Она была высока ростомъ, широка въ кости и худощава. Трудности солдатской жизни не могли остановить дѣвушку, съ дѣтства привыкшую къ тяжелому труду и нуждѣ. Всѣ біографіи Деборы и разсказы о ней газетъ единодушно свидѣтельствуютъ, что патріотизмъ, какъ называли тогда чувство независимости, поднимавшее народъ,—былъ единственнымъ побужденіемъ ея необыкновенной рѣшимости. Ею руководила не любовь, которую привыкли считать единственнымъ двигателемъ женщины, потому что ни разу народная молва не связала ея имени съ кѣмъ-либо изъ сосѣднихъ деревенскихъ молодцовъ, тогда какъ она указала на двухъ-трехъ дѣвушекъ, ушедшихъ солдатами, какъ Дебора, но за своими возлюбленными; ею руководило не честолюбіе, потому что она скрыла свое намѣреніе отъ всѣхъ и скрывала свой полъ во все продолженіе службы. Мистрисъ Эллетъ, которая не особенно сочувственно относится къ этой героинѣ, полагаетъ, что причиной рѣшимости Деборы могло быть отчасти и неимѣніе какой либо связи и романическая натура, жаждавшая необыкновеннаго. Это объясненіе вѣрно, только устарѣвшее слово «романическая» не подходитъ къ деревенской работницѣ, которую необразованность спасла отъ этой утонченности; скорѣе это была чрезвычайно энергическая женщина. Дебора сшила себѣ мужскую одежду изъ сѣрой бумазеи и прятала ее въ сѣно; потомъ, сказавшись хозяевамъ, что идетъ на болѣе выгодное мѣсто, дошла съ котомкой за плечами до ближняго лѣса, переодѣлась милиціонеромъ и поступила подъ именемъ Роберта Шертлифа въ отрядъ капитана Тэйера. Она служила солдатомъ три года, была отличена за свою исполнительность начальниками, участвовала волонтеромъ во многихъ опасныхъ предпріятіяхъ, и ни разу никто не заподозрилъ, что расторопный бравый солдатъ Робертъ — женщина; только солдаты звали ее въ насмѣшку Милли за то, что у нея не было бороды. Она была ранена два раза. Первый разъ ударомъ сабли въ голову, рана зажила мѣсяца черезъ три и она снова вступила на службу; второй—пулей въ плечо. Первой мыслью ея былъ ужасъ предстоящаго открытія; но на полѣ сраженія было такое множество раненыхъ, что перевязывавшій ее хирургъ не обратилъ на нее особеннаго вниманія. Потомъ она заболѣла въ госпиталѣ воспа-

леніемъ и ее сочли умершей; но докторъ захотѣлъ ощупать сердце и увидѣлъ тугой полотняный бинтъ, затягивавшій ей грудь. Онъ велѣлъ перенести ее на свою квартиру, гдѣ его жена ухаживала за нею, какъ за сестрой. Вынесенныя страданія не заставили ее раскаяться въ своей рѣшимости, и она мечтала по выздоровленіи снова идти въ лагерь, но докторъ увѣдомилъ ея капитана, а тотъ счелъ своею обязанностью донести обо всемъ Вашингтону. Дебору отправили въ главную квартиру съ письмомъ; и эта дѣвушка, не дрогнувшая передъ выстрѣлами непріятеля, дрожала какъ листъ, когда ей пришлось ждать рѣшенія Вашингтона. «Я едва не упала отъ страха и стыда», говорила она. Вашингтонъ, не говоря ей ни слова, подалъ отставку, листокъ, на которомъ написалъ нѣсколько совѣтовъ, и немного денегъ на дорогу. Дебора вернулась въ свою деревню и вскорѣ вышла замужъ за фермера Гэннета. Въ первый годъ президентства, когда на конгрессѣ рѣшали вопросъ о вознагражденіи милиціонеровъ, она получила требованіе на имя отставного солдата Роберта Шертлифа, иначе Деборы Гэннетъ, явиться въ столицу правительства для полученія вознагражденія за ея услуги, оказанныя ею отечеству, въ войну за независимость. Конгрессъ утвердилъ билль, который жаловалъ Деборѣ участокъ земли и пенсію. Дебора получила множество приглашеній отъ семействъ офицеровъ, появлялась нѣсколько разъ въ обществѣ, гдѣ ее окружали знаками вниманія и уваженія, и потомъ вернулась обработывать свою землю. Имя Роберта Шертлифа, то-есть Деборы Гэннетъ, встрѣчается еще разъ въ Дедгэмскомъ регистрѣ засѣданій конгресса 1820 г., по поводу ея просьбы о продолженіи пенсіи. Мистрисъ Эллетъ, отдавая полную справедливость патріотизму Деборы, жалѣетъ, что онъ выказался въ такомъ неженственномъ образѣ дѣйствій; но она не находитъ ни мало неженственнымъ, когда женщины дрались за кусокъ хлѣба, или подушку для ребенка, или отбивали робкаго мужа отъ непріятеля. Мистрисъ Эллетъ вполнѣ женщина и не признаетъ для женщинъ никакой цѣли въ жизни кромѣ семьи.

V.

Вліяніе женщинъ не ослабѣвало и по окончаніи войны за независимость. Ихъ дѣло было залечивать раны, нанесенныя междоусобной войной, изглаживать слѣды кровавой вражды и помочь торіямъ и вигамъ, безчеловѣчно рѣзавшимъ другъ друга, слиться въ одинъ сильный и свободный народъ. Бо́льшая часть

Америки была опустошена, народъ разоренъ; въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ, деревнѣ было множество увѣчныхъ вдовъ и сиротъ, нуждавшихся въ помощи и призрѣніи. Это было дѣло женщинъ. Мистрисъ Эллетъ приводитъ множество именъ женщинъ, посвятившихъ себя этому дѣлу. Героини, которыя съ ружьемъ въ рукахъ встрѣчали непріятеля, съумѣли быть и сестрами милосердія и ангелами примирителями. Мистрисъ Фергюзонъ, Мак-Калла, Екатеринѣ Стиль и многимъ другимъ женщинамъ цѣлые округи обязаны тѣмъ, что язва пролетаріата не смѣнила ужасовъ войны, что и по провозглашеніи мира кровь не продолжала литься въ мелкихъ схваткахъ, которыя возмущаютъ общественное спокойствіе и послѣ прекращенія междоусобной войны, какъ зыбь рябитъ море еще долго послѣ стихнувшей бури. Дѣти и внуки мистрисъ Стиль и другихъ женщинъ говорили, что имъ невозможно было узнать отъ матерей и бабушекъ о томъ, кто изъ сосѣдей былъ тори во время войны. Гимнъ миру, который пѣлся на всѣхъ торжествахъ установленной республики, былъ написанъ женщиной, Сарой Мортонъ. Кромѣ Мерси Уарренъ были женщины, которыя служили перомъ дѣлу свободы и мира. Эннисъ Стоктонъ, которая въ одахъ прославляла подвиги Вашингтона и героевъ войны за независимость, а въ пасторали воспѣвала блага мира; Анна Елизавета Блинеръ и негритянка Филлида, имя которой случайно попадается въ выпискѣ изъ біографіи генерала Рида, гдѣ говорится, что всѣ классы общества соединились въ пожертвованіяхъ, и Филлида, негритянка, дала свои послѣдніе семь долларовъ шесть пенсовъ. О поэзіи Филлиды не говорится ни слова, хотя бѣдная цвѣтная женщина (coloured woman), наравнѣ съ другими своимъ перомъ служила свободѣ и миру. Женщины заводили госпитали, школы, пріюты, богатыя отдавали деньги, иныя даже значительную часть состоянія, бѣдныя трудъ. Во время раздоровъ партій, грозившихъ гибелью новорожденной республикѣ, женщины были неизмѣнно на сторонѣ свободы и независимости: онѣ были матерями гражданъ, которые упрочили колебавшуюся свободу. Мистрисъ Эллетъ говоритъ: «Энергія, трудолюбіе и твердость, которую женщины Америки выказали во время войны, равно необходимы были и для того, чтобы развить характеръ и приготовить на службу республики гражданъ; научить ихъ своимъ примѣромъ великимъ принципамъ, за которые патріоты проливали кровь, и положить прочное нравственное основаніе, на которомъ нація могла бы воздвигнуть величественное зданіе свободы. Какъ честно и вѣрно исполнили онѣ эту трудную обязанность, доказано цѣлой жизнью тѣхъ, кого онѣ приготовили на службу обществу. Онѣ умѣли

быть чуждыми всякихъ мелочныхъ разсчетовъ честолюбія или алчности. Духъ Мери Вашингтонъ былъ съ ними. Ихъ не соблазняли ни отличія, ни почести, кромѣ чести быть полезными; онѣ не думали ни о славѣ, ни о власти, которыя можно добыть служа республикѣ, но въ простотѣ сердца вѣрили, что лучшая награда патріота—сознаніе честно исполненнаго долга. Таковы были матроны первыхъ дней республики. Еслибы онѣ были другими, Америка не была бы тѣмъ, что она есть».

Нельзя не признать полной справедливости этихъ словъ. Вліяніе женщинъ, какъ матерей, признано всѣми; противъ ихъ вліянія, какъ женщинъ, возстаютъ и аскеты-мистики и аскеты-реалисты, но это вліяніе фактъ, въ которомъ каждому приходилось убѣждаться въ жизни, который доказанъ исторіей. Алчность и честолюбіе женщинъ заставляли проливать рѣки крови, разорять народъ. Леди Макбетъ—не созданіе одной прихотливой фантазіи поэта. Немного лѣтъ тому назадъ честолюбіе женщины, желавшей вѣнца императрицы, повело мужа на эшафотъ и погубило тысячи жертвъ. И потому нельзя не сказать: честь и слава женщинамъ Америки; имъ обязана республика, что между гражданами ея не нашлось ни Цезаря, ни Наполеона.

Мистрисъ Эллетъ приписываетъ твердость, самоотверженіе, героизмъ, которые американки выказали въ войну за независимость, исключительно ихъ религіозности и семейнымъ добродѣтелямъ. Женщины Америки потому только оказались гражданками, что умѣли быть вѣрными женами, усердными членами церкви и домовитыми хозяйками. Она даже, въ подтвержденіе своей мысли, приводитъ слова одного члена наблюдательнаго комитета (committee of observation) Кристофора Маршаля, въ которыхъ онъ описываетъ занятія жены: «Такъ какъ я до сихъ поръ не говорилъ ни слова о занятіяхъ жены моей, то могутъ подумать, что они были очень ничтожны; но дѣло выходитъ совершенно иначе, и чтобы отдать ей полную справедливость, я долженъ сказать, что исполненіе ея обязанностей, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, заняло бы большую часть моего времени, потому что она съ ранняго утра до поздней ночи постоянно занята работами въ семействѣ, которое за эти четыре мѣсяца очень увеличилось; къ тому же, сверхъ этого увеличенія, нашъ домъ совершенная гостинница, полная приходящихъ и уходящихъ, изъ которой рѣдко уйдутъ съ пустымъ желудкомъ и сухими губами. Это требуетъ ея постояннаго присутствія не только для угощенія, но и для приготовленій на кухнѣ, печенья хлѣбовъ и пироговъ и пр. и накрыванія на столъ. Ея дѣло — содержаніе дома въ чистотѣ, попеченіе объ огородѣ, рѣзка и

сушка яблокъ, которыхъ запасены цѣлые четверики; прибавьте къ этому приготовленіе, безъ помощи какихъ-либо снарядовъ, сидра, который составляетъ постоянное питье семейства, ея присмотръ за стиркой бѣлья и глаженье ея нарядныхъ платьевъ и моихъ тонкихъ рубашекъ, чѣмъ она постоянно занимается сама; прибавьте къ этому приготовленіе двадцати большихъ сыровъ, и это отъ одной коровы, молочное хозяйство, не считая уже шитья и вязанья—и пр. и пр. Такимъ образомъ, она исправно ведетъ хозяйство, и не ѣстъ хлѣбъ въ праздности; да, она простираетъ руку свою и подаетъ помощь нуждающимся друзьямъ и сосѣдямъ. Я полагаю, ей съ тѣхъ поръ, какъ мы поселились здѣсь, пришлось быть не болѣе четырехъ разъ въ гостяхъ у сосѣдей».

Мудрено понять, какую связь можетъ имѣть искусство заготовлять сидръ безъ помощи снарядовъ или двадцати сыровъ отъ одной коровы съ готовностью отдать все за свободу, какъ можетъ усердное глаженье тонкихъ рубашекъ мужа быть источникомъ гражданскаго мужества. Мало-ли есть женщинъ, такихъ же домовитыхъ хозяекъ, и много-ли между ними найдется гражданокъ? Напротивъ, эта домовитость имѣетъ свойство съуживать ихъ понятія, закрѣплять ихъ безвыходно кухнѣ и содержанію дома въ чистотѣ, поглощать ихъ всецѣло, до того, что для нихъ становится чуждымъ и непонятнымъ все, что́ не можетъ запереться въ четырехъ стѣнахъ ихъ дома. Такія женщины въ страшный часъ народной скорби съумѣютъ только дрожать за стѣны своего дома, за жизнь своихъ близкихъ; онѣ пойдутъ на всѣ сдѣлки, чтобы сохранить дорогія имъ стѣны и дорогихъ сердцу людей; онѣ готовы будутъ купить безопасность и жизнь цѣною униженія и рабства цѣлаго народа. Между такими домовитыми хозяйками не найдутся матроны, напомнившія лучшія времена Рима и Спарты. Но не въ однѣхъ хозяйственныхъ добродѣтеляхъ американокъ лежитъ причина того, что въ страшный часъ народной скорби онѣ оказались гражданками, героинями. Любовь къ свободѣ, сознаніе долга гражданокъ развились въ нихъ рядомъ и совершенно независимо отъ ихъ хозяйственныхъ талантовъ. Домовитость ихъ дала имъ только привычку къ труду, развила физическія силы, и когда онѣ отдались служенію свободы, то внесли въ него и практическій смыслъ, умѣнье и неутомимую дѣятельность, которыхъ никогда не были бы въ состояніи внести праздныя изнѣженныя свѣтскія барыни, въ жизнь не ударившія палецъ о палецъ. Точно также не вѣрность женщинъ Америки ихъ пресвитеріанской или квакерской церкви причина ихъ гражданскаго мужества и подвиговъ. Религіозность свойственна большинству женщинъ. Жизнь дала имъ такъ мало и это малое такъ непрочно, это малое за-

виситъ отъ всякой случайности, что имъ тѣмъ болѣе нужна опора, утѣшеніе, и онѣ тѣмъ крѣпче держатся за эту опору и утѣшеніе, чѣмъ бѣднѣе, чѣмъ непрочнѣе ихъ это малое, данное имъ. Много-ли найдется героинь-гражданокъ между религіозными женщинами? Американки были героинями не потому, что были методистками, пресвитеріанками, но потому, что были героинями; напротивъ, многія изъ нихъ служили войнѣ освобожденія несмотря на запрещеніе религіи, какъ напр. квакерши, которымъ основный догматъ ихъ религіи запрещаетъ проливать кровь и принимать какое либо участіе въ пролитіи ея. Сила не въ той или другой святынѣ, за которую стоитъ человѣкъ, сила въ самомъ человѣкѣ, въ его готовности постоять за нее до конца, вынести опасности, гоненія, смерть. Правда, что методистская и пресвитеріанская церкви подготовили свободу, но онѣ могли подготовить ее въ Америкѣ; въ Европѣ было множество послѣдователей этихъ и подобныхъ церквей въ Германіи, Шотландіи, Англіи, Швейцаріи и даже Швеціи и пр., и однако не изъ ихъ рядовъ выходятъ слуги народной свободы; напротивъ, эти люди, замкнувшись въ узкіе интересы своихъ сектъ, готовы поддерживать всякій деспотизмъ, лишь бы онъ обезпечилъ имъ ихъ личныя выгоды, давя безпощадно цѣлый народъ. Мистрисъ Эллетъ постоянно ошибается, принимая форму за самую сущность, и наивно приводитъ замѣчаніе одного англійскаго критика, который находитъ, что религіозности и хозяйственныхъ добродѣтелей слишкомъ недостаточно для того, чтобы дать обществу «сестру Сиднея и мать Пемброка», и на это нужны причины поглубже. Причины эти были указаны въ первой главѣ статьи. Впрочемъ, героизмъ, выказанный женщинами пограничныхъ округовъ, она объясняетъ привычкой къ опасностямъ, среди которыхъ имъ приходилось расти. Но эти опасности могли только развить ихъ энергію, неустрашимость, но не создать ихъ; эти опасности могли убить силы множества женщинъ. Дѣло въ томъ, что въ женщинахъ Америки было *что* развивать. Онѣ были дочерьми сильной, крѣпкой, энергической расы, онѣ наслѣдовали ея нравственныя и физическія свойства. Большая часть этихъ героинь умерла въ глубокой старости, сохранивъ всю свѣжесть чувствъ, всѣ силы ума и неутомимую дѣятельность; онѣ были родоначальницами многочисленныхъ поколѣній, закрѣпившихъ дѣло, для котораго онѣ работали. Вотъ отчего свобода такъ крѣпко укоренилась въ Соединенныхъ Штатахъ, что даже послѣдняя война, въ которой недальновидные политики Европы видѣли гибель республики и зарожденіе имперіи, не могла поколебать ее. Свобода въ Соединенныхъ-Штатахъ,

какъ говоритъ Лабуле, «не чужая женщина, къ которой пылаютъ внезапной страстью, и которую также внезапно бросаютъ, принеся ей все въ жертву; она поселилась на землѣ Америки съ первымъ эмигрантомъ какъ жена, какъ мать, и въ продолженіи двухъ вѣковъ ничто не возмутило этотъ союзъ.»

Читатель, который искалъ бы въ мемуарахъ того времени очерковъ геніальныхъ личностей, отмѣтившихъ свой слѣдъ въ исторіи, останется недоволенъ тѣмъ, что между американками не нашлось такихъ женщинъ; единственная талантливая женщина, имѣвшая сильное вліяніе на партіи—Мерси Уарренъ, была забыта исторіей; она зажила мирной домашней жизнью, ничѣмъ не останавливающей вниманіе людей, которые ищутъ необыкновеннаго. Но для кого нѣсколькими геніальными личностями не выкупается низкій уровень гражданственности цѣлаго народа, кто съумѣетъ предпочесть тихій свѣтъ занимающагося дня, разлитый въ массѣ, немногимъ ослѣпительно яркимъ метеорамъ, освѣщающимъ на мигъ непроглядную тьму, тотъ отдастъ полную справедливость женщинамъ Америки. Только среди народа, имѣвшаго такихъ женъ и матерей, свобода будетъ не «любовницей», которую бросятъ не сегодня, такъ завтра; только такой народъ держитъ ее въ рукахъ своихъ навсегда. Блестящіе метеоры могутъ исчезнуть и тьма станетъ еще гуще,—а тихій свѣтъ будетъ усиливаться и расти. Геніальныя личности могутъ на время вліять на судьбу народа, но когда ихъ не станетъ, онъ останется по прежнему въ жертву насилія и рабства. Даже примѣръ геніальныхъ личностей, совершившихъ великіе подвиги, никогда не можетъ такъ сильно дѣйствовать на умы массы, какъ примѣръ личностей, ничѣмъ не выдавшихся надъ обычнымъ уровнемъ, простыхъ честныхъ людей, просто и честно дѣлавшихъ свое дѣло. Правило древнихъ питать умъ примѣрами великихъ людей, чтобы самому стать способнымъ подражать имъ, разсчитано только на тѣхъ, у кого есть задатки тѣхъ же самыхъ силъ, а не на простыхъ людей съ обыкновенными силами. Въ каждомъ человѣкѣ, если онъ не идіотъ, не живой мертвецъ, а простой честный человѣкъ, жива потребность дѣла, желаніе принести пользу, заслужить уваженіе другихъ членовъ общества. Эта потребность всего сильнѣе въ молодости, позже, жизнь можетъ заглушать ее, и потому великое дѣло умѣть пробудить и направить людей. Но этого не достигнешь примѣрами великихъ геніевъ. Поставьте одного изъ нихъ въ примѣръ простому честному человѣку и укорите его въ праздности, и онъ отвѣтитъ: куда намъ до этихъ великихъ дѣятелей, мы люди простые, маленькіе, мы не герои. Но приведите ему въ примѣръ такого же простого, обыкновеннаго чело-

вѣка, какъ онъ, который отдалъ всѣ свои обыкновенныя маленькія силы, до послѣдней капли, напомните ему, какъ эти маленькія обыкновенныя силы, сплотившись въ дружную громадную силу, сдѣлали великое дѣло, и онъ устыдится своей бездѣятельности, онъ не найдетъ себѣ никакихъ оправданій на горькій упрекъ совѣсти: «если такіе же люди, какъ ты, могли работать, а ты ничего не дѣлаешь, то ты не хочешь, ты трусишь дѣла». Вотъ въ чемъ была заслуга женщинъ Америки; каждая простая обыкновенная женщина честно дѣлала свое дѣло, каждая изъ нихъ свято внесла свою лепту въ общественную сокровищницу въ страшный часъ народной скорби и борьбы со «злобой» дня. Но эпохи «злобы» различны. Масса народа умѣетъ понимать только тѣ дни «злобы», когда внѣшніе враги врываются въ его землю, неся опустошеніе и смерть, когда у него изо рта вырываютъ послѣдній кусокъ хлѣба, когда мечъ занесенъ надъ его головой. Въ эти дни народъ легко встаетъ какъ одинъ человѣкъ на защиту своей жизни и родины. Тогда и женщины и дѣти становятся въ ряды защитниковъ и служатъ, насколько хватаетъ силъ. Но есть и другіе дни «злобы», когда неправды и беззаконія медленно переполняютъ мѣру долготерпѣнія народа, когда ядъ общественныхъ язвъ всасывается капля по каплѣ незамѣтно и подготовляетъ разложеніе всего организма. Велика заслуга тѣхъ, которые понесутъ на себѣ и эту «злобу» дня и вложатъ въ сокровищницу народной жизни лепту своего ума и характера на борьбу съ началами, разъѣдающими жизнь. Такъ боролись и словомъ и дѣломъ женщины американской революціи въ дни своей «злобы» 1776 — 1780 годовъ.

М. Цебрикова.

СТРУЭНЗЕ

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ и прозѣ

Михаила Бэра.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ*).

СЦЕНА I.

Комната въ деревенскомъ трактирѣ, близъ Рендсбурга въ Шлезвигѣ.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. БАБЕ, хирургъ. ХРИСТІАНЪ СВЕННЕ, норвежскій солдатъ. ГООГЪ, ФЛИНСЪ, поселяне. ТРАКТИРЩИЦА, которая то появляется, то исчезаетъ, прислуживая имъ.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ — наливая Бабе.

Полный, полный стаканъ, хирургъ. Нынче Христіанъ Свенне уходитъ отъ насъ; да здравствуетъ Христіанъ!

ВСѢ.

Да здравствуетъ Христіанъ!

СВЕННЕ.

Спасибо вамъ, спасибо, дорогіе друзья мои! Недѣлю я прогостилъ здѣсь — но всю жизнь не забуду этихъ дней; и когда вернусь въ свою родную Норвегію, то-то буду разсказывать про ваше гостепріимство, про ваши ласки.

---

*) См. выше, май, 5; іюнь, 445 стр.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Э! дружище! что́ наши ласки и наше гостепріимство! У тебя будетъ и безъ того о чемъ поразсказать дома... вотъ, напримѣръ, хоть о томъ, какъ распускали норвежскую гвардію..., какъ граждане торжественно провожали васъ до городскихъ воротъ, какъ плакали дѣвушки, какъ подносили вамъ вина и дарили денегъ, и прочее, и прочее, однимъ словомъ, — какъ вся столица была за васъ! Объ этомъ дѣйствительно стóитъ поразсказать. Это будетъ почище нашего гостепріимства. Мы, впрочемъ, не даромъ были гостепріимны; если наше вино жгло тебѣ глотку, такъ за то разсказы твои прожигали намъ сердце. Хирургу. Вѣдь правда, кумъ?

БАБЕ.

Да. Это такъ.

ВСѢ.

Да! да! Это такъ! это точно.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ — къ Свенне.

Вотъ видишь. Я всегда угадываю мысли и намѣренія честной компаніи! Тихо къ нему. Вѣдь это все сволочь, неучи! развѣ они могутъ что-нибудь экспримировать и экспозировать какъ слѣдуетъ! Новое поколѣніе будетъ много лучше..., потому-что я учу и деру его. Къ хирургу. Я выразилъ самымъ блистательнымъ образомъ нашу полную симпатію Христіану Свенне... но при этомъ возчувствовалъ сильнѣйшую жажду... налей-ка еще стаканчикъ, кумъ.

БАБЕ.

У тебя вѣчная жажда...

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Еще бы! это само собой разумѣется, ибо человѣкъ, не чувствующій жажды вѣчно — значитъ, вовсе ея не чувствуетъ.

БАБЕ.

То-есть, какъ же это понять...

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Навострите уши — я вамъ это сейчасъ поясню. Видите ли... прежде всего... жажду никакъ не слѣдуетъ смѣшивать, относительно ея свойствъ и качествъ, съ голодомъ. Голодъ есть потребность... жажда, напротивъ, есть страсть... возвышенная,

благородная страсть, никогда не стихающая. Капля родитъ влеченіе къ стакану, стаканъ—тоску по бутылкѣ... Бутылка—необузданное желаніе нѣсколькихъ другихъ. У истинно-великихъ душъ мысль можетъ воспарять до бочки. Даже и въ языкѣ жажда имѣетъ безконечныя преимущества передъ голодомъ. Слыхали ли вы когда, чтобы кто-нибудь чувствовалъ голодъ денегъ, голодъ почестей или крови? Но говорится: жаждутъ денегъ, жаждутъ почестей, жаждутъ крови. Блаженный Крассъ, по преданію, или, какъ нѣкоторымъ угодно, по исторіи, — чувствовалъ такую жажду золота, что ему растопленнымъ золотомъ глотку залили,— отчего онъ и умеръ христіанской смертью.

БАБЕ.

Э-э! Вотъ бы кого я вскрылъ-то!

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Жаждой крови спеціально прославились нѣкоторые образцовые государи. Таковы: великій Александръ Македонскій, императоръ Тиверій и въ позднѣйшее время Карлъ Девятый французскій. Этотъ благородный монархъ чувствовалъ столь сильную, истинно королевскую, жажду крови, что собственноручно стрѣлялъ ночью въ своихъ возлюбленныхъ подданныхъ...

ФЛИНСЪ.

Ужъ вы не забудьте и длиннаго Юргенса, разбойника, котораго здѣсь недавно повѣсили, — онъ тоже стрѣлялъ по ночамъ въ своихъ земляковъ.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Такъ! Длинный Юргенсъ можетъ быть не безъ основанія причисленъ къ категоріи Тиверіевъ и Карловъ Девятыхъ. Что же касается до жажды почестей, то блистательный примѣръ оной представляетъ нашъ министръ, графъ Струэнзе. Онъ выпиваетъ стаканъ за стаканомъ почестей.... и все ему мало.... ибо почести — это тоже, что хорошее вино: много можно выпить его и не охмѣлѣть. Да и похмѣлье отъ него самое легкое и пріятное.

БАБЕ.

Не для всякаго, кумъ, не для всякаго. Для великихъ умовъ, какъ Струэнзе,—пожалуй. Замѣчательный человѣкъ—мой школьный товарищъ Струэнзе.

СВЕННЕ.

Что? Струэнзе — твой школьный товарищъ...

БАБЕ.

Ну да. Мы были съ нимъ очень близки, когда вмѣстѣ штудировали въ высшей школѣ, въ Галле.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Вздоръ, вздоръ, кумъ Бабе. Вы ужъ нѣсколько разъ говорили мнѣ это, и я всегда вамъ доказывалъ, что вы сочиняете...

БАБЕ.

Какъ?.. какъ?..

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Не горячитесь. Вы очень раздражительны; особливо когда у васъ зашумитъ въ головѣ отъ вина или отъ другихъ крѣпкихъ напитковъ... и съ вами весьма непріятно спорить. Но правда выше всего. Вы не штудировали ни съ Струэнзе, и ни съ кѣмъ другимъ; потому что не штудировали вовсе!

БАБЕ — съ негодованіемъ.

Что-о? Такъ какъ же это я научился медицинѣ?

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Это извѣстно одному небу, которое вы порядкомъ населили своими паціентами съ тѣхъ поръ, какъ живете у насъ въ деревнѣ. И что вы ихъ отправляли туда, даже не по правиламъ науки,—это могла бы подтвердить моя покойная супруга, которую вы безъ всякой медицины, однимъ только кровопусканіемъ...

БАБЕ.

Кровопусканіемъ! Да ваша жена была...

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Тссъ! Оставимъ мертвыхъ въ покоѣ. Это было бы ужасно, еслибъ она опять встала!

БАБЕ.

Это было бы благодѣяніемъ для васъ и для всѣхъ насъ. Одна она умѣла держать васъ въ рукахъ, обуздывать ваше высокомѣріе, вашу самоувѣренность. Сказать мнѣ въ лицо, что я не штудировалъ! Сказать, при почтенномъ нашемъ гостѣ, Христіанѣ Свенне, и при столькихъ просвѣщенныхъ крестьянахъ,— что я не зналъ Струэнзе!

ВСѢ — кромѣ школьнаго учителя.

Онъ зналъ его, зналъ!

БАБЕ — школьному учителю.

Вы слышите... слышите, что я его зналъ. Мнѣ повѣрили. Я аппеллировалъ къ народу.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

По моему, Струэнзе не стóитъ того, чтобы мы за него ссорились. Онъ на наше несчастье прибылъ въ страну, и только поселяетъ всюду вражду и распри. Развѣ онъ не суетъ своего носа даже въ школьное обученіе, развѣ не требуетъ отъ назначенныхъ правительствомъ учителей, чтобы они учили своихъ питомцевъ тому, чѣмъ имъ отнюдь не слѣдуетъ набивать голову. И если это такъ будетъ, то скоро ваши мальчишки и дѣвченки сдѣлаются умнѣе васъ самихъ. Но до этого не дойдетъ. Ужъ я позабочусь объ этомъ.

ГООГЪ.

Правда! Онъ зажигаетъ тамъ огонь, гдѣ бы слѣдовало тушить его. Развѣ всякій теперь не печатаетъ все, чтó захочетъ? Если вы послѣ трудовъ промочите себѣ горло добрымъ стаканомъ вина, кистеръ можетъ завтра же напечатать въ газетѣ: школьный учитель былъ пьянъ.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Осмѣлься онъ это сдѣлать! желалъ бы я увидать...

ГООГЪ.

И увидите, и запретить не можете... Это они называютъ свободой печати. Да! теперь кто чуть-чуть свихнулся—можетъ сейчасъ угодить въ газету.

БАБЕ.

Живи какъ слѣдуетъ, никто и не тронетъ. За то вы можете открыто высказывать свое мнѣніе другимъ, какъ другіе вамъ; и если хотите, то можете даже говорить противъ Струэнзе и противъ правительства.

ГООГЪ.

Что тутъ говорить! Я ничего не хочу говорить.... я держу языкъ за зубами; но я хочу, чтобы и другіе дѣлали тоже. Знай сверчокъ свой шестокъ....

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Не говорите такихъ возмутительныхъ вещей, кумъ Бабе. Зачѣмъ же тогда и управлять нами, если мы будемъ позволять себѣ судить и рядить о правительствѣ? Хорошее правительство должно всѣмъ заправлять — и сердцемъ и кошелькомъ, и языкомъ и перомъ. Въ хорошемъ государствѣ, самое главное, чтобы всѣ, какъ безъискуственно выразился другъ нашъ Гоогъ — держали языкъ за зубами, потому, что кто говоритъ и печатаетъ, тотъ долженъ иногда и думать; а для вѣрныхъ подданныхъ не можетъ быть ничего опаснѣе—мыслей.

БАБЕ.

Ну, а думать-то запретишь развѣ?

ФЛИНСЪ.

Да, думать никто запретить не можетъ; вотъ и я, много, много кой-чего думаю!

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Ну разскажи намъ, умная головушка, что-жъ ты такое думаешь? Тихо къ Свенне. Это первый дурень во всей деревнѣ.

ФЛИНСЪ.

Я думаю, что по мнѣ все ладно; лишь бы не случилось того, что́, говорятъ, затѣялъ Струэнзе.

БАБЕ.

А именно?

ФЛИНСЪ.

Говорятъ, что онъ намѣренъ всѣхъ крестьянъ въ Даніи и въ герцогствахъ вольными людьми сдѣлать. Я не хочу быть вольнымъ и независимымъ. Велика бѣда, что я на помѣщика работаю. За то онъ поитъ и кормитъ меня, заботится обо мнѣ.... пускай даже и посѣчетъ немножко — я не гонюсь за этимъ. А какъ освободятъ насъ, мы будемъ сами себѣ господами.... должны о себѣ печься, мучиться, платить подать.

БАБЕ.

Неужели же ты не захочешь печься даже о своей собственности?... И развѣ не веселѣй тебѣ будетъ работать, зная, что все, что ты выработаешь, твое.

ФЛИНСЪ.

Мнѣ вѣселѣй, когда обо мнѣ пекутся другіе.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Эта первая здравая мысль, которую я ловлю у тебя, Флинсъ. Вмѣстѣ съ волей пришло бы и просвѣщеніе, — этотъ новѣйшій ядъ, — смерть ваша.

БАБЕ.

Какъ? Просвѣщеніе вы называете ядомъ и смертію? Sacre-dieu! я брилъ въ Парижѣ.... и знаю что за штука это просвѣщеніе.... Если бы вы понимали по-французски—я бы далъ вамъ такихъ книжекъ....

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Это, въ самомъ дѣлѣ, весьма прискорбное обстоятельство, что я не понимаю по-французски. Но только я и не желаю понимать. Это языкъ бѣсовскій, на которомъ печатается все, что выходитъ изъ ада. Французскій языкъ и ваши книжки сдѣлали изъ Струэнзе антихриста и атеиста.

ГООГЪ — къ Свенне.

Правда ли дядя Христіанъ, ты вѣдь былъ въ Копенгагенѣ, правда ли, что Струэнзе нехристь и что будто онъ съ королевой....

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Тсъ! Гоогъ. Ты лишнее спрашиваешь.

СВЕННЕ.

Все, все правда. Онъ въ Бога не вѣритъ, и потому, какъ говорятъ, все духовенство не терпитъ его. А съ королевой Матильдой онъ, кажется, замышляетъ что-то противъ короля.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Господи помилуй насъ грѣшныхъ!

СВЕННЕ.

Да, г. учитель. Дѣйствительно, слѣдуетъ обратиться къ Богу. Если ужъ Струэнзе распустилъ полкъ нашъ, гордость и красу датской арміи, то на что же онъ не покусится послѣ этого? Королева съ нимъ за-одно. Онъ никому не покоряется, ни передъ чѣмъ не останавливается; даже старая королева Юліана и

та должна молчать.... какъ ей ни тяжело видѣть его во главѣ правленія....

БАБЕ.

Ну не дай Богъ, чтобы и она-то во главѣ стала. Тогда мы еще не то увидимъ.

СВЕННЕ.

Солдату хуже не будетъ.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Ужасныя, вопіющія дѣла! Таинственно. Мы здѣсь все свои— короткіе пріятели.... выпьемъ *pereat* этому Струэнзе.

ВСѢ КРЕСТЬЯНЕ.

Что это значитъ?

БАБЕ.

Это значитъ смерть ему! я не пью.

ВСѢ.

А мы выпьемъ! Чокаются. Pereat Струэнзе!

ТРАКТИРЩИЦА — входя.

Это невѣроятно! Гостямъ. Послушайте, послушайте, господа.

ВСѢ.

Что, что такое?

ТРАКТИРЩИЦА.

Новости, какихъ вы и не ожидаете. Сынъ мой Конрадъ былъ въ Рендсбургѣ, и самъ видѣлъ гонца изъ Копенгагена.

ВСѢ.

Изъ Копенгагена?

ТРАКТИРЩИЦА.

Да вотъ онъ самъ. Ну разсказывай. Вотъ удивитесь-то!

КОНРАДЪ — входя.

Гонецъ, котораго я видѣлъ, присланъ изъ Копенгагена, отъ короля и королевы Юліаны.

СВЕННЕ.

Матильды, хотѣлъ ты сказать.

КОНРАДЪ.

Нѣтъ, не Матильды, а Юліаны. Я знаю, что говорю. Гонецъ присланъ къ рендсбургскому совѣту, и весь народъ теперь знаетъ, что, въ ночь на 17-е января, король призвалъ къ себѣ королеву Юліану съ разными знатными господами и приказалъ имъ схватить королеву Матильду, графа Струэнзе, и еще многихъ лицъ.

БАБЕ.

Не можетъ быть!

КОНРАДЪ.

Я знаю навѣрное, и все это ужъ нынче стоитъ въ газетахъ. Королеву Матильду въ ту же ночь перевезли въ Кроненбургскую крѣпость. А графъ Струэнзе посаженъ въ цитадель, въ цѣпяхъ.

ТРАКТИРЩИЦА.

Въ цѣпяхъ! Такой вельможа!

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Баснословно!

КОНРАДЪ.

Теперь все пойдетъ по другому. Управлять будетъ королева Юліана. Во всѣхъ церквахъ благодарили Господа Бога за избавленіе короля отъ враговъ, злоумышлявшихъ противъ него....

ТРАКТИРЩИЦА.

Не можетъ же быть, чтобъ и королева злоумышляла....

КОНРАДЪ.

И королева. Струэнзе и Брандта будетъ судить особенная, королевская коммиссія. Ихъ обвиняютъ въ «высшей» государственной измѣнѣ.

ГООГЪ И ФЛИНСЪ.

Въ высшей?

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Ну да, въ высшей! Чѣмъ выше измѣна—тѣмъ *ниже* нужно сдѣлать измѣнниковъ. Вотъ ихъ и укоротятъ немножко.... только на одну голову впрочемъ.

БАБЕ.

Фи! г. учитель.... какъ это вы можете шутить чужимъ несчастіемъ....

СВЕННЕ.

Это не по-христіански.

БАБЕ — къ крестьянамъ.

Слушайте, друзья мои. Струэнзе хотятъ казнить. Вы его не терпѣли, но развѣ вы можете смѣяться надъ этимъ?

ВСѢ.

Нѣтъ, нѣтъ.

АНДРЕАСЪ—одинъ изъ крестьянъ, входя.

Знаете новость?

БАБЕ.

Сейчасъ только слышали.

АНДРЕАСЪ.

Вотъ, въ этой газетѣ все сказано. Можете прочесть.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Давай. Къ крестьянамъ. Слушайте—я вамъ буду читать.

ІОІАННЪ, отворяетъ дверь. Крестьяне столпились около учителя.

ІОГАННЪ.

Хозяйка!

ХОЗЯЙКА.

Что?

ІОГАННЪ.

Извините, пожалуйста. Не позволите ли вы намъ переночевать здѣсь. Господинъ мой, почтенный пасторъ, не можетъ уже нынче поспѣть въ Рендсбургъ.

ТРАКТИРЩИЦА.

Пожалуйте, пожалуйте... просите сюда достойнаго пастыря... Вы здѣсь найдете все, что вамъ нужно. Пока я приберу комнату, пускай онъ здѣсь обогрѣется.

Отворяетъ дверь. Входитъ ПАСТОРЪ СТРУЭНЗЕ.

ІОГАННЪ — къ пастору.

Мѣсто есть, сударь.... Не угодно ли вамъ покамѣстъ пообождать здѣсь...

ПАСТОРЪ — садясь къ камину.

Мнѣ и не нужно больше ничего...
Здѣсь я могу съ дороги обогрѣться....

Говоритъ тихо съ Іоганномъ. Между крестьянами также завязывается въ это время разговоръ.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Да. Тутъ все точно такъ, какъ разсказывалъ Конрадъ. Только про иллюминацію онъ ничего не упомянулъ.

БАБЕ.

Еще здѣсь стоитъ, что король съ принцами проѣхалъ торжественно по городу — въ экипажѣ, запряженномъ шестернёй бѣлыхъ коней.... Только разсказъ про народный восторгъ вышелъ въ газетѣ какъ-то вялъ, и иллюминація, должно быть со страху — поблѣднѣла немножко....

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Этого нигдѣ не сказано.

БАБЕ.

Словами не сказано.... я слышу въ тонѣ....

СВЕННЕ.

И мнѣ также тонъ не понравился. Да впрочемъ иначе и быть не можетъ. Бѣдные копенгагенскіе граждане не привыкли къ такимъ быстрымъ перемѣнамъ. Нынче возстаніе, завтра иллюминація. Королева, которая еще ночью, на балѣ, была всесильною, на разсвѣтѣ заключена въ тюрьму.

ІОГАННЪ — пастору.

Послушайте, мой добрый господинъ,
Крестьяне что-то странное толкуютъ...
Листокъ газеты — кажется, въ себѣ
Содержитъ много новостей. Спросить?

ПАСТОРЪ.

Спроси пожалуй, что такое тамъ...

ІОГАННЪ — къ Бабе.

Простите мнѣ, но вотъ мой господинъ
Изъ дальняго помѣстья возвратился,
Гдѣ онъ гостилъ у друга; всю недѣлю

Онъ ни о чемъ не слышалъ, что творится
На Божьемъ свѣтѣ!... кажется, что здѣсь
О новостяхъ какихъ-то были толки;
Не важное ли что-нибудь въ столицѣ
Произошло; скажите, господа?

БАБЕ — подходя къ пастору.

Такъ вы еще не знаете, достойный г. пасторъ, того, что теперь во всѣхъ устахъ. Прочтите-ка сами — даетъ ему газету и обращается къ Іоганну. — Да, дружокъ... это просто похоже на сказку... Великій Струэнзе палъ.

ІОГАННЪ.

Правосудный Боже!

БАБЕ.

Королева взята... Графъ въ цѣпяхъ.

ПАСТОРЪ — читавшій газету съ возрастающимъ волненіемъ, по прочтеніи ея падаетъ безъ чувствъ на полъ.

ІОГАННЪ — наклонясь къ нему.

Господи! умираетъ! Да и какъ же ему было перенести это...

БАБЕ — суетясь около пастора.

Старикъ въ обморокѣ; помогите друзья...
Къ Іоганну.
Что потрясло его такъ сильно... кто онъ?

ІОГАННЪ.

Храни его Боже... Это пасторъ Струэнзе.

БАБЕ.

Отецъ! На помощь, на помощь... Это отецъ графа.
Всѣ крестьяне обступаютъ пастора.
Отецъ его... отецъ!
Уносятъ его.

Перемѣна.

СЦЕНА II.

Залъ въ копенгагенскомъ дворцѣ. Дверь по серединѣ и по бокамъ. Придворные собрались на «выходъ». Въ числѣ ихъ находится русскій князь и ШАКЪ. Изъ боковыхъ дверей выходятъ РАНЦАУ, КЕЛЛЕРЪ-БАННЕРЪ, ГУЛЬДБЕРГЪ. Послѣдній остается въ глубинѣ сцены, разговаривая съ придворными. Первые два, раскланявшись съ собраніемъ, выходятъ на авансцену.

РАНЦАУ — въ лентѣ ордена Слона.

Нѣтъ, — генералъ, я повторяю вамъ,
Покамѣстъ капля крови благородной
Во мнѣ течетъ, не соглашусь подать
Я голоса за это вѣроломство.
Ужели государственный совѣтъ
У короля отыметъ вновь свободу,
Недавно возвращенную ему?
Подобная угодливость постыдна!
Или не нужно, чтобъ монарха имя
Законы государства освящало?
Ужели принцу, сыну Юліаны,
Мы предоставимъ «подпись и печать»,
Какъ власти настоящей?... Все я вижу!
Они хотятъ унизить короля
И объявить, что неспособенъ онъ
Въ своихъ рукахъ держать бразды правленья.
Тогда легко опекѣ этой вѣрной
И самую корону будетъ....

КЕЛЛЕРЪ.

Графъ!
Не слишкомъ ли вы далеко шагнули?

РАНЦАУ.

Меня ничто не ослѣпляетъ. Я
Постигъ ихъ цѣль... Въ совѣтѣ нынче, Гульдбергъ
Какъ будто бы нечаянно о ней
Проговорился. Обмануть не можетъ
Меня притворнымъ гнѣвомъ Юліана,
Вѣдь Гульдбергъ говоритъ не отъ себя...
Повѣрьте мнѣ,—насъ испытать хотѣли,—
Необходимо было видѣть имъ,

Одобримъ ли мы это предложенье
Покорнымъ наклоненьемъ головы;
Что *до моей* касается, — ручаюсь,
Что никогда не склонится она!
Не думаетъ-ли эта королева,
Что я скрученъ совсѣмъ, и что она
Моимъ умомъ и сердцемъ овладѣла...
О! какъ меня все это тяготитъ!
Въ былые дни—указывая на ленту—вотъ этотъ знакъ давался
За доблести великія у насъ,
На немъ девизъ: pretium magnanimi,
Ужель его — я за ночное дѣло,
Что намъ сулитъ подобные плоды,
Могу носить — и не краснѣть при этомъ!
Я васъ прошу, подайте руку мнѣ,
Со мной идите вмѣстѣ... будьте сильны,
Не снисходите къ замысламъ преступнымъ.
Чего еще хотите вы достичь?
Вы вознеслись съ нежданной быстротою
На высшую для воина ступень.
И не одинъ высокій санъ дарованъ
Вамъ королемъ; угасшій, древній родъ
По волѣ короля въ васъ оживаетъ;
Онъ къ имени вамъ слово лишь прибавилъ
И Баннеры изъ гроба возстаютъ!
Послушайте же, Келлеръ-Баннеръ, лестью
Не дайте имъ себя вы подкупить.
Останьтесь независимы и сильны!
Молчите вы? Какое же еще
Таитъ въ себѣ желанье сердце ваше?
Какое-же?

КЕЛЛЕРЪ.

Увидѣть казнь Струэнзе.

РАНЦАУ.

Исполнится кровавое желанье,
И вѣрьте мнѣ, что вамъ не долго ждать.

КЕЛЛЕРЪ.

Однакожъ судъ колеблется, какъ будто...

РАНЦАУ.

Измѣнникъ государственный казненъ
Конечно будетъ; въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.
Но нужны доказательства измѣны...
Пока ихъ не нашли (но ихъ найдутъ,
Ручаюсь вамъ), пусть звукъ его цѣпей,
Какъ музыка, вамъ сердце услаждаетъ.
Пусть, въ ожиданьи гибели врага,
Васъ утѣшаетъ мысль, что въ часъ ночной,
Когда заснетъ онъ на сырой соломѣ,—
Въ душѣ его измученной встаютъ
Померкшаго величія картины...
И что потомъ, вскочивъ и тусклый взоръ,
Вокругъ себя, испуганно, бросая,
Онъ видитъ тѣни блѣдныя тюрьмы!
Какъ ни ужасно это все, но еслибъ
Я на его былъ мѣстѣ, для меня
Всего ужаснѣй было бы не это...

КЕЛЛЕРЪ.

Что-жъ именно?..

РАНЦАУ.

Что будучи всесильнымъ
Въ странѣ, глупецъ не захотѣлъ на плаху
Насъ всѣхъ послать,—какъ мы его пошлемъ!

Гульдбергъ приближается.

КЕЛЛЕРЪ — тихо къ Ранцау.

Тсъ! Тише, графъ. Васъ можетъ Гульдбергъ слышать.

РАНЦАУ — громко.

Какъ много собралось на выходъ нынче...

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Дѣйствительно; и рвеніе, съ какимъ
Весь дворъ къ ея величеству стремится,
О преданности общей говоритъ.
Вотъ, наконецъ дворянство, въ этихъ залахъ,
Опять какъ дома чувствуетъ себя.
Опять оно, съ своими королями,
Семейную возобновляетъ связь,
Какъ встарину...

Ранцау не отвѣчая ему, отворачивается и заговариваетъ съ стоящими вблизи придворными. Келлеръ отходитъ къ офицерамъ.

ГУЛЬДБЕРГЪ — про себя.

Я этого Ранцау
Доѣду! я его затылокъ гордый
Къ землѣ пригну. Змѣю — съ дороги прочь!

КАМЕРГЕРЪ — отворяя середнюю дверь.

Королева.

СЦЕНА III.

ТѢЖЕ и ЮЛІАНА—за ней слѣдуютъ придворныя дамы, въ числѣ которыхъ и графиня УЛЬФЕЛЬДЪ. Всѣ становятся полукругомъ.

ЮЛІАНА.

Его величество, король, нашъ сынъ,
И сами мы, дворянству и народу
Обязанными чувствуемъ себя.
Насъ не могла не тронуть эта вѣрность.
Изъ всѣхъ провинцій извѣщаютъ насъ,
Какъ датчане признательны монарху,
Которому угодно было ихъ
Отъ ненавистнаго избавить ига,
А насъ—въ порывѣ радости—народъ
Страны освободительницей назвалъ.
Но это слишкомъ много; если мы
Что сдѣлали для блага государства,
То не однѣ. Заботы и труды
Дѣлили мы съ достойными мужами,
Которыхъ, къ нашей радости, мы здѣсь
Межъ лицъ, насъ окружающихъ, встрѣчаемъ...
Заслуги ихъ блестящія монархъ
Намъ разрѣшилъ вознаградить достойно.

РАНЦАУ — Келлеру.

Вы слышите, не королю, а ей
Обязаны мы нашею наградой...

ЮЛІАНА — обходя ряды придворныхъ, останавливается передъ русскимъ княземъ.

Я рада, князь, что вы еще у насъ...
Мы пережили много въ это время.
Надѣюсь, что монарховъ благородныхъ

И дружески расположенныхъ къ намъ
Порадуетъ такая перемѣна,
Упрочившая счастіе страны.
Императрица русская, сестра
Возлюбленная наша, выражала
Не разъ мнѣ опасенія свои.
Желая блага Даніи, она
Тревожилась, чтобъ смуты и волненья
Не потрясли основы государства.

КНЯЗЬ.

Теперь, когда извѣстно ей, что въ вашихъ
Рукахъ судьба покоится страны,
Не могутъ никакія опасенья
Тревожить государыни моей.

ЮЛІАНА.

Я никогда не сомнѣвалась въ дружбѣ,
Что наша августѣйшая сестра
Питаетъ къ намъ...

КНЯЗЬ.

Моя императрица
Привыкла свойства рѣдкія цѣнить,
Которыми, ко благу государства,
Возвышенный вашъ обладаетъ духъ.

РАНЦАУ — Келлеру тихо.

Каковъ? Давно ли лгалъ его языкъ,
Превознося достоинства Матильды.

КЕЛЛЕРЪ.

Мы при дворѣ... Чему-жъ дивиться, графъ.
Здѣсь всѣ тому понравиться желаютъ,
Кому подулъ попутный вѣтеръ счастья.

Юліана, обходя придворныхъ, останавливается предъ Шакомъ и что-то говоритъ ему съ недовольнымъ видомъ. Оба выходятъ на авансцену.

ЮЛІАНА.

Я повторяю,—слышите ли вы,
Я недовольна этимъ колебаньемъ.

ШАКЪ.

Но судъ — какъ я докладывалъ ужъ вамъ—
Поставленъ въ затрудненье, королева...

ЮЛІАНА.

А я хочу совсѣмъ забыть Струэнзе!
И осужденъ онъ долженъ быть на смерть...
Онъ заслужилъ её. Мы обвиняемъ
Въ измѣнѣ государственной его.
Иль не измѣнникъ онъ? Иль не попралъ
Онъ старыхъ правъ;—и замышлять не думалъ
Неслыханныхъ въ странѣ нововведеній?

ШАКЪ.

Не думайте, молю васъ, королева
Чтобъ защищать презрѣннаго я могъ...
Сомнѣнья нѣтъ, все это сдѣлалъ онъ...
Но развѣ не былъ онъ министромъ; развѣ
Онъ дѣйствовалъ не именемъ монарха,
Ему печать вручившаго? Мы здѣсь
Не въ Англіи находимся. Здѣсь власть
Верховная себя бы обвинила,
На смертьославъ того, кто повелѣнья
За подписью монарха исполнялъ.
Вы согласитесь сами, королева,
Что это все обязанъ взвѣсить судъ,
И что предлогъ, по крайней мѣрѣ, нуженъ.

ЮЛІАНА.

Глупцы! Они предлога не найдутъ.
Имъ неизвѣстно то, что каждый знаетъ;
Что взоръ свой нечестивый обращать
Дерзалъ на королеву подсудимый.

ШАКЪ.

Но, на вѣсахъ суда, что значатъ взоры?...

ЮЛІАНА.

Такъ... такъ... я вижу, что признать невиннымъ
Его хотятъ...

ШАКЪ.

Невиннымъ? Я хочу?

ЮЛІАНА.

Ну—такъ вмѣните-жъ взоры въ преступленье.

ШАКЪ.

Но можно ли, въ столь важномъ обвиненьи,
Дать вѣру показаньямъ низшихъ лицъ?
Коль мы его осудимъ, не имѣя
Иныхъ свидѣтельствъ, свѣтъ осудитъ насъ.
Надѣетесь ли вы, чтобъ обвинилъ
Онъ самъ себя въ намѣреньяхъ преступныхъ?
Онъ этого не сдѣлаетъ конечно.

ЮЛІАНА.

Такъ выжмите признанье изъ него!

ШАКЪ.

Прикажете — посредствомъ пытки?..

ЮЛІАНА.

Нѣтъ!

ШАКЪ.

Ужъ если не сознается онъ самъ,
Еще одно намъ средство остается—
Подвигнуть королеву, чтобъ она
Сказала, что свои онъ чувства ей
Открылъ, и что она ему простила...

ЮЛІАНА.

И это вы хотѣли точно сдѣлать?..

ШАКЪ.

Коль полномочье будетъ мнѣ дано
Такъ поступать, какъ я хочу, то вѣрьте, —
Что и законъ и внѣшность я спасу,
Чтобъ насъ не обвиняли въ произволѣ.

ЮЛІАНА.

Вы сами изготовьте полномочье,
И подписать пришлите мнѣ скорѣй...

ШАКЪ.

Такъ нынче же я буду въ Кроненбургѣ.

ЮЛІАНА — къ собранію.

Вамъ къ королю отправиться пора...
Мы дольше васъ удерживать не будемъ.

Всѣ уходятъ.

СЦЕНА IV.

ЮЛІАНА — одна.

Какъ? Все законъ, и вѣчно лишь законъ?
Опять границы... Смѣлою стопою
Я не могу шагнуть къ желанной цѣли,
Какъ думала?.. Мнѣ смерть его нужна,
А судьи мнѣ толкуютъ о законахъ,
О формахъ глупыхъ. Развѣ больше правъ
У ихъ пергаментовъ истлѣвшихъ, чѣмъ
У воли коронованной моей?
Затѣмъ ли я отважилась на все
И эту ночь пережила — затѣмъ ли,
Чтобъ снова сомнѣваться и дрожать!
Нѣтъ! Онъ умретъ; онъ кровью нечестивой
Заплатитъ мнѣ за долгіе года
Неслыханныхъ, подавленныхъ страданій,
За муки этой ночи роковой;
За все, за все... Кто тамъ?.. — Она вскрикиваетъ и озирается, какъ будто видитъ кого за собой.
Нѣтъ никого.
О Боже мой! Что сдѣлалось со мною?
Мнѣ призраки являться нынче стали.
Съ той самой ночи — я повсюду вижу
Тѣнь короля, супруга моего.
Передо мной, во снѣ и на яву,
Стоитъ онъ гнѣвный... Долго и упорно
Онъ на меня холоднымъ, мертвымъ взглядомъ
Глядитъ... такимъ я видѣла его
Въ тотъ мигъ, когда бумагу подписать
Заставила я сына; — сынъ сначала
Отбросилъ листъ, увидѣвши на немъ
Матильды имя... но тогда къ угрозамъ
Прибѣгла я... Дрожалъ въ испугѣ онъ
И судорги ему сводили пальцы...
А я ему твердила: подпиши!
Онъ подписалъ... и тутъ я ощутила

Какъ будто мнѣ въ лицо могильный холодъ
Дохнулъ... И мнѣ явилась тѣнь супруга...
И блѣдныя уста ея шептали:
Зачѣмъ грозишь ты сыну моему?
Онъ сынъ мой... онъ король твой. Горе! Горе
Тебѣ, о Юліана...

СЦЕНА V.

ЮЛІАНА, ГУЛЬДБЕРГЪ — съ бумагой.

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Королева!

ЮЛІАНА — вскрикнувъ.

Прочь! прочь!... —Узнавши Гульдберга.
Ты-ль это? — съ трудомъ побѣждаетъ волненіе.
Что ты мнѣ принесъ?..

ГУЛЬДБЕРГЪ.

Вы Шаку приказали, королева,
Прислать къ вамъ полномочіе...

ЮЛІАНА.

Подай.
Да, Гульдбергъ, *онъ* умретъ. Я въ королѣ
Какое-то томленье замѣчаю;
Не нужно, чтобъ оно пускало корни
Въ душѣ его. Я знаю, онъ груститъ
По немъ и по Матильдѣ; — но пугать
Насъ не должно такое настроенье;
И ежели я въ сердцѣ короля
Убить воспоминанья о любимцѣ
Не въ силахъ, то любимца самого
Могу убить. — И это будетъ такъ.
Я Шаку довѣряю... Онъ хитеръ
И преданъ мнѣ. Бумагу эту тотчасъ
Отправь къ нему... въ ней приговоръ Струэнзе!

ГУЛЬДБЕРГЪ.

А что-жъ Ранцау?

ЮЛІАНА.

О гибели его
Я позабочусь тоже... Будь спокоенъ... Гульдберъ идетъ къ дверямъ. Въ это время входятъ придворныя дамы и пажъ.

ПАЖЪ.

Сэръ Робертъ Кейтъ.

ЮЛІАНА.

Пускай войдетъ.

СЦЕНА VI.

КЕЙТЪ, ЮЛІАНА.

ЮЛІАНА.

Сэръ Робертъ Кейтъ отъ нашего двора
Сталъ въ эти дни замѣтно отдаляться,
Отсутствіе его насъ огорчаетъ.

КЕЙТЪ — подавая письмо.

Письмо отъ моего монарха...

ЮЛІАНА.

А!

Отъ короля Георга. Очень рада. — Читаетъ.
Какія рѣчи! Такъ ли я прочла?..
Глазамъ своимъ я не могу повѣрить.
Насъ испугать угрозами хотятъ.
Или не я здѣсь королева, сэръ?

КЕЙТЪ.

Нѣтъ! королева Даніи, къ несчастью,
Въ темницѣ плачетъ...

ЮЛІАНА.

Плачетъ? Въ самомъ дѣлѣ?
Чтожъ! Это ей спасительно. Пускай
Она въ тюрьмѣ оплакиваетъ горько
Тѣ преступленья, что свершила здѣсь.
Давно пора очистить покаяньемъ
Ей совѣсть королевскую свою.

КЕЙТЪ.

Души ея — судья одинъ Всевышній.
Но чтобъ людская ненависть судила
Ея дѣла земныя; чтобъ могли
Клеветники безъ совѣсти и чести
Клеймомъ грѣха горящимъ заклеймить
Монархини возвышенныя чувства,
То этого конечно не должна
Дозволить Англія; и свѣтъ не можетъ
Нелѣпой сказкѣ вѣрить, будто въ связь
Преступную вступила королева,
И добивалась власти безраздѣльной,
Которая принадлежала ей
И безъ того. Властительницей полной
Была она, и одного желать
Еще могла: съ врагами примиренья.
Но какъ сбылись желанія ея —
Извѣстно вамъ. И знаете вы также,
Что противъ королевы обвиненья
Въ измѣнѣ государственной куютъ;
И что для этой цѣли собираютъ
Свидѣтельства подкупленныхъ рабовъ.
Но потерпѣть Британія не можетъ,
Чтобы суда кровавый приговоръ
Обрушился надъ дочерью монарха.
Британскій флотъ — увидятъ волны Бельта,
И дрогнетъ свѣтъ... О, неужель тогда
Всеобщему желанью мира будетъ
Сопротивляться островъ небольшой?
Внемлите-жъ мнѣ, молю васъ, королева,
Пока еще орудій страшный громъ
Не загремѣлъ надъ моремъ, и оно,
Исполненное гнѣва, не спросило:
Гдѣ Англіи могущественной дочь?

ЮЛІАНА.

Отвѣтъ нашъ не заставитъ ждать себя.
Какой языкъ! Ужели государство
Угрозой этой можно испугать?
И какъ вамъ рѣчь подобная пристала,
Теперь, когда въ парламентѣ дрожатъ,
И всѣ умы изыскиваютъ средства,

Какъ внутреннія распри побѣдить.
Колоніи становятся опасны,
И отвлечетъ Америка вашъ флотъ.
Британіи, мнѣ кажется, не время
Теперь своей принцессой заниматься,
Забывшей стыдъ... и защищать ее
Отъ гнѣва справедливаго монарха
И отъ законной кары... И притомъ,
Британія, которая, по праву,
Гордится такъ могуществомъ своимъ,
Одна послала больше королевъ
На эшафотъ, — чѣмъ цѣлая Европа.

КЕЙТЪ.

Лишь ненависть преступныя дѣла
Одно другимъ... оправдывать способна...
И правила такого королевѣ,
Мнѣ кажется, не слѣдуетъ держаться.

ЮЛІАНА.

Просить мы короля Георга будемъ,
Чтобъ онъ слугу намъ лучшаго прислалъ,
Который къ коронованнымъ особамъ
Умѣетъ быть почтительнѣй и знаетъ,
Какъ подданные съ ними говорятъ.

КЕЙТЪ.

У вашего величества просить
Я долженъ позволенья здѣсь остаться
(Такъ мой монархъ приказываетъ мнѣ)
До той поры, покамѣстъ королеву
Свободною не буду видѣть я.
Когда-жъ свой долгъ печальный я исполню,
Когда опять увидятъ солнца лучъ
Заплаканныя очи королевы, —
Пусть унесетъ скорѣй меня корабль
Къ предѣламъ дорогой моей отчизны,
Куда стремлюсь ужъ я давно душой.
Мнѣ нѣтъ отрады — медлить въ той странѣ,
Гдѣ ненависть съ измѣной дѣлятъ власть,
И гдѣ тому куютъ сегодня цѣпи,
Кому вчера монарха благосклонность
Дарила и могущество и блескъ;

Гдѣ чистая какъ голубь королева
Передъ судомъ подкупленнымъ дрожитъ;
Законы гдѣ орудьемъ мести служатъ,
И попраны священныя права.

Уходитъ.

СЦЕНА VII.

ЮЛІАНА; придворныя дамы.

ЮЛІАНА.

Ушелъ наглецъ! И говорить со мною
Онъ Англіи надменной рѣчью смѣлъ.
И я терплю!.. и худшее еще
Мнѣ вытерпѣть придется вѣроятно:
Ты не умрешь — какъ я того желала!
Я знаю, что ты выйдешь изъ тюрьмы
Свободная... Тебя спасти — корона
И кровь твоя британская должна! — Къ графинѣ Ульфельдъ.
Но не пугайтесь, милая графиня, —
Что вновь она на датскій сядетъ тронъ.
Ступени трона этого, который
Ея постыдной жизнью осквернёнъ,
Омыть такой намѣрена я кровью,
Что передъ нимъ, какъ передъ плахой, ужасъ
Британка будетъ вѣчно ощущать!

Уходитъ съ дамами.

Перемѣна.

СЦЕНА VIII.

Комната Матильды, въ Кроненбургской крѣпости. Дверь по серединѣ и по бокамъ. МАТИЛЬДА и ЭММИ, ея каммеръ-фрау.

МАТИЛЬДА — выходя изъ сосѣдней комнаты, въ волненіи, вмѣстѣ съ Эмми.

Оставь меня въ покоѣ, не хочу
Ни говорить, ни видѣться я съ нимъ.

ЭММИ.

Онъ говоритъ, что судъ его прислалъ.

МАТИЛЬДА.

Какой? Скажи? Гдѣ собрались монархи
Меня судить?

ЭММИ.

Простите, если я
Осмѣлюсь вамъ, отъ искренняго сердца,
Подать совѣтъ.... Быть можетъ, что-нибудь
Хорошее узнаемъ мы отъ Шака.
Примите, государыня, его.

МАТИЛЬДА.

Кто этотъ Шакъ? Его не знаю я,
Я при дворѣ лишь издали видала
Его порой; и не могу сказать,
Какія онъ ко мнѣ питаетъ чувства,
Врагамъ моимъ онъ преданъ или мнѣ.
Быть можетъ, онъ — шпіонъ. О Боже, Боже,
Кто вѣренъ былъ мнѣ! Кто меня не предалъ!

ЭММИ.

Вы мнѣ вчера сказали, что покорно
Все примете, что́-бъ ни послалъ вамъ Богъ.
Но отчего вы вѣрить не хотите,
Что послѣ столь тяжелыхъ, скорбныхъ дней
Онъ радость вамъ нежданную готовитъ?
Угодно вамъ, чтобъ я впустила Шака?

МАТИЛЬДА.

Пускай войдетъ. И въ самомъ дѣлѣ глупо,
Что я противлюсь этому свиданью.
Не всё-ль равно мнѣ! Каждой новой мукѣ
На встрѣчу хладнокровно я пойду.
О Эмми!... Малодушной и ничтожной
Своей ты королевы не считай.
Ребенокъ я, что плачетъ межъ змѣями,
Ихъ племенемъ шипящимъ окруженный,
Ближайшей лишь одной страшится онъ,
Не думая, что скоро точно также
И дальнія въ него вольютъ свой ядъ.
Напрасно онъ простеръ съ мольбою руки,
Ехидны разомъ бросились къ нему,
И кольцами тяжелыми обвившись

Вокругъ него.... ребенку сердце давятъ....
Пускай войдетъ! Что́-бъ ни принесъ онъ мнѣ,
Приму я твердо новую ехидну
Въ добавокъ къ старымъ давящимъ змѣямъ!...

СЦЕНА IX.

МАТИЛЬДА — одна.

Къ тебѣ одиноко взываю,
Къ тебѣ, Всемогущій,
Меня испытующій Богъ!
Куда ни взгляну я—повсюду
Нѣмую пустыню встрѣчаю....
И кромѣ Тебя—никого,
Никого у меня не осталось!
На горе ты далъ мнѣ корону,
Одну ты оставилъ меня
На жертву безстыднымъ и злобнымъ
Врагамъ, что меня ненавидятъ;
Они надо мной насмѣялись.
И сердце супруга дозволилъ
Ты имъ отъ меня отвратить;
Ужели меня твоя кара
Постигнетъ за то, что одинъ,
Одинъ мнѣ оставшійся вѣрнымъ,
Когда меня все покидало,
Отвергнутъ презрительно не былъ
Моей наболѣвшей душой?
За то, что со мною страдалъ онъ;
Что плакалъ онъ вмѣстѣ со мной?
Иль это преступно?... грѣшно?
И ты отъ меня въ наказанье
Теперь отступаешься, Боже?
Къ кому же, къ кому я прибѣгну,
Откуда мнѣ помощи ждать?
Ужели къ Тебѣ я напрасно
Взываю? И встрѣтить врага
Покорно и робко должна я?
Гдѣ мужество, вѣра моя?
О горе мнѣ, горе! о чемъ бы
Ни думала я,—лишь одно
Мнѣ голосъ таинственный шепчетъ:

Кто-бъ могъ тебя спасти и защитить,
Въ темницѣ тотъ.... Постыдными цѣпями
Въ отчаяньи напрасно онъ гремитъ,
Друзей своихъ напрасно призываетъ,
Отвѣта нѣтъ.... безмолвный мракъ кругомъ....
И ужасомъ объятый, плачетъ, плачетъ
Онъ о тебѣ, — какъ плачешь ты о немъ!

ЭММИ — входя.

Онъ у дверей.... Но вы въ такомъ волненьи....

МАТИЛЬДА.

Нѣтъ, Эмми; я спокойна, пусть войдетъ.

Шакъ входитъ. Эмми удаляется.

СЦЕНА X.

ШАКЪ и МАТИЛЬДА.

ШАКЪ.

Назначенный по волѣ короля
Верховный судъ меня къ вамъ посылаетъ;
Подвергнутъ былъ допросу графъ Струэнзе....

МАТИЛЬДА — дѣлаетъ движеніе ужаса.

ШАКЪ.

Коль будетъ мнѣ дозволено, то я
Дальнѣйшія формальности отброшу,
И вашему величеству —

МАТИЛЬДА.

Зачѣмъ
Произнесли вы здѣсь святое слово?...
«Величество» въ тюрьмѣ страдать не можетъ,
Его никто не судитъ на землѣ.
Меня измѣной взяли. Короля,
Супруга моего я не видала;
Лишь отъ него услышать мнѣ прилично
Объ участи своей.... Когда же здѣсь,
Съ какою королевой, поступать
Такъ смѣли—какъ со мною поступили?

Но испытать меня угодно Небу,
И я склонюсь предъ волею его;
Теперь скажите мнѣ, не опасаясь,
Что отъ меня имъ нужно?... Я бы только
Просила васъ оставить этотъ титулъ,
Что сану моему принадлежитъ,
Униженному вами....

ШАКЪ.

Графъ Струэнзе....

МАТИЛЬДА.

Нельзя ли вамъ о немъ не говорить.

ШАКЪ.

Но лишь о немъ и говорить я долженъ.

МАТИЛЬДА.

Что-жъ дальше....

ШАКЪ.

Передъ судьями своими
Сознался графъ, что противъ короля
Онъ въ заговорѣ съ вами находился....

МАТИЛЬДА.

Обманъ и ложь!

ШАКЪ.

Онъ это показалъ;
Потомъ еще, что вамъ въ грѣховной страсти
Открылся онъ—и вы его простили.

МАТИЛЬДА.

Вы лжете, лжете нагло! Никогда
Не могъ сказать онъ этого. Какъ грубо,
О! хитрецы—придуманъ вашъ обманъ!

ШАКЪ.

Вы можете считать все это ложью.
Но я сказалъ вамъ правду. И теперь
Отъ имени суда спросить васъ долженъ,
Вы подтвердите эти показанья
Струэнзе?...

МАТИЛЬДА.

Я? Но развѣ я безумна?

ШАКЪ.

Тогда очную ставку съ подсудимымъ
Должны мы будемъ дать вамъ....

МАТИЛЬДА — про себя.

Горе мнѣ!

ШАКЪ.

Въ лицо ему вы скажете, что онъ
Солгалъ, и въ государственной измѣнѣ
Судъ обвинитъ немедленно того,
Кто клеветать дерзнулъ на королеву.

МАТИЛЬДА.

Неслыханно! Очную ставку съ нимъ?
Мнѣ, королевѣ? Это невозможно.
И не хочу я вѣрить, чтобъ сказалъ
Онъ что-нибудь подобное! Но впрочемъ....
Какъ знать! У васъ найдутся средства,
Которыми и ложное признанье
У человѣка вырвать можно....

ШАКЪ.

Судъ
Такъ далеко не заходилъ.... и пыткой
Ему лишь угрожалъ онъ....

МАТИЛЬДА.

Пыткой! Боже!

ШАКЪ.

Есть средство все уладить, королева.
Избавить васъ отъ этой страшной встрѣчи,
Освободить васъ, и его спасти.

МАТИЛЬДА.

Какое-жъ?

ШАКЪ.

Я заранѣ приготовилъ
Его. Я знаю, что другого нѣтъ.
Вы подписать должны бумагу эту —вынимаетъ изъ кармана бумагу.

МАТИЛЬДА — прочитавъ бумагу.

Неужели постыдное признанье,
Которое сейчасъ лишь отъ меня
Вы требовали, нужно подписать?
Но здѣсь стоитъ, что будто онъ признался
Мнѣ въ томъ.... что даже—я назвать страшусь—
И будто я вину ему простила,
И голову несчастнаго щадя,
Отъ короля все это утаила?
Такъ этимъ я его могу спасти?
Нѣтъ! и меня вы погубить хотите!
Вотъ для чего нужна моя вамъ подпись.

ШАКЪ.

Я этого дѣйствительно хочу.
И потому, что только это можетъ
Преступника спасти отъ эшафота.
Я долженъ вамъ сказать чистосердечно,
Король его желаетъ пощадить.

МАТИЛЬДА — съ живостью.

Я вѣрю въ этомъ вамъ.... О—да! я знаю,
Что если слабо сердце короля,
То все-жъ онъ добръ, онъ милостивъ и кротокъ,
Кровавыя дѣянья ужасать
Должны его незлобивую душу.

ШАКЪ.

А судъ межъ-тѣмъ идетъ своимъ путемъ;
Онъ обвинитъ измѣнника и къ смерти
Приговоритъ его.... Коль вы въ сердца судей
Не бросите сомнѣнья....

МАТИЛЬДА.

Какого?

ШАКЪ.

Сомнѣнья въ томъ, не будетъ ли грозить
Ихъ приговоръ опасностью странѣ?
Вѣдь если все, что показалъ Струэнзе,
Вы въ свой чередъ рѣшитесь подтвердить,
То и себя признаете виновной.
Король и судъ должны произнести

Тогда надъ вами тотъ-же приговоръ,
Что и надъ нимъ.... А этого конечно
Ужъ не дерзнутъ.... Намъ Англія грозитъ....

МАТИЛЬДА.

Она грозитъ! Отчизна дорогая,
Свободный, благородный мой народъ!
Я не совсѣмъ покинута, коль помнишь
Ты обо мнѣ!

ШАКЪ.

Нельзя васъ оправдать
И обвинить Струэнзе въ тоже время;
Сообщникъ королевы, вмѣстѣ съ ней,
Освобожденъ быть долженъ, иль погибнуть.

МАТИЛЬДА.

Да.... въ этомъ правда есть....

ШАКЪ.

Повѣрьте мнѣ....

МАТИЛЬДА.

Чего хотите вы? Чтобъ подтвердила
Свой собственный позоръ я. Боже мой!
Но гдѣ же, гдѣ найду я правду?.. Люди
Всѣ лгали мнѣ, когда стояла я
На высотѣ могущества и счастья...
Хотите-ль вы быть лучше ихъ, — и правду
Мнѣ скажете-ль въ дни горестей и бѣдъ?

ШАКЪ.

Довѣрьтесь мнѣ....

МАТИЛЬДА — пытливо смотря на него.

Должна ли я?... Подайте...

Кладетъ передъ собой бумагу на письменный столъ. За ней стоитъ кресло. Передъ тѣмъ какъ подписать, она еще разъ пробѣгаетъ глазами листъ, и отворачивается отъ него съ ужасомъ.

Чтобъ я сама... Нѣтъ! никогда.

ШАКЪ.

Рѣшитесь...

МАТИЛЬДА — про себя.

Да! я должна. Другого нѣтъ исхода.
Съ нимъ... на судѣ... О! Этого не въ силахъ
Я перенесть...—Хочетъ подписать и снова колеблется. Упало сердце.
Ноги
Мнѣ измѣняютъ... Боже! — медленно пишетъ. Ка-ро-ли-на.
Что я пишу?.. А если онъ солгалъ...
Я испытать его должна; пускай —
Мнѣ зеркало лицо его покажетъ.

Смотритъ въ зеркало. Шакъ, безстрастный и неподвижный, стоитъ за нею.

Вотъ... кончила... возьмите — указывая движеніемъ головы на бумагу и отворачиваясь.

ШАКЪ — радостно.

Наконецъ!

МАТИЛЬДА—держа еще въ рукѣ перо, и замѣтивъ радостное выраженіе на лицѣ Шака, который хочетъ взять бумагу, вскрикиваетъ.

Ликуетъ онъ! О сердце, разорвись!
Я предана! — падаетъ безъ чувствъ въ кресла, судорожно сжимая перо.

ШАКЪ.

Ты не ошиблась — взглянувъ на бумагу. Какъ?
Лишь: «Каролина» только; а Матильды
Недостаетъ почти на половину?
Но я суду доставить обѣщалъ,
За подписью твоею, обвиненье, —
И обѣщанье выполню своё.

Пишетъ, водя рукой королевы, и произноситъ: Ма-тиль-да.

Ну вотъ, теперь улика на лицо!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Комната Юліаны.

СЦЕНА I.

ЮЛІАНА — сидитъ одна.

Какъ эта ночь длинна... конца ей нѣту!
Никто нейдетъ. А я всё жду и жду.
Чего я жду? Чтобъ смертный приговоръ
Врага мнѣ принесли. — Не странно-ль, право,
Что можно такъ томиться въ ожиданьи
Чего-нибудь подобнаго...

Молчаніе.

— За то
Я правъ своихъ, короны и всего,
Что было мнѣ дороже самой жизни,
Такъ много лѣтъ ждала! Я не нарядъ,
Не блескъ одинъ пустой въ порфирѣ вижу.
Одежду королевскую считать
Я не могу костюмомъ карнавальнымъ;
И въ пурпуръ облекаясь, королевой
Хочу вполнѣ быть! И была я ею,—
До той поры, покамѣстъ не явилась
Сюда *она*, которая меня
Всего лишила... Сына моего
Своимъ лицомъ смазливымъ соблазнила,
И у меня могущество, почётъ
И самую надежду... всё украла!
Да, всё! И тотъ, кому сегодня я
Готовлю гибель, былъ ея орудьемъ.
Пусть за нее поплатится! И если
Хранитъ корона голову ея, —
Ему своей не уберечь отъ плахи!

СЦЕНА II.

ШАКЪ, КЕЛЛЕРЪ, ГУЛЬДБЕРГЪ, ЮЛІАНА, многіе члены совѣта.

ЮЛІАНА.

А, наконецъ!.. Ну что? Какъ судъ рѣшилъ?..
Къ чему приговоренъ измѣнникъ?..

ШАКЪ.

Къ смерти,
Онъ обезглавленъ будетъ палачемъ;
И приговоръ суда сейчасъ же графу...

ЮЛІАНА — прерывая его.

Онъ пересталъ быть графомъ, и его
Такъ называть вы не должны отнынѣ...

ШАКЪ.

— И приговоръ измѣннику, сейчасъ же
Объявятъ, какъ монарха утвержденье
Послѣдуетъ...

ЮЛІАНА.

За нимъ не станетъ дѣло.
Когда же вы получите его,
То приговоръ, не медля ни минуты,
Велите въ исполненье привести.
Вы слышите:—не медля ни минуты,—
Затѣмъ, чтобъ въ слабомъ сердцѣ короля
Раскаянье внезапно не проснулось.
Застать въ живыхъ преступника Струэнзе
Не долженъ наступающій разсвѣтъ.
Гдѣ графъ Ранцау?

КЕЛЛЕРЪ.

Едва извѣстно стало,
Къ чему приговорилъ Струэнзе судъ,
Какъ графъ исчезъ; и я напрасно всюду
Его искалъ...

ЮЛІАНА.

Я не могу за это
Отсутствіе его не осуждать.
Казалось бы, что мѣсто графа — здѣсь,
Въ подобный мигъ. *Онъ* королю представить
На утвержденье приговоръ обязанъ...
Гдѣ жъ онъ?

Къ Шаку.

Такъ вы идти за утвержденьемъ,
Сейчасъ къ его величеству извольте.

ШАКЪ.

Простите, королева... не по силамъ

Обязанность такая старику.
Что́, если въ сердце короля, при взглядѣ
На этотъ листъ, закрадется сомнѣнье...
Нѣтъ, нѣтъ, я не могу.

ЮЛІАНА — вырывая у него бумагу, къ Келлеру.

Ступайте вы.

КЕЛЛЕРЪ.

Увольте, королева, и меня.
И я къ подобной службѣ не пригоденъ.
Туда, гдѣ есть опасность, я пойду;
Но здѣсь не нуженъ мечъ; здѣсь языкомъ
Мнѣ довелось бы дѣйствовать; а это
Оружье, королева, не моё...

ЮЛІАНА — къ ближайшему изъ членовъ совѣта.

Такъ вы... — тотъ отказывается. Она предлагаетъ другимъ, — тѣ также не соглашаются.

Никто отважиться не хочетъ?
Никто? — Всѣ молчатъ. Пускай! Такъ я сама иду.
О! какъ вы робки всѣ,—какъ малодушны!
Иль думаете вы, что отказать
Въ такой пустой, въ такой ничтожной просьбѣ
Король рѣшится—матери своей;
И подписать лишь слово «Христіанъ»
Подъ этою бумагой не захочетъ?
За мною, Гульдбергъ! Вы же всѣ, ликуйте!
Струэнзе — врагъ страны — не существуетъ!

Уходитъ съ Гульдбергомъ. Остальные также расходятся.

Перемѣна.

Тюрьма. Ночь. На столѣ горитъ ночникъ. Въ глубинѣ сцены большая дверь на запорѣ. Влѣво маленькая, боковая дверь. Струэнзе лежитъ въ цѣпяхъ. Послѣ нѣкоторой паузы, въ правой сторонѣ, отворяется потаенная дверь, въ которую входятъ Ранцау и Тюремщикъ.

СЦЕНА III.

РАНЦАУ, ТЮРЕМЩИКЪ, СТРУЭНЗЕ — спящій.

РАНЦАУ — подавая тюремщику кошелекъ.

Побѣгъ твой эти деньги обезпечутъ.
Возьми; а насъ теперь оставь вдвоёмъ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Смотрите-жъ, не забудьте, что сказали
Вы мнѣ сейчасъ. Я выпустить его
Не соглашусь ни за какія блага,
Коль въ Даніи остаться долженъ онъ.
Продать свою мнѣ душу захотѣлось,
И продалъ я. Кому какое дѣло!
Но не должно отечество моё
Изъ-за меня терпѣть; и если нѣмца
Вы для того освободить рѣшились,
Чтобъ управлялъ онъ Даніей опять,
Такъ лучше ужъ назадъ возьмите деньги.

РАНЦАУ.

Не бойся, вѣрный датчанинъ, не бойся.
Страною онъ не будетъ управлять.
И я тебя могу завѣрить честью,
Что, въ эту ночь, онъ въ Англію бѣжитъ.
Когда придутъ сюда за нимъ, съ разсвѣтомъ,
Ужъ будетъ онъ въ открытомъ морѣ плыть.
А ты пока въ моихъ помѣстьяхъ скройся.
Я завтра самъ открою королю,
Что̀ сдѣлали съ тобой мы, чтобъ избавить
Отъ поздняго раскаянья его.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Эхъ, сударь, лучше-бъ вамъ, ей-Богу,
Отъ этого его не избавлять.
Вѣдь узникъ успокоился давно;
И къ тихому пристанищу готова
Душа его причалить. Онъ грѣхи
Свои всѣ счёлъ, — и вышла смерть въ итогѣ.
Зачѣмъ его заставить вы хотите
Опять потомъ считать; ей-ей грѣшно!
Пускай прѝ старомъ счетѣ остается.

РАНЦАУ.

Ступай, и позаботься о себѣ,
Да деньги береги, пока не скрылся.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Эхъ! золото проклятое! Въ соблазнъ
Ты, рыжая развратница, насъ вводишь,

И губишь человѣческія души.
Вотъ и мою, знать, хочешь погубить.
Ну сударь, если завтра за измѣну
Меня осудятъ,—вы всему вина. Уходитъ.

СЦЕНА IV.

РАНЦАУ. СТРУЭНЗЕ.

РАНЦАУ.

Онъ спитъ. Онъ можетъ спать; и не гнетутъ
Ему оковы душу! Сны рисуютъ
Предъ нимъ картины счастья прожитого,
А пробудясь своихъ убійцъ онъ встрѣтитъ.
Ужасно быть убійцей! Эта мысль
Мнѣ не даетъ покою... сердце гложетъ.
Но что же медлю я? Будитъ Струэнзе. Вставай, несчастный!

СТРУЭНЗЕ — вскакивая.

Кто звалъ меня? Какъ будто бы Ранцау...
А мнѣ казалось,—я Матильду вижу...

РАНЦАУ.

О! злополучный!

СТРУЭНЗЕ.

Я не сплю, не брежу?
Да! это вы. Но что-жъ васъ привело
Ко мнѣ въ тюрьму. Иль вы моимъ позоромъ
Хотѣли насладиться? Признаюсь,
Я даже и въ минуты раздраженья
На это васъ способнымъ не считалъ.
Я лучшее себѣ составилъ мнѣнье
О вашемъ гордомъ духѣ, графъ...

РАНЦАУ — послѣ нѣкотораго колебанья, указывая на потаенную дверь.

Бѣгите!

СТРУЭНЗЕ — удивленный.

Что вижу я? Въ своей-ли я тюрьмѣ?
Такъ много дней не отводилъ я взоровъ
Отъ этихъ мрачныхъ стѣнъ, и разглядѣть
Не могъ, что дверь здѣсь есть.

РАНЦАУ.

Одинъ тюремщикъ
Лишь зналъ о ней. Теперь отворена
Она для васъ; не медлите, бѣгите.
Васъ ожидаетъ англійскій корабль.
До берега проводитъ васъ надежный
Слуга; онъ у дверей стоитъ, и отъ цѣпей
Освободитъ васъ. Часовой подкупленъ,
Спѣшите же. Намъ дорогъ каждый часъ.

СТРУЭНЗЕ.

Но я узнать сгараю нетерпѣньемъ,
Что побуждаетъ васъ меня спасти.

РАНЦАУ.

Не тратьте словъ, и объ одномъ заботьтесь,
Чтобъ смерти, вамъ грозящей, избѣжать.
Не думайте, что медлить станетъ мщенье,
Его топоръ готовъ, и поразить
Васъ можетъ раньше, чѣмъ того вы ждете.
Иль приговоръ вашъ неизвѣстенъ вамъ?

СТРУЭНЗЕ.

Хотя-бъ онъ даже былъ мнѣ неизвѣстенъ...
За то враги мои извѣстны мнѣ.

РАНЦАУ.

Они не любятъ мѣшкать. Этой ночью
Рѣшится все.

СТРУЭНЗЕ.

Я знаю, приговоръ
Лежитъ теперь передъ моимъ монархомъ.

РАНЦАУ.

Онъ утвердитъ... На милость не надѣйтесь.

СТРУЭНЗЕ.

Онъ утвердитъ. Онъ долженъ утвердить,
И милости я только жду отъ неба.

РАНЦАУ.

Оно теперь являетъ вамъ ее,
Указывая средство къ избавленью.

СТРУЭНЗЕ.

Избавитъ смерть меня отъ всѣхъ страданій.
Послѣднія мгновенья бытія
Мнѣ эта ночь даруетъ. На разсвѣтѣ,
Должна моей порваться жизни цѣпь.
Лучъ солнца восходящаго освѣтитъ
Мой смертный путь. А полдень ужъ найдетъ
Кровавый трупъ мой на доскахъ позорныхъ.
Когда-жъ настанетъ вечеръ, можетъ быть,
Глаза мнѣ воронъ выклюетъ голодный...

РАНЦАУ.

О ужасъ! И вы медлите еще!
Иль не открыты вамъ спасенья двери?
Скорѣй, скорѣй бѣгите...

СТРУЭНЗЕ.

Съ изумленьемъ
Гляжу я на того, кто въ эту бездну
Меня, пылая злобою, столкнулъ;
И кто теперь спасительный канатъ
Бросаетъ мнѣ туда. Но не надѣйтесь,
Что за него, не думая, сей часъ,
Я ухвачусь, какъ вы того желали-бъ.
Вы, можетъ быть, себѣ вообразили,
Что смерть меня пугаетъ; но ее
Я знаю, я видалъ—какъ воинъ въ битвѣ—
И менѣе красивою. Она
Къ одру больныхъ подкрадывалась часто;
И образъ тамъ измѣнчивый ея
Мнѣ наблюдать случалось близко. Съ нею
Коротокъ я, какъ съ другомъ юныхъ лѣтъ.
Всѣхъ стоновъ, что она у человѣка
Изъ груди извлекаетъ, звукъ я знаю;
Я въ блѣдное лицо ея взгляну
Безъ трепета, и отъ нея поспѣшно
Не убѣгу—какъ думаете вы.
Я послѣ всѣхъ страданій, колебаться
Еще могу, что̀ выбрать: жизнь иль смерть.
Я долженъ знать, что ждетъ меня въ грядущемъ,
Чтобъ краткій смерти мигъ не промѣнять
На годы безконечнаго мученья.

РАНЦАУ.

Какъ разсуждать вы можете, когда
Позорная вамъ гибель угрожаетъ?

СТРУЭНЗЕ.

Молю васъ, облегчите сердце мнѣ,
Скажите, что̀ друзей моихъ постигло,
Томившихся въ темницѣ, какъ и я.
Гдѣ Брандтъ?...

РАНЦАУ.

Зачѣмъ вамъ это знать, несчастный!

СТРУЭНЗЕ.

Приговоренъ...

РАНЦАУ.

Къ тому же, что и вы.
Онъ долженъ вамъ предшествовать...

СТРУЭНЗЕ.

О! горе,
Такъ и друзей своихъ я погубилъ!
Что-жъ совершить преступнаго онъ могъ?

РАНЦАУ.

Но развѣ вашимъ другомъ не былъ онъ?
Не охранялъ особу короля?
А этого довольно, чтобъ вмѣнилось
Услужливыми судьями ему
Ничтожнѣйшее слово въ преступленье.

СТРУЭНЗЕ.

А остальныхъ друзей моихъ что ждетъ?

РАНЦАУ.

Лёвенскіольдъ и многіе другіе
На долгій срокъ въ тюрьму заключены.

СТРУЭНЗЕ.

Что мигъ, то всё сильнѣе и сильнѣе
Гнететъ мнѣ душу тягостное бремя.
Еще одно узнать осталось мнѣ,
И я рѣшусь. Но слово замираетъ

Въ моихъ устахъ... Спросить васъ долженъ я...
Кто совершилъ неслыханное дѣло?
Какъ вы могли, вы, гордый человѣкъ,
Способствовать подобному злодѣйству?
Помощникомъ вы стали палачей,
Отъ сна вы пробудили королеву
И прикоснуться грубою рукой
Дерзнули къ ней...

Ранцау отворачивается. Пауза.

Простите, если васъ
Я оскорбилъ. Я чувствую, что близокъ
Тотъ часъ, когда ни гнѣву, ни враждѣ
Ужъ не должно быть мѣста въ нашемъ сердцѣ.
Вамъ медлить здѣсь опасно, графъ, такъ кончимъ.
Скажите мнѣ,—что вѣчно дорогую,
Что королеву—можетъ ждать—мою.

РАНЦАУ.

Къ изгнанью и разлукѣ съ королемъ
Приговоренной, ей предложатъ вѣрно,
Чтобъ во владѣніяхъ нѣмецкихъ брата,
Избравъ себѣ убѣжище, она
Тамъ поселилась, и въ уединеньи...

СТРУЭНЗЕ.

Довольно... Жизнь кончается моя
И не зачѣмъ бѣжать мнѣ...

РАНЦАУ.

Невозможно!

СТРУЭНЗЕ.

Какъ невозможнымъ кажется для васъ
Не содрогаться предъ позорной казнью,
Такъ невозможнымъ кажется мнѣ жить.
Что значитъ жизнь—по вашему? Ужель
Обычныя въ природѣ измѣненья
Переживать, встрѣчать весну и зиму?
Ужель—смотрѣть, какъ нынче увядаютъ
Цвѣты, вчера блиставшіе красой;
Иль старческую кровь заемнымъ жаромъ
Подогрѣвать, когда исчезла юность,—
Вы назовёте жизнью? И дышать

Для этого лишь стóитъ намъ? О! нѣтъ.
Иныя блага жизнью заставляютъ
Насъ дорожить. Когда мы въ глубину
Души своей порою заглянувши,
Въ ней обрѣтаемъ зданье, что себѣ
Воздвигли мы, изъ пламенныхъ желаній,
Воспоминаній свѣтлыхъ и надеждъ,—
И можемъ въ этомъ сердцу миломъ домѣ
Укрыться отъ житейскихъ непогодъ,
Тогда легко нести намъ бремя жизни.
Но зданіе, воздвигнутое мной,
Въ развалинахъ лежитъ, и убѣгаю
Я отъ пустыни сердца своего.
Въ немъ нѣтъ надеждъ! Воспоминанья даже
Его терзаютъ—словно преступленья!
Мнѣ жить—подъ вѣчнымъ гнетомъ мысли страшной,
Что въ бездну я столкнулъ своихъ друзей,
И спасся самъ? Мнѣ жить, когда я знаю,
Что и она, что та, которой всѣмъ
Я былъ готовъ пожертвовать—въ изгнаньи,
Отъ ласкъ дѣтей отторгнутая плачетъ,
И мнѣ укоръ за гибель шлетъ свою!
И это все я могъ бы выносить?
Спокойствіе мнѣ возвращаетъ плаха.
Жизнь для меня была бы вѣчной битвой,
Но безъ надежды на побѣду!—Вамъ пора,
Идите, графъ, скорѣй. Не то—застанутъ
Васъ палачи мои. Я остаюсь...

РАНЦАУ.

О Боже!

СТРУЭНЗЕ.

Еще одно—хотѣлъ бы, напослѣдокъ,
Отъ васъ узнать я, что́ произвело
Переворотъ столь быстрый въ вашемъ сердцѣ?
Что́ побуждаетъ васъ спасти врага?

РАНЦАУ.

Меня объ этомъ спрашиваешь ты,
Несчастный, слезъ достойный человѣкъ?...
Такъ знай: судьба ужасная твоя!
Не говорилъ ли я тебѣ когда-то,

Что управлять ты Даніей не можешь,
Не можешь ненавистныя ученья,
Возникшія въ далекой сторонѣ,
Навязывать народу произвольно.
Но тщетно я тебя предостеречь
Старался. Голосъ мой звучалъ въ пустынѣ,
И все сильнѣй стремился къ цѣли ты.
Твое паденье было неизбѣжно;
Ты палъ; но я здѣсь только былъ орудьемъ,
И выскользнула власть изъ рукъ моихъ;
Ты жертвой низкой мести сталъ теперь;
Но не хотѣлъ я этого; и крови
Твоей не жаждалъ: этотъ приговоръ,
Съ злодѣями равняющій тебя,
Страну безчеститъ. О! бѣги скорѣе—
Ночей моихъ спокойствіе отдай.
Отдай мнѣ сонъ; ужъ трижды предо мною
Окровавленный, ночью, ты стоялъ...
Напрасно хочетъ воинъ посѣдѣлый
Глаза свои усталые сомкнуть,
Онъ тутъ, онъ тутъ — кровавый этотъ призракъ,
И ночи нѣтъ конца!.. Бѣги, бѣги,—
Сна моего не уноси въ могилу!

СТРУЭНЗЕ.

Я не могу..., но послѣ этой ночи
Раскаянье васъ мучить не должно.
Когда мои разбросанныя кости
Сберутъ, и буду я въ землѣ лежать,
Отраденъ мнѣ могильный будетъ отдыхъ;
Я всё забыть хочу. Безъ сновидѣній
Покоиться хочу въ могилѣ я...
Но, если даже это невозможно,
И долетятъ земные голоса
До слуха мертвецовъ, то ихъ они
Не для кровавыхъ помысловъ разбудятъ...
Быть можетъ, мысль о томъ, кто плачетъ здѣсь,
И чья мечта ушедшихъ призываетъ,
Еще сладчайшій сонъ на нихъ навѣетъ...

РАНЦАУ.

Я васъ молю — бѣгите...

СТРУЭНЗЕ.

У дверей,
Какой-то шумъ я слышу... ради Бога
Простимся... Смерти вѣстники идутъ!..
Скорѣй, скорѣй... и уходите съ мыслью,
Что не питалъ къ вамъ ненависти я,
Что на прощаньѣ жму отъ сердца руку
Тому, кто мнѣ въ дни счастья былъ врагомъ,
Но кто теперь обрадовалъ нежданно
Меня какъ другъ, и въ мой предсмертный часъ
Ко мнѣ пришелъ съ душою примиренной,
Чтобы меня отъ гибели спасти.
Прощайте; будьте тверды. Юліана
Должна васъ ненавидѣть, какъ меня;
Дай Богъ, чтобъ вы окончили счастливѣе, чѣмъ я...

Они обнимаются. Ранцау поспѣшно уходитъ въ потаенную дверь, которая затворяется за нимъ.

СЦЕНА V.

СТРУЭНЗЕ—одинъ.

Нѣтъ! это не было побѣдой!
Отъ жизни отрекаюсь я безъ бою.
И если пятна темныя на ней
Доселѣ оставались, пусть ихъ смоетъ
Конецъ мой. Кто намѣренья свои
Осуществлялъ медлительно и робко,
Кто до исхода дѣла унывалъ,
Въ безсиліи поникнувъ головою,
Надъ тѣмъ глумится будетъ міръ.—Падетъ
Онъ презираемъ, и умретъ забытый.
Когда-жъ надъ человѣкомъ, полнымъ силъ,
Гроза нежданно грянетъ—и его
Во прахъ повергнетъ бездыханнымъ, мертвымъ...
Во всѣхъ сердцахъ рождается тогда
Къ погибшему невольное участье,
И каждый задаетъ себѣ вопросъ:
Не рано-ль онъ погибъ? И заслужилъ ли
Такой конецъ? Такъ думаетъ теперь
И гордый человѣкъ, что удалился
Лишь отъ меня. Быть можетъ, примирясь

Съ моею тѣнью, и потомство также—
Мои земныя слабости захочетъ
Изъ вѣчной книги вычеркнуть своей!

СЦЕНА VI.

СТРУЭНЗЕ, ОФИЦЕРЪ со стражей.

ОФИЦЕРЪ—къ стражѣ.

Снять цѣпи съ узника.

СТРУЭНЗЕ.

Такъ я свободенъ?

ОФИЦЕРЪ—вынимая пакетъ съ черной печатью.

Несчастный! Вотъ какую приношу
Свободу я.

СТРУЭНЗЕ.

Ту, что должна избавить
Отъ всѣхъ оковъ! — смотритъ на печать. Мой смертный приговоръ.
Не такъ ли? Да? Онъ утвержденъ? Прочтите,
Я васъ прошу.

ОФИЦЕРЪ—про себя.

Гдѣ силы взять мнѣ, Боже!

Сломивъ печать, читаетъ сильно взволнованный.

«Признано справедливымъ, графа Іоанна Фридриха Струэнзе, за совершенныя имъ преступленія, по лишеніи графскаго титула и всѣхъ прочихъ, дарованныхъ ему достоинствъ, и по преломленіи надъ нимъ, черезъ палача, его графскаго герба... въ примѣръ и на страхъ всѣмъ, могущимъ оказаться его единомышленникамъ...»

Графъ! пощадите..., не могу я кончить!

Бумага падаетъ у него изъ рукъ.

СТРУЭНЗЕ — подымаетъ ее и спокойно прочитавъ до конца.

Да! вотъ оно... вотъ имя короля!
Но не тебѣ нужна Струэнзе гибель,
Мой бѣдный, мой обманутый монархъ!
Ты окруженъ предательствомъ, измѣной;
Враги хотятъ тебя принудить даже —
Разстаться съ вѣрнымъ ангеломъ твоимъ!

Лишенъ друзей, супруги; одинокій,
Покинутый, томиться будешь ты
Покамѣстъ день спасенья не засвѣтитъ
И для тебя; покамѣстъ мститель грозный
За всѣхъ насъ не отплатитъ....

ОФИЦЕРЪ.

Если вамъ
Угодно, графъ, распоряженья сдѣлать,—
Не медлите, къ концу подходитъ ночь.
Съ разсвѣтомъ дня, должны вы быть готовы —
Въ послѣдній путь...

СТРУЭНЗЕ.

Мнѣ сердце говоритъ,
Что не совсѣмъ я буду неоплаканъ,
Покинувъ этотъ міръ, и потому
Хотѣлъ бы я всѣмъ дорогимъ и близкимъ,
Которые почтутъ слезой мой прахъ,
Послать привѣтъ прощальный, передъ смертью.
Такъ если вы желаніе мое
Исполнить не откажетесь, я письма
Сейчасъ же приготовлю....

ОФИЦЕРЪ.

Вѣрьте, графъ,
Что для меня они святыней будутъ.

СТРУЭНЗЕ.

Я вѣрю вамъ, и этимъ лишь довѣрьемъ
Могу вамъ благодарность доказать.
Вы благородный, добрый человѣкъ
И ввѣрить умирающій вамъ можетъ,
Безъ опасенья, все, что у него
Отъ достоянья прежняго осталось.
Послѣднія, предсмертныя слова!
Я ухожу — и скоро все покончу...

Уходитъ.

СЦЕНА VII.

ОФИЦЕРЪ — одинъ.

Средняя дверь отворяется.

ОФИЦЕРЪ.

Что́ это? Келлеръ-Баннеръ?... Неужели
Такъ далеко вражда его зашла....
Но кто же съ нимъ еще?...

СЦЕНА VIII.

ОФИЦЕРЪ, КЕЛЛЕРЪ, съ своими адъютантами, ПАСТОРЪ СТРУЭНЗЕ, котораго ведетъ слуга его. Пасторъ окидываетъ грустнымъ взглядомъ стѣны тюрьмы, прячетъ лицо свое на груди слуги,—и въ этомъ положеніи остается въ глубинѣ сцены.

ОФИЦЕРЪ — Келлеру.

— Какъ генералъ?
Вы сами безпокоитесь....

КЕЛЛЕРЪ.

Я волю
Монарха исполняю.... И притомъ
Удостовѣриться хотѣлъ я лично,
Согласно-ль приказаніямъ моимъ
Все сдѣлано... Вы смертный приговоръ
Вручили заключенному? Скажите-жъ,
Какъ принялъ онъ его, — спокойно.... твердо?

ОФИЦЕРЪ.

Герой нейдетъ спокойно такъ на битву,
Какъ онъ на казнь. Теперь къ друзьямъ онъ пишетъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Пускай! пока часъ смерти не пробилъ,
Его вы не тревожьте..., но тогда
Преступнику не дозволяйте медлить.
Нетерпѣливо ждетъ его народъ,—
Не нужно, чтобъ ропталъ онъ. Окружимъ
Мы мѣсто казни вѣрными войсками,
И никакое упущенье не должно
Опасностью грозить столицѣ... Брандтъ

Пойдетъ сначала..., а потомъ Струэнзе.
Какъ только на подмостки вступитъ онъ,
Забить велите тотчасъ въ барабаны,
Чтобъ словъ его толпа не разслыхала,
Коль говорить отважится онъ съ ней.

ОФИЦЕРЪ.

Онъ говорить не станетъ. Онъ покончилъ
Разсчеты съ небомъ, съ міромъ и съ собой.

КЕЛЛЕРЪ.

Онъ счастливъ, если это такъ.
Еще хочу я, чтобъ къ нему допущенъ
Былъ этотъ человѣкъ... показывая на пастора. Наединѣ
Оставьте ихъ. Старикъ — его отецъ.

ОФИЦЕРЪ — про себя.

О милостивый Боже! — вслухъ. Онъ идетъ...
Вамъ тяжело, быть можетъ, генералъ,
Его увидѣть... Не угодно-ль будетъ
Вамъ удалиться....

Келлеръ поспѣшно идетъ къ двери, но тамъ вдругъ останавливается.

СТРУЭНЗЕ — подходя къ офицеру съ письмами.

Эти письма вы....

Келлеръ оборачивается—и пристально глядитъ на Струэнзе, который спокойно и съ достоинствомъ выдерживаетъ этотъ взглядъ. Потомъ Келлеръ быстро уходитъ, офицеры слѣдуютъ за нимъ.

СЦЕНА IX.

СТРУЭНЗЕ и ПАСТОРЪ.

СТРУЭНЗЕ — не замѣчая отца.

Вотъ что мнѣ больно было! — увидать
Врага непримиримаго, въ которомъ
Досель еще все ненависть кипитъ.
Пришлось и эту выдержать борьбу.
Одинъ я! — Предъ открытою могилой
Одинъ стою. Ни дружескаго взора,
Съ участьемъ обращеннаго ко мнѣ,
Ни голоса любимаго, — который
Мнѣ усладилъ бы мой предсмертный часъ!

О! еслибы я могъ на дорогія
Черты отца взглянуть еще хоть разъ,
И отъ него принять благословенье...
О! еслибъ прозвучали мнѣ слова
Изъ устъ его... «Прощай, мой сынъ»!

ПАСТОРЪ — который при первыхъ словахъ сына дѣлаетъ движеніе ужаса, и потомъ тихо приближается.

Мой Фридрихъ!

СТРУЭНЗЕ.

Чей это голосъ?... Боже милосердый...
Отецъ! отецъ мой... Я изнемогаю... — падаетъ на колѣни и обнимаетъ ноги отца.

ПАСТОРЪ — подымая его.

Будь твердъ, мой сынъ, великое мгновенье
Должны спокойно встрѣтить мы съ тобой,
Не омрачимъ напраснымъ сокрушеньемъ
Послѣдній часъ; и помыслы къ тому
Мы обратимъ, предъ кѣмъ предстать ты долженъ.

СТРУЭНЗЕ.

Но развѣ самъ ты можешь быть спокоенъ,
И не скорбишь глубоко, мой отецъ?

ПАСТОРЪ.

Я видѣлъ, какъ скоплялись эти тучи, —
Еще давно, въ дни счастья твоего,
Я прозрѣвалъ грозившую опасность....
И приходилъ тебя предостеречь.
Но ты не внялъ тогда; и день невзгоды,
Котораго страшился я, — насталъ.

СТРУЭНЗЕ.

Ты знаешь ли, какой позорный путь
Избрали для меня мои злодѣи?

ПАСТОРЪ.

Какой бы ни былъ смерти путь, но онъ
Къ источнику спасенья и блаженства
Приводитъ насъ. Умри лишь съ этой вѣрой,
Мой Фридрихъ милый,—и ты будешь жить!

Пауза.

Скажи мнѣ, что́ душа твоя, мой сынъ?...

СТРУЭНЗЕ.

Мнѣ кажется чиста; и не волнуютъ
Ни ненависть ее, ни чувство мести....

ПАСТОРЪ.

Такъ примирился ты со свѣтомъ?

СТРУЭНЗЕ.

Да.

ПАСТОРЪ.

Очистилъ ли ты духъ свой отъ сомнѣнья,
И вѣра не колеблется-ль твоя?

СТРУЭНЗЕ.

Я вѣрю въ безконечную любовь
Творца—и въ счастье жизни вѣчной;
Я сознаю грѣхи свои, и въ нихъ
Раскаиваюсь искренно и горько!

ПАСТОРЪ.

Забылъ ли страсть грѣховную свою?...

СТРУЭНЗЕ.

Что́ ты зовешь моей грѣховной страстью?

ПАСТОРЪ.

О королевѣ думать пересталъ ли?

СТРУЭНЗЕ.

Нѣтъ! этого не требуй отъ меня!
Она мой путь — какъ ангелъ лучезарный,
Своимъ сіяньемъ кроткимъ озаряла!
И этотъ образъ чистый сохраню
Я въ сердцѣ до послѣдняго мгновенья.
Онъ вѣчнаго блаженства мнѣ залогъ.
Пусть до конца звучатъ мнѣ тѣ слова,—
Что отъ нея въ послѣдній разъ я слышалъ,
И на меня дыханіемъ весны
Повѣетъ у дверей моей могилы!
Я думаю, я не могу, отецъ,
Пока еще дышу, о ней не думать,
И не таюсь я въ этомъ предъ тобой,
Какъ ужъ давно повѣдалъ это небу,

ПАСТОРЪ.

Кто судитъ наши мысли и дѣла,
Проститъ тебѣ, коль съ духомъ просвѣтленнымъ
Передъ лицомъ Его предстанешь ты.

СТРУЭНЗЕ.

Да! Онъ проститъ, его я благость вижу.
Не Онъ ли, въ мой предсмертный часъ, привелъ
Ко мнѣ отца. Въ глазахъ твоихъ сіяетъ
Мнѣ знаменье прощенія его.
Къ нему, ликуя, духъ стремится мой!
Какъ въ царство завоеванное входитъ
Въ кровавыя ворота побѣдитель,
И я въ страну, гдѣ вѣчной правды свѣтъ,
Войду съ подмостокъ, кровью обагренныхъ.
Ужъ близокъ день... Съ покорностью несу
Я жизнь къ подножью вѣчнаго престола.
Сокрытыя намѣренья, теперь,
На свѣтъ дневной выходятъ и сіяютъ....
И поблѣднѣть какъ скорбь должны дѣла....
Но всё же есть награда, и въ странѣ,
Гдѣ я донынѣ дѣйствовалъ, ужъ зрѣютъ
Посѣянныя мною сѣмяна.
Я сознаю, что я не даромъ жилъ;
Не ослѣплялъ народъ постыдной ложью,
Какъ думаютъ противники мои.
Она придетъ, пора осуществленья
Моихъ надеждъ, стремленій дорогихъ,
Ужъ содрогаясь чуетъ тираннія,
Что близокъ торжества ея конецъ!
Я вижу.... Разъяренная толпа,
Порвавъ свои оковы, воздвигаетъ
Повсюду эшафотъ за эшафотомъ....
Нѣтъ никому пощады отъ нея!
И короля влечетъ она на плаху;
Потомъ свои удары на себя
Въ какомъ-то опьяненьи обращаетъ.
Безъ устали работаетъ палачъ!
Топоръ его гуляетъ на просторѣ,
И коситъ жизнь за жизнью каждый мигъ,
Какъ жнецъ усердный спѣлые колосья!
Но чья-то вдругъ желѣзная рука

Безумную обуздываетъ ярость;
И отдохнулъ палачъ. Но сильный мужъ
Пришелъ не съ вѣткой мира.... Истребляетъ
И онъ людей воинственнымъ мечемъ.
Но наконецъ войны угасло пламя....
Спокойно всё, лишь волнъ морскихъ прибой
Шумитъ вокругъ могилы одинокой....
И настаютъ иные дни.... Союзъ
Съ монархами народы заключаютъ....
Да, эти дни придутъ.... должны придти....
Народъ могучъ и силенъ королями,
Народомъ лишь велики короли!

Дверь отворяется. Стража. Духовное лицо. Служитель, несущій гербъ графа. СТРУЭНЗЕ, при появленіи ихъ, не можетъ воздержаться отъ движенія ужаса.

ПАСТОРЪ — къ сыну.

Какъ чувствуешь себя ты, милый сынъ?

СТРУЭНЗЕ.

Мнѣ хорошо.... готовъ я.

ПАСТОРЪ.

Такъ пойдемъ.

СТРУЭНЗЕ.

Нѣтъ! нѣтъ! — отецъ мой, я не допущу,
Чтобъ провожалъ меня ты.... Въ этихъ взорахъ
Ужъ и теперь безмѣрную печаль
Читаю я. Могу-ль я твердымъ быть,
Когда твой взглядъ.... Нѣтъ, нѣтъ, я умоляю,
Ужасное намѣренье свое
Оставь, отецъ.... Достойный этотъ пастырь
Меня проводитъ къ вѣчному жилищу....
А ты, отецъ, благослови меня!

ПАСТОРЪ.

О! сердце бѣдное мое! О Боже!
Дай силу мнѣ.... — Струэнзе становится на колѣни. Отецъ кладетъ ему на голову свои руки.
Господь съ тобой, мой сынъ.
Да подкрѣпитъ его святая благость
Тебя въ послѣдній, трудный этотъ мигъ.
Да будетъ Тотъ, кто за тебя страдалъ,

Кто искупилъ тебя своею кровью,
Въ твой смертный часъ, о сынъ мой, близь тебя....
И на свое тебя принявши лоно,
Да низпошлетъ тебѣ онъ вѣчный миръ.
Аминь! — Струэнзе встаетъ и бросается въ объятія отца.

СТРУЭНЗЕ.

Разстанемся....

ПАСТОРЪ.

Тебя я не покину!
Вѣдь ты—дитя мое! О дай мнѣ, дай....
Еще прижать къ устамъ твое чело.

Пауза.

Прощай.... Прощай.... Мнѣ кажется, что вижу
Твою я мать.... что сына ждетъ она....
Я больше не держу его... Идите.... — Падаетъ безъ чувствъ; сынъ поддерживаетъ его.

СТРУЭНЗЕ.

Поникъ! и горе сжалилось надъ нимъ!
Отъ ужаса разлуки отвратило
Оно его страдальческіе взоры.
Еще ты не проснешься, а ужъ я
Сіянье утра вѣчнаго увижу!
Коротокъ путь.... его свершу я скоро!
Уходитъ. Всѣ слѣдуютъ за нимъ. Пасторъ остается одинъ съ своимъ слугой.

ПАСТОРЪ — послѣ долгой паузы, приходитъ въ себя.

Его здѣсь нѣтъ? Ушелъ? Гдѣ онъ?

Барабанный бой вдали. Пасторъ обращаетъ глаза къ небу.

Онъ тамъ!

Занавѣсъ падаетъ.

А. Плещеевъ.

ТУРЕЦКАЯ ПРОВИНЦІЯ

и

ЕЯ СЕЛЬСКАЯ И ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ.

Путешествіе по Македоніи и Албаніи.

VII *).

Мы провели почти цѣлыя сутки въ гостепріимномъ домѣ Солиманъ-аги и въ его сопровожденіи отправились смотрѣть единственный уцѣлѣвшій въ Мегленскомъ полѣ памятникъ христіанскихъ временъ, — развалины монастыря св. Иларіона. По дорогѣ проѣхали мы село, называемое Приходиште, видѣли здѣсь рядомъ стоящія церковь св. Георгія и мечеть. Церковь и мечеть одинаково маленькія, бѣдныя, слѣпленныя изъ глины какого-то бураго цвѣта. На церкви нѣтъ креста, мечеть безъ минарета; церковь похожа скорѣе на анбаръ, чѣмъ на храмъ. Она выстроена лѣтъ 15 тому назадъ; образовъ нѣтъ; въ стѣнахъ видны незамазанные знаки пуль, которыми стрѣляли въ нее, черезъ окно и дверь, мусульмане, когда она была освящена. Вообще, въ Мегленѣ мусульмане до сихъ поръ сохраняютъ репутацію закоренѣлыхъ фанатиковъ и держатъ христіанъ въ страшномъ загонѣ, чему причиною замкнутость этой мѣстности, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, и многочисленность мусульманъ, имѣющихъ большой перевѣсъ надъ христіанами. Между мусульманами есть какъ болгары, издавна *потурчившіеся*, такъ

*) См. выше, іюнь, 721 стр.

и *юруки*, т.-е. переселенцы изъ Азіи. Тѣ и другіе не смѣшиваются, юруки живутъ особыми слободами. Замѣчательно, что, какъ насъ увѣряли, первые не умѣютъ говорить по-турецки, а юруки, живя нѣсколько сотъ лѣтъ между болгарами, не выучились ни слова по-болгарски. Потомъ мы свернули съ дороги, ведущей по срединѣ Мегленскаго поля и стали подъѣзжать къ хребту, ограждающему его слѣва. Скоро достигли мы холма, который примыкаетъ къ предгорію этого хребта. На немъ-то находятся развалины монастыря, называемаго *Светы-Ріонъ*. Весь холмъ покрытъ разбросанными камнями; уцѣлѣла только обращенная къ востоку часть стѣны древней церкви съ тремя окошками. Стѣна сложена изъ аккуратно обтесанныхъ небольшихъ кусковъ камня. Мѣсто это чрезвычайно уважается народомъ. Ежегодно, 1 февраля, болгары собираются сюда изо всей окрестности, святятъ воду и совершаютъ богослуженіе среди монастырскихъ развалинъ. Жители же сосѣдняго села Бахова, у которыхъ есть небольшая церковь, недавно возобновленная (тоже во имя св. Георгія), въ каждый праздникъ послѣ обѣдни приходятъ на холмъ, освященный памятью св. Иларіона. Повыше этого холма, изъ горы бьетъ ключъ минеральной воды, а еще выше видны остатки стѣнъ какой-то старинной крѣпости, называемой Градище. Спустившись съ холма св. Иларіона, мы въ с. Баховѣ расположились обѣдать подъ тѣнью великолѣпнаго орѣшника и простившись съ Солиманъ-агою, отправились въ дальнѣйшій путь. Послѣ $2^1/_2$ часовъ скучной ѣзды полемъ, не встрѣчая нигдѣ жилья, мы достигли городка *Фоштяны*, лежащаго на сѣверо-восточномъ краю Мегленской долины и, проѣхавъ Фоштяны, тотчасъ стали подыматься круто вверхъ. Черезъ часъ или $1^1/_2$ встрѣтили другой городишко, *Нотіе*. Очень хотѣлось здѣсь остановиться и отдохнуть, но нашъ маршрутъ требовалъ, чтобы мы продолжали путь и, несмотря на наступившіе сумерки, мы проѣхали и Нотіе, и въ глубокую темноту прибыли на ночлегъ въ с. Бериславцы. Жители городовъ Фоштяны и Нотіе почти всѣ мусульмане, но употребляютъ влашскій языкъ. Въ Бериславцахъ и другихъ окрестныхъ селеніяхъ всѣ жители христіане, тоже влахи по происхожденію. Ночлегъ въ Бериславцахъ былъ для насъ приготовленъ въ домѣ старосты. Это курная изба, раздѣленная на двѣ части низенькою перегородкою. На одной сторонѣ помѣщаются люди, на другой лошади и коровы. Въ первую минуту это жилище показалось мнѣ не совсѣмъ удобнымъ, особенно потому, что приходилось ставить тарелки и класть всѣ вещи на глиняный полъ, весьма грязный, какъ ни мели его для насъ, и потому, что глаза ѣлъ дымъ отъ

огня, разведеннаго, чтобы разогрѣть нашу провизію къ ужину; дыму прибавлялось и отъ лучинъ и факеловъ, которыми свѣтили людямъ, разсѣдлывавшимъ нашихъ лошадей и разгружавшимъ вьюки. Но все это кончилось скоро. Лошадей разсѣдлали, вьюки разгрузили, ужинъ разогрѣли, огонь и факелы можно было потушить, и дымъ вынесло въ отворенныя ворота. Утоливъ голодъ, мы такъ сладко заснули и проспали до утра подъ шумъ жевавшихъ сѣно лошадей, что на другой день смотрѣли на избу влашскаго старосты какъ на одно изъ самыхъ пріятныхъ помѣщеній.

Утромъ, узнавъ о пріѣздѣ русскихъ, цѣлая толпа мужчинъ и женщинъ собралась поглядѣть на насъ; знаками и поклонами эти добрые люди выражали намъ свои дружелюбныя чувства, но объясниться съ ними мы не могли, потому что они говорили только по-влашски; одинъ нашъ хозяинъ староста зналъ, кромѣ влашскаго, и болгарскій языкъ и служилъ намъ переводчикомъ.

Изъ Бериславцевъ, взявъ проводника, мы своротили въ горы, чтобы осмотрѣть Ольшанскій монастырь. Долго ѣхали лѣсомъ, то подымаясь, то спускаясь и наконецъ, на высокомъ, открытомъ мѣстѣ увидѣли монастырь, чистенькій, бѣленькій, недавно обновленный на развалинахъ древней обители. Въ монастырѣ находится всего только одинъ монахъ; кромѣ того, тамъ по временамъ помѣщаются и совершаютъ богослуженіе, пятеро *поповъ*, т.-е. мірскихъ священниковъ, имѣющіе свои семейства и приходы въ сосѣднихъ деревняхъ. Всѣ эти духовныя лица—болгары, но въ церкви служатъ по-гречески. Церковь довольно просторная, снаружи и внутри выбѣленная, съ голыми стѣнами и деревянною перегородкою, служащею иконостасомъ.

Въ монастырѣ мы сдѣлали только небольшой привалъ и переѣхавъ высокія горы, Ливадію и Гуршетъ, и влашскую деревню Лубницу, поспѣли къ полудню въ городъ *Гевгелія*. Здѣсь опять начинается болгарское населеніе. Влахи занимаютъ только небольшой околодокъ въ горахъ за Мегленскимъ полемъ, по направленію къ рѣкѣ Вардару.

За Гевгеліей предстояло дѣло не шуточное, переѣздъ черезъ Вардаръ, который здѣсь довольно широкъ. Операція эта совершилась благополучно. Одинъ рукавъ Вардара мы переѣхали въ бродъ; весь караванъ нашъ собрался на небольшомъ островкѣ, раздѣляющемъ тутъ теченіе рѣки, и былъ принятъ на широкую плоскодонную барку, на которой отсюда перевозятъ черезъ другой, главный рукавъ. Оттолкнули барку шестами отъ острова, и теченіе принесло ее къ другому берегу.

Часа черезъ три ѣзды ровнымъ полемъ вдоль Вардара, мы прибыли въ большое болгарское село *Мачуково*, гдѣ ночлегъ

намъ приготовили опять-таки у старосты. Но жилище у старосты-болгарина въ Мачуковѣ оказалось совсѣмъ не такимъ, какъ то, въ которомъ насъ принялъ влашскій староста въ Бериславцахъ. У болгарина мы нашли довольно большой двухъ-этажный домъ; верхній этажъ, который намъ и отвели, состоялъ изъ балкона и жилыхъ комнатъ; въ нижнемъ этажѣ помѣщалась конюшня, амбаръ и проч. Словомъ, домъ мачуковскаго старосты былъ не хуже чѣмъ у многихъ болгаръ-*чорбаджіевъ* въ городахъ.

Слѣдующіе переѣзды шли однообразно черезъ такія же горы и долины отъ Мачукова до Струмницы, города довольно значительнаго, гдѣ мы сутки отдыхали, отъ Струмницы до Радовища, отъ Радовища до с. Берова, отъ Берова до г. Джумая, отъ Джумая до села Рыльскаго. Въ Струмницѣ хотя жители болгары, однако въ церкви служатъ по-гречески и на греческомъ же языкѣ учатъ въ школѣ грамотѣ и ариѳметикѣ. Болгары на это негодуютъ, и другого разговора мы отъ нихъ въ Струмницѣ не слышали, какъ о притѣсненіяхъ и разныхъ мошенническихъ продѣлкахъ, которыми греки опутываютъ болгаръ. За Струмницею далѣе къ сѣверу греческаго духу уже не слыхать. Въ Радовищѣ служатъ въ церкви по-славянски. Тамошній икономъ (благочинный) и его сынъ оказали намъ самое радушное гостепріимство.

Нѣсколько часовъ къ востоку отъ Радовища, за долиной рѣчки, называемой Козья-рѣка, край и самое населеніе мѣняютъ свою физіономію. Южная растительность уступаетъ мѣсто дубу и соснѣ, вмѣсто куртки и феса вы встрѣчаете на жителяхъ длинныя овчины и высокія черныя бараньи шапки. Мѣстность эта называется *Малешъ*, и представляетъ плоскогорье, пересѣченное долинами и заключающее въ себѣ нѣсколько большихъ зажиточныхъ болгарскихъ деревень. Первая деревня, которая поразила насъ своимъ необычнымъ на югѣ видомъ, — деревянными строеніями крытыми соломой, овчинами и бараньими шапками на жителяхъ, называется *Владимірово*. За нею течетъ довольно большая рѣка *Брегальница*, которую мы тутъ въ первый разъ переѣхали въ бродъ, что́ намъ случилось дѣлать потомъ разъ пять или шесть. Берово, куда мы добрались уже въ глубокой темнотѣ и гдѣ нашли для ночлега *ханъ*, одно изъ самыхъ большихъ болгарскихъ селъ, которыя я встрѣчала: въ немъ до 500 домовъ (въ томъ числѣ около 50 мусульманскихъ) и женскій монастырь съ церковью св. Архангела Михаила. Узнавъ о пріѣздѣ нашемъ, игуменья, которую зовутъ *баба Евгенія*, съ своими 4 или 5 *калугерицами* [1]), довольно еще моло-

[1]) Монахинями.

дыми особами, явились къ намъ съ визитомъ. Онѣ были одѣты почти также, какъ наши монахини; впрочемъ только игуменья носила клобукъ, у прочихъ голова была повязана чернымъ платкомъ, въ родѣ того, какъ носятъ у насъ богомолки. Игуменья держала въ рукѣ большой посохъ. Боже мой! какъ онѣ ко мнѣ пристали, какъ измучили, ворочая во всѣ стороны какъ куклу и закидывая вопросами. Никогда не встрѣчала я такого безцеремоннаго любопытства, какъ въ этихъ монашенкахъ. Но при всемъ томъ онѣ относились къ намъ какъ-то недовѣрчиво и не совсѣмъ дружелюбно, и потому, хотя онѣ пригласили насъ посѣтить на другое утро ихъ монастырь, и обѣщали придти и отвести насъ туда, но мы, видя, что въ условленный часъ никто не является, поспѣшили поѣхать дальше и не заглянули въ обитель моихъ мучительницъ.

Между Беровомъ и Джумаей особенно любопытнымъ показался мнѣ только переѣздъ черезъ гору Влахиня, гдѣ мы очутились выше облаковъ. За Влахиней кончается Македонія; далѣе идетъ Болгарія, но въ обѣихъ странахъ все тоже болгарское населеніе; только въ нарѣчіи есть, какъ говорятъ, небольшое различіе, тонкостей котораго мое ухо впрочемъ уловить не могло. Спустившись съ Влахини, мы встрѣтили хорошо обработанную долину рѣки Струмы, одной изъ главныхъ рѣкъ Македоніи. Даже здѣсь, въ своемъ верховьѣ, она довольно широка и мы переѣхали ее въ бродъ: при быстротѣ теченія и глубинѣ это было не совсѣмъ пріятно. Въ 1 часѣ ѣзды отъ Струмы, у входа въ ущелье, лежитъ городъ *Джумая*, населенный преимущественно турками; вблизи его на возвышенности стоитъ крѣпость, содержимая въ исправности, по увѣренію нашихъ провожатыхъ. Тутъ проложено какое-то шоссе—вещь, поражающая путешественника, ѣхавшаго цѣлыя недѣли по дорогамъ и тропинкамъ, которыхъ рука человѣческая не касалась. Шоссе это ведетъ въ Дубницу и, кажется, далѣе внутрь Болгаріи и выстроено для военныхъ надобностей. Странно ѣхать по широкому гладкому шоссе, не встрѣчая ни одного экипажа, ни одной телѣги; по немъ двигаются все тѣ же *кираджи*, перевозящіе мѣшки съ хлѣбомъ и шерстью, боченки съ виномъ и водкой, дрова и т. д. на спинахъ тяжело навьюченныхъ лошадей и ословъ.

Утромъ, при выѣздѣ изъ Джумаи, открылся позади насъ великолѣпный видъ на гору Перинъ, покрытую снѣгомъ, и которая по высотѣ уступаетъ, какъ намъ говорили, только Олимпу и Томору. Но нашъ путь лежалъ далѣе къ сѣверу и часа черезъ три, миновавъ села Пороминъ и Стопъ (у послѣдняго есть развалины стараго укрѣпленія) мы въѣхали въ долину быстрой,

голубой, какъ бирюза, рѣчки Рыла. Тамъ, гдѣ долина эта кончается, переходя въ тѣсное ущелье, лежитъ большое село Рыло, построенное на землѣ рыльскаго монастыря. Монастырь имѣетъ въ этомъ селѣ *метохъ*, т.-е. домъ съ хозяйственными заведеніями. Игуменъ и нѣсколько человѣкъ братіи находились тутъ, занимаясь работами по монастырскому хозяйству, и приняли насъ самымъ любезнымъ образомъ. Послѣ привѣтствій и обычныхъ разспросовъ и разговоровъ, когда монахи ушли хлопотать о нашемъ обѣдѣ, я была удивлена входомъ нѣсколькихъ женщинъ, — однихъ пожилыхъ, другихъ среднихъ лѣтъ, одѣтыхъ въ черное, которыя около меня усѣлись и стали съ нами бесѣдовать и предлагать угощенія. По всему видно было, что онѣ были какъ дома въ монастырскомъ *метохѣ*. Мы узнали отъ нихъ, что въ Рыльскомъ селѣ находится до 60-ти такихъ *калугериць* (монахинь), хотя женскаго монастыря тамъ нѣтъ. Онѣ живутъ въ нѣсколькихъ домахъ около церкви, находящейся въ селѣ. Я встрѣчала потомъ и при нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ такихъ *калугериць*, но нигдѣ въ такомъ большомъ числѣ, какъ здѣсь. Обыкновенно при монастырѣ или въ самой оградѣ монастырской живетъ въ особой кельѣ одна, иногда двѣ, три женщины, которыя носятъ монашеское платье и считаются монахинями; онѣ стряпаютъ на кухнѣ и стираютъ бѣлье. Но женскаго монастыря, кромѣ Берова, мы нигдѣ не встрѣчали.

VIII.

Рыльскій монастырь находится въ $4^1/_2$ часахъ отъ села Рыла. Все это время ѣдешь ущельемъ вдоль рѣчки того же имени, славящейся своей форелью. Съ страшной быстротой прыгаетъ рѣчка по камнямъ и скаламъ. Лазуревая лента воды пестрѣетъ на каждомъ шагу крапинами и полосами бѣлой пѣны; безпрестанно встрѣчаются маленькіе водопады. Оглушительный шумъ провожаетъ путешественниковъ въ продолженіи всего пути до монастыря и подъ конецъ даже утомляетъ. Крутыя горы по обѣимъ сторонамъ ущелья зеленѣютъ густымъ лѣсомъ, среди котораго кое-гдѣ выступаютъ огромныя голыя скалы. Рѣчка, то съ одной, то съ другой стороны подходитъ подъ обрывъ горы, такъ что дорога безпрестанно должна сворачивать съ одного берега на другой.

Но здѣсь вы не принуждены, какъ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ ущельяхъ Кривой-рѣки или Пшины, при каждомъ поворотѣ переѣзжать рѣку въ бродъ. Въ Рыльскомъ ущельѣ вы

вездѣ встрѣчаете мосты, и притомъ исправные; одни изъ нихъ каменные, старой постройки, весьма крутые, состоящіе изъ одной перекинутой черезъ рѣку высокой арки; другіе деревянные. Вообще вся эта дорога по Рыльскому ущелью представляетъ рѣдкое въ Турціи явленіе: это уже не узенькая, едва замѣтная тропинка, гдѣ такъ и кажется, что лошадь свалится и попадетъ въ пропасть. Довольно просторная (хотя только для пѣшеходовъ и верховой ѣзды) дорога расчищена отъ камней и ограждена деревянными перилами въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ — предосторожность, какой я нигдѣ въ путешествіи по Турціи не видала. Этимъ удобствомъ проѣзжіе обязаны заботливости монаховъ. Все ущелье отъ села Рыльскаго составляетъ монастырскую землю. Самый монастырь стоитъ на мѣстѣ, гдѣ горы, смыкающія ущелье, нѣсколько разступаются, образуя кругъ, по срединѣ котораго подымается холмъ. На этомъ-то холмѣ и построенъ монастырь. Горы, окружающія это мѣсто, такъ высоки и такъ плотно закрываютъ его отъ южнаго солнца, что, подъѣзжая къ монастырю, какъ-будто входишь въ погребъ.

Въ полѣ и еще вблизи монастыря въ ущельѣ было лѣтнее тепло, а въ монастырѣ мы съ удовольствіемъ грѣлись у круглой изразцовой печки, единственной порядочной печки, какая существуетъ въ той странѣ. Рыльскій монастырь самый большой и благоустроенный изъ всѣхъ, которые я видѣла въ это путешествіе. Мнѣ говорили, что и въ остальной Болгаріи нѣтъ лучшей обители. Монастырь окруженъ высокою стѣною и вмѣщаетъ въ себѣ огромное трехъ-этажное зданіе съ галлереею вдоль каждаго этажа. Здѣсь помѣщаются поклонники и живутъ въ своихъ келіяхъ до 100 человѣкъ монаховъ и послушниковъ. Монастырская ограда вмѣщаетъ въ себѣ и училище, которое мнѣ хвалили. Церковь, съ пятью невысокими куполами, на которыхъ водружены кресты (что, какъ извѣстно, не вездѣ терпѣлось въ Турціи), довольно обширна и отличается массивностью постройки. Кругомъ церкви идетъ галлерея съ арками. Отдѣльно стоитъ четвероугольная башня, составляющая нижнюю половину недостроенной колокольни.

Въ церкви всѣ стѣны покрыты живописью недавнихъ временъ, произведеніемъ самихъ Рыльскихъ монаховъ. Они посылали нѣкоторыхъ изъ братіи учиться иконописанію на Аѳонъ, теперь отправили, если не ошибаюсь, двоихъ для того же въ Москву. Въ церкви у иконостаса, съ правой стороны царскихъ дверей, рака съ мощами св. Іоанна Рыльскаго. Онѣ пользуются большимъ уваженіемъ во всемъ народѣ болгарскомъ. 19-го октября, въ праздникъ святого, приходитъ въ монастырь, говорятъ,

иногда до 10-ти тысячъ поклонниковъ. Мы были тамъ за нѣсколько дней до праздника и потомъ встрѣчали въ разныхъ мѣстахъ цѣлыя толпы болгаръ, направлявшихся, съ женами и съ дѣтьми, на *панагюръ*, т.-е. храмовой праздникъ. Монастырь всѣхъ поклонниковъ кормитъ и поитъ, они въ немъ гостятъ, сколько кто хочетъ, иные недѣли по двѣ и по три, и они жертвуютъ сколько кто можетъ. Впрочемъ, эти пожертвованія, должно быть, не составляютъ большой суммы. На блюдѣ, куда кладутъ пожертвованія, я видѣла кучу монетъ, какихъ не встрѣчала нигдѣ въ обращеніи въ самой Турціи и мельче которыхъ нельзя себѣ ничего представить. Это маленькіе мѣдные кружочки, цѣной въ $^1/_2$ пара, то-есть $^1/_{80}$ часть піастра, менѣе $^1/_{10}$ копѣйки. Нѣсколько такихъ монетокъ составляютъ часто все, что̀ можетъ дать въ монастырь бѣдный болгарскій крестьянинъ. Монастырь не могъ бы существовать, еслибы его не поддерживали благотворители изъ богатыхъ болгарскихъ купцовъ Софіи и другихъ городовъ. Рыльскій монастырь единственный, въ которомъ я видѣла ризницу, хотя небогатую, но по крайней мѣрѣ содержимую чисто и въ порядкѣ. Въ ней нѣсколько полокъ съ книгами, въ томъ числѣ три евангелія въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ. Въ шкафу со стеклами хранятся церковныя облаченія и другіе предметы. Намъ показывали, между прочимъ, плащаницу, купленную въ Россіи на собранныя подаянія.

Собственно говоря, изъ всѣхъ тамошнихъ монастырей (а я ихъ видѣла болѣе тридцати) только одинъ Рыльскій отвѣчаетъ, болѣе или менѣе, нашему понятію о монастырѣ. Въ немъ есть цѣлая братія, которая исполняетъ богослужебный уставъ; въ немъ поютъ правильно, хотя иначе, нежели у насъ, носятъ монастырскую одежду. Только постятся они не по монастырскому, а какъ весь прочій народъ. Вообще, въ Македоніи и Албаніи посты соблюдаются всѣми одинаково; въ скоромные дни монахи (имѣя, впрочемъ, на то законное разрѣшеніе отъ церковной власти) ѣдятъ скоромное, также какъ свѣтскіе люди и мірскіе священники, а въ постные дни никто рѣшительно, ни мірянинъ, ни священникъ, ни *калугеръ* не позволитъ себѣ оскоромиться. Рыба тамъ причисляется къ скоромнымъ кушаньямъ, а не постнымъ; въ постные дни вся пища заключается въ бѣлыхъ бобахъ (фасоли), капустѣ и хлѣбѣ; грибовъ не ѣдятъ. На одного только человѣка указывали почтительно, какъ на исключеніе, какъ на постника, соблюдающаго во всей строгости монастырскій уставъ. Это старикъ невысокаго роста, весьма крѣпкаго сложенія, съ длинной бѣлой бородою, съ продолговатымъ блѣднымъ лицомъ и сѣрыми глазами, о. Неофитъ, бывшій прежде игуменомъ въ

Рыльскомъ монастырѣ, который ему много обязанъ своимъ устройствомъ. Я часто и въ разныхъ мѣстахъ слышала его имя, какъ самаго заслуженнаго болгарскаго писателя, который и по сіе время трудится непрестанно, несмотря на свои старческія лѣта, составляя лексиконъ болгарскаго языка съ греческимъ и русскимъ. Не смѣю сказать утвердительно, не имѣя на то никакихъ данныхъ, но по впечатлѣнію мнѣ показалось, что о. Неофита въ самомъ монастырѣ, гдѣ онъ живетъ, цѣнятъ далеко не столько, сколько въ другихъ мѣстахъ и сколько онъ того заслуживаетъ, судя по его извѣстности между болгарами. Впрочемъ, быть можетъ, собственная скромность Неофита ставитъ его въ тѣнь. Его келія устлана ковромъ. Онъ сидитъ на тюфячкѣ, скорча подъ собою ноги; возлѣ его стоитъ небольшая этажерка съ книгами. Нѣтъ слѣда другой мебели, ни стола, ни стула; а въ этой комнатѣ написано Неофитомъ нѣсколько книгъ, переведено евангеліе на болгарскій языкъ, исписаны десятки огромныхъ тетрадей лексикона: все это писалось и пишется по турецкому способу, сидя на корточкахъ и держа бумагу на колѣнкѣ.

Моимъ главнымъ чичероне въ Рыльскомъ монастырѣ былъ преемникъ о. Неофита въ игуменствѣ, о. Пантелеймонъ. Ему въ особенности препоручили быть моимъ путеводителемъ по монастырю, потому что онъ свободнѣе другихъ говоритъ по-русски и почитается наиболѣе европейцемъ между братіею. Онъ жилъ нѣсколько времени въ Россіи и дѣйствительно усвоилъ себѣ во многомъ европейскія манеры. Возвратясь изъ Россіи, онъ завелъ себѣ столъ и стулья, и прислалъ ихъ въ нашу комнату: я не мало обрадовалась этому удобству. Человѣкъ весьма симпатичный, огромнаго роста, смуглый, съ большою черною бородою, дюжій, весельчакъ, говорунъ, онъ какъ нельзя радушнѣе исполнялъ въ отношеніи къ намъ обязанности хозяина, тогда какъ настоящій игуменъ, низенькій, толстый, бѣлокурый о. Кириллъ мало показывался, занимаясь больше надзоромъ за работами и дѣлами по хозяйству.

Я разговаривала съ многими изъ рыльскихъ монаховъ; всѣ они держатъ себя очень чинно и имѣютъ видъ болѣе образованный, чѣмъ другіе монахи въ тѣхъ странахъ. Но съ этою чинностью, съ благоустройствомъ и довольствомъ, которыми отличается Рыльскій монастырь, соединено нѣчто такое, что не совсѣмъ пріятно поражаетъ. Рыльскіе монахи, какъ мы видимъ это часто и у насъ, *позируютъ* передъ чужими, они безпрестанно ссылаются на чудеса святого Іоанна Рыльскаго и на по-

кровительство, имъ по сей день оказываемое его обители; вообще они какъ будто разыгрываютъ заученную роль.

Этого-то позированія, которое близко къ ханжеству, нѣтъ нисколько во всѣхъ тѣхъ болѣе бѣдныхъ и неустроенныхъ монастыряхъ, какими усѣяна Македонія и Албанія. Въ нихъ во всѣхъ инока, *калугера*, вы ничѣмъ не отличите отъ мірского священника, *попа*. Званіе калугера носятъ тѣ, которые произнесли монашескіе обѣты и потому живутъ безбрачно; но они также совершаютъ требы, какъ другіе *попы*, и въ глазахъ народа ничѣмъ отъ нихъ не отдѣляются.

Въ томъ монастырѣ, гдѣ есть нѣсколько человѣкъ братіи, вы можете быть увѣрены, что половина или больше не монахи, а простые *попы*, которые живутъ въ монастырѣ ради удобства помѣщенія, или за неимѣніемъ приходовъ. Въ большей же части мелкихъ, бѣднѣйшихъ монастырей нѣтъ вовсе монаховъ, а помѣщаются одинъ, двое, трое мірскихъ *поповъ*, которые не всегда по собственному желанію избираютъ себѣ такой пріютъ, а часто помѣщаются тамъ по распоряженію владыки или старшинъ сосѣдняго города, либо села, чтобы монастырь не опустѣлъ. При этомъ они обязываются поддерживать въ монастырѣ богослуженіе, обработывать монастырскую землю, однимъ словомъ, имъ поручается монастырь, и они должны съ него прокармливаться, какъ знаютъ, и уплачивать положенныя деньги владыкѣ. Старшій изъ нихъ носитъ названіе игумена, хотя бы онъ не былъ монахомъ; ежели въ монастырѣ находится только одинъ человѣкъ, то и его величаютъ игуменомъ. Тамъ, гдѣ монастырь имѣетъ хорошія земли и гдѣ святость мѣста привлекаетъ много поклонниковъ, тамъ монахи и *попы* живутъ безбѣдно и ихъ набирается человѣкъ до 10, даже до 20. Тутъ мѣсто игумена выгодно, и чтобы получить его, надобно заплатить владыкѣ порядочную сумму. Но мы встрѣчали не мало такихъ обителей, въ которыхъ одинъ или два человѣка, составляющіе всю братью, едва имѣютъ чѣмъ прокормиться. Во многихъ мѣстахъ *попъ*, которому порученъ монастырь, проводитъ большую часть времени въ селѣ, исполняя обязанность *духовника* (т.-е. приходскаго священника), а въ монастырь наѣзжаетъ по праздникамъ для богослуженія, или когда ожидаетъ поклонниковъ, либо гостей. Вначалѣ моего путешествія, когда бывало пріѣдемъ на *конакъ* (ночлегъ) и мнѣ скажутъ, что это монастырь, мнѣ не вѣрилось. Стоитъ небольшое зданіе изъ глины, какъ обыкновенные дома, двухъ-этажное, съ неизбѣжною галлереею со стороны двора и прямою наружною деревянною лѣстницею. Домъ этотъ окруженъ, правда, оградою, но ограда,

каменная или глиняная, составляетъ непремѣнную принадлежность деревенскаго жилища въ той странѣ. Только по маленькой церкви, занимающей середину двора, да по привѣшеннымъ къ галлереѣ дома колоколу и желѣзной доскѣ, въ которую колотятъ палкой (иногда колокола нѣтъ, его замѣняетъ одна доска), узнаешь, что это монастырь. Когда подъѣзжаемъ мы, русскіе гости, то служители, одѣтые какъ простые поселяне и нанимаемые изъ ближайшаго села—нестройно, но усердно колотятъ въ доску и звонятъ въ колоколъ. Обыкновенно игуменъ выѣзжалъ къ намъ на встрѣчу за часъ или болѣе. Завидя насъ издали, братія, то-есть по большей части, какъ я сказала, одинъ, два или три человѣка, встрѣчаютъ насъ за воротами и низко кланяясь, говорятъ, каждый поочередно: *добро дошли*! За симъ, съ неизмѣннымъ словомъ «заповѣдайте!» ведутъ насъ вверхъ по лѣстницѣ въ пріемную комнату, усаживаютъ въ почетный уголъ и угощаютъ кофеемъ и виномъ, а иногда водкой. Игуменъ и прочіе монахи садятся только послѣ усиленной просьбы съ нашей стороны. Разговоръ начинается съ обычныхъ вопросовъ о здоровьѣ, о дальности и трудности путешествія и потомъ переходитъ къ разсказу о состояніи монастыря и церкви, о времени ея постройки и т. д. При этомъ монахи очень любили задавать намъ вопросы о политикѣ, и вотъ о чемъ они всегда спрашивали (эти самые вопросы мы слыхали много разъ и въ разныхъ монастыряхъ): «Что́ въ настоящее время между королями въ Европѣ, миръ или война? Живъ ли еще Наполеонъ? Правда ли, что они слышали, что царь Николай умеръ и что въ настоящее время царствуетъ въ Россіи царь Александръ?» Въ бо́льшія подробности они въ своихъ разспросахъ о дѣлахъ политическихъ не входили, а когда мы подтверждали, что въ Россіи теперь царствуетъ императоръ Александръ, они всякій разъ говорили: «такъ мы теперь за него будемъ молиться Богу».

Какъ игумены, такъ и прочая братія во всѣхъ этихъ монастыряхъ не носятъ монашескаго платья, хотя бы они и принадлежали къ монашескому званію. Ихъ одежда одинаковая съ свѣтскимъ духовенствомъ. Всѣ православные *попы* и монахи въ Македоніи и Албаніи (кромѣ рыльскихъ монаховъ) носятъ однообразный костюмъ, совершенно несходный съ одеждою духовенства у насъ; костюмъ этотъ состоитъ изъ синей куртки съ узкими сплошными (неразрѣзными, какъ у свѣтскихъ лицъ) рукавами, плотно спереди застегиваемой на крючки, синяго крашенинаго или чернаго кожанаго пояса (міряне носятъ обыкновенно поясъ красный), широкихъ синихъ шароваръ, бѣлыхъ шерстяныхъ чулокъ и туфлей; туфли, по турецкому обычаю, скидаютъ входя

въ комнату. Зажиточнѣйшіе люди изъ духовенства, какъ-то экономы (благочинные) въ городахъ и игумены монастырей, которые побогаче, сверхъ куртки носятъ, точно также какъ зажиточные міряне въ городахъ, длинную одежду съ широкими рукавами, изъ чернаго сукна или крашенины, отличающуюся въ покроѣ отъ нашихъ рясъ тѣмъ, что она спереди не застегивается, а одѣвается какъ бы въ накидку. У самыхъ богатыхъ верхняя одежда подбита мѣхомъ (лисьимъ или заячьимъ), другіе ограничиваются тѣмъ, что у нихъ куртка мѣховая. Мѣхъ, у кого есть, носится лѣто и зиму безъ различія. Но большая часть монаховъ и приходскихъ священниковъ не имѣютъ рясъ и ходятъ въ одной куркѣ, а самые бѣдные сельскіе священники и монахи носятъ одежду простыхъ поселянъ, т.-е. куртку изъ толстаго коричневаго или бѣлаго деревенскаго сукна, а зимою овчину. Только по одному признаку вы отличите такого *попа* или *калугера* отъ простолюдина; у него на головѣ черный клобукъ. Клобукъ, который у однихъ бываетъ прямой, у другихъ раструбистый (къ верху шире, къ низу уже) составляетъ непремѣнную принадлежность духовнаго лица и никогда его не покидаетъ. Попъ и монахъ носятъ свой клобукъ также неизмѣнно, въ комнатѣ и на дворѣ, какъ міранинъ — свой красный фесъ.

Всѣ эти *попы* и *калугеры* держатъ себя совершенно просто и, какъ я сказала, ничуть не *позируютъ* передъ народомъ, не отдѣляютъ себя отъ него своимъ духовнымъ саномъ. Духовенство въ этихъ краяхъ не имѣетъ своего особаго отпечатка, какъ у у насъ. Только архіереи изъ грековъ или албанцевъ съ состоящими при нихъ священниками, управляющими (бо́льшею частію родственниками) и дворнею составляютъ, можно сказать, особый классъ, имѣющій мало общаго съ народомъ. Ихъ вообще терпѣть не могутъ и жалуются на нихъ, что они хуже турокъ. Тамъ, гдѣ архіерей болгаринъ, какъ напримѣръ въ Скопіи, — нѣтъ такой нелюбви, но нѣтъ и полнаго довѣрія. О тамошнемъ архіереѣ говорили намъ, что онъ хорошій человѣкъ, что онъ по возможности помогаетъ народу, но что онъ все же принужденъ служить и нашимъ и вашимъ, т.-е. ладить не только съ своими болгарами, но еще больше съ греческимъ *патрикомъ* (патріархомъ) и съ турками. Впрочемъ, относительно насъ я должна сказать, что скопскій владыка оказалъ намъ самый сочувственный пріемъ. Есть болгарскія епархіи, гдѣ архіерей изъ православныхъ албанцевъ. Эти албанцы-архіереи не пользуются особенною любовью въ народѣ и духовенствѣ; о нихъ говорятъ: «арнауты всѣ разбойники, какой же можетъ быть архіерей арнаутъ!» Увѣряютъ, что они скорѣе держатъ сторону грековъ

и турокъ, чѣмъ болгаръ; но все же не считаютъ ихъ такими врагами народа, какъ грековъ. Ихъ не упрекаютъ по крайней мѣрѣ въ гоненіи на славянское богослуженіе. Кажется, албанцы относятся равнодушно къ тому, на какомъ языкѣ служатъ въ церкви и учатъ въ школѣ, по-гречески ли или по-славянски, и заботятся только о своихъ доходахъ; греческіе же архіереи дѣлаютъ невѣроятныя вещи, чтобы не допускать славянскаго языка въ церковь, напримѣръ жгутъ славянскія книги, упрашиваютъ пашей выгонять учителей, которые хотятъ учить славянской грамотѣ и т. п. За то ожесточеніе противъ нихъ ужасное, и мы не въ одномъ болгарскомъ городѣ, на вопросъ, кто тутъ владыка, получали такой отвѣтъ: «архіерей нашъ какой-то грекъ, живетъ въ Стамбулѣ; къ намъ онъ не смѣетъ носу показать».

IX.

Отличіе Рыльскаго монастыря отъ прочихъ поразило насъ еще болѣе, когда мы переѣхали въ сосѣдній Бобошевскій монастырь св. Димитрія. Прибывъ къ вечеру въ большое село Бобошево, лежащее въ долинѣ р. Струмы (черезъ нее здѣсь ведетъ мостъ), мы были встрѣчены однимъ изъ тѣхъ *поповъ*, которыхъ я описала, въ поношенной синей курткѣ и невѣроятно засаленномъ клобукѣ. «Это бобошевскій игуменъ»,—сказали намъ.

Игуменъ, предупрежденный, что мы ѣдемъ къ нему въ гости, поздоровался съ нами и, указавъ нашимъ людямъ тропинку въ гору къ монастырю, самъ быстро побѣжалъ прямо вверхъ по крутизнѣ. Когда мы, послѣ добраго часа ѣзды, наконецъ взобрались на верхъ и увидѣли монастырь, совершенно спрятанный въ какой-то ложбинѣ, игуменъ былъ уже тамъ и ожидалъ насъ съ двумя или тремя другими обитателями монастыря и множествомъ народа, набравшимся изъ окрестности. Отвели намъ лучшую комнату, въ которой живетъ самъ игуменъ, но въ которой мы едва могли повернуться, а лошадей и прислугу послали въ сарай, стоящій отдѣльно, пониже монастыря, потому что въ самой оградѣ нѣтъ мѣста. Церковь св. Димитрія, построенная въ 1482 году, снаружи похожа на крошечный сарайчикъ; она не имѣетъ купола и внутри раздѣлена пополамъ стѣною; небольшая дверь, черезъ которую нельзя пройти не нагнувшись, ведетъ изъ передней части *(припраты)* въ собственную церковь, гдѣ алтарь. Въ *припратъ* едва помѣстилось бы человѣкъ 30, въ церкви и того менѣе. Окнами служатъ четыре

маленькихъ узкихъ отверзтія, такъ что внутри почти совершенная темнота.

На слѣдующій день насъ ожидалъ одинъ изъ самыхъ большихъ и утомительныхъ переѣздовъ по пустыннымъ горамъ, отдѣляющимъ верховье Струмы отъ другой большой рѣки, Брегальницы, на верховьѣ которой мы уже были въ другомъ мѣстѣ, въ Беровѣ. Выѣхавъ изъ монастыря св. Димитрія утромъ часовъ въ 6, мы только къ 7 часамъ вечера поспѣли на *конакъ* въ *Царево село* на Брегальницѣ. Первый большой кряжъ, черезъ который мы перебрались, называется Руенъ, второй — Кострецъ. Между этими двумя *планинами* протекаетъ рѣчка Элешница и другая, въ нее впадающая Рѣчица. Близъ ихъ сліянія, въ долинѣ, лежитъ деревушка Ваксово и поодаль стоитъ одинокій *ханъ*, гдѣ мы сдѣлали привалъ. Вся эта мѣстность называется *Піянецъ*. Она удивительно однообразна, потому что горы не представляютъ острыхъ вершинъ, одна не выше другой, и всѣ покрыты кустарникомъ и лѣсомъ. Кромѣ Ваксова, никакого жилья во весь этотъ день мы не встрѣтили. Должно быть, въ этой глуши не часто бывали путешественники, потому что, когда мы, взбираясь на Кострецъ, проѣхали мимо двоихъ поселянъ, болгаръ, въ бараньихъ шапкахъ, которые тутъ работали въ полѣ, они бросили работу, и одинъ изъ нихъ воскликнулъ: «Боже милый! вотъ еще какіе люди есть на свѣтѣ!» Переѣхавъ въ бродъ черезъ Брегальницу, которая въ темнотѣ показалось мнѣ какимъ-то громаднымъ потокомъ, а на другое утро, когда вновь пришлось переѣзжать ее, вовсе не была такъ страшна, мы остановились въ *ханѣ*, построенномъ на самомъ берегу рѣки, въ Царевомъ-селѣ. *Ханъ* былъ биткомъ набитъ народомъ, поклонниками, шедшими на праздникъ 19-го октября въ Рыльскій монастырь. На балконѣ подлѣ нашей комнаты расположилось нѣсколько семействъ болгаръ, съ женами и дѣтьми. И не мало удивились мы говорливости этого народа: всю ночь до разсвѣта болтали они безъ умолку, о чемъ — понять нельзя было, потому что нѣсколько голосовъ всегда слышалось вмѣстѣ.

Царево-село довольно велико, въ немъ считаютъ до 400 домовъ, большею частью болгарскихъ; есть маленькая церковь и мечеть. Въ немъ живутъ не одни только земледѣльцы, но и нѣсколько мастеровыхъ и лавочниковъ. Вообще, Царево-село, кажется, главный пунктъ всего края, называемаго Піянецъ.

Отъ Царева-села до Штипа, мы ѣхали два дня. Дорога идетъ вдоль рѣки, потомъ, гдѣ Брегальница входитъ въ ущелье, мы повернули въ гору, къ вечеру вновь спустились къ той же рѣкѣ, въ широкую засѣянную рисомъ долину и, еще разъ переправившись въ бродъ черезъ Брегальницу, поспѣли на *конакъ*

въ мѣстечко *Кочаны*, построенное частью въ долинѣ, частью на холмѣ. Оно кишѣло народомъ. Былъ базарный день и сюда сошлись поселяне изъ окружающихъ деревень. Подъ окнами *хана* былъ оглушительный гулъ отъ сотни голосовъ, говорящихъ всѣ въ одно время, и среди этого гула рѣзко выдавался повелительный голосъ нашего Мустафы, кричавшаго на *ханджи*, чтобъ онъ торопилъ ужинъ, несъ сѣно лошадямъ и т. д. Кочаны, какъ говорятъ, ведутъ большую торговлю рисомъ, которымъ долина Брегальницы снабжаетъ большую часть Македоніи.

Изъ Кочанъ переѣздъ небольшой до города *Штипа*.

Въ Штипѣ мы пробыли цѣлый день и затѣмъ отправились къ сѣверу, въ *Лѣсново*. Такъ называется мѣсто, гдѣ построенъ весьма древній болгарскій монастырь св. Гавріила.

X.

Въѣзжая въ ворота Лѣсновской обители, мы вступали, такъ-сказать, въ *страну монастырей*. До сихъ поръ, проѣхавъ всю Македонію поперегъ съ самой южной ея точки до сѣверовосточнаго края, и потомъ съ сѣверовосточнаго края до сѣверозападнаго, мы встрѣчали монастыри только изрѣдка, въ большомъ разстояніи одинъ отъ другого. Западный же край Македоніи съ прилегающею полосою Албаніи, отъ Куманова и Скопіи до Прилѣпа, Битоля и Охриды, весь усѣянъ монастырями. Тутъ намъ не разъ случалось, выѣхавъ утромъ изъ какого-нибудь монастыря и осмотрѣвъ по дорогѣ другой монастырь, обѣдать въ третьемъ и поспѣть къ вечеру въ четвертый. Въ окрестностяхъ одного города Скопіи, въ такъ-называемой Черной-Горѣ, насчитываютъ 14 монастырей; въ Битольскомъ уѣздѣ монастырей 70. Изъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ монастырей, которыми покрыта западная часть Македоніи, только весьма немногіе имѣютъ порядочную церковь, довольно просторное жилье и средства, сколько-нибудь обезпеченныя. Всѣ прочіе въ такомъ же родѣ, какъ та бобошевская обитель св. Димитрія, о которой я уже сказала.

Лѣсновскій монастырь св. Гавріила, куда мы пріѣхали изъ Штипа, находится въ часѣ ѣзды отъ села Лѣснова, лежащаго въ долинѣ рѣчки, называемой Злетовскою. Монастырь этотъ пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ, потому что основаніе его приписывается одному изъ учениковъ св. Іоанна Рыльскаго, св. Гавріилу. Онъ изображенъ на наружной стѣнѣ церкви у дверей. Лѣсновскій монастырь принадлежитъ къ числу наилучшихъ въ тѣхъ краяхъ. Въ немъ старинная церковь съ однимъ

куполомъ и уцѣлѣла нижняя часть огромной колокольни, называемой *Оливеровою башнею*. Церковь весьма замѣчательна остатками древнихъ фресковъ, изображающихъ создателя храма, воеводу Оливера (онъ построилъ церковь эту въ 1341 году и представленъ съ изображеніемъ ея въ рукѣ) и супругу его Марію. Есть и другія фрески, въ числѣ которыхъ можно разглядѣть остатки портрета сербскаго царя Душана. Весьма рѣдко можно найти старинную стѣнную живопись въ тамошнихъ церквахъ, если только служба въ нихъ продолжается, и Лѣсновскій монастырь составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Въ большей части другихъ монастырей прежніе фрески либо забѣлены, либо покрыты штукатуркой, на которой написаны новыми мастерами безобразнѣйшія въ мірѣ иконы. Старинную живопись, которая, судя по остаткамъ, была далеко не дурна, нужно искать въ тѣхъ церквахъ, которыя издавна запустѣли. Подобныхъ развалинъ мы видѣли множество; особенно около Скопіи почти въ каждомъ селеніи есть старая запустѣвшая церковь. Но всѣ эти фрески ужасно обезображены, я не видала рѣшительно ни одной фигуры, у которой не были бы выскоблены глаза. Этимъ дѣломъ занимались турки. Бо́льшая часть фресковъ всѣ изцарапаны, либо носятъ слѣды пуль, которыми въ нихъ стрѣляли. Также точно обезображены и въ Лѣсновскомъ монастырѣ написанные тамъ на стѣнахъ портреты и иконы.

Изъ Лѣснова небольшой переѣздъ черезъ горы привелъ насъ въ городъ *Кратово*. Этотъ городъ весьма красиво расположенъ какъ-бы на днѣ котла среди высокихъ горъ; онъ выстроенъ уступами на небольшомъ холмѣ, занимающемъ средину этой котловины. Изъ всѣхъ болгарскихъ городовъ, въ Кратовѣ жители отнеслись наименѣе привѣтливо къ русскимъ путешественникамъ. Только въ этомъ одномъ городѣ болгары подозрительно сторонились отъ насъ, какъ отъ непрошенныхъ гостей. За то едва-ли гдѣ приняли насъ съ такимъ сочувствіемъ и даже съ восторгомъ, какъ въ сосѣднемъ городѣ *Криворѣчной Паланкѣ*, куда мы пріѣхали на другой день прямо изъ Кратова. Насъ пригласилъ въ свой домъ почетнѣйшій изъ тамошнихъ христіанъ, Хаджи Стефанъ Младеновъ. Мы не имѣли намѣренія остановиться въ Паланкѣ, а хотѣли ѣхать прямо въ сосѣдній монастырь св. Іоакима. Хаджи Стефанъ провожалъ насъ въ этотъ монастырь, возобновленный его стараніемъ и поддерживаемый на его пожертвованія.

Хаджи Стефанъ до такой степени упрашивалъ насъ провести день у него въ гостяхъ, что вмѣсто того, чтобъ ѣхать дальше, мы вернулись въ Паланку и провели у него цѣлыя сутки. Жи-

тели Паланки, христіане, были предупреждены о нашемъ пріѣздѣ и всѣ высыпали за городъ намъ на встрѣчу. Ученики болгарской школы, основанной также Хаджи Стефаномъ, были выстроены въ рядъ подъ предводительствомъ своего учителя, и какъ только мы подъѣхали, запѣли гимнъ. Весь нашъ караванъ долженъ былъ остановиться и выслушать гимнъ до конца.

Въ то же время и мусульманское населеніе Паланки находилось въ возбужденномъ состояніи. Начальникъ города, *мюдиръ*, совершалъ праздничные обряды по случаю вступленія своего сына въ отрочество. Подобныя празднества продолжаются обыкновенно двѣ недѣли. Всякій день повторяется одно и тоже. Когда мы пріѣхали въ домъ Хаджи Стефана, онъ вызвался показать намъ это празднество. Ему стоило только дать знакъ, и черезъ нѣсколько минутъ, цѣлая процессія, разгуливавшая по городу, явилась передъ нашими окнами. Центръ ея занималъ герой торжества—мальчикъ лѣтъ восьми. Онъ самодовольно сидѣлъ на прекрасной рыжей лошади, которую вели подъ уздцы два конюха и важно поглядывалъ по сторонамъ. Рядомъ съ нимъ ѣхали, тоже верхомъ, два другіе мальчика, а впереди шествовали, подпрыгивая, приплясывая и распѣвая, разряженныя женщины, съ открытомъ лицемъ, нарумяненныя и, сравнительно съ другими женщинами въ тѣхъ мѣстахъ, не дурныя собой. Я удивилась и спросила, неужели христіанки играютъ роль въ мусульманской процессіи. Но мнѣ объяснили, что это цыганки и что ихъ спеціальное занятіе фигурировать въ турецкихъ празднествахъ. Это ихъ промыселъ, которымъ онѣ и живутъ. Безъ нихъ ни одна свадьба, ни одно торжество въ родѣ того, которое мы тогда видѣли, не обходится. Цыганки, завидя насъ у окна, отдѣлились отъ процессіи, составили *хоро* (хороводъ) подъ нашимъ окномъ и что-то пѣли, самымъ вызывающимъ образомъ глядя намъ въ глаза. Между тѣмъ, процессія продолжала медленно двигаться впередъ. За мальчиками, ѣхавшими верхомъ, шла оборванная прислуга мюдира и тащились какіе-то люди, сгорбленные подъ тяжелой ношей. Каждый изъ этихъ несчастныхъ несъ на спинѣ живого жирнаго барана, держа его за переднія ноги. Рога у барановъ были позолочены, на концѣ рогъ торчали золоченые яблоки. Бѣдный баранъ то и дѣло вытягивалъ шею, качалъ головой и видимо старался перемѣнить неловкое положеніе. Бараны должны изображать собою обиліе благъ земныхъ, ожидающихъ отрока или ему предвѣщаемыхъ. Ихъ такъ и носятъ на спинѣ, не отдыхая, съ утра до вечера, по всѣмъ улицамъ города. Наконецъ шествіе замыкали какія-то женщины, тоже цыганки, но старше и погрязнѣе тѣхъ, которыя

плясали у насъ подъ окномъ. Онѣ несли на головѣ печеные хлѣбы, фрукты и какіе-то куски матеріи. Отецъ въ церемоніи не участвовалъ. Онъ сидѣлъ дома и угощалъ друзей. Матери или другихъ мусульманскихъ женщинъ не было видно.

Изъ Криворѣчной Паланки (или *Эгри-Паланка*, какъ ее называютъ турки) намъ хотѣлось проѣхать въ монастырь, основанный третьимъ ученикомъ Іоанна Рыльскаго, св. Прохоромъ. Этотъ монастырь лежитъ часахъ въ 12 (около 60-ти верстъ) къ сѣверу отъ Паланки на рѣкѣ Пшиньѣ и потому обыкновенно называется Пшинскимъ монастыремъ. По дорогѣ намъ совѣтовали заѣхать въ монастырь Пресвятой Богородицы, называемый *Корпино*. Путь нашъ лежалъ сперва между горъ по Кривой-рѣкѣ, по которой мы уже ѣхали изъ Кратова въ Паланку. Такъ она и называется по-болгарски: *Крива-рѣка*, и вполнѣ заслуживаетъ свое названіе. Она безпрестанно извивается, то и дѣло пересѣкаетъ дорогу, то протекая у одной стороны тѣснины, то касаясь противоположной горы. Такъ какъ мостовъ нѣтъ, то на каждомъ изгибѣ ее переѣзжаютъ въ бродъ. Мое платье подъ конецъ стало совсѣмъ мокрымъ отъ брызговъ, летѣвшихъ изъ-подъ ногъ лошади. Провожавшій насъ изъ Паланки *попъ* Хаджи Алексѣй разсказывалъ, что рѣка эта называлась въ древности *Сарандопоръ* и что поэтому св. Іоакимъ, основатель монастыря, который мы видѣли въ Осоговскихъ горахъ близъ Паланки, называется Іоакимомъ Сарандопорскимъ.

Выбравшись изъ горъ, между которыми течетъ Кривая-рѣка, мы долго ѣхали широкимъ полемъ, порядочно обработаннымъ, называемымъ *Славище*. Показывая и называя по именамъ болгарскія деревни, которыя лѣпятся у подножія горъ по бокамъ этого поля, наши провожатые много толковали намъ о притѣсненіяхъ, какія терпятъ жители этихъ деревень отъ черкесовъ. Эти черкесы—переселенцы съ Кавказа. Въ Славищѣ ихъ поселили 30 семействъ. На ихъ водвореніе собрали съ христіанъ тамошнихъ деревень 70,000 піастровъ, да сверхъ того заставили ихъ выстроить имъ даромъ 30 домовъ и купить для отвода черкесамъ 450 мѣръ земли. Вообще, я слышала во многихъ мѣстахъ такія жалобы на переселеніе черкесовъ. Недовольные еще тѣмъ, что ихъ столь щедро обезпечиваютъ на счетъ христіанъ, они безпрестанно у нихъ воруютъ и грабятъ, и нѣтъ на нихъ ни суда, ни расправы.

Проѣхавъ поле, стали подниматься на каменистую гору къ селу Орахъ, разбросанному на крутизнѣ. На ея голомъ склонѣ нѣтъ воды, и только одна *чешма*, находящаяся далеко ниже села, доставляетъ жителямъ тонкую струю воды. *Чешмою* назы-

ваютъ небольшую, сложенную изъ камня постройку, похожую съ виду на маленькій шкафчикъ, въ который проведена стекающая съ горъ вода. Она льется струею въ каменный жолобъ, изъ котораго можно напоить лошадь. Такихъ чешмъ я встрѣчала множество по всѣмъ дорогамъ, особенно въ горахъ; устроивать и поддерживать ихъ считается благочестивымъ дѣломъ. Чешма подъ селомъ Орахъ имѣетъ большую важность для всего этого безводнаго околотка. Около ея подѣлано большое число каменныхъ корытъ. Когда мы проѣзжали, у нихъ толпился народъ, сельчане поили своихъ овецъ, а женщины мыли шерсть. Эти люди насъ поразили своимъ костюмомъ: у мужчинъ узкія бѣлыя куртки и узкіе же панталоны изъ бѣлаго сукна съ черными нашивками по швамъ, и черныя бараньи шапки. Намъ объяснили, что такъ одѣваются во всей этой мѣстности и дальше къ сѣверу жители горъ, тогда какъ жители долинъ (такіе же болгары, какъ и первые) носятъ широкіе шаровары, коричневыя или синія куртки съ висячими рукавами и красный фесъ на головѣ. Первые, т.-е. горные жители называются *Шопове*, жители долинъ *Польци* или *Польски*. Выѣхавшій къ намъ на встрѣчу Карпенскій игуменъ увѣрялъ насъ, что *Шопы* сметливѣе или, какъ онъ выражался, «остроумнѣе» *Польскихъ*. Но наперекоръ этому увѣренію, я часто слышала, что имя Шоповъ употреблялось въ смыслѣ людей грубыхъ и необразованныхъ. «Это здѣсь Шопы живутъ», говорили презрительно наши провожатые, когда не могли добиться толку отъ жителей какой-нибудь деревни. Въ мѣстности, о которой я теперь говорю, сами такъ-называемые Шопы считаютъ это имя для себя обиднымъ и называютъ себя *планинцами* (т.-е. горцами).

Монастырь Карпино лежитъ еще выше села Орахъ въ небольшой впадинѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ вершинами горъ и дубовымъ лѣсомъ. Игуменъ есть его единственный обитатель; онъ мірской священникъ, который, овдовѣвъ, согласился взять на свое попеченіе монастырь. Человѣкъ необыкновенно симпатичный, игуменъ, *попъ* Бойко принялъ насъ чрезвычайно радушно. «Никогда русскій не бывалъ въ этомъ монастырѣ», твердилъ онъ, весь вечеръ хлопоталъ о томъ, чтобы насъ угостить получше и потомъ провожалъ два дня. У него въ монастырѣ оказались три какія-то славянскія рукописи на пергаментѣ. Когда ему предложили за нихъ деньги, *попъ* Бойко объявилъ, что за деньги рукописей продать не можетъ, но охотно ихъ отдастъ, потому-де, что хотя эти старыя книги и дороги ему, но гости, пріѣхавшіе изъ Россіи, еще дороже.

Изъ Карпина на другой день спустились въ долину рѣки

Пшиньи, не менѣе извилистой, чѣмъ Кривая-рѣка, и послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды прибыли въ монастырь св. Прохора, стоящій на большомъ возвышеніи въ горной тѣснинѣ надъ рѣкою. Мѣстность эта называется *Козянъ*. Пшинскій монастырь чуть-ли не самый большой послѣ Рыльскаго. Въ немъ до десяти монаховъ и 30 человѣкъ послушниковъ; церковь небольшая съ однимъ куполомъ. Есть нѣсколько старыхъ образовъ.

Я уже сказала, что кромѣ монастырей и церквей, въ которыхъ совершается служба, которые, по болгарскому выраженію, *поютъ*,—есть въ этомъ краѣ множество такихъ храмовъ, которые, чтобы употребить другое, болгарское же выраженіе, не *работаютъ*, т.-е. стоятъ въ запустѣніи. Нѣкоторые изъ нихъ теперь возстановляются. Есть люди, которые посвящаютъ возобновленію какого-нибудь древняго монастыря много лѣтъ своей жизни. По выѣздѣ изъ Пшинскаго монастыря мы встрѣтили одного изъ такихъ людей. Это былъ простой сельскій попъ, въ овчинномъ тулупѣ вмѣсто рясы, весельчакъ и на видъ гуляка. Но, познакомившись съ нимъ, узнавъ объ его дѣятельности, мы перемѣнили объ немъ мнѣніе. Попъ Георгій Цвѣтановичъ посвятилъ всѣ свои труды и средства возстановленію разоренныхъ обителей. Два монастыря обязаны ему своимъ существованіемъ, именно монастыри Забѣлъ и Мателчи. Первый изъ нихъ, съ церковью Рождества Пресвятыя Богородицы, мы посѣтили по дорогѣ отъ св. Прохора въ Куманово.

Между Забѣломъ и Кумановомъ мы посѣтили еще развалину старинной церкви св. Георгія въ Жеглиговѣ, у села Старый Нагоричъ. Зданіе хорошо сохранилось, видны остатки фресковъ и уцѣлѣла высѣченная въ камнѣ, снаружи, надъ западными дверями, надпись, которая гласитъ, что этотъ храмъ созданъ «въ дни святороднаго и превысокаго краля Уроша Милутина, самодержца всей земли Сербской и Поморской, при благочестивой кралицѣ Симонидѣ и при игуменѣ Антоніи, въ лѣто 1313, въ тотъ самый годъ, когда краль избилъ турокъ». Пока мы разбирали надпись, около насъ собралась цѣлая толпа народу. То были разныя почетныя лица, изъ кумановскихъ жителей христіанъ, которые выѣхали къ намъ на встрѣчу вмѣстѣ съ тамошнимъ икономомъ (благочиннымъ), попомъ Димитріемъ. Онъ насъ пригласилъ къ себѣ въ домъ и я имѣла уже случай сказать, что гостепріимство, оказанное имъ и его женой, оставило во мнѣ самое пріятное воспоминаніе. Прибавлю оригинальную черту. Послѣ ужина, за которымъ съ нами сидѣлъ хозяинъ, а хозяйка, какъ водится въ тѣхъ мѣстахъ, прислуживала, за нею въ комнату вступило цѣлое стадо кошекъ. Я выразила удивленіе этому

множеству кошекъ и узнала, что явились еще не всѣ. Попъ Димитрій сказалъ, что у него въ домѣ 36 *мачекъ* (кошекъ) и съ любовью ласкалъ и показывалъ намъ маленькую щедушную родоначальницу всей этой семьи.

XI.

Скопіе.—Турецкая свадьба.—Ѣзда въ турецкой *каруцѣ*.—Тетово.—Гостиваръ.—Кичево.—Битоль.

Изъ Куманова, послѣ 5 часовъ ѣзды гладкимъ полемъ, называемымъ *Долга-Нива* (по-турецки Узунджова), мы пріѣхали въ *Скопіе*, самый большой городъ сѣверной Македоніи, раскинутый на огромное пространство у р. Вардара, который здѣсь не широкъ, въ равнинѣ, ограничиваемой темною массою Черной Горы и другими хребтами.

Въ Скопіи я пробыла четыре дня и была съ визитомъ у паши, который весьма любезно пригласилъ меня къ себѣ. Его гаремъ занимаетъ восемь комнатъ во второмъ этажѣ *конака* (дворца), изъ которыхъ однѣ выходятъ на особый дворъ съ садикомъ, другія на улицу; со стороны улицы высокій заборъ, такъ что оконъ гарема оттуда не видать.

У паши, человѣка пожилого, весьма привѣтливаго — три жены. Одна изъ нихъ старуха, другія помоложе. Отъ старшей у него сынъ 18-ти лѣтъ, который, какъ мы могли замѣтить, нерѣдко распоряжается именемъ своего отца, не только по домашнимъ дѣламъ, но и по управленію. Отъ второй жены дочь 16-ти лѣтъ. Кромѣ этихъ лицъ, гаремъ вмѣщалъ въ себѣ нѣсколько служанокъ. Всѣ три *мадамы* черномазыя, какъ цыганки, маленькаго росту, съ безжизненными лицами. И жены и служанки не говорятъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ турецкаго, и я съ трудомъ объяснялась тамъ черезъ переводчицу, какую-то болгарку, которую позвалъ для меня паша, самъ тоже незнающій поболгарски. Вообще замѣчательно, что турки, паши, мюдиры и другія военныя и гражданскія власти, съ которыми мы встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ Македоніи, вовсе не разумѣютъ языка жителей, за исключеніемъ только тѣхъ, которые родились и выросли между болгарами. Но такихъ лицъ весьма немного, всѣ же прочіе преспокойно обходятся безъ болгарскаго языка, на которомъ говорятъ жители. Это объясняется тѣмъ, кажется, что сами болгары податливы на счетъ своего языка. Они не только всѣ, кромѣ простыхъ поселянъ, знаютъ болѣе или менѣе

по-турецки, но при каждомъ удобномъ случаѣ выставляютъ это знаніе напоказъ. Я часто замѣчала, что двое болгаръ, христіанъ, если они не совсѣмъ коротко знаютъ другъ друга, ведутъ между собою разговоръ по-турецки. Точно также любятъ они говорить и на другихъ иностранныхъ языкахъ, на албанскомъ и на греческомъ. Хотя нашъ кавасъ Мустафа отлично объяснялся по-болгарски, хотя другой нашъ кавасъ, старикъ Тырпчи, былъ природный болгаринъ, но болгары, купцы, учителя, даже *попы* и *калугеры* всегда заводили съ ними рѣчь либо по-турецки, лицо по-гречески или по-албански, смотря по тому, какой языкъ былъ кому лучше извѣстенъ, и рѣдко только, покороче познакомившись, переходили къ своему языку. Вначалѣ я полагала, что они дѣлаютъ это для того, чтобы мы не поняли ихъ разговора, но потомъ убѣдилась, что тоже самое было и тогда, когда не могли думать, чтобы разговоръ былъ слышенъ кому либо изъ насъ, русскихъ. Напротивъ того албанцы такъ горды, что турецкое правительство боится назначить къ нимъ начальниковъ не изъ природныхъ албанцевъ, а греки, какъ мнѣ разсказывали, такъ туго усвоиваютъ себѣ турецкій языкъ, что въ ихъ краяхъ паши, мюдиры и прочіе чиновники по неволѣ выучиваются по-гречески.

Любезность скопскаго паши не ограничилась тѣмъ, что онъ показалъ мнѣ свой гаремъ. На другой день онъ прислалъ ко мнѣ своего дефтердара (по нашему начальника казенной палаты) пригласить меня посмотрѣть на свадьбу въ его домѣ. Дефтердаръ выдавалъ свою родственницу замужъ за какого-то турка. «Вотъ вамъ человѣкъ, сказалъ онъ мнѣ, который васъ проводитъ къ моему дому. Мы васъ ждемъ къ 10-ти часамъ утра, вы съ нами отобѣдаете». Я велѣла осѣдлать свою лошадь и явилась на зовъ дефтердара. Онъ вышелъ встрѣтить меня на дворъ, ввелъ въ комнату, сталъ со мною бесѣдовать черезъ переводчика, мальчугана лѣтъ 9-ти. Черезъ четверть часа вошла его первая жена и начала говорить мнѣ комплименты. Росту она небольшого, еще не стара, одѣта она была въ платье синяго цвѣта, похожее на европейское, только короче; подъ платьемъ былъ кринолинъ. На головѣ у нея была надѣта *шкепа* голубая, съ темно-синимъ цвѣткомъ, волосы были подобраны кругомъ; въ ушахъ маленькія серьги серебряныя вызолоченныя, на шеѣ въ нѣсколько рядовъ на черной лентѣ были нашиты золотые наполеондоры, на правой рукѣ 3 кольца серебряныя. Потомъ вошла вторая жена и повторила тѣ же комплименты, какіе говорила первая. Она была одѣта не по европейской, а по турецкой модѣ, въ *антерію* (кафтанъ) и шаровары пунцоваго цвѣта, вы-

шитые кругомъ золотою ниткою; на головѣ былъ пунцовый же *кундакъ* съ золотымъ цвѣткомъ по серединѣ лба. И та и другая жена вмѣстѣ пригласили меня къ обѣденному столу; это было въ 11 часовъ утра, и обѣдъ продолжался до 12. Послѣ обѣда подавали кофе и яблоки. Дефтердаръ ушелъ, оставивъ насъ однихъ. Тогда онѣ меня начали спрашивать, какъ у меня сшито платье, потомъ показали мнѣ невѣсту, дѣвочку 14 лѣтъ, маленькаго роста, черненькую, круглолицую. Она очень стыдилась, когда про нее говорили, что она невѣста, и тотчасъ убѣгала прочь. Она еще не была одѣта, бѣгала растрепанная, въ одной рубашкѣ, подпоясанной кушакомъ, и пестрыхъ ситцевыхъ шароварахъ. При мнѣ ее стали одѣвать, надѣли на нее красные шелковые шаровары и антерію, обшитую внизу золотымъ галуномъ въ 3 пальца ширины; на голову надѣли красную повязку, на ноги красные же золотомъ шитые сапоги. Когда её одѣли, вошелъ дефтердаръ и принесъ невѣстѣ румяна, бѣлила и какую-то черную мазь для волосъ, и съ вѣжливостію сталъ мнѣ предлагать воспользоваться этими средствами. Тутъ же при мнѣ невѣсту нарумянили, набѣлили и начернили ей волоса. Эта процедура совершалась съ нею первый разъ въ жизни: дѣвушка не имѣетъ права употреблять румяна и бѣлила и чернить себѣ волосы, а для замужней женщины считалось бы неприличнымъ показаться мужу или родственнику ненарумяненною и ненабѣленною. Въ 3 часа стали приходить гости, все однѣ женщины, старыя и молодыя, но мужчинъ не было. Одѣты онѣ были въ разные костюмы. Первыя пришли двѣ молодыя женщины, двѣ сестры, одѣтыя обѣ одинаково: на головѣ фесъ съ золотыми монетами въ нѣсколько рядовъ, волосы до половины обрѣзанные съ обѣихъ сторонъ, сзади распущенные, темной зеленой атласной матеріи шаровары и антерія до колѣнъ, а сверхъ коротенькое пальто, сѣрое суконное, на мѣху, съ длинными рукавами. При входѣ въ комнату, каждая снимала башмаки и садилась въ чулкахъ. Потомъ пришли двѣ другія гостьи, мать и дочь; мать была одѣта въ черную атласную антерію, обшитую золотымъ шнуркомъ; голова повязана чернымъ платкомъ. На дочери была надѣта сѣрая кисейная антерія, спускавшаяся до ногъ и внизу собранная на шнурокъ и завязанная вокругъ одной и другой ноги, такъ что шароваръ вовсе не было видно; на ногахъ были кожаные башмаки. Голова была повязана сѣрою шкепою. Затѣмъ является еще женщина въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, въ кринолинѣ и черной тюлевой косынкѣ; волоса, вычесанные до половины уха гладко, а сзади заплетенные косою и свернутые на европейскій манеръ; на головѣ вѣнокъ изъ соломенныхъ цвѣ-

товъ, на рукахъ бѣлые рукавчики, чего я у другихъ турецкихъ дамъ не видала. Мнѣ объяснили, что мужъ этой барыни ѣздилъ въ Константинополь и привезъ ей оттуда рукавчики, косынку и другія принадлежности европейскаго туалета. Были и другія гостьи, всего человѣкъ до 15-ти, всѣ въ нарядахъ довольно однообразныхъ, похожихъ на тѣ, которые я описала. Когда гостьи собрались, паша прислалъ изъ своего дворца спросить, здѣсь ли я, и получивъ утвердительный отвѣтъ, прислалъ 4-хъ цыганокъ съ бубнами (по-турецки, бауре). Онѣ стали пѣть, бить пальцами въ бубны, плясать съ кастаньетами въ рукахъ и такъ долго продолжали свою оглушительную игру и пляску, что у меня голова заболѣла. Въ 7 часовъ подали ужинъ, гостьи разсѣлись на стульяхъ кругомъ трехъ столиковъ (софръ), которые были ниже стульевъ. Ужинъ длился часа 2, множество было перемѣнъ. Одна изъ цыганокъ была переодѣта въ мужское платье и разыгрывала роль жениха, увиваясь около невѣсты. Впрочемъ, нужно замѣтить, что невѣсты не было между гостьями; она все куда-то пряталась, вдругъ на минуту выглядывала изъ-за двери и опять скрывалась, пристыженная хохотомъ, который возбуждало всякій разъ ея появленіе. Когда я хотѣла ѣхать домой, то хозяйки меня не пускали, хотѣли, чтобы я осталась у нихъ ночевать, и мою лошадь нарочно отослали въ *ханъ*, а когда мои люди явились обратно съ лошадью, чтобы отвезти меня домой, то эти барыни, пользуясь тѣмъ, что мужчина не можетъ проникнуть въ ихъ покои, нѣсколько часовъ скрывали отъ меня, что меня дожидались у воротъ. Наконецъ я успѣла вырваться на свободу.

На другой день утромъ невѣста, подъ покрываломъ, и женихъ должны были отправиться къ *муллѣ*, который читаетъ какую-то молитву и благословляетъ молодую чету. Затѣмъ должно было происходить въ домѣ отца женихова, на мужской половинѣ, въ честь молодого угощеніе въ родѣ того, которое дѣлалось наканунѣ, на женской половинѣ, въ честь невѣсты въ домѣ ея родственника и покровителя дефтердара. Молодая на этомъ праздникѣ не могла участвовать и должна была провести день въ гаремѣ своего мужа, вмѣстѣ съ его родственницами.

Когда мы сбирались ѣхать изъ Скопіи, пришли намъ сказать, что есть *каруца* (карета), готовая къ нашимъ услугамъ; что эта каруца отправляется за какою-то турецкою барыней въ Тетово, куда именно лежалъ нашъ путь; что за проѣздъ до Тетова возьмутъ всего 60 піастровъ (4 руб.) и что дорога туда совершенно гладкая, превосходная для экипажа. Это меня соблазнило и я велѣла нанять каруцу, не посмотрѣвъ хорошенько,

что̀ это за экипажъ. Когда мы сошли съ лѣстницы *хана*, чтобы сѣсть въ карету и ѣхать, насъ сунули въ длинную телѣгу безъ рессоръ, съ покрышкой изъ рогожи. Рогожки держались на двухъ обручахъ, прикрѣпленныхъ концами къ осямъ телѣги. Нужно было принять почти лежачее положеніе, чтобы обручи не колотили по головѣ. Дорога въ Тетово оказалась гладкою въ томъ смыслѣ, что на ней нѣтъ большихъ горъ. Но за то карета наша наплясалась по рытвинамъ, которыя перерѣзаютъ дорогу на каждомъ шагу, и по камнямъ, набросаннымъ въ топкія мѣста. Не завидовала я той турецкой барынѣ, которая должна была въ этой каретѣ ѣхать дальше отъ Тетова въ Прилѣпъ, и въ этотъ день вполнѣ убѣдилась, что въ Турціи можно ѣздить только верхомъ. Нѣсколько недѣль ежедневной верховой ѣзды не утомили меня столько, сколько небольшой переѣздъ въ турецкой *каретѣ* отъ Скопіи до Тетова.

Въ этотъ переѣздъ, остановившись около полудни въ *ханѣ* для того, чтобы пообѣдать, мы тотчасъ замѣтили, что находимся уже посреди другого населенія, чѣмъ прежде. Люди, толпившіеся у воротъ *хана*, говорили на языкѣ совершенно непонятномъ и какъ-то изъ подлобья, недружелюбно глядѣли на насъ. Всѣ были вооружены пистолетами и кинжаломъ за поясомъ, а многіе кромѣ того длиннымъ кремневымъ ружьемъ за спиною. Одѣты были въ бѣлыя куртки съ висячими рукавами, темно-красные или другихъ цвѣтовъ бешметы и бѣлые *фустаны* (юбки), частію суконные, частію коленкоровые. На головѣ обыкновенный красный фесъ, на ногахъ у однихъ *чарапы* (толстые шерстяные чулки), у другихъ что-то въ родѣ портянокъ, а вмѣсто башмаковъ какіе-то куски кожи, покрывающіе подошву и часть ступни и придерживаемые обмотанною кругомъ ноги веревкою. У всѣхъ, безъ исключенія, одежда до крайности оборванная и растрепанная, но зато оружіе въ чистотѣ и въ порядкѣ. То были албанцы, называемые *гегами*, которые въ тѣхъ мѣстахъ исповѣдуютъ мусульманскую вѣру. Живутъ они тутъ перемѣшанные съ болгарами, рѣзко отличаясь отъ нихъ не только языкомъ, вѣроисповѣданіемъ и тѣмъ, что носятъ оружіе, но и самымъ наружнымъ видомъ, не смотря на то, что въ этихъ мѣстахъ болгары сами носятъ албанскій костюмъ и ходятъ въ фустанахъ. Но болгары какъ-то толще, мясистѣе, тяжеловѣснѣе, лица у нихъ большею частью круглыя и очень добродушныя; напротивъ того, албанецъ худощавъ, жилистъ, лицо у него продолговатое съ орлинымъ носомъ, глаза ярче и чернѣе чѣмъ у болгаръ (хотя и у послѣднихъ глаза по большей части тоже черные). Въ особенности же характеризуетъ этихъ албанцевъ

необыкновенно суровый взглядъ, такъ и видно, что народъ разбойническій. И дѣйствительно, какъ только мы выѣхали изъ Скопіи, насъ стали окружать предосторожностями, и болѣе всѣхъ хлопоталъ нашъ кавасъ Мустафа, который, будучи самъ албанецъ, хорошо знаетъ нравы своихъ соотечественниковъ. Отъ города до города онъ сталъ брать отъ мѣстныхъ начальниковъ вооруженныхъ *сувари* (жандармовъ) и *zaptiè* (полицейскихъ), чтобы провожать насъ и вьюки; опасался отъ насъ отлучаться и, встрѣчая прохожихъ или проѣзжихъ, уже не такъ громко и смѣло кричалъ на нихъ, чтобы они сторонились, какъ онъ бывало это дѣлалъ въ мѣстахъ населенныхъ болгарами. Безпрестанно твердилъ онъ намъ, что здѣсь надобно быть осторожнымъ, что здѣсь *Албанія*,—страна дикая, народъ—*геги*, люди недобрые, что такихъ разбойниковъ, какъ геги, свѣтъ не производилъ. Быть можетъ, онъ и преувеличивалъ нѣсколько дурныя качества геговъ, потому что самъ онъ принадлежалъ къ племени южныхъ албанцевъ, между которыми и албанцами сѣверными, гегами, существуетъ кровная ненависть. Но, во всякомъ случаѣ, нашъ кавасъ, при всей своей смѣлости, несомнѣнно трусилъ. Въ этихъ мѣстахъ, какъ я замѣтила, и тема разговора у христіанъ другая, чѣмъ въ Македоніи. Тамъ, въ Македоніи, болгары всякій разговоръ сведутъ на грековъ, на ихъ притѣсненія и коварныя дѣйствія; собственно на турокъ они мало жалуются, они говорятъ, что турки въ послѣднее время, т.-е. съ Крымской войны, сдѣлались добрѣе и вѣры не притѣсняютъ; что христіанамъ теперь стало жить несравненно привольнѣе чѣмъ прежде, и все было бы хорошо, кабы только не греки. Начиная съ Тетова разговоръ другой, и тотъ же разговоръ я слышала потомъ въ Гостиварѣ, въ Кичевѣ, въ Охридѣ, въ Корчѣ, словомъ вездѣ, гдѣ болгары живутъ вмѣстѣ съ албанцами-мусульманами. Грабежи, разбои, убійства со стороны мусульманъ, оскорбленіе христіанской вѣры, поруганіе святыни и т. д., вотъ о чемъ они станутъ вамъ разсказывать и жаловаться, что все это дѣлается среди бѣлаго дня и остается безнаказаннымъ. Мы народъ убитый, говорятъ они; въ другихъ мѣстахъ стало легче христіанамъ, а у насъ все тоже насиліе. Мы должны прятаться, мы должны кланяться, и ежечасно ждемъ, что насъ убьютъ или ограбятъ. Житья нѣтъ отъ арнаутовъ.

Городъ Тетово, расположенный у самаго подножія огромнаго хребта Шари, имѣетъ самый печальный видъ, потому что, кромѣ глиняныхъ заборовъ, ничего на улицахъ не видно. Строгость мусульманскихъ нравовъ у арнаутовъ, страхъ передъ арнаутами у болгаръ заставляютъ ихъ прятать свои жилища за этими огра-

дами. Мостовая отвратительна. Движенія на улицахъ гораздо меньше, чѣмъ въ городахъ Македоніи, женщины на улицу почти не показываются.

Тетово имѣетъ одну славу, и эту славу доставляютъ ему яблоки. Дѣйствительно, тамошніе яблоки единственные въ своемъ родѣ. Они огромные, не меньше такъ-называемыхъ титовскихъ яблоковъ, а вкусомъ лучше тирольскихъ и крымскихъ. Когда мы были въ Тетовѣ, мы видѣли у одного купца-христіанина множество ящиковъ съ яблоками, которые онъ отправлялъ на вьюкахъ въ Константинополь. Вывозъ яблоковъ доставляетъ тетовцамъ большіе барыши.

Изъ Тетова мы заѣхали въ монастырь св. Аѳанасія, называемый *Лешокъ*, и потомъ отправились въ *Гостиваръ;* это дрянной городишко, еще болѣе унылый, съ населеніемъ еще болѣе похожимъ на дикарей, чѣмъ Тетово. Отсюда часть нашего каравана отправилась въ Дебри, осматривать находящійся тамъ монастырь. Меня въ Дебри не пустили, — мѣсто считалось слишкомъ опаснымъ, и я должна была три дня дожидаться въ Гостиварѣ. Эти три дня я провела въ домѣ добродушнѣйшаго *попа* Трифона, и трое сутокъ не видала дневнаго свѣта. Дѣло въ томъ, что для предохраненія отъ холода и за неимѣніемъ стекла, окна были заклеены наглухо бумагою. Что́ я дѣлала эти три дня въ Гостиварѣ — не съумѣю сказать; время проводила по-турецки, т.-е. ровно ничего не дѣлала, а такъ себѣ, сидѣла съ попомъ Трифономъ и его родственницами (жена его умерла) и пила съ ними кофе; привела нѣсколько въ порядокъ свою одежду, во многихъ мѣстахъ порвавшуюся отъ верховой ѣзды по горамъ, лѣсамъ и кустарнику. Навѣщалъ меня и навѣдывался объ моемъ здоровьи и благополучіи уѣздный начальникъ гостиварскій, бей (дворянинъ) изъ албанцевъ, сдѣлавшійся турецкимъ чиновникомъ. Но и на службѣ онъ не промѣнялъ своего національнаго костюма на чиновничій турецкій полукафтанъ, и ходилъ весь съ головы до ногъ въ красномъ, въ красномъ фесѣ, красной курткѣ, красныхъ шароварахъ и туфляхъ, съ пистолетомъ за поясомъ. За нимъ всегда шествовала толпа оборванной прислуги и носила длинный чубукъ. Этотъ господинъ, передъ которымъ трепеталъ добрый *попъ* Трифонъ, бывало ввалится въ комнату, сядетъ въ уголъ на коверъ прямо насупротивъ меня, сдѣлаетъ рукою знакъ привѣтствія, и сидитъ такъ съ полчаса; войдетъ оборванный албанецъ и, прикладывая лѣвую руку къ груди, подастъ ему трубку, войдетъ другой и съ такимъ же движеніемъ руки подноситъ кофе; у двери стоитъ на вытяжкѣ *попъ* Трифонъ, а между тѣмъ мы сидимъ, глядя упорно другъ на друга и не зная что́ сказать.

Изрѣдка бей промычитъ нѣсколько албанскихъ словъ, долженствующихъ быть любезными, но отъ которыхъ я чуть не вздрагивала. Вотъ голосъ! Такому басу позавидовалъ бы и соборный протодіаконъ. А интонація какая! Албанцы всѣ вообще выговариваютъ многія слова въ носъ, какъ французы, но такого гнусливаго выговора, какъ у этого гостиварскаго начальника, я ни у кого не слыхала: представьте себѣ самый грубый басъ, какой только можно вообразить, пропускаемый черезъ носъ.

У Гостивара кончается равнина, которая тянется между двумя хребтами горъ, отъ самаго Куманова черезъ Скопіе и Тетово до источниковъ Вардара. Далѣе идутъ опять горы, на южномъ склонѣ которыхъ, по направленію къ Кичеву, албанское населеніе исчезаетъ и начинаются мѣста чисто-болгарскія или смѣшанныя съ влахами. Первые два города въ этой странѣ, Кичево и Прилѣпъ, болгарскіе; южнѣе, въ Битолѣ много болгаръ, но преобладаютъ, кажется, валахи.

Въ *Кичевѣ* (или Кырчевѣ) насъ принялъ въ своемъ домѣ съ особеннымъ радушіемъ митрополитъ Аѳимъ, родомъ албанецъ, но хорошо говорящій по-болгарски. Митрополія его находится въ городѣ Дебре, но часть года онъ проводитъ въ Кичевѣ, принадлежащемъ къ его епархіи. Пріятно было отдохнуть день въ комнатѣ, меблированной по-европейски. Дебрскій владыка былъ до такой степени любезенъ, что самъ провожалъ насъ въ монастырь Пресвятой Богородицы, называемый *Пречиста*, въ мѣстности *Керново*. Монастырь находится не въ дальнемъ разстояніи (около полутора часа ѣзды) отъ Кичева. Любопытно бы было посмотрѣть со стороны на нашу кавалькаду, въ которой духовный элементъ соединялся съ воинственнымъ. Соотвѣтственно важности своего сана, *деспотъ-эфенди* (такъ турки величаютъ нашихъ архіереевъ) велѣлъ себя провожать тѣлохранителямъ, и впереди ѣхали четверо жандармовъ съ ружьями въ рукахъ. За ними слѣдовалъ монахъ, держа владыкинъ посохъ, знакъ его пастырскаго сана. Самъ владыка ѣхалъ позади, на прекрасномъ конѣ, по турецкому обычаю задравъ ему голову къ верху, и бойкій, откормленный конь какъ бы плясалъ, оборачиваясь то вправо, то влѣво. Наши усталыя отъ путешествія лошади едва поспѣвали за нимъ. Владыку окружали, въ почтительномъ отдаленіи, игуменъ монастыря, въ который мы направлялись, и другіе священники или монахи. По бокамъ ѣхали кавасы владыки и наши, и разные служители, словомъ, насъ было человѣкъ 20. Когда въ монастырѣ завидѣли наше приближеніе, выпалили изъ какой-то маленькой пушки и зазвонили въ колоколъ. Жандармы и кавасы наши отвѣчали залпомъ изъ своихъ ружей и пистоле-

товъ. Затѣмъ изъ монастыря, стоящаго на горѣ, вышелъ крестный ходъ и сталъ спускаться къ намъ навстрѣчу; монахи и *попы*, бывшіе въ обители (человѣкъ 6), несли хоругви, кресты и евангеліе, чтобы привѣтствовать своего владыку. Не слѣзая съ лошадей, мы въѣхали на монастырскій дворъ и владыка вошелъ съ нами въ большую пріемную комнату. Монахи и *попы* всѣ поочереди подходили къ владыкѣ, кланялись ему въ ноги и цѣловали руку; но, впрочемъ, мы скоро успѣли замѣтить, что монастырская братія, вся состоящая изъ болгаръ, крѣпко недолюбливаетъ своего архіерея-арнаута, и что между ними и владыкой отношенія весьма натянутыя. Въ этомъ монастырѣ игуменъ разсказалъ намъ поразительную исторію. По слухамъ, мы надѣялись найти тамъ много примѣчательнаго; намъ говорили, что у «Пречистой» имѣются во множествѣ *фетви* (ветхія, старинныя) *книги*. Не оказалось ихъ вовсе. «Куда же онѣ дѣвались?» — «Лѣтъ двадцать тому назадъ,—говорилъ игуменъ,—пріѣхалъ сюда владыка-грекъ, по имени Мелетій, на освященіе обновленной въ нашемъ монастырѣ церкви, и какъ увидѣлъ у насъ множество ветхихъ книгъ, писанныхъ на кожѣ славянскими буквами, приказалъ всѣ эти книги собрать, положить въ яму за монастырской оградой и зажечь. Такъ всѣ книги и сгорѣли, а потомъ владыка велѣлъ засыпать пепелъ и несгорѣвшіе клочки землею. Всего только одна книга и осталась, которую случайно забыли гдѣ-то». Эту единственную книгу игуменъ охотно подарилъ намъ на память; то было какое-то рукописное евангеліе.

Между Кырчевомъ и Битолемъ мы посѣтили еще два монастыря, *Топлицу* св. Николая и *Слѣпче*.

Монастырь Слѣпче (Іоанна Предтечи) построенъ на огромной возвышенности, куда мы съ трудомъ взобрались по глубокому снѣгу. Горы тутъ бо́льшею частію поросли лѣсомъ. Отъ тяжести выпавшаго снѣга сучья глубоко наклонились къ землѣ и совершенно загородили узкую тропинку, по которой мы ѣхали. Расторопный нашъ Мустафа соскочилъ съ лошади, выхватилъ изъ рукъ у старика Тырпче толстую палку, съ которою тотъ никогда не разставался, и принялся колотить вправо и влѣво по сучьямъ. Снѣгъ спадалъ, сучья выпрямлялись и давали дорогу. Такъ, не безъ препятствій, доѣхали мы до Слѣпче, гдѣ насъ обрадовала комната со стеклами, хорошо вставленными и съ каминомъ, отъ котораго не дымило. На стѣнѣ висѣла веревка, проведенная къ колокольчику, чтобъ звать прислугу,—рѣдкость, которой я не видала нигдѣ, кромѣ этого монастыря. Существованіе этой рѣдкости въ Слѣпче и вообще комфортъ, тамъ существующій, объяснилось тѣмъ, что игуменъ Ѳеодосій нѣсколько

времени прожилъ въ Бѣлградѣ. Вліяніе европейской жизни было замѣтно и въ его разговорѣ. Съ нимъ можно было разсуждать совсѣмъ иначе, какъ съ лицами, никогда не выѣзжавшими изъ Македоніи. Игуменъ Ѳеодосій принадлежитъ къ числу тѣхъ строителей монастырей, о которыхъ я говорила. Онъ своими трудами возобновилъ извѣстный уже читателю монастырь Пречиста у Кырчева, и на это дѣло положилъ все состояніе, наслѣдованное отъ родителей. Долго былъ онъ тамъ игуменомъ, но когда въ дебрскую епархію пріѣхалъ новый митрополитъ (предшественникъ нашего знакомаго Аѳоима), то онъ отъ Ѳеодосія потребовалъ пять тысячъ піастровъ за позволеніе жить въ монастырѣ, имъ отстроенномъ. Ѳеодосій уѣхалъ, и послѣ странствованія на Аѳонъ и въ Сербію, нашелъ себѣ пріютъ въ Слѣпченскомъ монастырѣ, принадлежащемъ къ другой епархіи.

Съ горы, на которой находится монастырь Слѣпче, въ полчаса круто съѣзжаешь въ обширное Битольское поле. Намъ говорили, что въ Битолѣ бываетъ очень холодно, потому что равнина, гдѣ построенъ этотъ городъ, находится на очень большой высотѣ. Дѣйствительно, къ Слѣпчу мы подымались со стороны Желѣзенской долины часа три, а спустились на противуположную сторону горы въ полчаса. Затѣмъ мы ѣхали часовъ 5 полемъ по глубокой грязи и подъ снѣгомъ, и очень рады были обогрѣться въ гостепріимномъ домѣ русскаго консула.

Битоль весьма большой городъ, страшно разбросанный, съ большими пустырями среди строеній, окруженный, какъ всѣ турецкіе города, кладбищами. Новая православная церковь съ однимъ невысокимъ куполомъ, снаружи странно разрисованная синими деревьями и полосами по бѣлому фону, съ отдѣльно стоящею колокольнею, имѣющею видъ небольшой каланчи, выстроена на самомъ краю города, такъ что отъ церкви до главныхъ улицъ города цѣлое путешествіе. Впрочемъ въ Битоли есть и другая церковь при митрополіи. На главной улицѣ, гдѣ живутъ большею частію купцы-христіане, стоятъ дома, имѣющіе нѣсколько европейскій видъ; но они поражаютъ странными своими украшеніями. Наружныя стѣны разрисованы то синими или зелеными деревьями, на подобіе кипариса, то вазами съ разноцвѣтными букетами и т. д. Таковъ, какъ видно, вкусъ битольскихъ жителей. Въ другихъ городахъ подобныхъ украшеній я не видала. Что еще отличаетъ Битоль отъ другихъ турецкихъ городовъ, это существованіе аптеки, фотографіи, кандитерской, а также вывѣсокъ (на греческомъ языкѣ) на нѣкоторыхъ лавкахъ.

XII.

От Битоли до Дураццо.—Охридъ.—Корча.—Москополь.—Дорога по Томору.—Ератъ и Эльбассанъ.

Дорога отъ Битоли къ Охриду идетъ сперва полемъ. По обѣимъ сторонамъ видны обширныя села, населенныя влахами. Налѣво высится гора Перистери. Проѣхавъ часа 3 полемъ и отобѣдавъ въ *ханѣ*, мы стали спускаться съ Битольской равнины внизъ между крутыми обрывами. Спускъ этотъ называется *Діаватъ*.

За Діаватомъ переѣзжаешь нѣсколько холмовъ, и скоро впереди открывается другая равнина, окаймленная высокою цѣпью горъ, а слѣва блестящею, какъ зеркало, полосою воды: это Престенское озеро. На Битольскомъ полѣ было холодно и мѣстами лежалъ снѣгъ, мѣстами была глубокая грязь, а тутъ, за Діаватомъ вдругъ сдѣлалось тепло, воздухъ былъ какой-то мягкій, точно весенній, земля была сухая, на поляхъ зеленѣла трава. Весь нашъ караванъ какъ будто ожилъ и разцвѣлъ при этомъ внезапномъ переходѣ изъ сѣвернаго климата въ южный. Подъ этимъ пріятнымъ впечатлѣніемъ весны, вдругъ обдавшей насъ 19 ноября, пріѣхали мы въ городокъ *Ресну*, лежащій вправо отъ озера, и тутъ также пріятно удивлены были необыкновенною чистотою *хана*, въ который насъ ввелъ ласковый хозяинъ его, болгаринъ. Въ этомъ ханѣ были не только окна со стеклами, но намъ подали даже стулья. Узнавъ о пріѣздѣ русскихъ, къ намъ пришелъ учитель недавно устроенной въ Реснѣ болгарской школы, а за нимъ и другіе христіане. Жители Ресны, судя по ихъ разговорамъ, усердно хлопочутъ объ обученіи своихъ дѣтей на болгарскомъ языкѣ вмѣсто греческаго, но школа ихъ бѣдствуетъ отъ недостатка книгъ. Они были въ восторгѣ, когда мы имъ подарили 3 или 4 книги славянской печати, и уйдя отъ насъ спросили у прислуги наши имена, чтобы помянуть въ церкви въ благодарность за этотъ подарокъ.

Долина Ресны или долина Преспинскаго озера отдѣляется отъ Охридскаго озера горнымъ кряжемъ *Петриня*. Нѣсколько часовъ ѣхали мы черезъ этотъ кряжъ по скользкому снѣгу. Протоптана была тропинка въ ширину двухъ лошадиныхъ ногъ. Попадавшіеся намъ на встрѣчу *кираджи* (погонщики вьючныхъ лошадей) принуждены были сворачивать въ глубокій снѣгъ, мѣстами по поясъ. Намъ разсказывали, что если бы мы пріѣхали нѣсколькими днями позже, то *планина* (гора) была «затворена»,

то-есть не было бы черезъ нее проѣзду, и тогда пришлось бы ѣхать изъ Ресны въ Охридъ въ объѣздъ, часовъ 15 лишнихъ. Это путешествіе черезъ Петриню ужасно утомило меня. На каждомъ шагу лошадь скользила, хотя Мустафа почти все время велъ ее подъ уздцы. Наконецъ мы достигли западнаго склона горы (дорога отъ Ресны къ Охриду идетъ прямо съ востока на западъ), и снѣгъ исчезъ. Тутъ мы и вовсе простились со снѣгомъ, и во всю дорогу по Албаніи отъ Охрида до Дураццо (съ 19 ноября по 3 декабря) видѣли снѣгъ только издали на вершинахъ горъ.

Обрадованные тѣмъ, что выбрались изъ несноснаго для верховой ѣзды снѣга, стали мы спускаться съ Петрини, и въ скоромъ времени раскрылся передъ нами одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ, какіе я гдѣ-либо встрѣчала. Въ темно-синемъ вѣнцѣ горъ лежало, какъ зеркало, широкое прозрачное бирюзовое озеро. Оно напоминаетъ собою зеркало и тѣмъ, что имѣетъ видъ правильнаго овала. Съ небольшой площадки, на которой мы расположились обѣдать и гдѣ живо затрещалъ костеръ изъ наломанныхъ нашею прислугою сучьевъ, видна была почти вся окружность этого обширнаго водоема. Подъ нами на мыскѣ, образуемомъ довольно крутымъ холмомъ, вдавшимся въ озеро, бѣлѣли дома и минареты Охрида; вершину холма окружали развалившіяся стѣны старой крѣпости. Вдалекѣ вилась ленточкой рѣка (Дринъ) и можно было разглядѣть очертаніе другого города, Струги. «Благо, *питомо* мѣсто Охридъ (хорошее, мирное мѣсто)—говорили наши провожатые—такого озера нѣтъ въ цѣлой Турціи; а такой рыбы, какая водится въ этомъ озерѣ, нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ!» Въ самомъ дѣлѣ, когда мы пріѣхали въ Охридъ и расположились въ домѣ киръ-Антонаки, которому были рекомендованы, разговоръ, послѣ первыхъ привѣтствій, перешелъ тотчасъ къ рыбѣ, какъ къ главной славѣ Охрида, а ужинъ, который схлопотала наша хозяйка, весьма милая молодая болгарская *кокона* (дама), хорошо одѣтая въ европейское платье, весь состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ разной рыбы. Рыба эта удивительно вкусна, несмотря на то, что ее прескверно готовятъ на деревянномъ маслѣ и подаютъ почти холодною вслѣдствіе привычки нести за разъ на столъ всѣ кушанья, сколько бы перемѣнъ ни было. Особенно пріятное воспоминаніе оставилъ во мнѣ одинъ сортъ охридской рыбы, довольно крупной, что-то среднее между форелью и лососиною.

По наружности, Охридъ такой же грязный глиняный турецкой городъ, какъ и всѣ прочіе города Македоніи и Албаніи. Турецкій кварталъ и чаршія находятся внизу; дома христіанъ

лѣпятся по крутому склону холма, вершину котораго занимаетъ митрополія съ соборомъ св. Климента. Улицы здѣсь узенькія и такъ круты, что по нимъ очень опасно ѣхать даже на привычной турецкой лошади. Другую возвышенность занимаетъ крѣпость, обновленная какимъ-то пашею въ началѣ нынѣшняго столѣтія для защиты отъ дебрскихъ албанцевъ, но опять пришедшая въ совершенное разрушеніе. Единственная достопримѣчательность Охрида — соборъ св. Климента, съ однимъ круглымъ куполомъ, обширный, изящный внутри своею пропорціональностью, хотя его безобразитъ весьма дурная живопись иконъ, новыхъ или подновленныхъ. Снаружи церковь окружаетъ рядъ колоннъ, и вы входите сперва въ обширную *припрату*, въ родѣ большой залы съ голыми стѣнами, а потомъ, черезъ низкую дверь, въ самую церковь. Налѣво отъ этой двери, въ *припратѣ*, гробница съ мраморной желтой плитой, на которой написано имя св. Климента и годъ его кончины.

Соборъ выстроенъ въ 1295 году и въ немъ до сихъ поръ хранится бархатная шитая золотомъ плащаница и большой образъ въ серебряномъ окладѣ, шитый шелкомъ и хранящійся подъ стекломъ. Плащаница и образъ составляютъ вклады основателя собора, греческаго императора Андроника и его семейства.

По Охридскому озеру ходятъ большія плоскодонныя барки, гребныя, безъ парусовъ, и намъ предлагали въ одной изъ этихъ барокъ переѣхать озеро до монастыря св. Наума, стоящаго у южной его оконечности. Но я побоялась ввѣриться ладьѣ, вполнѣ заслуживающей названіе «утлой», потому что во всѣхъ этихъ баркахъ всегда видна вода, и неизвѣстно, какъ помѣщаются люди, за отсутствіемъ скамеекъ и чего-либо подобнаго. Мы продолжали путь верхомъ и черезъ 5 часовъ, по восточному берегу озера, достигли до монастыря св. Наума. Онъ стоитъ на превосходномъ мѣстѣ, терраса монастырскаго дома выходитъ прямо на озеро, которое при восходѣ солнца представляется чѣмъ-то волшебнымъ.

Жители, даже албанцы-мусульмане, питаютъ къ этому монастырю необыкновенное уваженіе и разсказываютъ много чудесъ о томъ, какъ святый Наумъ заступается за свою обитель. Нашъ Мустафа разсказывалъ намъ, съ полною искренностью убѣжденія, слѣдующій случай. Одинъ албанецъ, заѣхавъ въ монастырь ночевать съ нѣсколькими товарищами, шедшими въ походъ, утаилъ и положилъ къ себѣ въ *бисаги* (сѣдельную сумку) иголку, которую ему дали въ монастырѣ, чтобы починить платье. На другое утро выѣзжаютъ, товарищи его уже далеко, а его лошадь стоитъ на мѣстѣ, и ничѣмъ ее нельзя принудить

пройти подъ монастырскія ворота. Наконецъ, албанецъ вспомнилъ про украденную иголку, и когда отдалъ ее монахамъ, лошадь его спокойно пошла. А вотъ еще другой разсказъ того же Мустафы. Монастырскія стада пользуются совершенною неприкосновенностью, не только отъ людей, но и отъ звѣрей. Однако разъ волкъ переступилъ заповѣдь, и заѣлъ принадлежащаго монастырю вола; и что же? черезъ нѣсколько дней, волкъ этотъ явился къ крестьянину, который пахалъ монастырское поле, запрягъ себя въ плугъ рядомъ съ другимъ воломъ, который ходилъ вмѣстѣ съ заѣденнымъ, и такъ онъ пахалъ три года монастырскую пашню. Поэтому, говорилъ Мустафа, ни одинъ албанецъ никогда не тронетъ ничего, что принадлежитъ св. Науму.

Монастырь этотъ однако, несмотря на свое великолѣпное положеніе и на свою славу между албанцами, не произвелъ на насъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія. Несмотря на то, что мѣстность, въ которой онъ находится, населена болгарами, въ монастырѣ служатъ по-гречески, хотя нѣкоторые умѣютъ служить и по-славянски; монахи—какой-то сбродъ грековъ, албанцевъ и влаховъ, весьма мало внушившихъ намъ довѣрія. Они приняли насъ, правда, съ всевозможною вѣжливостью и предупредительностью, но не было видно того сердечнаго радушія, которое мы привыкли встрѣчать въ болгарскихъ монастыряхъ.

Первыя деревни у монастыря св. Наума болгарскія; но скоро, отъ деревни Подгоріе, начинаются опять албанскія поселенія. Мы ѣхали прямо на югъ, сперва узкой долиной между невысокими горами, потомъ прекраснымъ полемъ вдоль подошвы высокаго хребта Корыто. Далѣе, по мѣрѣ того, какъ мы отдалялись отъ этой горы, мѣстность становилась сырѣе, мы увидѣли на правую руку огромное болото, поросшее высокимъ камышемъ, единственное болото въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какое встрѣтилось намъ на всемъ нашемъ пути по Македоніи и Албаніи. «Здѣсь было встарину озеро», сказалъ провожатый. Скоро показались и остатки этого озера. Вдали, за камышемъ, сверкнула длинная полоса воды. Надъ нею вились тучей чайки. Озеро называется Маликъ. Мы взяли вправо. Страшная топь была передъ нами и нужно было черезъ нее ѣхать. Какіе-то благодѣтели устроили здѣсь мостовую, аршина въ два ширины, но мостовую размыло, и лошадь на каждомъ шагу проваливалась то одною ногою, то другою. Мустафа, самъ уходя на этой мостовой по колѣна въ болото, велъ мою лошадь, предупреждая меня и моихъ спутниковъ, что если лошадь сойдетъ съ мостовой, то уйдетъ въ трясину на вѣки. По этой непріятной дорогѣ мы ѣхали $^3/_4$ часа и лошадь моя повредила себѣ ногу такъ, что

потомъ все прихрамывала. Наконецъ, ужасно утомленные, выбрались мы на сушу и отдохнувъ въ какомъ-то албанскомъ селѣ, гдѣ нашли ханъ, къ вечеру благополучно прибыли въ Корчу.

Мы слышали много разсказовъ о Корчѣ. Это городъ большой, торговый, самый образованный изъ всѣхъ албанскихъ городовъ, твердили намъ; люди тамъ живутъ не *à la turca*, тамъ все устроено какъ въ Италіи,—такъ выражались албанцы, насъ провожавшіе. Не знаю, быть можетъ, нравы корчанъ дѣйствительно менѣе дики, чѣмъ въ прочихъ албанскихъ городахъ; но городъ этотъ отличается отъ прочихъ городовъ въ той странѣ только тѣмъ, что въ немъ есть нѣсколько домовъ, не спрятанныхъ за заборомъ, а выстроенныхъ на улицу. Лучшій ханъ въ городѣ грязный, безъ мебели, такой же, какъ въ другихъ турецкихъ городахъ.

Въ Корчѣ довольно много христіанъ; это большею частію влахи, но между ними есть и албанцы, а также болгары. Въ самой Корчѣ собственно нѣтъ болгарскаго населенія, но не въ дальнемъ разстояніи отъ этого города, въ горахъ, среди албанцевъ, находятся двѣ болгарскія деревни, *Бобоштица* и *Дреново*.

Въ Дреновѣ у этихъ болгаръ есть церковь св. Константина, въ Бобоштицѣ небольшой монастырь Успенія съ двумя или тремя монахами. Служатъ въ нихъ по гречески и по гречески же обучаютъ дѣтей грамотѣ; но между собою эти люди говорятъ не иначе, какъ по болгарски.

Они намъ говорили, что тяготятся греческимъ языкомъ въ церкви и школѣ, но не могутъ перемѣнить этого порядка, потому, что никто между ними не знаетъ славянской азбуки, и болгарскаго учителя достать не откуда. Эти болгары видимо обрадовались нашему пріѣзду, все время насъ окружали, гурьбою слѣдовали за нами повсюду и какъ бы присвоили насъ себѣ въ въ продолженіе всего пребыванія нашего въ Корчѣ. Это были послѣднія болгарскія поселенія, какія мы встрѣтили по этой дорогѣ.

Къ западу отъ Корчи, характеръ страны мѣняется. Здѣсь не то, что въ Македоніи и въ окрестностяхъ Охридскаго озера, гдѣ на каждомъ шагу открывается новый видъ, гдѣ каждая гора представляетъ то прелестные узоры зелени, то разноцвѣтную картину скалъ самыхъ причудливыхъ очертаній, между горами то величественное ущелье, то очаровательная долина. Напротивъ того, въ средней Албаніи отъ Корчи до Берата вы не видите ничего другого, какъ сѣрый и сѣровато-желтый камень. Лѣсу нѣтъ, кое-гдѣ торчитъ одинокое деревцо или кустарникъ, рѣдко небольшая поляна, поросшая травою или засѣ-

янная кукурузой. Вся эта страна можетъ быть названа гигантскою грудою камня, безпорядочно набросанною, то возвышающеюся, то понижающеюся, а средину этой груды камня занимаетъ громадный хребетъ, длинный, сѣрый, голый, безъ выдающихся вершинъ, похожій издали на округленную спину громаднаго слона, стоящаго между окрестными горами. Этотъ гигантъ— Томоръ, самая большая гора Албаніи; по увѣренію албанцевъ, онъ только на одну ступню ниже Олимпа. Его покрывалъ почти до половины снѣгъ.

Пять дней ѣхали мы по этой массѣ камня, первые два дня прямо къ Томору, послѣдніе три дня въ объѣздъ главнаго хребта. Хотя здѣсь пролегаетъ главный путь черезъ средину Албаніи, и намъ иногда попадались вьючныя лошади съ товаромъ, однако нѣтъ ни малѣйшаго слѣда дороги.

И при этомъ-то бездорожьѣ вы вдругъ, въ трехъ или четырехъ мѣстахъ наѣзжаете на остатокъ какой-то чудесной широкой искусственной мостовой изъ сложенныхъ огромныхъ каменныхъ плитъ, гладкой какъ паркетъ, которая тянется на какую-нибудь версту въ совершенно сохранномъ видѣ, а далѣе взломана, такъ что проѣзду по ней нѣтъ. Я слышала, что это была древняя римская дорога. Не знаю, какъ въ древности ковали лошадей, но теперешнія лошади едва держатся на этихъ гладкихъ плитахъ, особенно на крутыхъ подъемахъ; нужно слѣзть и идти пѣшкомъ.

Вся эта страна почти безлюдна; вы ѣдете съ утра до вечера не встрѣчая жилья. Но прежде тамъ были цѣлые города. Говорятъ, что они запустѣли не болѣе ста лѣтъ тому назадъ и что города эти прежде были весьма богаты, вели большую торговлю.

Жители ихъ были большею частію влахи. Разсказываютъ, что они мало-по-малу выселились въ Битоль, Корчу и другія мѣста, а нѣкоторые и за границу, въ Австрію. Корча, какъ увѣряютъ, была прежде незначительнымъ мѣстечкомъ, и выросла въ большой городъ благодаря этому выселенію. Причина выселенія заключалась, говорятъ, въ грабежахъ и притѣсненіяхъ со стороны мусульманъ-албанцевъ.

Главный изъ этихъ запустѣлыхъ городовъ *Москополь*. Онъ лежитъ въ 6 часахъ ѣзды къ западу отъ Корчи въ лощинѣ, окруженной горами. Издали вы видите какъ бы огромный городъ, а въѣзжая находите цѣлыя улицы обвалившихся домовъ. Они были сложены изъ неотесаннаго камня, и теперь камень этотъ лежитъ кучами, и кое-гдѣ торчатъ уцѣлѣвшіе куски стѣнъ. Чаршія еще цѣла, но почти не занята: кое-гдѣ только видны одинокія лавки.

Жители сказываютъ, что въ Москополѣ было прежде 12.000 домовъ; теперь только 200 домовъ обитаемы. Все населеніе состоитъ изъ христіанъ, влаховъ, которые называютъ себя *Рамани*. Церковная служба у нихъ на греческомъ языкѣ. Нѣкоторые знаютъ немного по-итальянски, нашелся одинъ, который говорилъ по-болгарски. Въ Москополѣ было 25 церквей, и жители до сихъ поръ ихъ поддерживаютъ тѣмъ, что въ каждой служатъ разъ въ году, преимущественно въ храмовые праздники. Только въ трехъ церквахъ совершается постоянно богослуженіе.

Въ одномъ днѣ ѣзды отъ Москополя находится, въ горахъ, албанское мѣстечко *Виѳекуки*. Оно представляетъ такую же картину запустѣнія, какъ Москополь, хотя прежде это былъ, какъ, говорятъ жители, значительный городъ; зданія 12 церквей и 2 монастырей еще уцѣлѣли. Теперь осталось обитаемыхъ всего отъ 50 до 60 домовъ. По дорогѣ мы проѣзжали мимо албанскихъ же селъ Дворане и Лѣсня, которыя также имѣли нѣкогда большое населеніе, а теперь запустѣли. Поѣхали мы въ эту трущобу собственно для того, чтобы видѣть монастырь св. Петра, недалеко отъ Виѳекуки. Мы слышали, что въ немъ есть большая библіотека. Дѣйствительно тамъ оказалась цѣлая комната, заваленная громадными книжищами и массами печатныхъ листовъ, вышедшихъ изъ Москопольской (теперь не существующей) типографіи. Въ этомъ монастырѣ долгое время, въ исходѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ настоящаго, жилъ нѣкто іеромонахъ Тарасій, какъ видно человѣкъ ученый и великій любитель книгъ. Въ этой глуши, онъ собралъ массу изданій греческихъ и латинскихъ, изъ Венеціи, Рима и Парижа. Онъ самъ вѣроятно принималъ участіе въ работахъ, которыя печатались въ Москополѣ, потому что въ его комнатѣ мы находили нѣкоторыя тамошнія изданія десятками и сотнями экземпляровъ. Увы! послѣ его смерти некому было пользоваться его библіотекой. Теперешній игуменъ и единственный обитатель монастыря, старикъ албанецъ, откровенно признавался, что ни онъ и никто другой въ околодкѣ этихъ книгъ читать не умѣетъ.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Томору, страна становилась все пустыннѣе, дорога все труднѣе. Вправо оставили мы какое-то албанское селеніе Протопапасъ, гдѣ стоитъ турецкая *караула*, т.-е. военная стража. Туда было дано знать о нашемъ проѣздѣ, и къ намъ явились полицейскіе въ албанскихъ костюмахъ, съ кремневыми ружьями, на смѣну тѣмъ, которые провожали насъ отъ Корчи. Удивительное дѣло, какіе неутомимые ходоки по горамъ эти албанцы. Полицейскіе стражники, взятые изъ Протопапаса, шли пѣшкомъ три дня къ ряду

впереди нашихъ лошадей, по страшнымъ крутизнамъ Томора,— и ни малѣйшаго признака усталости; придутъ на ночлегъ, сядутъ кругомъ огня, изготовятъ себѣ ужинъ, поужинаютъ, выпьютъ вина, и никто изъ нихъ не подумаетъ объ отдыхѣ. Всю ночь на пролетъ болтаютъ, поютъ безконечныя пѣсни своимъ монотоннымъ речитативомъ, и можетъ быть только подъ утро соснутъ немного.

Въ этотъ день къ вечеру мы пріѣхали въ албанскую деревню *Душары*, единственное селеніе, встрѣченное нами на пути по Томору. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ двухъ-этажныхъ каменныхъ домиковъ, построенныхъ въ разсыпную на крутизнѣ. Жители обработываютъ нѣсколько полянъ на скатахъ горы около деревни и держатъ овецъ. Овцы на Томорѣ замѣчательны тѣмъ, что у нихъ на спинѣ бѣлая шерсть имѣетъ розовый, у нѣкоторыхъ довольно яркій отливъ; когда бѣжитъ цѣлое стадо, вы видите какое-то красноватое отраженіе, похожее на тотъ цвѣтъ, которое имѣетъ заходящее солнце.

Къ албанцамъ-мусульманамъ нельзя пріѣхать въ гости, какъ къ болгарамъ, съ увѣренностью встрѣтить дружелюбный пріемъ, и мы рисковали бы, что насъ въ Душарахъ никто не пустилъ бы къ себѣ въ домъ и что намъ пришлось бы ночевать подъ открытымъ небомъ, еслибы нашъ кавасъ Мустафа, зная нравы своихъ соотечественниковъ, не запасся рекомендаціею. Братъ одного изъ душарскихъ жителей служилъ въ кавасахъ у охридскаго архіерея, и познакомившись съ нимъ, нашъ Мустафа взялъ отъ него рекомендательное письмо для насъ къ его брату, Абдулла, въ Душары. Благодаря этому, мы нашли тамъ гостепріимный кровъ. Абдулла—высокій, статный мужчина лѣтъ 40, съ орлинымъ носомъ и коричневымъ отъ загара цвѣтомъ лица, принялъ насъ вѣжливо и держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, какого мы не замѣчали и въ важныхъ господахъ изъ настоящихъ турокъ-*османлы*. Между тѣмъ, этотъ албанецъ былъ простой поселянинъ, который жилъ въ курной избѣ, сѣялъ кукурузу и ходилъ въ грязныхъ лохмотьяхъ изъ домашняго бѣлаго сукна.

Избы въ этой деревнѣ, и въ томъ числѣ домъ нашего хозяина, не обнесены заборомъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ мусульманскихъ селеніяхъ. Это высокія, узкія, четвероугольныя постройки, въ видѣ маленькихъ башенъ, съ плоскою крышею. Видъ башни придаетъ этимъ избамъ и то, что, вмѣсто оконъ, продѣланы въ стѣнахъ узенькія отверстія, похожія на амбразуры. Разумѣется, о стеклахъ нѣтъ и помину. Нижній этажъ не жилой; вверхъ ведетъ узкая каменная лѣстница, придѣланная

къ наружной стѣнѣ дома. Верхній этажъ разгороженъ на двѣ части. Передняя половина составляетъ жилье для мужчинъ; отсюда дверь ведетъ прямо въ гаремъ, занимающій другую половину дома. Потолокъ замѣняютъ перекладины, къ которымъ искусно привѣшиваютъ кукурузу. Огонь разводится на очагѣ; дымъ застилаетъ всю комнату, и придаетъ стѣнамъ черный лоскъ. Кушанье готовятъ въ гаремѣ, но готовятъ его не женщины, въ немъ обитающія, а самъ хозяинъ. Женщины же никакой работой не занимаются, таковъ обычай въ Албаніи,—впрочемъ, не во всей. Намъ разсказывали, что есть въ Албаніи край, называемый *Лябери*, гдѣ женщины все дѣлаютъ, даже пашутъ въ полѣ и владѣютъ оружіемъ не хуже мужчинъ; на нихъ лежитъ тамъ все хозяйство, потому что мужчины большею частію уходятъ на службу въ другія мѣста; женщины въ этомъ краѣ, хотя мусульманки, не закрываютъ себѣ лица.

Я видѣла, что дверь изъ гарема безпрестанно отворялась и изъ-за щели выглядывали женскія лица, разсматривавшія невиданныхъ гостей. Изъ гарема то-и-дѣло выбѣгалъ мальчикъ лѣтъ пяти, единственный сынъ Абдуллы, и, поглазѣвъ на насъ и наши вещи, уходилъ назадъ на женскую половину. Я выразила желаніе пойти туда, но меня попросили подождать, пока хозяйка принарядится и уберетъ свою комнату. Въ гаремѣ были три женщины, старуха — мать Абдуллы, его жена и незамужняя сестра. Онѣ никогда не выходятъ изъ дому; все ихъ развлеченіе—выходить на крышу дома, куда прямо ведетъ лѣстница изъ гарема. При оборванномъ костюмѣ Абдуллы, при очевидной бѣдности его и вообще цѣлаго этого селенія, въ которомъ не нашлось ни крошки ячменя для нашихъ лошадей и другого хлѣба, кромѣ кукурузнаго, я не ожидала увидѣть въ этомъ деревенскомъ гаремѣ такихъ нарядовъ. Жена Абдуллы была одѣта въ куртку (пурпури) изъ тонкаго чернаго сукна, обшитую золотыми шнурками, доходившую до таліи, и юбку изъ клѣтчатой сѣрой и зеленой матеріи. Сверху было накинуто нѣчто въ родѣ пальто изъ пунцоваго сукна, вышитаго золотомъ, съ откинутыми назадъ рукавами. Обувь состояла изъ бѣлыхъ чулокъ и кожаныхъ сапожекъ. Голова спереди была гладко причесана, а сзади волоса заплетены въ косу, завернутую въ повязку (кундакъ) изъ розовой матеріи. Въ ушахъ были серьги, состоявшія изъ золотой монеты, а на шеѣ висѣлъ на серебряной цѣпочкѣ серебряный же медальонъ.

Съ особеннымъ безпокойствомъ поглядывали мы въ Душарахъ на закатъ солнца, ожидая отъ него предзнаменованія погоды на слѣдующій день. Намъ было сказано, что когда идетъ

снѣгъ, даже при небольшомъ вѣтрѣ, то за деревней на перевалѣ бываетъ такая вьюга, что уноситъ людей съ лошадьми, и что иногда путешественники ждутъ по недѣлямъ, покуда вѣтеръ не стихнетъ. Къ счастію, великолѣпная погода, провожавшая насъ по этимъ горнымъ мѣстамъ, не измѣнила намъ до конца. Послѣ безконечнаго подъема отъ Душаръ, которые и безъ того стоятъ на большой высотѣ, мы проѣхали мимо чего-то въ родѣ высокой каменной террасы съ совершенно отвѣсными стѣнами. Издали можно было подумать, что это большой замокъ; но мы увидѣли огромную скалу, почти четвероугольной правильной формы, съ плоскою вершиной; тамъ на верху нѣкогда построено было укрѣпленіе, въ развалинахъ котораго до сихъ поръ въ лѣтнее время помѣщается турецкая стража. На зиму ее здѣсь не оставляютъ. Далѣе, на самомъ перевалѣ возвышалась причудливой формы остроконечная гладкая скала, албанское названіе которой нашъ Мустафа передалъ намъ по-болгарски—*Сѣченый камень*: «Вотъ тутъ-то вьюгой сноситъ проѣзжихъ», говорили намъ, указывая на Сѣченый камень. На этой высотѣ было свѣжо, но мы миновали благополучно это мѣсто и также благополучно прибыли, черезъ нѣсколько часовъ, къ томорскому хану, который стоитъ, одинъ одинёшенекъ, на перепутьѣ между Душарами и Бератомъ. Высота тутъ огромная; глядя съ площадки, на которой стоитъ *ханъ*, казалось, что онъ выстроенъ на серединѣ между дномъ долины и вершиной величественнаго хребта. Ни одного деревца не было около хана, все голый камень. Воздухъ былъ необыкновенно свѣжъ и чистъ, хотя не морозило. Такого яркаго сіянія звѣздъ я нигдѣ въ жизни не видала; онѣ казались гораздо крупнѣе, чѣмъ обыкновенно. Кромѣ сіянія звѣздъ, этотъ ханъ памятенъ мнѣ и по другому случаю. На краю площадки пасся на привязи великолѣпный бѣлый съ розовою спиною баранъ. Я подошла на него полюбоваться и поласкала его. Баранъ сорвался съ привязи и прямо попалъ въ руки ханджи, который тутъ же, передъ воротами, мигомъ его зарѣзалъ, выпустилъ кровь, снялъ шкуру и потащилъ его цѣликомъ жарить для нашего ужина. Возвращаясь въ ханъ, мнѣ пришлось перешагнуть черезъ кровавые остатки несчастнаго барана, и какъ я ни была голодна, но это воспоминаніе нѣсколько отбивало вкусъ отъ превосходнаго жаркого.

Отъ томорскаго хана до Берата дорога показалась мнѣ самою тяжелою, потому что почти все время приходилось ѣхать подъ гору.

Бератъ большой, чисто албанскій городъ, выстроенный чрезвычайно разбросанно, съ безконечно тянущимися заборами, за

которыми скрываются дома. Христіанъ немного; они живутъ отдѣльно, внутри древняго укрѣпленія, съ уцѣлѣвшими еще стѣнами и башнями, занимающаго вершину крутого холма и называемаго *варо́шъ*. Тамъ находится митрополія и соборъ Благовѣщенія.

Отъ Берата до Эльбассана мы ѣхали два дня, частью широкой долиной между горъ, частью поросшими лѣсомъ холмами. На пол-пути мы остановились ночевать въ избѣ священника во влашскомъ селѣ Косово. Городъ Эльбассанъ лежитъ, окруженный цѣлыми лѣсами масличныхъ деревьевъ, въ равнинѣ у подножія горъ при широкой, желтой рѣкѣ Шкумби. Городъ этотъ считается самымъ сердцемъ Албаніи; тамъ говорятъ самымъ чистымъ албанскимъ языкомъ и сохраняются самые чистые албанскіе нравы. Какъ черту этихъ нравовъ намъ, между прочимъ, разсказывали, что эльбассанскій купецъ никогда не запроситъ лишняго, и когда скажетъ покупателю цѣну, ни за что не уступитъ ни денежки. Въ Эльбассанѣ на 2000 домовъ мусульманъ считаютъ всего 170 христіанскихъ домовъ.

Отъ Эльбассана мы ѣхали день до мѣстечка *Пекинъ*, а на слѣдующій день, проѣхавъ черезъ другое албанское мѣстечко, *Кавая*, къ вечеру прибыли въ *Дураццо* или Драчъ, какъ его называютъ болгары. Дорога отъ Эльбассана до Дураццо все время идетъ превосходною равниной, сперва по р. Шкумби, потомъ въ виду моря и наконецъ по самому морскому берегу. Вся эта равнина остается необработанною. Какъ мало эту страну посѣщаютъ европейцы, это видно изъ того, что въ Кавае передъ балкономъ *хана*, на которомъ мы расположились обѣдать, столпился народъ и глазѣлъ на насъ съ такимъ же изумленіемъ, какъ у насъ смотрѣли на японцевъ. Между тѣмъ, Кавая находится всего въ 3 часахъ пути отъ портоваго города Дураццо, гдѣ, кромѣ множества торговыхъ судовъ, еженедѣльно пристаетъ пассажирскій пароходъ австрійской компаніи.

Наконецъ, вотъ и Дураццо, дрянной грязный турецкій городишко, который почти весь помѣщается внутри стѣны старинной крѣпости. Много лѣтъ не видали здѣсь ни одного русскаго, а русскаго корабля въ этомъ портѣ, составляющемъ главную торговую пристань всей Албаніи, не было, какъ намъ говорили, въ продолженіе послѣднихъ сорока лѣтъ.

Въ Дураццо мы сѣли на австрійскій пароходъ, который, зайдя въ Антивари, Каттаро и разные порты Далмаціи, на пятыя сутки привезъ насъ въ Тріестъ.

М. Карлова.

НАКАНУНѢ

ПЕРВАГО РАЗДѢЛА ПОЛЬШИ.

1770 г.

По рукописнымъ донесеніямъ князя М. Н. Волконскаго *).

Еще недавно Н. И. Костомаровъ въ введеніи къ своей обширной монографіи: «Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой» [1]), изложилъ въ общемъ очеркѣ событія и обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія окончательное паденіе государственныхъ формъ древней Польши, развалины которыхъ подавили и самую національность. Нѣсколько страницъ этого введенія [2]) посвящены именно концу 1769 года и всему 1770 г., когда наше правительство рѣшилось въ первый разъ организовать въ Польшѣ свою конфедерацію съ тѣмъ, чтобы противопоставить ее многочисленнымъ конфедераціямъ, возникшимъ въ первые годы правленія Станислава Понятовскаго.

---

*) О происхожденіи этихъ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ княземъ А. Ѳ. Голицынымъ-Прозоровскимъ, я имѣлъ случай говорить въ одной изъ своихъ предъидущихъ статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1868 г., нояб. 83 и дек. 543 стр. Въ предъидущихъ статьяхъ я ограничился обозрѣніемъ первыхъ лѣтъ правленія Станислава Понятовскаго до конца 1769 года, когда, 31 октября, Екатерина II отправила рескриптъ Волконскому съ предписаніемъ составить «благонамѣренную конфедерацію» и удалить отъ короля Чарторыжскихъ.

[1]) «Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой». Историч. монографія Н. И. Костомарова. Второе изданіе. Спб. 1870.

[2]) Тоже, 107 и 108 стр.

Это дѣло было поручено князю Волконскому, который незадолго предъ тѣмъ смѣнилъ Репнина. Волконскому предстояло въ одно и тоже время составить «благонамѣренную конфедерацію», какъ то было выражено въ рескриптѣ, и удалить отъ короля его родственниковъ Чарторыжскихъ. Правда, онъ не успѣлъ ни въ томъ, ни въ другомъ дѣлѣ; но его письменныя донесенія остались весьма любопытнымъ памятникомъ эпохи, непосредственно предшествующей первому раздѣлу Польши.

I.

Приступивъ къ выполненію возложеннаго на него порученія, вмѣстѣ съ которымъ были отправлены изъ Петербурга «разные векселя и кредитивное письмо на двѣсти тысячъ рублей», князь Волконскій началъ съ Кіевскаго воеводы и съ Мнишка.

«Мнишку стану я обѣщать — такъ писалъ нашъ посолъ [1]) — что онъ будетъ шефомъ нашей партіи, а по истребленіи Чарторыжскихъ и королю инаго не остается дѣлать, какъ согласоваться съ тою нашею партіею и потому онъ больше ничего на свѣтѣ желать (по своему тщеславію) не можетъ. Не знаю, предуспѣю ли въ томъ, ибо головы у нихъ Саксоніею набиты, но ежели сіи два магната не возмутся за дѣло, то опасаюсь имѣть скорый и желаемый успѣхъ въ коронной конфедераціи; ибо по причинѣ короля и Чарторыжскихъ никто съ начала не отваживается рисковать, а Понинскій одинъ, на котораго ревность и усердіе полагаться безсомнѣнно можно, не имѣетъ довольно кредита въ томъ предуспѣть. Что касается до Литвы, то съ помощію Флеминга и епископа виленскаго (Масальскаго), думаю, дѣло сіе не столько затрудненія найдетъ».

Волконскій уговаривалъ друга Мнишка, воеводу калишскаго, отправиться къ первому и уговорить его пріѣхать въ Варшаву. Черезъ Мнишка можно было привлечь на свою сторону и воеводу кіевскаго. Король, провѣдавшій о поступкахъ нашего посла, уговаривалъ воеводу калишскаго не ѣхать къ Мнишку и успѣлъ на столько, что тотъ колебался и отказывался отъ своей поѣздки.

Чарторыжскіе употребляли всѣ средства къ тому, чтобы парализовать дѣйствія Волконскаго и склонить на свою сторону каждаго приверженца русской партіи.

— Полно намъ ссориться, говорилъ канцлеръ, князь Чарторыжскій, брату короля, оберъ-канцлеру коронному. Забудемъ все

[1]) Донесеніе Волконскаго Панину, 18 (29) ноября, № 76.

прошедшее и будемъ вмѣстѣ помышлять о спасеніи отечества, которое находится въ большой опасности.

— Надобно сдѣлать конфедерацію, говорилъ теперь Волконскому, по наущенію Чарторыжскихъ, оберъ-камергеръ коронный. Надобно сдѣлать конфедерацію такую, которая продолжалась бы лѣтъ десять или пятнадцать. Маршаломъ такой конфедераціи способенъ быть воевода калишскій.

— Для чего признаете вы необходимымъ продолжать черезъ толикое время ту конфедерацію? спросилъ Волконскій.

— Скорѣе этого не надежно успокоить корону, отвѣчалъ тотъ.

Чарторыжскимъ было выгодно продолжить конфедерацію, въ которой все рѣшалось большинствомъ голосовъ. Съ началомъ конфедераціи нельзя было никому воспрепятствовать приступить къ ней. Они хотѣли этимъ воспользоваться и старались разузнать основанія, на которыхъ Волконскій думаетъ составить коронную конфедерацію. Чарторыжскіе хотѣли сами втереться въ конфедерацію для того, чтобы, многочисленными своими приверженцами, подавить едва раждавшуюся русскую партію и опять захватить въ свои руки всѣ дѣла.

Побѣдивъ же своихъ противниковъ, они сдѣлали бы все, потому что «король, конечно, отъ Чарторыжскихъ не отстанетъ, ни мыслей своихъ не перемѣнитъ, да хотя бы мы его и принуждали, угрозами лишенія короны, объявится противу нихъ, но подъ рукою онъ всегда будетъ слушать ихъ какъ оракуловъ и ихъ волю исполнять. Они же, употребя столь много времени и трудовъ для достиженія своихъ видовъ, никогда отъ нихъ искренно не отстанутъ и замѣшательства всегда продолжаться хотя тайно будутъ» [1]).

Подъ видомъ откровенности, Чарторыжскіе говорили графу Флемингу, что желали бы также сообщить свои мысли относительно составленія конфедераціи, что если имъ будутъ открыты главныя основанія коронной конфедераціи, то они готовы изложить свои мысли на бумагѣ. Графъ Флемингъ передалъ эти слова Волконскому, который соглашался на принятіе ихъ проекта, но безъ всякаго предварительнаго заявленія съ нашей стороны. Видя, что варшавскіе дѣятели не вдаются въ обманъ, Чарторыжскіе рѣшили написать собственный свой планъ дѣйствій и отправить его въ Петербургъ на утвержденіе [2]). Послѣдній путь оказался для нихъ еще болѣе скользкимъ.

---

[1]) Волконскій Панину 18 (29) ноября, № 76.

[2]) Волконскій Панину, 27 ноября (9 декабря), № 80.

Петербургскій дворъ, и во главѣ его графъ Панинъ, велъ дѣла чрезвычайно осторожно. Послѣдній сознавалъ, что образованіе благонамѣренной конфедераціи требуетъ «тончайшаго и на всѣ части раздробленнаго вниманія». Боясь попасть въ просакъ, онъ не давалъ прямого разрѣшенія Волконскому открыть конфедерацію, но поручилъ объявить всѣмъ благонамѣреннымъ полякамъ, что Чарторыжскіе и всѣ сообщники, не только единожды навсегда отъ дѣлъ отторгнуты, но «и вся ихъ сила, знатность и инфлюенція въ отечествѣ своемъ въ конецъ и до послѣдняго края моральнаго небытія истреблены быть должны, яко сіе есть правило уже совсѣмъ рѣшенное въ политической системѣ нашего высочайшаго двора, относительно Польши, въ чемъ по извѣданному передъ тѣмъ отъ Чарторыжскихъ неоднократному вѣроломству и необузданному властолюбію, никакой съ ихъ стороны оборотъ ни мало уже пособить не возможетъ».

Волконскаго уполномочили заявить лицамъ, преданнымъ Россіи, что относительно гарантіи Екатерина готова доказать Польшѣ «непорочность ея видовъ», а особенно въ полномъ и неприкосновенномъ сохраненіи цѣлости и независимости, какъ самодержавной, такъ и законодательной власти; что она готова на уступку въ диссидентскомъ дѣлѣ, если сами диссиденты сдѣлаютъ добровольную уступку и жертву въ пользу своего отечества и для успокоенія его «отъ настоящаго пагубнаго неустройства».

Прусскій король въ тоже время поручилъ своему представителю передать польскому королю, чтобы онъ слѣдовалъ совѣтамъ Россіи. 13 (24) декабря король потребовалъ къ себѣ Волконскаго. По наущенію своихъ дядей онъ хотѣлъ вывѣдать, что̀ предпринимаетъ русское правительство относительно Польши.

— Г. Бенуа, началъ король, передалъ мнѣ повелѣніе своего государя, сдѣлать мнѣ послѣдній дружескій совѣтъ, чтобы иного прибѣжища не искалъ, какъ у ея императорскаго величества, и не потерялъ бы ея дружбы. Не желая сдѣлать что-либо противное вашей государынѣ, но не зная однако же, о чемъ идетъ дѣло, не могу слѣпо отдаться вамъ въ руки и поступать по волѣ ея величества.

— Дѣло идетъ о томъ, отвѣчалъ Волконскій, чтобы удержать васъ на престолѣ и успокоить Польшу. Ея императорское величество, видя неожидаемое противъ себя поведеніе ваше, и, зная, что на то вы приведены хитрыми своими совѣтниками, по великодушію своему не отреклась еще приложить попеченіе къ вашему избавленію. Она исключила только изъ своей протекціи вашихъ совѣтниковъ, слѣдовательно вашему величеству надо вос-

пользоваться сею околичностію и не теряя времени думать о себѣ, оставя злыхъ совѣтниковъ.

— О мѣрахъ, предпринимаемыхъ нами къ избавленію васъ и Польши, продолжалъ Волконскій, я не могу прежде объявить, пока не увижу, что вы твердо отстали отъ своихъ совѣтниковъ и искренно ищете себѣ спасенія отъ одной протекціи ея величества; въ противномъ случаѣ совѣтники ваши, узнавъ принимаемыя нами мѣры, въ противность имъ старались бы по своему обыкновенію продолжать замѣшательства. Объ умыслѣ умножить эти замѣшательства нѣтъ никакого сомнѣнія. Канцлеръ литовскій, напримѣръ, безпрестанно пишетъ въ Литву, возмущая ее противу насъ. Маршалъ коронный явно говоритъ, что они принять противу республики ничего не смѣютъ, а когда спросили его, что̀ онъ разумѣетъ подъ словомъ республики, то онъ отвѣчалъ: барскую конфедерацію. Боркъ—душею саксонецъ и конечно, въ случаѣ несчастія съ вашимъ величествомъ, отречется отъ васъ и будетъ первымъ вашимъ врагомъ; да впрочемъ, ваше величество и отъ всѣхъ остальныхъ вашихъ друзей будете также оставлены.

— Чарторыжскіе мнѣ родня, повторилъ въ сотый разъ король, и отстать отъ нихъ не могу, точно также, какъ не могу обѣщать исполнять все по вашей волѣ, потому что можетъ быть вы захотите ниспровергнуть и уничтожить всѣ конституціи, полезныя для Польши и установленныя въ мое царствованіе. Впрочемъ, прибавилъ онъ, доходящіе до васъ слухи о моихъ совѣтникахъ ложны.

— Дядей вашихъ вы можете почитать и уважать какъ родственниковъ, но въ дѣлахъ ихъ совѣтовъ не слушать и не испрашиваться. По поводу конституцій, ея императорское величество отъ трактата своего и диссидентскаго дѣла никогда не отступитъ, а о гарантіи сдѣлаетъ изъясненіе на такомъ основаніи, какъ вамъ уже извѣстно. Отнявъ единожды у вашихъ дядей, — которые одною ея милостію возвысились, пріобрѣли богатство и силу, и послѣ оную во зло употребили, — отнявъ свою высочайшую протекцію, навсегда лишила ихъ оной.

— А кто будутъ наши пріятели? спросилъ король Волконскаго, развѣ Потоцкіе, кои столь неблагодарны противу насъ?

— Не знаю, благодарны или нѣтъ Потоцкіе, отвѣчалъ Волконскій, но знаю то, что Чарторыжскіе неблагодарны, и что первыми мы жертвовали нѣсколько разъ, когда они искали нашей протекціи, для того только, чтобы возвысить Чарторыжскихъ.

Волконскій разсказалъ королю враждебное намъ поведеніе Чарторыжскихъ.

— Что же вы съ ними сдѣлаете? съ жаромъ спросилъ король Волконскаго: неужели же и ихъ возьмете такъ, какъ Солтыка?

— И за это не ручаюсь, если они поведенія своего не измѣнятъ.

— Въ такомъ случаѣ лучше уже меня самого возьмите, замѣтилъ король.

— Необходимо взять въ медіацію какую-нибудь католическую державу, говорилъ король, желавшій перемѣнить разговоръ.

— То-есть, вы хотите Францію? перебилъ его Волконскій.

— Францію или Австрію, потому что дѣло идетъ о вѣрѣ.

— Въ медіаціи вовсе нѣтъ нужды, да и незачѣмъ. Если искать медіаторовъ между ея величествомъ и вами, то вы, будучи ею одною возведены и удерживаемы на престолѣ, въ этомъ не нуждаетесь, а если медіаторы нужны между Россіею и бунтовщиками, которыхъ вы называете націею, то медіація мѣста имѣть не можетъ [1]).

— Я надѣюсь, что ея императорское величество, по великодушію своему, не принудитъ меня отстать отъ своей родни, сказалъ король, прощаясь съ Волконскимъ.

— Я скорѣе пожертвую короною, говорилъ Станиславъ графу Браницкому, чѣмъ отстану отъ своихъ дядей.

Псарскій также писалъ королю, что русскій дворъ рѣшился оставить гарантію и согласенъ смягчить диссидентское дѣло, исключеніемъ диссидентовъ изъ законодательства, если диссиденты сами добровольно заявятъ о томъ. Король потребовалъ къ себѣ Волконскаго и прочелъ ему донесеніе Псарскаго.

— По поводу оставленія гарантіи, отвѣчалъ Волконскій, я повелѣнія никакого не имѣю, да еслибы и дошло до нея, то сіе можно объявить только черезъ декларацію или черезъ новый дополнительный трактатъ. Что же касается до диссидентовъ, то если они сами добровольно, въ жертву отечеству своему, пожелаютъ отъ чего-нибудь отступить, то я думаю, что въ томъ отъ нашего двора затрудненія не будетъ.

— Это очень хорошо, отвѣчалъ восхищенный король, — надобно работать.

— Конечно нужно, но прежде всего я долженъ быть увѣренъ, что Чарторыжскіе и прочіе ваши совѣтники будутъ исключены отъ всякаго содѣйствія. Пока они будутъ пользоваться полною вашею довѣренностью, какъ теперь, и пока вы во всемъ будете поступать по ихъ совѣтамъ, до тѣхъ поръ никто содѣйство-

---

[1]) Волконскій Панину, 14 (25) декабря, № 85.

вать вамъ не захочетъ. Къ тому же они много прогнѣвали ея величество склоненіемъ васъ на созваніе сенатскаго совѣта, да и теперь всячески стараются скрытно противу насъ дѣйствовать. Они никогда не перестанутъ достигать своихъ видовъ, которые клонятся къ тому, чтобы увеличивать свое вліяніе и, пользуясь вашею довѣренностью, показать свою силу народу, раздавая чины и награжденія своимъ приверженцамъ, и исключая изъ того нашихъ пріятелей. Необходимо пресѣчь это и не только по ихъ представленіямъ награжденій не давать, но и совсѣмъ безъ моего совѣта ими не жаловать.

— Я лучше дамъ себя въ куски разорвать, отвѣчалъ съ жаромъ король, нежели соглашусь на это.

— Въ такомъ случаѣ, если встрѣтится надобность въ конфедераціи, то мы принуждены будемъ образовать ее и безъ вашего величества.

Король не отвѣчалъ ни слова.

— Я не сомнѣваюсь, началъ король послѣ нѣкотораго молчанія, нисколько въ вашей ко мнѣ дружбѣ, и въ такой надеждѣ откровенно хочу спросить: справедливы ли дошедшіе до меня слухи, что вы къ своему двору пишете противъ меня и Чарторыжскихъ?

— Ваше величество сами были бы худого обо мнѣ мнѣнія, если бы сомнѣвались, что я доношу своему двору о всемъ вообще и особливо о моихъ разговорахъ съ вами. Къ особѣ вашей я совершенно преданъ, да и къ Чарторыжскимъ никакой личной злобы не имѣю, а напротивъ того, былъ всегда съ ними въ пріязни. Вѣрность же къ моей государынѣ и долгъ подданнаго превосходитъ всѣ сіи уваженія, и я искренно сожалѣю, что часто принужденъ доносить двору о недоброжелательствѣ Чарторыжскихъ и о поступкахъ, на кои они приводятъ ваше величество.

— Конечно, отвѣчалъ король, я чувствую, что долженъ быть благодаренъ ея величеству за сдѣланныя мнѣ благодѣянія, но я обязанъ также, прибавилъ король, и своему народу.

— Противъ народа вашего Россія ничего не имѣетъ и всѣ ея виды клонятся къ удержанію васъ на престолѣ и успокоенію Польши. Я думаю, что и у вашего величества иного желанія быть не можетъ, то для чего же скрываете отъ меня, какъ отъ посла державы, возведшей васъ и удерживающей на престолѣ, происходящее на конференціяхъ съ вашими совѣтниками. Это даетъ причину думать, что вы предпринимаете что-либо противу насъ. Я еще болѣе убѣждаюсь въ этомъ тѣмъ, что плодъ такихъ скрытныхъ конференцій я видѣлъ уже въ сенатскомъ совѣтѣ. Вашему величеству предстоитъ одинъ способъ остаться на престолѣ, это

защита ея величества. Вамъ необходимо устранить совѣтниковъ уже потому, что они привели васъ къ такому поступку, который могъ поссорить васъ съ вашею покровительницею.

— За то меня и народъ ненавидитъ, отвѣчалъ король, что считаетъ меня дѣйствующимъ вмѣстѣ съ вами и что все дѣлается для меня. Когда все успокоится и войска ваши будутъ выведены, тогда онъ вымѣститъ все на мнѣ.

— Конечно, дѣлается все для васъ. Но если вы будете съ нами и земля успокоится, то мы примемъ такія мѣры, чтобы опасности вамъ не было. Мы и теперь нашихъ партизановъ обязываемъ прежде всего оставаться вамъ вѣрными и поставляемъ сіе....

— Вы мнѣ такихъ пріятелей надѣлали, перебилъ король, какъ напр. примасъ, которые для меня хуже злодѣевъ.

— Хотя бы и по истинѣ примасъ былъ вашимъ недругомъ, но вы видите, что по-сю пору мы его удержали и ни до какого поступка противу вашего величества не допустили.

— Совѣтниковъ своихъ довѣренности я не лишу. Отлучивъ ихъ отъ себя, я покажу націи, что бросилъ ихъ, за то, что они не принадлежатъ русской партіи.

— Такъ поэтому и вы стараетесь показать себя нашимъ противникомъ. Я же, напротивъ того, думаю, что ваше величество вѣрнѣе бы на тронѣ сидѣли, если бы нація была увѣрена, что вы съ нами.

Король не отвѣтилъ ни слова на послѣднія слова Волконскаго.

Волконскій ждалъ Мнишка и не предпринималъ ничего рѣшительнаго, а король слушалъ нашептыванія Чарторыжскихъ.

— Что́ пишетъ королю Псарскій, спросилъ какъ-то Волконскій графа Брапицкаго, — если его величество не увѣренъ, что отъ перемѣны его поведенія зависитъ его благополучіе.

— Псарскій человѣкъ честный, отвѣчалъ Браницкій,—но Чарторыжскіе толкуютъ королю, что онъ застращенъ графомъ Паниным.

По всему видно было, что поведеніе короля не измѣнится, что Чарторыжскіе пріобрѣли надъ нимъ слишкомъ большое вліяніе. Послѣдніе внушали королю, что твердость въ его поведеніи можетъ все преодолѣть, «а обстоятельства можетъ быть дозволятъ изъ того и плоды видѣть».

Внушенія эти до такой степени наэлектризовали Понятовскаго, что онъ рѣшался даже обнадеживать своихъ подданныхъ въ своей рѣшимости.

— Надѣйтесь вѣрно на меня, говорилъ имъ король, устами

Чарторыжскихъ, и будьте увѣрены, что я Польшу сдѣлаю навсегда счастливою. Я давно бы привелъ это въ исполненіе, если бы имѣлъ больше власти. Россія не принудитъ меня сдѣлать ни одного шага въ ея пользу, до тѣхъ поръ, пока я буду носить на боку саблю.

Лица, которымъ сказаны были эти слова, сообщили ихъ Волконскому. Варшава также объ нихъ провѣдала, а король, какъ только узналъ, что въ публикѣ говорятъ о сказанныхъ имъ словахъ—струсилъ. Волконскій спросилъ, справедливы ли слухи о сказанныхъ имъ словахъ.

— Я никогда такихъ словъ не говорилъ, отвѣчалъ король.

— Можетъ быть они и несправедливы, какъ это часто случается, отвѣчалъ Волконскій, видѣвшій, что король желаетъ обратить ихъ въ ложь [1]).

II.

Успѣвъ настоять на созваніи сенатскаго совѣта, Чарторыжскіе стали еще самоувѣреннѣе. Высокомѣріе ихъ происходило отъ надежды быть подкрѣпленными въ своихъ дѣйствіяхъ и притомъ такою державою, которая была бы въ состояніи бороться съ Россіею. Взоры ихъ были обращены на Францію и цесарцевъ. Зять воеводы русскаго, какъ писалъ Волконскій, «первый нашъ злодѣй» былъ ярый сторонникъ Франціи. Кн. Любомирскій былъ также обольщенъ обѣщаніями этой державы. «Я весьма подозрѣваю, писалъ Волконскій [2]), что король и Чарторыжскіе сильно обнадежены отъ Франціи, да можетъ быть и денежную помощь получатъ, что, въ теперешней бѣдности всѣхъ здѣсь генерально и особливо короля, весьма приманчиво».

Чарторыжскіе разгласили, что петербургскій дворъ недоволенъ поведеніемъ Волконскаго, что король прямо переписывается съ графомъ Панинымъ и даже недавно получилъ письма какъ отъ него, такъ и отъ императрицы, которые совершенно одобряютъ его поведеніе.

— Но Волконскій говоритъ совершенно тому противное, возражали Чарторыжскимъ нѣкоторые изъ поляковъ.

— Какъ же ему знать о томъ, когда онъ два уже мѣсяца ни строки не имѣетъ отъ своего двора, отвѣчали обыкновенно Чарторыжскіе.

Въ огражденіе себя отъ подобныхъ разглашеній, посолъ про-

---

[1]) Волконскій Панину 18 (29) декабря, № 88.

[2]) Панину 27 сентября (8 октября), № 61.

силъ гр. Панина присылать чаще курьеровъ *«хотя бы и ни съ чѣмъ»*, ибо оное въ самомъ дѣлѣ импрессію дѣлаетъ въ публикѣ, да и моимъ отзывамъ болѣе важности придавать будетъ».

Волконскій говорилъ о томъ и королю:

— Все это не правда, отвѣчалъ тотъ. Разсказами этими хотятъ набросить тѣнь подозрѣнія на Чарторыжскихъ; но ни они, ни Любомирскій французамъ не преданы.

— Напрасно объ этомъ и говорить, отвѣчалъ Волконскій. Не только тайныя ихъ дѣйствія, но и явные поступки доказываютъ такую приверженность.

Переговоры этой партіи съ французскимъ дворомъ продолжались. Чарторыжскіе хлопотали о томъ, чтобы сдѣлать Польшу самостоятельною и оставить корону въ своей фамиліи. Надо отдать справедливость, что они вели дѣла очень искусно и такъ, что при неудачѣ, ничего не теряя лично, легко могли вывернуться, приписавъ всѣ неудачи безразсуднымъ поступкамъ одного короля.

Въ концѣ сентября, они отправили изъ Варшавы въ Парижъ бывшаго директора театра Томатиса, по происхожденію итальянца, и адъютанта князя Адама Чарторыжскаго, француза Мезоннёва. Оба посланные имѣли съ собою письма отъ зятя воеводы русскаго, кн. Любомирскаго, къ французскому правительству.

«Сими мыслями о французахъ, писалъ Волконскій, такъ вся ихъ шайка заражена, что говоря съ вице-канцлеромъ Преждецкимъ о теперешнемъ положеніи дѣлъ и толкуя ему безобразіе ихъ поведенія, онъ промолвилъ, сказавъ мнѣ, что посмотрѣть надобно, что о томъ Шуазель скажетъ».

Король крайне сердился, когда ему публично говорили, что онъ въ «согласіи съ нами». Съ каждымъ днемъ онъ болѣе высказывалъ нерасположенія къ Россіи. При отъѣздѣ изъ Варшавы французскаго агента Сенъ-Поля, Понятовскій снабдилъ его кредитивною грамотою къ французскому правительству, уполномочивающею Сенъ-Поля оставаться въ Парижѣ въ видѣ агента Польши. Говорили, что съ Сенъ-Полемъ былъ отправленъ и меморіалъ, въ которомъ король обязывался объявить себя противникомъ Россіи, если Франція возьметъ его подъ свое покровительство и защиту. Вмѣшательство Франціи въ дѣла Польши конечно еще болѣе запутывало бы тамошнія дѣла. «Когда они (поляки), доносилъ Волконскій [1]), допустятъ сюда французовъ и Польша раздѣлится на двѣ, а можетъ быть и на три части, изъ коихъ самая слабая будетъ наша, то иного способа не останется намъ дѣйствовать, какъ объявя прямую войну Польшѣ».

---

[1]) Панину 30 октября (10 ноября), № 73.

Партія Чарторыжскихъ постепенно росла. Король торопился раздавать всѣ важныя и выгодныя мѣста ихъ приверженцамъ и тѣмъ болѣе увеличивалъ ихъ значеніе. Понятовскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, плодилъ и недоброжелателей къ своимъ дядямъ. Партіи Потоцкихъ, Мнишка и примаса съ завистью смотрѣли на своихъ враговъ. Партіи эти были также не малочисленны.

Одинъ изъ преданныхъ намъ людей примасъ хотѣлъ оставить Варшаву и уѣхать въ Эльбингъ. Причиною такого отъѣзда былъ недостатокъ въ средствахъ къ жизни. Конфедераты разорили всѣ его деревни, доходами съ которыхъ примасъ содержалъ себя. Волконскій признавалъ присутствіе его въ Варшавѣ необходимымъ, какъ заклятаго врага Чарторыжскихъ, и просилъ графа Панина исходатайствовать ему единовременное денежное пособіе или назначить содержаніе помѣсячно [1]). Императрица согласилась на выдачу примасу ежемѣсячнаго содержанія, но Волконскому поручено держать его *въ желѣзныхъ рукавицахъ*. «Онъ съ одной стороны—писалъ Панинъ—несумнѣнно считаетъ свою главную знатность и спасеніе въ покровительствѣ нашемъ, а потому и преданъ онъ намъ, но, съ другой стороны, тѣмъ не меньше душею и сердцемъ преданный саксонецъ и совершенно во всемъ коварствѣ и заговорахъ вдовствующей курфирстины полную откровенность, а можетъ быть и самое участіе имѣетъ. Такъ обращаясь, яко мнимой тонкой полякъ, между огня и воды льститъ себѣ вывесть изъ разныхъ оборотовъ дѣлъ соглашеніе имъ желаемое. Чинимыя мнѣ разнообразныя внушенія отъ его здѣсь находящагося эмисара, диссидента Красинскаго, открываютъ предовольнымъ образомъ сіе расположеніе образа его мыслей, а оное также не меньше подтверждаемо разными открытыми секретными переписками въ Саксоніи и между возмутителями. Его намѣряемое отлученіе изъ Варшавы подъ предлогомъ недостатка тамъ себя содержать конечно имѣетъ двойной видъ, а потому тѣмъ и нужнѣе, чтобы В. С. обуздывая его, первою частію его расположенія духа, т.-е. къ намъ преданности, отняли отъ него тотъ претекстъ, а особливо если только возможно, или же поелику только возможно обратили настоящіе доходы епископа Краковскаго Солтыка ему на содержаніе и тѣмъ бы образомъ безотлучно при себѣ привязали» [2]). Такъ расползалась Польша въ разныя стороны, смотря по личному интересу каждаго отдѣльнаго члена, не думавшаго и не желавшаго думать объ общемъ благѣ отечества.

---

[1]) Волконскій Панину 1 (12) октября, № 66.

[2]) Панинъ Волконскому 31 октября 1769 г.

II.

Съ наступленіемъ 1770 года, дѣла Польши не подвинулись нисколько впередъ.

— Чего ищутъ у васъ конфедераты? спросилъ Гольцъ, министръ короля прусскаго въ Парижѣ, у герцога Шуазеля.

— Они сами не знаютъ чего хотятъ, отвѣчалъ тотъ. Все денегъ просятъ, а ихъ полякамъ давать, все равно что въ воду бросать. Я говорилъ уже посланному польскаго короля, что меня удивляетъ его исканіе у Франціи, тогда какъ ему надобно искать у императрицы русской, которая и на престолъ его возвела.

Такъ говорилъ оффиціально Шуазель, но не такъ онъ дѣйствовалъ. Перехваченное письмо Сенъ-Поля къ королю ясно указывало, что Франція не отрекалась отъ посредничества и самъ Понятовскій, съ его совѣтниками, былъ весьма склоненъ съ нею соединиться. Какъ король, такъ и его совѣтники были убѣждены, что польскихъ дѣлъ окончить нельзя иначе, какъ при посредничествѣ какой-нибудь католической державы и «что вся Европа не допуститъ увеличенія Россіи, и для сей одной причины вступится за Польшу» [1]).

Дѣйствительно, слова этой партіи какъ бы подтверждались. Понятовскій получилъ письма изъ Франціи отъ самого короля, который одобрялъ поведеніе польскаго короля; созваніе сенатскаго совѣта ставилъ ему въ геройскій поступокъ, и хвалилъ за то, что, будучи въ рукахъ Россіи, онъ, несмотря на ея силу, такъ отважно поступаетъ. Въ заключеніе король Франціи обѣщалъ ему свою помощь. Понятовскій былъ чрезвычайно доволенъ этимъ письмомъ.

— Я считаю сегодняшній день самымъ счастливымъ въ моей жизни, говорилъ онъ своимъ приближеннымъ.

— Теперь вы всѣ видите, объявлялъ публикѣ вице-канцлеръ Боркъ, какіе плоды произвели наши тайныя конфедераціи и чего отъ нихъ можно надѣяться.

«Сей опытъ французскихъ интригъ — доносилъ Волконскій — новый и великій ударъ принесетъ бѣдной Польшѣ, которая и безъ того уже изнемогла, но не предвидя конца своему несчастію во всѣ стороны мечется и тамъ ищетъ спасенія, откуда ей кромѣ погибели ожидать нечего».

Всѣ сношенія короля съ иностранными державами велись

---

[1]) Волконскій Панину 4 (15) января 1770 г., № 1.

тайкомъ, стороною отъ Волконскаго. Послѣдній, узнавъ обо всемъ происходившемъ, отправился къ королю.

— Правда ли, что вы получили письма изъ Франціи? спросилъ онъ короля.

— Нѣтъ, не получалъ, отвѣчалъ тотъ сухо и отрывисто.

— Письма эти вводятъ только васъ въ обманъ и еще больше поссорятъ съ нашимъ дворомъ. Я имѣю извѣстіе, что принцъ Карлъ Саксонскій питаетъ большія надежды на французскій дворъ и даже ищетъ у него.

— Я знаю, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ король, что принцъ Карлъ тамъ ищетъ.... А скажите, что̀ дѣлается съ камнемъ, приготовляемымъ на пьедесталъ для статуи Петра Великаго, спросилъ Понятовскій, желая перемѣнить разговоръ.

«Кажется сумнѣваться больше нельзя—доносилъ Волконскій, послѣ послѣдняго разговора—что король польскій если совсѣмъ не передался Франціи, то по крайней мѣрѣ твердо уже вознамѣрился съ нею соединиться. Перемѣна въ его персонѣ столь чувствительна, и онъ по своей слабости не могши удержать оной въ себѣ, столь веселъ, что кажется по наружности никогда столько доволенъ не бывалъ» [1]).

По Варшавѣ распускали слухи, что̀ Франція вступится за Польшу. Партія поляковъ, преданная Франціи, успѣла убѣдить послѣднюю склонить папу—прислать ко всѣмъ польскимъ епископамъ повелѣніе, обязывающее ихъ проповѣдывать полякамъ любовь къ королю и оставаться ему вѣрнымъ. Папскій нунцій имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Понятовскимъ и передалъ ему письмо святого отца. Понятовскій жаловался нунцію, что много терпѣлъ и теперь терпитъ отъ Россіи, и увѣрялъ его, что искренно привязанъ къ вѣрѣ.

Происки Франціи могли значительно затруднить ходъ польскаго вопроса въ видахъ нашего правительства. Религіозный фанатизмъ поляковъ всегда былъ могущественнымъ двигателемъ для народа, хотя и по дорогѣ къ погибели. Въ Польшѣ во всѣ времена, кто не присоединялся и не раздѣлялъ политической проповѣди епископовъ, тотъ считался безбожникомъ, хотя бы самыя проповѣди были прямо противоположны христіанскому ученію.

«До сихъ поръ, писалъ Волконскій, нація, особливо неразумная мелочь, заражена была ненавистью противъ его величества, въ той мысли, что почитали его за предателя вѣры. Теперь же напротивъ за смертельный грѣхъ почитать будутъ тѣхъ, кои не станутъ повиноваться повелѣніямъ папскимъ. Поэтому имѣетъ его ве-

[1]) Волконскій Панину 8 (19) января, № 3.

личество способъ умножить свою и слѣдовательно намъ противную партію, великимъ числомъ фанатиковъ, — всѣхъ партизановъ французскихъ, да и самыхъ явныхъ возмутителей, кои по внушеніямъ версальскаго двора начинаютъ смягчаться противъ персоны королевской» [1]).

Подтвержденіемъ послѣднему могла служить ссора между каменецкимъ епископомъ Красинскимъ и подскарбіемъ Веселемъ.

Въ мѣстечкѣ Бялѣ, въ полномъ собраніи конфедератовъ подскарбій настоялъ на томъ, чтобы объявили междупарствіе, и требовалъ, чтобы учрежденныя Чарторыжскими коммиссіи были уничтожены и *всѣ новости скасованы*. Красинскій, всегда бывшій съ конфедератами, ихъ вождь, главнѣйшій зачинщикъ, но человѣкъ безгранично преданный версальскому двору, на этотъ разъ воспротивился предложеніямъ Веселя. У нихъ вышли недоразумѣнія и, поссорившись другъ съ другомъ, они разстались. Красинскій былъ непримиримымъ врагомъ Чарторыжскихъ, имѣлъ такое значеніе между возмутителями, «что всѣ за нимъ пойдутъ, одни какъ за человѣкомъ разумнымъ, другіе какъ за фаворитомъ двора намъ непріязненнаго, а мелочь вся какъ за пастыремъ ихъ душъ». Незначительная партія намъ преданныхъ послѣ такихъ происшествій падала духомъ. Они говорили Волконскому, что остается весьма малая надежда на образованіе въ нашу пользу конфедераціи и въ особенности, если Мнишекъ и воевода кіевскій откажутся взяться за ея образованіе. Мнишекъ самъ предугадывалъ свое значеніе и въ письмѣ къ своимъ пріятелямъ соглашался приняться за дѣло только тогда, когда конфедерація «*серьезный на себя видъ возметъ*» и когда получитъ прямое обѣщаніе русскаго двора, что онъ, съ его приверженцами, никогда не будетъ преданъ ненависти Чарторыжскихъ и послѣдніе будутъ навсегда оставлены нами. Онъ требовалъ, чтобы наше правительство признало его шефомъ русской партіи.

Мнишекъ, какъ истый полякъ, дѣлающійся надменнымъ, какъ только видитъ, что въ немъ заискиваютъ, тотчасъ же сталъ предлагать князю Волконскому разнаго рода условія. Имѣя желаніе купить у прусскаго короля Невшатель, онъ просилъ, чтобы покупка эта была произведена подъ гарантіею императрицы Екатерины. Волконскій отказалъ ему хлопотать объ этомъ, «почитая за непристойно спрашивать у короля прусскаго, продастъ ли онъ свои земли» [2]).

---

[1]) Волконскій Панину 16 (27) января, № 4.

[2]) Волконскій Панину 4 (15) мая, № 43.

Отказъ сбавилъ спѣси у Мнишка, онъ сталъ податливѣе. Вслѣдъ затѣмъ воевода калишскій спрашивалъ Волконскаго, нужно ли Мнишку пріѣхать въ Варшаву? Тотъ отвѣчалъ, что хотя мы ничего еще не начинаемъ, но что пріѣздъ его былъ бы полезенъ для противувѣса Чарторыжскимъ, «ибо, какъ доносилъ Волконскій Панину [1]), онъ, держа открытый домъ, сдѣлался бы прибѣжищемъ всѣхъ тѣхъ, кои къ намъ пристать захотятъ и кои теперь ко мнѣ ѣздить опасаются; а у Чарторыжскихъ бы спѣси черезъ то поубавилъ».

Послѣднее было необходимо въ виду того, что королю успѣли натолковать, что онъ герой.

— Рѣдко бываетъ король столь героическаго духа, нашептывалъ Понятовскому вице-канцлеръ Боркъ,—который, несмотря на всю силу Россіи, бравируетъ ею, и однимъ своимъ мужествомъ заслуживаетъ вѣчную славу.

Понятовскій радовался самъ своему поведенію и не умѣлъ ни отъ кого скрыть своего удовольствія. Съ одной стороны Чарторыжскіе старались поддерживать въ немъ этотъ геройскій духъ, съ другой, Фридрихъ II поручилъ своему министру охлаждать его [2]). Бенуа не замедлилъ явиться съ своими наставленіями.

— Если дѣло идетъ только о томъ, чтобы мнѣ быть согласнымъ съ Россіею, говорилъ король представителю Пруссіи, то въ Петербургѣ начинаютъ уже нѣсколько смягчаться.

Король надѣялся на смягченіе нашего правительсгва и не видалъ того, что́ дѣлалось передъ его глазами. Онъ не видалъ общаго разъединенія Польши и, казалось, особенно хлопоталъ о томъ, чтобы привести ее къ скорѣйшему паденію. Понятовскій вытребовалъ изъ Литвы ловчаго литовскаго Забіелу — человѣка преданнаго Франціи—и поручилъ ему сдѣлать въ Литвѣ *гивильную конфедерацію*, «которая сочинена быть имѣетъ тайно по повятамъ, а объявится публично, когда до того нужда дойдетъ» [3]). По совѣтамъ Франціи и Чарторыжскихъ король хотѣлъ слиться съ конфедератами и дѣйствовать за одно. Это сліяніе онъ считалъ геройскимъ поступкомъ и радовался за свою будущность.

Среди радости о такомъ благосостояніи Польши, 19 (30) января, король, примасъ, канцлеры, воевода русскій, войсковая и скарбовая коммиссіи, всѣ юрисдикціи и многіе магнаты, совершенно неожиданно получили пакеты отъ самозваннаго генеральнаго маршала Паца. Въ конвертъ былъ вложенъ манифестъ

---

[1]) Волконскій Панину 4 (15) мая, № 47.
[2]) Волконскій Панину 16 (27) января, № 4.
[3]) Волконскій Панину 2 (13) февраля, № 9.

конфедератовъ, которымъ отвергались постановленія сенатскаго совѣта [1]).

Съ этимъ постановленіемъ конфедераты отправили своихъ делегатовъ во Францію и къ саксонскому двору. Каменецкій епископъ Красинскій отправился также въ Парижъ. Растворовскій делегатъ великопольскихъ возмутителей, пріѣхавъ въ Дрезденъ, долженъ былъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Курфирстъ саксонскій приказалъ объявить ему, что если Растворовскій желаетъ быть принятымъ при дворѣ, то запрещается ему совсѣмъ упоминать что либо о польскихъ дѣлахъ, а еще меньше дѣлать какія либо представленія и просьбы отъ имени конфедератовъ. Курфирстъ объявилъ на отрѣзъ, что не намѣренъ вовсе мѣшаться въ дѣла Польши и принимать делегатовъ.

Саксонскій резидентъ Ессеніусъ проговорился Волконскому, что хотя курфирстъ самъ и не хочетъ принимать никакого участія въ дѣлахъ Польши, но не можетъ воспрепятствовать того матери своей, происки которой въ этомъ дѣлѣ были несомнѣнны. Вѣнскій дворъ, хотя и наружно, но отказался также принять делегацію отъ конфедератовъ.

Одна Франція поддерживала поляковъ и старалась примирить короля съ народомъ. Г. Велеурскій, посланный въ Парижъ отъ имени генеральной возмутительной конфедераціи, подалъ французскому министерству меморіалъ, въ которомъ объяснялъ, что русскихъ нельзя иначе выжить изъ Польши, какъ составить генеральную конфедерацію, при содѣйствіи и помощи Франціи. Король, по полученіи писемъ, собралъ совѣтъ, который, какъ ходили слухи, рѣшилъ составить конфедерацію, и слѣдовательно соединиться съ конфедератами.

На вопросъ Волконскаго, справедливы ли эти слухи? король отвѣчалъ отрицательно.

«Между тѣмъ стараясь всячески развѣдывать о содержаніи той конференціи, писалъ кн. Волконскій [2]), предуспѣлъ я напослѣдокъ достать, такъ-сказать, въ свои руки г. Млодзіевскаго, великаго канцлера короннаго. Онъ, будучи нами возвышенъ изъ ничего на сію высокую степень, по нашей волѣ прежде поступалъ, но король, зная объ томъ, не имѣлъ довѣренности и недопускалъ въ свои совѣты; чрезъ что самой тотъ канцлеръ совсѣмъ намъ былъ безполезенъ, и мало-по-малу отъ насъ удаляясь, снискалъ нѣкоторую повѣренность у короля, и допускается уже въ его совѣты, въ чемъ я и не препятствовалъ ему. Онъ че-

---

[1]) Волконскій Панину 20 (31) января, № 7.

[2]) Панину 18 (29) марта, № 26.

ловѣкъ весьма корыстолюбивый, и на сей страсти основано его поведеніе. Тысяча червонныхъ и обѣщаніе впредь ему помогать, довели его напослѣдокъ до того, что обѣщался онъ мнѣ секретно сообщать все происходящее въ совѣтѣ королевскомъ, и вотъ что на первый случай объявилъ: что въ Парижѣ находится секретарь литовскій Хрептовичъ, зять вице-канцлера Преждецкаго, которому поручено отъ короля присматривать за поведеніемъ всѣхъ тамъ бывающихъ поляковъ; что онъ писалъ сюда о поданномъ Велеурскимъ меморіалѣ и о сихъ-то письмахъ разнесся слухъ выше мною сказанной; что король въ самомъ дѣлѣ помышляетъ сдѣлать конфедерацію, но не иначе, какъ сочиня планъ оной съ своими совѣтниками, представить его нашему двору и стараться чрезъ посредство даже и чужестранныхъ дворовъ (думаю, англійскаго), чтобы оной у насъ былъ принятъ; что сей планъ еще не сочиненъ, а уже извѣстно ему, канцлеру, что король просить будетъ о допущеніи въ медіаторы (посредники) Австріи или Франціи, безъ чего, по его мнѣнію, ничего твердаго быть не можетъ. Наконецъ увѣрялъ онъ, что король съ Франціею противнаго намъ сообщенія не имѣетъ, но я думаю, что сіе и отъ него самого таится, если въ самомъ дѣлѣ что̀ есть... Пріятели наши намѣрены-было были собраться у примаса, и послать къ королю депутатовъ, съ представленіемъ, что тѣ совѣты держитъ онъ въ противность законамъ, въ чемъ примасъ, по должности своего мѣста, имѣетъ право остеречь короля; но какъ таковое представленіе, въ случаѣ, еслибы король не послушалъ и продолжалъ свое поведеніе по старому, влечетъ за собою то слѣдствіе, что примасъ можетъ уволить націю отъ послушанія къ нему, яко нарушителя правъ, то я сему воспротивился, да и впредь конечно не допущу.

«Правда, что между сеймами дана власть королю собирать сенатскіе совѣты, на коихъ не можно ничего новаго установлять, а только установленное сеймами и все клонящееся къ исполненію законовъ и трактатовъ наблюдать. Сверхъ того отъ сейма до сейма назначаются сеймомъ быть при тронѣ неотлучно нѣсколько сенаторовъ и министры, съ коими король можетъ разсуждать о дѣлахъ маловажныхъ: но его величество, несмотря на то, тѣхъ назначенныхъ сеймомъ сенаторовъ не призываетъ, а держитъ свои совѣты съ людьми, коихъ самъ избралъ, какъ-то его дяди, канцлеры, маршалъ коронный и бывшій канцлеръ Замойскій, который никакого уже чина не имѣетъ» [1]).

Поведеніе Понятовскаго было выжидательное. Онъ смотрѣлъ

---

[1]) Волконскій Панину 18 (27) марта, № 26.

на Францію, ждалъ ея содѣйствія и потому до времени вилялъ между двумя противуположными партіями, не склоняясь открыто ни на ту, ни на другую сторону. Волконскому говорилъ, что приказалъ собраться войскамъ для дѣйствія противъ конфедератовъ; своихъ же подданныхъ увѣрялъ, что на требованіе Волконскаго, чтобы войска дѣйствовали только съ его согласія, онъ, король, будто бы отвѣчалъ, что войска зависятъ отъ войсковой коммиссіи и потому не можетъ дать имъ повелѣній, «ни драться съ конфедератами и ни съ кѣмъ другимъ».

Король жаловался на Волконскаго своимъ подданнымъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

— Волконскій поступаетъ точно также, какъ князь Репнинъ, говорилъ онъ имъ, съ тою только разницею, что Репнинъ обманулъ меня съ наглостію, а Волконскій обманываетъ подъ рукою и скрытно.

Понятовскій ошибался; Волконскій не обманывалъ его, а хлопоталъ только объ увеличеніи своей партіи, хотя хлопоты эти и были не вполнѣ успѣшны.

Воевода кіевскій отказался принять участіе въ дѣлахъ подъ предлогомъ слабаго здоровья. Онъ хотѣлъ повидаться сначала съ Мнишкомъ, который упорно молчалъ, колебался, не отказывалъ и не обѣщалъ пріѣхать въ Варшаву. Безъ содѣйствія же этихъ двухъ лицъ Волконскій считалъ почти невозможнымъ открытіе конфедераціи въ нашу пользу [1]). Онъ опасался, чтобы лица нашей партіи, видя съ одной стороны, что они терпятъ разореніе отъ возмутителей, «а съ другой, что одни преданные Чарторыжскимъ получаютъ отъ короля чины и награжденія, не пришли въ уныніе, и вмѣсто умноженія нашей партіи, не передались къ нимъ; видя притомъ и то, что тѣ Чарторыжскіе безъ наказанія остаются, и изъ того замѣчая, что впредь могутъ опять къ намъ передаться, и ихъ, теперешнихъ нашихъ пріятелей, задавить; хотя я и разрываюсь, увѣряя, что тому быть неможно».

«Если же сіе воспослѣдуетъ, писалъ онъ [2]), то Чарторыжскіе, усиляя часъ отъ часу съ помощію короля своихъ партизановъ, а можетъ быть и явно соединясь съ Франціею, первымъ случаемъ воспользуются и сочинятъ генеральную конфедерацію, къ чему поводомъ можетъ служить и будущій ординарный сеймъ, на которой они земскими послами выберутъ своихъ креатуръ,

---

[1]) Волконскій Панину 17 (28) февраля № 16.
[2]) Волконскій Панину 17 (28) апрѣля, № 41.

имѣя оныхъ вездѣ много и особливо въ Литвѣ, а нашихъ, коихъ столь мало, нигдѣ до того выбора не допустятъ.

«Правда, что всѣ наши партизаны желаютъ искренно искорененія Чарторыжскихъ; но ничего предпринять къ тому не могутъ, ибо два способа только суть, чрезъ кои ихъ истребить можно: генеральная конфедерація или разлученіе ихъ съ королемъ. Первая теперь состояться не можетъ, а второе по поведенію короля весьма, по крайней мѣрѣ теперь, не надежно; ибо его величество и еще недавно отзывался, что онъ согласится скорѣе корону потерять, нежели отъ нихъ отстать и у насъ быть въ зависимости, какъ то мнѣ графомъ Флемингомъ пересказано. Духъ владычества Чарторыжскихъ и властолюбіе весьма въ немъ сильно дѣйствуютъ: и могу почти безъ ошибки сказать, что покамѣсть Чарторыжскіе здѣсь, то никакой перемѣны въ немъ ожидать не можно».

III.

Въ Великой Польшѣ собрались конфедераты числомъ до 9 т. чел. и, преслѣдуемые отрядами полковника Рена и подполковника Древица, были уничтожены, потерявъ лучшихъ своихъ предводителей. Мальчевскій съ своею шайкою шелъ въ Ловичъ и думалъ, укрѣпившись тамъ, посѣтить Варшаву, но былъ предупрежденъ отрядомъ въ 700 чел. подъ начальствомъ бригадира князя Голицына. Возмутители остановились въ Сохачевѣ, съ тѣмъ же намѣреніемъ идти къ Варшавѣ. Они думали забраться въ столицу съ той стороны, гдѣ лежали казармы пѣшей коронной гвардіи, готовой перейти на ихъ сторону, при первой удачѣ мятежниковъ. Все было приготовлено для успѣха. У судовъ, стоявшихъ на Вислѣ и служившихъ для сообщенія съ Прагою, гдѣ были наши магазины, больные и человѣкъ 400 прикрытія, были обрѣзаны веревки. Теченіемъ воды суда снесло и Прага была отрѣзана, такъ что намъ не было возможности въ случаѣ нужды получить оттуда помощь.

Мальчевскій имѣлъ повелѣніе генеральной конфедераціи идти на Варшаву и, разбивъ войска наши, стоявшія въ Блонѣ, аттаковать городъ 12-го февраля съ одной стороны. Аттака съ другой стороны предоставлена Пулавскому. Послѣдній, будучи разбитъ нашими войсками, неподалеку отъ венгерской границы, не могъ своевременно исполнить порученіе конфедераціи.

По взятіи Варшавы, конфедераты поручили Мальчевскому обходиться съ Волконскимъ съ почетомъ, отправить къ королю де-

легатовъ съ просьбою о приступленіи къ конфедераціи, а всѣ коммиссіи и юрисдикціи привести къ присягѣ. Для бо́льшаго успѣха Мальчевскій былъ снабженъ деньгами для подкупа коронной пѣшей гвардіи [1]).

Бригадиръ Голицынъ, преслѣдуя Мальчевскаго, поворотилъ за нимъ къ Сохачеву, встрѣтилъ конфедератовъ въ 5-ти миляхъ отъ Варшавы и разбилъ ихъ.

Орудійные выстрѣлы, долетавшіе до Варшавы, привели въ волненіе жителей. Всѣ ожидали свѣдѣній о результатѣ стычки; одни желали побѣды конфедератамъ, другіе нашимъ войскамъ. Король приказалъ своимъ войскамъ разставить пикеты по городу, учредить патрули и вывезти пушки изъ арсенала. Ночью получено свѣдѣніе отъ Голицына о разбитіи шайки.

— На какой конецъ, спрашивалъ на другой день Волконскій короля, были собраны польскія войска? Всѣ эти приготовленія дѣлались противъ насъ или противъ возмутителей? Если противъ послѣднихъ, то отчего не снеслись о томъ со мною? Изъ подобнаго поведенія могла послѣдовать между нашими войсками взаимная сумятица.

— Войска, отвѣчалъ улыбаясь король, были собраны противъ конфедератовъ. Согласоваться съ вами я не могу, потому что долженъ менажировать націю, и чтобы мои войска, узнавъ о такомъ согласіи, не пристали сами къ возмутителямъ. Впрочемъ, я съ вами въ согласіи, добавилъ король.

— Пора бы покончить всѣ эти замѣшательства, замѣтилъ Волконскій, а покончить ихъ зависитъ отъ васъ. Мы ничего другого не желаемъ, о томъ только одномъ и стараемся и можетъ быть успѣли бы въ этомъ, еслибы ваше величество тому содѣйствовали.

— Не зная, чего вы хотите, ничего не могу дѣлать. Желалъ бы знать опредѣленно, чѣмъ вы удовольствуетесь. Для вѣрности націи, которую уже вы нѣсколько разъ обманывали, нужно бы выдать декларацію отъ ея императорскаго величества, изъяснивъ въ ней, чѣмъ именно вы намѣрены кончить дѣло.

— Желаніе наше состоитъ только въ томъ, чтобы удержать васъ на тронѣ и успокоить Польшу.

Волконскій говорилъ королю, что ему извѣстны желанія императрицы; что отъ диссидентскаго дѣла она никогда не отступитъ, о гарантіи будетъ сдѣлано объявленіе, «а прочія внутреннія распоряженія всегда въ волѣ націи состоитъ перемѣнить».

---

[1]) Волконскій Панину 17 (28) февраля, № 19.

— Декларацiи же сдѣлать теперь, отвѣчалъ Волконскiй, никакой надобности я не вижу; да и къ кому ее дѣлать: если къ министерству, то министры, не имѣя никакой власти, не иное что суть, какъ люди партикулярные; если же къ нацiи, то ее представляетъ только одинъ сеймъ, и потому непристойно бы было теперь намъ о томъ и мыслить.

— Что вы думаете о Чарторыжскихъ, спросилъ король, навсегда ли они оставлены отъ русскаго правительства?

— Да, я въ томъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Волконскiй.—Король молчалъ и не отвѣчалъ ни слова. Возмутители, разбитые княземъ Голицынымъ, бѣжали черезъ Ловичь къ Піоткову. Понятовскiй старался вывѣдать, кому приписываетъ наше правительство приближенiе конфедератовъ къ Варшавѣ и отрѣзанiе барокъ на Вислѣ.

— Пріятелямъ конфедератовъ, отвѣчалъ Волконскiй, кои въ ихъ пользу хотѣли пресѣчь коммуникацiю Варшавы съ Прагою.

Отдѣльныя незначительныя шайки ходили по королевству и каждая проповѣдывала свои виды и предположенiя, какъ къ успокоенiю Польши, такъ и къ будущему ея счастiю. Всѣхъ несогласныхъ съ ихъ убѣжденiями преслѣдовали и разоряли имѣнiя. Большiя дороги не были безопасны. Бывшiй маршалъ слуцкой конфедерацiи Грабовскiй и его братъ были схвачены мятежниками въ 12-ти миляхъ отъ Варшавы, на пути въ Литву, куда ѣхали они къ своимъ полкамъ. Мятежники высказывали имъ неудовольствiе за то, что долго не ѣхали, говоря, что три дня ждутъ ихъ на этомъ мѣстѣ.

Наши войска продолжали дѣйствовать противъ конфедератовъ. Полковникъ Вахмейстеръ, при мѣстечкѣ Шремскѣ, аттаковалъ и разбилъ шайку подъ начальствомъ Савы, потомъ, преслѣдуя ее, догналъ опять въ воеводствѣ Плоцкомъ и снова разбилъ при мѣстечкѣ Плонскѣ. Полковникъ Ренъ дѣйствовалъ въ Великой Польшѣ. Онъ занялъ Познань и разбилъ бывшихъ тамъ мятежниковъ. Подполковникъ Древицъ дѣйствовалъ около Піоткова и въ Сендомирскомъ воеводствѣ противъ шайки Пулавскаго, намѣревавшагося пробраться въ Литву. Знаменитый впослѣдствiи Суворовъ своимъ отрядомъ охранялъ пространство отъ Брестъ-Литовска до Люблина, и отъ Люблина чрезъ Опатовъ къ Кракову, имѣя повелѣнiе поддерживать сообщенiе съ армiею, дѣйствовавшею въ Турцiи [1]).

---

[1]) Онъ хотя и не имѣлъ случая что либо громкое сдѣлать, писалъ Волконскiй Панину, но не меньше достоинъ высочайшей милости черезъ пользу, происходящую отъ сей спокойности тамошнихъ жителей, кои весьма имъ хвалятся и сами благода-

Въ апрѣлѣ конфедераты потерпѣли новыя пораженія. Собравшіеся въ Помераніи были уничтожены отрядомъ генералъ-майора Чарторыжскаго. Бывшіе неподалеку отъ Гродно, подъ начальствомъ Бернацкаго, желавшаго пробраться въ Литву съ цѣлію взволновать ее, были разбиты и прогнаны отрядами, посланными по распоряженію генералъ-майора Колонга, стоявшаго въ Гродно. Полковникъ Ренъ успѣлъ схватить наѣздника Муравскаго, «который, будучи мясникомъ», вздумалъ защищать вѣру, и, собравъ значительную партію, производилъ грабежи, разоренія и насилія диссидентамъ, «отчего и прослылъ между бродягами славнымъ воиномъ, а конфедерація обѣщала ему на первомъ сеймѣ дворянство дать въ награжденіе услугъ, за кои онъ между разбойниками висѣлицы достоинъ» [1]). Другой такой же наѣздникъ, нѣкто Сава, былъ уничтоженъ майоромъ Шуббе и успѣлъ только самъ-четвертъ уйти во владѣнія короля прусскаго.

Въ сендомирскомъ воеводствѣ генералъ-майоръ Суворовъ разбилъ значительную шайку конфедератовъ и взялъ у нихъ 5 пушекъ.

«Теперь главная куча, писалъ князь Волконскій, коей число назначить нельзя, а думаютъ тысячъ до двухъ, находится близъ венгерскихъ границъ, подъ командою Пулавскихъ и прочей сборной братьи». Противъ нихъ былъ направленъ отрядъ подполковника Древица. Совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ отрядовъ были уничтожены главныя шайки мятежниковъ, но конфедераты «шатаются по десяти и по двадцати человѣкъ и немилосердно грабятъ, писалъ князь Волконскій, но за ними никакой возможности нѣтъ угоняться, а особливо, когда лѣсъ распустится; впрочемъ, я не надѣюсь теперь, чтобы послѣ всѣхъ сихъ пораженій могли они опять огромадиться большимъ числомъ, по крайней мѣрѣ скоро» [2]).

IV.

Всѣ замѣшательства, происходившія въ Польшѣ, по мнѣнію нашего правительства, не вели насъ ни къ какой потерѣ. Графъ Панинъ находилъ, что Россія ничего не потеряетъ, оставляя еще на нѣкоторое время польскія дѣла ихъ собственному *«без-*

рятъ, что онъ, удерживая ихъ въ тишинѣ, спасаетъ и имѣніе ихъ отъ разоренія шатающихся мятежниковъ (см. депешу отъ 19 (30) марта, № 28).

[1]) Волконскій Панину 15 (26) апрѣля 1770 г., № 40.

[2]) Волконскій Панину 15 (26) апрѣля 1770 г., № 40.

путному теченію, которое, истощаясь само собою, приближится къ пункту того *перелома* или лучше сказать той *вялости»*, которою Волконскій могъ воспользоваться, имѣя предварительно нѣсколькихъ себѣ преданныхъ. Екатерина не боялась посторонних интригъ. По мнѣнію ея, они истощали только поляковъ, силившихся всѣмъ шайкамъ дать форму генеральной конфедераціи. Правда, саксонскій дворъ употреблялъ всѣ средства къ усиленію своей интриги въ Польшѣ, но отъ глазъ Екатерины не укрылось то, что Франція, какъ и всегда, разсыпала болѣе свои ласковыя слова и подговоры, «нежели деньги, въ которыхъ она нынѣ излишества конечно не имѣетъ». Французскій *«вертлявый»* дворъ только кокетничаетъ съ польскимъ дворомъ, говорилъ Панинъ.

«Мы наиважнѣйшее уже пережили, писалъ онъ князю Волконскому[1]), когда по новости военной конъюнктуры возможно было давать мѣсто опасности въ неизвѣстныхъ и непредвидѣнныхъ оборотахъ. Теперь дѣла вошли въ свое теченіе и довольно показываютъ, что Россія, дѣйствуя сама собою и своими собственными и истинными интересами, много можетъ (сдѣлать)». Зачѣмъ намъ самимъ еще болѣе напрягать замѣшательство польскихъ дѣлъ? спрашивалъ онъ, «и не отважимъ ли мы тѣмъ больше какому либо неизвѣстному обороту, тѣ предметы нашей политической, въ независимости отъ постороннихъ дворовъ, системы, которыхъ лучшее сохраненіе равно сопрягается съ славою дѣлъ ея императорскаго величества, какъ и съ непосредственными всегдашними интересами нашей имперіи, а особливо, если безъ всего того представляется разумная вѣроподобность, что въ настоящей формѣ дѣйствій нашихъ, могутъ польскія дѣла приходить въ свою натуральную слабость. Будущія наши, противъ турокъ операціи, конечно, много тутъ еще споспѣшествуютъ».

Петербургскій дворъ находилъ необходимымъ предоставить поляковъ собственному ихъ произволу. Чарторыжскіе отвлекали короля отъ Россіи только потому, что намѣрены были обезпечить свое положеніе въ управленіи республикою и хотѣли привлечь на свою сторону дворы вѣнскій и французскій. Достигнувъ этого они, естественнымъ образомъ, одерживали побѣду надъ приверженцами саксонскаго двора, Мнишкомъ и Потоцкимъ, ихъ заклятыми врагами. Послѣднимъ, потерявъ надежду на содѣйствіе австрійскаго и французскаго дворовъ къ низверженію настоящаго короля, не оставалось, по мнѣнію Панина, ничего другого, какъ «сбавить съ себя цѣны» и соединиться съ Волкон-

[1]) Отъ 3-го апрѣля 1770 года.

скимъ, для совокупнаго дѣйствія противъ Чарторыжскихъ. «Пожалуйте, ваше сіятельство, распространите свое примѣчаніе на сію новую сцену, если она дѣйствительно представится» писалъ графъ Панинъ. Можно было думать, что Чарторыжскіе начнутъ тогда свои исканія у англійскаго двора, но Панинъ и тутъ старался предупредить ихъ. Зная, что лондонскій кабинетъ желаетъ быть посредникомъ этого дѣла, графъ Панинъ объявилъ англійскому послу, что Россія не можетъ надѣяться «примирить дѣла содѣйствіемъ Чарторыжскихъ, испытавъ досконально, что они хотятъ не внутренняго въ своемъ отечествѣ примиренія, но употребляютъ все свое коварство, чтобы, средствомъ настоящаго ихъ замѣшательства, опровергнуть и разрушить все то, что не по ихъ желанію и безъ ихъ содѣйствія нами въ Польшѣ установлено [1])».

Послѣ такого категорическаго отвѣта Вругтонъ, англійскій министръ въ Варшавѣ, явился къ Волконскому съ объясненіемъ, что имѣетъ повелѣніе своего двора поступать во всемъ согласно съ русскимъ министромъ. Вругтонъ былъ искренній пріятель короля и Чарторыжскихъ и потому на его содѣйствіе намъ полагаться было нечего.

Перемѣна въ поведеніи короля, происшествія, происходившія въ самой Польшѣ, заставили императрицу дать новыя наставленія князю Волконскому.

«Правда, упорство и легкомысліе короля польскаго — писала императрица Екатерина [2]) — предлагаютъ успѣху дѣлъ нашихъ не малыя препоны и кажутъ видъ, что онъ, забывъ благодѣянія наши и собственную свою безопасность на престолѣ, не только ослабѣваетъ въ преданности своей къ интересамъ россійскимъ, но и явно уже противу оныхъ дѣйствуетъ, по руководству коварныхъ своихъ дядей, кои его осязательнымъ образомъ употребляютъ простымъ орудіемъ собственнаго своего властолюбія, вперя ему въ мысли мечту возвращенія къ себѣ національной любви и довѣренности, купно и большей впредь свободы быть отечеству своему полезнымъ. Но и то съ другой стороны неоспоримая же истина, что сія стариковъ Чарторыйскихъ ухватка, короля въ разсужденіи насъ въ развратъ, а съ мятежниками польскими въ нѣкоторое видимое согласіе, приводящая, не можетъ для него и для нихъ самихъ произвесть никакого полезнаго дѣйствія, кромѣ того, что погрузитъ обѣ стороны въ большее еще недоумѣніе несообразимостію тѣхъ видовъ, кои одними и другими дѣйствуютъ, и кои сами по себѣ въ принципіяхъ своихъ весьма разнственны.

«Мы понимаемъ, что все сіе долженствуетъ умножать заботы и упражненія ваши, поколику тѣмъ отъ часу болѣе затрудняется порученная вамъ негоціація примиренія Польши и приведенія ея къ нашимъ видамъ; но въ тоже время думаемъ, что временнымъ и неестественнымъ сближеніемъ разнообразныхъ

---

[1]) Панинъ Волконскому 3-го апрѣля 1770 года.

[2]) Кн. Волконскому въ рескриптѣ отъ 31-го марта 1770 года.

мыслей, исполняется мѣра, и дѣла берутъ мало по малу склоненіе свое къ тому кризису, гдѣ имъ конечной переломъ воспослѣдовать имѣетъ.

«Возможно ли себѣ представить, чтобъ виды короля польскаго, дядей его, саксонскаго двора, возмутителей польскихъ, — которые всѣ ему преданы, — и враждующей намъ Франціи, всѣ порознь къ особливому своему концу текущія, могли нынѣ вдругъ въ персонѣ короля, послѣднимъ тремъ равно ненавистнаго, взять общее свое сотеченіе?

«Пускай король торжествуетъ мнимымъ своимъ геройствомъ, скоро увидитъ онъ и увѣрится, что оно тщетно, и влечетъ его на край гибели, развѣ тамъ удержитъ его одно наше покровительство, когда онъ самъ заблужденія мыслей и поступковъ своихъ познавать начнетъ; ибо будучи единожды поставленъ волнующеюся частью націи за предметъ всей ея ненависти, а въ другой части, коя по сю пору въ покоѣ остается, не имѣя собою никакого кредита, не найдетъ онъ конечно способа, ни въ первой истребить сіе предубѣжденіе, ни другую, какъ еще въ корпусъ несоединившуюся, прямо рѣшить въ свою пользу.

«Первая часть націи, руководствуясь съ одной стороны тою ненавистью, коя равномѣрно въ высшей степени и на Чарторыйскихъ распространяется, а съ другой инфлюенціею курфирста Саксонскаго, который всѣ свои силы напрягаетъ къ перенесенію на себя короны польской, съ главы Станислава-Августа, не можетъ конечно перемѣнить образа мыслей своихъ въ разсужденіи его, безъ потерянія вовсе протекціи саксонской, слѣдовательно и безъ разрушенія самаго бытія своего; ибо оное на ней одной имѣетъ основаніе и центръ свой.

«Справедливость разсужденія сего нельзя кажется ничѣмъ оспорить потому, что инако возмутители принуждены были-бъ, приставая къ королю, лишиться всякой другой помочи, и отдаться безмолвно въ волю, или лучше сказать, совершенное порабощеніе его и фамиліи его, которая систематическимъ своимъ властолюбіемъ готовитъ всей націи оковы.

«Саксонскій дворъ не престанетъ также до конца удерживать ихъ отъ такого, собственному ихъ бытію, противнаго поступка, потому что съ онымъ разрушилась бы и вся его для переду надежда; Чарторыйскимъ же въ успѣхѣ оной ввѣриться, оставляя и родство между ими и королемъ толь ближнее, не позволитъ ему никогда благоразумная политика въ разсужденіи нынѣшнихъ его партизановъ.

«По всему сему выходитъ такое натуральное заключеніе, что сколько король, по лукавымъ совѣтамъ дядей своихъ, ни будетъ стараться о примиреніи съ мятущеюся частію націи, оное въ самомъ дѣлѣ имъ никогда достигнуто быть не можетъ, чего ради до времени того перелома въ дѣлахъ, который изъ сихъ самыхъ тщетныхъ стараній скорѣе произойти долженствуетъ, и надобно намъ оставаться въ разсужденіи его съ нѣкоторою умѣренностію, дабы, во всемъ противнымъ поведеніемъ, не отнимать у него всей для переду надежды, а въ разсужденіи возмутителей дѣйствовать всѣми силами, и бить ихъ гдѣ тому удобность представится, не давая имъ нигдѣ утвердиться, и составить нѣчто цѣлое и казистое, корпусъ республики представляющее, чтобъ онымъ по наущенію Франціи и саксонскаго двора престолъ вакантнымъ объявленъ быть не могъ.

«Низверженіе нынѣ царствующаго короля, сколь ни мало надеженъ онъ для имперіи нашей по персональному своему характеру, не можетъ однакожъ никоимъ образомъ согласовать ни съ славою, ни съ интересами нашими, потому что допущеніемъ онаго, — въ пользу ли курфирста Саксонскаго, или же кого другого, — подвергнулись бы мы предъ свѣтомъ ложному мнѣнію, что либо сѣверная наша система сама по себѣ несостоятельна, или же, что инфлюенція

наша въ Польшѣ противу французской устоять не могла по недостатку естественныхъ силъ Россіи, слѣдовательно же и по невозможности удѣлить изъ нихъ во время войны съ турками столько, чтобъ они первое, одною Россіею воздвигнутое политическое зданіе отъ паденія охранить могли.

«Сіе неудобство равно для насъ, въ разсужденіи кого ни случилось бы, ибо тутъ уже не персона и состояніе ея уважаемы будутъ отъ публики: но одна отъ насъ вынужденная уступка подвигамъ другихъ державъ; но оставляя и сіе, положимъ, чтобъ мы сами, по неблагодарности короля польскаго, рѣшились лишить его короны, и доставить оную кому либо другому, кого же бы тутъ избрать, чтобъ націи генерально угоденъ, а интересамъ нашимъ не противенъ былъ и намъ въ примиреніи Польши съ пользою и успѣхомъ способствовать могъ? Курфирста Саксонскаго именно и точно исключаетъ сѣверная, нами за основаніе всей нашей политики единожды навсегда принятая система, и многіе вслѣдствіе ея предъ симъ заключенные трактаты и учиненныя торжественныя деклараціи; напротивъ чего всякой другой Піястъ, съ безславіемъ уничтоженія собственнаго нашего дѣла, соединялъ бы въ себѣ всѣ тѣже, а можетъ быть и вящія еще неудобности, кои мы съ нынѣшнимъ королемъ повстрѣчали; слѣдовательно же какъ и употребляемый для него трудъ и убытокъ были-бъ существительно всуе употребленными, такъ и мы вмѣсто настоящаго нашего желанія, скорѣе по лучшей возможности успокоить Польшу, завели бы въ ней новыя дѣла, всѣмъ такимъ же трудностямъ и заботамъ существительнымъ и политическимъ подвергаемыя, каковыя мы уже единожды превозмогли въ разсужденіи Польши возстановленіемъ избранія Піяста, для отвращенія входимой въ привычку общей политики прехожденія короны польскія въ саксонскомъ домѣ.

«Намъ здѣсь излишне напоминать всѣ тѣ вообще, на всѣ времена интересу нашей имперіи свойственныя уваженія, по которымъ мы рѣшились освободить польскую корону изъ саксонскихъ рукъ. Вы сами присутствовали въ державныхъ у насъ совѣтахъ, и слѣдовательно вамъ извѣстны всѣ тогдашнія наши положенія; довольно теперь только то одно повторить, что саксонскій дворъ всегда дорого платилъ, и нынѣ драгоцѣнно же старается купить польскую корону, дабы ею украшаться на время жизни только одной персоны. Не видное покушеніе обратить ее въ наслѣдственную себѣ въ тридцатилѣтнемъ царствованіи Августа Третьяго, не можетъ конечно удостовѣрить существительное бытіе таковой мечты; а способствовало тутъ безпрестанное, и слѣдовательно перемѣнное легкомысліе министерства саксонскаго, съ случившимися тогда частыми же перемѣнами въ конъюнктурахъ европейскихъ, пропшедшихъ изъ наслѣдственной прагматики австрійскаго дома, слѣдствіе которой неоспоримо распространялось и до самой существительной причины послѣдней войны. Саксонскій же дворъ, бывъ все то время своимъ легкомысліемъ переводимъ изъ системы въ систему, не имѣлъ ни свободы, ни времени помышлять объ истинномъ своемъ интересѣ въ коронѣ польской. Король небрегущій, а министерство роскошамъ и сластолюбію преданное, безъ труда могли прожить тридцать лѣтъ, не помышляя съ важностію о томъ, что долгъ и польза требуетъ. Итакъ, совершенство интереса саксонскаго двора въ пріобрѣтеніи польской короны есть и будетъ въ томъ, чтобъ достигнуть до утвержденія ея себѣ въ наслѣдство; а собственный и непремѣнный интересъ Россіи заграждать къ тому пути при самомъ началѣ. Мы знаемъ, что могутъ настоять въ политической связи временные и такіе дѣлъ положеніи, когда, оставляя въ недѣйствіи непремѣнные интересы, надо повиноваться случайнымъ и происходящимъ изъ настоящихъ обстоятельствъ: но мы, возсылая сердечное благодареніе Богу, благословляющему дѣла наши, не находимъ нашу имперію въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

«Франція, видя неудачу свою въ Швеціи, такъ же и со стороны военныхъ дѣйствій порты Оттоманской, станетъ отнынѣ всемѣрно съ сугубымъ вниманіемъ прилежать къ Польшѣ, дабы тамъ сугубыя намъ пакости строить, почему опять и можетъ весьма вѣроятно быть, что она, постигнувъ политику Чарторыйскихъ, избрала ихъ, а чрезъ нихъ и короля, племянника ихъ, въ новыя лукавства своего орудія, не для того, чтобъ ими надѣялась вовсе превозмочь надъ нами въ сѣверѣ, но для того только, чтобъ разпложая наши хлопоты, останавливать насъ въ успѣхахъ нашихъ противъ турокъ, и не допускать сѣверной системы до желаемой нами зрѣлости. Нельзя разсудительнымъ образомъ думать, чтобъ она въ умноженіи польскихъ замѣшательствъ, и въ удаленіи отъ насъ варшавскаго двора, болѣе что замышляла, ибо министерство ея, а особливо дюкъ Шоазель, кои толикою злобою пылаютъ противу превышающей нашей инфлюенціи, не могутъ не понимать, что скоро или поздо долженствуемъ мы однакожъ взять въ Польшѣ верхъ.

«Основываясь на сей истинѣ, взираемъ мы съ нѣкоторою индиферентностію и на папскія въ Польшѣ разсѣваемыя *бревы*. Можетъ легко статься, что они дѣло французскаго двора; но и то опять невѣроятно представляется намъ, что выходили ихъ, съ помощію онаго, одни князья Чарторыйскіе, въ поманку и какъ бы въ награду королю, племяннику ихъ, за мнимое его геройство въ собраніи *сенатусъ консиліума* (сенатскаго совѣта), кое имъ для собственныхъ ихъ видовъ столь нужно и полезно, дабы со временемъ на всѣ стороны сдѣлаться надсбными и строителями всѣхъ дѣлъ.

«Слава и достоинство наше взыскиваютъ напротивъ того уничтожить въ конецъ сію ихъ мечту, да и все ихъ вредное высокомѣріе; на ущербѣ же оныхъ основать прочнымъ образомъ тишину и покой Польши. Вамъ отчасти извѣстны уже о томъ намѣренія наши, и такъ отнынѣ имѣетъ быть долгомъ бдѣнія и министерства вашего согласовать имъ всѣ ваши поступки.

«Въ индиферентности нашей къ папскимъ грамотамъ утверждаемся мы тѣмъ болѣе, что они, сколько ни ослѣплены поляки фанатизмомъ, не имѣя за собою физическаго подкрѣпленія, не возмогутъ произвести никакихъ дальнихъ слѣдствій, кромѣ одного при чтеніи ихъ, минутнаго *распаленія зыбкихъ польскихъ духовъ*, да и то тогда и тамъ только, гдѣ не случится на нихъ достаточныхъ уемщиковъ; впрочемъ же останутся они для будущихъ временъ однимъ монументомъ папской политики, *которая вездѣ, подъ маскою вѣры, внѣдряться ищетъ для распространенія власти своей: но миновали уже тѣ бѣдственныя времена, когда государи и народы всѣ трепетали ватиканскихъ стрѣлъ*, и поляки, при всемъ своемъ ослѣпленіи, не единожды уже по другимъ дѣламъ небоязненно возставали противу оныхъ.

«Когда мы были намѣрены сей нашъ рескриптъ повелѣть къ вамъ отправить, получали мы, чрезъ резидента Псарскаго, своеручное письмо отъ короля польскаго, которое было препровождено письмомъ отъ него же къ нашему дѣйствительному тайному совѣтнику графу Панину. Онъ сообщитъ къ вамъ копіи и съ того и съ другого, а вы сами увидите изъ онаго, къ какому новому у насъ покушенію лукавые старики Чарторыйскіе его завели. Мы, относя сіе къ тому же общему королевскому ослѣпленію, заблагоразсудили отвѣтствовать ему отъ нашего собственнаго лица, поручая здѣсь вамъ оной ему вручить, также съ препровожденіемъ отвѣтнаго письма отъ графа Панина; а какъ и съ того и съ другого для вашего свѣдѣнія копіи здѣсь же включены будутъ, то вы сами же найдете, что вамъ не будетъ нужды при вручепіи его величеству ни о чемъ дальнѣйшемъ отъ себя къ нему отзываться, удовольствуйтесь только ему сказать, что наше письмо вы ему представляете въ отвѣтъ на то, которое онъ

къ намъ прислалъ чрезъ своего резидента. Вы конечно не оставите ни тутъ на мѣстѣ, ни послѣ чрезъ ваши каналы дѣлать примѣчаній, съ какимъ движеніемъ наше письмо принято будетъ, и какія послѣ того дѣйствія окажутся какъ въ самомъ королѣ, такъ и въ князьяхъ Чарторыйскихъ. Но еслибъ при принятіи отъ васъ письма, или нѣсколько дней потомъ, его величество съ вами какимъ либо образомъ, по содержанію сей нашей переписки, говорить сталъ, то вы, сообразуяся тогда съ его отзывами, имѣете ему точно подтвердить отъ нашего имени, что покамѣсть коварствомъ, столь имъ самимъ въ разныя времена испытаннымъ, своихъ дядей Чарторыйскихъ онъ руководствуемъ будетъ, и они, въ отмщеніе намъ за его предпочтеніе къ коронѣ польской предъ ихъ фамиліею, а особливо предъ самимъ воеводою русскимъ, которой, какъ ему самому извѣстно, почти наканунѣ его избранія, хотѣлъ ее незапно у него схватить, имъ съ погубленіемъ его самого дѣйствовать будутъ, намъ другого не остается, какъ одно о немъ сожалѣніе. Нашихъ же силъ и ресурсовъ конечно столько станетъ, чтобы намъ однимъ спасти истинную республику польскую отъ систематическихъ цѣпей деспотизма тѣхъ стариковъ. Напрасно его величество покрываетъ ихъ коварное имъ руководство законами установленнаго ему совѣта. Мы разнство того достаточно проникаемъ и вѣдаемъ совершенно, что ихъ отъ него отдаленіе обратитъ къ нему знатную часть націи, и не разрушитъ его законнаго совѣта, и что тогда только польскія дѣла признаны будутъ всею публикою дѣлами самого короля; а до тѣхъ поръ, оставаясь въ ихъ рукахъ, онъ всегда будетъ считаться однимъ орудіемъ ихъ партизанскаго коварства. Вы сіе наше внушеніе можете распространить и соединить со всѣми тѣми, которые вы при разныхъ случаяхъ ему дѣлали, какъ они же самые, равно и наше къ королю письмо, могутъ вамъ служить здѣсь въ дополненіе нашихъ правилъ и наставленій, для вашего собственнаго руководства, по которымъ вы сообразоваться будете со всякими новыми въ вашемъ мѣстѣ происшествіями, и тѣмъ въ состояніи найдетесь поспѣшествовать и производить дѣла наши.»

Получивъ рескриптъ императрицы, князь Волконскій отправился къ королю. Понятовскій старался защитить своихъ дядей.

— Они ничего противнаго не сдѣлали Россіи, говорилъ король, а стараются о благоденствіи Польши. Ея величество, когда узнаетъ ихъ чистыя мысли, то превратитъ свой гнѣвъ на милость.

— Покамѣсть ваше величество будете руководствуемы своими дядями, отвѣчалъ Волконскій, то ея величеству не останется ничего иного, какъ сожалѣть о васъ, а для спасенія республики отъ ихъ сѣтей, силъ ея и ресурсовъ всегда достанетъ.

Король не отвѣчалъ и только съ удивленіемъ пожалъ плечами.

— Они мнѣ родня и не могу ихъ бросить, говорилъ король въ другой разъ Волконскому.

— Несмотря на родство, отвѣчалъ посолъ, воевода русскій чуть-было не похитилъ у васъ корону, какъ то вамъ памятно. По сему можно заключить, что и впредь не вамъ, а себѣ добра они желаютъ и ищутъ, хотя бы то было и съ вашею пагубою.

— Воевода русскій по своему чину, богатству и кредиту имѣлъ равное преимущество со мною претендовать на корону, но понеже воля ея императорскаго величества выборомъ меня, а не другого исполнилась, то объ старомъ и упоминать нечего.

— Если вы сами признаете избраніе ваше дѣломъ ея величества, то для чего не хотите слѣдовать мѣрамъ, предпринимаемымъ ею для удержанія васъ на тронѣ, и согласиться на отрѣшеніе отъ совѣта людей, приводящихъ васъ ко злу.

— Все хорошо пойдетъ, а отъ дядей своихъ отстать не могу [1]), проговорилъ король.

Съ уходомъ Волконскаго Понятовскій тотчасъ же поѣхалъ къ канцлеру литовскому. Тамъ собранъ былъ его совѣтъ, которому король и передалъ весь свой разговоръ съ нашимъ посломъ. Одинъ изъ Чарторыжскихъ, и именно воевода русскій, былъ крайне опечаленъ этимъ извѣстіемъ.

— Надобно быть твердымъ и терпѣливымъ, кричали всѣ остальные члены совѣта особенно канцлеръ литовскій и князь Любомирскій. Черезъ эти двѣ добродѣтели все преодолѣется. Мы не находимъ себя виноватыми передъ ея императорскимъ величествомъ, и только одно время можетъ открыть нашу невинность.

Король былъ настолько убѣжденъ этими словами, что, въ залогъ своей вѣрности и тѣснѣйшаго соединенія съ своими совѣтниками, приказалъ директору варшавскаго монетнаго двора графу Унру выбить слѣдующую медаль: «съ одной стороны представляется портретъ его величества, а съ другой корабль, носимый бурею, между каменными горами и угрожаемый перунами. На кормѣ онаго сидящій значитъ (представляетъ) самаго короля, а шестеро гребцовъ—его совѣтниковъ: воеводу русскаго, канцлера литовскаго, великаго маршала короннаго князя Любомирскаго, бывшаго канцлера короннаго графа Замойскаго, вице-канцлера короннаго Борка, и вице-канцлера литовскаго Пржездецкаго, изъ коихъ каждаго гербъ изображенъ на ихъ щитахъ. Оныхъ медалей выбито золотыхъ шесть, кои и розданы отъ короля тѣмъ его совѣтникамъ, яко залогъ ихъ ненарушимой твердости и соединенія, и все сіе въ великомъ отъ ея величества и отъ насъ хранится секретѣ [2])».

«Сія новая исторія, продолжалъ кн. Волконскій, довольно показываетъ, что его величество ни мало не думаетъ отстать отъ своихъ совѣтниковъ, а отзывы его въ публикѣ, такожъ

---

[1]) Волконскій Панину 4 (15) мая, № 46.

[2]) Секретное письмо Волконскаго Панину отъ 20 (31) мая.

послѣ уже полученія писемъ, въ томъ состоятъ, что онъ скорѣе согласится потерять корону, нежели съ нами соединиться съ ними разлучась, и что твердость и терпѣніе все преодолѣваютъ. Правда, что воевода русской, какъ разумнѣйшій изъ нихъ, присылалъ ко мнѣ два раза и въ разговорѣ старался извиняться, что они ни мало не намѣрены были погрѣшить противъ ея императорскаго величества, а еще меньше что либо неугодное ей дѣлать; но всѣ сіи забѣги я ни во что ставлю, и если опять ихъ въ милость у насъ принять, то мы навсегда надежду потеряемъ, какъ малое число теперешнихъ нашихъ партизановъ сохранить, такъ и впредь новую партію набрать; а они Чарторыжскіе никогда отъ своихъ проектовъ неограниченнаго властолюбія не отстанутъ».

«Мнѣ кажется по всему поведенію королевскому, писалъ князь Волконскій въ другомъ донесеніи [1]), что онъ отъ дядей своихъ никогда не отстанетъ, а по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мы насильно не разлучимъ, и наказывая ихъ на имѣніяхъ, не принудимъ отсюда совсѣмъ въ свои деревни выѣхать. Власть, кою они взяли надъ его величествомъ, неограниченна. Безъ ихъ совѣта онъ слова не можетъ сказать, а главный между ими маршалъ коронный, водя обоихъ Чарторыжскихъ за носъ, и бывъ первымъ намъ врагомъ, часъ отъ часу всѣхъ ихъ заводитъ далѣе и теперь, видится мнѣ, время ихъ попроучить, дабы они больше пакостей не надѣлали. Если сіе апробовано будетъ, то я осмѣлюсь представить, чтобы въ деревняхъ канцлера литовскаго, кои лежатъ большею частію близь нашихъ границъ, повелѣно было г. Кару доходы и контрибуціи собрать; а притомъ какъ у него весьма много нашихъ бѣглыхъ, то можно не только ихъ забрать, но и принудить еще заплатить оставляемые ими тамъ дома, и посѣянный въ землѣ хлѣбъ.

«Маршалъ коронный лучшія деревни имѣетъ въ сендомирскомъ воеводствѣ, и я здѣшними войсками въ нихъ управлюсь. Одинъ только воевода русской меня затрудняетъ. Онъ по своей дряхлости не долго, думаю, поживетъ, и съ чувствительностію смотритъ на всѣ здѣшніе обороты, но такожъ обузданъ маршаломъ коронным своимъ зятемъ, и его совѣтамъ слѣдуетъ, а сынъ его князь Адамъ, предвидя, что Чарторыжскіе, заслуживая отъ часу гнѣвъ ея императорскаго величества, подвержены будутъ несчастію, напередъ уже проситъ меня, чтобъ имѣнія воеводы русскаго были пощажены, или по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время то отложено было, надѣясь что онъ долго не

[1]) Гр. Панину отъ 4 (15) мая, № 42.

протянетъ, а можетъ быть, видя надъ своею роднею опыты, и самъ не захочетъ больше въ дѣла мѣшаться, а удалится въ деревни. Прочіе же ихъ соучастники, увидя происходящее надъ Чарторыжскими, и сами всѣ отстанутъ, развѣ одного Борка повелѣно будетъ попроучить, а деревни его лежатъ такожъ близь нашихъ границъ въ Лифляндіи, куда изъ Риги можно бы послать войска.»

Получивъ это послѣднее увѣдомленіе князя Волконскаго, императрица Екатерина приказала отправить въ Польшу, по направленію къ Минску, генералъ-майора Кара со вновь сформированнымъ въ Смоленскѣ с.-петербургскимъ легіономъ.

Генералъ-майору Кару приказано было: 1) въ деревняхъ благонамѣреннаго и въ покоѣ живущаго дворянства не брать ничего даромъ, а за все платить чистыми деньгами; 2) съ деревень помѣщиковъ сомнительнаго поведенія и съ монастырей, выписывать и брать нужное пропитаніе безденежно, но подъ квитанціи, и 3) съ противниковъ и явныхъ возмутителей, не только хлѣбъ и фуражъ собирать даромъ, «но и денежныя еще контрибуціи выписывать».

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Панинъ [1]) полагалъ, относительно совѣтниковъ короля, поступить такъ: деревни канцлера литовскаго и маршала короннаго, какъ главныхъ всему злу виновниковъ, отнести ко 2-й или 3-й категоріи, по усмотрѣнію генералъ-поручика Веймарна, «а воеводу русскаго или до времени въ покоѣ оставить или же и коснуться до него, но только съ нѣкоторымъ передъ первымъ облегченіемъ, дабы его тѣмъ между страха и надежды поставить и имѣть свободу далѣе размѣрять поступки свои по собственному его обращенію. Можетъ быть для обузданія ихъ всѣхъ довольно будетъ сего посредства, особливо же, когда бы первые двое, видя къ себѣ толь чувствительную отмѣну, вздумали добровольно оставить дворъ, а съ нимъ и всѣ дѣла, ибо тѣмъ однимъ и нарушился бы весь ихъ толь вредный ковъ».

Приведя въ исполненіе эту мѣру и получивши о томъ запросъ отъ короля, Веймарнъ долженъ былъ отвѣчать о причинахъ его и приступить къ тому слѣдующимъ образомъ.

«Что какъ ея императорское величество, съ одной стороны къ крайнему своему сожалѣнію видитъ, что неблагодарные и коварные князья Чарторыжскіе, съ маршаломъ короннымъ и прочими ихъ наперсниками, не перестаютъ употреблять во зло умѣренность ея, продолжая непремѣнно во злостномъ и пагубномъ своемъ заговорѣ противу такого дѣла, которое собственную

[1]) Панинъ Веймарну 19 іюня.

ея славу, безопасность королевскую на престолѣ, да и самое бытіе отечества ихъ въ вышнемъ градусѣ интересуетъ, а съ другой, въ тоже время, оружіе ея явно дѣйствуетъ противу явныхъ мятежниковъ, кои въ существѣ не иное что, какъ одни только внѣшнія орудія того ненавистнаго заговора, то и не можетъ она, безъ погрѣшенія предъ собственнымъ своимъ правосудіемъ, сносить долѣе, чтобъ главные и единственные продолжители всему злу отвалились одни безъ ощущенія общей тягости, что потому, истощя всѣ средства милосердія и кротости, нашлась она, противъ воли и склонности, принужденною употребить въ разсужденіи ихъ мѣры строгости, дабы тѣмъ людей, кои собственной корысти и властолюбію всѣмъ на свѣтѣ жертвуютъ, поставить въ несостояніе вредить ихъ собственному отечеству средствомъ своего достатка. Что собственное его польскаго величества благосостояніе и твердость на престолѣ требуютъ отъ него оставить заблужденіе свое, и, оставляя ихъ собственному жребію, возвратиться опять къ покровительству ея императорскаго величества, которое одно по сю пору ограждаетъ его отъ всѣхъ навѣтовъ; что всѣ конфедераціи будучи прямо противу его составлены, а Чарторыжскіе и Любомирскій имѣя съ ними дѣйствительное и безпосредственное сношеніе, можетъ ли онъ ихъ съ благоразуміемъ признавать инако, какъ сущими своими, и тѣмъ еще опаснѣйшими врагами, что кроются подъ маскою преданности и властвуютъ всѣми его начинаніями, и что напослѣдокъ, по всему тому, всемилостивѣйшая государыня изволитъ поставлять ихъ отнынѣ въ одномъ классѣ съ преслѣдуемыми оружіемъ ея мятежниками, и какъ таковыхъ повелѣла вамъ и дѣйствительно трактовать, пока они прямо неотступятъ отъ своего столь злодѣйскаго, сколь и мечтательнаго предположенія, возвысить безпредѣльную свою власть на разрушеніи всенародной вѣры, вѣрности и вольности своего отечества».

Скоро Чарторыжскіе узнали, что генералъ-майоръ Каръ собираетъ свѣдѣнія о ихъ деревняхъ и доходахъ. Первое время вся фамилія «*оробѣла*», но потомъ стали разсказывать, что все это дѣлается для того только, чтобы попугать ихъ, и что на самомъ дѣлѣ ничего не будетъ; что «хотя бы и забрали теперь доходы ихъ, но впредь оные возвратятся имъ со сторицею». Король былъ также сначала очень встревоженъ этимъ извѣстіемъ, но потомъ успокоился и ѣздилъ каждый день на конференціи къ Чарторыжскимъ. «Сожалѣю, писалъ графъ Панинъ генералъ-поручику Веймарну [1]), что сей государь далъ себя такъ далеко

[1]) Отъ 11 августа 1770.

свести съ истиннаго пути собственной его пользы, и что столь мало надежды остается къ возвращенію его на лучшій образъ мыслей: но что дѣлать! надобно его до времени оставить въ семъ заблужденіи, а между тѣмъ стараться удерживать его на престолѣ, каковъ онъ ни есть, до самой крайности».

Чарторыжскіе ошиблись однако же въ своихъ предположеніяхъ. Веймарнъ приказалъ брать безденежно какъ провіантъ, такъ и фуражъ съ деревень: великаго канцлера литовскаго князя Чарторыжскаго, великаго маршала короннаго князя Любомирскаго, еще канцлера короннаго Борка и литовскаго Преждецкаго. Управителямъ этихъ деревень строжайше запрещено что либо доставлять ихъ владѣльцамъ; лошади, оружіе и всякая боевая аммуниція были взяты изъ деревень выше названныхъ лицъ.

V.

По законамъ польской республики, лѣтомъ 1770 г., долженъ былъ быть созванъ ординарный сеймъ. Король, по обыкновенію, писалъ о томъ письма ко всѣмъ сенаторамъ и министрамъ. Письма эти были отправлены тайно отъ Волконскаго, который узналъ о нихъ спустя уже нѣкоторое время.

— Я съ удивленіемъ слышу, говорилъ нашъ посолъ Понятовскому, о приготовленіи къ сейму, котораго кажется ни предпринять безъ согласія, ни предъуспѣть въ ономъ безъ нашего содѣйствія нельзя,—я не надѣялся, чтобы ваше величество были доведены вашими совѣтниками до того, чтобы скрываться и въ этомъ отъ насъ.

— Я вовсе не совѣтниками до того доведенъ, отвѣчалъ король, а поступилъ такъ, чтобы узнать мнѣніе сенаторовъ по поводу этого сейма. Впрочемъ, всякій хозяинъ воленъ въ своемъ домѣ, хотя и случается, что у него на квартиру поставлены солдаты. Согласіе, о которомъ вы говорите, значило точное мое вамъ подданство....

— Не видится въ томъ никакого подданства, замѣтилъ Волконскій. Намѣреніе ея величества состоитъ въ удержаніи васъ на тронѣ и въ успокоеніи Польши, а для этого предмета и войска ея находятся въ сей землѣ, слѣдовательно и о мѣрахъ, служащихъ къ достиженію этого конца, намъ условливаться подлежитъ. Безъ того я, не будучи извѣстенъ ни о чемъ вами предпринимаемомъ, не сдѣлаю распоряженій, и войска наши въ силу прежнихъ повелѣній могутъ сеймовыя собранія почесть за возмутительныя и на томъ основаніи ихъ трактовать. Если сол-

даты ставятся на квартиру для безопасности хозяина, то благоразуміе требуетъ, чтобы онъ предупреждалъ ихъ обо всемъ, что онъ заблагоразсудитъ дѣлать въ своемъ домѣ, дабы, отъ незнанія тѣхъ солдатъ, собственные его поступки не обратились иногда ему во вредъ, и такое сношеніе ни мало не значитъ подданнической зависимости хозяина.

— Вы однако со мною ни въ чемъ не соглашаетесь, говорилъ король въ укоръ Волконскому,—когда распоряжаетесь операціями вашихъ войскъ.

— Соглашенію этому нельзя быть, ибо ваше величество ввѣряете все генерально своимъ совѣтникамъ, а изъ нихъ нѣкоторые, бывъ въ сношеніи съ возмутителями, о всемъ ихъ увѣдомляютъ и тѣмъ даютъ имъ способы уничтожать предпринимаемыя нами противъ нихъ мѣры.

Произнося это, Волконскій намекалъ на короннаго маршала, который черезъ подкоморжаго люблинскаго, Длусскаго, переписывался съ конфедератами.

— Отчего вы тѣхъ сообщниковъ возмутителей не назовете? спросилъ король.

— Если ихъ назвать, то и наказать надобно будетъ, отвѣчалъ князь Волконскій; къ чему, впрочемъ,—время еще не ушло, прибавилъ онъ.

Король самъ не надѣялся на то, чтобы сеймъ могъ состояться. Днемъ собранія его было назначено 15 (26) августа, а по новой конституціи королевства универсалы должны были быть выданы за три мѣсяца впередъ, т.-е. 15 (26) мая. Король этого не сдѣлалъ, время было пропущено и сеймъ не могъ быть собранъ, «а развѣ вздумаетъ его величество, доносилъ Волконскій, нарушая явно новую конституцію, по старой оный созвать, т.-е. къ 1-му сентября» [1]).

По положенію дѣлъ нельзя было ожидать никакой пользы отъ сейма, а напротивъ того вредъ, ибо сеймиковыми сборищами могли воспользоваться злонамѣренныя лица и составить конфедерацію. Волконскій принялъ мѣры къ тому, чтобы не допустить собраніе сеймиковъ, если бы король затѣялъ держать ихъ по старой конституціи.

Въ сентябрѣ король заявилъ Волконскому, что Польшу успокоить можно только тогда, когда будетъ уничтожено все, что постановлено на послѣднемъ сеймѣ.

— Отступитесь ли вы отъ диссидентовъ и гарантіи? спрашивалъ онъ.

---

[1]) Волконскій Панину 20 (31) мая, № 53.

Волконскій отвѣчалъ отрицательно и удивлялся такому вопросу.

— Безъ этого мы никогда не успокоимъ Польши, отвѣчалъ король.

— Это неправда, если только ваше величество съ своими совѣтниками не станете портить дѣла, отвѣчалъ Волконскій. Усмиреніе это можетъ очень скоро воспослѣдовать, когда вы отстанете отъ нихъ и снова чистосердечно прибѣгнете къ покровительству ея величества. Она одна удерживаетъ васъ на тронѣ, и не отнимаетъ своей руки помощи въ томъ вниманіи, что на все зло наведены своими наперсниками, и что вы, признавъ ихъ за источникъ всѣхъ несчастій, бросите ихъ, какъ достойныхъ презрѣнія, и исправите свое противъ насъ поведеніе, дѣлая и сносясь во всемъ со мною, а не тайно, какъ учинили въ послѣдній разъ, отправивъ подъ большимъ секретомъ курьера въ Англію.

— Совѣтники мои люди добродѣтельные, разумные и патріоты, —отвѣчалъ король, не отрицая своей посылки курьера въ Англію.

Чарторыжскіе между тѣмъ хлопотали объ усиленіи своего кредита между поляками. Они распускали по Варшавѣ ложные слухи, если только слухи эти могли быть для нихъ выгодны. Такъ разсказывали, что король уступаетъ принцу Генриху прусскому Молдавію и Валахію; что король прусскій опредѣлилъ уже на утвержденіе его въ семъ владѣніи отрядъ войскъ своихъ въ 30 т. человѣкъ; что принцъ Генрихъ поѣхалъ уже въ Петербургъ для рѣшительнаго окончанія этого дѣла. Въ другомъ концѣ Варшавы разсказывали, что версальскій и вѣнскій дворы обѣщали оказать помощь Польшѣ и что переговоры объ этомъ ведутся черезъ брата короля, генерала Понятовскаго. Легко вѣрившіе всякаго рода слухамъ готовы были вѣрить и посторонней защитѣ, какъ вдругъ по столицѣ разлетѣлось совершенно противуположное извѣстіе, что пять полковъ австрійскихъ, войдя въ границы Польши, протянули свои кордоны отъ Бѣлицъ до Стараго Сондеча, выгнали изъ этого округа всѣхъ конфедератовъ и запретили имъ подходить къ границамъ, а для предосторожности поставили вездѣ орлы (свои знаки). Поляки встревожились, а когда получили извѣстіе, что австрійцы «рекомендовали» всѣмъ обывателямъ тѣхъ мѣстъ платить доходы своимъ помѣщикамъ, какъ прежде платили,—тогда поляки окончательно взволновались и думали, что вѣнскій дворъ хочетъ отобрать себѣ какъ Ципское староство, такъ и всѣ мѣста, занятыя кордономъ [1]).

[1]) Волконскій Панину 11 (22) сентября, № 58.

Между тѣмъ на тайныхъ совѣщаніяхъ короля съ князьями Чарторыжскими составленъ былъ планъ примиренія, проектъ котораго былъ отправленъ въ Петербургъ и Лондонъ. Составители внесли въ него посредничество католическихъ державъ, съ цѣлію увеличить свою власть. Графъ Панинъ не соглашался на посредничество католическихъ державъ и объявилъ англійскому послу, что о Чарторыжскихъ и слышать не хочетъ.

Англійскій министръ въ Варшавѣ, Вругтонъ, искренній пріятель *всей фамиліи*, явился тогда къ Волконскому съ желаніемъ оправдать Чарторыжскихъ предъ нашимъ посломъ. Волконскій на всѣ убѣжденія Вругтона отвѣчалъ, что поступки Чарторыжскихъ такъ ясны и стараніе увеличить свою власть и значеніе, въ ущербъ вольности польскаго народа, столь очевидны, что они разъ навсегда отъ насъ брошены [1]).

Вругтонъ обѣщалъ пересказать все это Чарторыжскимъ.

Понятовскій увѣрялъ, что о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ сообщаетъ графу Панину черезъ Псарскаго. Получивъ отрицательный отвѣтъ, Волконскій укорялъ Понятовскаго въ несправедливости его словъ.

— Коли то не правда, такъ быть тому такъ, проговорилъ онъ, сконфуженный, Волконскому.

«Ваше сіятельство, прибавлялъ къ этому Волконскій Панину, можете изъ сего одного примѣра заключить, сколь могу я полагаться на слова его величества и подавать вѣру его обѣщаніямъ и увѣреніямъ».

Спустя недѣлю послѣ этого свиданія король пригласилъ къ себѣ Волконскаго, которому и показалъ письмо, писанное имъ императрицѣ и въ Англію. Понятовскій говорилъ, что готовъ отказаться отъ посредничества католическихъ державъ, и жаловался на то, что Волконскій ни о чемъ не хочетъ входить въ сношеніе съ нимъ и съ его министрами.

— Совѣтники эти не учреждены закономъ, отвѣчалъ Волконскій. Въ противность польскихъ правъ, они хотятъ сдѣлаться точно такими же министрами, какъ бываетъ то въ монархіяхъ.

Волконскій убѣждалъ короля оставить своихъ совѣтниковъ, которые влекутъ его въ бездну.

— Я предпочитаю, отвѣчалъ Понятовскій, лучше отъ нихъ пропасть, нежели съ ними разстаться.

Король всѣми силами старался оправдать своихъ дядей и выставить ихъ заслуги.

---

[1]) Волконскій Панину 29 сентября (10 октября), № 67.

— Они ничѣмъ не заслужили гнѣва ея величества, повторялъ онъ безпрестанно.

Волконскій въ отвѣтъ на это перечислилъ всѣ ихъ поступки: созваніе сенатскаго совѣта, исканіе у непріязненныхъ намъ дворовъ дружбы и наконецъ настоящее ихъ поведеніе [1]). Онъ упомянулъ при этомъ и о манифестѣ, объявляющемъ междуцарствіе и доказывающемъ, что король держится на тронѣ единственно только поддержкою русскаго правительства [2]).

— Нація давно считаетъ тронъ вакантнымъ, замѣтилъ нашъ посолъ, а ваше величество не хотите одуматься и прибѣгнуть для своего спасенія къ покровительству императрицы, отставъ отъ совѣтниковъ, ведущихъ къ погибели.

Король молча пожалъ плечами.

Дѣятельность Чарторыжскихъ становилась тяжела многимъ полякамъ.

Въ Литвѣ Чарторыжскихъ также всѣ ненавидѣли, но дѣйствовать открыто боялись, потому, что не вѣрили еще, что они оставлены Россіею. Сильно желая ихъ паденія, каждый боялся возстать противу нихъ, зная, что король находится въ ихъ рукахъ, и потому фамилія Чарторыжскихъ имѣетъ всѣ средства, чтобы отмстить противникамъ самымъ жестокимъ образомъ.

Съ своей стороны Чарторыжскіе не дремали. Канцлеръ литовскій всѣми средствами старался удержать свое вліяніе въ Литвѣ. Имѣя въ трибуналѣ и во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ своихъ приверженцевъ, онъ такъ овладѣлъ ими, что даже трибунальскіе декреты составлялъ самъ и посылалъ въ Литву изъ Варшавы.

Хотя Чарторыжскіе черезъ своихъ пріятелей и старались распустить повсюду слухи, что страдаютъ за вѣру и вольность отечества, которую отнимаютъ у нихъ русскіе, но это мало помогало имъ; большинство поляковъ все-таки ненавидѣло и въ тайнѣ искренно желало ихъ паденія. Примасъ, епископъ куявскій Островскій, воевода поморскій Флемингъ, воевода калишскій Твардовскій, воевода подляхскій Гоздскій и коронный кухмистръ Понинскій составили оппозиціонную партію. Впослѣдствіи къ нимъ хотѣлъ присоединиться и графъ Масальскій, епископъ виленскій.

«Не знаю, писалъ Волконскій [3]), примется ли онъ столь жарко за дѣло, какъ говоритъ, но изъ словъ его видно, что

---

[1]) Волконскій Панину 29 сентября (10 октября), № 67.
[2]) Волконскій Панину 30 сентября (11 октября), № 69.
[3]) Волконскій Панину 17 (28) декабря, № 101.

Чарторыжскіе весьма ему горьки стали и что онъ имѣетъ желаніе вступить въ наше предпріятіе по крайней мѣрѣ (для того), дабы надъ ними отомститься».

28 сентября (9 октября) Понинскій отъ имени всѣхъ явился къ князю Волконскому съ объявленіемъ, что они, видя несчастіе своего отечества и признавая, что оно безъ помощи Россіи избавлено быть не можетъ, «желаютъ сочинить партію подъ протекціею ея императорскаго величества» и просятъ только о томъ, чтобы Екатерина приняла ихъ въ свое покровительство и защитила ихъ отъ непріятелей. Съ своей стороны они обѣщали, по мѣрѣ силъ и возможности, стараться объ увеличеніи своей партіи и ничего безъ согласія князя Волконскаго не дѣлать [1]).

Волконскій обѣщалъ исходатайствовать покровительство не только имъ, но и всѣмъ ихъ послѣдователямъ.

«Сіе происшествіе есть слѣдствіемъ начинающейся въ публикѣ довѣренности, писалъ обрадованный этимъ нашъ посолъ [2]), что Чарторыжскіе серьозно отъ насъ брошены, и я льщу себя, что съ помощію времени предъуспѣю еще больше сію партію усилить, можетъ быть имѣющій сюда быть Масальской, епископъ виленской, къ оной такожъ пристанетъ, да и Мнишекъ чаятельно рѣшится сюда также пріѣхать. Сброду же не хочу я еще допускать, дабы Чарторыжскіе прежде времени не свѣдали, и не употребили бы своихъ свойственныхъ коварству своему способовъ для свѣданія, что у насъ происходить будетъ, и для отклоненія отъ сего дѣла желающихъ къ тому приступить».

Король, узнавъ о происходившемъ у примаса совѣщаніи, призвалъ къ себѣ, поодиночкѣ, сначала воеводу калишскаго, а потомъ графа Флеминга.

— Что вы за совѣтъ держите? спрашивалъ король съ сердцемъ воеводу калишскаго. До меня дошло, что первымъ условіемъ вашихъ совѣщаній было низверженіе мое съ престола.

— Это не правда, отвѣчалъ Твардовскій. Мы, видя, что отечество погибаетъ, что вы сами въ опасности, намѣрены искать способъ, подъ протекціею Россіи, какъ успокоить Польшу, такъ и ваше величество утвердить на престолѣ.

— Думали бы вы о себѣ, замѣтилъ съ презрѣніемъ король, а я для своей безопасности мѣры уже самъ принялъ.

Съ графомъ Флемингомъ король разговаривалъ иначе, «съ нѣкоторою униженностію», зная его, какъ человѣка весьма твердаго по характеру.

---

[1]) Волконскій Панину 29 сент. (10 октября), № 66.

[2]) Тамъ же.

— Видя нерадѣніе вашего величества объ отечествѣ, говорилъ графъ Флемингъ Понятовскому, и заблужденіе, въ которое вы заведены своими совѣтниками, вознамѣрились мы спасти Польшу при помощи Россіи. Что же касается лично до вашего величества, то не только мы не думали о низверженіи съ престола, но что напротивъ того русскій посолъ поставилъ намъ первымъ условіемъ удержаніе васъ на престолѣ [1]).

Составившаяся такимъ образомъ оппозиція не нравилась ни королю, ни Чарторыжскимъ. Волконскій, а съ нимъ вмѣстѣ и графъ Панинъ, старались ее поддерживать, и въ виду предложенныхъ турками мирныхъ переговоровъ съ Россіею, торопились объ окончаніи польскихъ дѣлъ, съ цѣлію изъять «заранѣе изъ среды сей камень претыканія».

Для успокоенія страны графъ Панинъ видѣлъ одно средство — удаленіе Чарторыжскихъ отъ дѣлъ, и считалъ достаточнымъ къ тому побужденіемъ—безденежный сборъ въ ихъ деревняхъ доходовъ, провіанта и фуража. Мѣры эти, по словамъ графа Панина, должны были увѣрить какъ Чарторыжскихъ, «что они мѣру терпѣнія нашего превзошли, такъ и публику всю, что Россія признала уже ихъ безпосредственными своими недоброжелателями и, таковыхъ наказывая, до тѣхъ поръ преслѣдовать будетъ, пока они вовсе отъ дѣлъ не отрекутся и не переселятся въ уединенную жизнь».

Петербургскій кабинетъ надѣялся, что Волконскій воспользуется ненавистью и злобою къ Чарторыжскимъ многихъ польскихъ магнатовъ, и, привлекши ихъ на нашу сторону, «перенесетъ на нихъ все руководство дѣлъ».

Графъ Панинъ предлагалъ князю Волконскому залучить поскорѣе въ Варшаву воеводу кіевскаго и графа Мнишка, войти съ ними и съ примасомъ въ непосредственные переговоры и соглашенія, «убѣждая ихъ въ томъ, какъ персональнымъ самолюбіемъ, такъ и славою спасенія отечества ихъ, которое лукавствомъ и происками непріятелей ихъ приведено къ самому краю отверстой пропасти».

Панинъ говорилъ, что онъ поименно назвалъ этихъ лицъ только потому, что примасъ былъ самъ главнымъ «*инструментомъ*» установленной въ послѣдній разъ конституціи, за что и получилъ настоящее званіе, а первые два потому, что Волконскій имѣлъ уже съ ними переговоры. Впрочемъ въ Петербургѣ были увѣрены, что найдутся и еще нѣкоторыя лица, которыя готовы будутъ пристать къ нашей партіи, а чѣмъ больше мы

[1]) Волконскій Панину 1 (12) октября, № 70.

пріобрѣтемъ людей, склонныхъ дѣйствовать въ нашу пользу, тѣмъ тверже и опредѣленнѣе могли быть наши поступки. «Самолюбію, писалъ съ этою цѣлію Панинъ [1]), можетъ льстить ясно и живо имъ представляемая перспектива совершеннаго, единожды навсегда изгнанія съ театра публичныхъ дѣлъ Чарторыжскихъ и наперсниковъ ихъ, а напротивъ того собственнаго ихъ на то мѣсто возвышенія и преданія въ ихъ руки всей возможной власти и управленія дѣлъ въ отечествѣ, которое имъ цѣлостію и избавленіемъ своимъ одолжено будетъ.

«Сомнѣнія ихъ противу существа и событія ихъ обѣтовъ, можно будетъ достаточно упредить и рѣшить точнымъ и яснымъ навсегда присвоеніемъ имъ высочайшаго покровительства, и сильной помочи всемилостивѣйшей государыни, которая никогда не перемѣняетъ даннаго слова и постоянно держится одинаковыхъ правилъ.

«Если обстоятельства и польза дѣлъ востребуютъ, не вижу я никакой препоны заранѣе постановить бы съ ними и опредѣлить съ точностію тѣ выгоды, которыя примасъ, Потоцкій и Мнишекъ, себѣ самимъ и надежнѣйшимъ ихъ пріятелямъ выговорить захотятъ, съ перенятіемъ на здѣшній дворъ выхлопотать имъ оныя отъ короля польскаго, ибо сей государь, по совершенномъ отъ него отлученіи коварныхъ его дядей и совѣтниковъ, конечно скоро познаетъ заблужденіе свое и предастся опять въ покровительство ея императорскаго величества.

«Надо только въ первыхъ вашихъ съ сими новыми шефами изъясненіяхъ точно и ясно утвердить за начало и основаніе будущаго ихъ съ нами дѣла, чтобъ о коронѣ польской, при жизни нынѣ царствующаго и одною Россіею возведеннаго короля, отнюдь не помышлять и сей струны никакимъ образомъ не трогать, потому что въ сохраненіи его польскаго величества на престолѣ, интересованы *въ вышнемъ градусѣ* персональная слава и достоинство ея императорскаго величества, которыхъ она никогда и ни для чего нарушить не согласится; въ чемъ настоящая война самое убѣдительное доказательство преподаетъ.

«По таковомъ сего вопроса очищеніи, скажу я касательно до прочихъ подробностей и самаго существа новоначинаемой операціи, что прежде апробованная ея императорскимъ величествомъ о гарантіи изъяснительная декларація, которую лукавые Чарторыжскіе, по собственнымъ только своимъ видамъ, за достаточную къ успокоенію націи признать не хотѣли, и послѣдовавшія вамъ за оною высочайшія чрезъ меня предписанія,

[1]) Волконскій отъ 28 сентября 1770 года.

весьма достаточны къ опредѣленію и размѣру по временамъ тѣхъ началъ и правилъ, кои въ настоящемъ случаѣ цѣлью и руководствомъ служить должны.

«Вы давно уже ихъ въ полномъ пространствѣ обняли, но для большей ясности, и чтобъ многое прежде трактованное сократить въ точные предѣлы, войду я здѣсь съ вами въ разсмотрѣніе главныхъ только статей послѣдняго польскаго сейма, кои намъ одни и нужны.

«Кардинальные на ономъ постановленные законы, для вольности и твердости формы польскаго правленія, сами по себѣ полезны и надобны, что повидимому и сомнѣваться бы не надлежало, что всѣ благоразумные и прямо безпристрастные поляки сохраненію ихъ въ цѣлости и безъ нашего побужденія рады будутъ. Постарайтесь однакожъ вложить сію неоспоримую и очевидную истину въ головы и объятыхъ предъубѣжденіями людей, а особливо новыхъ нами избираемыхъ шефовъ, и вразумляйте ихъ наипаче, что они одержаніемъ и подтвержденіемъ кардинальныхъ законовъ окажутъ отечеству своему величайшее одолженіе, къ собственной своей въ ономъ, никогда не увядаемой славѣ, да и запечатлѣютъ еще тѣмъ въ роды родовъ посрамленное властолюбіе стариковъ Чарторыжскихъ, которые возстали и кричали противу сихъ законовъ не по внутреннему своему о вредности ихъ удостовѣренію, но единственно по злобѣ и зависти къ дѣлу рукъ персональныхъ ихъ непріятелей, обуздавшему ихъ вредные и опасные замыслы, на вольность и равенство въ республикѣ.

«Ограниченіе власти гетмановъ, подскарбіевъ и другихъ министерскихъ чиновъ, а напротивъ того учрежденіе разныхъ комисій, суть для насъ вещи весьма индиферентныя, слѣдовательно же какъ оныя, такъ и другія имъ подобныя въ гражданскихъ распорядкахъ перемѣны, бывъ отъ насъ прежде попускаемы и поставляемы въ цѣну главныхъ нашихъ намѣреній, могутъ и нынѣ, по собственному вашего сіятельства усмотрѣнію, таковымъ же образомъ употребляемы быть къ поспѣшествованію желаемаго въ другихъ пунктахъ.

«О гарантіи нашей въ разсужденіи диссидентовъ прежде уже довольно изъяснено, что она будучи въ пользу третьяго, не далѣе потому самому и распространяться долженствуетъ, какъ поелику сей третій самъ въ пользу свою ей мѣсто даетъ. На семъ основаніи и повторяю я, что не будетъ отъ насъ препятствія и затрудненія добровольному соглашенію между самими диссидентами и новосозидаемою нашею партіею, подъ руководствомъ примаса, воеводы кіевскаго и графа Мнишека, если

ваше сіятельство искусствомъ и попеченіемъ вашимъ предъ-успѣете согласить ихъ въ одно и привесть къ явному дѣйствованію. Пускай они тогда полюбовно между собою договариваются о какихъ-либо отъ диссидентовъ умѣренныхъ уступкахъ, напримѣръ добровольнымъ ихъ отрицаніемъ отъ соучастія въ сенатѣ и опредѣленіемъ точнаго чина, въ каковомъ имъ участвовать на сеймахъ, въ трибуналахъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ, а особливо во владѣніи староствъ съ гродами. Намъ для сохраненія предъ публикою лица нужно то одно, чтобъ соглашеніе въ семъ случаѣ происходило и совершилось безъ видимаго въ ономъ соучастія нашего, и чтобъ еще диссиденты не всего и навсегда уже лишены были, ибо инако совершеннымъ ихъ исключеніемъ отъ законодательства и судебной власти, состояніе ихъ сдѣлалось бы хуже прежняго, и было уже, законнымъ образомъ, превращено въ сущее моральное небытіе, вмѣсто того что предъ симъ было оно только слѣдствіемъ насильственнаго утѣсненія, и по крайней мѣрѣ оставляло утѣсненнымъ право протестовать противу насильства. Ваше сіятельство можете изъ сего сами легко натуральное сдѣлать заключеніе, что какъ съ одной стороны вамъ ненадобно будетъ, въ качествѣ посла ея императорскаго величества, явно мѣшаться въ полюбовное соглашеніе диссидентовъ съ католиками, но оставлять оное наружно собственному своему теченію; такъ съ другой, тѣмъ не меньше, способствовать оному для пользы дѣлъ искусными и приличными, къ мѣсту и кстати, тѣмъ и другимъ, внушеніями, а особливо удержаніемъ подъ рукою посредства и справедливой мѣры, въ требуемыхъ и дозволяемыхъ отъ диссидентовъ уступкахъ. Проницаніе и прозорливость вашего сіятельства откроютъ лучше на мѣстѣ ту дорогу, которою вамъ, для сближенія сихъ двухъ крайностей, шествовать надобно будетъ безъ компрометрованія ни качества вашего въ публикѣ, ни главнаго нашего дѣла, предъ легкомысленными польскими головами, въ скорѣйшемъ и совершенномъ успокоеніи польскихъ замѣшательствъ, которое само по себѣ изъ дня въ день нужнѣе становится».

Волконскому объявлено, что прусскій дворъ будетъ дѣйствовать въ Польшѣ въ томъ же направленіи и что представитель его въ Варшавѣ получитъ такія же инструкціи. Нашему послу вмѣнялось въ обязанность чаще сноситься съ нимъ и не упускать ничего, даже и маловажнаго, къ тому, чтобы привести къ окончанію польскія замѣшательства.

«Еслибъ окончаніе хлопотъ здѣшнихъ зависѣло единственно отъ ревности моей къ службѣ, писалъ Волконскій [1]), и отъ без-

[1]) Панину 15 (26) октября, № 74.

мѣрнаго желанія сдѣлаться достойнымъ высочайшей милости, я бы ни здоровья, ни жизни на то не пощадилъ; но по несчастію обстоятельства суть таковаго рода, что, съ которой стороны ни обращайся, вездѣ препятствія происходятъ изъ одного источника, то-есть персоны королевской, и которыя тѣмъ труднѣе преодолѣть, что онъ не только не способствуетъ съ своей стороны къ доставленію успѣха, въ семъ столь нужномъ и столь благополучномъ для Польши дѣлѣ, но напротивъ съ наперсниками своими все то дѣлаетъ, что только вредить оному можетъ, идя вопреки предпринимаемому мною, и чуждаясь во всѣхъ своихъ поступкахъ отъ меня, какъ бы отъ непріятеля, несмотря и на то, что генеральная въ націи къ нему ненависть можетъ уменьшена быть только чрезъ насъ однихъ.

«Ваше сіятельство сами изволите заключить, что желаемое успокоеніе Польши не мало зависитъ и отъ перемѣны образа его мыслей, въ которые вовлекли и содержатъ его обузданнымъ лукавые его дяди и наперсники. Предъуспѣть въ томъ инако нельзя, какъ чтобы онъ самъ отъ совѣтниковъ отставъ со мною согласно дѣйствовалъ, или ихъ съ нимъ противъ его желанія разлучить, въ первомъ и надежды никакой нѣтъ; ибо онъ при всякомъ случаѣ наотрѣзъ мнѣ говоритъ, что лучше корону и жизнь согласится потерять, нежели ихъ оставить (которое и самымъ дѣломъ оправдываетъ); слѣдовательно стараніе мое обращаю я на то, чтобы Чарторыжскихъ и ихъ наперсниковъ съ нимъ разлучить. Начатое въ ихъ деревняхъ поученіе потревожило ихъ нѣсколько, не перемѣнило однако-жъ ихъ поведенія, и хотя и то правда, что старики Чарторыжскіе попріуныли, но маршалъ коронный съ Боркомъ воюетъ по прежнему, и я думаю, что принуждены мы будемъ ихъ отсюда вывесть насильно.

«До сего времени не упускалъ я въ публикѣ разглашать всего того, что-бы могло на нихъ страхъ навести, а непріятелей ихъ отъ часу больше ободрять; получа-же послѣднее вашего сіятельства повелѣніе, поручилъ я графу Флемингу пересказать воеводѣ русскому, что въ скоромъ времени не отъ меня уже зависѣть будетъ сбереженіе его имѣній, если онъ самъ непредупредитъ и отсюда не выѣдетъ, склоняя къ тому и другихъ, кои могутъ еще себя и свои деревни спасти, ежели чины сложатъ, и отсюда такожъ удалятся. Въ слѣдствіе чего вчера графъ Флемингъ сказывалъ мнѣ, что онъ съ воеводою русскимъ говорилъ, и тотъ старикъ охотно совѣтъ Флемингова принялъ, и хочетъ отсюда въ свои деревни выѣхать и совсѣмъ отъ дѣлъ отстать. Флемингъ-же думаетъ, что и другой старикъ канцлеръ чинъ сложитъ, и также удалится, а отъ прочихъ, особливо коронаго

маршала и Борка онъ, Флемингъ, того не надѣется; въ такомъ случаѣ, ежели старики удалятся, а коронной маршалъ и Боркъ не перемѣнятъ своихъ кондуитовъ, то можно ль ихъ взять такъ какъ Солтыка съ товарищи».

«Думать должно, писалъ въ отвѣтъ на это гр. Панинъ [1]), что они (Чарторыжскіе) такимъ образомъ вовсе отбоярены будутъ безъ малѣйшаго съ нашей стороны послабленія, маршалъ коронный и вице-канцлеръ Боркъ, съ прочими, сами собой скоро уймутся и перестанутъ кричать, ибо они безъ Чарторыжскихъ могутъ ли что въ ихъ публикѣ значить? По крайней мѣрѣ не будетъ повидимому никакого неудобства обождать употребленіемъ противу нихъ равной или большей еще строгости, какова прежде съ Солтыкомъ употреблена была, до того времени какъ удаленіе Чарторыжскихъ откроетъ новую въ дѣлахъ карьеру, ибо тогда по свойству поведенія ихъ можно будетъ опредѣлить и приличнѣйшія средства къ обузданію ли онаго, или же къ совершенному ихъ самихъ удаленію, какъ людей ничѣмъ неисправляемыхъ и обнажившихся явными нашими злодѣями».

Хотя Понятовскій привыкъ съ малолѣтства безмолвно повиноваться волѣ Чарторыжскихъ, но, по словамъ Панина, все-таки «слава и ея императорскаго величества, и имперіи, отнюдь не могутъ дозволить, чтобъ онъ съ престола низверженъ былъ, въ слѣдствіе, въ пользу или свойственнѣе еще сказать въ невольную уступку, тому злостному и коварному заговору, которой съ самаго начала царствованія ея императорскаго величества составленъ и понынѣ еще ядовитѣйшимъ образомъ безпрерывно продолжается, противу собственной ея высочайшей персоны, и противу возвращаемаго мудростію ея, величества Россіи: то по симъ обоимъ уваженіямъ, а особливо по послѣднему, и надобно намъ, оставляя короля польскаго безъ всякой силы и участія въ правительствѣ при одной мечтѣ внѣшняго царскаго представленія, разрушить только лукавой его совѣтъ и соорудить на разсыпаніи его новую, сильную, надежную и отъ насъ однихъ зависимую партію».

Привлеченіе на нашу сторону противниковъ Чарторыжскихъ представляло также не малыя затрудненія. Хотя и казалось, что лишеніе Чарторыжскихъ нашей протекціи и покровительства должно было бы привязать къ намъ ихъ враговъ, но непримиримая ненависть послѣднихъ къ королю дѣйствовала во всѣхъ начинаніяхъ противниковъ, и даже не мало препятствовала имъ съѣхаться въ Варшаву.

---

[1]) Волконскому отъ 11 ноября.

«Я всѣ мои силы истощилъ, доносилъ Волконскій [1]), толкуя присутствующимъ здѣсь, какъ-то примасу и прочимъ, что какъ скоро Чарторыжскихъ мы удалимъ, и всѣ дѣла отдадимъ въ ихъ руки, то король шагу безъ нихъ сдѣлать не будетъ въ состояніи, хотя бы и хотѣлъ, и имѣя таковымъ образомъ дирекцію дѣлъ, они болѣе силы и могущества пріобрѣтутъ, нежели бы при чужестранномъ государѣ, коимъ головы у нихъ набиты, отзываясь при томъ со всякою твердостію, что ея императорское величество никогда не дозволитъ низверженіе нынѣ владѣющаго, и удерживать его станетъ противъ кого-бы то ни было».

Съ своей стороны Панинъ писалъ Волконскому [2]): «что хотя со временемъ его польское величество образумившись и прибѣгнетъ опять къ милости и покрову ея императорскаго величества, однакожъ онъ тогда, по извѣданному непостоянству характера его, не будетъ нами допущенъ до главной дирекціи въ дѣлахъ. Вы можете сіе именно и точно обѣщать шефамъ новосозидаемой партіи, какъ въ успокоеніе ихъ самихъ, такъ наипаче въ огражденіе собственной ихъ зависти и злобы противу Станислава-Августа, дабы такимъ образомъ они, при взятіи на свои руки дѣлъ, напередъ твердо увѣрены быть могли, что съ одной стороны никогда въ зависимость государя своего отданы не будутъ, какъ-бы онъ не перемѣнялъ уже поведеніе свое противу насъ, а съ другой, что и не попустимъ же мы низверженія его, хотя-бъ онъ и далѣе остался въ безразсудномъ своемъ упорствѣ; ибо какъ видимое его на престолѣ сохраненіе нужно для высочайшаго достоинства имперіи нашей, такъ напротивъ благоразуміе научаетъ содержать его отнынѣ, не взирая на образъ мыслей меньше или больше вѣтреной, въ крѣпкой уздѣ и подъ совершенною опекою тѣхъ изъ будущихъ нашихъ друзей, кои принимаемыя съ вашимъ сіятельствомъ мѣры и обязательства, запечатлѣютъ доброю вѣрою и истиннымъ патріотизмомъ».

Волконскій снова писалъ письмо къ Мнишку, приглашая его поторопиться пріѣздомъ въ Варшаву. Воеводу кіевскаго онъ надѣялся вызвать черезъ извѣстную кастеляншу Каминскую, которая сама пользовалась значительнымъ вліяніемъ, и съ которою Волконскій старался войти въ тѣсную дружбу.

Для лучшаго успѣха въ дѣлѣ, Екатерина пожаловала кастеляншѣ Каминской табакерку съ вензелевымъ именемъ императрицы, брильянтами украшенную и которая обѣщана была Каминской еще во время прошедшаго сейма за ея участіе въ дѣ-

---

[1]) Гр. Панину 15 (26) октября, № 74.
[2]) Отъ 11 ноября.

лахъ. Къ Мнишку, согласно съ просьбой Волконскаго, отправлено письмо императрицы съ обѣщаніемъ покровительства, если онъ будетъ дѣйствовать согласно ея намѣреніямъ. Оно было вызвано боязнію Мнишка, что обѣщанія, даваемыя Волконскимъ, могутъ быть не исполнены его преемникомъ. «Сіе заключеніе есть польское, прибавлялъ Волконскій, но въ ихъ головахъ не меньше оно имъ кажется основательнымъ». Въ заключеніе Волконскому дозволено обѣщать женѣ Мнишка портретъ Екатерины, который она всегда желала имѣть, если только мужъ ея приступитъ къ нашему дѣлу и «сдѣлается полезнымъ и дѣйствительнымъ орудіемъ къ успокоенію» страждущаго его отечества.

«Поляки, писалъ Волконскій, суть люди такого рода, что съ ними все можно будетъ сдѣлать когда съ начала, пріобрѣтешь ихъ довѣренность, а до оной дойти способнѣе всего лестію, величаньемъ, и таковыми отмѣнными знаками милости, кои и тщеславіе ихъ и корыстолюбіе удовольствываютъ».

Составленіе генеральной конфедераціи было, по мнѣнію Волконскаго и графа Панина, единственнымъ путемъ къ успокоенію Польши. Конфедерація могла заставить короля дѣйствовать согласно съ нами и отстранить наперсниковъ короля отъ занимаемыхъ ими должностей, еслибы они сами не пожелали ихъ оставить.

Графъ Панинъ находилъ возможнымъ приступить тогда только къ конфедераціи, когда будутъ приняты всѣ мѣры и заранѣе сдѣланы всѣ соглашенія. «Если начать генеральную конфедерацію, писалъ онъ, безъ предварительнаго по вышесказанному соглашенія, во всѣхъ частяхъ и подробностяхъ, и безъ точнаго съ первыми актерами опредѣленія приличныхъ на каждую рѣшеній, съ однимъ только генеральнымъ планомъ, конечно тогда родится изъ самаго лекарства большее возращеніе зла, ибо кто возможетъ уломать упрямство и предубѣжденіе цѣлой толпы, если непреодолимыми предъубѣжденіями зараженной, по крайней мѣрѣ единственно почти корыстію и лакомствомъ управляемой. Познавъ довольно нравъ господъ поляковъ, скажу я, и думаю безъ ошибки, что множество изъ нихъ очень скоро и легко приступитъ къ нашей конфедераціи, но не съ тѣмъ, чтобъ примиренію отечества прямодушно способствовать; но чтобъ тутъ голосомъ и кредитомъ своимъ торговать и продавать ихъ при каждомъ частномъ дѣлѣ сколько можно дорогою цѣною. Не станетъ конечно никакихъ денегъ, чтобъ ихъ всѣхъ такимъ образомъ закупить было можно, а безъ того допущеніе множества людей, которое впрочемъ для внѣшняго представленія и необходимо нужно, допустятся только безполезные и можетъ быть

еще и вредные крикуны и соблазнители простаковъ. Такимъ образомъ повторяю я, что, по моему мнѣнію, надобно напередъ, съ первыми отъ васъ самихъ избираемыми надежными и искусными актерами, согласиться во всѣхъ подробностяхъ, и опредѣлить на каждую часть точное рѣшеніе, дабы генеральная конфедерація не болѣе имѣла дѣла, какъ только сдѣланное уже для одной формы разсмотрѣть и дать на оное торжественнымъ своимъ приговоромъ послѣднюю санкцію, ибо въ семъ случаѣ каждый къ конфедераціи приступающій будетъ уже знать, что о чемъ именно постановлено, да и тѣ, кои съ вами въ предварительной негоціаціи главное участіе и руководство имѣть будутъ, получатъ тѣмъ самымъ и способъ приготовить друзей своихъ къ единогласію съ ними и свободу допустить до конфедераціи тѣхъ только, кои имъ по собственному о каждомъ свѣдѣнію, не подозрительны, или по крайней мѣрѣ не весьма сомнительны быть могутъ».

Волконскій опасался только того, что когда будетъ объявлена конфедерація и совѣтники короля будутъ удалены, но самъ онъ «по своимъ романесскимъ мыслямъ останется непоколебимъ», въ такомъ случаѣ что съ нимъ дѣлать будетъ? спрашивалъ нашъ посолъ. Графъ Панинъ обѣщалъ поддерживать Волконскаго внушеніями Псарскому, такъ чтобы тотъ могъ своими донесеніями королю открыть глаза Понятовскому на настоящее положеніе дѣлъ. «Неужели же, спрашивалъ въ свою очередь Панинъ, разные наши, но вдругъ чинимые и согласные отзывы, не сдѣлаютъ никакой импрессіи и послѣ того, когда племянникъ отъ дядей вовсе разлученъ будетъ» [1])?

Чтобы однакоже ни приходилось дѣлать съ самимъ Понятовскимъ, Волконскій рѣшился собрать своихъ партизановъ и объявить имъ, что пришло время принять мѣры къ спасенію отечества. Онъ намѣренъ былъ объяснить основанія, на которыхъ они могутъ открыть свои дѣйствія, подъ покровительствомъ Россіи.

Основанія эти были: 1) Король польскій остается неприкосновеннымъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сверженъ съ престола. 2) О гарантіи будетъ объявлена особая декларація. 3) «О диссидентахъ настоять я буду, писалъ Волконскій [2]), чтобы они конечно остались на основаніи учрежденія послѣдняго сейма и развѣ уже въ самой крайности и не видя надежды удержать, и то при происхожденіи дѣйствія, дамъ подъ рукою

---

[1]) Панинъ Волконскому отъ 11 ноября.

[2]) Волконскій Панину 15 (26) октября, № 74.

диссидентамъ выразумѣть, что можетъ быть дворъ нашъ и не учинитъ затрудненія добровольному ихъ между собою соглашенію на какія либо умѣренныя уступки».

Волконскому поручено внушить диссидентамъ, что изъ двухъ крайностей лучше ту избирать, «гдѣ надежно получается часть искомаго, нежели ту, гдѣ оно все неизвѣстности подвергается съ доскональнымъ разрушеніемъ самаго ихъ бытія отъ продолженія внутреннихъ замѣшательствъ [1])».

«Правда, писалъ Волконскій относительно кардинальныхъ законовъ [2]), что польза ихъ для самихъ поляковъ осязательно видна, но какъ выговорено объ нихъ, что ниже сама республика никогда и никакимъ образомъ перемѣнить ихъ не можетъ, то одна сія мысль заставляетъ пустыя польскія головы думать, что они начали уже быть невольниками, не могши впредь и цѣлымъ собраніемъ республики до оныхъ коснуться. Почему и неизвѣстно мнѣ еще теперь, какого о тѣхъ мнѣнія будутъ наши партизаны.

«Прочія всѣ матеріи, неизъясненныя въ трактатѣ, ниже въ сепаратныхъ актахъ, какъ-то гетманы, подскарбіи, коммиссіи и другія до распорядковъ гражданскихъ касающіяся матеріи, стану я отдавать, смотря по нуждѣ отъ нихъ что-либо выторговать, на ихъ волю. Можетъ быть, потребуютъ они, какъ то уже и прежде было, умноженія войска; то я прошу покорнѣйше ваше сіятельство дать мнѣ повелѣніе, соглашаться ли на то? а мнѣ кажется, что до 6000 можно дозволить, и что оное ни малѣйшей важности самолюбію для насъ не значитъ».

Для начатія конфедераціи Волконскій просилъ отпустить ему денегъ, такъ какъ изъ всей отпущенной ему суммы оставалось только 60 т. червонныхъ. Императрица приказала выдать Волконскому для этой цѣли 200 т. руб. [3]).

Отпуская деньги для расходовъ по составленію генеральной конфедераціи, Екатерина приказала сообщить князю Волконскому: не найдетъ ли онъ возможнымъ обойтись безъ конфедераціи, въ томъ вниманіи, что она стоитъ весьма дорого, а будетъ ли отъ того польза, еще неизвѣстно. Императрица поручила своему послу испытать сначала другія средства, менѣе тягостныя для Россіи и меньше «въ слѣдствіяхъ своихъ недовѣдомости и неудобствамъ подверженныя».

«Государыня императрица, писалъ графъ Панинъ [4]), состра-

---

[1]) Панинъ Волконскому 11 ноября.

[2]) Волконскій Панину 15 (26) октября, № 74.

[3]) Рескриптъ Волконскому отъ 7 ноября 1770.

[4]) Князю Волконскому отъ 11 ноября 1770 года.

дая человѣчеству, не можетъ себѣ вообразить, чтобъ моръ, голодъ, разореніе и разбой, коими Польша повсемѣстно почти бѣдствуетъ, не наскучили уже полякамъ, и чтобъ они всѣ вообще отъ мала до велика не рады были видѣть напастямъ отечества своего и своимъ собственнымъ скорой и совершенной конецъ. Въ семъ, человѣколюбію и великодушію ея величества толь свойственномъ предположеніи, изволитъ она далѣе разсуждать, что когда необходимость требуетъ гасить пожаръ деньгами, не легче ли и поспѣшнѣе будетъ постараться разсыпать или самой источникъ всего зла, отторженіемъ отъ теперешнихъ мелкихъ и частныхъ конфедерацій главныхъ зачинщиковъ и раздувателей пламени. Если по лучшему ваше сіятельство на мѣстѣ обозрѣнію дѣлъ и знанію какъ въ нихъ прямыхъ стязей, такъ и нравовъ разнообразно дѣйствующихъ людей, можетъ въ семъ случаѣ настоять вѣроятная къ успѣху возможность, то и надобно будетъ по высочайшей ея императорскаго величества волѣ сдѣлать напередъ всѣ нужныя и пристойныя попытки. Сіе самое не долженствуетъ однакожъ разстраивать прежде и единожды навсегда точно опредѣленнаго вида, чтобъ начать новое трактованіе дѣлъ собраніемъ и составленіемъ въ корпусъ сильной, надежной и единственно отъ насъ зависящей партіи, ибо безъ оной и безъ пріобрѣтенія себѣ ею напередъ въ публикѣ довольно видимой и ощутительной силы, напрасно кажется было бы и мыслить о успокоеніи Польши; напротивъ чего съ помощію ея можно будетъ тѣмъ или другимъ образомъ ожидать резонабельно желаемаго конца. Въ слѣдствіе того и долженствуетъ уже быть собственнымъ вашего сіятельства попеченіемъ, и предметомъ искусства и прозорливости вашей, начать работу съ той стороны, гдѣ оная, по локальнымъ удобностямъ, можетъ прикосновенна быть самой большой выгоды и надежности, а для здѣшняго мѣста довольно открывать вамъ только первыя идеи, и доставлять вамъ по онымъ, когда польза дѣлъ востребуетъ, всѣ нужные и достаточные способы. Въ семъ разумѣ сообщаю я вамъ здѣсь и другое ея императорскаго величества разсужденіе, чтобъ съ употребленіемъ ли денегъ, въ разсужденіи вышепоименованныхъ главныхъ зачинщиковъ и раздувателей огню, дабы ихъ оными отъ настоящихъ конфедерацій отторгнуть, или же и безъ такого употребленія, по другимъ обстоятельствамъ времени, положить съ нашей стороны мимо и прежде еще составленія нашей генеральной конфедераціи, какъ самаго послѣдняго и на крайность одну соблюдаемаго лекарства, явное и совсѣмъ безпосредственное начало къ примирительной негоціаціи, а по крайней мѣрѣ къ предъуготовленію для нея общихъ

и частныхъ мыслей. Не послужитъ ли тутъ полезнымъ орудіемъ чинимая отъ вашего сіятельства высочайшимъ именемъ и указомъ, формальная всѣмъ возмутительскимъ толкамъ декларація, въ такой силѣ: что ея императорское величество, для сбереженія рода человѣческаго и въ удостовѣреніе самыхъ мятежниковъ о святости ея намѣреній, изволила повелѣть объявить имъ торжественнѣйшимъ образомъ, что войска ея, отъ дня публикаціи перестанутъ ихъ преслѣдовать, если они по домамъ своимъ разойдутся и станутъ жить спокойно и что впрочемъ довольное время какъ имъ, такъ и всѣмъ другимъ оставлено будетъ,—напримѣръ цѣлой годъ, или менѣе по усматриваемому существу вещи, — для принятія, въ тишинѣ, безопасности и полной свободѣ, достаточныхъ мѣръ къ извлеченію отечества изъ бездны напастей, въ коихъ оно теперь погруженное утопаетъ, только бы, между тѣмъ, нигдѣ и никакой кучи въ собраніи не было чрезъ все время такого спасительнаго трактованія, къ которому вы какъ посолъ достаточно уже уполномочены и готовы, съ присылаемыми въ Варшаву депутатами, вступить безъ потерянія времени въ безпосредственные и полюбовные переговоры, обнадеживая напередъ, что вы съ своей стороны оныхъ ни мало затруднять не будете, и не отречетесь еще употребить въ посредство тѣхъ изъ магнатовъ, кои въ націи кредитъ и довѣренность имѣютъ. Цѣль наша въ семъ послѣднемъ пунктѣ идетъ прямо на графа Мнишека, если онъ въ согласіе съ доброю вѣрою пристанетъ, а инако можно будетъ по усмотрѣнію вашему и другихъ употребить, и то бы только со способностію и другими выгодами соединялъ достаточную для насъ надежность.

«Правда, такою вашею отъ имени ея императорскаго величества, къ самымъ мятежникамъ адресуемою декларацією, данъ будетъ вопреки прежнихъ нѣкоторой видъ къ признанію кучь ихъ въ качествѣ конфедераціи, слѣдовательно же и подъ сѣнью, если не законовъ, по крайней мѣрѣ древняго и почтеннаго обычая; но что дѣлать? Важность нужды можетъ оправдать уступку, только надобно вашему сіятельству напередъ, сколько можно болѣе, увѣриться, что жертва съ нашей стороны принесетъ пользу и послужитъ къ исполненію главнаго вида, то-есть успокоенія замѣшательствъ съ предохраненіемъ той знати и достоинства, кои мы въ польскихъ дѣлахъ одерживать обыкли, и которыя толь существительно нужны для имперіи нашей, ибо оному другія и внѣшнія уваженія натурально по самой возможности мѣсто уступить должны.

«По изъясненіи вашему сіятельству собственныхъ ея императорскаго величества разсужденій, которыми, однакожъ, всеми-

лостивѣйшая государыня ничего вамъ рѣшительнымъ своимъ повелѣніемъ предписывать не соизволяетъ, а предаетъ единственно ближайшему вашему усмотрѣнію и расположенію, по тѣмъ локальнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ дѣла ваши найтиться могутъ, къ лучшему и ближайшему поспѣшествованію желаемаго имъ окончанія, присовокуплю я здѣсь въ заключеніе одну къ статѣ мнѣ представляющуюся мысль. Вотъ она: извѣстное дѣло, что въ Польшѣ дѣла всѣ проистекаютъ и руководствуются отъ нѣкоторыхъ только магнатовъ, кои до того фаворомъ ли двора, превосходнымъ ли своимъ умомъ, или же протекціею другихъ дворовъ доходятъ, напротивъ чего наружно и въ глазахъ публики дѣйствуютъ оными другіе отъ нихъ зависящіе актеры. Мнѣ мнится потому, что хотя и удастся вамъ привлечь въ негоціацію съ собою нѣкоторую часть мятежниковъ, по повѣренности ли отъ цѣлыхъ ихъ кучъ, или же только самихъ по себѣ главныхъ предводителей, однакожъ тѣмъ не меньше въ существѣ надобно будетъ все дѣло напередъ основать и рѣшительно учредить съ тѣми изъ магнатовъ, кои въ партію нашу войдутъ, какъ напримѣръ съ графомъ Мнишекомъ и воеводою кіевскимъ, потому что они сами по себѣ, и по старымъ своимъ сопряженіямъ, не малой еще кредитъ сохраняютъ, и имѣютъ директно или индиректно несомнѣнную инфлюенцію во всѣхъ возмутительскихъ шайкахъ. Потомъ съ общаго съ вами согласія, и подъ вашимъ руководствомъ, и оставить имъ на попеченіе какъ склоненіе другихъ къ согласію, такъ и доставленіе публичнаго ихъ приступленія къ приготовленному уже между вами дѣлу, дабы вамъ затѣмъ не болѣе оставалось, какъ только, для сохраненія предъ публикою одной формы, войтить въ переговоры и немедленно на все согласиться, какъ бы на представленныя вамъ резонабельныя требованія».

Еще прежде полученія этого письма Волконскій предлагалъ возмутителямъ разойтись по домамъ, обѣщая ихъ не преслѣдовать, но ненависть конфедератовъ къ королю была столь велика, что предложеніе Волконскаго осталось безъ всякаго успѣха. Подкупить деньгами всѣхъ конфедератовъ не было никакой возможности, не говоря уже о томъ, что расходы въ этомъ случаѣ были бы еще значительнѣе, чѣмъ по составленію генеральной конфедераціи. Подкупить же отдѣльныхъ начальниковъ хотя и было возможно, но этимъ не достигалась цѣль успокоенія Польши. Еслибы въ королевствѣ осталось сто человѣкъ возмутителей, то сборище ихъ все-таки носило бы имя генеральной конфедераціи; «да ежели бы и вся Польша такимъ образомъ успокоилась, — доносилъ Волконскій, — чего и ожидать нельзя, то останется

еще въ туркахъ (у турокъ) маршалъ генеральной конфедераціи и генеральный региментарь съ совѣтниками, кои представляютъ во всей формѣ конфедерацію» [1]). Такимъ образомъ, первое предложеніе графа Панина оказывалось несостоятельнымъ на дѣлѣ. Переходя ко второму, къ объявленію декларації, также встрѣчались неудобства. Всѣ толпы конфедератовъ были наполнены прусскими и австрійскими дезертирами и разными бѣглыми людьми, которые всѣ существовали грабежемъ. Еслибы предводители сами лично и хотѣли послушать декларації, то они не знали бы что́ дѣлать съ своими шайками мародеровъ, среди которыхъ декларація принесла бы положительный вредъ, прибавивъ имъ нахальства и гордости, отъ убѣжденія, что она объявлена отъ нужды и недостатка силы. «Сверхъ того — доносилъ Волконскій,—главный пунктъ есть король, а пока у насъ война продолжается, то они всѣ льстятъ себя, что его какимъ-либо способомъ лишатся, уповая на постороннюю помощь».

8 (19) ноября король пригласилъ къ себѣ князя Волконскаго.

— Не имѣете ли вы какихъ новыхъ повелѣній отъ двора? спросилъ король.

— Давно уже никакихъ не получалъ, отвѣчалъ Волконскій.

Тогда король вынулъ изъ кармана бумагу.

— Я вамъ прочту экстрактъ одного письма, присланнаго мнѣ изъ Петербурга, проговорилъ Понятовскій.

Письмо было на французскомъ языкѣ и тутъ же прочтено Волконскому.

«Я просилъ его величество, чтобъ мнѣ ту бумагу отдалъ,— писалъ Волконскій [2]),—ибо я за слабостію памяти не могу всего не забыть, но онъ, не выпуская ея изъ рукъ, велѣлъ мнѣ писать и надиктовалъ по-нѣмецки слѣдующіе пункты:

«1) Учредите прежде все съ диссидентами. Здѣшній дворъ конечно не будетъ противенъ уничтоженію легисласій.

«2) Поговорите съ княземъ Волконскимъ и покажите ему склонность вашу поступить по видамъ императрицы. Будьте обнадежены, что она Польшу успокоить желаетъ.

«3) Потребуйте отъ него инструментъ декларацій о гарантіи, которой еще къ Репнину посланъ былъ, разсмотрите оной. Все, что въ немъ не ясно или сомнительно вамъ покажется, здѣсь никакого затрудненія не сдѣлаютъ оное перемѣнить.

---

[1]) Волконскій Панину 30 ноября (11 декабря), № 94. Въ Турціи дѣйствительно находился въ то время гр. Потоцкій въ качествѣ представителя конфедератовъ и ходатая за нихъ передъ Портою.

[2]) Гр. Панину 9 (20) ноября, № 82.

«4) Учредите все, что вамъ за полезно покажется для отечества, и реформуйте все, что не только съ 1766 года, но хотя и съ самоей елекціи сдѣлано, коль вамъ то угодно будетъ; только надобно во всемъ соглашаться съ Россіею, и сообщать интересованнымъ дворамъ. Потомъ зачинайте дѣло.

«5) Пускай Чарторыйскіе князю Волконскому покажутъ свое доброе намѣреніе поступать по желанію императрицы. Когда они то сдѣлаютъ, то могутъ быть обнадежены, что учиненная строгость по причинѣ ихъ систематическаго недѣйствія, обратится къ нимъ въ милость и благоволеніе.

«Король не хотѣлъ мнѣ сказать, отъ кого онъ получилъ сіе письмо, признаваясь только, что чрезъ Псарскаго; мнѣ же кажется, что писано оное отъ англійскаго у насъ посла. Я на каждый пунктъ отвѣтилъ его величеству порознь.

«На 1),—что съ диссидентами можно ему говорить, но нельзя ничего сдѣлать окончательнаго, пока главное дѣло не зачнется.

«На 2), — что ея императорское величество конечно ничего больше не желаетъ, какъ успокоить Польшу, и что весьма желательно, еслибъ онъ согласно съ нами поступалъ, дабы тѣмъ скорѣе можно было онаго достигнуть.

«На 3),—касательно до декларації я не сдѣлаю затрудненія ему сообщить, ибо и безъ того она ему уже извѣстна, и въ самомъ дѣлѣ отослалъ къ нему проектъ оной.

«На 4),—что хотя онъ все по своей мысли учредитъ, и отмѣнитъ или вновь прибавитъ, что разсудитъ за благо; но надобно знать, будетъ ли тѣмъ доволенъ народъ; ибо и конфедерації отъ того произошли, что нація не хотѣла никакихъ новизнъ, зачатыхъ со времени елекцій, какъ то коммиссіи и проч. На сіе онъ сказалъ, что-де въ ту пору все увидимъ, когда дѣло начнется.

«При 5-мъ пунктѣ спросилъ онъ меня, когда могутъ ко мнѣ Чарторыйскіе пріѣхать; я же отвѣчалъ, что съ ними ни во что входить не могу, по причинѣ ихъ извѣстныхъ кондуитовъ (и въ самомъ дѣлѣ не хотѣлъ дать подозрѣнія нашимъ пріятелямъ, а ихъ антагонистамъ, ибо здѣсь изо всякой малости заключеніе дѣлаютъ).

«Я не могу вѣрить, чтобъ все сіе было правда, а еще меньше, чтобъ оное произошло отъ вашего сіятельства, ибо 1) ежели съ Чарторыйскими въ дѣло войтить, то мы потеряемъ всѣхъ тѣхъ, кои теперь къ намъ пристали и коихъ ожидаемъ имѣть на нашей сторонѣ въ слѣдствіе моихъ увѣреній и обнадеживаній, чинимыхъ въ силу повелѣній вашего сіятельства, что Чарторыйскіе на вѣкъ отъ насъ брошены и никогда пріятелями не будутъ.

2) Хотя сіи лукавые люди показываютъ желаніе намъ содѣйствовать, какъ король въ томъ меня увѣрилъ, коихъ видъ есть и будетъ сперва подласкаться къ намъ и что-либо по желанію нашему сдѣлать, а послѣ, безъ всякаго сомнѣнія, опять противиться будутъ, и тѣмъ опаснѣе, что всѣхъ другихъ отъ насъ отобьютъ, и мы уже никогда и никого для своей партіи не найдемъ. Правда, что они люди въ Польшѣ умнѣйшіе, но и коварнѣйшіе».

Черезъ три дня послѣ свиданія съ королемъ, къ Волконскому явился, отъ имени Чарторыжскихъ, литовскій секретарь Хребтовичъ, зять вице-канцлера Преждецкаго. Онъ объявилъ, что Чарторыжскіе получили изъ Петербурга внушеніе адресоваться къ нашему послу и показать готовность къ исполненію воли императрицы. Чарторыжскіе увѣряли, что они преданы и готовы какъ прежде, такъ и теперь, исполнять все по нашему желанію [1]).

— Они весьма ошибаются, отвѣчалъ Волконскій Хребтовичу, если прошедшее поведеніе свое считаютъ за преданность къ намъ. Не говоря уже ни о ихъ замыслахъ, ни о тайныхъ интригахъ, одного сенатскаго совѣта довольно въ доказательство тому, что они дерзнули явно идти противъ насъ и теперь продолжаютъ приводить короля въ большую холодность съ нами и отъ того умножить польскія замѣшательства. Я не могу, слѣдовательно, ни во что съ ними входить, не получа на то повелѣній отъ высочайшаго двора.

Послѣ этихъ словъ Хребтовичъ оставилъ Волконскаго.

Между тѣмъ примасъ, графъ Флемингъ, воеводы подляшскій и калишскій и графъ Понинскій составили проектъ плана къ образованію генеральной конфедераціи. Въ основаніе своего плана они положили согласіе короля приступить къ конфедераціи, хотя Волконскій и самъ не надѣялся достигнуть въ этомъ успѣха [2]).

Желая однакоже употребить послѣднія средства, Волконскій рѣшилъ просить содѣйствія прусскаго министра Бенуа въ убѣжденіи короля, къ которому и отправились оба вмѣстѣ.

— Получивъ новыя повелѣнія отъ высочайшаго двора — началъ Волконскій — стараться окончить здѣшнія замѣшательства, въ чемъ мнѣ будетъ споспѣшествовать и министръ прусскаго короля, желаемъ мы знать, прежде чѣмъ къ дѣлу приступимъ, будете ли вы содѣйствовать намъ въ намѣреніяхъ нашихъ дворовъ.

— Не худо бы было,—говорилъ съ своей стороны Бенуа,—

---

[1]) Волконскій Панину 13 (24) ноября, № 84 (шифрованное).

[2]) Волконскій Панину 20 ноября (1 декабря), № 85.

если бы здѣшнія замѣшательства были окончены прежде, нежели будетъ заключенъ миръ Россіи съ Турціею. Въ такомъ случаѣ можно бы было возобновить карловицкій трактатъ, который Порта считаетъ нарушеннымъ со стороны Польши.

— Мнѣ надобно знать, отвѣчалъ король, на какихъ кондиціяхъ то успокоеніе имѣетъ начаться?

— Главные онаго пункты суть: удержаніе кардинальныхъ законовъ и гарантія, которую даетъ и прусскій король. Мы не воспротивимся, прибавилъ Волконскій, если и вѣнскій дворъ захочетъ тоже учинить. Диссиденты, съ коими если со стороны республики трактовано будетъ и они захотятъ какую-либо уступку въ своихъ преимуществахъ сдѣлать добровольно, то въ томъ отъ насъ имъ препятствовано не будетъ.

— Этого мало, замѣтилъ король; мнѣ необходимо сперва войти въ бо̀льшія подробности.

— Я не думалъ, возразилъ Волконскій, что ваше величество, когда дѣло идетъ объ удержаніи и утвержденіи персоны вашей на престолѣ и успокоеніи цѣлаго государства, будете находить необходимымъ что-либо разсматривать или захотите предлагать какія-либо условія.

Понятно, что Понятовскій хлопоталъ объ удержаніи тѣхъ своихъ выгодъ, которыхъ онъ успѣлъ добиться на послѣднемъ сеймѣ. Зная, что они не нравятся большинству, онъ и боялся, чтобы выгоды эти не были отъ него отняты.

— Нужно только то, продолжалъ Волконскій, чтобы прежде начала вы удалили своихъ совѣтниковъ и отняли у нихъ свою довѣренность.

— Постыдно было бы мнѣ отнять мою довѣренность отъ такихъ людей, на которыхъ во всемъ полагаться я имѣю многія причины.

— Но вмѣстѣ съ ними, конечно, дѣлать ничего уже нельзя, и если ваше величество отъ нихъ не отстанете, то мы начнемъ одни безъ васъ, а вы можете приступить уже послѣ.

— Сколько ни нахожусь я въ утѣсненіи и несчастіи, проговорилъ съ жаромъ король, но лучше самъ пропаду, чѣмъ допущу себѣ предписывать, кого мнѣ имѣть въ довѣренности.

— Сіи люди приводятъ васъ ко всѣмъ несчастіямъ и втащили во многія демарши, несогласныя съ дружбою ея величества, какъ то ихъ промысломъ и послѣдній сенатскій совѣтъ сдѣланъ....

— Что же худого было въ сенатскомъ совѣтѣ, говорилъ король, перебивъ Волконскаго, когда мы хотѣли просить ея величество объ отмѣнѣ всего сдѣланнаго насиліемъ князя Репнина.

— Тутъ не было никакого насилія, да и могло ли оно быть, когда съ столикими людьми все торжественно сдѣлано и посольство съ торжественнымъ же прошеніемъ было послано къ ея императорскому величеству.

— Посольство то отправлено безъ моей воли. Нація ненавидитъ меня, думая, что я во всемъ, а въ особенности во взятіи Солтыка съ товарищами былъ согласенъ съ княземъ Репнинымъ.

— Безъ нашего согласія ваше величество не были бы королемъ. Напрасное нареканіе на князя Репнина доказывается тѣмъ, что въ бытность его никакихъ жалобъ не было, а стали говорить по отъѣздѣ его. Послѣ того и всякіе сдѣланные (заключенные) трактаты, если не полюбятся, то можно говорить, что принуждены были ихъ сдѣлать. Совѣтники же вашего величества говорятъ теперь то для того, что имъ не полюбилось; но если вскорѣ они не перемѣнятъ своего поведенія, то съ ними поступлено будетъ еще строже, нежели съ Солтыкомъ.

— А тамъ очередь и до меня дойдетъ? спросилъ съ сердцемъ король.

— Напрасно ваше величество мѣшаете себя съ ними. Дружба всемилостивѣйшей государыни довольно вамъ доказана, ибо она возвела васъ на престолъ и удерживаетъ на ономъ, а ежелибъ отняла свою руку помощи и не защищала бы васъ, то давно уже произошли бы изъ того дурныя послѣдствія. Выпущенные вновь универсалы о междуцарствіи, и вами самими мнѣ переданные, лучше всего это доказываютъ.

Дѣйствительно, Понятовскій только передъ тѣмъ получилъ два универсала, на польскомъ языкѣ, въ которыхъ объявлялось междуцарствіе. Передавая ихъ князю Волконскому, король сказалъ при этомъ, что универсалы эти раздаются въ Вѣнѣ кн. Сулковскимъ и очень сожалѣлъ о рѣзкости выраженій, употребленныхъ противу него въ универсалахъ.

— Хорошо бы Чарторыжскіе сдѣлали,—сказалъ Бенуа, министръ короля прусскаго,—еслибы чины сложили и отсюда удалились, ибо показали тѣмъ услугу вашему величеству и принесли пользу своему отечеству.

— Хотя бы они и захотѣли такъ поступать, отвѣчалъ король, но на ихъ мѣста другихъ безъ сейма опредѣлить нельзя, а безъ канцлеровъ мнѣ обойтися невозможно... Я не знаю, право, что имъ въ вину приписываютъ? съ удивленіемъ спрашивалъ король.

— Довольно доказываютъ виновность всѣ ихъ противу насъ поступки, отвѣчалъ Волконскій.

— Wenn man wollte an ihnen Rache ausüben, so ist schon Rache geschehen, проговорилъ съ жаромъ король [1]).

— Это не мщеніе, а наказаніе, отвѣчалъ Волконскій.

— Какимъ же образомъ можно наказывать чужихъ подданныхъ? спросилъ съ еще большею запальчивостью король.

Волконскій всталъ со стула.

— Я никогда не думалъ, чтобы ваше величество могли выговорить такія слова и донесу обо всемъ своему двору, проговорилъ онъ.

— Но я не могу никакъ своихъ министровъ оставить, говорилъ король, также вставая со стула.

— Они не ваши министры, а министры республики, отвѣчалъ Волконскій, прощаясь съ королемъ.

Дѣйствительно, въ Польшѣ должность канцлеровъ состояла въ томъ, что они обязаны были смотрѣть, чтобы король не сдѣлалъ чего-либо противнаго законамъ, а вовсе не въ томъ, чтобы король могъ ими повелѣвать.

На слѣдующій день вечеромъ Понятовскій прислалъ чрезъ графа Флеминга сказать Волконскому, что онъ присоединится къ нашей конфедераціи, когда она состоится, но совѣтниковъ отъ себя не отлучитъ. Волконскій отвѣчалъ, что напишетъ обо всемъ своему двору.

«Графъ Флемингъ отъ себя мнѣ говорилъ,—писалъ Волконскій [2]),—что воевода русской поручилъ ему меня просить, чтобъ я былъ увѣренъ, что онъ ни въ какія дѣла мѣшаться не будетъ, и удалился бы отсюда, но не знаетъ куда, въ деревни ѣхать боится конфедератовъ, а за границу, по худому теперешнему времени, для старости своей не можетъ, намѣренъ же выѣхать до лѣта въ деревню свою Вилановъ, въ одной милѣ отсюда лежащую; лѣтомъ же отправится въ чужіе края. Я ему велѣлъ сказать, что если онъ будетъ въ дѣла мѣшаться, то съ нимъ поступлено будетъ какъ и съ другими. Не знаю, сдержитъ ли онъ свое слово; прочіе же наперсники королевскіе по сю пору не думаютъ ни чиновъ складывать, ни отсюда отдаляться».

Самъ Понятовскій съ каждымъ днемъ становился заносчивѣе. По сложившимся у него понятіямъ, онъ полагалъ всю свою славу въ томъ, чтобы дѣйствовать независимо отъ Россіи и тѣмъ надѣялся пріобрѣсти любовь народа. Съ такимъ взглядомъ Понятовскій конечно не могъ слушать совѣтовъ ни Волконскаго, ни Бенуа, но могъ только слушать льстивыя нашептыванія его

---

[1]) Если хотятъ имъ мстить, то мщеніе уже сдѣлано.

[2]) Гр. Панину 30 ноября (11 декабря), № 91.

совѣтниковъ, заставлявшихъ весьма часто короля прибѣгать къ обману и даже неисполненію даннаго слова и обѣщаній.

По убѣжденію тѣхъ же совѣтниковъ, Понятовскій прислалъ къ Бенуа письмо къ королю прусскому, въ которомъ благодарилъ за обѣщаніе, будто бы данное Бенуа, включить Польшу въ условія мира, заключаемаго между Россіею и Турціею. Понятовскій просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайства Фридриха у русскаго двора, чтобы министерство его не было принуждено сложить чины и «чтобы честь ихъ и имѣнія не претерпѣвали».

Бенуа не принялъ этого письма, какъ заключавшаго наглую ложь, на обѣщанія, которыхъ онъ не давалъ никогда. «Здѣсь не щадятъ ни чести своей, — доносилъ Волконскій, — ни совѣсти для продолженія коварныхъ интригъ и что если въ глаза столь безстыдно лгутъ, то за глаза уже и ожидать нечего!» [1])

Въ концѣ августа папскій нунцій исчезъ изъ Варшавы. По возвращеніи онъ разсказывалъ, что ѣздилъ въ Ченстоховъ подышать свѣжимъ воздухомъ; что во время его тамъ пребыванія и даже въ то время, когда онъ служилъ обѣдню, въ монастырь явился Пулавскій съ конфедератами и овладѣлъ имъ. Нунцій спѣшилъ прибавить при этомъ, что ему со стороны конфедератовъ была оказана вся возможная учтивость. Всѣмъ извѣстно было, что нунцій состоялъ на пансіонѣ у французскаго правительства. Люди, понимавшіе дѣло, не вѣрили разсказамъ нунція, и въ особенности когда до Варшавы достигла копія съ манифеста и король получилъ подлинный, объявленный Кожуховскимъ, который былъ при началѣ послѣдняго сейма арестованъ княземъ Репнинымъ. Кожуховскій объявлялъ междуцарствіе и приглашалъ всѣхъ къ тому же. Вслѣдъ затѣмъ конфедераты рѣшили собраться въ мѣстечко Конинъ, лежавшее въ Великой Польшѣ, съ цѣлію держать тамъ сеймъ. Поджиганія и французскія деньги натягивали послѣднія усилія конфедератовъ. Самозванный маршалъ генеральной конфедераціи отправился въ Вѣну, на свиданіе съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Дюраномъ. Получивъ отъ него наставленіе стараться объ увеличеніи замѣшательствъ, Пацъ, отправившись изъ Вѣны въ Епиріесъ, управлялъ оттуда конфедератами. Нунцій же, съ другой стороны, ѣздилъ въ Ченстоховъ, на свиданіе съ Пулавскими и для убѣжденія монаховъ впустить ихъ въ укрѣпленный Ченстоховскій монастырь. Овладѣвъ Ченстоховомъ, Пулавскій оставилъ тамъ человѣкъ пять-

---

[1]) Волконскій Панину 17 (28) декабря, № 96.

десятъ изъ своей шайки, а самъ расхаживалъ и грабилъ окрестныя деревни. Подполковникъ Древицъ двинулся противу Пулавскаго, но на дорогѣ узналъ, что Заремба съ значительнымъ числомъ конфедератовъ пробирается въ Варшаву, оставилъ до времени въ покоѣ Пулавскаго, а пошелъ противъ Зарембы [1]).

Видя, что осада Ченстохова нашими войсками неизбѣжна и желая показать народу, что заботится о сбереженіи чудотворнаго мѣста, Понятовскій приказалъ примасу собрать къ себѣ сенаторовъ, находившихся тогда въ Варшавѣ. На совѣщаніи у примаса находились всѣ сенаторы и польскіе министры, кромѣ Чарторыжскихъ и ихъ приверженцевъ. Собраніе положило просить Волконскаго, чтобы монастырь не былъ разоренъ русскими войсками, и для того отправилъ двухъ воеводъ, съ просьбою къ королю, чтобы онъ самъ просилъ нашего посла пощадить Ченстоховъ. Понятовскій просилъ сберечь монастырь или, по крайней мѣрѣ, не разорять его въ конецъ.

— У насъ никогда не было намѣреній разорять что-либо въ Польшѣ, отвѣчалъ Волконскій,—но какъ бунтовщики изъ сего мѣста сдѣлали свое гнѣздо, то не могу я обойтися, чтобы отъ нихъ не очистить.

Король отозвался на это, что онъ поручилъ канцлеру коронному стараться чрезъ монаховъ уговорить конфедератовъ выйти изъ монастыря и тѣмъ избавить его отъ осады [2]).

Пулавскій и Заремба, узнавъ о движеніи Древица со стороны Ченстохова, потянулись къ Познани, зная, что оттуда вышла бо́льшая часть нашихъ войскъ. Подполковникъ Древицъ пошелъ слѣдомъ за ними. Въ Варшавѣ говорили, что въ Ченстоховъ пріѣхали Пацъ и Радзивилъ, съ цѣлію заложить тамъ «гнѣздо своей мнимой генеральной конфедераціи», подъ руководствомъ бывшаго въ Вѣнѣ французскаго министра Дюрана. Волконскій хотѣлъ вѣрить справедливости этихъ слуховъ, потому что, съ разбитіемъ шайки Пулавскаго и Зарембы, надѣялся захватить въ свои руки Пацa и Радзивила [3]).

Конфедераты между тѣмъ не унимались. Одинъ изъ нихъ, Бенилевскій, пробираясь съ своею шайкою въ Литву, захватилъ нечаяннымъ нападеніемъ одинъ полкъ королевскихъ уланъ, стоявшій квартирами въ гродненской экономіи. Находившаяся въ Гроднѣ команда была тотчасъ же двинута для преслѣдованія Бенилевскаго, который бѣжалъ теперь къ прусской границѣ. Графъ Бра-

---

[1]) Волконскій гр. Панину 14 (25) сентября, № 60.
[2]) Волконскій Панину 9 (20) ноября, № 81.
[3]) Волконскій Панину 15 (26) октября, № 75.

ницкій, къ отряду котораго принадлежалъ захваченный уланскій полкъ, не ожидая приказанія короля, также двинулся изъ Брестъ-Литовска, на преслѣдованіе Бенилевскаго, догналъ его, разбилъ и отнялъ свой полкъ. Послѣ того, узнавъ, что неподалеку отъ него находится извѣстный конфедератъ Сава, двинулся противъ него и уничтожилъ совершенно шайку конфедератовъ, взявъ въ плѣнъ 130 человѣкъ, 300 лошадей и всѣ экипажи самого Савы.

Понятовскій, узнавъ о дѣйствіяхъ Браницкаго, послалъ приказаніе, чтобы онъ немедленно отправился въ Брестъ-Литовскъ. Отправивъ свой отрядъ по назначенію короля, самъ графъ Браницкій пріѣхалъ въ Варшаву, боясь, чтобы не поставили ему въ вину «*то разбитіе*, что бы въ самомъ дѣлѣ безъ его здѣсь бытности и произошло». Волконскій рекомендовалъ Браницкаго графу Панину какъ человѣка намъ весьма преданнаго.

«Преданность его къ намъ но сю пору совершенна,—писалъ онъ [1]), — и сіе его поведеніе доказываетъ, что онъ идетъ прямымъ сердцемъ и окружа, такъ-сказать, голову, дѣйствуетъ въ одной только надеждѣ на наше заступленіе. Онъ мнѣ въ конфиденціи открылся, что самъ не узнаетъ короля и не можетъ постичь ни его мыслей, ни намѣреній: столь его перемѣнили совѣтники и до того довели, что онъ уже скрывается и отъ Браницкаго, который у него былъ первый другъ и конфидентъ, пока Чарторыжскіе его отсюда не отдалили. Теперь король опять его пробиваетъ въ Брестъ, но онъ старается вырвать у него повелѣніе дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, если случай дойдетъ, и увѣряетъ, что если удастся ему оное получить, никому не спуститъ. Онъ признался мнѣ, что намѣреніе его есть, разбивая мятежниковъ, втянуть короля черезъ то нечувствительно въ содѣйствіе съ нами, видя самъ, что иного способа нѣтъ въ томъ предъуспѣть».

Примасъ хлопоталъ объ усиленіи нашей партіи, а король и его совѣтники, напротивъ того, старались о ея ослабленіи. Несмотря на то, къ нашей партіи присоединились великій канцлеръ коронный Млодзіевскій, епископъ куявскій Островскій, маршалъ надворный литовскій и староста Рогалинскій. Король, узнавъ объ этомъ, призвалъ къ себѣ Рогалинскаго.

— Какіе у васъ совѣты держатся,— спрашивалъ его Понятовскій съ неудовольствіемъ. Вы также будете обмануты русскими, какъ и на радомской конфедераціи. Сколько мнѣ извѣстно, русское правительство намѣрено сдѣлать уступку въ диссидентскомъ дѣлѣ, которую я у нихъ выхлопоталъ.

---

[1]) Гр. Панину отъ 13 (24) ноября, № 84.

Такія средства употреблялъ король къ тому, чтобы отклонить отъ Россіи каждаго изъ присоединявшихся къ нашей партіи, которая понемногу усиливалась. Примасъ, съ согласія всѣхъ остальныхъ членовъ, хотѣлъ писать письмо къ одному изъ своихъ пріятелей, находившемуся въ связи съ возмутителями. Описавъ горестное положеніе Польши и высказавъ надежду вывести ее изъ столь затруднительнаго положенія, при содѣйствіи сосѣднихъ державъ, примасъ просилъ его, чтобы онъ внушилъ начальникамъ конфедератовъ прислать кого-нибудь въ Варшаву для объясненій, чего именно они желаютъ. Какъ только намѣренія примаса стали извѣстны королю, онъ призвалъ къ себѣ опять Рогалинскаго.

— Къ кому будетъ писано письмо? спрашивалъ король. Что вы будете дѣлать тогда, если въ отвѣтъ конфедераты скажутъ, что не хотятъ меня видѣть на тронѣ. Вы входите въ согласіе съ такими людьми, которые ищутъ моей погибели.

— Я не знаю, отвѣчалъ Рогалинскій, къ кому именно адресуется письмо, но мы, не бывъ намѣрены ничего предпринимать противъ вашего величества, а, напротивъ, стараться объ вашемъ утвержденіи и избавленіи отечества, властны будемъ отбросить предложеніе конфедератовъ, еслибы они съ симъ намѣреніемъ не согласились.

Король остался очень доволенъ этимъ заявленіемъ. Надѣясь остаться на тронѣ, онъ не хлопоталъ, кажется, ни о чемъ больше и предоставилъ, по прежнему, полную свободу своимъ дядямъ [1]).

Чарторыжскіе, какъ бы желавшіе окончательно разорить свое отечество и возстановить противъ себя поляковъ, успѣли убѣдить Понятовскаго обязать каждый крестьянскій дворъ внести по талеру въ награжденіе Чарторыжскимъ за секвестръ ихъ имѣній. Въ Литвѣ страшно возставали противъ этого налога, но Чарторыжскіе объясняли, что въ томъ виноваты русскіе, которые грабятъ ихъ имѣнія [2]).

Въ такомъ положеніи были дѣла Польши въ началѣ 1771 года, когда Волконскій былъ отозванъ, а на его мѣсто назначенъ министромъ въ Варшаву Сальдернъ.

Н. Дубровинъ.

---

[1]) Волконскій Панину 12 (23) января 1771 г., № 1.

[2]) Волконскій Панину, 1 (12) февраля 1771 г., № 7.

СОВРЕМЕННАЯ ЯПОНІЯ

ЕЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНІЕ *).

Если, вообще, удовлетворительное описаніе политическаго строя какого-нибудь государства можетъ быть сдѣлано только туземцемъ, хорошо сжившимся со всѣми его особенностями, то нигдѣ это не можетъ быть такъ справедливо, какъ въ Японіи. Здѣсь для иностранца почти все тайна, тайна до такой степени, что даже сэръ Р. Олькокъ, бывшій нѣсколько лѣтъ посланникомъ Англіи въ Іеддо и знающій японскій языкъ, вынужденъ былъ признаться, что японскіе законы ему неизвѣстны [1]). Этотъ дипломатъ готовъ былъ даже сказать, что у Японіи вовсе нѣтъ

*) Мы получили настоящую статью изъ Іокогама, въ Японіи, при слѣдующемъ письмѣ отъ автора:

«М. Г. Въ одной изъ прошлогднихъ книжекъ «Вѣстника Европы», въ рецензіи изданныхъ мною «Очерковъ Японіи», было высказано недоумѣніе, почему упустилъ я изъ виду японское государственное устройство. Прилагаемая статья, я надѣюсь, разрѣшитъ эти недоумѣнія съ первыхъ же строкъ своихъ. Если послѣ двухъ слишкомъ лѣтъ изученія Японіи на мѣстѣ, при пособіи всѣхъ европейскихъ источниковъ, приходится ограничиваться тѣмъ немногимъ, что предлагается въ настоящемъ очеркѣ, то понятно, что два года тому назадъ я могъ бы только ввести своихъ читателей въ заблужденіе смутными и отрывочными извѣстіями. Статья Воен. Стат. Сборника о Японіи, гдѣ такая предосторожность не была вполнѣ принята, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, служитъ примѣромъ того, къ чему можно было придти, оцѣнивая японское государственное устройство по даннымъ конца 1868 года. — Примите и проч. — *Ред.*

[1]) Сэръ Олькокъ поэтому сближалъ конституцію Японіи, довольно своеобразно, съ конституціею..... республики Андорры.

письменныхъ законовъ, такъ какъ ему ни разу не удалось видѣть ихъ у самихъ министровъ, которые притомъ, въ словесныхъ бесѣдахъ, говорили всегда объ этомъ предметѣ уклончиво. Хотя Кемпферъ приводитъ даже названія книгъ, излагающихъ японское государственное устройство; но въ наше время, сколько извѣстно, никто не имѣлъ въ рукахъ этихъ книгъ, и лишь немногіе изъ японскихъ законовъ нашли себѣ мѣсто въ недавно обнародованномъ сочиненіи Диксона, который спеціально изучалъ политическія судьбы Японіи. Очевидно, что при такихъ условіяхъ для иностранца, а тѣмъ болѣе для путешественника, остающагося въ странѣ недолго и не владѣющаго языкомъ, задача изучить государственный строй Японіи весьма нелегка; а потому и мнѣ придется говорить весьма кратко, и иной разъ тамъ, гдѣ хотѣлось бы быть по возможности обстоятельнымъ. Впрочемъ, мнѣ представлялась возможность бесѣдовать здѣсь со многими иностранцами, живущими постоянно въ Іеддо, Іокогамѣ и Нагасаки, и отчасти даже съ японцами, знающими иностранные языки. Правда, показанія послѣднихъ бывали постоянно столь уклончивы и разнорѣчивы, что въ нихъ нельзя не предполагать намѣренную утайку или искаженіе фактовъ.

I.

Японія представляетъ монархически-феодальное устройство. Глава имперіи, микáдо, есть личность священная, осѣненная ореоломъ божественнаго происхожденія и для народныхъ массъ, а также на бумагѣ, совершенно неограниченная. «Вся Японія принадлежитъ микàдо, и нѣтъ въ ней человѣка, который бы не былъ слугою его», — какъ выразились въ знаменитомъ вѣрноподданническомъ адресѣ 5 марта 1869 г. вожди послѣдней революціи, Сацума, Нагато, Тоза и Хизенъ. Но на ряду съ этимъ принципомъ единодержавія и даже самодержавія, стоитъ другое начало, на практикѣ болѣе значительное — начало феодализма, раздробленности земской власти между множествомъ удѣльныхъ князей, которые въ предѣлахъ ихъ владѣній такъ же мало ограничены, какъ самъ микадо. Такъ какъ три четверти Японіи принадлежитъ князьямъ, то можно бы даже сказать, что страна эта есть федерація мелкихъ государствъ подъ предсѣдательствомъ одного потомственнаго главы. Но съ другой стороны владѣтельныя права князей стали разнообразны, переходъ отъ самодержавія главныхъ двадцати дайміосовъ къ тѣсной феодальной зависимости второстепенныхъ и третьестепенныхъ ихъ собратій

такъ постепененъ, что не знаешь, гдѣ кончается федерація и гдѣ начинается монархія. Ближе всего о японской конституціи даетъ понятіе феодальное устройство, наприм., Франціи въ XI—XII столѣтіяхъ:—та же безурядица, тотъ же произволъ мелкихъ владѣтелей и та же наслѣдственная центральная власть съ непосредственными владѣніями хотя значительнаго размѣра, но недостаточными для того, чтобы постоянно держать верхъ надъ главами отдѣльныхъ феодовъ.

Званіе микадо или императора есть наслѣдственное въ томъ родѣ, который царствуетъ надъ японцами уже двѣ съ половиной тысячи лѣтъ. Но, по общему въ Японіи принципу, не старшій сынъ или старшій въ родѣ наслѣдуетъ скончавшемуся государю, а тотъ изъ членовъ его семьи, который назначенъ царствовавшимъ монархомъ. Принципъ этотъ обезпечиваетъ престолъ за достойнѣйшимъ изъ сонаслѣдниковъ; но кто не знаетъ, что на основаніи такого же закона избираются китайскіе императоры, и въ Китаѣ этотъ законъ не предупреждаетъ внутреннихъ неурядицъ. Конечно, Японія не Китай, гдѣ автократія съ своимъ чиновничествомъ все поглотила: въ Японіи монархія феодальная, гдѣ самовластіе деспота, какъ бы ни былъ онъ даровитъ и какою толпою бездушныхъ угодниковъ ни былъ бы окруженъ, всегда найдетъ отпоръ и будетъ приведенъ въ установленныя преданіемъ границы; но всякое такое приведеніе въ границы есть очевидно кровавая борьба, разоряющая страну, или же совокупность интригъ, деморализирующихъ ее, слѣдовательно, въ общемъ итогѣ несчастіе. За то Японія представляетъ намъ рѣдкій примѣръ *одной* династіи, непрерывно царствующей съ самаго начала исторической жизни страны.

Микадо ведутъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ перваго государя Японіи, отъ Зинъ-му, завоевателя Нипона и перваго его законодателя. Преданіе приписываетъ Зинъ-му божественное происхожденіе и тѣмъ ставитъ его потомство безъ сравненія выше всѣхъ прочихъ знаменитыхъ родовъ Японіи, что́, въ извѣстномъ смыслѣ, выгодно, потому что, при существованіи наслѣдственной автократіи, всегда лучше, чтобы она оставалась безспорною въ одномъ родѣ, чѣмъ переходила отъ однихъ честолюбцевъ къ другимъ, раздирая страну междуусобными войнами. Но около микадо, изъ ряда его совѣтниковъ, его заслуженныхъ министровъ, полководцевъ, намѣстниковъ, уже издавна образовалась могущественная феодальная аристократія, которая и захватила въ свои руки бо́льшую часть страны. Пять особенно сильныхъ родовъ составляютъ эту владѣтельную знать и стоятъ во главѣ всѣхъ аристократическихъ домовъ Японіи: Минамото,

Фудзивара, Тайра, Сугавара и Оойе. Съ теченіемъ времени роды эти раздробились и утратили фамильное единство; но тѣмъ не менѣе они свято чтутъ свои родословныя, подобно самымъ неприступнымъ въ своей потомственной спѣси домамъ Англіи, Германіи и Испаніи. Родъ Минамото особенно многочисленъ, и къ нему принадлежатъ важнѣйшія княжескія фамиліи Японіи: Сацума, Хосокова, Курода, Икеда, Хацискa, Арима, Сатаке, Намбу, Сакаи, Огосовара, Хосина, Мацудайра и вся фамилія Токугава, изъ которой избирались бывшіе сіогуны и къ которой принадлежатъ также владѣтельные дома Іецизенъ и Дева. За Минамото слѣдуетъ Фудзивара, къ числу которыхъ относятся княжескія фамиліи: Дате, Набесима, Тэдо, И, Уцу, Ямаоуци, Уесуги, Цугара и друг. Тайра имѣютъ представителей въ наслѣдственныхъ владѣльцахъ Цусимы, изъ фамиліи Соо, и въ князьяхъ Ода, Иваки, Тосава, Сома и др., менѣе могущественныхъ и знатныхъ. Къ роду Сугавара принадлежитъ богатѣйшій изъ удѣльныхъ владѣтелей Японіи, Канга, а также другіе князья изъ фамилій Майеда и Хамамацу. Наконецъ Оойе считаютъ среди себя князей Нагато, Моори и пр. Въ публикуемыхъ отъ времени до времени японскихъ альманахахъ есть довольно матеріаловъ для генеалогіи японской аристократіи, и изъ нихъ видно, что есть въ Японіи, кромѣ названныхъ пяти, и другіе знатные роды: Тандзи, Абé, Оци и пр.—Сэръ Р. Олькокъ, въ сочиненіи своемъ «The Capital of the Taycoon», помѣстилъ списокъ князей, перешедшій потомъ во всѣ европейскіе альманахи; но авторъ сдѣлалъ при этомъ промахъ: вмѣсто полной вѣдомости княжескихъ домовъ онъ публиковалъ именно лишь тѣхъ князей, которые имѣютъ укрѣпленные замки. А чрезъ это вмѣсто 276-ти именъ, если считать однихъ князей съ 10,000 кокфъ годового дохода, или даже слишкомъ 600, если взять всѣхъ *ками*, показано только 144.

Правительственная власть между княжескими родами и отдѣльными ихъ развѣтвленіями распредѣлена очень неравномѣрно. Съ самого возникновенія наслѣдственнаго феодализма, то-есть съ III—II в. до Р. Х., удѣльные князья стремились стать вполнѣ независимыми государями своихъ княжествъ; но это имъ далеко не удалось. Особенно власть сіогуновъ, намѣстниковъ микадо, сильно тяготѣла надъ сепаратистскими стремленіями феодаловъ. Въ недалекую отъ насъ эпоху, именно въ XVI и XVII вѣкѣ, аристократіи пришлось выдержать тяжелую борьбу съ сіогунами, и результатомъ ея вышло то, что лишь 18 домовъ сохранили за собою свои удѣлы наслѣдственно; всѣ же прочіе князья сдѣлались ставленниками центральнаго правительства, которое могло

не только дробить удѣлы, но и лишать князей права владѣнія, перемѣщать ихъ съ одного удѣла на другой, уменьшать доходы и проч. Сіогуны, приставленные къ веденію дѣлъ, какъ намѣстники микадо, весьма сурово пользовались своими правами въ этомъ случаѣ, и только связи князей и общее всѣмъ имъ чувство сословнаго единства спасали многіе роды отъ обращенія въ ничтожество. Создавъ новую аристократію изъ своихъ приближенныхъ и соратниковъ, сіогунъ Іеясу, въ началѣ XVII вѣка, нанесъ большой ударъ могуществу древнихъ родовъ, и преемникамъ его оставалось только слѣдовать правилу *divide et impera*, чтобы повелѣвать болѣе или менѣе безпрекословно бо́льшею частью Японіи. Они и стремились къ этому не безъ нѣкотораго успѣха, пока наконецъ послѣдняя революція не опрокинула тайкуната и не поставила удѣльныхъ князей опять въ положеніе болѣе самостоятельное.

Восемнадцать главныхъ князей, *большихъ дайміосовъ* или *коксю*, къ которымъ въ два послѣдніе вѣка причислены еще двое, суть истинные державные правители ихъ княжествъ, совершенно въ томъ смыслѣ, какъ теперь въ Германіи герцоги Брауншвейгскій, Саксенъ-Мейнингенскій и проч. Ихъ удѣлы — неотъемлемая собственность ихъ родовъ, и хотя бы самъ князь былъ признанъ преступникомъ противъ верховной власти, удѣлъ его переходитъ къ законному наслѣднику не раздробляясь. Примѣръ уваженія къ этой привилегіи коксю мы видѣли недавно, когда князь Нагато, за попытку захватить въ свои руки императора и за сожженіе его дворца, хотя и былъ объявленъ внѣ законовъ съ лишеніемъ всѣхъ титуловъ и отличій, но оставался владѣтелемъ своего княжества, пока революція не возвратила ему и прочихъ потерь. Напротивъ, въ послѣднее время Айдзу, также весьма могущественный князь, но не коксю, не только попалъ лично въ опалу, но и потерпѣлъ уменьшеніе своего удѣла, такъ что вмѣсто 280,000 кокфъ дохода остался только при 30,000. Большихъ дайміосовъ еще іезуиты называли: *rex*, тогда какъ прочимъ они давали титулы: *reguli* и *principes*. Вотъ ихъ списокъ:

Канга, владѣтель областей	Канга и Нэто.
Сацума	Сацума, Оосуми и Хіуго, а также сюзеренъ Ликейскихъ острововъ.
Сендай, Муцу или Ошіу	Большого удѣла въ области Муцу.
Хиго	Въ области Хиго.
Цикузенъ	Цикузенъ.
Аки	Аки.

Нагато или Чосіу	Нагато и Сува.
Хизенъ	Хизенъ.
Инаба	Инаба.
Бизенъ	Бизенъ.
Идзуми	Исіе.
Іецизенъ	Іецизенъ.
Ава	Ава и Авадзи.
Тоза	Тоза.
Арима, Гемба или Куруме	Цикунго.
Сатаке, Дева или Акита	Дева.
Намбу	Муцу.
Идзумо	Идзумо.
Уесуги	Дева.
Цусима	Цусима.

Отношенія ихъ къ центральному правительству опредѣлены частью преданіемъ, частью такъ-называемыми законами гонгенсамы, то-есть конституціонною сдѣлкою сіогуна Гонгена (Іеясу) съ главами феодовъ въ началѣ XVIII столѣтія. Они вполнѣ независимы въ дѣлахъ внутренняго управленія своими княжествами, не имѣютъ при себѣ коронныхъ чиновниковъ, какъ это существуетъ въ прочихъ удѣлахъ, всегда считали себя вассалами только микáдо, а не сіогуновъ, и если чѣмъ отличаются отъ вполнѣ самостоятельныхъ государей, то это неимѣніемъ права международныхъ сношеній [1]). Подобно другимъ удѣльнымъ князьямъ, они также обязаны, въ случаѣ внѣшней войны Японіи, выставлять опредѣленные контингенты войскъ; но въ организаціи и управленіи этими войсками ихъ никто не контролируетъ, да и въ послѣдній разъ имъ приходилось выставлять свои отряды на внѣшнюю войну только въ XVI вѣкѣ, когда дѣло шло о завоеваніи Кореи.

Всѣхъ прочихъ князей, числомъ свыше 250-ти, и даже до 580-ти, если считать второстепенныхъ вассаловъ, имѣющихъ менѣе 10,000 кокфъ годового дохода съ княжествъ,—называютъ *сайміосами*, т.-е. меньшими. Между ними встрѣчаются однако представители тѣхъ же самыхъ древнихъ родовъ Минамото, Фудзивара и проч., что́ и между большими дайміосами. Исторически они распадаются на четыре главные класса: *дзюнь-кóксю*, *гокамóнъ*, *тосáма* и *гофудáи*. Первый разрядъ состоитъ всего изъ четырехъ князей, которые почти столь же самостоятельны, какъ и коксю, хотя не столь богаты; второй, т.-е. гокимонъ, состоитъ изъ родственниковъ микáдо и сіогуновъ прежняго вре-

[1]) Князь Садума однако пытался, въ 1867 году, отправить отъ себя посольство въ Европу; въ 1586 г. дайміо Арима и др. отправляли пословъ къ папѣ.

мени, людей «близкихъ, своихъ» главамъ центральнаго правительства. Число ихъ достигало въ 1868 году до 21-го, и сюда же, быть можетъ, нужно будетъ причислить шесть домовъ фамиліи Токугава, изъ которой прежде избирались тайкуны и которая теперь низведена до второстепеннаго значенія. Къ третьему разряду, тосама, принадлежатъ, въ числѣ 85-ти, потомки древнихъ же родовъ, сохранившихъ свои удѣлы при переворотѣ XVII столѣтія, хотя въ меньшихъ противъ прежняго размѣрахъ, такъ что ихъ достатки уступаютъ теперь богатствамъ прочихъ князей. Наконецъ, гофудаи суть «люди новые», потомки знати, созданной сіогуномъ Іеясу для противодѣйствія прежней аристократіи; и хотя они принадлежатъ, по большей части, то же къ родамъ Минамото, Фудзивара, Тандзи и проч., но обязаны своими удѣлами не наслѣдственнымъ правамъ, а милости бывшихъ намѣстниковъ микадо, для которыхъ и были вассалами съ весьма небольшими, относительно сюзерена, правами. Этотъ разрядъ есть самый многочисленный и заключаетъ 134 дома. Есть еще между вассалами большихъ дайміосовъ нѣсколько князей, которыхъ доходы, превышая 10,000 кокфъ, даютъ имъ право на участіе въ общемъ управленіи страною; но такихъ князей не болѣе шести или семи. Всѣ прочіе *ками*, т.-е. титулованные землевладѣльцы, какъ бы лорды Японіи, числомъ болѣе 300, суть не болѣе, какъ зажиточные помѣщики, которые однако для поддержанія внѣшней обстановки должны бываютъ служить какъ простые дворяне, въ собраніяхъ же дайміосовъ не участвуютъ. Изъ нихъ обыкновенно выбирались сіогунами разные придворные чиновники, начальники гвардіи, адъютанты, члены совѣта, губернаторы городовъ и пр.

Въ древнія времена, именно въ VII в. по Р. Х., Японія была раздѣлена на 68 областей, которыхъ границы вѣроятно совпадали тогда съ границами удѣловъ. Названія ихъ остались въ народѣ доселѣ, но всякое правительственное значеніе утратилось, и имъ нужно придавать такой же смыслъ, какъ словамъ: Бретань, Нормандія, Бургонь и т. д. Дѣйствительныя границы теперешнихъ многочисленныхъ удѣловъ весьма запутаны и даже на японскихъ картахъ изображаются недовольно отчетливо. Во всякомъ случаѣ мы должны замѣтить, что есть сильные князья, какъ Сацума, Нагато, Канга, которые владѣютъ по двѣ и по три провинціи; но въ большей части случаевъ каждая область содержитъ множество удѣловъ. Въ прежнее время, не далѣе даже XVII столѣтія, то-есть при Кемпферѣ, изъ числа всѣхъ 68-ми областей пять выдѣлены были въ непосредственное владѣніе импе-

ратора. Области эти, сосѣднія городу Кіото, были: Ямато, Ямасійро, Сецу, Идзуми и Ковадзи, и составляли такъ-называемый отдѣлъ или «дорогу» Гокинай. Но въ теченіе двухъ вѣковъ со времени Кемпфера, послѣдовали многочисленныя перемѣны въ распредѣленіи удѣльныхъ территорій, и нынѣ въ названныхъ областяхъ встрѣчаются владѣнія князей, а взамѣнъ того императоръ пріобрѣлъ земли во многихъ другихъ провинціяхъ. Въ общемъ итогѣ, если судить по таблицѣ доходовъ, императорскія земли увеличились за двѣсти лѣтъ вчетверо, княжескія же уменьшились на 12%. Въ слѣдующемъ спискѣ исчислены провинціи, въ которыхъ имѣетъ свои земли императоръ:

1. Принадлежатъ *сполна:* Идзу, Каи, Хида, Хооки, острова Оки и Садо.

2. *Отчасти:* Ава, Бинго, Бузенъ, Бунго, Битцю, Дева, Ивами, Идзуми, Исіе, Іецизенъ, Іецинго, Канга, Кавадзи, Кадзуса, Мино, Мусаси, Муцу, Мимасака, Микава, Ооми, Сагами, Сурунга, Симодзуке, Синано, Сецу, Сануки, Симооза, Танба, Тадзима, Тотоми, Танго, Хитаци, Харима, Хиго, Хизенъ, Хіуга, Цикузенъ, Ямато и Ямасійро, островъ Іезо или Мацмай.

Въ остальныхъ затѣмъ 23-хъ областяхъ: Асіу (Авѣ), Авадзи, Бизенѣ, Бунго, Ваказѣ, Игѣ, Инабѣ, Идзумо, Іетцю, Ійо, Кодзуке, Кіи, Нагато, Ното, Овари, Сацумѣ, Симѣ, Суво, Тозѣ, Хіугѣ, Цикунго, оо. Гото и Цусимѣ, императорскихъ земель вовсе нѣтъ и онѣ сполна принадлежатъ удѣльнымъ князьямъ, которые притомъ суть владѣльцы большей части земель и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ ихъ удѣлы перемѣшаны съ императорскими участками. Всѣ эти провинціи, соотвѣтственно своему географическому положенію, соединяются въ особыя группы, по дорогамъ, которыя чрезъ нихъ пролегаютъ и которыхъ всего семь: Токаидо, Тоозандо, Хокурифудо, Саниндо, Санводо, Нанкаидо и Сайкаидо. Восьмую «дорогу», подъ названіемъ Хоккаидо, нынѣ составляетъ островъ Мацмай, гдѣ въ началѣ 1870 года получили участки князья Сацума, Тоза, Канга и пр., но гдѣ масса земель осталась еще за императоромъ и населена пока полудикими аинами и лишь отчасти японцами. Вышеупомянутый Гокинай составляетъ девятую «дорогу» Японіи.

Перейдемъ теперь къ обзору правъ и преимуществъ удѣльныхъ князей, повелителей главной массы японскаго народа, которые располагаютъ жизнью и смертью каждаго изъ своихъ подданныхъ. Двадцать большихъ дайміосовъ, какъ уже сказано, суть самостоятельные государи, лишенные только права международныхъ сношеній и обязанные выставлять въ извѣстномъ

размѣрѣ военные контингенты для борьбы съ внѣшними врагами Японіи [1]). Удѣлы ихъ недѣлимы и неотторгаемы отъ ихъ родовъ; центральное правительство не контролируетъ ихъ управленія ни въ какомъ отношеніи. Они опредѣляютъ и увольняютъ своихъ офицеровъ и чиновниковъ, дѣлаютъ дворянами (саймураи) тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые того заслуживаютъ, и вообще, по самому смыслу ихъ титула, коксю, суть «полные хозяева» своихъ владѣній. Всѣ прочіе князья уже не имѣютъ столь большихъ преимуществъ. Ихъ удѣлы могутъ быть измѣнены въ своемъ составѣ либо простымъ уменьшеніемъ, либо замѣною. Хотя они и держатся системы майоратовъ, въ пользу *избранныхъ* наслѣдниковъ, съ цѣлью поддержать блескъ и достоинство своихъ родовъ; но это не помѣшало нѣкоторымъ владѣніямъ ихъ раздробиться. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ менѣе 10,000 кокфъ (примѣрно 45,000 р. с.) дохода, не суть уже члены общаго собранія князей, имѣющаго рѣшительный голосъ въ конституціонныхъ вопросахъ, а лишь помѣщики своихъ удѣловъ безъ политическихъ правъ. При всѣхъ князьяхъ не-коксю центральное правительство издавна держитъ своихъ чиновниковъ, которые суть контролеры ихъ доходовъ и отчасти управленія [2]). Далеко не всѣ они имѣютъ укрѣпленные замки, какъ то есть у большихъ дайміосовъ. По принятому въ прежнее время, то-есть до послѣдняго переворота, порядку вещей въ Японіи, нѣкоторые изъ этихъ князей имѣли важныя наслѣдственныя должности въ коронной службѣ: такъ, напр., князья И-Камонъ были регентами имперіи въ случаѣ малолѣтства сіогуна; но теперь наслѣдственность должностей уничтожена, и замѣщеніе административныхъ мѣстъ совершенно зависитъ отъ воли центральнаго правительства. При тайкунахъ мелкіе князья, по крайней мѣрѣ, имѣли, такъ-сказать, привилегію быть членами верховнаго совѣта имперіи, *городжіо*; но нынѣ мы видимъ, что и эти мѣста замѣщаются нерѣдко простыми дворянами, по личнымъ заслугамъ или по могущественнымъ протекціямъ дайміосовъ-коксю.

Внѣшнія преимущества князей всѣхъ разрядовъ столь значительны, что народъ питаетъ къ нимъ глубокое уваженіе, и

---

[1]) Въ мирное время небольшіе отряды ихъ войскъ содержатъ караулы въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ изъ императорскихъ городовъ, наравнѣ съ войсками микадо.

[2]) Вотъ при какомъ любезномъ, стереотипномъ письмѣ тайкуны посылали подобныхъ опекуновъ къ князьямъ: «Нашъ дорогой и возлюбленный! твои дѣла велики, и притомъ ты имѣешь въ управленіи много подданныхъ: это побуждаетъ меня снабдить тебя человѣкомъ постояннымъ и вѣрнымъ, воспитаннымъ въ домѣ моемъ, каковаго и препровождаю при семъ. Употребляй его и чрезъ то являй мнѣ свое благоволеніе».

простолюдинъ падаетъ ницъ, встрѣтивъ князя, хотя бы не своего удѣла. Титулъ *ками* (божественный) дѣлаетъ князя священнымъ въ глазахъ черни; дополнительные титулы *мацудайра, тайю, сайсьо, зьо* возвышаютъ имѣющихъ ихъ уже предъ членами самой знати. Обыкновенно названія японскихъ князей пишутся и употребляются въ оффиціальномъ языкѣ такъ, что собственное имя князя остается неизвѣстнымъ, и употребляются только фамилія и титулы. Когда мы читаемъ: Хосокава-Ваказано-ками, то слово Хосокава означаетъ фамилію, изъ которой произошелъ князь, а Ваказано-ками можетъ быть замѣнено по-русски словами князь Ваказскій. Если князь имѣетъ еще титулъ мацудайра (какъ бы свѣтлѣйшій, родственникъ государя), то онъ ставится впереди фамиліи, а если тайю (высочество) или сайсьо, то послѣ, напр. мацудайра Муцуно-ками Сендай-сайсьо, мацудайра Сюрино-тайю Сацума-сайсьо. Но въ общежитіи князей называютъ либо по провинціямъ—Ава, Сацума, Іецизенъ, Канга, Хиго,—либо по замкамъ, въ которыхъ они живутъ — Увадзима (Дате-Тоотомино-ками), Симабара (мацудайра Тономоно-ками),—либо наконецъ по фамиліямъ: Хосокава, Арима и проч. Въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, всегда нужно разумѣть только главнаго представителя рода, а не однофамильцевъ его; такъ что, напр., Хосокава просто, безъ объясненій, означаетъ Хосокаву-Іетцю-но-ками, главнаго владѣльца въ провинціи Хиго, а не Хосокаву-Ваказу-но-ками, другого князя той же области. Каждая княжеская фамилія имѣетъ свой гербъ и флагъ, и уже Кемпферъ далъ намъ рисунки первыхъ, хотя, къ сожалѣнію, безъ всякаго поясненія. Когда встрѣчается рисунокъ въ видѣ круга съ двумя прямоугольно перекрещенными діаметрами, то это будетъ гербъ князя Сацумы; когда одинъ большой сплошной кругъ съ восьмью расположенными вокругъ него меньшими, то это — гербъ Хосокавы (Хиго). Флаги также различаются между собою, и иногда еще бываетъ такъ, что у одного и того же князя ихъ нѣсколько, по числу его замковъ или по другимъ основаніямъ. Главные флаги большихъ дайміосовъ, такъ-сказать ихъ штандарты, при поднятіи или появленіи ихъ въ одномъ изъ японскихъ портовъ, салютуются какъ флаги независимыхъ государей, 21-мъ пушечнымъ выстрѣломъ. Японскія суда, кромѣ того, имѣютъ всѣ одинъ общій флагъ, національный: бѣлый квадратъ съ краснымъ кругомъ посрединѣ. Онъ поднимается на кормѣ, тогда какъ флагъ князя или даже самого микадо—на мачтѣ.

II.

Когда въ мартѣ 1868 года было уничтожено званіе сіогуновъ или тайкуновъ, которые, во имя микадо, правили Японіею, то потомки Зинъ-му, жившіе дотолѣ въ уединеніи, были снова призваны стать непосредственными распорядителями судебъ ея. Дабы находиться въ признанномъ правительственномъ центрѣ страны, нынѣшній микадо перенесъ свое мѣстопребываніе изъ древней столицы Кіото, въ Іеддо, который получилъ званіе «второго столичнаго города» Японіи. Кіото остался теперь для «имперіи восходящаго солнца» тѣмъ же, чѣмъ Москва для Россіи, священнымъ городомъ храмовъ и дворцовъ, гдѣ справляются свадьбы и родины царствующей семьи, гдѣ находится центръ религіозной и отчасти умственной дѣятельности, но откуда уже не исходятъ никакія повелѣнія свѣтской власти. Микадо водворился въ Сиро, іеддоскомъ кремлѣ или замкѣ бывшихъ тайкуновъ, и здѣсь окруженъ совсѣмъ не тѣми условіями, какъ было прежде.

Выше мы привели слова адреса Сацумы-Нагато, что «вся Японія принадлежитъ микадо и что нѣтъ въ ней человѣка, который бы не былъ слугою его». Слова эти надобно понимать, отчасти, метафорически. Дѣйствительно, микадо есть признанный глава государства; но японцы—не всѣ непосредственные подданные его. Его чиновники управляютъ лишь императорскими землями и городами, собираютъ подати, производятъ судъ и расправу только въ нихъ. До княжескихъ же земель имъ почти нѣтъ дѣла, а во владѣнія большихъ дайміосовъ они и вовсе не допускаются. Однако же нельзя сказать, чтобы Японія, съ послѣднимъ переворотомъ, не сдѣлала шага къ правительственному объединенію. Правда, это объединеніе не имѣетъ того смысла, котораго добивались сіогуны, то-есть насильственнаго сосредоточенія всей государственной власти въ однихъ рукахъ, въ ущербъ мѣстнымъ властямъ; но, тѣмъ не менѣе, переворотъ, задуманный и исполненный феодальной аристократіею, сблизилъ разнородные члены государственнаго организма болѣе тѣсными, а главное болѣе разумными узами, чѣмъ было до того времени. Выраженіемъ этого единства страны, а вмѣстѣ и самоуправленія, явился парламентъ или, точнѣе, собраніе нотаблей, то-есть такъ же дайміосовъ и ихъ представителей. Этому парламенту не удалось быть собственно учредительнымъ собра-

ніемъ, какъ того хотѣлъ послѣдній, отрекшійся отъ власти, сіогунъ Стоцбаши; партія сильныхъ дайміосовъ провозгласила политическую реформу прежде, чѣмъ вожди всей страны успѣли собраться для совѣщаній, и тѣмъ произвела временное междуусобіе (1867 — 69 г.). Но лѣтомъ 1869 мы уже видимъ въ Іеддо правильно организованное государственное или общеземское собраніе Японіи. Съѣхались всѣ князья, имѣющіе право голоса, въ числѣ 276-ти, и совѣщались между собою. Только ихъ совѣщанія не были довольно плодотворны, можетъ быть потому, что личныя вліянія отдѣльныхъ дайміосовъ слишкомъ много еще значили и разстроивали согласіе, а можетъ быть и просто отъ непривычки къ обсужденію государственныхъ дѣлъ въ многолюдномъ собраніи. На сеймѣ феодаловъ, правда, сдѣлано было нѣсколько патріотическихъ заявленій, принесено нѣсколько пожертвованій на общегосударственную пользу, особливо финансовую, отмѣнены нѣкоторыя исключительныя и отжившія вѣкъ права высшихъ сословій; но учредительнаго значенія, въ смыслѣ передѣлки основъ государственнаго строя, онъ не имѣлъ. Князья даже разъѣхались мало-по-малу изъ Іеддо по своимъ областямъ, а на мѣсто ихъ стали уполномоченные дворяне, которые и образовали такъ-называемую «Палату общихъ совѣщаній» (Shu-Gui-Kinn), продолжавшую законодательныя работы, иногда въ присутствіи самого микадо, который прислушивался къ ходу преній, храня про себя свое *veto*. Въ февралѣ 1870 г., наконецъ и эта палата распущена, а затѣмъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, возобновятся ли ея засѣданія, когда и при какихъ условіяхъ, то-есть станетъ ли Японія правильною конституціонною монархіею въ европейскомъ смыслѣ или еще сохранитъ надолго свое теперешнее переходное устройство. Парламентаризмъ появился въ ней, повидимому, не безъ вліянія нѣкоторыхъ чужеземныхъ авторитетовъ [1]), отчасти же изъ-за увлеченія европейскими формами быта, простиравшагося у нѣкоторыхъ до желанія федеральной республики, и наконецъ изъ-за разсчета нѣкоторыхъ виновниковъ послѣдняго переворота, хотѣвшихъ отъ цѣлаго сонма князей получить санкцію того, что ими совершено; но прочно утвердиться въ странѣ онъ, конечно, еще не могъ.

Однако собранія князей и ихъ уполномоченныхъ отнюдь не прошли безслѣдно. Между мѣрами, или принятыми и одобренными микадо, есть нѣсколько довольно важныхъ. Такъ, напри-

[1]) Англійскаго посланника Паркса, который очень много значитъ въ Іеддо.

мѣръ, во всей Японіи введены однѣ и тѣ же деньги. Прежде всякій князь чеканилъ *свою* монету или выпускалъ *свои* ассигнаціи; теперь монета, хотя еще чеканится и въ княжествахъ, но сдѣлалась однообразною, а право выпуска ассигнацій оставлено за однимъ центральнымъ правительствомъ. Мало того, представители земли выразили увѣренность, что правительство въ немногіе годы извлечетъ ассигнаціи вовсе изъ обращенія, и указы микадо, послѣдовавшіе въ іюлѣ прошлаго 1869 г., узаконили выпускъ ассигнацій ($22^1/_2$ мил.ріо) именно на этихъ условіяхъ, оправдывая ими одними и принудительный курсъ самыхъ бумажекъ (кинсацовъ). Затѣмъ весьма важною мѣрою нужно считать увольненіе множества якуниновъ, или солдатъ и мелкихъ чиновниковъ изъ служилаго сословія. Извѣстно, что въ Японіи всѣ военныя и гражданскія должности составляли достояніе только особаго класса служилыхъ людей (чего-то въ родѣ польской шляхты), отличенныхъ правомъ носить двѣ сабли и считавшихся благородными, въ противоположность массѣ народа. Это сословіе праздное и честолюбивое, хотя довольно развитое, съ теченіемъ времени чрезвычайно размножилось и составляло не только военную силу страны, ея милицію, но и цѣлую армію чиновниковъ, которыхъ содержаніе дорого обходилось странѣ. Необходимость заведенія регулярныхъ войскъ и дороговизна ихъ устройства на европейскій манеръ выпудили правительство прибѣгнуть къ уменьшенію числительности тунеяднаго сословія, и вотъ осенью прошлаго 1869 г. послѣдовало распоряженіе объ увольненіи около 400,000 якуниновъ отъ ихъ обязанностей, съ оставленіемъ имъ небольшого содержанія рисомъ на два года и одной сабли вмѣсто двухъ. Въ сословіи, столь честолюбивомъ и сразу лишенномъ средствъ существованія, можно бы было ожидать бунта, но доселѣ все обходилось благополучно, хотя многимъ бывшимъ офицерамъ пришлось отдать своихъ дѣтей въ услуженіе къ европейцамъ или къ богатымъ своимъ соотечественникамъ, опредѣлить въ матросы, по купеческимъ лавкамъ и проч. Только сами князья, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, не послушались императорскаго указа и продолжаютъ держать якуниновъ въ прежнемъ комплектѣ, устрашая правительство появленіемъ сразу множества лониновъ, т.-е. людей безъ дѣла, а на самомъ дѣлѣ не желая уменьшить своихъ вооруженныхъ силъ и съ ними вліянія своего на ходъ дѣлъ въ государствѣ [1]). Изъ прочихъ мѣръ, принятыхъ японскимъ пра-

[1]) Впрочемъ, опасенія нѣкоторыхъ князей могли быть и искренни. По крайней

вительствомъ во время парламентскаго періода его дѣятельности, назовемъ заключеніе концессіи на желѣзную дорогу отъ Іеддо въ Осаку, устройство телеграфа отъ Іеддо до Іокогамы, увольненіе множества иностранцевъ-спеціалистовъ, содержаніе которыхъ обходилось слишкомъ дорого, и т. п. Но самою важною государственною и общественною реформою послѣднихъ двухъ лѣтъ нужно считать уничтоженіе наслѣдственныхъ должностей и званій. Кто знаетъ, какъ трудно бываетъ людямъ, привыкшимъ къ праздности, почету и незаслуженному вліянію, разставаться со всѣми этими преимуществами, кто вспомнитъ, что въ Европѣ и доселѣ льются по временамъ рѣки крови, чтобы поддержать недостойныя и устарѣлыя привилегіи нѣкоторыхъ родовъ, тотъ не безъ сочувствія и уваженія отнесется къ такой благородной рѣшимости японской знати. Эта рѣшимость служитъ и лучшимъ опроверженіемъ для упрековъ, которыя слышатся иногда со стороны европейской бюрократіи, обзывающей сословіе японскихъ аристократовъ, «гнилымъ», конечно потому, что оно принципъ земской федераціи ставитъ выше принципа всецентрализующаго чиновничества и отводитъ послѣднему второстепенную, подобающую ему роль отвѣтственныхъ исполнителей и агентовъ, но не двигателей событій.

За распущеніемъ парламента, для всѣхъ текущихъ дѣлъ центральную правительственную власть нынѣ составляютъ микадо съ своими ближайшими совѣтниками, дайнагонами, и министры. Изъ совѣтниковъ наиболѣе извѣстны: Саннію-дайнагонъ, не изъ князей; Токудайджи-дайнагонъ, тоже; князь Хизенъ-инкіу, т.-е. не правящій уже княжествомъ; Оохора-дайнагонъ, предсѣдатель палаты совѣщаній, и Канда-каи, товарищъ предсѣдателя. Министрами микадо, то-есть главами отдѣльныхъ частей управленія въ собственно императорскихъ земляхъ и только отчасти во всей Японіи, состоятъ: по народному просвѣщенію князь Іецизенъ, унаслѣдовавшій эту должность отъ Тозы, въ началѣ 1870 года награжденнаго за заслуги 100,000 ріо; по внутреннимъ дѣламъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и управленіе путями сообщеній, князь Увадзима, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Сацумы-Нагато; по внѣшнимъ дѣламъ Кейовара-Нориоши, сановникъ умный, опытный, но едва ли довольно само-

---

мѣрѣ въ ту минуту, когда настоящія замѣтки были окончены, т. е. 4/16 марта 1870, получено въ Іеддо извѣстіе, что подлежавшіе увольненію якунины князя Нагато взбунтовались, почему изъ Іеддо немедленно отправлены въ Симоносаки два парохода и 600 солдатъ микадо.

стоятельный; по финансамъ нѣкто Оокума, бывшій офицеръ князя Хизена. Что касается до управленія военными и морскими силами, то Нагато и Сацума имѣли въ виду прибрать его лично къ своимъ рукамъ; но за признаннымъ другими князьями неудобствомъ такой мѣры, должны были передать мѣста министровъ второстепеннымъ чиновникамъ. Для флота, напримѣръ, адмираломъ предполагалось сдѣлать одного изъ капитановъ, возмутившейся въ 1868 году эскадры сіогуна, нѣкоего Каца-Аву; но это назначеніе доселѣ не состоялось, ибо Каца-Ава остается вѣрнымъ своему бывшему повелителю, Стоцбаши, и живетъ съ нимъ въ уединеніи, въ области Сурунгѣ. Одно время говорили, что правительство выпуститъ изъ заключенія самаго главнаго бунтовщика, Эномото; но это покамѣстъ не состоялось.

Что касается до борьбы разнородныхъ вліяній около трона микадо, неизбѣжной какъ по молодости императора, такъ особенно по самому раздѣленію правительственной власти въ Японіи, то существованіе центральнаго собранія не довольно парализовало ее. Болѣе сильные феодальные владѣльцы, особенно виновники послѣдняго переворота, Сацума, Нагато, Тоза, Хизенъ, Увадзима, все-таки получили исключительный вѣсъ въ дѣлахъ. Конечно, слѣдствіемъ этого было образованіе противодѣйствующей партіи, между членами которой можно назвать князей Хиго, Мито и большинство прежнихъ сторонниковъ тайкуната; но пока партія эта не сдѣлала большихъ успѣховъ въ достиженіи цѣлей своихъ. Она добилась лишь того, что князь Айдзу, который стоялъ во главѣ вооруженнаго возстанія 1868 года, прощенъ, а Эномото, бывшій главнокомандующій повстанцевъ, не преданъ казни; но кромѣ этихъ отрицательныхъ мѣръ, къ принятію которыхъ, быть можетъ, еще много содѣйствовало вліяніе лицъ нейтральныхъ, напр. князя Цикузена, она не успѣла ничего добиться. Въ послѣднее время, надобно думать однакоже, надежды ея возросли, ибо она открыто стала заявлять о необходимости выдвинуть снова на поприще событій бывшаго сіогуна Стоцбаши, который, несмотря на свой высокій патріотизмъ и на то, что самъ добивался возстановленія одной центральной власти микадо,—что̀ исполнено Сацумою и Нагато, — несмотря на это, не можетъ быть другомъ этихъ вождей революціи. Въ 1869 году шла рѣчь прямо о назначеніи Стоцбаши главою правительства, съ правами и званіемъ перваго министра; но бывшій сіогунъ отказался. Теперь придумали новую мѣру, которая бы, не оскорбляя самолюбія экс-тайкуна, давала ему мо-

тущественное вліяніе на ходъ дѣлъ: предположили создать особую должность главнаго управителя или интенданта императорскихъ земель, на должность эту назначить малолѣтняго родича Стоцбаши, Каменоске, а самого главу фамиліи Токугава сдѣлать его попечителемъ. Но и этотъ проектъ разбился объ отказъ Стацбаши. Очевидно, что бывшій «верховный повелитель Японіи» не хочетъ занимать второстепенныхъ ролей и состоять въ зависимости отъ бывшихъ своихъ противниковъ. Но кромѣ того, по несомнѣнно высокому патріотизму своему, онъ не желаетъ несвоевременнымъ появленіемъ на сценѣ политической дѣятельности возбуждать вновь страсти и столкновенія между современными дѣятелями въ Іеддо и въ княжествахъ. Мы выше привели примѣръ, какъ ему подражаютъ въ этомъ даже второстепенные его партизаны, какъ Каца-Ава: отдадимъ же справедливость и ихъ доблестному гражданскому чувству, и ихъ политическому уму.

III.

Для читателя, быть можетъ, многое осталось еще неяснымъ въ нашемъ описаніи современнаго государственнаго устройства Японіи. Но и самое устройство японскаго государства въ настоящую эпоху не мало препятствуетъ опредѣлительности и ясности изложенія. Пусть читатель представитъ Россію въ переходныя времена отъ Бориса Годунова до Столбовскаго мира или въ царствованіе Петра Великаго; пусть онъ вообразитъ, что въ то время гдѣ-нибудь подъ Москвою или подъ Петербургомъ, но не въ самыхъ этихъ городахъ [1]), жилъ иностранецъ, собиравшій свѣдѣнія о Россіи; пусть къ этому прибавитъ онъ, что русскіе не хотѣли выдавать тайнъ своей внутренней исторіи чужеземцамъ: тогда ему станетъ совершенно понятна недостаточная отчетливость всего изложеннаго, гдѣ, впрочемъ, приведены факты по возможности достовѣрные. Впрочемъ, второстепенныя подробности правительственнаго механизма Японіи, изученіе его силъ и средствъ, отношеній власти къ народу,—представляютъ болѣе твердую почву для наблюдателя. Японія, по своему

[1]) Долговременное пребываніе въ Іеддо для недипломатовъ или неторговцевъ не узаконено трактатами, или по крайней мѣрѣ русскимъ договоромъ 1858 г., гдѣ ст. 6-я говоритъ, что въ городѣ Іеддо русскіе могутъ жить только для производства торговли.

географическому положенію, безъ сомнѣнія, призвана играть важную роль въ ходѣ событій на востокѣ Азіи. Не будь она, вслѣдствіе своего долгаго отчужденія отъ всего міра, слаба политически, она стала бы тѣмъ же для Азіи, чѣмъ Англія для Европы. Даже теперь она питаетъ самыя пламенныя надежды сдѣлаться государствомъ вліятельнымъ, сильною сухопутною и особливо морскою державою, и вотъ почему Англія, подъ покровомъ дружбы, такъ усердно старается ослабить ее, то разоряя контрибуціями за убійство какихъ-нибудь торгашей, не уважающихъ мѣстныхъ законовъ, то заставляя покупать дрянные пароходы и оружіе за баснословныя цѣны, то навязывая своихъ чиновниковъ въ составъ администраціи, подобно тому, какъ въ Китаѣ, то вынуждая давать концессіи, выгодныя для однихъ англичанъ [1]). Японцы, конечно, не подражатели безсловесныхъ подданныхъ пекинскаго сына Неба, которые ничего не знаютъ, кромѣ молчаливой покорности предъ всякими униженіями, пока наконецъ обстоятельства не вызовутъ грубой рѣзни, а съ нею перестановки дѣйствующихъ лицъ; японцы настолько предусмотрительны, что теперь же стараются парализовать сильныя иностранныя вліянія, поддерживаемыя пушками; но это не дѣлаетъ еще ихъ вполнѣ способными сопротивляться могущественнымъ иностранцамъ. Армія и флотъ ихъ только въ зародышѣ, и хотя съ 1861 года не менѣе 15.000,000 рублей издержано на покупку европейскихъ судовъ и едва ли не болѣе на аммуницію и оружіе, хотя теперь, сверхъ коммерческаго флота въ 75 кораблей, есть 14 собственно военныхъ судовъ, и между ними два броненосца; но все это далеко не служитъ гарантіею, что берега страны не будутъ разорены теперешними же друзьями при первой попыткѣ дѣйствительно освободиться отъ вліянія ихъ. О сухопутной арміи можно сказать тоже. Въ складахъ японскихъ, центральнаго правительства и князей, есть болѣе полумилліона европейскихъ винтовокъ, частію даже скорострѣльныхъ; вооруженная милиція можетъ быть доведена до нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ самой доблестной храбрости, какъ показали дѣла въ Кагозимѣ и Хакодате; но воевать съ этими людьми, *soi-disant* обученными по-европейски, противъ настоящихъ ев-

---

[1]) Чтобы эти замѣчанія не показались неприличною выходкою противъ Англіи, напомнимъ здѣсь, что за убіеніе купца Ричардсона взято 780,000 рублей и разоренъ городъ Кагозима со 100,000 населенія; старыя, почти гнилыя суда продавались по 380 р. с. за тонну вмѣстимости; при іокогамскомъ губернаторѣ поставлено около 20 англійскихъ агентовъ на японскомъ жалованьи, и проч.

ропейскихъ войскъ невозможно. Японской арміи нужны многіе годы походовъ, лишеній, неудачъ, строгаго пріученія себя къ дисциплинарнымъ порядкамъ и поддержанію хорошаго тактическаго устройства. Мы отъ души желаемъ ей этого; но должны въ то же время признать, что время осуществленія этого желанія, повидимому, еще далеко. Правительство японское конечно поняло, что ему нужно образовать сначала хорошіе кадры; оно построило въ нѣкоторыхъ городахъ казармы, водворило въ нихъ нѣсколько тысячъ якуниновъ, прежнихъ милиціонеровъ, ввело между ими европейскіе уставы; но до обладанія европейскими войсками оно еще не достигло, за исключеніемъ развѣ блистательнаго небольшого отряда (1200 чел.), составляющаго гвардію микадо и напоминающаго французскихъ зуавовъ или стрѣлковъ. Бѣдность финансовыхъ средствъ, необходимость уважать общественное мнѣніе страны, которое не хочетъ, чтобы солдаты переставали быть гражданами, наконецъ недавность учрежденія самой арміи, служатъ причинами, что японскія войска теперь скорѣе возбуждаютъ улыбку иностранца, чѣмъ серьезное вниманіе. И если бы не рыцарскій духъ, ихъ оживляющій и выразившійся напримѣръ тѣмъ, что въ Хакодате сторонники тайкуна не хотѣли сдаться многочисленнымъ своимъ противникамъ прежде, чѣмъ не разстрѣляли всѣхъ патроновъ, имперіалисты же, съ своей стороны, узнавъ о недостаткѣ у храбрецовъ продовольствія, посылали имъ все отъ себя,—если бы не этотъ духъ, то никакого уваженія къ себѣ японскія войска не могли бы возбуждать въ военныхъ людяхъ Запада. Въ одномъ впрочемъ можно быть увѣреннымъ: въ случаѣ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, сыны имперіи восходящаго солнца будутъ стоять за нее храбрѣе, чѣмъ китайцы, чѣмъ персіяне или бухарцы. Эту черту ихъ вѣрно оцѣнилъ еще Зибольдъ, хотя онъ жилъ въ Японіи въ совершенно-мирное время.

Войска подчинены либо самому центральному правительству, если заведены имъ въ императорскихъ земляхъ, либо князьямъ. Въ случаѣ внѣшней войны, онѣ должны составлять одну армію, для которой контингенты выставляются князьями сообразно съ доходностью ихъ владѣній. Въ прежнее время пропорція была такова, что съ каждыхъ 1,000 кокфъ дохода князь долженъ былъ выставлять 20 человѣкъ пѣхоты и 2 всадниковъ; теперь это отношеніе измѣнилось, но въ какомъ смыслѣ,—намъ неизвѣстно. Можно только сказать, что князья для личныхъ цѣлей нисколько этою нормою не стѣсняются. Князь Сацума напр. оффиціально имѣетъ дохода 760,000 кокфъ; слѣдовательно, ему подобало бы

содержать не болѣе 16,764 воиновъ; но онъ ихъ содержитъ 27,000, чтобы имѣть больше вліянія на дѣла внутри государства. Для снятія съ себя зависимости по вооруженію арміи отъ иностранцевъ японское правительство съ 1865 года успѣло завести разныя военно-техническія учрежденія; но пока ихъ дѣятельность незначительна, хотя въ одномъ Іеддо уже отлито болѣе 100 орудій и исправлены многія тысячи ружей, пришедшихъ въ негодность отъ небрежнаго съ ними обращенія. Хорошая литейная находится въ Осакѣ. Для флота есть два общія учрежденія: пароходный заводъ въ Аконурѣ и арсеналъ-адмиралтейство въ Іокоскѣ, изъ которыхъ въ первомъ, съ 1869 года, работаютъ уже одни японцы, безъ всякаго содѣйствія иностранцевъ. Для образованія офицеровъ въ Іеддо заведена военная школа, и кромѣ того не мало молодыхъ японцевъ получили образованіе въ военныхъ училищахъ Европы, въ Соединенныхъ Штатахъ и практически въ войскахъ и на корабляхъ Голландіи. Эномото, какъ адмиралъ, былъ очень хорошимъ офицеромъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ на голландскихъ судахъ, твердо ознакомившимся со всѣми морскими порядками европейцевъ; таковы же были и нѣкоторые капитаны сіогунскаго флота. Теперь всѣ почти купленные у европейцевъ суда управляются самими японцами, и лѣтомъ 1870 года они хотятъ начать самую высшую морскую службу: составлять описи береговъ, для чего изготовляется въ Іеддо корабль и приглашенъ въ руководители одинъ опытный англійскій гидрографъ.

Частію въ видахъ успѣшной обороны страны, частію для развитія ея внутреннихъ богатствъ, японское правительство въ послѣднее время рѣшилось приступить къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ. Съ этою цѣлью дана концессія одному англійскому спекулянту-авантюристу Лею, бывшему директоромъ китайскихъ таможень, удаленному однако изъ Пекина по интригамъ своего болѣе искуснаго противника. Англичанинъ согласился снабдить японское правительство 1,000,000 фунтовъ стерлинговъ съ тѣмъ, чтобы ему дано было право на проведеніе желѣзнаго пути отъ Іеддо въ Осаку. Сумма 6,300,000 руб. очевидно недостаточна для дороги въ 450 верстъ длиною и проходящей чрезъ гористыя мѣстности; но бѣдный іеддоскій кабинетъ долженъ былъ подчиниться вліянію «друга», сэра Г. Паркса, чтобы хорошо помѣстить у себя дружескіе капиталы. Что будетъ на самомъ дѣлѣ—еще неизвѣстно, но на первый разъ мы знаемъ, что гарантія дана въ 12% и что обезпеченіемъ ея служатъ съ одной стороны таможенные доходы, а съ другой морской арсеналъ въ

Іокоскѣ... Другія дороги Японіи, нынѣ существующія, суть шоссе по семи главнымъ линіямъ, перерѣзывающія всю страну вдоль отъ Сангарскаго пролива до Нагасаки и Кагозимы, и мелкіе проселки, которые правильнѣе назвать тропинками, чѣмъ дорогами. Они часто вымощены или шоссированы, имѣютъ мосты или мостики; но для ѣзды въ европейскихъ экипажахъ мало годны, какъ по своей узкости, такъ и по крутизнѣ спусковъ. Кромѣ того, на многихъ проселкахъ имѣются еще лѣстницы, а перевозы черезъ иныя рѣки, особенно быстрыя, вмѣсто паромовъ и лодокъ, дѣлаются на людяхъ, въ бродъ, причемъ перевозчики несутъ тяжелую уголовную отвѣтственность за переносимыхъ ими людей. Большія шоссе можно считать вообще хорошими путями въ европейскомъ смыслѣ; только онѣ уже нашихъ дорогъ и, въ свою очередь, страдаютъ иногда отъ крутизны подъемовъ и спусковъ. Всѣ семь главныхъ дорогъ: Токаидо, Тозандо и пр., состоятъ въ вѣдѣніи центральнаго правительства, чрезъ чьи бы владѣнія онѣ ни проходили, тогда какъ забота о проселкахъ лежитъ на князьяхъ. Поддержка императорскихъ дорогъ превосходна, и ихъ можно считать украшеніемъ страны какъ по тщательной отдѣлкѣ полотна, такъ и по внѣшнему виду, ибо онѣ вездѣ почти обставлены прекрасными аллеями. Во всей Японіи на перекресткахъ путей, даже малѣйшихъ проселковъ, поставлены каменные столбы съ надписями, обозначающими направленіе дорогъ и разстояніе отъ Іеддо.

По дорогамъ устроены почты, впрочемъ только легкія, для пересылки писемъ и для ѣзды чиновниковъ. Съ этою цѣлью заведены въ городахъ почтовыя конторы, а на дорогахъ станціи, гдѣ впрочемъ содержатся не лошади, а люди. Японскій почтарь есть обыкновенно молодой человѣкъ изъ бѣднаго класса, проживающій на станціи почти безотлучно. Какъ только до него доходитъ очередь отправлять службу, онъ долженъ быть готовъ каждую минуту. Приходитъ почта, т.-е. прибѣгаетъ съ нею такой же почталіонъ съ сосѣдней станціи, гонецъ принимаетъ отъ него упакованные ящички, вмѣстѣ съ накладною, помѣщаетъ ихъ на концы небольшого коромысла, которое перекладываетъ, по мѣрѣ надобности, съ одного плеча на другое, и отправляется въ путь. Если погода хороша, т.-е. не грязно и не очень жарко или холодно, онъ бѣжитъ съ такою скоростью, что почта дѣлаетъ отъ 120 до 180 верстъ въ сутки. Лѣтомъ почтарь почти нагъ и имѣетъ только сандаліи и поясъ; зимой и въ дождь надѣваетъ онъ соломенный плащъ и шляпу. На большихъ дорогахъ нерѣдко содержится по нѣсколько десятковъ подобныхъ поч-

тарей на каждой станціи. Въ случаѣ прибытія какого-либо чиновника, ѣдущаго по службѣ, они же несутъ его норимонъ, получая за то особую поверстную плату. Станціи находятся одна отъ другой въ 8, 10, иногда и болѣе верстахъ. Между важнѣйшими приморскими городами японцы пользуются для доставленія чиновниковъ европейскими почтовыми пароходами и еще болѣе своими собственными, принадлежащими разнымъ князьямъ или центральному правительству. Теперь они хотятъ даже вступить въ конкурренцію съ Pacific Mail S. S. C° и другими западными пароходными компаніями, устроивъ правильное и частое сообщеніе Іеддо съ Осакою помощью особо назначеннаго на то парохода «Dumbarton», который можетъ дѣлать рейсы взадъ и впередъ въ 5 или 6 дней.

Островъ Мацмай не имѣетъ другихъ дорогъ, кромѣ одной, вдоль береговъ, и нѣсколькихъ тропинокъ внутри страны, преимущественно на югѣ. Впрочемъ можно думать, что японцы теперь позаботятся устройствомъ и здѣсь путей сообщенія, которые становятся необходимы при усиливающейся колонизаціи. Съ перенесеніемъ центра управленія островомъ изъ Хакодате на устье Исикари, нужно соединить послѣднюю мѣстность съ первою сухопутной дорогой, потому что морская легко можетъ быть отрѣзана. Равнымъ образомъ и средоточія управленія округами, которыхъ десять, не могутъ же оставаться безъ сообщеній между собою. Впрочемъ на скорое проведеніе прочныхъ дорогъ въ столь гористой странѣ, какъ Мацмай, нельзя много разсчитывать.

Устроивъ по всей странѣ пути сообщенія и почты, японцы озаботились и о другой отрасли внѣшняго государственнаго благоустройства—о тюрьмахъ. Головнинъ, сидѣвшій въ одной изъ такихъ тюремъ, описалъ намъ ея устройство; но, конечно, хакодатская тюрьма не можетъ служить нормою для другихъ. Вообще японскія тюрьмы состоятъ изъ двора съ окружающими его карцерами, которые всѣ имѣютъ задвижную рѣшетчатую дверь на дворъ, такъ что сторожу видно, что̀ дѣлаютъ арестанты. Этого-то рода карцеры называлъ Головнинъ клѣтками, по ихъ тѣснотѣ. Но впрочемъ есть и другія помѣщенія, еще менѣе удобныя; только ни онѣ, ни головнинскія «клѣтки» не служатъ обыкновенно мѣстами пребыванія знатнѣйшихъ преступниковъ. Послѣдніе большею частію арестуются дома и предпочитаютъ, если не видятъ возможности оправдаться, добровольную смерть. Однако мы видимъ, что въ наше время убѣжденія японцевъ въ послѣднемъ отношеніи нѣсколько измѣняются, вѣроятно подъ

вліяніемъ европейскихъ идей. Такъ, Эномото Кумаджиро, заключенный подъ арестъ, не вздумалъ распороть себѣ брюхо, хотя вина его самая крупная: вооруженный бунтъ противу правительства и еще провозглашеніе въ монархической странѣ республики.

Коснувшись японскихъ тюремъ, можно бы поговорить объ уголовномъ судопроизводствѣ и даже законодательствѣ Японіи; но предметъ этотъ, по своей обширности и спеціальности, можетъ быть разсмотрѣнъ только въ особомъ очеркѣ. Теперь же, продолжая обзоръ общаго государственнаго устройства, скажемъ нѣсколько словъ объ управленіи городами и провинціями, не входящими въ составъ княжескихъ удѣловъ. Области и города эти управляются губернаторами или *о-буніо*, которыхъ всегда два, а иногда и три. Обыкновенно одинъ изъ нихъ живетъ въ Іеддо и получаетъ тамъ распоряженія правительства, относящіяся до его мѣстности, для отсылки ихъ по принадлежности, или же представляетъ правительству донесенія, полученныя съ мѣста. Другой въ это время управляетъ дѣлами на мѣстѣ; черезъ годъ они мѣняются ролями. У губернаторовъ существуютъ многочисленные штаты чиновниковъ, — настоящее зло Японіи, которое поглощаетъ бо́льшую часть народныхъ доходовъ въ видѣ жалованья и еще болѣе въ видѣ взятокъ, которыя хоть и не приведены въ систему, какъ въ Китаѣ, но все-таки тягостны. Чтобы дать читателю понятіе о многочисленности японской бюрократіи, скажу, что въ городѣ Іокогамѣ, имѣющемъ съ небольшимъ 20,000 жителей, есть нѣсколько сотъ чиновниковъ, для которыхъ даже построены правительствомъ отдѣльныя казармы—дома, занимающіе цѣлые кварталы. Правда, въ этомъ числѣ есть 220 человѣкъ таможенныхъ дѣлопроизводителей, писарей, досмотрщиковъ и проч., но уже эта самая цифра показываетъ, что японская бюрократія любитъ пускать широкіе корни и разрастаться въ дерево очень вѣтвистое, которое сосетъ почву страны. Въ Іеддо, гдѣ вовсе почти нѣтъ внѣшней торговли, дома таможенныхъ чиновниковъ также составляютъ цѣлый кварталъ. — Губернаторъ есть глава администраціи въ своихъ провинціи или городѣ по всѣмъ отраслямъ управленія: судебная, финансовая и другія части не отдѣлены отъ полицейской. По судебной части власть губернатора весьма обширна, и онъ можетъ утверждать и приводить въ исполненіе всякіе приговоры надъ преступниками, за исключеніемъ смертной казни, чѣмъ только власть его и отличается отъ власти удѣльныхъ князей. По финансовой части каждый губернаторъ

имѣетъ у себя ближайшаго помощника въ видѣ казначея, со штатомъ бухгалтеровъ и писцовъ. И еще нужно замѣтить, что сверхъ этой арміи правительственныхъ чиновниковъ каждый городъ имѣетъ свою внутреннюю, отчасти выборную администрацію—хозяйственную и полицейскую. Городской совѣтъ изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей составляетъ центръ ея, подчиненные ему *оттоны* суть участковые начальники, а *каксиры*—городовые, люди большею частію изъ самаго бѣднаго разряда мѣстныхъ якуниновъ, которымъ подвѣдомственны толпы рабочихъ, обязанныхъ являться на пожары для тушенія огня. Для вящшаго надзора за жителями всѣ домохозяева раздѣлены на пятки, которыхъ члены обязаны смотрѣть другъ за другомъ, немедленно доносить полиціи, если замѣтятъ что́ у сосѣдей, и нести общую отвѣтственность, если у домовъ ихъ случится какой-нибудь безпорядокъ.

Въ деревняхъ есть старосты и своего рода приказы или сельскія управы, всегда отличенныя тѣмъ, что на нихъ развѣвается общеяпонскій флагъ. Какъ велика ихъ власть, мнѣ неизвѣстно; но что они не остаются безъ дѣла, это можно заключить изъ того, что когда ни загляни въ сельскія канцеляріи, всегда найдешь тамъ писцовъ за работою. Видно, что чернильное направленіе глубоко укоренилось въ японской администраціи, отъ верху до низу. При сельскихъ управахъ есть арестантскія комнаты. Около каждой подобной управы сдѣланъ навѣсъ, подъ которымъ помѣщаются приклеенныя или написанныя на дощечкахъ всѣ правительственныя распоряженія, что̀ и составляетъ единственный способъ ихъ обнародованія—способъ удобный вполнѣ, ибо въ Японіи нѣтъ людей безграмотныхъ.

Кѣмъ и когда собираются подати въ деревняхъ—трудно сказать, но взиманіе ихъ приведено въ строгую систему, и особыя окладныя табели существуютъ вездѣ и составлены на основаніи дознанной опытомъ доходности поземельныхъ участковъ. Въ Японіи главный государственный доходъ составляетъ поземельный налогъ, который чрезвычайно высокъ, простираясь отъ 40 до 50% сбора въ императорскихъ земляхъ и отъ 50 до 60% въ княжескихъ. За то имѣется та выгода, что сельскіе жители не знаютъ уже другихъ налоговъ и, слѣдовательно, не могутъ быть, по невѣжеству своему, обираемы чиновниками, которые въ сложной финансовой махинаціи другихъ государствъ находятъ для себя источникъ обогащенія. Впрочемъ безъ злоупотребленій и тутъ не обходится. Такъ, зимою 1870 г., были довольно серьезныя волненія въ нѣкоторыхъ деревняхъ къ сѣверозападу отъ

Іеддо, именно по поводу излишнихъ сборовъ, которыхъ требовали императорскіе чиновники съ жителей нѣкоторыхъ деревень. Въ княжескихъ удѣлахъ также случаются притѣсненія отъ произвола чиновниковъ, а иногда и отъ произвола самихъ князей. Такъ какъ земля въ удѣлахъ составляетъ собственность князей, и поселяне суть не болѣе, какъ арендаторы; то произволу знати открывается обширное поприще при назначеніи арендной платы, или точнѣе, поземельной ренты. Произволъ этотъ хотя и стѣсняется императорскими чиновниками или интендантами, а еще болѣе собственнымъ интересомъ князей имѣть арендаторами не совершенныхъ нищихъ, но не въ такой степени, чтобы не возбуждать по временамъ рѣзкихъ неудовольствій. Такъ, въ началѣ 1870 года были волненія между крестьянами князя Овари, конечно «успокоенныя», — какъ говорятъ друзья организованнаго насилія, — «законнымъ порядкомъ» (т.-е. казнью нѣсколькихъ индивидуумовъ съ болѣе развитой нервной системой), но едва ли искорененныя этимъ въ источникѣ... Вѣроятно, подобные эпизоды случаются часто и въ другихъ мѣстностяхъ; но до иностранцевъ въ Японіи свѣдѣнія о нихъ не доходятъ.

Размѣръ государственнаго поземельнаго сбора намъ извѣстенъ съ точностью. Онъ составляетъ въ настоящее время 6.020,000 кокфъ (около 25 мил. руб. сер.) въ императорскихъ земляхъ, болѣе $18^1/_2$ мил. кокфъ въ удѣлахъ тѣхъ князей, которые имѣютъ свыше 9,999 кокфъ, и около 1.700,000 к. въ имѣніяхъ мелкой аристократіи. Сравнивая эти итоги съ тѣми, которые были въ XVII вѣкѣ и помѣщены у Кемпфера, мы видимъ, что доходность земель съ того времени не особенно увеличилась, что́ и естественно, если принять въ разсчетъ, что годные для обработки участки, при гористой мѣстности Японіи и давнишней густотѣ ея населенія, уже изстари сполна обработаны. Тѣ клочки земли, иногда лишь въ 2 — 3 кв. сажени, которые крестьяне успѣваютъ разработать на крутыхъ отклонахъ горъ, остаются свободными отъ налоговъ, и вотъ гдѣ причина, что, несмотря на увеличеніе населенности страны съ теченіемъ времени, народъ не умираетъ съ голоду. Впрочемъ, продовольствіе массъ въ послѣднее время во многомъ зависитъ, кромѣ мѣстныхъ урожаевъ, отъ ввоза иностраннаго риса. Этотъ ввозъ растетъ съ каждымъ годомъ и въ 1869 г. едва ли былъ меньше, чѣмъ 4.000,000 пудовъ. Само правительство рѣшилось купить около 360,000 пудовъ за границею для продовольствія бѣдныхъ людей, къ большому огорченію китайскихъ и англійскихъ купцовъ въ Іокогамѣ.

О другихъ доходахъ японскаго императора и князей — съ лѣсовъ, рудниковъ, таможенъ, переправъ, публичныхъ домовъ, земель, уступленныхъ иностранцамъ подъ дома и проч., мы не можемъ сказать ничего опредѣлительнаго по неимѣнію численныхъ данныхъ. Но слѣдующія цифры любопытны потому, что даютъ понятіе о государственныхъ расходахъ Японіи. Цифры эти впрочемъ относятся только къ удѣлу самого микадо и представляютъ еще не нормальный бюджетъ, потому что 1869 годъ былъ неурожаенъ. По отчету министра финансовъ расходы были:

1. Домашніе расходы императора	150,000	кокфъ.
2. Содержаніе царствующей императрицы		
3. Содержаніе вдовствующей императрицы		
4. Издержки князей императорской крови	170,000	»
5. Содержаніе трехъ императорскихъ замковъ: въ Кіото, Осакѣ и Іеддо.	100,000	»
6. Постройка и починка синтосскихъ храмовъ	30,000	»
7. Издержки по иностраннымъ дѣламъ, по юстиціи, парламенту и столичной полиціи.	120,000	»
8. Вооруженіе и снаряженіе арміи и флота.	300,000	»
9. Литейные и желѣзодѣлательные заводы	70,000	»
10. Жалованье офицерамъ и чиновникамъ.	220,000	»
11. Пенсіи	200,000	»
12. Содержаніе плѣнныхъ въ послѣднюю войну. . . .	120,000	»
13. Больницы для бѣдныхъ	60,000	»
14. Народное просвѣщеніе [1]): содержаніе коллегіи въ Іеддо, школъ въ Осакѣ и Нагасаки.	50,000	»
15. Земледѣліе и пути сообщеній: дренажъ полей, устройство мостовъ, дорогъ, переправъ и пр.	150,000	»
16. Расходы финансоваго управленія: рудный промыселъ, казенныя постройки, прогоны чиновникамъ. . . .	130,000	»
17. Провинціальное управленіе	150,000	»
18. Уплата процентовъ по частнымъ займамъ правительства, 10% въ годъ съ 3.500,000 рio	130,000	»
19. Погашеніе ассигнацій, распредѣленное на 10 лѣтъ; при суммѣ ассигнацій 30.000,000 рio	666,666	»
20. Непредвидѣнные расходы, главнымъ образомъ военные, на колонизацію и путешествія микадо между столицами.	300,000	»
Итого . .	3.246,666	кокфъ.

Принимая стоимость кокфа риса примѣрно въ 6 руб. сер. (кокфъ=0.83 четверти), получимъ, что весь бюджетъ расходовъ въ 1869 г. былъ около 20.000,000 рублей. Но доходовъ по от-

[1]) Всѣ другія училища въ Японіи, гдѣ всякая деревня имѣетъ свою школу, суть учрежденія частныя или общественныя, но не государственныя.

чету министра поступило всего 1.981,350 кокфъ, т.-е. менѣе 12 мил. рублей; слѣдовательно дефицитъ простирается до 8 слишкомъ милліоновъ руб. или $^2/_5$ бюджета. И это еще не все. Министру финансовъ стоило большихъ хлопотъ привести расходы къ $3^1/_4$ милліонамъ кокфъ; по нормальной же росписи доходовъ въ императорское казначейство должно поступать и конечно расходоваться ежегодно 7.925,000 кокфъ, т.-е. вчетверо болѣе, чѣмъ дѣйствительно поступило. Министръ не безъ основанія упрекаетъ въ этомъ печальномъ состояніи финансовъ страны бывшее безконтрольное правительство тайкуновъ, которое заботилось только о вооруженіяхъ и покупкѣ судовъ, конечно негодныхъ для борьбы съ иностранцами, но бывшихъ ему нужными для осуществленія деспотическихъ замысловъ внутри государства.

Въ послѣднее время японцы возлагаютъ большія надежды на развитіе доходнаго горнаго промысла, и для этого ими приглашено немало иностранныхъ инженеровъ съ цѣлью устройства хорошихъ горныхъ заводовъ. Но пока эти заводы устроются, необходимость заставляетъ уступать нѣкоторые рудники чужеземнымъ спекуляторамъ въ аренду. Такъ, извѣстный торговецъ кораблями, Гловеръ, получилъ, въ уплату за долги князя Хизена, разработку угля на островѣ Такасимѣ, близъ Нагасаки, при чемъ каждая тонна выработаннаго вещества засчитывается всего за 2 доллара, тогда какъ уголь продается тутъ же въ Нагасаки по $4^1/_2$ доллара.

Таможенные доходы могли бы быть значительны, если бы не расходы по устройству портовъ и особенно содержаніе многочисленнаго чиновничества. Послѣднее вѣроятно пожираетъ двѣ трети того, что́ собираетъ на пользу казны.

М. Венюковъ.

Іокогама, 18—30 марта 1870.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

ЛУДВИГЪ БЁРНЕ.

Статья третья *).

I.

Покидая Франкфуртъ, Бёрне долженъ былъ испытать вовсе не веселое чувство. Не легко вообще разставаться съ мѣстомъ, гдѣ жизнь сложилась, гдѣ она вошла въ опредѣленныя формы, особенно когда покидаешь его безъ всякаго опредѣленнаго плана, не зная куда направить свой путь, и не имѣя увѣренности, скоро ли можно будетъ возвратиться туда, откуда гонитъ злая судьба, въ образѣ полицейскаго произвола. Хотя, собственно говоря, Бёрне давно уже могъ ожидать, что наступитъ и для него часъ преслѣдованій, но какая-то беззаботность отличала его въ этомъ отношеніи, несмотря на то, что самъ онъ и разсказываетъ, что имъ обуялъ въ это время жестокій страхъ и онъ даже примѣняетъ къ себѣ слова одного француза накапунѣ революціи: «еслибы обо мнѣ сказали, что я укралъ большой колоколъ изъ церкви Notre-Dame и привѣсилъ его къ цѣпочкѣ моихъ часовъ, я бы сейчасъ же бѣжалъ изъ Франціи». Если о Бёрне не сказали, что онъ укралъ большой колоколъ и привѣсилъ къ цѣпочкѣ, то про него сказали нѣчто гораздо худшее. Извѣстно, что для

*) См. выше, мартъ, 338; апр. 729; май 268 стр.

многихъ правительствъ того времени, воръ—былъ титулъ несравненно болѣе невинный и безопасный, чѣмъ титулъ «краснаго», «республиканца», «опаснаго человѣка». Бёрне давно зналъ, что его считали въ высшихъ сферахъ человѣкомъ «опаснымъ», и несмотря на это оставался спокоенъ, какъ будто бы дѣло до него не касалось. Очевидная беззаботность! Онъ спохватился уже только тогда, когда его часъ пробилъ, громко прозвучавъ въ его ушахъ. Много лѣтъ спустя Бёрне довольно подробно разсказалъ въ своемъ «Дневникѣ» эту первую катастрофу, какъ тайкомъ вышелъ онъ изъ франкфуртскихъ воротъ, какъ оглядывался онъ постоянно назадъ, думая увидѣть за собою погоню полицейскихъ чиновниковъ и какъ легко вздохнулось ему, когда онъ достигъ французской границы.

Какъ ни легко вздохнулъ Бёрне, почувствовавъ себя внѣ опасности, гарантированнымъ отъ всякихъ дикихъ преслѣдованій, тѣмъ не менѣе покинуть Франкфуртъ для него было крайне тяжело. Не говоря уже о томъ, что онъ видѣлъ, особенно въ первую минуту, всѣ свои планы разрушенными, всю свою общественную дѣятельность порванною, у него была еще и другая, болѣе интимная причина, по которой ему не хотѣлось разставаться съ своимъ злополучнымъ отечествомъ. Разставаясь съ Франкфуртомъ, онъ разставался вмѣстѣ съ тѣмъ и съ госпожею Воль — этимъ лучшимъ, единственнымъ другомъ Бёрне, съ которымъ онъ дѣлилъ всѣ свои радости и горе, всѣ свои думы, словомъ все свое существованіе.

Невозможно говорить о дальнѣйшей судьбѣ Бёрне, какъ писателя и какъ человѣка, не остановившись хотя немного на отношеніяхъ, существовавшихъ между г-жею Воль и Бёрне. До такой степени велика была роль этой женщины въ жизни автора «Парижскихъ Писемъ»! Обладая необыкновенною добротою, мягкостью, тонкимъ литературнымъ вкусомъ, большимъ тактомъ и умомъ, госпожа Воль должна была вліять не только на частную жизнь, но и на литературную, общественную дѣятельность Людвига Бёрне. Она познакомилась съ нимъ еще совершенно молодою женщиною, вскорѣ послѣ выхода замужъ. Супружество г-жи Воль было одно изъ самыхъ несчастныхъ; судьба натолкнула ее на человѣка, который совершенно не былъ способенъ оцѣнить высокихъ нравственныхъ качествъ молодой женщины. Она не нашла себѣ въ мужѣ никакого отвѣта, никакого сочувствія всѣмъ тѣмъ горячимъ порывамъ, молодымъ идеямъ, которыми сама она была такъ полна. Расколъ между мужемъ и женою не долженъ былъ замедлить обнаружиться, и онъ обнаружился на самомъ дѣлѣ едва не черезъ нѣсколько недѣль послѣ брака.

Госпожа Воль навсегда отдалилась отъ мужа, предпочитая зарыть въ себѣ самой всѣ свои чувства, всю свою богатую натуру, чѣмъ дѣлиться ими съ человѣкомъ недостойнымъ и неспособнымъ ихъ даже понять.

При такихъ условіяхъ г-жа Воль встрѣтилась съ Бёрне. Нужно ли говорить, что условія эти были самыя благопріятныя для того, чтобы между ними скоро установились болѣе или менѣе близкія отношенія. Когда нравственная сторона въ развитой женщинѣ неудовлетворена, то она неизбѣжно ищетъ человѣка, который съумѣлъ бы понять и оцѣнить ея возвышающіяся надъ обыкновеннымъ уровнемъ стремленія. Кто же ихъ могъ лучше понять и оцѣнить, какъ не Бёрне? Онъ встрѣчалъ госпожу Воль довольно часто у однихъ близкихъ знакомыхъ, и если сначала онъ заинтересовался ею только вслѣдствіе того, что онъ видѣлъ въ ней женщину, разошедшуюся съ мужемъ въ силу нравственнаго разлада, несходства воззрѣній и понятій, то скоро онъ въ состояніи уже былъ оцѣнить ее лично и убѣдиться въ глубинѣ ея натуры, въ ея исключительномъ нравственномъ развитіи, скоро онъ могъ понять, какой неисчерпаемый источникъ преданности и великодушія кроется въ этой богато одаренной женщинѣ. Если госпожа Воль со стороны нравственнаго развитія не могла не произвести обаятельнаго впечатлѣнія на Бёрне, то и сторона физическая могла только усиливать, укрѣплять это впечатлѣніе. Госпожа Воль была хороша собою.

Если госпожа Воль обладала всѣмъ, чтобы привлечь къ себѣ Бёрне, то и этотъ послѣдній въ свою очередь не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на молодую женщину. Конечно, не физическая сторона Бёрне привлекла къ нему госпожу Воль. Бёрне никогда не былъ хорошъ собою, но умные, выразительные глаза его заставляли угадывать въ немъ выдающагося изъ общаго людскаго уровня человѣка. Госпожа Воль не могла не увидѣть въ Бёрне человѣка съ необыкновенно честнымъ и открытымъ характеромъ, ее не могло не притягивать къ нему рѣдкое остроуміе, живость, страстное увлеченіе лучшими интересами общества, горячая любовь его къ свободѣ и еще болѣе горячая ненависть къ деспотизму, однимъ словомъ ее притягивало къ Бёрне богатство всѣми тѣми качествами свойствъ и стремленій, недостатокъ которыхъ, или вѣрнѣе полное отсутствіе, заставило госпожу Воль разорвать тягостный для нея брачный союзъ. Нельзя сомнѣваться, что и литературная молодая еще слава Бёрне могла привлекать госпожу Воль. Понимая значеніе, которое получалъ Бёрне въ нѣмецкомъ обществѣ и, раздѣляя всѣ его взгляды и убѣжденія, она тѣмъ болѣе доро-

жила дружбою человѣка, отдавшагося всецѣло борьбѣ за права народа и за его человѣческое достоинство. Слава Бёрне не могла не льстить ея самолюбію, и тѣмъ болѣе она гордилась ею, что понимала очень хорошо, что это не та эфемерная слава, которая выпадаетъ иногда на долю какого нибудь моднаго писателя, который забудется прежде даже, чѣмъ успѣютъ пожелтѣть страницы его сочиненій; нѣтъ, это слава прочная, историческая, которую не забудетъ народъ, какъ не забываетъ онъ имена всѣхъ тѣхъ, которые боролись и борются за его свободу. Госпожа Воль сознавала въ себѣ силы не только не допустить угаснуть тому священному огню, крывшемуся въ умѣ и сердцѣ Бёрне, который разбрасывалъ свое пламя по всѣмъ концамъ Германіи, но всегда стоять на сторожѣ и придавать ему силы на случай, если бы Бёрне нуждался въ ней. Близость, установившаяся между Бёрне и г-жей Воль, скоро превратилась въ прочныя дружескія отношенія, крѣпкимъ цементомъ которыхъ была глубокая взаимная симпатія и взаимное уваженіе.

Какого рода были эти отношенія между Бёрне и госпожею Воль, до этого, собственно говоря, никому нѣтъ никакого дѣла. Людямъ мало того, что они считаютъ своимъ неотъемлемымъ правомъ проникать въ частную, интимную жизнь писателя, нѣтъ, имъ нужно еще докапываться до самаго дна, до самыхъ сокровенныхъ тайнъ, тайнъ ни для кого не интересныхъ и принадлежащихъ исключительно одному человѣку. По какому праву люди такъ безцеремонно обращаются съ сердечною, внутреннею стороною жизни человѣка, этого никогда никому не понять. Жилъ ли Бёрне съ госпожею Воль, или не жилъ онъ съ ней, это, по крайней-мѣрѣ мнѣ такъ кажется, должно быть совершенно безразлично для всѣхъ и не имѣетъ никакого значенія ни для знакомства съ литературною дѣятельностію Бёрне, ни для знакомства даже съ его частною жизнью. Въ частной жизни общественнаго человѣка интересны отношенія его къ другимъ людямъ, кругъ его знакомства, образъ его мыслей, насколько онъ сказывался въ разговорахъ съ друзьями, въ перепискѣ съ близкими людьми, но никакъ не больше. Идти далѣе неприлично. Мы знаемъ, что Бёрне былъ неразлученъ почти съ госпожею Воль, и намъ этого слишкомъ довольно; мы знаемъ, что они и уважали и любили другъ друга, и больше нечего знать. Затѣмъ, существовала ли между ними другая связь, это рѣшительно все равно: и казалось бы, что умные и честные люди не должны бы были дѣлать изъ этого вопроса предмета самаго тщательнаго изслѣдованія. На дѣлѣ оно было не такъ. Гейне былъ первый, который подалъ въ этомъ отношеніи самый отврати-

тельный примѣръ. Онъ бросилъ въ госпожу Воль самыми грязными обвиненіями, которыя рикошетомъ ударяли по Бёрне. Отсюда произошелъ цѣлый споръ: была связь между Бёрне и госпожею Воль, или не была? Упомянуть объ этомъ спорѣ слѣдуетъ только для того, чтобы сказать, какъ глупы иногда бываютъ самые умные люди. Впрочемъ, нужно отдать Гейне справедливость, что онъ скоро самъ понялъ, какъ недостоинъ былъ его поступокъ относительно памяти Бёрне и живой г-жи Воль, и самъ просилъ своего издателя, чтобы въ новомъ изданіи его сочиненій выпущено было изъ его книги о Бёрне все, что́ говоритъ онъ съ такимъ цинизмомъ о женщинѣ, связавшей въ значительной степени свою судьбу съ судьбою Бёрне.

Госпожа Воль была совершенно свободна. Она разошлась съ своимъ мужемъ, который никогда не въ состояніи былъ бы понять и оцѣнить ее, и потому никто бы не могъ въ нее бросить упрекомъ, еслибы она фактически сдѣлалась женою Бёрне. Но этого, судя по всѣмъ даннымъ, не было. Отношенія ихъ были совершенно особенныя, исключительныя и до нѣкоторой степени странныя. Они были какъ нельзя болѣе привязаны другъ къ другу, жизнь ихъ проходила вся вмѣстѣ, часто жили они въ одномъ домѣ, на одной квартирѣ, сплошь и рядомъ, особенно впослѣдствіи, когда Бёрне бывалъ боленъ, госпожа Воль по цѣлымъ ночамъ просиживала у его изголовья, не оставляя его ни на минуту, никому не довѣряя обязанности ухаживать за нимъ, и несмотря на все это, несмотря на всю близость, отношенія ихъ не переступали границы самой тѣсной дружбы. Дружба эта нисколько не пострадала и тогда, когда госпожа Воль вышла замужъ, и тогда точно также она продолжала сохранять съ своимъ другомъ самыя близкія отношенія, точно также принимала участіе во всемъ, что имѣло къ нему отношеніе, въ частной ли его или общественной жизни. До самой послѣдней его минуты она не отходила отъ своего друга.

Отношенія Бёрне къ госпожѣ Воль составляли предметъ самыхъ разнообразныхъ толковъ и самыхъ глупыхъ обвиненій, которыя обрушивались на Бёрне. Если одни прямо и рѣзко нападали на двухъ друзей за скандалёзный характеръ ихъ отношеній, то другіе порицали ихъ косвенно, совѣтуя поскорѣе закрѣпить законнымъ бракомъ ихъ нравственный союзъ. Между тѣмъ и Бёрне и госпожа Воль были очень далеки отъ подобной мысли. Опасались ли они, что обязанности, налагаемыя бракомъ, вмѣсто того, чтобы закрѣпить ихъ отношенія, только ослабятъ ихъ, или не рѣшалась она опечалить свою мать переходомъ изъ еврейской вѣры въ христіанскую, безъ чего бракъ еврейки

госпожи Воль не могъ состояться съ христіаниномъ Бёрне, или наконецъ какая-нибудь другая причина, — но фактъ былъ тотъ, что въ то время, когда они оба были совершенно свободны, когда оба они нравственно принадлежали другъ другу, они никогда не желали вступить въ бракъ.

Если чувства госпожи Воль къ Бёрне мы знаемъ только потому, что́ говоритъ о нихъ съ одной стороны самъ Бёрне, съ другой, что́ разсказываютъ различные современники, то о глубокой и сильной привязанности самого Бёрне къ госпожѣ Воль свидѣтельствуютъ намъ множество писемъ, писанныхъ имъ въ различныя времена. Не упоминая теперь о «Парижскихъ письмахъ», которыя всѣ адресованы къ госпожѣ Воль и относятся уже къ послѣднему періоду его жизни, къ его послѣднимъ годамъ, есть множество другихъ писемъ, писанныхъ въ первые годы ихъ дружбы. Изъ нихъ видно, какъ нѣжно относится онъ къ своей «милой подругѣ», какъ ей одной хочетъ онъ довѣрять всѣ свои думы, всѣ свои мысли, и потому проситъ ее никому не показывать его писемъ, писанныхъ для нея одной. Оставляя ее на короткое время, Бёрне тоскуетъ по ней, и какъ велика была его привязанность, можно видѣть изъ нѣкоторыхъ фразъ, словъ, которыя порой попадаются въ его перепискѣ. «Я никогда еще достаточно не сознавалъ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—какъ необходимы вы, дорогой другъ, для моего счастья. Не отнимайте у меня единственнаго облегченія, которое мнѣ доставляютъ ваши письма». Онъ настаиваетъ на этомъ сознаніи, когда повторяетъ: «Еще разъ, дорогой другъ, не позабывайте, что вы все для меня, и что вся моя жизнь была бы во мракѣ, еслибы вы не освѣщали ее. Дайте мнѣ чаще слышать вашъ голосъ въ вашихъ письмахъ и не пишите такъ разгонисто, а подобно мнѣ, мелкимъ почеркомъ, чтобы много укладывалось на одномъ листѣ, такъ какъ я знаю, что, исписавъ одинъ листъ, вы не начнете другого»... Единственное чувство, которое оспаривало у него привязанность къ госпожѣ Воль, была его любовь къ свободѣ и, быть можетъ, именно то обстоятельство, что онъ весь былъ поглощенъ политическими интересами и политическою дѣятельностью, вліяло на ихъ взаимное рѣшеніе не связывать общей судьбы ихъ бракомъ. «Свобода и вы! говоритъ онъ разъ. Человѣческое сердце такъ узко. Зачѣмъ нужно дѣлать выборъ»? Каждый разъ, что Бёрне не получалъ письма въ условленный день, каждый разъ, что онъ оставался безъ извѣстій отъ «своей милой подруги», онъ испытывалъ страшное безпокойство, не могъ ничего дѣлать и разражался громомъ упрековъ противъ почты, если ей случалось быть

неаккуратною. Онъ не дѣлалъ ни одного шага безъ того, чтобы не посовѣтоваться съ своимъ другомъ, не принималъ ни одного рѣшенія безъ того, чтобы она не произнесла своего мнѣнія, и достаточно было одного ея слова, чтобы онъ поступилъ такъ или иначе. Онъ такъ привыкъ во всемъ сообразоваться съ ея мнѣніемъ, съ ея волею, что ему было невыносимо, когда онъ тотчасъ же не могъ его узнать. «Ахъ, мое вѣрное сердце, писалъ онъ ей, еслибы я могъ поговорить съ тобой хоть одинъ часъ! Что можно сказать въ одномъ письмѣ? Это только нѣсколько капель, а моя душа такъ полна»... Въ письмахъ его звучитъ иногда необыкновенная нѣжность, видно, какъ боится онъ встревожить ее, обезпокоить какимъ-нибудь непріятнымъ извѣстіемъ. Если онъ дѣлается боленъ, онъ сообщаетъ ей объ этомъ со всевозможными предосторожностями и заклинаетъ ее не волноваться, увѣряя, что болѣзнь неважна, что онъ уже почти здоровъ. Не говорить ей вовсе о томъ, что съ нимъ бывало непріятнаго, онъ не могъ, такъ какъ она взяла съ него обѣщаніе, что онъ никогда ничего не станетъ скрывать отъ нея. Если участіе госпожи Воль, вліяніе ея на Бёрне было благотворно въ частной жизни, то не менѣе выгодно оно отзывалось и на литературно-политической его дѣятельности. Она была для него литературнымъ судьею, ни одна строчка не выходила въ свѣтъ безъ того, чтобы онъ сначала не прочелъ ее своему другу, а она была взыскательна и строга и всегда требовала, вѣроятно предполагая, что его переписка современемъ должна сдѣлаться извѣстною, чтобы его письма даже были «хорошо написаны и интересны». Она постоянно принуждала его работать, писать, бранила, когда онъ лѣнился, не давала ему покоя, пока онъ не кончитъ какой-нибудь начатой статьи.

При лѣности Бёрне, на которую онъ самъ часто жаловался, подобное понукательство госпожи Воль было какъ нельзя болѣе полезно, и весьма можетъ быть, что не побуждай она его къ постоянной работѣ, дѣятельность Бёрне на литературномъ поприщѣ не оставила бы по себѣ столько памятниковъ. Не существуй этихъ близкихъ отношеній между госпожею Воль и Бёрне, по всей вѣроятности, мы были бы лишены той богатой переписки Бёрне, которая важна не только потому, что она даетъ блистательные образцы остроумія и юмора автора «Парижскихъ Писемъ», но еще и по тому значенію, какое она имѣетъ въ историческомъ отношеніи. Письма Бёрне такъ живо рисуютъ собою его время, они такъ полны общественнаго интереса, что даже тогда, когда они потеряютъ значеніе чисто литературное, они всегда будутъ имѣть глубокій смыслъ для людей, желающихъ

познакомиться съ однимъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ нашего вѣка, съ періодомъ штиля, наступившаго послѣ страшной бури французской революціи, съ періодомъ реакціи и наконецъ съ тѣмъ временемъ новой зари, которая зардѣлась только для того, чтобы опять исчезнуть, словомъ со временемъ іюльскаго переворота. Всѣ столкновенія, вся борьба, всѣ надежды и затѣмъ разбитыя иллюзіи, весь протестъ свѣта противъ тьмы — все это какъ въ зеркалѣ отражается въ письмахъ Бёрне къ госпожѣ Воль. Она требовала отъ него, чтобы онъ передавалъ ей всѣ свои впечатлѣнія, всѣ свои думы и Бёрне, послушный ея голосу, изливалъ передъ нею всю свою душу, изъ которой неудержимымъ ключомъ струилась самая чистая любовь къ человѣчеству и самая ядовитая ненависть ко всему, что стоитъ у него на дорогѣ и мѣшаетъ его свободному развитію. Если бы госпожа Воль не имѣла для Бёрне другого значенія, какъ то, что она была причиной, побуждавшей его писать свои письма, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы не сказать, что она имѣла благодѣтельное вліяніе на литературную дѣятельность Бёрне. Но значеніе госпожи Воль было шире, она глубоко проникла въ нравственную природу Бёрне, и если не управляла его литературною дѣятельностью, то была для нея безподобнымъ стимуломъ, постоянно возбуждая его творческую силу и энергію. Отношенія ихъ такъ скоро сдѣлались самыми прочными и близкими, жизнь Бёрне такъ быстро слилась, по крайней мѣрѣ нравственно, съ жизнію госпожи Воль, что Бёрне чувствовалъ вдвое болѣе одиночество, когда принужденъ былъ покинуть Франкфуртъ.

Какъ ни тяжело ему было разставаться съ своимъ лучшимъ другомъ, но, тѣмъ не менѣе, чувство, что онъ избавился отъ грозившихъ ему преслѣдованій, что онъ ускользнулъ изъ когтей разсвирѣпѣлаго звѣря, было слишкомъ сладостно, чтобы не заставить его даже позабыть на минуту, что вмѣстѣ съ Франкфуртомъ онъ покинулъ и госпожу Воль. «Какъ хорошо стало у меня на душѣ,—говоритъ Бёрне въ своемъ «Дневникѣ»—когда я достигнулъ французской границы! Я чувствовалъ себя свободнымъ. Въ этой странѣ—думалъ я—честнаго человѣка тоже не оставляютъ въ покоѣ, но если онъ только не глупъ и не трусъ, то и самъ не останется въ долгу у своихъ мучителей. Тутъ тоже бьютъ, но зато тутъ защищаются. Тутъ тоже оскорбляютъ, но это не оскорбительно, потому что оскорбляемый отплачиваетъ тѣмъ же. У насъ же тебя ругаютъ, а ты молчи какъ лакей; тебя бьютъ какъ собаку, а ты не смѣй выть какъ собака! Въ битвѣ дѣло не въ томъ, кто получаетъ больше побоевъ,—

мы или наши противники, дѣло не въ бо́льшей или ме́ньшей боли, не въ болѣе или менѣе синихъ пятнахъ, а въ томъ, чтобы защитить свою честь и дать отпоръ противникамъ...» Этимъ размышленіемъ Бёрне тотчасъ установляетъ рѣзкую границу между такою страною, гдѣ рабство вошло въ плоть и кровь народную, однимъ словомъ страною по самому существу своему деспотическою, и такою страною, которая возстала противъ «лакейства и битья» и завязала отчаянный бой съ деспотизмомъ. Борьба идетъ съ перемѣннымъ счастьемъ, сегодня торжествуетъ произволъ, завтра свобода подымаетъ высоко свое свѣтлое знамя. Два начала борются между собою, борьба ожесточенная, но весь ходъ человѣческаго развитія отвѣчаетъ за исходъ этой борьбы. Съ каждымъ днемъ лагерь защитниковъ свободы увеличивается, настолько же, насколько противный лагерь слабѣетъ и рѣдѣетъ. Такими странами представлялись Бёрне Германія и Франція. Въ одной онъ ничего не видѣлъ, потому что кругомъ его былъ мракъ, и онъ слышалъ только рѣзкіе удары бича большихъ и маленькихъ нѣмецкихъ капраловъ, въ другой, при помощи яркой полосы свѣта, ворвавшейся въ глубокую еще тьму, онъ различалъ уже ясно горячую борьбу двухъ враждебныхъ лагерей. Какъ ни привыкъ Бёрне ко мраку Германіи, свѣтъ, разлившійся по Франціи, тѣмъ не менѣе, не ослѣпилъ его. Глаза его были слишкомъ здоровы и потому могли выдержать еще болѣе яркій свѣтъ. Потому, конечно, Бёрне трезво смотритъ на французскія дѣла и въ впечатлѣніяхъ его никто не замѣтитъ безграничнаго энтузіазма или какого-нибудь опьянѣнія. Какъ ни старался Бёрне быть безпристрастнымъ по отношенію къ Франціи, тѣмъ не менѣе на него со всѣхъ сторонъ сыпались упреки, что только врагъ своего отечества можетъ дружелюбно смотрѣть на эту страну «коварства, невѣрія и неправды.» Бёрне нисколько не смущался подобными обвиненіями и продолжалъ хвалить то, что́ заслуживаетъ похвалы. Если и были во Франціи такія темныя пятна, которыя ускользали отъ вниманія Бёрне, то это совершенно понятно — въ Германіи, гдѣ свирѣпствовала реакція, было такъ душно, такъ скверно, что во Франціи, гдѣ водворилась реставрація съ Лудовикомъ XVIII, должно было ему показаться особенно хорошо. Бёрне составлялъ прямую противоположность той фалангѣ шарлатановъ, глупцовъ или псевдо-патріотовъ, которые съ катоновскою суровостью судятъ чужіе недостатки, и съ умилительнымъ добродушіемъ относятся къ собственнымъ «грѣшкамъ». Бёрне свободно вздохнулъ, переѣхавъ французскую границу, точно тяжелый камень отпалъ у него отъ сердца. Онъ чувствовалъ себя въ полной безопасности и это чувство пролило

розовый свѣтъ на весь міръ. Первыя впечатлѣнія его были какъ нельзя болѣе хороши. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ на легкѣ, въ чемъ былъ, и потому въ то время, когда другіе его спутники возились съ сундуками да съ чемоданами, Бёрне бѣгалъ уже по улицамъ Парижа. «Мы, глупые ослы,—разсуждаетъ Бёрне въ своемъ «Дневникѣ»—вмѣсто того, чтобы свободно пастись на полѣ, навьючиваемъ себя мѣшками, наполненными пшеницей, и притомъ чужою, и тащимъ ихъ къ богатому мельнику, котораго зовутъ Смерть, а тотъ мелетъ и просѣваетъ это для достоуважаемаго господина Червя. Тотъ имѣетъ все, кто не имѣетъ ничего; у кого есть много, у того всегда мало. Да здравствуетъ нищенство! и во второй разъ да здравствуетъ! и въ третій разъ да здравствуетъ!» Богъ знаетъ, прокричалъ ли бы Бёрне и въ четвертый разъ: да-здравствуетъ нищенство! еслибы во первыхъ карманъ его не былъ набитъ золотомъ, и во вторыхъ, еслибы черезъ двѣ недѣли не пришли къ нему изъ Германіи его сундуки. Не будь этого, весьма вѣроятно, что Бёрне не сталъ бы распространяться о томъ, какъ счастливъ долженъ быть нищій мальчикъ, у котораго нѣтъ ни пищи, ни крова!

II.

Пріѣздъ Бёрне въ Парижъ скоро сталъ извѣстенъ. Французскія газеты не замедлили сообщить, что знаменитый авторъ «Вѣсовъ» и «Полета времени» бѣжалъ изъ Германіи и прибылъ во Францію, спасаясь отъ преслѣдованій. «Въ продолженіи четырнадцати дней—разсказываетъ самъ Бёрне—парижскія газеты всѣхъ партій говорили о моемъ пріѣздѣ. Конечно, онѣ употребляли меня только какъ красильный матеріалъ, онѣ или рабски толкли меня въ ступѣ или либерально разваривали меня, но результатъ былъ все-таки тотъ, что обо мнѣ говорили». Дѣйствительно, слава Бёрне, какъ замѣчательнаго политическаго писателя, переплыла уже черезъ Рейнъ, и пріѣздъ нѣмецкаго публициста въ Парижъ былъ чуть не «событіемъ». Бёрне былъ чрезвычайно удивленъ тѣмъ шумомъ, который распространился кругомъ его имени и добродушно, не вѣря собственной славѣ, спрашиваетъ себя: «да что же я такое въ самомъ дѣлѣ? Высокая особа? Курьеръ? Пѣвица? Сановникъ, празднующій свой юбилей? Ни то, ни другое, ни третье, а между тѣмъ обо мнѣ говорятъ газеты! Что это, прибавляетъ удивленный Бёрне, за странный народъ»! Бёрне былъ пораженъ и пораженъ пріятно нѣкоторыми чертами французскаго характера. Онъ съ удовольствіемъ разсказываетъ, какъ хозяинъ гостинницы, въ которой

онъ остановился безъ всякаго багажа, узнавъ о томъ, что онъ политическій бѣглецъ, пришелъ къ нему, на третій день его пріѣзда, предлагая свой столъ, свой домъ и даже свой кошелекъ. И только тогда, передаетъ Бёрне, когда хозяинъ увидѣлъ, что «я человѣкъ не безъ средствъ, онъ согласился получить съ меня долгъ.» Редакціи французскихъ газетъ тотчасъ обратились къ нему съ предложеніемъ сотрудничать, знакомили съ манерой Бёрне, давая выдержки изъ «Полета времени», и Бёрне, какъ это видно изъ писемъ его къ госпожѣ Воль, посылалъ статьи во французскіе журналы. Пріѣздъ Бёрне въ Парижъ приписывали какой-то агитаціи, которая Парижъ избрала только главнымъ центральнымъ пунктомъ дѣйствій, чтобы превратить деспотическую Германію въ свободную республику. По поводу того, что въ Парижѣ были арестованы четыре іенскихъ студента за-то, что они тайно покинули Германію и явились въ Парижъ безъ паспортовъ, одна ультра-консервативная газета, какъ разсказываетъ самъ Бёрне въ письмахъ къ г-жѣ Воль, разсуждала слѣдующимъ образомъ: «Повидимому Франція должна сдѣлаться главною квартирою, мѣстомъ сборища радикаловъ Лондона, тевтонцевъ Германіи и грегоріанцевъ всѣхъ странъ; нѣсколько дней тому назадъ здѣсь уже были арестованы три студента іенскаго университета, а «Constitutionnel» уже объявляетъ о скоромъ прибытіи сюда Гёрреса, Бёрне и совѣтника юстиціи Мартина изъ Іены; почтенный Гунтъ вѣроятно тоже не замедлитъ пуститься въ дорогу». Бёрне въ это время, когда ему приписывали самыя злыя козни, былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ нихъ; онъ просто наслаждался Парижемъ, онъ отдыхалъ отъ черныхъ мыслей, которыя не давали ему покоя въ Германіи, онъ чувствовалъ потребность нравственно успокоиться, и Парижъ удовлетворялъ эту потребность. «Мнѣ было хорошо въ Парижѣ—пишетъ Бёрне въ своемъ «Дневникѣ». На душѣ у меня было такъ, какъ будто съ морскаго дна, гдѣ водолазный колоколъ спиралъ мое дыханіе, я снова выбрался на свѣжій воздухъ. Свѣтъ солнца, людскіе голоса, шумъ жизни восхищали меня. Мнѣ уже не было холодно въ сообществѣ жабъ; я не былъ больше въ Германіи». Единственное, что раздражало Бёрне въ Парижѣ, это нѣмцы, которые поспѣшили навѣстить его, чтобы поглазѣть на замѣчательнаго политическаго дѣятеля. Посѣщенія эти были ненавистны Бёрне, потому что онъ не терпѣлъ никакого притворства, не терпѣлъ фразъ, не терпѣлъ фальшивыхъ соболѣзнованій «любезному отечеству». Нѣмцы же, являвшіеся къ Бёрне, совершенно равнодушные къ участи Германіи, къ ея свободѣ, считали своимъ долгомъ, въ присутствіи Бёрне,

проливать слезы надъ бѣдною Германіею, покорно лежавшею въ цѣпяхъ деспотизма. «Бѣдное отечество»! восклицали они и смотрѣли другъ на друга и искали взаимнаго утѣшенія въ глазахъ вѣрнаго друга. Я бы охотно — энергически прибавляетъ Бёрне — задушилъ этихъ мошенниковъ!» Если Бёрне съ негодованіемъ относился къ политическому индифферентизму, то еще съ большимъ негодованіемъ, съ большею ненавистью къ фальшивому либерализму и притворнымъ фразамъ.

Шумъ парижской жизни дѣйствовалъ на Бёрне, особенно въ первые дни, первыя недѣли, какъ нельзя болѣе успокоительно, но спокойствіе, которое испытывалъ онъ тутъ, было совершенно особаго свойства, оно не напоминало ему нѣмецкаго спокойствія. «Спокойствіе—говоритъ самъ Бёрне—есть счастіе, когда оно *отдохновеніе*, когда мы сами выбрали его, сами нашли послѣ долгихъ поисковъ; но спокойствіе не есть счастіе, когда, какъ въ нашемъ отечествѣ, оно составляетъ наше единственное занятіе». Едва-ли, впрочемъ, Бёрне былъ правъ, называя то состояніе, которое томило его въ Германіи, спокойствіемъ; страна, общество, деморализованныя произволомъ, не знаютъ спокойствія, имъ знакома бываетъ одна глубокая апатія, переходящая въ летаргическое состояніе. Отсутствіе спокойной разумной жизни и есть именно главное зло общества, не пользующагося политическою свободою. Жить спокойно нельзя, когда въ людяхъ нѣтъ увѣренности, что къ нимъ не ворвутся ночью «охранители общественнаго порядка» и въ силу какого-нибудь фантастическаго заговора, по одному подозрѣнію, по одному слову наемнаго шпіона, не бросятъ человѣка въ какой-нибудь крѣпостной подвалъ. Оттого-то Бёрне и жилось хорошо въ Парижѣ, потому что онъ чувствовалъ себя спокойно, въ безопасности, внѣ всякихъ преслѣдованій. Къ несчастію онъ успокоился слишкомъ скоро, и не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ писалъ уже госпожѣ Воль: «не легко мнѣ, дорогая подруга, далеко не легко. Я боюсь, чтобы со мною не приключилась болѣзнь — тоска по родинѣ, и чтобы я не поддался ей...» Лишь только онъ рѣшился высказать подобное опасеніе, значитъ, болѣзнь уже открылась въ немъ и ожидала только минуты, чтобы прорваться наружу. Бёрне испытывалъ на себѣ справедливость словъ: запрещенный плодъ сладокъ. Онъ сознается, что еслибы онъ оставилъ Германію добровольно, то онъ долгое время могъ провести вдали отъ нея, но ему невыносима была невозможность вернуться тогда, когда онъ захотѣлъ бы. «Я самъ не думалъ, говоритъ онъ, чтобы я пустилъ въ родной землѣ такіе глубокіе корни. Я счастливъ каждый разъ, какъ, идя по улицѣ, я слышу нѣмецкій

языкъ». Смѣшно подумать, читая эти строки интимнаго письма, что Бёрне могли обвинять въ ненависти къ Германіи.

Получивъ извѣстіе изъ Франкфурта, что опасенія преслѣдованій, побудившія его покинуть Германію, были нѣсколько преувеличены, что возвращеніе его въ родной городъ представляется возможнымъ, Бёрне поспѣшилъ, несмотря на всю свою любовь къ Парижу, обратно во Франкфуртъ, чтобы снова продолжать тамъ вести свою литературно-политическую пропаганду. Изданіе «Полета времени» было прекращено, «Вѣсы» же продолжали выходить отъ времени до времени, и онъ помѣщалъ тутъ свои статьи, которыя пользовались все бо́льшимъ и бо́льшимъ успѣхомъ.

Не добрая звѣзда указывала Бёрне путь въ то время, когда онъ рѣшился покинуть Парижъ и возвратиться въ свой родной, но негостепріимный городъ. Скоро послѣ пріѣзда во Франкфуртъ съ нимъ случилась исторія, доставившая ему возможность близко ознакомиться съ системою ночныхъ арестовъ, съ безцеремоннымъ обращеніемъ полицейскихъ судей и тому подобными необходимыми принадлежностями всякаго безправнаго порядка. Но, однимъ словомъ, что зналъ онъ только въ теоріи, теперь долженъ онъ былъ узнать на практикѣ. Дѣло было какъ нельзя болѣе просто. Одинъ изъ молодыхъ студентовъ, съ которымъ Бёрне познакомился проѣздомъ черезъ Боннъ, попался за распространеніе какого-то революціоннаго катехизиса для солдатъ. На вопросъ: отъ кого получилъ онъ подобныя возмутительныя прокламаціи, студентъ этотъ, полагая, что Бёрне навсегда покинулъ Германію и эмигрировалъ въ Парижъ, нашелъ удобнымъ свалить всю исторію на плечи автора «Большаго заговора». Полиція была въ восторгѣ. Въ воображеніи своемъ она держала уже въ рукахъ всѣ нити страшнаго, охватившаго всю Германію заговора, съ которымъ она возилась, какъ съ возлюбленнымъ своимъ чадомъ; продажныя и оффиціальныя газеты могли ликовать уже торжество надъ гидрою революціи, надъ тайною интригою враговъ отечества, надъ плотною сѣтью европейскаго карбонарства, этимъ «обществомъ всесвѣтной революціи» того времени, которымъ въ тѣ времена пользовались нѣмецкія правительства съ неменьшею наглостью, чѣмъ и теперь иногда пользуются имъ безчестные слуги реакціи, литературнаго и высше-полицейскаго свойства, эти послѣдніе, быть можетъ, могикане отходящаго въ вѣчность произвола. Въ ту же ночь Бёрне, разумѣется, былъ схваченъ, бумаги всѣ перерыты, все опечатано, и самъ онъ отправленъ въ тюрьму. Коварный демагогъ былъ наконецъ въ рукахъ «правосудія»! Но увы!

въ этихъ бумагахъ ничего подозрительнаго не оказалось и Бёрне послѣ двухнедѣльнаго ареста былъ выпущенъ на свободу. Бёрне остроумно разсказываетъ о своемъ арестованіи. «То обстоятельство, что я былъ арестованъ ночью, и уже сижу четыре дня, не зная причины моего ареста и не бывъ выслушанъ до сихъ поръ, выставляетъ личную свободу, которою пользуется франкфуртскій гражданинъ, въ самомъ лучшемъ свѣтѣ. Во многихъ монархическихъ государствахъ, какъ Франція и Англія, законъ позволяетъ арестовать только днемъ. Какъ жестоко подобное учрежденіе. Каждый такимъ образомъ тотчасъ узнаетъ о преступленіи и человѣкъ теряетъ честь прежде, нежели онъ теряетъ свободу. Когда же человѣка отводятъ въ тюрьму ночью, тогда никто этого не замѣчаетъ и можно цѣлые годы быть заключеннымъ безъ того, чтобы городъ узналъ объ этомъ и всѣ будутъ думать, что отсутствующій находится въ путешествіи. И какъ благодѣтельны также другія послѣдствія ночного арестованія! Заключенный не тотчасъ теряетъ свою свободу, такъ какъ и безъ того ночью каждый человѣкъ запертъ въ своей комнатѣ. Сонъ заставляетъ его позабывать свои печали. Созерцаніе звѣзднаго неба даетъ ему утѣшеніе, какъ всякому несчастному; онъ думаетъ: на небѣ есть кассаціонный судъ. Онъ не видитъ изъ своего окна гуляющихъ людей, что доставляетъ ему днемъ такую горечь. Наконецъ, изъ животнаго магнетизма и отъ своей кормилицы онъ позналъ, что и безъ того ночью человѣкъ принадлежитъ дьяволу и спрашиваетъ себя: что же я теряю? Положеніе, что человѣкъ много дней остается въ неизвѣстности относительно того, въ чемъ его обвиняютъ, и безъ допроса, не менѣе благородно, гуманно и великодушно. Черезъ это заключенный выигрываетъ время, чтобы приготовиться ко всевозможнымъ случайностямъ и запастись отвѣтами на обвиненіе во всѣхъ, которыя только можно представить себѣ, преступленіяхъ, начиная отъ оскорбленія словомъ до зажигательства, такъ что самый ловкій уголовный судья не въ состояніи будетъ поймать его».

Если тутъ Бёрне прибѣгаетъ къ шуткѣ, чтобы поговорить о возмутительности тогдашней нѣмецкой процедуры, въ политическихъ дѣлахъ, если тутъ онъ съ иронією только толкуетъ о выгодахъ ночныхъ арестовъ и оставленія безъ допроса въ продолженіи многихъ дней, то тонъ его рѣчи становится нѣсколько инымъ, когда онъ обращается отъ своего, лично его касающагося дѣла, вообще къ политическимъ преступленіямъ и политическимъ процессамъ. Бёрне никогда не упускалъ случая клеймить позоромъ тотъ порядокъ, при которомъ людей, заподозрѣнныхъ въ какомъ-нибудь политическомъ преступленіи, дер-

жать десятки мѣсяцевъ, прежде чѣмъ надъ ними произносится судъ: «Развѣ это невозмутительно, развѣ это не позорно, говоритъ Бёрне, разсуждая объ одномъ политическомъ процессѣ, что между виною и наказаніемъ или между невинностью и оправданіемъ проходитъ цѣлая вѣчность мученій, которая или жестоко усиливаетъ заслуженное наказаніе или оправдательный приговоръ дѣлаетъ какимъ-то обманомъ. Въ деспотическихъ государствахъ, какъ только дѣло коснется политическаго проступка, тотчасъ исчезаютъ всѣ гарантіи закона, защита невиннаго превращается въ какое-то посмѣшище и тотъ, который судитъ, разсуждаетъ: «человѣкъ ничто, государство все». Государство же для такого судьи заключается въ правительствѣ, правительство же въ одномъ правителѣ. «Безопасность собственности, свобода, жизнь гражданъ», ради которыхъ, какъ въ этомъ обыкновенно увѣряютъ, принимаются «заботливыми» правительствами суровыя мѣры противъ «подозрительныхъ» лицъ, все это одни только слова въ странѣ, управляемой произволомъ. Каждая деспотическая монархія, говоритъ Бёрне, безъ участія народа въ управленіи — въ законодательствѣ посредствомъ депутатовъ, въ судахъ посредствомъ присяжныхъ, въ вооруженной силѣ посредствомъ національной гвардіи — есть ничто иное какъ организованное разбойничество; я предпочитаю то, которое попадается въ лѣсу...»

Бёрне горько жалуется, что въ его лишенномъ свободы отечествѣ, вмѣсто правильнаго и справедливаго суда, встрѣчается только правильно организованный обманъ, что надъ обществомъ такъ презрительно насмѣхаются, выдавая ему, вмѣсто безпристрастнаго слѣдствія, какую то жалкую комедію. И надо вспомнить, что̀ называлось государственнымъ преступленіемъ въ Германіи и Австріи 20-хъ годовъ, кто обвинялся въ этихъ преступленіяхъ. Преступленіями назывались сплошь и рядомъ самые чистые поступки, направленные къ дѣйствительному благу государства, а преступниками тѣ люди, которые во сто разъ чище и честнѣе тѣхъ, которые присвоивали себѣ власть судить ихъ. Преступниками являлись тѣ, которые рѣшались пожертвовать всѣмъ, для нихъ дорогимъ, всею своею жизнію для одной цѣли — пользы цѣлаго общества. «Въ деспотическихъ государствахъ правитель и государство разсматриваются какъ одно, говоритъ Бёрне и такимъ образомъ каждое государственное преступленіе является оскорбленіемъ правителя и каждое оскорбленіе правителя государственнымъ преступленіемъ. И этотъ правитель, который оскорбленъ, самъ же и назначаетъ наказаніе за оскорбленіе, наказываетъ оскорбителя; такъ какъ судьи, законо-

датели суть нечто иное какъ правительственные чиновники, имъ назначаются, имъ же и смѣщаются и судьба ихъ самихъ и ихъ семействъ находится въ прямой зависимости отъ того, насколько слѣпо подчиняются они желаніямъ и капризамъ правителя. Такимъ образомъ каждая месть правителя принимаетъ внѣшній видъ законности, и что еще опаснѣе, это то, что даже заслуженное наказаніе принимаетъ видъ мести. Въ каждомъ судебномъ дѣлѣ вопросъ идетъ не только о томъ, чтобы было соблюдено право, но также о томъ, чтобы каждый гражданинъ въ государствѣ имѣлъ увѣренность, что право не будетъ нарушено. Къ чему и безопасность, когда нельзя имѣть увѣренности въ этой безопасности. Сновидѣніе опасности можетъ напугать въ теплой и мягкой кровати также сильно, какъ самая опасность. Но этого чувства безопасности, этой увѣренности въ строгой законности не можетъ имѣть нѣмецкій гражданинъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается политическихъ преступленій. Глубокая ночь окружаетъ тюрьму, слѣдствіе производится тайно, тайно произносится судебный приговоръ, защита остается скрытою, первый лучъ свѣта падаетъ на эшафотъ, блѣдная, возбуждавшая страхъ голова, скатывается — виновная или невинная, объ этомъ будетъ судить только Богъ....» Такими мрачными красками рисуетъ Бёрне Германію 20-хъ годовъ. Бёрне горько вздыхаетъ, глядя на истерзанную произволомъ свою родину, и съ завистью, перемѣшанною съ болью, смотритъ онъ на тѣ страны, гдѣ нѣтъ этихъ придуманныхъ заговоровъ, запугивающихъ монарховъ, гдѣ не создаются умышленно всевозможныя «коммиссіи» для преслѣдованія «демагогическихъ происковъ», гдѣ нѣтъ, однимъ словомъ, всей этой лжи, безъ которой не дышетъ ни одно деспотическое государство. «Въ свободныхъ государствахъ, напримѣръ во Франціи и Англіи, судебное слѣдствіе и разбирательство происходятъ гласно и приговоръ произносится тоже гласно. Обвиняемаго судятъ не королевскіе чиновники, но самъ народъ въ лицѣ своихъ присяжныхъ. Произволъ не можетъ имѣть тутъ мѣста, потому что свободная печать доводитъ каждую жалобу обвиняемаго до общаго свѣдѣнія. Жить въ пустынѣ, наполненной дикими звѣрями, прибавляетъ Бёрне, не такъ опасно, какъ въ странѣ, не имѣющей гласнаго судопроизводства, присяжныхъ и свободы печати...»

Ничего подобнаго не находилъ Бёрне въ своемъ родномъ городѣ—въ «вольномъ Франкфуртѣ», и потому онъ не могъ оставаться здѣсь спокойно. Скоро снова покидаетъ онъ Франкфуртъ, но на этотъ разъ Бёрне не отправился въ Парижъ, онъ странствуетъ по Германіи. Онъ пробылъ довольно много времени въ

Штутгартѣ, гдѣ завязалъ сношенія съ знаменитымъ въ то время издателемъ и книгопродавцемъ, по имени Котта. И эти завязанныя сношенія были едва ли не единственною выгодою его пребыванія въ Штутгартѣ. Онъ не чувствовалъ себя здѣсь многимъ лучше, чѣмъ въ родномъ городѣ, и это весьма понятно, такъ какъ состояніе политической атмосферы немногимъ рознилось тутъ отъ Франкфурта. Таже спертость воздуха, тоже удушье! Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, Бёрне отвѣдалъ уже сладкаго, и потому тѣмъ тяжелѣе для него было довольствоваться тою горькою пищею, которую доставляла ему Германія. Онъ не могъ сидѣть въ Германіи, его тянуло туда, гдѣ свободнѣе было дышать, гдѣ можно было сознавать, что дѣйствительно живешь. Однимъ словомъ, Бёрне рвался въ Парижъ.

Къ этому времени относится одно изъ его писемъ къ г-жѣ Воль, гдѣ Бёрне мѣтко характеризуетъ значеніе Парижа и опредѣляетъ свойство своего таланта. Какъ бы извиняясь передъ своимъ другомъ, что ему не сидится въ Германіи, что талантъ и способности его подавляются политическимъ положеніемъ страны, онъ пишетъ ей изъ Штутгарта, давая ей предчувствовать свою новую поѣздку во Францію: «Вы можете быть увѣрены, что я не поѣду въ Парижъ, не обдумавъ зрѣло всѣхъ выгодъ и невыгодъ, и что всѣ мои соображенія и доводы я представлю на ваше обсужденіе. Парижъ кажется мнѣ мѣстомъ, наиболѣе подходящимъ къ моему роду литературной дѣятельности и къ свойству моего ума. Той творческой силы, которая сама создаетъ для себя матеріалъ, во мнѣ нѣтъ; я долженъ сперва имѣть матеріалъ, а потомъ могу обработывать его довольно удачно. Или же — чтобы не быть несправедливымъ къ самому себѣ — я могъ бы даже создавать и новыя вещи, но во мнѣ нѣтъ ни малѣйшей склонности къ произведеніямъ фантазіи; меня шевелитъ, волнуетъ только то, что́ уже живетъ, что́ существуетъ внѣ меня. Я слишкомъ нѣмецъ, слишкомъ философиченъ, слишкомъ воспріимчивъ, и потому Парижъ, сверхъ матеріала, далъ бы мнѣ необходимую легкость мышленія и письменнаго изложенія...» Бёрне, желая быть справедливымъ, тутъ все-таки несправедливъ къ самому себѣ; ему не нужно было ѣхать въ Парижъ, чтобы запасаться легкостью «мышленія» и легкостью «изложенія»; тѣмъ и другимъ, какъ въ этомъ уже могъ убѣдиться читатель, Бёрне обладалъ въ самой высокой степени. Его тянуло въ Парижъ въ силу того, что онъ былъ по существу публицистомъ, котораго «волновало», «шевелило» только то, что́ существовало въ дѣйствительности; всѣ его нравственныя силы были направлены только къ одному, къ улучшенію дѣйствительности! Отсюда про-

истекала его нелюбовь ко всему фантастическому, ко всему, что способно убаюкивать людей въ сладкихъ грезахъ, или питать ихъ отвлеченными идеалами, въ то время, когда, по его мнѣнію, всѣ силы людей, выдающихся по своему таланту, должны были бы сосредоточиваться, въ формѣ ли изящной литературы или всякой другой, на заботѣ—клеймить въ обществѣ все фальшивое, выяснять людямъ ихъ узурпированныя права, безпощадно нападать на ту систему общественной жизни, которая губитъ свободное развитіе народа и дѣйствительную жизнь превращаетъ въ безобразный рядъ всяческихъ униженій и уродствъ. Для Бёрне свобода была тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, безъ котораго всякое зданіе непрочно; потому всѣ другіе вопросы должны были быть оставлены въ сторонѣ, прежде чѣмъ не будетъ доставлено торжество именно этому началу. Политическій писатель и не могъ разсуждать иначе. Его тянуло въ Парижъ, потому что тамъ представлялась большая возможность быть пламеннымъ проповѣдникомъ этой свободы, тамъ не боялся онъ поддаться всесокрушающей силѣ апатіи, заражающей собою сплошь и рядомъ лучшихъ, передовыхъ людей въ деспотической странѣ, и дѣлающей ихъ въ короткій періодъ времени безполезными для борьбы съ пожирающимъ общество зломъ, людьми надломленными, разбитыми. Да и притомъ, въ Германіи того времени, было все до такой степени однообразно скучно, монотонно, до того жизнь влачилась однообразно, что писатель, даже такой энергическій, могъ встрѣтить опасность—притупиться, сжиться съ зараженнымъ воздухомъ и не чувствовать болѣе всей оскорбительной боли наносимыхъ ударовъ. «Будь я одушевленъ, говоритъ Бёрне, даже самою усердною устойчивостью, я все-таки не могъ бы долго продолжать изданіе «Вѣсовъ» въ Германіи. О чемъ прикажете говорить? О театрѣ? литературѣ? нравахъ и обычаяхъ? Все каррикатурно, ни малѣйшаго величія, никакого разнообразія—даже въ скверномъ и смѣшномъ. И неужели же вѣчно бранить, вѣчно издѣваться? Это утомляетъ наконецъ и пишущаго и читающаго»....
Такимъ образомъ дотрогивается Бёрне до одной изъ самыхъ чувствительныхъ ранъ порабощеннаго общества—отсутствія въ немъ живой литературы. Не говоря уже о томъ запрещеніи, которое тяготѣетъ надъ человѣческимъ словомъ и подавляетъ всякій благородный порывъ мысли, въ такомъ обществѣ жизнь и интересы, которые доставляютъ литературѣ матеріалъ, до того мельчаютъ, становятся до того ничтожны, что поневолѣ и литература дѣлается блѣдною, разслабленною, постоянно умирающею. Какъ только въ странѣ пробуждается жизнь, завязывается борьба дѣйствительныхъ интересовъ различныхъ общественныхъ слоевъ,

такъ тотчасъ оживаетъ и литература, дѣлающаяся эхомъ этой борьбы, этого возбужденнаго состоянія. Несмотря на цензурныя стѣсненія, литература выработываетъ себѣ такую форму, при которой она высказываетъ извѣстныя идеи наперекоръ цензурѣ, высказываетъ между строчекъ, тогда между пишущими и читающими устанавливается извѣстная таинственная связь, при помощи которой они понимаютъ другъ друга безъ того, чтобы самое слово, которое вымарываетъ цензура, было произнесено. Но когда вмѣсто этого возбужденія, вмѣсто этой борьбы, вмѣсто жизни наступаетъ, подъ тяжелымъ давленіемъ желѣзной руки произвола, затишье, искусственное спокойствіе, тогда и въ литературѣ все глохнетъ, и она начинаетъ питаться или плодами пустой, не имѣющей отношенія къ дѣйствительной жизни, къ дѣйствительнымъ общественнымъ интересамъ фантазіи, или, что еще во сто разъ хуже, плодами продажной совѣсти, продажныхъ умовъ, работающихъ противъ общественнаго благополучія. Мракъ и скука наступаетъ въ обществѣ, и въ тоже время начинаются раздаваться въ самомъ обществѣ противъ литературы обвинительныя слова: «что за скука въ литературѣ». Литература можетъ на этотъ укоръ, весьма правдивый, отвѣчать обществу только одно: «господа, я только отражаю вашъ образъ, во мнѣ, какъ въ зеркалѣ вы только видите самихъ себя, свою собственную жизнь». Эта скука въ обществѣ, а потому и въ литературѣ, господствовала и въ Германіи двадцатыхъ годовъ, и потому Бёрне стремился во Францію, гдѣ ему не угрожала опасность поддаться этой скукѣ и измельчать въ ничтожныхъ интересахъ или, наконецъ, почувствовать утомленіе вслѣдствіе вѣчной брани или вѣчнаго издѣванія, какъ выражается онъ самъ. «Жизнь въ Парижѣ представляется мнѣ благодѣтельною не только для моего ума, но и для сердца. Вслѣдствіе того, что я такъ впечатлителенъ и раздражителенъ, мнѣ необходимо жить въ средѣ, которая еще впечатлительнѣе и раздражительнѣе меня. Этотъ шумъ со всѣхъ сторонъ удерживаетъ меня въ равновѣсіи. Я спокойнѣе всего въ то время, когда вокругъ меня происходитъ сильнѣйшій гулъ и гамъ. Когда я въ Германіи, то живу только въ Германіи, да и то не въ ней — я живу въ Штутгартѣ, Мюнхенѣ, Берлинѣ. Когда же я въ Парижѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ во всей Европѣ»....
Но прежде, чѣмъ ему удалось урваться въ Парижъ, онъ долженъ былъ еще прожить нѣкоторое время въ Германіи, въ Мюнхенѣ, и выдержать борьбу съ своимъ отцомъ, старикомъ Барухомъ, который вмѣстѣ съ своимъ «другомъ» Меттернихомъ, употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы свободнаго политическаго писателя, которымъ теперь гордится Германія, перетащить въ австрій-

скую службу, и сдѣлать его, если не слугой деспотизма, то по крайней мѣрѣ негоднымъ болѣе для борьбы за свободу Германіи.

III.

Всѣ переговоры, весь планъ, всѣ приготовленія для того, чтобы залучить Бёрне въ Вѣну, все это подробно описано самимъ Бёрне въ его письмахъ къ г-жѣ Воль. Кромѣ этихъ свѣдѣній и Гуцковъ также сообщаетъ нѣкоторые любопытные факты, относящіеся къ предполагавшемуся обращенію Бёрне. Мысль этого обращенія, надо полагать, принадлежала Меттерниху, а старикъ Барухъ только ухватился за нее и всѣми силами старался ее осуществить. Отецъ Бёрне былъ человѣкъ весьма умѣренный, большой консерваторъ и потому, естественно, онъ не былъ доволенъ дѣятельностію своего сына. Конечно, онъ не могъ не понимать, что сынъ его обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ, онъ, безъ сомнѣнія, внутренно гордился имъ, но ему не нравилось то употребленіе, которое дѣлалъ Бёрне изъ своего таланта. Я истратилъ на него 20,000 гульденовъ, и что же изъ него вышло? съ горестью спрашивалъ себя Барухъ. «Сочинитель статей», которыя вовсе не нравились его благородному другу Меттерниху! Онъ жаловался, что сынъ его ничего не добьется въ свѣтѣ своимъ «либеральничаньемъ»; его консерватизмъ оскорблялся тѣмъ, что сынъ его позволяетъ нападать на знатныхъ, что вовсе не соотвѣтствовало, по мнѣнію Баруха, общественному положенію сына. Онъ конечно примирился бы съ литературною дѣятельностью сына, онъ пересталъ бы жаловаться, что сынъ его не сдѣлался ни докторомъ, ни юристомъ, еслибы только Бёрне умѣлъ *иначе* направить свои литературныя способности. *Иначе* направить свои способности значило, на языкѣ Баруха, отказаться отъ убѣжденій, отъ всякихъ химеръ, какъ говорилъ онъ, и вести себя такъ, чтобы онъ, старикъ, сохранившій свои старыя связи съ австрійскимъ дворомъ, не долженъ былъ бы краснѣть, пріѣзжая въ Вѣну, что онъ «имѣетъ такого сына».

Старикъ Барухъ долженъ былъ совершенно растеряться, когда его «другъ» Меттернихъ предложилъ ему для сына самыя блистательныя условія. Пускай только Бёрне пріѣдетъ въ Вѣну и онъ получитъ мѣсто и содержаніе императорскаго совѣтника безъ всякой обязательной службы. Ко всему этому Меттернихъ, который отлично понималъ выгоду склонить на свою сторону такого писателя, какъ Бёрне, но вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ способенъ понять, при своей политической развращенности, что такіе люди не про-

даются, обѣщалъ, что австрійская цензура нисколько не станетъ его стѣснять, что онъ можетъ писать все, что́ ему угодно, и что надъ нимъ не будетъ другого цензора, какъ онъ самъ. Барухъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы склонить сына принять эти выгодныя условія, или только, хоть пріѣхать въ Вѣну, посмотрѣть, что́ изъ этого можетъ выйти, тѣмъ болѣе, какъ писалъ ему отецъ, что онъ во всякое время будетъ свободенъ бросить Вѣну и уѣхать. Отецъ былъ съ нимъ милъ, любезенъ, и только силою убѣжденій и просьбъ старался склонить его бросить тернистый путь свободнаго писателя и вступить на ту дорогу уступокъ и соглашенія, на которой матеріальныя выгоды льются обильнымъ дождемъ.

Письма старика отца были такъ убѣдительны и вмѣстѣ такъ ловко скрывали настоящую цѣль его просьбы побывать въ Вѣнѣ, что Бёрне чуть-чуть не поддался. Онъ тѣмъ легче могъ послѣдовать совѣту своего отца, что ему давно уже хотѣлось посмотрѣть вблизи на Австрію. «То, что́ меня привлекаетъ туда, говоритъ Бёрне въ письмѣ къ госпожѣ Воль, это цѣль изслѣдованія. Австрія — это замѣчательная страна, европейскій Китай. Я никогда еще не видѣлъ моря съ самаго берега,—я говорю о политическомъ морѣ, а его можно видѣть только въ Вѣнѣ», прибавляетъ Бёрне, намекая на то, что тамъ были собраны всѣ нити европейской реакціи. Госпожа Воль была противъ этой поѣздки, она опасалась за его свободу и потому Бёрне колебался — ѣхать или не ѣхать въ Вѣну. Впрочемъ, чѣмъ больше думалъ онъ объ этой поѣздкѣ, тѣмъ болѣе являлось у него рѣшимости отказаться ѣхать въ Вѣну.

Рѣшеніе это, надо полагать, было какъ нельзя болѣе разумно, если принять во вниманіе, какія мысли возбуждало въ Бёрне одно слово «Австрія». Госпожа Воль должна была совершенно успокоиться на счетъ этой поѣздки, когда получила письмо, въ которомъ Бёрне между прочимъ говорилъ: «вы знаете, что я не фанатикъ, и что мои склонности, и особенно антипатіи, всегда спокойны и обусловливаются соображеніями разсудка. Только къ австрійскому правительству чувствую я истинную фанатическую ненависть. Стоитъ кому нибудь только произнесть слово Австрія—и въ моемъ сердцѣ точно открывается кранъ, и цѣлый потокъ упрековъ и проклятій быстро вырывается оттуда. Я прихожу въ отчаяніе, какіе глубокіе корни пустила въ этой странѣ аристократическая тиранія—прихожу въ отчаяніе потому, что не вижу никакой возможности помочь этому злу.... Если, продолжаетъ Бёрне, какое-нибудь сильное землетрясеніе не опрокинетъ всю Австрію вверхъ дномъ, то ни добродѣтель,

ни умъ, ни мужество либеральныхъ людей тутъ ровно ничего не сдѣлаютъ».

«Въ этой странѣ чувствуешь свое полное безсиліе, но безсиліе, — замѣчаетъ при этомъ Бёрне, — ругается, а потому я тоже стану ругаться. Я буду молчать одну недѣлю, буду молчать другую, но на третью послѣдуетъ взрывъ — и самое меньшее, что̀ изъ этого выйдетъ, будетъ высылка меня за границу посредствомъ полиціи». Разумѣется, при такихъ данныхъ самое разумное было вовсе не ѣхать въ эту императорскую Вѣну, въ эту меттерниховскую Австрію, въ которой Бёрне съ большимъ основаніемъ видѣлъ прототипъ деспотической и реакціонной страны. Если въ то время, когда писалъ Бёрне, и въ другихъ государствахъ было не болѣе весело, если другія правительства не только не уступали австрійскому, но шли даже гораздо смѣлѣе по пути гоненій и политическихъ преслѣдованій, то за то въ Австріи, какъ въ странѣ болѣе опытной, преслѣдованія были болѣе утонченнаго и вслѣдствіе этого болѣе ехиднаго свойства, реакція была здѣсь менѣе груба, но за то болѣе злокачественна, такъ какъ тутъ ей были знакомы всѣ пружины самаго хитраго, іезуитскаго гоненія на всякое проявленіе самой затаенной свободной мысли.

Здѣсь крылось зерно реакціи, и Бёрне былъ совершенно правъ, говоря, что только землетрясеніе, которое бы опрокинуло все вверхъ дномъ, способно было бы избавить Австрію отъ глубоко вкоренившейся тираніи. Нѣсколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Бёрне, чувствовались въ Австріи удары землетрясенія. Возстаніе подвластныхъ Габсбургамъ народовъ въ 1849 году опрокинуло бы, быть можетъ, тогда же всю систему старой Австріи, еслибы на помощь Австріи не двинулось чужеземное войско. Затѣмъ, Сольферино и Маджента были новыми ударами землетрясенія, о которомъ пророчествовалъ Бёрне, и наконецъ Садова имѣла значеніе настоящаго и грознаго землетрясенія. Кто знаетъ, чтобы окончательно воскресить страну къ свободной и разумной жизни, не потребовалъ-ли бы теперь Бёрне еще новаго землетрясенія.

Положеніе литературы, журналистики всегда говоритъ о положеніи вообще общественной жизни, и потому Бёрне прежде всего спрашиваетъ себя: есть ли возможность въ такой странѣ писать болѣе или менѣе свободно. Каковъ былъ отвѣтъ Бёрне на этотъ вопросъ относительно Австріи, можно видѣть по одному изъ его писемъ. «Не думайте — пишетъ онъ къ г-жѣ Воль — что въ Вѣнѣ легко вести себя сообразно съ мѣстными требованіями и условіями. Не говорить о политикѣ я, пожалуй, могъ

бы, но вѣдь тамъ все политика, такъ какъ все тамъ исходитъ изъ правительства. Я не смѣю разсуждать тамъ ни о театрѣ, ни о мостовыхъ, ни объ освѣщеніи, ни о хлѣбѣ, ни о пивѣ. Все, что̀ ни дѣлаетъ самый мелкій чиновникъ, дѣлается именемъ императора, и если я позабавлюсь надъ танцовальнымъ па какого-нибудь унтеръ-офицера, то я совершилъ уже оскорбленіе величества». Въ этомъ же письмѣ Бёрне высказываетъ свое опасеніе, что отецъ хочетъ залучить его въ разставленныя сѣти и опредѣлить въ австрійскую службу, и пугаетъ своего друга, говоря: «Вообразите мое несчастье; если выгодныя предложенія, льстивое ухаживанье ловкихъ людей, убѣжденія моего отца, успѣютъ заманить меня въ золотую клѣтку! Какой позоръ для меня, для васъ, для всей либеральной партіи!» Впрочемъ, онъ тутъ же успокоиваетъ г-жу Воль, увѣряя ее, что у него больше силы, чѣмъ даже онъ самъ думаетъ, и что онъ всегда съумѣетъ устоять противъ соблазна, и никогда не продастъ «свободу и честь». Вѣроятно г-жа Воль не нуждалась въ подобномъ увѣреніи Бёрне.

Переговоры относительно поѣздки Бёрне въ Вѣну продолжались довольно долго, такъ что онъ много разъ возвращается къ этому плану въ письмахъ своихъ къ г-жѣ Воль. Очевидно, что отецъ, подъ вліяніемъ Меттерниха, не оставлялъ сына въ покоѣ и дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы привлечь только его въ Вѣну. Бёрне же боролся, съ одной стороны, съ желаніемъ посмотрѣть на Вѣну, познакомиться на мѣстѣ съ «своеобразнымъ государственнымъ управленіемъ» Австріи, съ другой съ опасеніемъ положить руку въ львиную пасть, хотя левъ и махалъ передъ нимъ своимъ хвостомъ. Если Бёрне могъ безъ смѣха говорить о вступленіи своемъ въ австрійскую службу, то очевидно, что ему дѣлались такого рода предложенія, которыя заставляли его недоумѣвать. Ему говорили: вы будете пользоваться полнѣйшею свободою въ вашей литературной дѣятельности! Но Бёрне слишкомъ хорошо понималъ однако положеніе вещей, чтобы довѣрять льстивымъ обѣщаніямъ, и потому писалъ: «мнѣ рѣшиться на добровольное заточеніе моего духа въ тюрьму, гдѣ онъ будетъ лишенъ свѣта, пищи и движенія. Вѣдь тамъ будутъ слѣдить за моими словами, за моимъ молчаніемъ, за моимъ выраженіемъ лица, и затѣмъ, что̀ я говорю во снѣ. Высвободиться отъ шпіонства невозможно...» Онъ опасался въ то время больше, чѣмъ когда нибудь, австрійскаго правительства, потому что оно напугано было въ то время движеніями въ Италіи и въ Испаніи, а Берне зналъ очень хорошо, что «нѣтъ ничего опаснѣе того могущественнаго

правительства, которое объято страхомъ». Такое правительство не останавливается ни передъ чѣмъ.

Если Бёрне сначала только могъ догадываться по письмамъ своего отца, что въ Вѣнѣ будутъ очень рады его пріѣзду, то вскорѣ онъ окончательно убѣдился, что поступленіе его въ австрійскую службу было дѣло рѣшенное между старикомъ Барухомъ и Меттернихомъ, и что ему неумышленно конечно наносили обиду, предполагая, что онъ также будетъ способенъ продаться, какъ продался Генцъ и многіе другіе. Впрочемъ, нужно сказать, что вовсе не Меттернихи всякаго рода виноваты въ томъ, что они считаютъ возможнымъ завербовать за извѣстную плату, какого бы она свойства ни была, всякаго либеральнаго писателя. Нельзя не сознаться, что опытъ часто становился на ихъ сторону, и что много *когда-то* либеральныхъ людей превращались, даже не за очень большія выгоды, въ негодяевъ и дѣлались изъ горячихъ защитниковъ свободныхъ идей еще болѣе горячими слугами обскурантизма. Подобные примѣры знакомы, безъ сомнѣнія, и нашимъ читателямъ.

Бёрне, сознавая, что случаи подобнаго обращенія на «путь истинный» не разъ уже бывали въ Германіи, не пришелъ въ негодованіе отъ желанія Меттерниха переманить его въ лагерь реакціи, и напротивъ разсуждаетъ съ г-жею Воль очень спокойно о всѣхъ послѣдствіяхъ подобнаго обращенія: «Еслибъ я перешелъ, говоритъ Бёрне, на сторону моихъ враговъ, то даже мои друзья подумали бы, что я всегда былъ тайнымъ шпіономъ австрійскаго правительства и говорилъ противъ него для того только, чтобы вызывать другихъ на откровенность. Вы мой другъ, вы знаете меня, вамъ извѣстно, что я не тщеславенъ. Можетъ быть, я опасаюсь совершенно напрасно, можетъ быть, австрійское правительство и не думаетъ взять меня на службу, все это можетъ быть; но, по крайней мѣрѣ, я убѣжденъ, что не тщеславіе ослѣпляетъ меня и нашептываетъ мнѣ, что въ Вѣнѣ меня цѣнятъ очень высоко. Насколько ясно я понимаю вещи, пріобрѣсти меня было бы для австрійцевъ равносильно выигранной побѣдѣ....» Далѣе Бёрне, безъ всякаго ложнаго стыда, безъ всякой ложной скромности разсуждаетъ съ своимъ другомъ о томъ, отчего австрійское правительство можетъ имѣть такое сильное желаніе залучить его въ Вѣну. Глава продажной журналистики — Генцъ, въ это время умиралъ, и Меттернихъ заботился пріискать ему достойнаго преемника. Кто же лучше чѣмъ Бёрне? Бёрне, обладавшій такимъ замѣчательнымъ остроуміемъ, знавшій до мельчайшихъ подробностей всѣ слабыя стороны либеральной партіи, могъ оказать

чрезвычайныя услуги австрійскому правительству. Но что́ было еще важнѣе, чѣмъ даже талантъ и умъ Бёрне, это то имя, которымъ онъ пользовался въ Германіи — безпорочное имя одного изъ самыхъ замѣчательныхъ передовыхъ людей. Склонить его на свою сторону, это значило бы разбить всю либеральную партію однимъ ударомъ, потому что реакція могла бы тогда смѣло сказать: «если Бёрне склонился на нашу сторону, значитъ нѣтъ такой нравственной силы, которая могла бы устоять противъ правительственнаго обольщенія». Бёрне это отлично понималъ и потому онъ съ полнымъ правомъ говорилъ: «....въ моемъ лицѣ была бы разбита вся либеральная партія. Мои гласныя политическія мнѣнія всегда были проникнуты такою честностью, такою искренностью, что, какъ я слышу съ разныхъ сторонъ, даже вѣнская ультра-консервативная партія смотритъ на меня съ уваженіемъ, несмотря на то, что никто не выступалъ противъ нихъ такъ врождебно, какъ я. Она должна была сознаться, что если я и заблуждаюсь, то мое заблужденіе все-таки совершенно искренно. Кому же можно было бы вѣрить, прибавляетъ Бёрне съ гордою самоувѣренностью, еслибы даже я измѣнилъ нашему дѣлу....» Результатомъ всѣхъ этихъ соображеній, переговоровъ, обдумываній было то, что Бёрне рѣшился не ѣхать въ Вѣну и сталъ собираться снова въ Парижъ. Такимъ образомъ старанія австрійскаго правительства — завербовать Бёрне въ свой лагерь не удались; но оно не успокоилось.

Не прошло и года послѣ этихъ перговоровъ, какъ отецъ Бёрне, который былъ въ этомъ случаѣ только орудіемъ Меттерниха, снова писалъ своему сыну, упрашивая его пріѣхать хоть на нѣсколько дней въ Вѣну: «я надѣюсь доставить тебѣ въ Вѣнѣ почетное положеніе, которое будетъ совершенно независимо. И не думай, пожалуста, что отъ тебя будутъ требовать такія вещи, которыя пойдутъ въ разрѣзъ съ твоими убѣжденіями.... и что можешь ты потерять оттого, если ты только выслушаешь, чего отъ тебя желаютъ, и если тебѣ что не понравится, то вѣдь ты всегда можешь уѣхать назадъ». Заклиная сына не отказываться отъ представлявшагося ему счастія, старикъ Барухъ вовсе не понималъ, что онъ готовитъ для сына не счастіе, а позоръ, тотъ позоръ, которымъ клеймятся люди, продавшіе свои убѣжденія и рѣшившіеся служить безчестному дѣлу.

Переписка эта только тѣмъ и интересна, что она показываетъ, какъ такое абсолютное правительство, каковымъ было австрійское въ 20-хъ годахъ, употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы развращать людей, которые громко высказываются про-

тивъ вопіющаго произвола. Впрочемъ, это и совершенно понятно. Этотъ абсолютизмъ только и могъ держаться или общественнымъ невѣжествомъ, или общественною развращенностью, деморализаціею. Отсюда и выходило, что съ одной стороны австрійское и другія правительства являлись противниками широкаго народнаго образованія, и въ бюджетахъ ихъ, рядомъ съ огромными цифрами, въ отдѣлѣ военнаго министерства, да пожалуй еще въ отдѣлѣ министерства полиціи, стояли ничтожныя цифры въ отдѣлѣ министерства народнаго просвѣщенія. Съ другой стороны, изъ пристрастія къ общественной деморализаціи проистекало и гоненіе на всякую честную мысль и на тѣхъ писателей, которые старались дѣйствовать въ смыслѣ широкой нравственности на общество, или стараніе привлечь на свою сторону людей, честныхъ и даровитыхъ изъ лагеря разума и свободы. Что такое поведеніе не было лишено извѣстной сметливости, объ этомъ нечего и говорить; но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы жестокою ошибкою думать, что люди убѣжденій, переходя въ лагерь людей интриги, могутъ долго служить тому началу, противъ котораго они сами вели отчаянную борьбу. Никто такъ скоро не изнашивается, не разъ высказывалъ Бёрне, какъ ренегаты своихъ убѣжденій, и тотъ порядокъ, который старался переманить ихъ на свою сторону, самъ же очень скоро бросаетъ ихъ, какъ изношенную подошву и начинаетъ относиться къ нимъ съ чувствомъ недовѣрія, перемѣшаннаго съ презрѣніемъ. Горе поэтому тѣмъ людямъ, которые, съ одной стороны ради матеріальныхъ выгодъ, съ другой ради той мнимой пользы, которую они думаютъ принести цѣлому обществу, становятся въ ряды интригановъ, которые накидываются на всякое грязное дѣло, на всякое преслѣдованіе, ища въ немъ себѣ поживы. Честные въ сущности люди по слабости идутъ на брошенную имъ удочку, но эту слабость они искупаютъ впослѣдствіи тяжелыми нравственными страданіями, преслѣдующими ихъ всю жизнь. Бёрне отлично это понималъ, и потому, чтобы не поддаться слабости или минутному увлеченію — а кто можетъ быть такъ крѣпокъ, чтобы не чувствовать въ себѣ этой боязни — онъ поспѣшилъ бросить Германію и уѣхалъ въ Парижъ.

IV.

Во второе свое пребываніе въ Парижѣ, которое продолжалось довольно долго, чуть не два года, Бёрне чувствовалъ себя точно также хорошо, какъ и въ первый свой пріѣздъ въ Парижъ. Онъ менѣе раздражался, менѣе волновался, съ одной стороны

оттого, что и на самомъ дѣлѣ Франція представляла менѣе поводовъ для раздраженія нежели Германія, а съ другой потому, что, несмотря на весь космополитизмъ Бёрне, за который его такъ обвиняли люди менцелевской породы, онъ былъ несравненно чувствительнѣе къ страданіямъ нѣмецкаго народа, нежели къ болямъ французскаго государства. Это достаточно ясно выразилось въ словахъ, которыя мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ его писемъ въ г-жѣ Воль. «Если г-жа Сталь, писалъ Бёрне, говорила, что Парижъ—единственный городъ, гдѣ можно обойтись безъ счастья, то я могу сказать еще съ бо́льшимъ правомъ, что Парижъ—это единственное мѣсто, гдѣ можно чувствовать отсутствіе свободы, не чувствуя въ тоже время себя несчастнымъ. Здѣсь я это выношу, въ Германіи нѣтъ». Но, быть можетъ, конечно, что Бёрне спокойнѣе выносилъ недостатокъ свободы въ Парижѣ, чѣмъ въ Германіи, именно потому, что во Франціи никогда съ такою низостью, какъ выражается самъ Бёрне, не топтали ногами всякое право, и никогда такъ нагло не тѣшились надъ народомъ. «Мое сердце, говоритъ онъ, разрывается, когда я думаю объ этихъ волкахъ — нѣмецкихъ министрахъ, которые немилосердно свирѣпствуютъ и объ этихъ баранахъ—нѣмецкихъ гражданахъ, которые терпѣливо сносятъ свирѣпствованія. Никто не знаетъ и даже вы не можете себѣ составить понятія, прибавляетъ Бёрне, какъ все это меня волнуетъ».

Тяжело должно быть положеніе страны, возмутителенъ долженъ быть произволъ, когда у писателя вырываются такія слова, какими заключаетъ Бёрне свое письмо: «нужно бѣжать этой страны, какъ чумы, такъ какъ тутъ нѣтъ выбора — нужно быть или преслѣдователемъ или преслѣдуемымъ, волкомъ или барашкомъ». Слова эти относились къ Германіи, которая испытывала въ то время всю тяжесть произвола, гдѣ, слѣдовательно, не существовало твердыхъ законовъ, которые обезпечивали бы личную безопасность, гдѣ почти безсмѣнно дѣйствовали различныя политическія коммиссіи, въ видѣ тѣхъ, которыя описывалъ Бёрне, коммиссіи «для преслѣдованія демагогическихъ происковъ», но по правдѣ больше для того, чтобы было гдѣ поживиться всякаго рода интриганамъ. Бёрне правъ: тамъ гдѣ люди могутъ мѣсяцами, годами томиться въ заключеніи только по одному подозрѣнію въ томъ, что имъ было извѣстно о какихъ-нибудь «демагогическихъ происках» и что они не донесли на своихъ отцовъ, матерей, сестеръ, братьевъ или друзей, однимъ словомъ, по одному подозрѣнію въ томъ, что у этихъ людей нѣтъ доброй охоты быть вольными шпіонами, тамъ конечно

не было другого выбора, какъ быть «преслѣдователемъ» или «преслѣдуемымъ», «волкомъ» или «бараномъ».

Бёрне отдыхалъ въ Парижѣ; ипохондрія—эта болѣзнь всѣхъ честныхъ людей въ странѣ, лишенной политической свободы, почти вовсе покидала его здѣсь и если возвращалась, то только весьма рѣдко. Въ это время, т. е. въ 1822 и 1823 годахъ, онъ работалъ весьма дѣятельно въ «Политическихъ Анналахъ», которыя издавалъ Котта, съ которымъ Бёрне сошелся въ Штутгартѣ. Его «Описанія Парижа», т.-е. цѣлый рядъ статей, посвященныхъ разсказамъ о парижской жизни, имѣли огромный успѣхъ въ Германіи и еще болѣе упрочили его литературную славу. Онъ описывалъ нравы, жизнь, общество, событія, этого «телеграфа прошедшаго, микроскопа настоящаго и телескопа будущаго», какъ называлъ Бёрне Парижъ. Описанія его, эти «Schilderungen aus Paris», отличались обыкновеннымъ его остроуміемъ, мѣткостью и глубиною. Во многихъ изъ нихъ есть замѣчательная глубина не только ума, но — что еще рѣже, и часто производитъ болѣе сильное впечатлѣніе,—глубина чувства. Несправедливо было бы сказать, что описанія эти уже устарѣли и для нашего времени представляютъ слабый интересъ. Въ томъ и заключается качество сильныхъ талантовъ, къ которымъ принадлежалъ Бёрне, что ихъ описанія, хотя бы они и относились къ тому, что́ было потомъ описано двадцать разъ, сохраняютъ такую силу, такую оригинальность, которая не старѣетъ, а потому и не теряетъ интереса.

Одною изъ самыхъ удачныхъ картинъ среди ряда «описаній» можно безошибочно, кажется, назвать его статью подъ названіемъ «Der-Greve-Platz», въ которой Бёрне, съ свойственною ему теплотою и вмѣстѣ злою ироніею, описываетъ впечатлѣніе казни четырехъ юношей, осужденныхъ на смерть за участіе въ заговорѣ, вспыхнувшемъ въ 1822 г. и извѣстнымъ подъ именемъ conspiration de la Rochelle.

Парижъ — это большая справочная книга и гулять по парижскимъ улицамъ значитъ «читать», выражается Бёрне. Въ одну изъ такихъ прогулокъ-чтеній, когда передъ его глазами проходила «позолоченная бѣдность», когда онъ слышалъ «шутки голода» и видѣлъ «смѣхъ порока», онъ узнаетъ, что къ вечеру назначена казнь молодыхъ заговорщиковъ. «Въ продолженіи двухъ часовъ уже я странствовалъ по Парижу и на всѣхъ улицахъ находилъ самую возбужденную жизнь. Правда, эта жизнь не всегда прыгаетъ, поетъ и смѣется, подчасъ она также ползаетъ, стонетъ и плачетъ — но все-таки *живетъ*. И въ этотъ самый часъ, и въ этомъ самомъ городѣ четверо юношей если и дышали, то уже не жили, потому что на нихъ нашло, если не отчаяніе, то

преображеніе, они не принадлежали болѣе къ живымъ людямъ. Солдаты, которые за ихъ участіе въ заговорѣ Ла-Рошели осуждены были на смерть, должны были быть казнены въ четыре часа на Гревской площади. Я узналъ объ этомъ только на улицѣ. Быть можетъ, полмилліона людей точно также узнали объ этомъ только изъ вечернихъ газетъ. Таковъ Парижъ». Бёрне описываетъ свое впечатлѣніе, какъ подъѣхалъ онъ къ фатальной площади, какъ остановился передъ богатымъ трактиромъ, наполненнымъ элегантными дамами и свѣтскими господами, которые явились сюда, чтобы съ большого балкона трактира развлечься торжественною процессіею. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть болѣе трагично, торжественно, нежели смерть! да еще какая смерть? казнь. «Я видѣлъ, зло говоритъ Бёрне, сострадательныхъ женщинъ съ блѣдными щеками и тяжело вздымавшеюся грудью, которыя все-таки и ѣли и пили. Поэтъ, который сказалъ: «Стоя въ безопасной гавани, сладко смотрѣть на крушеніе корабля», хорошо зналъ человѣческое сердце!» Если никто не осмѣливается при такомъ случаѣ высказывать громко того, что каждый долженъ чувствовать, то за то одинъ или нѣсколько человѣкъ всегда громко высказываютъ то, чего они вовсе не чувствуютъ. Кто же эти люди? шпіоны. «Одинъ изъ нихъ, передаетъ Бёрне, подошелъ ко мнѣ, чтобы пощупать мой пульсъ. Бросая взглядъ черезъ окно на народныя массы и на вооруженную силу, произнесъ съ насмѣшливой миной: «il leur faut quatre mille hommes pour quatre»! Я молчалъ. «Ces jeunes hommes ont tien merité un petit châtiment, ils ont voulu renverser le gouvernement, mais...» Я молчалъ. «Paris dort»! сказалъ сантиментальный шпіонъ. Я молчалъ—прибавляетъ Бёрне къ этому характеристическому разсказу,—я молчалъ, но думалъ: Парижъ не спитъ, онъ на сторожѣ, испытываетъ боязнь, обдумываетъ, медлитъ и не останавливаетъ». Разсказывая, какъ показалась наконецъ траурная процессія, какъ сочувственно взоры толпы были обращены къ шедшимъ на смерть юношамъ, какъ спокойны были ихъ лица и какъ возмутительна должна была казаться народу ихъ казнь, Бёрне останавливается невольно на одной мысли, которая наводитъ его на грустное раздумье о роковой «глупости» народовъ. На площади стояла густая масса народа, военная сила была относительно въ ничтожномъ составѣ. Народъ, который на фактѣ былъ во сто разъ сильнѣе небольшой кучки солдатъ, злобно смотрѣлъ на нихъ, но злобу затаивалъ въ своей груди, не смѣя обнаруживать ее ни однимъ движеніемъ. Тронься этотъ народъ и военная сила была бы раздавлена. Что же принуждало эту народную массу бездѣйствовать? Страхъ? Но

«страхъ чего? Сила на ея сторонѣ. Очевидно, причина его покорности одна — глупость. «Я съ удивленіемъ смотрѣлъ, говоритъ Бёрне, на ловкость, съ которою военная сила обуздывала народъ! Содрогаясь, преклонялся я передъ силою человѣческаго духа, передъ его гидротехническою заботою, передъ тѣмъ, какъ онъ укрощаетъ море и ничтожной силѣ обезпечиваетъ господство надъ значительною силою. Тутъ въ первый разъ въ моей жизни пришло мнѣ на умъ, прибавляетъ иронически Бёрне, что правительства установлены Богомъ, какъ могли бы держаться они иначе».

Въ чемъ бы ни проявлялась эта глупость, Бёрне всегда ее преслѣдовалъ, подчасъ своею колкою ироніею, подчасъ насмѣшкою, въ которой чувствовалась самая теплая любовь къ человѣчеству. Говоря о французахъ, несмотря на всю его любовь къ нимъ, онъ вовсе не впадаетъ въ тонъ хвалебнаго гимна народу; напротивъ, онъ относится къ нему также строго, какъ и къ своимъ соотечественникамъ — нѣмцамъ. Правительство Лудовика XVIII воздвигаетъ памятникъ Лудовику XIV, Бёрне насмѣхается не надъ правительствомъ, а надъ народомъ. «Уже прежде, говоритъ онъ, на этомъ мѣстѣ болѣе чѣмъ сто лѣтъ стояла статуя Лудовика XIV, но она была сброшена во время революціи, а теперь эти глупцы снова должны воздвигать ее на свой собственный счетъ». Обвиняя народъ въ глупости, онъ пользуется тѣмъ же случаемъ, чтобы обвинить правительство въ обманѣ. «На другое утро,—разсказываетъ Бёрне,—множество оффиціальныхъ газетъ разсказывали чудеса про всеобщее воодушевленіе парижскаго народа. Одно небо знаетъ, откуда они берутъ всю эту милую ложь!» Правда, и эта глупость и этотъ обманъ мелки, но вѣдь изъ мелочей слагается цѣлая жизнь, и нѣтъ никакой причины думать, что въ крупныхъ дѣлахъ народъ будетъ умнѣе, а правительство честнѣе, напротивъ, исторія доказываетъ прямо противоположное. Но Бёрне не отчаявается въ будущности народовъ, онъ твердо убѣжденъ, что обманъ уступитъ мѣсто справедливости и глупость будетъ разбита разумомъ, онъ видитъ уже задатки этой побѣды, да и какъ было ихъ не видѣть въ странѣ 89-го года. Нужно было быть слѣпымъ, чтобы ясно не понимать, что старый порядокъ рушился, и что новый проходитъ только черезъ тяжелые, болѣзненные роды, но тѣмъ не менѣе можно быть уже увѣреннымъ, что ребенокъ не будетъ задушенъ прежде, чѣмъ явится на свѣтъ.

Какъ глупость и обманъ Бёрне любилъ подмѣчать въ мелкихъ, обыденныхъ явленіяхъ, такъ точно и прогрессъ, побѣды народа онъ показывалъ въ такихъ явленіяхъ, которыя на

первый взглядъ не представляли собою ничего важнаго. Въ Парижѣ устроивается промышленная, мануфактурная выставка. Гдѣ она устроивается? въ Луврѣ. Въ какомъ Луврѣ? Въ томъ самомъ Луврѣ, гдѣ въ продолженіи столѣтій жили самые сильные короли міра, куда никогда не вступала ни одна мѣщанская нога, куда не иначе входили, какъ ползая на колѣняхъ, прося, умоляя о чемъ-нибудь, или рабски принося свою благодарность. А теперь? По этому Лувру, по этимъ королевскимъ заламъ прогуливаются въ запыленныхъ сапогахъ тысячи работниковъ, тысячи ремесленниковъ. «Почести Лувра, — говоритъ Бёрне,—французскій народъ присвоилъ себѣ—это не что-нибудь, это много». Двумя словами Бёрне мѣтко очерчиваетъ весь совершившійся переворотъ въ народной жизни. Эта мѣткость, это остроуміе, это умѣнье схватывать самыя характеристичныя стороны политической и нравственной жизни общества и выражать въ блестящей, остроумной формѣ—вотъ что составляло успѣхъ его статей, собранныхъ подъ общимъ именемъ «Schilderungen aus Paris», среди которыхъ описаніе промышленной выставки въ Луврѣ занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Мы уже сказали, что въ Германіи статьи эти имѣли огромный успѣхъ, и заставили смотрѣть на него не только какъ на самаго смѣлаго политическаго писателя, но вмѣстѣ какъ и на самаго глубокаго, тонкаго и талантливаго наблюдателя надъ народною жизнію.

Эти статьи, вмѣстѣ съ другими мелкими политическими статьями, которыя появлялись въ нѣмецкихъ газетахъ, составляютъ результатъ его второго пребыванія въ Парижѣ. Быстро прошло время, около двухъ лѣтъ, которое провелъ онъ на чужой сторонѣ, и обстоятельства принудили его теперь снова возвратиться въ Германію. Прежде, чѣмъ добрался онъ до своего родного города, который всегда былъ для него суровымъ вотчимомъ, онъ остановился въ Гейдельбергѣ, но не совсѣмъ добровольно. Никогда не отличаясь особеннымъ здоровьемъ, большею частію слабый и болѣзненный тѣломъ, и только здоровый и крѣпкій духомъ, наперекоръ латинской пословицѣ, гласящей, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ быть здоровый духъ, Бёрне сильно заболѣлъ и прохворалъ довольно много времени. Г-жа Воль не отходила отъ него. Нѣсколько поправившись здоровьемъ, Бёрне проѣхалъ во Франкфуртъ, гдѣ въ этотъ разъ былъ принятъ какъ нельзя лучше. Въ честь его устраивались празднества, банкеты, Франкфуртъ начиналъ гордиться «своимъ сыномъ». Впрочемъ, не долго оставался онъ на мѣстѣ. Онъ никогда не любилъ Франкфурта, ему казалось тутъ какъ-то особенно душно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова отправился въ Штутгартъ.

Несмотря на свое болѣзненное, нервное состояніе, сопряженное съ плохимъ состояніемъ груди, съ харканьемъ кровью, начинавшеюся глухотою, Бёрне въ это время работалъ очень много. Со всѣхъ сторонъ ему сыпались предложенія, со всѣхъ сторонъ просили его принимать участіе въ газетахъ, журналахъ, редакторы постигли всю выгоду заручиться именемъ Бёрне — его читали нарасхватъ.

Немногія изъ произведеній Бёрне этой эпохи вызывали такой энтузіазмъ, такой всеобщій гулъ похвалъ, какъ то надгробное слово, которое онъ написалъ по случаю смерти Жанъ-Поля Рихтера. Всѣ знали, какъ любилъ Бёрне Жанъ-Поля, всѣ знали, что онъ смотрѣлъ на него какъ на своего учителя, и потому комитетъ франкфуртскаго музея, устраивавшаго траурное торжество въ честь Рихтера, обратился къ Бёрне съ просьбою написать рѣчь въ память этого писателя. Въ этой рѣчи выразилось все уваженіе, вся любовь Бёрне къ самому страстному изъ нѣмецкихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось яснымъ, отчего онъ его такъ любилъ. «Онъ не пѣлъ въ дворцахъ вельможъ, онъ не забавлялъ своею лирою богачей, сидѣвшихъ за сытною трапезой. Онъ былъ поэтомъ низкорожденныхъ, онъ былъ пѣвцомъ бѣдныхъ, и вездѣ, гдѣ плакали огорченные, раздавались сладостные звуки его арфы». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бёрне, «Жанъ-Поль не былъ льстецомъ толпы, слугою повседневности». Жанъ-Поль является какъ бы утѣшителемъ въ суровыя минуты жизни, а поэтъ, по мнѣнію Бёрне, долженъ быть утѣшителемъ человѣчества. «Жизнь,—выражается онъ, — была бы вѣчнымъ кровопролитіемъ, еслибы на свѣтѣ не было поэзіи». Жанъ-Поль утѣшалъ человѣчество, проникалъ въ самыя сокровенныя людскіе помыслы и движенія сердца. Онъ требовалъ рядомъ съ свободою мысли и свободу чувствъ. «Странные мы, непостижимые люди! восклицаетъ Бёрне. Нашу любовь мы стараемся скрывать еще старательнѣе, чѣмъ ненависть и высказывать себя добрыми боимся точно также, какъ опасаемся обнаруживать свое богатство въ присутствіи воровъ. Какъ часто на рынкѣ житейской суеты, или въ залахъ повседневной болтовни, мы относимся съ притворнымъ вниманіемъ къ разнымъ важнымъ, полновѣснымъ вещамъ, которыя тутъ дѣлаются, тамъ обсуждаются! Мы притворяемся равнодушными, когда на самомъ дѣлѣ взволнованы, принимаемъ серьезный видъ, когда на душѣ у насъ весело....» Вотъ противъ этого-то притворства и борется Жанъ-Поль, когда въ своихъ произведеніяхъ проповѣдуетъ свободу чувства. Смѣйтесь, какъ бы говоритъ онъ, когда вамъ смѣется, плачьте, когда вамъ плачется! дайте волю своимъ чув-

ствамъ! Бёрне, который во всѣхъ проявленіяхъ нѣмецкой жизни видѣлъ крайнюю вычурность и принужденность, не могъ не относиться сочувственно къ поэту, который со страстью боролся противъ подавленія природныхъ качествъ человѣка.

Но, кромѣ этой стороны, была въ Жанъ-Полѣ Рихтерѣ еще другая сторона, которая притягивала къ себѣ Бёрне, безъ сомнѣнія еще болѣе, нежели его значеніе какъ поэта-утѣшителя. Нужно было бы слишкомъ узко понимать смыслъ и значеніе поэзіи, чтобы думать, что вся цѣль ея заключается въ доставленіи радости и утѣшенія человѣчеству. Поэзія, какъ и всякое другое выраженіе человѣческаго духа, чтобы быть благодатной для человѣчества, должна быть направлена къ тому, чтобы способствовать здоровому развитію общества, чтобы въ этомъ обществѣ прочно утверждалось сознаніе его правъ и обязанностей и чтобы при этомъ она оказывала людямъ нравственную помощь въ борьбѣ ихъ съ дикостью и грубостью неразвитой общественной жизни. Если поэзія лишена этой воспитательной стороны, если въ поэтѣ нѣтъ стремленія и нѣтъ силы возбуждать въ обществѣ новыя идеи, добытыя путемъ тяжкаго опыта человѣчества, тогда пусть поэтъ сколько угодно воспѣваетъ радость и счастье, пусть онъ сколько угодно утѣшаетъ страждущихъ, все-таки дѣятельность его будетъ не только не полезна, но вредна обществу, и самое его «утѣшеніе» будетъ отвратительно, потому что будетъ поддерживать только несправедливость и раболѣпство, лежащія въ основаніи стараго общественнаго строя. Бёрне понималъ это какъ нельзя лучше и потому онъ неудовлетворяется одною ролею «утѣшителя» въ поэтѣ. Не удовлетворился бы онъ ею и въ своемъ любимомъ Жанъ-Полѣ, еслибы въ то же время Жанъ-Поль не боролся за правду, свободу и справедливость. «Миссія поэта—краснорѣчиво говоритъ Бёрне, рисуя фигуру Рихтера, — состоитъ не только въ томъ, чтобы утѣшать нуждающихся въ утѣшеніи и быть оплодотворяющимъ дождемъ для томящихся жаждою душъ. Онъ долженъ, сверхъ того, быть судьею человѣчества, быть молніею и громомъ, очищающими и освѣжающими землю отъ смрада и духоты. Жанъ-Поль былъ богомъ грома, когда имъ овладѣвало негодованіе, кровавымъ бичемъ, когда онъ начиналъ наказывать, острымъ копьемъ, когда на губахъ его появлялась насмѣшка. На кого обрушивалась она, тотъ спѣшитъ бѣжать; отвѣчать на нее тоже насмѣшкою ни у кого ни хватало смѣлости. Какое бы исполинское высокомѣріе ни выступало противъ него, онъ всегда побивалъ его своею пращею. Въ какую бы мрачную, скрытую пещеру ни залѣзали низость и коварство, онъ поджи-

галъ ее, и удушаемый дымомъ, палимый огнемъ обманщикъ долженъ былъ самъ выдавать себя. Оружіе его было исправное, глазъ вѣренъ, рука тверда. Онъ любилъ упражнять ихъ, натравливая свое остроуміе на дворъ и Германію.» Этими послѣдними словами Бёрне какъ бы обнаруживаетъ, за что именно главнымъ образомъ онъ любилъ Жанъ-Поля, который, по его же выраженію, былъ «Іереміею» скованнаго деспотизмомъ народа. «Плачъ умолкъ, страданіе осталось». Еслибы въ Жанъ-Полѣ не было именно этой струи политическаго огня, еслибы онъ не вооружался иногда «кровавымъ бичемъ», которымъ съ необыкновенною силою билъ онъ злоупотребленія сильныхъ міра, тогда, конечно, онъ никогда бы не вызвалъ у Бёрне теплыхъ, прочувствованныхъ словъ, произнесенныхъ надъ закатившеюся «яркою звѣздою», какъ называлъ Бёрне Жанъ-Поля Рихтера.

Едва только распространилось это хвалебное слово по Германіи, какъ со всѣхъ сторонъ Бёрне сталъ получать поздравленія, выраженія сочувствія, просьбы напечатать рѣчь отдѣльно, чтобы распространить ее въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ. Одному изъ студентовъ, которые просили именно позволенія напечатать его рѣчь, Бёрне отвѣчалъ между прочимъ: «у меня была мысль пригласить всю Германію къ подпискѣ на памятникъ Жанъ-Полю. Впрочемъ, нѣтъ, мысли этой у меня не было, у меня было только влеченіе сердца, но когда я поразмыслилъ, я отказался отъ такого намѣренія. Къ чему бы это повело, въ нашей холодной странѣ замерзаетъ все, даже слезы». Бёрне былъ какъ нельзя болѣе доволенъ успѣхомъ «надгробнаго слова», его несказанно радовало, что такъ много нѣмцевъ сошлись «въ одномъ чувствѣ» безъ позволенія полиціи.

V.

Статьи Бёрне должны были тѣмъ сильнѣе дѣйствовать, возбуждать тѣмъ больше толковъ и шума, тѣмъ болѣе должны были приковывать къ себѣ вниманіе нѣмецкаго общества, что и теперь, т. е. въ двадцать-шестомъ, двадцать-седьмомъ годахъ, литература и журналистика въ Германіи были въ такомъ же плачевномъ положеніи, также безцвѣтны, какъ и въ первые годы появленія Бёрне. Въ литературѣ едва выступалъ только Гейне, дѣйствуя въ томъ же направленіи, которое указалъ Бёрне; та же фаланга литераторовъ, которая скоро должна была сдѣлаться извѣстною подъ именемъ «юной Германіи», находилась еще въ зародышѣ. Въ журналистикѣ полнѣйшее отсутствіе жизни, пол-

нѣйшее отсутствіе серьезныхъ интересовъ; вся она сводилась къ грязнымъ сплетнямъ, къ глупымъ слухамъ да къ пошлымъ театральнымъ новостямъ. О живыхъ вопросахъ, о крупныхъ явленіяхъ общественной жизни, не могло быть и рѣчи съ одной стороны потому, что на живые вопросы накладывалось запрещеніе и нужно было обладать извѣстною смѣлостью, чтобы ихъ касаться, съ другой, потому, что крупныхъ явленій въ общественной жизни вовсе и не было, по той простой причинѣ, что не было и общественной жизни. Однимъ словомъ, положеніе журналистики было таково, каковымъ оно неизбѣжно должно дѣлаться въ странѣ, лишенной свободы, и которая даетъ просторъ только одному произволу. Любопытно посмотрѣть, какъ описываетъ Бёрне положеніе журналистики въ это тяжкое время реакціи. Ничто не приводило его въ такое негодованіе какъ чтеніе нѣмецкихъ газетъ. Чѣмъ наполняются эти газеты, какіе у нихъ интересы, каково отношеніе ихъ къ безчисленнымъ недугамъ общества — вотъ вопросы, на которые Бёрне отвѣчалъ чуть не съ пѣною на губахъ. Дѣйствительно, ничто не могло быть печальнѣе положенія журналистики въ это смрадное время нѣмецкой жизни. Если газета избѣгала гнусной клеветы, бросаемой во все, что еще оставалось честнаго въ литературѣ, если она не рѣшалась каждый день раздражать и напускать правительство на всѣхъ, не сочувствовавшихъ ея лакейскимъ вкусамъ, если она не задавалась задачею помогать правительству въ открытіи «козней внутреннихъ враговъ», если у нея небыло охоты натравлять на преслѣдованіе какихъ-нибудь не существующихъ заговоровъ, или существующихъ только въ грязномъ воображеніи оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ доносчиковъ, тогда газетѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ пробавляться и пробавлять своихъ читателей длинными и скучными статьями о такихъ предметахъ, которые бы имѣли какъ можно меньше отношенія къ политической жизни народа, т. е. къ тому, что должно именно составлять содержаніе газетъ, да скучными и никому не нужными рецензіями о процвѣтаніи или о паденіи театра, объ игрѣ актеровъ, о бездарности или необыкновенной даровитости отечественныхъ драматурговъ, и т. д. и т. д. Другого выхода не было, если редакторъ не имѣлъ на столько гражданскаго мужества, чтобы порою рѣшаться идти противъ теченія и навлекать на себя суровую отвѣтсвенность. На это пристрастіе газетъ къ вѣчнымъ толкамъ о театрѣ жалуется Бёрне въ письмѣ къ редактору одной изъ нѣмецкихъ газетъ. «Нѣмецкія газеты—писалъ онъ—какъ политическія, такъ и не политическія, за исключеніемъ немногихъ, пошлы до невозможнаго.

Бѣдность вообще имѣетъ нѣчто романтическое, нищенство что-то трогательное, но нѣмецкія газеты взяли у бѣдности только то, что въ ней есть противнаго, а у нищенства только то, что въ немъ есть невыносимаго. Я не хочу касаться подробно здѣсь этого предмета, я не могъ бы сказать всего, что я думаю. Я коснусь только одного. Всѣ газеты каждый день и повсюду наполнены только извѣстіями объ актерахъ и пѣвцахъ, и иностранцы, читающіе наши газеты—къ счастью, что они не понимаютъ нѣмецкаго языка—должны думать, что тридцать милліоновъ достойныхъ уваженія нѣмцевъ ничего другого не дѣлаютъ, какъ только играютъ и поютъ, и ничего другого не имѣютъ на умѣ, какъ только игру и пѣніе...» Эту самую тему, т. е. пустоты и пошлости нѣмецкихъ газетъ, развилъ онъ гораздо подробнѣе въ одной изъ своихъ самыхъ остроумныхъ и самыхъ злыхъ статей, именно въ статьѣ подъ названіемъ: «Сумасшедшій въ гостинницѣ «Бѣлаго лебедя» или нѣмецкія газеты». Въ статьѣ этой столько блеска, мѣткости и глубины, она сохранила до такой степени всю свою первобытную свѣжесть и такъ вѣрно характеризуетъ положеніе прессы въ обществѣ неразвитомъ, лишенномъ нравственной силы и необходимаго простора для своего развитія, что нельзя не остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Неоспоримое свойство такого гнетущаго порядка вещей, какой описываетъ Бёрне въ Германіи двадцатыхъ годовъ, это до крайней степени запугивать людей. Отдѣльные люди теряютъ свое собственное мнѣніе, общественнаго мнѣнія не существуетъ, всякій человѣкъ, какъ улитка, уходитъ въ самого себя и оставаясь одинъ въ четырехъ стѣнахъ, боится свою мысль облечь въ слова, подозрѣвая, что стѣны могутъ подслушать его. Явись въ этой гнилой средѣ человѣкъ, который сталъ бы называть вещи по имени, громко высказывать свои мысли объ общественныхъ дѣлахъ, его просто назовутъ сумасшедшимъ, безумнымъ, вреднымъ, наконецъ опаснымъ человѣкомъ, и само общество въ своей трусости, въ своемъ малодушіи и испорченности будетъ чувствовать нѣкоторое довольство, когда правительство распорядится тѣмъ или другимъ образомъ съ этимъ человѣкомъ и заставитъ его молчать. По крайней мѣрѣ не нарушается гармонія рабства, и человѣкъ этотъ не стоитъ у общества какъ бѣльмо на глазу и не наноситъ ему оскорбленія — напоминая своимъ честнымъ и смѣлымъ словомъ о его собственномъ позорѣ. Бёрне понималъ, что честные люди въ такой странѣ всегда представляются нѣсколько сумасшедшими, и потому онъ окрестилъ этимъ прозвищемъ человѣка,

который позволялъ себѣ непочтительно отзываться о различныхъ авторитетахъ, къ которымъ относятся и оффиціальные журнальные органы. Да и какъ можно назвать иначе человѣка, говорящаго собственнымъ языкомъ и мыслящаго собственнымъ умомъ, среди лакейскаго общества, натянувшаго на себя нравственную ливрею. Людей не «сумасшедшихъ» въ подобномъ обществѣ Бёрне характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Всѣ его кишки одѣты въ ливрею, какъ онъ самъ; его голова и сердце выкрашены и выкроены чужою рукою; все, что онъ долженъ думать, чувствовать, говорить, скрывать — все это ему предписано. Когда онъ хочетъ чихнуть, то долженъ прежде справиться въ своей инструкціи, какъ она ему велитъ поступать въ этомъ случаѣ.»

Вотъ такого то «сумасшедшаго» заставляетъ Бёрне разсуждать о прелестяхъ газетъ въ Германіи, лишенной тогда политической свободы, а слѣдовательно и общественной жизни, такъ какъ одна безъ другой немыслима, и о нѣкоторыхъ другихъ свойствахъ и наклонностяхъ деморализованнаго рабствомъ народа. Никогда, быть можетъ, не было написано болѣе злой сатиры на пошлость и глупость продажной журналистики, чѣмъ тѣ страницы, которыя посвящаетъ Бёрне нѣмецкимъ газетамъ 20-хъ годовъ. О чемъ же толкуютъ онѣ, чѣмъ волнуются? Картина, нарисованная Бёрне, какъ нельзя болѣе поучительна. Газеты эти, разсказываетъ онъ, передаютъ своимъ читателямъ важное извѣстіе о томъ, что «такой-то купецъ сдѣланъ коммерціи совѣтникомъ», что другой купецъ, тоже въ видахъ поощренія торговли, сдѣланъ одинаково коммерціи совѣтникомъ, что такой-то пожалованъ въ «гофраты», и наконецъ газета замыкается извѣстіемъ, имѣющимъ способность взволновать всѣ умы, что такой-то утонулъ, или повѣсился, или сломалъ ногу и т. п., и т. п. Такимъ образомъ составлялись газеты въ Германіи 20-хъ годовъ. «Здѣсь, милостивые государи,—заставляетъ Бёрне говорить своего сумасшедшаго, обращаясь къ нѣсколькимъ гофратамъ,—вы видите «Почтовую газету»—вотъ настоящая Германія. Лучше и вѣрнѣе Тацита сообщаетъ она намъ о нравахъ, обычаяхъ, религіи, государственныхъ устройствахъ и правительствахъ нѣмцевъ. Всѣ восхваляютъ лаконизмъ Тацита, но настоящимъ лаконизмомъ обладаетъ «Почтовая газета». Тацитъ для описанія Германіи употреблялъ цѣлыя главы, газета дѣлаетъ это въ одномъ словѣ. Вчера она разсказала намъ, что одна дѣвушка въ Вѣнѣ получила наслѣдство отъ одного умершаго писателя. «Почтовую газету» привело въ умиленіе не то, что бѣдная дѣвушка не имѣла ни отца, ни матери, не то, что благородный человѣкъ оставилъ ей свое состояніе—нѣтъ, газета заплакала оттого, что

эта дѣвушка была «сирота тайнаго совѣтника». «Сирота тайнаго совѣтника!» Не заключается ли вся Германія, зло прибавляетъ Бёрне, прошедшая и настоящая, въ этихъ трехъ словахъ?» Слова эти послужили для Бёрне источникомъ для самой ѣдкой сатиры, которою осмѣиваетъ онъ пристрастіе нѣмцевъ къ чинамъ, орденамъ, ко всевозможнымъ «гофратствамъ» и «гехеймратствамъ». «Ахъ! восклицаетъ Бёрне, еслибы я былъ государемъ, я сдѣлалъ бы всѣхъ моихъ подданныхъ счастливыми: я произвелъ бы ихъ всѣхъ въ гофратовъ—по крайней мѣрѣ въ гофратовъ».

Эту любовь нѣмцевъ къ чинамъ, орденамъ, эту нѣжную слабость къ титуламъ газеты не только не осмѣиваютъ, напротивъ, онѣ поддерживаютъ, питаютъ эту любовь и въ этомъ случаѣ выражаютъ собою по истиннѣ общественное мнѣніе. «Нѣмецкій народъ, произноситъ Берневскій «сумасшедшій», называютъ *широкимъ*; слѣдовало бы называть его высокимъ, потому что онъ все *возвышаетъ*... У него есть и благородные и высокоблагородные, и высокородные люди, высокія, высшія и высочайшія особы. У него есть высокочтимые суды и высокое министерство, есть высокочтимое театральное управленіе, есть даже высокіе трупы. При дворѣ совершаются высоковажныя событія и даются высокоторжественныя празднества; высокія особы всѣ высокообразованны, и медаль, выбитая въ день юбилея Гёте, была названа высокосовершенною? И знаете почему, милостивые государи? Потому— что Гёте высокая особа. Но знаете ли почему Гёте называется высокой особой? Не потому что онъ великій поэтъ, но потому, что онъ министръ». Понятное дѣло, что при этомъ газета, журналистика занимается исключительно тѣмъ, что «высоко» и только изрѣдка, по ошибкѣ проскользнетъ развѣ какая-нибудь статейка, касающаяся не «высокаго», а низкаго. Напрасно требовать отъ газетъ, издающихся въ политически грубой странѣ, чтобы онѣ бесѣдовали съ читателями о дѣйствительно важныхъ для развитія общества вопросахъ, требовать этого было бы уже истиннымъ безумiемъ, потому что въ большей части случаевъ, помимо доброй воли, у нихъ нѣтъ для этого и возможности, такъ какъ подобные вопросы тщательно оберегаются отъ всякихъ обсужденій тѣми же заботливыми властями. Но зато, если вы не найдете этого, то вы получаете немедленное сообщеніе «всѣхъ пожалованій въ чины, награжденій орденами, ознакомленіе васъ со всѣми движеніями въ титулахъ человѣчества». Затѣмъ, всѣ эти газеты въ видѣ «Почтовой газеты», о которой разсуждаетъ «сумасшедшій», извѣщаютъ съ подробностью о такихъ же важныхъ событіяхъ, слу-

чившихся въ иностранныхъ державахъ: «тутъ списокъ осьмидесяти семи русскихъ, служащихъ въ арміи и получившихъ повышеніе; далѣе добавленіе къ этому списку, состоящее изъ шестидесяти семи именъ. Какъ жаль, восклицаетъ Бёрне, что эти имена такъ трудны для произношенія и не могутъ запечатлѣться въ памяти нѣжной нѣмецкой молодежи, на вѣчное поученіе ей! Когда тюрингенскій гражданинъ читаетъ: «юнкеръ Чавчевадзе, служащій на персидской границѣ, получилъ золотую саблю», когда швардцвальдскій поселянинъ читаетъ, что «подольскій помѣщикъ Першераковскій пожалованъ медалью за особенную дѣятельность при истребленіи саранчи, тогда эти люди, конечно, радуются, даже приходятъ въ восторгъ; но каково должно болѣть ихъ сердце оттого, что они не знаютъ, какъ зовутъ по имени этого юнкера и этого бича саранчи, и что даже школьный учитель ихъ не можетъ сообщить имъ этихъ именъ!» Затѣмъ, перечисляя вообще чѣмъ занимаются газеты, въ видѣ «Почтовой газеты», о которой идетъ рѣчь, Бёрне разсказываетъ, съ какимъ почтеніемъ повѣствуютъ онѣ о смерти, погребеніи какой-нибудь «высокой особы», на сколькихъ страницахъ распишутъ онѣ всѣ его ордена, чины и титулы. Затѣмъ «Почтовая газета» или ей подобная пользуется, какъ необыкновеннымъ счастіемъ, приращеніемъ какого-нибудь королевскаго дома и «подробно извѣщаетъ насъ, что новорожденный принцъ при святомъ крещеніи получилъ имена Райнера, Фердинанда, Маріи, Іоанна, Эвангелиста, Франца, Игнатія, а новорожденная принцесса—имена Маріи, Аугусты, Фредерики, Каролины, Лудовики, Амаліи, Максиміліаны, Франциски, Непомукены, Ксаверіи...» Приводя все это безконечное количество именъ, даваемыхъ принцамъ при крещеніи, Бёрне приходитъ къ удивительному открытію — какъ безъ цензуры недопускать газеты до распространенія революціонныхъ идей. «Почтовую газету — говоритъ онъ—несправедливо упрекаютъ въ томъ, что она иногда распространяетъ такъ-называемыя либеральныя, т.-е. революціонныя извѣстія и принципы; но еслибы это и было такъ въ самомъ дѣлѣ, то кто же виноватъ? Какъ легко предотвратить такую бѣду! Будь я владѣтельный князь, я, при крещеніи каждаго изъ моихъ дѣтей, бралъ бы въ крестные отцы весь мой народъ, такъ что у каждаго моего ребенка, смотря по числу моихъ подданныхъ, было бы шесть, двѣнадцать, двадцать, тридцать, пять, десять милліоновъ именъ; а будь я китайскій императоръ, такъ даже цѣлые двѣсти милліоновъ. Другіе владѣтели слѣдовали бы моему примѣру, и тогда я бы посмотрѣлъ, гдѣ бы «Почтовая газета» нашла у себя мѣсто для распространенія революціонныхъ идей! Такимъ способомъ мудрое правительство могло бы

управлять прессой, не прибѣгая къ ненавистной цензурѣ». Напрасно, впрочемъ, заботился Бёрне придумывать средство, какъ можно обходиться безъ цензуры и все-таки не допускать распространенія либеральныхъ идей. Еслибы онъ воскресъ, то онъ увидѣлъ бы, что въ своей изобрѣтательности онъ остался далеко позади новѣйшей изобрѣтательности.

Впрочемъ, не нужно думать, что «Почтовыя газеты» совершенно избѣгали говорить о предметахъ не высокихъ, онѣ знаютъ, что на землѣ есть и не «высокія» особы, и потому въ своей безконечной милости и человѣчности, опускаются иногда и до ихъ интересовъ. «Познакомивъ насъ съ именами всѣхъ новорожденныхъ принцевъ и принцессъ, продолжаетъ свою рѣчь «сумасшедшій», со всѣми новыми кавалерами орденовъ, со всѣми свѣжевычеканенными гофратами, тайными гофратами, финанцратами и юстицратами, съ путешествіями всѣхъ курьеровъ и числомъ лошадей, употребляющихся на проѣздъ всѣхъ высшихъ путешественниковъ и ихъ высокой свиты, сдѣлавъ предъ нашими глазами смотры всѣхъ корпусовъ, рота за ротой, разсказавъ намъ о всѣхъ офиціальныхъ празднествахъ и разсказавъ это, для большей ясности, два раза: одинъ до празднества, сообщеніемъ будущей программы его, другой послѣ, подробнымъ описаніемъ празднества и сравнивъ такимъ образомъ надежду съ осуществленіемъ, возможность съ дѣйствительностью, ожиданіе съ воспоминаніемъ,—сдѣлавъ все это, газета начинаетъ разсказывать и о микроскопическихъ событіяхъ маленькаго мѣщанскаго міра». На послѣднее рѣшаются подобныя газеты для того, чтобы показать, что за великими интересами человѣчества онѣ не забываютъ также и маленькихъ людей, что онѣ служатъ не только «алтарю и престолу», какъ выражается Бёрне, но также и «кухоннымъ» интересамъ. Что же можетъ занимать этотъ «маленькій, ничтожный міръ»? какіе у него могутъ быть интересы? Очевидно, что всѣ его интересы должны заключаться въ томъ, что какой-нибудь «купецъ въ Саксоніи долженъ былъ заплатить 21 грошъ 8 пфен. штрафу за то, что его курица выбѣжала на улицу; что въ драматической труппѣ Рингельгарда въ Кёльнѣ началась дезертировка, именно, теноръ Ульрихъ, надежнѣйшая поддержка оперы, удалился, и даже милая дѣвица Пехъ, — что почти невѣроятно, — измѣнила дирекціи...» И вотъ, газеты наполняются извѣстіями о такой-то труппѣ, о такомъ-то представленіи, о томъ или другомъ актерѣ, о прелести или негодности той или другой актрисы!

И при этомъ, подобныя извѣстія занимаютъ исправно чуть не каждый день нѣсколько столбцовъ газетъ, о такихъ

важныхъ предметахъ оповѣщаютъ съ шумомъ и трескомъ, какъ бы говоря: посмотрите, какое оживленіе господствуетъ въ нашей общественной жизни, посмотрите, сколько вопросовъ возбуждено, посмотрите, какая свобода предоставлена прессѣ въ ея всесторонникъ обсужденіяхъ! При этомъ газеты охотно, или даже неохотно—это другой вопросъ—забываютъ, что у этого маленькаго, ничтожнаго міра, который называется народомъ, помимо этихъ «важныхъ» интересовъ, есть и другіе «ничтожные интересы», въ видѣ вопросовъ о народномъ образованіи, о распредѣленіи расходовъ и доходовъ, объ ограниченіи произвола и. т. п.; этимъ вопросамъ нѣтъ мѣста въ газетѣ.

Не трогая обыкновенно всѣхъ этихъ «ничтожныхъ» вопросовъ, чѣмъ же еще, можно спросить, занимаютъ «свободныя» газеты въ «великой» и «свободной» странѣ своихъ «нетребовательныхъ читателей». Съ особенною любовью и теплотою останавливается «Почтовая газета», которую Бёрне беретъ какъ прототипъ всѣхъ газетъ, на юбилейныхъ празднествахъ. Когда брачная чета празднуетъ свою золотую свадьбу, когда какой-нибудь канцеляристъ, просидѣвшій надъ перепиской бумагъ пятьдесятъ лѣтъ, торжествуетъ свой юбилей и получаетъ похвальный листъ,—«Почтовая газета» со слезами разсказываетъ объ этихъ событіяхъ и отъ волненія едва можетъ держать перо...»

Такъ характеризуетъ «съумасшедшій» направленіе нѣмецкихъ газетъ, и направленіе это приводитъ его въ невообразимую ярость. Бѣда такого печальнаго положенія журналистики заключалась конечно въ томъ, что благодушный и глупый тонъ и содержаніе газетъ дѣйствовали на общество самымъ печальнымъ образомъ. Общество, политически неразвитое, какъ нельзя болѣе склонно принимать за серьезное весь вздоръ, который ему предлагается публицистами такого рода; оно скоро успокоивается на лаврахъ, и начинаетъ думать: какъ все прекрасно въ нашемъ прекрасномъ отечествѣ! Мысль тупѣетъ, и нужны бываютъ невообразимыя усилія, чтобы вырвать общество изъ его оцѣпененія, чтобы оно поняло, что вовсе не все такъ прекрасно, что, напротивъ, многое очень плохо, и что то спокойствіе, которымъ оно пользуется, есть только спокойствіе невѣжества и крайняго загрубѣнія. Никогда это спокойствіе и это довольство или, вѣрнѣе, самодовольство общества не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ во времена реакціи, и едвали нельзя съ увѣренностью сказать, что какъ недовольство, ропотъ, стремленіе къ лучшему есть самый вѣрный признакъ, что общество идетъ впередъ, развивается, такъ точно самодовольство, какое-то преклоненіе передъ собственнымъ величіемъ и презрѣніе ко всѣмъ

другимъ служитъ лучшимъ ручательствомъ того, что общество находится въ состояніи застоя, при которомъ самыя печальныя явленія общественной жизни могутъ властвовать всецѣльно, не встрѣчая никакого сопротивленія, хотя-бы въ глухомъ, чуть слышномъ общественномъ ропотѣ. Въ подобномъ состояніи застоя находилось нѣмецкое общество въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, и упроченію такого состоянія не мало содѣйствовали продажные журналисты, которые каждый день и на всѣ лады твердили: нѣмецкій народъ есть величайшій народъ въ мірѣ, его украшаютъ всѣ добродѣтели, онъ можетъ гордо смотрѣть вокругъ себя, потому что всѣ другіе народы ничтожны въ сравненіи съ нимъ; нѣмецкія правительства суть самыя мудрыя изъ всѣхъ правительствъ, нѣмецкій народъ можетъ спать спокойно и не тревожиться, потому что все, что нужно для его благоденствія, все будетъ сдѣлано его заботливымъ правительствомъ! Старая, но вѣчно новая исторія.

Противъ этой стаи продажныхъ газетчиковъ, кричавшихъ, ради собственныхъ выгодъ, о величіи отечества, и нагло льстившихъ самымъ дурнымъ общественнымъ инстинктамъ, противъ этой циническої клики, свойства которой знакомы и русскому читателю, со всею энергіею и всею силою своего таланта возставалъ Бёрне. Не вѣрь, говорилъ онъ народу, тѣмъ, которые увѣряютъ тебя въ твоемъ благополучіи — они обманываютъ тебя, не вѣрь твоему величію — твое величіе мишура, не вѣрь, что союзныя правительства заботятся о тебѣ — они думаютъ только о своихъ интересахъ! Тебя обманываютъ со всѣхъ сторонъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Мы — великій народъ, что за вздоръ, что за жалкая насмѣшка! «Мы — восклицаетъ Бёрне — цѣпныя собаки, лающія на бѣдняка, проходящаго въ короткой курткѣ; а попробуй мы только заворчать при видѣ знатной особы, хозяинъ тотчасъ же махнетъ рукой, слуга свиснетъ плетью и удары посыпятся на нашу голову. Тутъ мы сейчасъ приляжемъ и завиляемъ хвостомъ. Нѣтъ, никогда, продолжаетъ озлобленный общественною низостью Бёрне, не будетъ мнѣ по сердцу этотъ народъ; никогда не почувствую я себя хорошо въ этой странѣ, съ ея причудливымъ воздухомъ, сварливымъ небомъ, плаксивою весною и сердитою осенью.» Чѣмъ больше самодовольства замѣчалъ Бёрне въ обществѣ, чѣмъ больше обманывали народъ продажные журналисты, усыпляя его похвалами и превознося его за рабскія добродѣтели, тѣмъ больше ожесточенія чувствовалъ въ своей груди Бёрне и съ тѣмъ большею рѣзкостью бичевалъ онъ свою страну. Но въ этой злобѣ, въ этомъ бичеваніи какой честный человѣкъ могъ не замѣтить

самой сильной и глубокой любви къ отечеству. Когда Бёрне восклицаетъ: «мнѣ противна эта гернгутерская тишина народа, это магистерское смиреніе ученыхъ, павлиная гордость богачей, мрачное высокомѣріе нашихъ вельможъ, вялость всѣхъ справедливыхъ людей и змѣиная энергія всѣхъ несправедливыхъ», тогда лагерь обскурантовъ, испытывая безсильную злобу, указывалъ на Бёрне, говоря: смотрите, это врагъ отечества, это врагъ Германіи. Когда Бёрне, отчаяваясь въ свѣтломъ будущемъ своей любимой Германіи, до того настоящее было для него мрачно, когда онъ, возмущенный продѣлками реакціи и возмутительною «терпѣливостью» народа, говорилъ: «прошедшее стонетъ, настоящее визжитъ, будущее скрипитъ. Мы были ничто, мы есть ничто и будемъ ничто. Мы слабый народъ, не имѣющій корня, мы имѣемъ бѣдную жизнь безъ сердца и отечество безъ фундамента». Тогда истинные враги своей родины ликовали, говоря: вы видите, онъ самъ сознается, что въ немъ нѣтъ любви къ Германіи; любимъ великую нашу страну, нашъ великій, добродѣтельный народъ, только мы, и мы одни. Тотъ народъ, то общество жалки, въ которыхъ всѣ свойства, всѣ добродѣтели сводятся къ одному, къ повиновенію, къ безусловному подчиненію чужой волѣ, чужому приказанію—именно свойство, которое замѣчалъ Бёрне въ нѣмецкомъ обществѣ 20 годовъ. «Мы не способны, говорилъ онъ, ни на какое воодушевленіе.... если полиція прикажетъ намъ воодушевиться и объявитъ печатно, что въ четыре часа мы должны ликовать, то мы исполнимъ это и въ назначенный часъ будемъ ликовать». Все дѣлать по приказанію и ничего по собственной волѣ, въ силу собственнаго разсудка — вотъ крайняя граница, вотъ крайній результатъ порядка, въ основѣ котораго лежитъ произволъ. Борьба, которую велъ Бёрне съ малодушіемъ, трусливостью, безжизненностью, самодовольствомъ и пустотою нѣмецкой общественной жизни была вся направлена къ одному — доставить торжество политической свободѣ, въ которой Бёрне видѣлъ альфу и омегу народнаго благополучія.

VI.

Если, съ одной стороны, произведенія, въ видѣ «Надгробнаго слова» и «Сумасшедшаго въ гостинницѣ «Бѣлаго лебедя» возбуждали въ средѣ обскурантовъ все большую и большую злобу противъ Бёрне, то съ другой, эти же самыя произведенія притягивали къ нему все увеличивавшуюся толпу поклонниковъ,

друзей и горячихъ сторонниковъ. Добрыя сѣмена находили и добрую почву.

Бёрне рѣшительно сдѣлался главою молодой либеральной партіи, и если не всѣ либералы его одинаково любили, то всѣ должны были оказывать одинаковое уваженіе. Какая же была причина, что нѣкоторые изъ нѣмецкихъ либераловъ относились къ нему довольно холодно и какъ бы тяготились имъ? Причина была одна—во всей своей жизни Бёрне былъ слишкомъ чистъ, безукоризненно честенъ, на всей его литературной и общественной дѣятельности не лежало никакого пятна. Далеко не про всѣхъ людей либеральной партіи можно было сказать тоже самое, и за это конечно невозможно строго осуждать ихъ. Когда какое-нибудь общество находится подъ тяжелымъ господствомъ реакціи, тогда нужна большая твердость, великая сила убѣжденій, чтобы не сдѣлать ни одного фальшиваго шага, чтобы ни разу не оступиться. Давленіе деморализующей силы слишкомъ велико, чтобы человѣкъ всегда оставался стоять бодро и смѣло, чтобы минутами онъ не гнулся и не слабѣлъ. Требовать отъ всѣхъ въ сущности честныхъ людей этой желѣзной твердости и необыкновенной силы убѣжденій, нельзя не сознаться, можно только въ очень молодые годы, въ годы крайней нетерпимости и юношеской погони за идеалами. Но годы проходятъ, жизнь даетъ свои уроки, міръ дѣйствительности смѣняетъ собою міръ идеаловъ, и тогда невольно является сознаніе, что въ странѣ несвободной, гдѣ честные люди находятся въ постоянной борьбѣ съ окружающею средою, нельзя слишкомъ строго и требовательно относиться къ тѣмъ минутамъ слабости или усталости, которыя подчасъ испытываетъ въ этой борьбѣ и совершенно честный человѣкъ.

Не чувствуютъ усталости и не слабѣютъ только такія исключительныя натуры, какова была натура Бёрне. Не всѣ люди либеральной партіи прощали ему его необыкновенную смѣлость и твердость, въ души нѣкоторыхъ изъ нихъ, быть можетъ, и невольно закрадывалась довольно понятная зависть и чувство досады, перемѣшанное съ чувствомъ уязвленнаго самолюбія, что въ нихъ самихъ нѣтъ той же силы и той же энергіи для борьбы со зломъ. Изъ этого источника и проистекала именно та вражда и то робкое чувство, которое испытывали по отношенію къ Бёрне даже такіе, несомнѣнно честные люди, какъ Генрихъ Гейне. Бёрне не могъ не почувствовать этого злобнаго къ себѣ отношенія среди нѣкоторыхъ людей либеральной партіи, въ то время, когда онъ отправился въ самый центръ умственной и политической жизни Германіи — въ Берлинъ.

Давно уже хотѣлось Бёрне посѣтить этотъ городъ, гдѣ онъ

не былъ болѣе двадцати лѣтъ, и гдѣ прошли самые завѣтные дни его юности, гдѣ въ первый разъ испыталъ онъ ощущенія сильнаго порывистаго счастья и почти такого же отчаянія и горя, гдѣ его «сердце такъ сильно билось» при одномъ взглядѣ на госпожу Герцъ, и гдѣ рядомъ съ этою жизнію чувства онъ впервые познакомился съ блестящею стороною умственной жизни, которая представлялась тогда избраннымъ кружкомъ философовъ и литераторовъ, къ которому принадлежали Гумбольдты, Шлегели, Шлейермахеръ, Фихте, Фарнгагенъ и многіе другіе. Нѣкоторыхъ изъ этихъ личностей, тѣснившихся подъ привѣтливымъ крыломъ Рахели Фарнгагенъ и Генріэтты Герцъ, снова увидѣлъ Бёрне въ Берлинѣ, и въ этотъ пріѣздъ онъ вошелъ уже въ ихъ кружокъ не скромнымъ и никому неизвѣстнымъ студентомъ, а вошелъ въ него на равныхъ правахъ съ громкимъ именемъ знаменитаго политическаго писателя.

Бёрне поѣхалъ въ Берлинъ въ 1828 году, скоро послѣ смерти своего отца, который оставилъ ему небольшое состояніе, доставившее ему тѣмъ не менѣе почти полную независимость по отношенію ко всевозможнымъ издателямъ и редакторамъ. Берлинъ принялъ Бёрне какъ нельзя болѣе радушно, и это обстоятельство, быть можетъ, заставило Бёрне перемѣнить его строгое и не совсѣмъ лестное мнѣніе о Берлинѣ и берлинцахъ. «Мнѣ чрезвычайно нравится Берлинъ и вамъ заочно понравится онъ точно также», писалъ Бёрне къ госпожѣ Воль, которой описывалъ онъ съ большою подробностію свое пребываніе въ столицѣ Пруссіи. Первый визитъ, который сдѣлалъ Бёрне по пріѣздѣ въ Берлинъ, былъ визитъ къ г-жѣ Герцъ — теперь уже милой старушкѣ шестидесяти четырехъ лѣтъ, но не потерявшей еще, по крайней мѣрѣ въ глазахъ Бёрне, «слѣдовъ ея красоты». Каждый день посѣщалъ онъ свою «первую страсть» по настоянію самой г-жи Герцъ, и это желаніе видимо не было въ тягость Бёрне. Онъ сохранилъ къ ней то необъяснимое, или вѣрнѣе неуловимое чувство, навсегда сохраняемое человѣкомъ къ женщинѣ, которую онъ любилъ въ первый разъ. Г-жѣ Герцъ пріятно было видѣть въ юношѣ, къ которому она такъ тепло относилась почти 25 лѣтъ назадъ, извѣстнаго писателя Германіи. «Когда зашелъ разговоръ о моей литературной дѣятельности, пишетъ Бёрне, и я замѣтилъ, что у меня много счастья, она отвѣтила мнѣ, что и не менѣе заслугъ. Она менѣе довольна, передаетъ онъ сужденіе о себѣ Генріэтты Герцъ, моимъ юморомъ (я замѣтилъ, что онъ рѣдко доступенъ женщинамъ), но каждая сантиментальная строчка доставляетъ ей громадную радость. Моя рѣчь о Жанъ-Полѣ привела ее въ восторгъ...»

Бёрне описываетъ г-жѣ Воль всѣ свои встрѣчи, всѣ посѣщенія, высказываетъ свои мнѣнія о людяхъ, такъ что его берлинскія интимныя письма живо характеризуютъ тотъ кружокъ, который держалъ въ это время въ своихъ рукахъ умственное знамя Германіи. Фарнгагенъ, который игралъ въ это время значительную роль, не заслужилъ слишкомъ лестнаго отзыва отъ Бёрне, не заслужила его и знаменитая Рахель, эта душа берлинскаго общества. «Въ воскресенье, пишетъ онъ, я обѣдалъ у Фарнгагеновъ. Что́ за странное и глупое переселеніе душъ произошло съ нимъ и его женою. Я, впрочемъ, уже замѣтилъ это, когда они были въ послѣдній разъ во Франкфуртѣ. Смущеніе въ разговорѣ, боязливая сдержанность, и—я могъ бы сказать—извѣстная боязнь смотрѣть мнѣ прямо въ лицо, все это сдѣлалось теперь гораздо хуже. Мы втроемъ сидѣли за столомъ, разговоръ шелъ какой-то рубленный, скучный и глупый, паузы были такъ глупы, и въ цѣлой комнатѣ былъ какой-то сѣрный запахъ, точно тутъ разразилась гроза. У него и у нея были въ высшей степени тоскливыя дипломатическія фигуры. Послѣ обѣда я остался цѣлый часъ съ нимъ вдвоемъ. Если глупость, типично говоритъ Бёрне, выражалась прежде въ молчаніи, то теперь она выражалась въ разговорѣ. Я спросилъ его, много-ли онъ бываетъ въ обществѣ, и тогда сталъ онъ разсказывать мнѣ про дворъ, про того и про другого принца, которыхъ онъ посѣщаетъ, и не говорилъ ни о комъ кромѣ принцевъ, какъ будто бы въ Берлинѣ не было другихъ людей.» Нѣсколькими словами Фарнгагенъ и его жена очерчены какъ нельзя болѣе мѣтко, двѣ личности, которыя считались принадлежащими къ либеральной партіи, не смотря на то, что Фарнгагенъ «говорилъ только о принцахъ», а Рахель оставалась въ дружбѣ съ продажнымъ Генцомъ, котораго Штейнъ очертилъ словами: «изсушенный мозгъ и гнилое сердце». Правда, съ другой стороны той же самой женщинѣ посвятилъ Гейне свои «Reisebilder». Фарнгагенъ былъ ожесточенъ противъ Бёрне, находя, что его сочиненія уже слишкомъ либеральны и, говоря о нихъ, разсказываетъ Бёрне, «онъ, дипломатъ, кипятился и былъ горекъ, какъ чай безъ сахару, а я демагогъ, былъ холоденъ и сладокъ, какъ мороженное.» Кромѣ Фарнгагеновъ, Бёрне часто встрѣчался въ Берлинѣ съ Мендельсономъ-Бартольди, съ Гансомъ, видѣлся съ Гегелемъ, познакомился съ Гумбольдтомъ, котораго онъ также не оставилъ въ покоѣ: «Вчера, пишетъ онъ, я познакомился наконецъ съ Гумбольдтомъ. Онъ пришелъ вечеромъ къ Мендельсону. Онъ говоритъ не переставая и очень пріятно. Все общество, состоявшее болѣе чѣмъ изъ тридцати человѣкъ, мужчинъ

и дамъ, образовали вокругъ него кругъ, чтобы его слушать. Повидимому, онъ къ этому привыкъ. Онъ высказываетъ очень строгія и рѣзкія сужденія»... Бёрне не очень понравилось, что Гумбольдтъ говоритъ одинъ не переставая, и не давая никому вставить слово, быть можетъ оттого, что самъ Бёрне былъ какъ нельзя болѣе разговорчивъ.

Бёрне остался очень доволенъ всѣмъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ въ Берлинѣ, и уѣзжая оттуда черезъ два мѣсяца, онъ сказалъ себѣ: «Я не потерялъ даромъ времени». Для политическаго писателя, какъ Бёрне, важно было взглянуть, какъ выражается въ самомъ центрѣ нѣмецкой жизни эта политическая система, противъ которой онъ боролся всю жизнь, и какъ болѣе или менѣе ярко бросаются здѣсь въ глаза послѣдствія этой системы: какое то тупоуміе, чрезвычайное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и повальная низость или раболѣпство. Въ этомъ отношеніи Франкфуртъ, Берлинъ, Штутгартъ, Мюнхенъ не уступали другъ другу, и если у нѣмцевъ въ то время не было общаго отечества, на что̀ такъ горько жаловался Бёрне, то за то у нихъ было нѣчто другое—общіе пороки.

Бёрне тѣмъ болѣе долженъ былъ присматриваться теперь ко всему, что̀ творилось въ его «высокомъ» отечествѣ, тѣмъ болѣе долженъ былъ запасаться духомъ своего «глупаго» народа, что скоро должна была наступить минута, когда Бёрне навсегда пришлось покинуть Германію. Вдали уже слышались раскаты грома; въ воздухѣ носилось какое то предчувствіе близкой грозы... Бёрне прислушивался внимательно — гроза эта была іюльская революція. Въ 1829 году, Бёрне уже писалъ: «Что̀ вы думаете о назначеніи въ Парижѣ новаго ультра-іезуитскаго министерства, хуже котораго никогда не было. Чѣмъ болѣе безумствуютъ, тѣмъ лучше. Я жалѣю маленькаго герцога Бордоскаго, я не дамъ миндальной скорлупы за его будущую корону». Но пока первый ударъ грома еще не ударилъ, Бёрне дѣятельно продолжалъ вести свою литературную работу. Кампе, извѣстный гамбургскій издатель, предложилъ ему издать «полное собраніе его сочиненій». Бёрне согласился и тотчасъ же принялся приводить въ порядокъ свои разбросанныя статьи. Онъ отправился въ Гамбургъ, изъ Гамбурга въ Ганноверъ, гдѣ Бёрне за работой пробылъ довольно много времени, не смотря на скуку, которая его преслѣдовала. «Ганноверъ, писалъ онъ однажды, это такое мѣсто, гдѣ можно только или работать, или умирать съ тоски... Ганноверъ кажется мнѣ еще скучнѣе, нежели мои сочиненія». Нельзя не удивляться энергіи, съ которою въ это время работалъ Бёрне, когда узнаешь, что онъ постоянно хво-

ралъ, страдая грудью и для поддержки себя каждое лѣто долженъ былъ ѣздить сначала въ Эмсъ, потомъ въ Соденъ.

Никакое леченіе не могло сдѣлать для Бёрне того, что́ сдѣлало первое извѣстіе о іюльской революціи. Онъ точно увидѣлъ обѣтованную землю; слова: «въ Парижѣ революція», не только придали ему новый запасъ нравственной силы, но точно воскресили его физически. Бёрне чувствовалъ себя здоровымъ и крѣпкимъ. Тысячи надеждъ закопошились въ груди Бёрне, онъ видѣлъ уже всѣ свои стремленія осуществленными, онъ рвался на мѣсто самыхъ событій, онъ, какъ Ѳома невѣрный, хотѣлъ самъ лично ощупать раны на тѣлѣ воскресшаго народа. Парижъ, какъ дивный магнитъ, притягивалъ его къ себѣ, онъ не могъ болѣе спокойно оставаться въ Германіи, ему тяжело тутъ дышалось, онъ не вытерпѣлъ и умчался туда, гдѣ закипала, казалось ему, новая жизнь. Не долго продолжалось ликованіе Бёрне, не на долго злая сатира, огненный бичъ уступили мѣсто идиллическому восторгу, быстро одна иллюзія рушилась за другою, радостныя надежды уступали мѣсто прежнимъ и еще болѣе мучительнымъ опасеніямъ, сладкая увѣренность въ торжествѣ своихъ политическихъ идеаловъ смѣнялась горькимъ сомнѣніемъ. Еще мрачнѣе сдѣлалась фигура Бёрне, еще угрюмѣе сталъ онъ глядѣть на людей, еще болѣе закалилось его перо, еще съ большею ненавистью, скрывавшею страстную любовь къ свободѣ, сталъ онъ клеймить теперь пороки правительствъ и народовъ.

Евг. Утинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюня 1870.

ЗЕМСКІЕ ИТОГИ.

VIII *).

Два года тому назадъ, когда сельскому населенію сѣверной Россіи пришлось испытать всѣ ужасы голода, земскія учрежденія обратили наконецъ вниманіе на обезпеченіе народнаго продовольствія, о которомъ до того времени не думали ни административныя власти, ни общественные дѣятели. Извѣстная русская пословица: «громъ не грянетъ— мужикъ не перекрестится», оправдалась здѣсь еще разъ, и много пришлось перенести несчастному сельскому населенію прежде, нежели этотъ громъ заставилъ перекреститься наши земскія учрежденія. Пока почва истощалась отъ недостатка удобренія, а скотъ продавался на пополненіе недоимокъ, пока для этой же цѣли продавался хлѣбъ на корню и расходовались послѣдніе остатки растраченныхъ въ прежнее время хлѣбныхъ запасовъ, земскія учрежденія занимались только жалобами на медленную передачу продовольственныхъ капиталовъ, которые долгое время лежали безъ употребленія и послѣ ихъ передачи, и обличеніями крестьянъ въ неумѣньи обращаться съ продовольственными запасами, которыхъ имъ никто не передавалъ. Чтобы объяснить, насколько основательны были послѣднія жалобы, мы должны начать издалека.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ учреждены въ селеніяхъ запасные хлѣбные магазины, на пополненіе которыхъ крестьяне обязаны были ежегодно вносить извѣстное количество хлѣба. Этотъ хлѣбъ могъ отдаваться въ ссуду тѣмъ же крестьянамъ, подъ условіемъ непремѣннаго возвращенія въ срокъ и долженъ былъ обезпечивать до извѣстной степени населеніе въ случаѣ неурожая, давая ему возможность

*) См. выше: март. 403; апр. 829 стр.

по крайней мѣрѣ засѣвать поля для будущей жатвы. Въ то же время установленъ былъ и денежный сборъ съ крестьянъ на продовольственный капиталъ, предназначавшійся для закупки хлѣба въ особенно тяжелые неурожайные годы. Повидимому, всѣ эти мѣры должны были принести большую пользу сельскому населенію. Но на дѣлѣ выходило далеко не такъ. На дѣлѣ крестьяне имѣли весьма мало выгодъ во всемъ томъ, что для нихъ предпринималось, ибо участіе ихъ въ распоряженіи хлѣбными запасами и капиталами ограничивалось уплатою продовольственнаго налога, для исправнаго взноса котораго приходилось продавать иногда послѣдній запасъ домашняго хлѣба. Къ сожалѣнію, весь складъ нашего общественнаго устройства былъ таковъ, что предоставленіе крестьянамъ права самимъ распоряжаться общественною собственностью не входило даже и въ мысль попечительнымъ администраторамъ. Такъ и завѣдываніе хлѣбными магазинами было передано въ руки окружныхъ начальниковъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, помѣщиковъ и предводителей дворянства.

Легко понять, что при такомъ порядкѣ вещей и капиталы и запасы шли вовсе не на то, на что они были предназначены. Хотя продовольственный капиталъ и находился въ рукахъ административныхъ учрежденій, но ссуды изъ него выдавались по требованію тѣхъ же помѣщиковъ и съ участіемъ тѣхъ же предводителей дворянства. Ссуды эти брались и тратились, смотря по вкусу помѣщиковъ, на карты или обѣды, на хоры музыкантовъ или псовую охоту; когда приходилось платить, дѣлались разсрочки и льготы. Такъ какъ ходъ этихъ операцій «не подлежалъ обнародованію», то и усчитать ихъ было невозможно. Только при открытіи земскихъ учрежденій оказалось, что одни губерніи постоянно оставались должны другимъ и что взысканіе ссудъ, выданныхъ тридцать лѣтъ тому назадъ, производится до настоящаго времени. Не много лучше шло дѣло и у государственныхъ крестьянъ, управленіе которыхъ въ отношеніи опеки не уступало помѣщичьему. Хотя здѣсь правительственныя ссуды шли дѣйствительно на закупку хлѣба, но хлѣбъ этотъ закупался и продавался чиновниками, отчетность которыхъ была только на бумагѣ, что же касается качества купленнаго хлѣба, то оно оставалось на ихъ совѣсти. Стóитъ только вспомнить извѣстную записку г. Сидорова о сѣверной Россіи, чтобы сообразить, какъ удачно могли выполняться подобные обороты гнилымъ хлѣбомъ. Что касается хлѣбныхъ магазиновъ, то о нихъ нечего и говорить. Если у государственныхъ крестьянъ они и существовали, то весьма часто находившійся въ нихъ хлѣбъ прежде сгнивалъ, нежели получалось разрѣшеніе имъ пользоваться [1]), у крестьянъ же по-

[1]) Это доказывается операціями «освѣженія хлѣба», которыя приходилось производить время отъ времени и которыя всегда требовали расходовъ, иногда очень значительныхъ.

мѣщичьихъ не только не было хлѣба, но часто не было и самыхъ магазиновъ. Это становится весьма понятнымъ, если вспомнить, что завѣдывали магазинами мѣстные помѣщики, которые естественно глядѣли на нихъ, какъ на свою собственность. Правда, существовала особая должность попечителя сельскихъ магазиновъ; но на эту должность тѣже помѣщики выбирали обыкновенно безгласнаго бѣдняка, который не смѣлъ пикнуть ни слова, контроль же надъ всѣмъ этимъ былъ ввѣренъ предводителямъ дворянства, и единственнымъ реальнымъ послѣдствіемъ этого контроля было возникновеніе въ послѣднее время нѣсколькихъ процессовъ о расхищеніи предводителями дворянства тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ, которые имъ были ввѣрены.

Когда было уничтожено крѣпостное право, установлено общественное крестьянское управленіе и затѣмъ открыты земскія учрежденія, тогда пришлось передать и магазины и капиталы. Но этотъ-то процессъ передачи и доказалъ, насколько аккуратно было прежнее управленіе. Извѣстно, что деньги въ продовольственный капиталъ собирались долго, и по разсчету нѣкоторыхъ земскихъ собраній на каждую губернію должно было достаться по два милліона, но по разсчету министерства внутреннихъ дѣлъ ихъ оказалось чуть не въ четверо меньше. Кромѣ того, изъ объявленной суммы половина была, по силѣ вновь изданнаго на этотъ случай закона, отчислена на государственный продовольственный капиталъ и только остальная половина передавалась въ завѣдываніе земскихъ учрежденій. Но и послѣ этого законодательнаго акта прошло еще много времени, пока продовольственные капиталы были, наконецъ, дѣйствительно переданы. Земскія учрежденія выразили по этому поводу кое-гдѣ свою печаль, но дѣлать было нечего.

Если передача продовольственныхъ капиталовъ затруднялась тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что ихъ не было, т.-е. было не столько, сколько ожидалось, то относительно хлѣбныхъ магазиновъ дѣло, казалось бы, рѣшалось очень просто. Совершенно ясно, что слѣдовало обязать помѣщиковъ передать ихъ крестьянамъ въ исправномъ видѣ и съ полнымъ количествомъ хлѣба. Это прямо вытекало изъ закона, такъ какъ охраненіе магазиннаго хлѣба отъ растратъ лежало на обязанности помѣщиковъ, которые и должны были отвѣчать за неисполненіе своей обязанности. Кромѣ того, это было бы и вполнѣ справедливо, такъ какъ даже въ случаѣ потребленія запасовъ крестьянами выигрывалъ помѣщикъ, избавлявшійся этимъ путемъ отъ необходимости терять въ неурожайные годы соотвѣтственную часть оброка. Но, къ сожалѣнію, такой порядокъ былъ принятъ только въ западномъ краѣ, гдѣ, вслѣдствіе особыхъ распоряженій мѣстной администраціи, хлѣбные магазины были дѣйствительно переданы крестьянамъ. Послѣдствія этой благой мѣры скоро обнаружились, ибо про-

довольствіе въ западномъ краѣ оказалось обезпеченнымъ настолько, что во время послѣдняго голода, поразившаго сѣверную Россію, бѣдныя сѣверозападныя губерніи, всегда прежде получавшія пособіе на свое продовольствіе, обошлись безъ посторонней помощи.

Во внутренней Россіи передача хлѣбныхъ магазиновъ въ руки крестьянъ произошла инымъ образомъ. Здѣсь крестьянамъ предоставлено было право требовать отъ помѣщиковъ пополненія хлѣбныхъ магазиновъ только въ томъ случаѣ, когда они могли доказать расхищеніе хлѣба съ ихъ стороны. А такъ какъ доказать это, при веденіи магазинныхъ книгъ самими помѣщиками, было невозможно, то крестьяне и остались безъ хлѣбныхъ запасовъ, когда же были открыты земскія учрежденія, то земскіе дѣятели порѣшили, что крестьянское сословіе не умѣетъ заботиться о своей пользѣ.

Вѣроятно для того, чтобы поощрить его къ такимъ заботамъ, нѣкоторые земскіе дѣятели предлагали ввести въ завѣдываніе опустошенными сельскими магазинами такую же регламентацію, какая существовала у государственныхъ крестьянъ, предоставивъ распорядительную власть земской управѣ. Это желаніе было особенно ясно формулировано въ московскомъ земскомъ собраніи, но не имѣло успѣха, благодаря талантливой защитѣ крестьянскихъ интересовъ гласнымъ Ю. Ѳ. Самаринымъ, который высказалъ собранію много горькихъ истинъ по поводу его стремленія къ опекѣ и регламентаціи. Кромѣ подобныхъ толковъ земскія собранія не предпринимали ничего, и вопросъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія оставался забытымъ. Только въ Новгородской губерніи мы встрѣчаемъ еще, въ 1866 и 1867 годахъ, заботы о пріобрѣтеніи хлѣбныхъ запасовъ на случай неурожая. Новгородская земская управа, предсѣдателемъ которой въ то время былъ Н. А. Качаловъ, получившій извѣстность своею полезною дѣятельностью, вошла въ соглашеніе съ военнымъ министерствомъ объ уступкѣ по заготовительной цѣнѣ части хлѣбныхъ запасовъ изъ военныхъ магазиновъ для перепродажи этого хлѣба наиболѣе нуждающимся лицамъ на посѣвы. Эта операція, принесшая много пользы, была, какъ извѣстно, принята впослѣдствіи всѣми земскими собраніями тѣхъ губерній, въ которыхъ оказывался недостатокъ хлѣба.

Что касается пополненія сельскихъ магазиновъ, то въ земскихъ собраніяхъ, какъ мы уже замѣтили выше, шли только толки о крестьянскомъ невѣжествѣ, вопросъ же о томъ, въ какомъ видѣ получили крестьяне эти магазины, нигдѣ не былъ выясненъ, не было указано и средствъ къ исправленію зла, кромѣ предложеній о строгомъ взиманіи недоимокъ. Правда, въ одномъ уѣздномъ земскомъ собраніи сдѣлано было предложеніе объ обязательномъ пополненіи хлѣбныхъ магазиновъ посредствомъ общественныхъ распашекъ невоздѣланныхъ земель, но это предложеніе не имѣло и не могло имѣть серьезныхъ по-

слѣдствій, хотя довольно долгое время давало пищу для разговоровъ. Въ уѣздномъ собраніи проектъ этотъ, составленный крестецкимъ предводителемъ дворянства А. А. Татищевымъ, былъ принятъ значительнымъ большинствомъ, затѣмъ онъ имѣлъ много сторонниковъ въ губернскомъ земскомъ собраніи и вызвалъ даже ходатайство о введеніи предложенной экономической мѣры властью правительства; но къ счастію это ходатайство не имѣло послѣдствій. Дѣло въ томъ, что въ проектѣ, о которомъ мы говоримъ, заключалось одно условіе, отдававшее крестьянское населеніе въ такую зависимость отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, которая могла поставить ихъ въ безвыходное положеніе. Г. Татищевъ предложилъ крестьянамъ установить общественныя запашки на нераспаханныхъ земляхъ (поросшихъ кустарникомъ) съ тѣмъ, чтобы собраннымъ хлѣбомъ наполнить запасные магазины. Нераспаханныя земли были указаны потому, что они, какъ извѣстно, не требуютъ удобренія. Сама по себѣ эта мѣра заключаетъ въ себѣ много раціональнаго и, еслибы она была принята мѣстнымъ населеніемъ добровольно, ничего не могло бы быть лучше. Но большинство крестьянскихъ обществъ отказалось отъ этой мѣры. Къ сожалѣнію, передъ его глазами былъ примѣръ удѣльныхъ крестьянъ, у которыхъ уже были прежде общественныя запашки. Съ этихъ запашекъ мѣстное управленіе получало извѣстный процентъ, вслѣдствіе чего оно требовало отъ крестьянъ усиленной работы и бо́льшаго удобренія, когда же пришлось отводить крестьянамъ надѣлъ, то земли, бывшія подъ общественными запашками, не вошли въ него. Этотъ печальный примѣръ и былъ, по отзывамъ мѣстныхъ жителей, причиною того, что крестьянское населеніе въ большинствѣ отнеслось къ учрежденію запашекъ недовѣрчиво, хотя нѣкоторыми волостями это предложеніе было принято. Тогда явилась мысль о наполненіи хлѣбныхъ магазиновъ обязательными запашками, для чего предположено было испросить разрѣшенія высшей правительственной власти. Но мѣра, которая, будучи добровольно принята, была бы совершенно умѣстною, являлась страшнымъ насиліемъ при условіи обязательнаго ея введенія. Не говоря о неумѣстности обязательнаго труда, здѣсь весьма важную роль играетъ способъ пріобрѣтенія той земли, на которой пришлось бы учреждать запашки. Крестецкое собраніе предложило арендовать эту землю у казны, удѣла или помѣщиковъ, но это-то именно условіе и исключаетъ всякую возможность принятія въ настоящемъ случаѣ принудительныхъ мѣръ, ибо, заставляя арендовать, необходимо прежде заставить отдавать въ аренду, затѣмъ назначить арендную плату и опредѣлить условія найма, однимъ словомъ, примѣнить во всей строгости начала экспропріаціи, что́ потребовало бы слишкомъ много хлопотъ и расходовъ. Составители проекта не хотѣли понять этихъ простыхъ соображеній и предлагали только «обязать

крестьянъ»; не обращая вниманія на то, что подобное обязательство поставитъ этихъ крестьянъ въ необходимость арендовать необработанную и вслѣдствіе этого не имѣющую въ Новгородской губерніи никакой цѣны землю на такихъ условіяхъ, какія пожелаетъ предложить помѣщикъ. Само собою разумѣется, что это предложеніе не могло имѣть послѣдствій и проектъ лядинныхъ запашекъ остался только примѣромъ изобрѣтательности извѣстнаго рода земскихъ дѣятелей.

IX.

Между тѣмъ, пока шла передача продовольственныхъ капиталовъ, пока земскія собранія удивлялись, что передано очень мало и обвиняли сельское населеніе въ растратѣ непереданныхъ имъ сельскихъ запасовъ, — въ сѣверныхъ губерніяхъ начался голодъ. Читатели помнятъ это время, когда всѣ газеты, кромѣ оффиціальныхъ, были наполнены разсказами о бѣдствіяхъ голодающаго населенія и когда бывшій оффиціальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ отвергалъ самый фактъ голода, несмотря на то, что въ Англіи была открыта подписка на помощь голодающимъ жителямъ Архангельской губерніи. Читатели помнятъ, что въ то время заявленія о голодѣ и принятіе мѣръ благотворительности считались дѣйствіемъ почти преступнымъ и навлекали на виновныхъ подозрѣніе въ крайней политической неблагонамѣренности. Такъ дѣло шло до тѣхъ поръ, пока явилось извѣстное воззваніе отъ имени Супруги Государя Наслѣдника, которое ясно обнаружило дѣйствительное положеніе дѣлъ. Оказалось, что «мѣстности, гдѣ голодъ внѣдряетъ свое царство, необъятны», что «необходима помощь для снабженія крестьянъ сѣмянами, дабы голодъ не былъ ужаснѣе въ будущемъ году». Тогда фактъ голода былъ признанъ всѣми. О немъ узнали и тѣ земскія собранія, которыя, до того времени, раздѣляли честь незнанія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, его замѣтили — говоря словами воззванія — и «тѣ представители высшаго общества, которые, въ невѣдѣніи на счетъ вопіющей нужды сотни тысячъ людей, считали себя вправѣ давать балы и столько тратить на ихъ блескъ».

Извѣстно, что собираніе пожертвованій въ пользу голодающихъ и распредѣленіе этихъ пожертвованій между губерніями было поручено особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника. Дѣятельность этой коммиссіи въ ея конечныхъ результатахъ принесла значительную пользу, чѣмъ рѣзко выдѣлилась изъ нашихъ обычныхъ административныхъ мѣропріятій. Нужно замѣтить, что средства коммиссіи были далеко не громадны, вся сумма собранныхъ пожертвованій не достигала до двухъ милліоновъ, которые были быстро распредѣлены между губерніями. Чтобы восполнить недостатокъ денегъ, былъ сдѣ-

ланъ заемъ изъ государственнаго казначейства въ одинъ милліонъ рублей и на всю эту сумму закупленъ хлѣбъ, который и разсылался затѣмъ въ нуждающіяся губерніи для продажи по заготовительной цѣнѣ. Хлѣбъ этотъ земскія управы могли продавать по 7 руб. въ то время, когда рыночная цѣна превышала 10 рублей, что ясно указывало на весьма выгодныя условія закупки. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ занятый милліонъ былъ возвращенъ, деньги же, собранныя изъ пожертвованій, пошли на помощь особенно нуждающимся.

Къ подобнымъ же операціямъ закупки хлѣба оптомъ и продажи его по дешевой цѣнѣ обратились и земскія учрежденія, употребляя на это капиталъ народнаго продовольствія. Само собою разумѣется, что это дѣлалось только въ тѣхъ губерніяхъ, которыя страдали отъ неурожая. Закупивъ хлѣбъ, земскія учрежденія обращали часть его въ ссуду на посѣвъ подъ условіемъ возврата, а часть продавали по заготовительной цѣнѣ для того, чтобы понизить несоразмѣрно высокія рыночныя цѣны. Безвозвратныхъ пособій со стороны земскихъ собраній не было, но подобныя пособія, какъ мы замѣтили выше, дѣлались коммисіею. Всѣ эти мѣры, въ случаѣ ихъ дѣйствительнаго и добросовѣстнаго примѣненія, не могли не принести пользы. Будучи увѣрены въ возможности засѣять свои поля, крестьяне могли обратиться къ обработкѣ земли, которую имъ приходилось бросать для скудныхъ заработковъ въ городахъ. Съ другой стороны, продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ должна была сдерживать алчность хлѣбныхъ торговцевъ, которые, пользуясь народнымъ бѣдствіемъ, возвышали цѣны до громадныхъ размѣровъ.

Насколько успѣшно была выполнена земствомъ хлѣбная операція—опредѣлить трудно. Извѣстно, что для нея были затрачены почти всѣ мѣстные продовольственные капиталы, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сдѣланы, кромѣ того, заимствованія изъ капитала, находящагося въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ, что на всѣ эти деньги былъ закупленъ хлѣбъ, который уже проданъ и деньги возвращены, и что цѣны на хлѣбъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ былъ продаваемъ земскій хлѣбъ, были гораздо ниже, нежели въ тѣхъ, гдѣ его не было. Извѣстно, напримѣръ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Новгородской губерніи цѣна хлѣба доходила до одиннадцати рублей за четверть и быстро спадала до восьми, какъ только на рынкахъ появлялся земскій хлѣбъ. Но съ другой стороны нельзя не признать, что имѣвшихся средствъ было далеко недостаточно для того, чтобы помочь всѣмъ пострадавшимъ отъ голода, или даже понизить цѣны на хлѣбъ до такихъ размѣровъ, чтобы они были доступны большинству. Заготовительная цѣна оставалась все-таки цѣною очень высокою, а два милліона рублей никакъ не могли обезпечить существованіе милліоновъ людей, которые нуждались въ обезпеченіи. Кромѣ того, помощь зем-

ства пришла слишкомъ поздно, когда крестьянское хозяйство было уже разстроено. Поэтому, огромное большинство по прежнему ѣло хлѣбъ пополамъ съ мякиной или съ тѣмъ мхомъ, который обязательно рекомендовали нѣкоторые земскіе люди, какъ отличное подспорье хлѣбу.

Само собою разумѣемся, что въ *этомъ* земскія учрежденія винить нельзя, размѣръ средствъ зависѣлъ не отъ нихъ; отъ нихъ можно было требовать только, чтобы тѣ средства, которыя имѣлись, шли дѣйствительно на покупку хлѣба, чтобы хлѣбъ этотъ былъ купленъ по возможности дешево и былъ хорошаго качества, и чтобы онъ продавался потребителямъ, а не перекупщикамъ. Къ сожалѣнію, эти требованія не вездѣ были выполнены. Закупка хлѣба обошлась, говоря вообще, довольно дорого, такъ что едва ли не всѣхъ выгоднѣе произвела эту операцію коммиссія, существовавшая въ Петербургѣ. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слышались жалобы на то, что сѣмянной хлѣбъ оказался дурного качества, были примѣры даже гнилого хлѣба. Наконецъ, весьма часто, по недосмотру земскихъ управъ и по недостаточно искусной организаціи дѣла, земскій хлѣбъ переходилъ въ руки торговцевъ, которые перепродавали его по возвышенной цѣнѣ. Конечно, эти промахи легко можно объяснить новостью дѣла и неопытностью, но уже съ перваго времени оказались и такіе факты, которые ясно обличали злонамѣренность. Въ концѣ 1868 года Новгородское губернское земское собраніе убѣдилось, что предсѣдатель Боровичской уѣздной управы, мѣстный помѣщикъ Шамшевъ, растратилъ неизвѣстно куда, до десяти тысячъ рублей, изъ денегъ, ассигнованныхъ на хлѣбную операцію. Къ чести земскаго собранія надо сказать, что оно не пыталось *простить* г. Шамшева, какъ пыталось не такъ давно Владимірское дворянское собраніе простить губернскаго предводителя дворянства Огарева, растратившаго общественныя деньги. Собраніе представило въ сенатъ о преданіи г. Шамшева суду, и о его дѣйствіяхъ производится слѣдствіе. Этотъ примѣръ не единственный: въ концѣ прошлаго года Псковское губернское собраніе сдѣлало постановленіе объ устраненіи отъ должности и преданіи суду членовъ Холмской управы, которые также оказались виновными, между прочимъ, и въ злоупотребленіяхъ по хлѣбной операціи, такъ какъ они изобличены въ покупкѣ на земскія деньги гнилого хлѣба и продажѣ его по возвышенной цѣнѣ. Но здѣсь злоупотребленія управы имѣли уже тенденціозный характеръ и были очевидно вызваны тѣмъ враждебнымъ отношеніемъ къ сельскому населенію, которое такъ часто можно встрѣтить въ лицахъ, принадлежащихъ къ извѣстной партіи. Благодаря проникшимъ въ печать оффиціальнымъ даннымъ, мы можемъ остановиться на дѣятельности Холмской управы и собранія, и факты всего лучше укажутъ, что мы не ошибаемся въ оцѣнкѣ этихъ дѣйствій.

Мѣры, принятыя противъ голода, — несмотря на ихъ очевидную необходимость — тѣмъ не менѣе вызвали со стороны разныхъ лицъ раздражительныя нападки. Первыми порицателями явились, разумѣется, монополисты, видѣвшіе въ продажѣ хлѣба земствомъ нарушеніе своего права пользоваться народнымъ бѣдствіемъ для личной выгоды. Къ нимъ присоединились извѣстнаго закала экономисты, которые, безкорыстно поддерживая всякую монополію, считаютъ болѣе совмѣстнымъ съ требованіемъ науки допустить голодную смерть сотенъ людей, нежели понизить рыночныя цѣны, произвольно назначаемыя монополистами. Далѣе, дѣятельность земства была встрѣчена саркастическою улыбкою со стороны тѣхъ администраторовъ, которые усматривали въ ней помраченіе собственной дальновидности. Наконецъ эта дѣятельность, — конечно въ лучшихъ ея проявленіяхъ, вызвала скрежетъ зубовъ въ средѣ той партіи, которая вообще не можетъ слышать о какой-либо мѣрѣ, способной облегчить участь крестьянскаго населенія. Эти люди не постыдились даже, въ годину тяжкаго бѣдствія, бросить грязью въ сельское населеніе, обвиняя его въ нахлѣбничествѣ и тунеядствѣ за то, что ему продавался по заготовительной цѣнѣ хлѣбъ, купленный на его собственныя деньги.

Читатели догадываются, что мы говоримъ о той партіи, о́рганомъ которой была до послѣдняго времени газета «Вѣсть», окончившая нынѣ свое печальное существованіе. Какъ только былъ поднятъ вопросъ о принятіи мѣръ противъ голода, такъ эта газета разразилась самымъ яростнымъ ругательствомъ противъ сельскаго населенія и лицъ, заботившихся объ оказаніи ему помощи. Называя безвозвратныя ссуды «преміей за лѣность и нерадѣніе» и «поощреніемъ тунеядству и распущенности», газета г. Скарятина выразила опасеніе, что все сельское населеніе будетъ «взято на хлѣбы», хотя, какъ извѣстно, только это населеніе и доставляетъ хлѣбъ и себѣ и высшимъ классамъ. Вмѣсто всякой помощи, публицисты газеты «Вѣсть» требовали «энергическаго побужденія къ труду», утверждая, что «крестьяне не умѣютъ руководствоваться сознаніемъ своихъ обязанностей», и что «грубыя народныя массы безъ соотвѣтственныхъ внѣшнихъ побужденій (?) не въ состояніи поднять бремя, которое возлагаютъ на нихъ условія вновь возникающаго быта». Мы приводимъ эти слова не потому, чтобы желали считаться съ погибшимъ о́рганомъ г. Скарятина, а потому, что приведенныя фразы вполнѣ характеризуютъ земскихъ дѣятелей, стремившихся провести на практикѣ принципы «Вѣсти».

Подобные-то люди и получили, къ несчастію, преобладающее вліяніе въ холмскомъ собраніи, о которомъ мы упомянули выше и которое имѣетъ въ своей средѣ самого г. Скарятина. Въ этомъ собраніи толки о лѣности, грубости и невѣжествѣ крестьянскаго сословія не кончились до послѣдняго времени и интересно прослѣдить, какими дѣятельными,

гуманными и развитыми оказались здѣсь представители помѣщичьяго сословія, получившіе тутъ полное и преобладающее вліяніе.

Холмское собраніе уже давно заявило себя тѣмъ, что настаивало на необходимости распространить, сколь возможно, примѣненіе тѣлеснаго наказанія, вѣроятно видя въ немъ то «энергическое побужденіе къ труду», котораго добивалась газета «Вѣсть». Обличая крестьянъ въ лѣности и тунеядствѣ, оно, вѣроятно въ видахъ исправленія, оставило на его плечахъ всѣ натуральныя повинности и обложило крестьянскія земли несравненно выше помѣщичьихъ. Конечно, это достигнуто тѣмъ «законнымъ» путемъ, на который мы уже указывали, говоря о земскихъ раскладкахъ: земли раздѣлены на двѣ категоріи, изъ которыхъ къ первой отнесены усадебныя, пахатныя и покосныя, а ко второй остальныя. Такъ какъ *фактически* всѣ крестьянскія земли относятся къ первой категоріи, а бо́льшая часть помѣщичьихъ—ко второй, то весьма понятно, что чѣмъ выше будутъ обложены первыя сравнительно съ послѣдними, тѣмъ тяжелѣе падетъ этотъ сборъ на крестьянское сословіе. Мы указали, что въ Петербургской губерніи земли первой категоріи оцѣнены въ семь разъ выше остальныхъ; провѣря принципъ этой оцѣнки, читатели могли видѣть, что и она сдѣлана далеко не въ пользу крестьянскаго сословія; въ Холмскомъ же уѣздѣ, обработанныя земли оцѣнены не въ семь, а въ пятнадцать разъ выше остальныхъ. Изъ этого можно заключить, какой тягостью легла такая разцѣнка на крестьянское сословіе. Той же системы держалось Холмское собраніе и относительно расходовъ; оно назначило въ маленькомъ уѣздѣ пять мировыхъ участковъ, чтобы дать содержаніе пяти помѣщикамъ, и въ тоже время не ассигновало ничего на школы и врачебныя пособія крестьянамъ. Результаты такого способа дѣйствій обнаружились весьма скоро, особенно благодаря земской управѣ, которая такъ ревностно осуществляла стремленія собранія, что не только не принимала по собственной иниціативѣ никакихъ мѣръ противъ голода и болѣзней, но и мѣшала по возможности мѣрамъ, принятымъ администраціею и губернскимъ земствомъ. Такъ, въ 1868 году псковское губернское собраніе поручило уѣзднымъ управамъ закупить на ассигнованныя изъ продовольственнаго капитала деньги необходимое количество хлѣба для продажи его по заготовительной цѣнѣ. Несмотря на крайнюю необходимость этой мѣры въ виду недостатка продовольствія и возвышенія цѣнъ, Холмская управа подъ разными предлогами оттягивала исполненіе ея до апрѣля 1869 года, объявивъ между тѣмъ крестьянамъ, что они могутъ покупать тотъ овесъ, который они же должны возвратить въ управу изъ займа прошлаго года и назначивъ за него цѣну выше рыночной. Послѣ этой иронической выходки, управа въ маѣ 1869 года произвела наконецъ закупку хлѣба по весьма дорогой цѣнѣ и открыла продажу его по 10 рублей, тогда какъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ онъ продавался по

восьми и девяти. Но когда пріѣхавшій изъ Пскова членъ губернской управы освидѣтельствовалъ этотъ хлѣбъ, то мука, находившаяся въ складѣ въ количествѣ 18 кулей, оказалась «не только недоброкачественною и непитательною, но крайне вредною для употребленія», хорошаго же качества оказались только 6 кулей ржи и 1 куль муки, *хранящіеся въ особой кладовой.*

Между тѣмъ отъ недостатка продовольствія, въ Холмскомъ уѣздѣ появилась эпидемическая возвратная горячка, которая въ апрѣлѣ прошлаго года усилилась до того, что изъ десяти тысячъ человѣкъ, живущихъ въ мѣстности, пораженной болѣзнью, — въ одинъ мѣсяцъ заболѣло полторы тысячи. Когда бывшій въ Холмскомъ уѣздѣ врачъ сообщилъ уѣздному собранію о появленіи эпидеміи и предложилъ принять мѣры, то собраніе отвѣчало ему оскорбленіями. Съ своей стороны уѣздная управа сообщала въ губернскую, что «никакихъ новыхъ болѣзней нѣтъ» и отказывала даже въ деньгахъ на наемъ фельдшеровъ, отзываясь неимѣніемъ средствъ и отдавая въ тоже время земскія суммы въ частныя руки за проценты. Такимъ образомъ уѣздъ, пораженный эпидеміей, оставался годъ безъ всякой врачебной помощи. Только по настоянію губернатора было командировано нѣсколько врачей изъ губернскаго города и отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; они нашли уѣздъ въ отчаянномъ положеніи: смертность доходила до ужасающихъ размѣровъ, такъ что, по заявленію одного изъ врачей, «въ нѣкоторыхъ приходахъ въ полтора года *убыла цѣлая треть населенія*, есть дома закрытые по случаю смерти домохозяевъ, и множество сиротъ, оставшихся безъ призрѣнія, розданы въ постороннія семейства». Земская управа такъ и не приняла никакихъ мѣръ противъ эпидеміи и этимъ пріобрѣла такое довѣріе въ населеніи, что лица, изъявившія желаніе безвозмездно ходить за больными, отказывались, какъ только узнавали, что имъ придется обращаться за лекарствами въ эту управу. Не лучше поступило и Холмское собраніе. Въ сессію 1869 года, когда результаты его дѣятельности были уже передъ его глазами и когда отчаянное состояніе уѣзда было засвидѣтельствовано всѣми врачами, собраніе это снова не ассигновало ни копѣйки на врачебную часть и кромѣ того часть денегъ, ассигнованныхъ Государемъ Наслѣдникомъ на помощь холмскимъ *крестьянамъ*, обратило на вспоможеніе сиротамъ *всѣхъ сословій.*

Въ этихъ дѣйствіяхъ трудно не подмѣтить систематическаго нежеланія оказать помощь сельскому населенію и это нежеланіе было замѣчено всѣми врачами, которые были въ Холмскомъ уѣздѣ во время эпидеміи. «Этому бѣдствію можно было бы помочь во-время, говоритъ одинъ изъ нихъ, но помощи ни откуда не было. Земскія учрежденія Холмскаго уѣзда задались единственной мыслью, что бѣдность крестьянъ происходитъ отъ ихъ лѣности и безнравственности. Въ земскомъ собраніи читались краснорѣчивые доклады о лѣности крестьянъ, о

пьянствѣ ихъ, происходили не менѣе краснорѣчивыя пренія, и въ результатѣ всего было не стараніе объ улучшеніи быта крестьянъ, а ходатайство о возвращеніи имъ тѣлеснаго наказанія. Такъ именно дѣйствовали самые краснорѣчивые и самые вліятельные люди изъ земскихъ дѣятелей, между которыми находится редакторъ газеты «Вѣсть». На самомъ же дѣлѣ, съ 1865 года, были постоянные неурожаи и скотскіе падежи; крестьянинъ, надѣленный небольшимъ количествомъ земли, имѣлъ къ тому-же мало заработковъ, потому что работалъ большею частію обязательно за право пользованія выгономъ и дровами у сосѣдей, крупныхъ землевладѣльцевъ, онъ разорялся и послѣднее его имущество продавалось на пополненіе недоимокъ. Подняться ему не было возможности, потому что, при постоянной дороговизнѣ на хлѣбъ, заработныя цѣны понизились, *крупные землевладѣльцы воспользовались его бѣдностью и, давая заимообразно хлѣбъ, получали дешевыхъ работниковъ».*

Съ своей стороны, мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что это-то полученіе дешевыхъ работниковъ и было исходной точкою для дѣятельности Холмскаго собранія. Пожалуй, разсчетъ былъ вѣренъ, потому что разорившійся крестьянинъ скорѣе пойдетъ работать за грошъ, нежели зажиточный, и всякій возьметъ скорѣе годный помѣщичій хлѣбъ, нежели гнилой земскій, хотя бы за первый и пришлось платить мѣсяцами тяжелой работы. Какъ тяжелы послѣдствія той кабалы, въ которую попадали крестьяне при такомъ порядкѣ вещей,— можно видѣть изъ оффиціальнаго отчета Псковскаго врачебнаго инспектора г. Моравскаго, ѣздившаго въ Холмскій уѣздъ для изслѣдованія причинъ эпидеміи. «Я вовсе не преувеличу, говоритъ онъ, если скажу, что двѣ трети обитателей той мѣстности, которую я объѣхалъ, живутъ въ долгъ, только одна треть перебивается собственными средствами; ссужаютъ крестьянъ помѣщики, купцы и только весьма рѣдко крестьяне-сосѣди—за огромные проценты, за каждую четверть взятой ржи, крестьянинъ обязанъ возвратить осенью, по крайней мѣрѣ, двѣ четверти... Еще тяжелѣе другого рода экономическая операція, которой по необходимости должны были подвергаться крестьяне: большая часть изъ нихъ, не имѣя сѣмянъ для засѣва яровыхъ полей, принуждена была брать ихъ въ долгъ у помѣщиковъ или купцовъ, причемъ одни обязывались отдавать $^1/_2$ сбора, другіе—$^2/_3$, хотя вся обработка полей падала на счетъ крестьянина» [1]).

Понятно, что такія условія были выгодны для крупныхъ землевладѣльцевъ, и, воспользовавшись такимъ *удобнымъ* положеніемъ, они дошли до того, что обезлюдили цѣлый уѣздъ. «Много рабочихъ силъ, говоритъ г. Моравскій, погибло здѣсь въ борьбѣ съ болѣзнью, часть кре-

[1]) Архивъ Судебн. Медицины и обществ. гигіены, 1869 г. Декабрь.

стьянъ «побрела врозь», какъ выражаются старыя лѣтописи, оставшіеся дома слабосильны, крайне упали духомъ и сдѣлались равнодушны къ своему горю. Холмская городская тюрьма переполнена заключенными за преступленія противъ собственности... Съ другой стороны я долженъ сказать, что нигдѣ еще не встрѣчалъ такого добраго, кроткаго и довѣрчиваго народа, какъ въ Холмскомъ уѣздѣ»... [1])

Мы торопимся задернуть завѣсу передъ этой мрачной картиной страданій, которыми такъ богато наше обширное отечество.

Мы знаемъ, что нашими словами мы уже не поправимъ дѣла, но авось примѣръ Холмскаго земства откроетъ глаза нашему, вѣчно спокойному въ своемъ индифферентизмѣ обществу, авось оно пойметъ, чего можетъ ожидать оно, ввѣряя свои интересы людямъ, которые, прикрываясь фразами объ охранительномъ началѣ, такъ усердно охраняютъ свои сословныя выгоды и выколачиваютъ послѣдній грошъ у презираемаго ими крестьянина.

X.

Примѣръ Холмскаго уѣзда показываетъ, какое важное значеніе должно имѣть въ дѣятельности земскихъ собраній охраненіе народнаго здравія. Мы торопимся сказать, что такое варварское небреженіе къ этому дѣлу, какое мы встрѣчаемъ въ Холмскомъ уѣздѣ, не встрѣчается нигдѣ. Напротивъ, бо́льшая часть суммъ, ассигнуемыхъ въ земскихъ собраніяхъ на необязательные расходы, идетъ именно на санитарную часть. Но, конечно, только подробныя изслѣдованія и статистическія цифры могутъ указать, что́ сдѣлало земство въ этомъ важномъ дѣлѣ, гдѣ ему приходится бороться съ препятствіями почти непреодолимыми. Громадность пространствъ, рѣдкость населенія, общій недостатокъ медицинскихъ средствъ и врачей, недовѣріе къ нимъ со стороны сельскаго населенія, унаслѣдованное отъ прежняго времени, весьма естественное со стороны неспеціалистовъ отсутствіе знаній по той части, которою приходится завѣдывать — все это такія неблагопріятныя условія, при которыхъ трудно ожидать скорыхъ успѣховъ. Можно только безошибочно сказать, что *до* введенія земскихъ учрежденій, врачебная часть была повсемѣстно въ гораздо худшемъ состояніи. Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи были переданы въ руки земства больницы, находившіяся въ завѣдываніи приказовъ общественнаго призрѣнія. Едвали кто-нибудь скажетъ, что ихъ состояніе ухудшилось, хотя до благоустроеннаго положенія конечно далеко. Улучшеніе больницъ, впрочемъ, совершенно пропорціонально увеличенію средствъ. Само собою разумѣется, что тратя на больницу двѣ тысячи рублей, можно безъ особенныхъ усилій содержать ее лучше, нежели тратя одну тысячу, а такіе примѣры вовсе не рѣдкость, по крайней

[1]) Тамъ же.

мѣрѣ пренія, происходившія по этому предмету въ Петербургской губерніи, въ сессію 1868 г., доказали, что почти всѣ уѣздныя больницы требуютъ пособій отъ земства, независимо отъ средствъ, переданныхъ на ихъ содержаніе отъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Тоже самое можно сказать и о большинствѣ другихъ собраній.

Кромѣ того, земскія собранія почти вездѣ дѣлаютъ болѣе или менѣе значительныя затраты на содержаніе въ уѣздахъ врачей, акушерокъ, ветеринаровъ и фельдшеровъ, на устройство временныхъ госпиталей, аптекъ и т. п. Сумма этихъ затратъ переходитъ въ Петербургской губерніи, напримѣръ, за 70,000 руб., а есть губерніи, гдѣ она еще значительнѣе. Конечно, было бы странно сказать, что эти затраты достаточны, что они соотвѣтствуютъ потребностямъ населенія. При теперешнемъ положеніи объ этомъ нечего и думать, и мы указываемъ только на фактъ улучшенія, который можно доказать цифрами. Такъ, напримѣръ, въ трудахъ постоянной медицинской коммиссіи, учрежденной при Полтавской губернской управѣ, мы находимъ свѣдѣнія, что во всей Полтавской губерніи до 1851 года существовало на пространствѣ 43 тысячъ квадратныхъ верстъ, для двухъ милліоновъ населенія — 17 врачей, 30 фельдшеровъ и 16 акушеровъ; съ 1851 года къ нимъ прибавилось еще 8 врачей, 50 фельдшеровъ и 169 оспенниковъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ; со введеніемъ же земскихъ учрежденій, уже въ 1865 г. на земскія деньги содержались 25 врачей, 124 фельдшера и 127 оспенниковъ (кромѣ тѣхъ, которые содержатся на счетъ сельскихъ обществъ) и еще открыто 16 сельскихъ лечебницъ.

Нельзя отрицать также пользы мѣръ, принимаемыхъ земствомъ противъ эпидемій. Оно почти всегда находитъ возможность командировать нѣсколькихъ врачей въ мѣстности, пораженныя эпидеміей, и какъ ни недовѣрчиво наше сельское населеніе на эти мѣры, которыя еще такъ недавно были только поводомъ къ новымъ поборамъ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что каждый лишній врачъ, пріѣхавшій во́ время въ мѣстность, гдѣ свирѣпствуетъ эпидемія, необходимо облегчитъ, хотя сколько-нибудь, страданія населенія. Но съ другой стороны нельзя не сознаться, что дѣятельность земства въ этомъ отношеніи ограничивается чисто внѣшнею, денежною помощью, которая даетъ лишь возможность найма извѣстнаго числа врачей. О прочной медицинской организаціи нечего и говорить. Если и были попытки въ этомъ родѣ, то онѣ, или по неимѣнію денежныхъ средствъ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, не приведены въ исполненіе. Болѣе серьезное отношеніе къ этому предмету выказало Полтавское губернское собраніе, которое избрало даже спеціальную медицинскую коммиссію для выработки проекта медицинской организаціи. Коммиссія эта, послѣ трехлѣтнихъ приготовленій, предположила наконецъ устроить въ

Полтавѣ образцовую больницу, учредить уѣздные медицинскіе совѣты и открыть фельдшерскую школу. Но при этомъ она въ своихъ «трудахъ» отозвалась рѣзко о заведеніяхъ, находящихся въ завѣдываніи управы. Управа обидѣлась и написала не менѣе рѣзкій отвѣтъ, стращая составителей «трудовъ» судомъ. Затѣмъ явилось нѣсколько полемическихъ статей въ медицинскихъ журналахъ: однѣ были за управу, другія за коммиссію, а «проектъ»отодвинулся на задній планъ.

Вообще, нужно сказать, что успѣшной дѣятельности земства въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія препятствуетъ, во-первыхъ, естественное со стороны земскихъ дѣятелей незнакомство съ медицинской частью и, во-вторыхъ, тѣ недружелюбныя отношенія, которыя существуютъ между земствомъ и представителями медицинской науки и практики. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ медицинскія власти до сихъ поръ не могутъ примириться съ тѣмъ, что изъ ихъ рукъ ускользнуло хозяйственное управленіе больницами и конечно не выказываютъ большой готовности помочь земству своими совѣтами. Съ другой стороны, земскія учрежденія положительно не съумѣли привлечь къ себѣ симпатіи тѣхъ молодыхъ врачей, которые служатъ самому земству. Земскія управы съ самаго начала стали смотрѣть на нихъ, большею частію, какъ на простыхъ наемниковъ и слишкомъ безцеремонно пользовались своимъ правомъ смѣнять ихъ безъ объясненія причинъ, такъ что въ послѣднее время никто изъ врачей нейдетъ на службу земства иначе, какъ по контракту на нѣсколько лѣтъ. «Много надеждъ было положено на земство,—говоритъ печатно одинъ врачъ—но надежды эти оказались, какъ и слѣдовало ожидать, тщетными!... Мы увидѣли только одно непониманіе дѣла и даже нежеланіе понять его. И вмѣсто того, чтобы стремиться въ земство, мы видимъ, что всякій дѣльный врачъ смотритъ какъ бы оставить службу по земству и при первомъ удобномъ случаѣ безъ оглядки бѣжитъ отъ этой службы».

Въ заключеніи надо сознаться, что какъ бы добросовѣстно и энергически ни принялось земство за охраненіе народнаго здравія и обезпеченіе народнаго продовольствія, оно все-таки принуждено будетъ ограничиться палліативными мѣрами. Для дѣйствительнаго улучшенія санитарной части необходимы измѣненіе гигіеническихъ условій, въ которыхъ живетъ наше сельское населеніе, улучшеніе его пищи и жилищъ, точно также, какъ для обезпеченія народнаго продовольствія необходимы измѣненіе экономическихъ условій и пониженіе несоразмѣрно высокихъ налоговъ. А ни то, ни другое, какъ извѣстно, не зависитъ отъ земства.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюля 1870.

Революціонное движеніе въ Италіи.—Полиція и бандиты.—Значеніе итальянской конституціи.—Положеніе финансовъ и сельскаго хозяйства.—Налоги.—Причины революціи и недовольства.—Сокращеніе военныхъ расходовъ.—Разбойничество въ Греціи и Испаніи.—Смѣна министровъ въ Португаліи.—Законъ объ избраніи короля въ Испаніи.—Отмѣна невольничества и движеніе на островѣ Кубѣ.—Смертная казнь въ сѣверо-германскомъ, баварскомъ и нидерландскомъ парламентахъ.—Выборы въ Бельгіи и Австріи.

Мѣсяца два сряду въ Италіи, во всѣхъ концахъ ея, стали почти ежедневно появляться революціонныя банды съ криками: «республика или смерть!» Каждая банда состоитъ изъ небольшого числа молодыхъ людей, хорошо вооруженныхъ и экипированныхъ; нигдѣ не слышно, чтобы эти люди занимались нападеніемъ на мирныхъ гражданъ или на частную собственность,—только королевскіе гербы терпѣли отъ нихъ вездѣ разрушительные удары, только къ королевскимъ жандармамъ и карабинерамъ относились они всегда враждебно. Правда, по «несчастному стеченію обстоятельствъ», карабинеры и жандармы являлись въ бо́льшей части случаевъ «слишкомъ поздно» въ мѣста, гдѣ прогуливались республиканскія банды, и потому серьезныхъ столкновеній между обѣими сторонами было только два-три. Вообще же, банды старались только «являться» тамъ и сямъ, и потомъ быстро скрывались неизвѣстно куда. И банды являлись не только въ сельскихъ округахъ—по деревнямъ, но и въ городахъ: въ Павіи и Піаченцѣ инсургенты нападали даже на казармы; во всѣхъ главныхъ городахъ королевства: въ Неаполѣ, Миланѣ, даже Флоренціи революціонеры ограничивались однѣми прокламаціями, которыя безпрестанно приклеивались какою-то таинственною рукою на углахъ разныхъ улицъ. Университетская молодежь тоже принимала участіе въ общей тревогѣ, даже въ добромъ и почтенномъ городѣ Туринѣ; — нссомнѣнно также, что многіе студенты принимали участіе и въ бандахъ. Банды посѣщали множество

мѣстностей, и на большихъ дорогахъ, и на проселочныхъ, но желѣзныхъ дорогъ онѣ не портили, даже телеграфныя проволоки порваны лишь тамъ, гдѣ инсургентамъ угрожало слишкомъ быстрое преслѣдованіе. Особенно хорошо чувствовали себя банды въ горахъ, или на живописныхъ берегахъ горныхъ озеръ: растительное царство тамъ такое роскошное, пернатый міръ заливается восхитительнымъ пѣніемъ, майская погода такъ привѣтливо принимала ихъ въ свои нѣжныя объятія. Одни эти чисто матеріальныя наслажденія, кромѣ всякихъ поэтическихъ мечтаній о будущемъ величіи Италіи, могутъ увлечь въ горы, въ лѣса, каждаго итальянскаго юношу, и очень можетъ быть, что нѣкоторыя банды имѣли въ своемъ составѣ не малое число молодыхъ людей, задумавшихъ полезнымъ въ политическомъ отношеніи образомъ насладиться всѣми прелестями «общенія съ природою». Разсказываютъ, напримѣръ, про одного британскаго подданнаго, Іосифа Натана, юношу лѣтъ 20-ти, который, собравъ банду въ 50 человѣкъ, вышелъ изъ Лугано, что въ швейцарскомъ кантонѣ Тессинѣ, и, перебравшись въ Италію, прошелъ по окрестностямъ Порлеццо, приближался къ Ривѣ, Колико, вездѣ распространяя революціонныя прокламаціи и призывая жителей къ провозглашенію республики. Такъ ходилъ онъ нѣсколько дней и ни одному деревенскому жителю не приходило въ голову оказать ему отпоръ или защитить королевскіе гербы отъ неумолимыхъ истребителей. Когда извѣстіе о подвигахъ Натана дошло до ближайшаго большого города и когда оттуда посланы были войска, юный предводитель тотчасъ же собралъ своихъ приверженцевъ на совѣтъ и, давъ каждому нѣкоторую сумму денегъ, распустилъ ихъ по домамъ, а самъ снова очутился въ Лугано, гдѣ его и арестовали швейцарскія власти. Къ чему же онъ прогуливался? Неужели только для того, чтобы сказать: «пришелъ, увидѣлъ, и пошелъ прочь...»

Въ началѣ революціоннаго движенія, само итальянское правительство полагало, что молодые люди дѣйствительно только пошаливаютъ, и что противъ этой революціи нѣтъ ни малѣйшей необходимости принимать какія бы то ни было мѣры, такъ какъ сами граждане могутъ перехватать революціонеровъ и представить куда слѣдуетъ. Когда первая банда появилась въ окрестностяхъ Катанцаро, въ Калабріи, первый министръ Ланца тотчасъ заявилъ въ палатѣ депутатовъ, что около Катанцаро появилась шайка «разбойниковъ» въ 300 человѣкъ, и что противъ нея выступаетъ уже въ походъ отрядъ, состоящій изъ 300 гражданъ съ сыномъ Гарибальди — Менотти. Но это заявленіе оказалось несправедливымъ отъ перваго слова до послѣдняго. «Разбойники» оказались республиканцами, въ числѣ которыхъ былъ сынъ Гарибальди — Риччіотти; граждане Катанцаро дѣйствительно собирались защищать, но не правительство Виктора-Эммануила, а частную

собственность въ городѣ; Менотти Гарибальди дѣйствительно былъ въ числѣ этихъ гражданъ, но онъ заявилъ въ открытомъ письмѣ, что ему и въ голову не приходило быть «жандармомъ» «гнуснаго» королевскаго правительства, состоящаго изъ «воровъ и негодяевъ», и что «его ружье, напротивъ, всегда готово принять участіе въ какой-нибудь попыткѣ противъ существующей системы правленія». Вотъ какой отвѣтъ министру Ланцѣ привезъ изъ Катанцаро представитель этого города, Маринкола. Позднѣе правительство узнало, что изъ нѣкоторыхъ полковъ въ Павіи нѣсколько солдатъ и сержантовъ бѣжали въ ряды инсургентовъ. Видя въ тоже время, какъ смѣло и безопасно гуляютъ революціонеры по всей странѣ, оно стало относиться съ недовѣріемъ къ національной гвардіи, и одинъ изъ генераловъ, Робилантъ, полки котораго расположены въ Равеннѣ, даже потребовалъ отъ мѣстныхъ гвардейцевъ сдачи оружія равеннскимъ властямъ, но гвардейцы отказались исполнить это незаконное требованіе, и хорошо еще, что генералъ не вздумалъ приступить къ насильственному исполненію своего желанія. Испуганное правительство стало опасаться даже за жизнь короля и отсовѣтовало ему ѣхать въ замокъ Санъ-Россоре, что близъ Пизы; даже дворецъ Питти во Флоренціи подвергся тщательному обыску, такъ какъ опасались—нѣтъ ли чего-нибудь гибельнаго въ его подземельяхъ. Противъ Риччіотти Гарибальди начали заочно судебное преслѣдованіе, а самого Гарибальди, на островѣ Капрерѣ, стали сторожить три военныхъ судна, подъ начальствомъ контръ-адмирала Изолы; бѣжавшихъ солдатъ приговорили заочно къ смертной казни,— нѣкоторыхъ гражданъ, заподозрѣнныхъ въ революціонныхъ замыслахъ, заковали въ кандалы.

Всѣ эти факты очевидно показываютъ, что правительство Ланцы начинаетъ придавать революціонымъ бандамъ слишкомъ важное значеніе. Сначала думали, что если банды появляются въ разныхъ частяхъ королевства, то значитъ революція не имѣетъ царя въ головѣ и не знаетъ—какъ и гдѣ начать ей свою дѣятельность; — теперь же стали полагать, что, напротивъ, въ этой разбросанности по всей странѣ и заключается весь планъ революціи, — что республиканцамъ нужно лишь сбить съ толку всѣ правительственныя предположенія, встревожить и измучить войска, заставить власть разбить всю армію на мелкіе отряды, а на мелкіе отряды гораздо легче оказать и нравственное вліяніе, и матеріальное давленіе. Весьма можетъ быть, что таковы именно намѣренія старика Маццини, который, какъ слышно, руководитъ нынѣшнимъ движеніемъ.

Какъ бы то ни было, если нынѣшнее движеніе ограничится одними лишь прогулками революціонныхъ бандъ по горамъ и по полямъ, оно все-таки наноситъ правительству весьма чувствительный ударъ однимъ тѣмъ, что оно существуетъ и можетъ безнаказанно агитировать всю

страну, и показать передъ лицомъ всего образованнаго міра, что въ Италіи во всѣхъ провинціяхъ есть люди, недовольные настоящею системою правленія въ столь сильной степени, что готовы взять свое ружье на плечо и идти грудью противъ королевскихъ жандармовъ, карабинеровъ, берсальеровъ, и какъ ихъ тамъ называютъ,—что, кромѣ того, въ той же Италіи, люди всѣхъ сословій спокойно смотрятъ на появленіе безчисленныхъ мелкихъ бандъ по всей странѣ, и никто изъ нихъ не шевельнетъ пальцемъ въ пользу «порядка и спокойствія». Только солдаты да полиція дѣйствуютъ въ пользу правительства, но и то крайне вяло. Среди самой полиціи есть не мало людей, для которыхъ спокойствіе и порядокъ въ обществѣ имѣютъ лишь второстепенное значеніе, и которые хлопочатъ лишь о томъ, какъ бы жить въ ладу съ разными людьми весьма подозрительнаго характера. Это качество полиціи весьма замѣтно во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ до сихъ поръ отъ времени до времени свирѣпствуетъ разбойничество, точь-въ-точь такое, какое мы видѣли въ Греціи. Заброшенные углы неаполитанскихъ провинцій, острова Сицилія и Сардинія, а также бывшія папскія владѣнія—всѣ эти мѣстности до сихъ поръ славятся разбойничьими нападеніями на богатыхъ людей и страшными фактами разбойничьей мести противъ всѣхъ крестьянъ и цѣлыхъ селеній, рѣшающихся помочь властямъ въ погонѣ за бандитами. Несомнѣнно, что итальянское правительство не входитъ въ стачки съ разбойниками, но изъ полицейскихъ чиновъ, особенно въ Романьѣ, нѣкоторые надзиратели всегда готовы пожать руку тому или другому атаману бандитовъ, особенно если къ рукѣ прилипаютъ при этомъ сотни и тысячи лиръ. Въ началѣ апрѣля нынѣшняго года одинъ изъ надзирателей, Каттанео, дошелъ до такой преданности къ бандитизму, что самъ, собственною рукою, пырнулъ кинжаломъ генерала Эскоффіера, жестокаго, непримиримаго и искуснаго преслѣдователя разбойниковъ. Когда правительство задумало смѣнить убійцу, Каттанео вдругъ скрылся, а назначенный на его мѣсто, весьма ловкій надзиратель Кампиделли изъ Луго, былъ убитъ цѣлою шайкою кинжальщиковъ въ тотъ самый день, когда онъ хотѣлъ отправиться въ мѣсто своего новаго назначенія. Замѣчательно, что его били кинжалами и два раза стрѣляли изъ пистолетовъ, въ три часа пополудни, на небольшой площади, на которую выходятъ всегда открытыя двери одного кафе, постоянно наполненнаго публикою, и никто не видѣлъ и не запомнилъ лица ни одного убійцы. Когда извѣстіе о смерти Кампиделли достигло Флоренціи, оно удостоилось лишь нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній въ тамошнихъ газетахъ, и затѣмъ все стихло. Этотъ фактъ тоже весьма хорошо характеризуетъ отношеніе общества къ правительственнымъ властямъ, особенно къ усердпымъ полицейскимъ чинамъ.

Очевидно, что итальянцы крайне недовольны своимъ правитель-

ствомъ, и что всѣ способы проявленія общественной самодѣятельности въ политическихъ дѣлахъ сводятся въ Италіи лишь къ революціи. Если всмотрѣться по-пристальнѣе въ сущность этого недовольства и революціоннаго настроенія, то можно убѣдиться, что и то и другое вызвано весьма серьезными причинами, требующими, для своего удаленія, энергической дѣятельности и великаго самоотверженія со стороны итальянскихъ государственныхъ людей; но ни энергіи, ни самоотверженія нельзя ожидать отъ такого кабинета, каковъ кабинетъ Ланцы и Селлы, и отъ всѣхъ партій, существующихъ теперь въ флорентинскомъ парламентѣ, такъ такъ всѣ они находятся въ постоянной враждѣ между собою и ни одна изъ нихъ не можетъ служить вѣрнымъ представителемъ законодательныхъ требованій страны. Это вовсе не партіи, это — клики людей, служащихъ интересамъ своихъ вождей, но никакъ не страны: въ флорентинской палатѣ депутатовъ есть приверженцы Ланцы и Селлы, есть приверженцы генерала Менабреа, есть приверженцы Ратацци, есть приверженцы Криспи, Билліа — кого хотите, но только не итальянскаго народа; тамъ есть также представители интересовъ старыхъ провинцій: Пьемонта, Сициліи, Тосканы, но никакъ не единой Италіи.

Преданность отдѣльному лицу — признанному вождю, и преданность интересамъ отдѣльной провинціи — своей родинѣ, — эти оба качества итальянскихъ депутатовъ обусловливаются самимъ конституціоннымъ строемъ королевства Виктора-Эммануила. Итальянскій депутатъ не можетъ отрѣшиться даже отъ самыхъ мелкихъ интересовъ той исторической провинціи, которой онъ служитъ представителемъ, потому что интересы эти не имѣютъ мѣстныхъ органовъ удовлетворенія и защиты, такъ какъ всѣ земскія дѣла въ Италіи ведутся подъ столь сильнымъ давленіемъ со стороны администраціи, что самоуправленіе является тамъ лишь пустымъ звукомъ. Съ другой стороны, итальянскій депутатъ попадаетъ въ парламентъ не путемъ поголовной подачи голосовъ, но изъ среды весьма ограниченнаго круга избирателей: на каждаго депутата (ихъ 493) приходится среднимъ числомъ всего по одной тысячѣ голосовъ; сравнивая избирательное право въ Италіи съ французскимъ и съ англійскимъ по числу жителей, оказывается, что въ Англіи число избирателей впятеро больше, чѣмъ въ Италіи, а во Франціи вдесятеро больше. Такимъ образомъ, итальянскій депутатъ, будучи представителемъ лишь ничтожнаго числа своихъ соотечественниковъ, подходящихъ подъ цензъ въ 40 франковъ ежегоднаго прямого налога (съ доходовъ, съ земли, съ домовъ), теряетъ свой народный характеръ и старается служить лишь интересамъ вліятельнѣйшихъ людей своего избирательнаго округа, ибо отъ нихъ зависитъ его собственное избраніе. Почти ежегодно во флорентинскомъ парламентѣ происходятъ отчаянныя перебранки между де-

путатами изъ-за того, что кому нибудь изъ нихъ придетъ блажная мысль обличать другихъ въ подкупности, въ служеніи интересамъ какихъ-нибудь богатыхъ купцовъ или банкировъ и т. п. Избиратели съ высокимъ цензомъ во всѣхъ странахъ служили интересамъ своей страны только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти интересы совпадали съ ихъ личными интересами, а такъ какъ въ современной государственной жизни интересы богатыхъ классовъ далеко не совпадаютъ съ интересами всѣхъ сословій, ибо кромѣ богатства въ настоящемъ историческомъ движеніи весьма важную роль играютъ образованіе и трудъ, сознающій свое значеніе въ обществѣ,—то понятно, что итальянскій парламентъ, какъ представитель одной лишь золотой буржуазіи, не можетъ удовлетворить потребностямъ всей націи, и что члены его, привыкнувъ преклоняться передъ вліятельными лицами среди избирателей, не могутъ отступить отъ этой привычки и въ стѣнахъ парламента, гдѣ они группируются обыкновенно вокругъ людей, умѣющихъ хорошо говорить и способствующихъ какими либо путями осуществленію тѣхъ предпріятій или цѣлей, служить которымъ обѣщалъ депутатъ. Въ Италіи есть теперь не мало личностей, которыя стали богатыми людьми лишь вслѣдствіе того, что занялись парламентскою дѣятельностью, — сама по себѣ парламентская служба въ Италіи не приноситъ хорошаго жалованья, какъ во Франціи, но за то постороннихъ доходовъ даетъ много: можно получить и за то, что проведешь ту или другую мѣру, и за то, что съумѣешь нанести рѣшительный ударъ какому-нибудь предложенію, или даже цѣлому министерству.

Само собою разумѣется, что корыстолюбіе и лихоимство хлопотали всего болѣе около производительныхъ силъ страны, около тѣхъ или другихъ правительственныхъ монополій въ промышленности и торговлѣ, и вообще около всего того, что́ имѣло какое либо отношеніе къ государственной казнѣ, къ финансамъ. Въ продолженіи послѣднихъ 7—8 лѣтъ, какъ существуетъ итальянскій парламентъ, ни одна изъ важнѣйшихъ финансовыхъ операцій не обходилась безъ того, чтобы не принести той или другой кликѣ депутатовъ значительный доходъ на счетъ всего итальянскаго народа. Концессіи желѣзныхъ дорогъ, продажа церковныхъ имуществъ и еще въ прошломъ году — табачная монополія, — всѣ эти операціи и множество займовъ, развивавшихъ биржевую игру, а также понудительный курсъ банковыхъ билетовъ, былъ просто новымъ Эльдорадо для цѣлой толпы жадныхъ спекулянтовъ, удѣлявшихъ любимымъ депутатамъ золотыя крохи съ своего роскошнаго стола, а изъ этихъ крохъ создавались мало-по-малу громадныя состоянія. Государственный долгъ Италіи, между тѣмъ, продолжалъ расти, возрастали вмѣстѣ съ нимъ налоги, распредѣлявшіеся по бо́льшей части такимъ образомъ, чтобы они падали преимущественно на людей, стоящихъ внѣ избирательнаго права. Начавшись

съ 2 милліардовъ лиръ (четыре на одинъ рубль) въ 1860 году, долгъ заходитъ за четвертый милліардъ въ нынѣшнемъ году. Лѣтъ десять тому назадъ, государство несло въ уплату процентовъ по государственному долгу денежное бремя въ 150 милліоновъ лировъ, теперь ему приходится платить слишкомъ 400 милліоновъ. Долгъ удвоился, а сумма процентовъ почти утроилась, — значитъ займы государство совершаетъ на несравненно менѣе выгодныхъ условіяхъ, значитъ оно лишается довѣрія на денежномъ рынкѣ, а въ этомъ упадкѣ довѣрія и заключается основная причина понудительнаго курса и всѣхъ злыхъ послѣдствій подобной мѣры.—Не слѣдуетъ забывать также, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ государственнаго долга, Италія продавала свои государственныя имущества: желѣзныя дороги, табачную монополію, церковныя имѣнія, и что только около сотни милліоновъ лиръ было истрачено непосредственно на дѣло итальянской независимости — на уплату Австріи за Венеціанскую Область по пражскому договору.

Итальянскіе государственные люди стараются скрыть дурное состояніе финансовъ своего отечества громкими упованіями на будущее развитіе промышленности и торговли въ Италіи, но ихъ надежды на желѣзныя дороги, на предпріимчивость капиталистовъ и т. п., оказываются мыльнымъ пузыремъ, такъ какъ капиталисты находятъ болѣе удобнымъ заниматься биржевыми спекуляціями, да подрядами на армію и флотъ, а желѣзныя дороги только обременяютъ государственную казну громадною суммою ежегодно выплачиваемыхъ гарантій: въ 1862 году этихъ гарантій Италія выдавала на сумму 2½ милліоновъ лиръ, а теперь она платитъ ихъ около 60 милліоновъ. Гораздо болѣе важное дѣло—шоссейныя дороги и проселочныя—осталось безъ всякаго вниманія со стороны правительства, несмотря на то, что только эти дороги могли бы уничтожить разбойничество и послужить здоровымъ импульсомъ къ развитію земледѣлія, по крайней мѣрѣ до той степени, чтобы Италія могла продовольствовать свое населеніе собственнымъ хлѣбомъ. По вычисленіямъ профессора Катони въ 1866 году оказалось, что Италія ежегодно платитъ по 100 милліоновъ лиръ за иностранный хлѣбъ, безъ котораго часть ея населенія должна была бы умереть съ голоду. Катони считаетъ по 3 гектолитра хлѣба на человѣка въ годъ; на все населеніе Италіи требуется, поэтому, до 74 милліоновъ гектолитровъ, а тамъ произрастаетъ не болѣе 68 милліоновъ. Недостаетъ, слѣдовательно, до 6 милліоновъ гектолитровъ, то-есть, на 2 милліона душъ. Важно въ этомъ отношеніи еще то обстоятельство, что Италія—страна преимущественно сельскаго сословія: въ ней слишкомъ 8 милліоновъ крестьянъ, изъ которыхъ около 600 тысячъ собственники; фабричнымъ трудомъ, ремеслами и торговлею занимаются въ Италіи около 4-хъ милліоновъ людей; полъ-милліона лицъ живетъ въ услуженіи, да столько же лицъ свободныхъ профессій;

остальные—все чиновники (около 150 тысячъ), духовенство (175,000), солдаты (200,000), нищіе (305,000), да около 10 милліоновъ дѣтей и стариковъ.—Можно утверждать, конечно, что итальянскіе крестьяне потому только не доставляютъ странѣ всего количества ежегодно потребляемаго ею хлѣба, что они не умѣютъ обработывать землю по всѣмъ правиламъ современной науки, и что стóитъ ихъ научить новымъ пріемамъ, то и при нынѣшнихъ проселочныхъ дорогахъ они доставляли бы государству столько хлѣба, сколько нужно, и даже больше. Но это увѣреніе основано на невѣрныхъ предположеніяхъ. Крестьянинъ въ глухихъ углахъ какой-нибудь неаполитанской провинціи или на островѣ Сициліи, имѣя въ рукахъ весьма плодородную землю, обработываетъ ее лишь для того, чтобы по возможности покрыть свои домашнія нужды и уплатить налоги. Не имѣя хорошихъ проселочныхъ дорогъ, онъ можетъ везти свой хлѣбъ на продажу лишь на ближайшій рынокъ, но отнюдь не въ большіе торговые центры, такъ какъ тамъ онъ становится не способнымъ выдержать конкурренцію съ иностраннымъ хлѣбомъ. При хорошихъ дорогахъ, крестьянинъ будетъ тратить меньше времени и меньше денегъ на провозъ, — при хорошихъ дорогахъ разбойничество станетъ почти невозможнымъ и, слѣдовательно, крестьянинъ пріобрѣтетъ увѣренность въ томъ, что и изъ большого торговаго центра онъ привезетъ свой барышъ благополучно домой. Какъ только крестьянинъ вступилъ бы въ конкурренцію съ иностранцами, цѣны на хлѣбъ пали бы, а спросъ на итальянскій хлѣбъ увеличился бы; увеличенный спросъ, въ свою очередь, заставилъ бы крестьянина пріискивать всевозможные способы къ улучшенію земли, и вотъ эта-то потребность привела бы его всего скорѣе къ необходимости учиться земледѣльческой наукѣ. Лучшая обработка земли, въ свою очередь, подняла бы какъ цѣнность самой земли, такъ и цифру поземельнаго налога, а этотъ налогъ составляетъ самую высокую цифру въ итальянскомъ бюджетѣ.

Еслибы государственные доходы Италіи увеличивались подобнымъ естественнымъ путемъ, тогда, пожалуй, можно было бы радоваться тому, что обыкновенные доходы (не займы, не продажа государственныхъ имуществъ и т. п.) возрасли въ послѣднія восемь лѣтъ съ 470 милліоновъ лиръ (1862) до 870 милліоновъ, и что, съ другой стороны, обыкновенные расходы ея (къ чрезвычайнымъ причисляются уплаты по государственному долгу, по гарантіямъ желѣзныхъ дорогъ, и пенсіи) уменьшились съ 680 милліоновъ лиръ до 540 милліоновъ. Но увеличеніе доходовъ произошло по бóльшей части не вслѣдствіе промышленнаго процвѣтанія страны, а вслѣдствіе обложенія жителей разными новыми налогами, и это обложеніе доведено до такой сильной степени и ввело въ свой кругъ такое большое число разныхъ предметовъ, что дальнѣйшее обложеніе становится рѣшительно не-

возможнымъ. Недоимки и недоборы приняли такіе громадные размѣры, что одинъ изъ депутатовъ лѣвой стороны, Кастеллани, предложилъ передать ихъ одному обществу за 6% заемъ въ 150 милліоновъ лиръ, которыми Кастеллани хотѣлъ-было покрыть дефицитъ нынѣшняго года. Само собою разумѣется, что весь планъ составленъ обществомъ, о которомъ намекалъ депутатъ, и что Кастеллани хлопоталъ въ этомъ проектѣ лишь объ интересахъ общества,—но планъ, во всякомъ случаѣ, интересный и можетъ служить лучшимъ доказательствомъ тому, что недоимки дѣйствительно громадны (говорятъ, около 375 милліонновъ), и что значительная часть ихъ не уплачена людьми состоятельными. Кастеллани убѣждалъ палату, что какъ предшествовавшее министерство, такъ и нынѣшнее мирволитъ многимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, въ надеждѣ на ихъ поддержку во всѣхъ политическихъ вопросахъ, и что вслѣдствіе подобныхъ плутовскихъ соглашеній, эти землевладѣльцы вовсе не платятъ никакихъ налоговъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Министры, конечно, возражаютъ противъ этихъ обвиненій, но сами съ недоимками никакой операціи не предпринимаютъ, а предлагаютъ свой собственный проектъ для покрытія дефицита. Въ этомъ проектѣ главную роль играетъ національный банкъ и надо думать, что министерство вошло съ банкомъ въ какую-нибудь комбинацію, выгодную для министровъ или ихъ приверженцевъ въ палатѣ: изъ этого проекта оно дѣлаетъ теперь вопросъ о своемъ существованіи. По всей вѣроятности, и этому министерству удастся, какъ удавалось прежнимъ, вполнѣ провесть весь свой финансовый планъ, но въ жизни онъ окажется тѣмъ, чѣмъ оказались планы всѣхъ другихъ министерствъ, то-есть, средствомъ къ обогащенію нѣсколькихъ личностей на счетъ всей націи. Нужно измѣнить всю систему правленія, нужно влить въ палату депутатовъ новые общественные элементы, нужно возбудить въ итальянскихъ плательщикахъ податей мысль о томъ, что безъ ихъ прямого участія въ правленіи страною и особенно въ мѣстномъ самоуправленіи нечего и думать объ уменьшеніи налоговъ,—нужно, однимъ словомъ, вызвать къ политической жизни всю націю и дать ей рѣшающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся такихъ важныхъ предметовъ, какъ финансы,—только при этихъ условіяхъ возможно ожидать мирнаго разрѣшенія всѣхъ государственныхъ вопросовъ, волнующихъ теперь итальянскій народъ, — исправленія финансовъ, правильнаго устройства военныхъ силъ и пріобрѣтенія самаго Рима.

Всѣ упомянутыя нами нужды Италіи служатъ главною причиною какъ появленія революціонныхъ бандъ, такъ и того сочувственнаго равнодушія, съ которымъ относятся къ нимъ всѣ граждане, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ. Употребляя благородныя усилія въ дѣлѣ національнаго освобожденія изъ-подъ иностраннаго ига, итальянцы на-

дѣялись достигнуть не только замѣны бурбонскихъ и австрійскихъ гербовъ гербомъ Виктора-Эммануила, но также широкой политической свободы, правильнаго конституціоннаго правленія, уменьшенія налоговъ, свободы отъ рекрутчины и широкой системы провинціальнаго самоуправленія,—но вмѣсто всѣхъ этихъ желанныхъ благъ, имъ дали какую-то буржуазную конституцію, ихъ лишили даже тѣхъ остатковъ самоуправленія, какими они пользовались при «Тедескахъ», ихъ берутъ въ солдаты даже тамъ, гдѣ прежде служили лишь иностранные солдаты (Парма, Модена), съ нихъ собираютъ налоги вдвое больше прежняго, и ихъ предали въ руки хищническаго, надменнаго чиновничества, которое вбираетъ въ кругъ своей дѣятельности почти всю общественную жизнь итальянца. Вся Италія раздѣлена на 68 провинцій, во главѣ которой стоитъ королевскій префектъ, такой же всемогущій, какъ во Франціи, но не обладающій ни расторопностью, ни тактомъ француза. Даже городскіе головы, которые въ продолженіи вѣковъ всегда выбирались самими горожанами, назначаются королевскою властью. Такъ убивать мѣстное самоуправленіе, какъ уничтожается оно въ Италіи—странѣ, привыкшей испоконъ-вѣка къ федеративной жизни, значитъ рѣшительно не понимать политическихъ потребностей страны, значитъ идти противъ исторіи, противъ всѣхъ выводовъ современной государственной науки. И дѣйствительно, графъ Кавуръ, положившій основаніе этой губительной централизаціи или государственной опекѣ, не имѣлъ никакого опредѣленнаго понятія не только о мѣстномъ самоуправленіи, но и вообще о представительномъ образѣ правленія. Это былъ, можетъ быть, ловкій, коварный дипломатъ, усвоившій себѣ всѣ позорныя стороны ученія Макіавелля, но какъ государственный человѣкъ, какъ администраторъ или конституціоналистъ, онъ понималъ въ искусствѣ управленія народомъ столько же, сколько понимаетъ любой французскій префектъ или нынѣшній премьеръ Италіи, Ланца, который можетъ быть чѣмъ хотите: и медикомъ, и литераторомъ, и музыкантомъ, и пѣвцомъ, но только отнюдь не администраторомъ и не финансистомъ....

Чтобы яснѣе представить, какъ мало понимаетъ нынѣшній флорентинскій кабинетъ въ финансахъ, намъ нужно только указать на его проектъ объ уменьшеніи расходовъ на армію. Сперва военный министръ Говоне представилъ планъ о сокращеніи военныхъ расходовъ на 15 милліоновъ франковъ, но когда этотъ планъ подвергся пересмотру бюджетной коммиссіи, докладчикомъ которой былъ генералъ Віале, бывшій министромъ въ предшествовавшемъ кабинетѣ, и когда эта коммиссія нашла нужнымъ составить свой собственный планъ о сокращеніи расходовъ военнаго министерства,—то Говоне тотчасъ же *вполнѣ* отказался отъ своего плана и *вполнѣ* принялъ планъ Віале. Не лучше ли было прежнему министерству оставаться на своихъ мѣ-

стахъ. Несмотря на значительнос сопротивленіе лѣвой стороны палаты, которая требовала сократить военный бюджетъ на половину, проектъ Віале, сокращавшій его лишь на одну седьмую часть (на 20 милліоновъ), нашелъ въ палатѣ значительное число сторонниковъ, и онъ принятъ ею большинствомъ 165 голосовъ противъ 107.

Какъ Италія никакъ не можетъ справиться съ своими финансами, такъ Греція никакъ не можетъ развязаться съ разбойничествомъ, которое надѣлало ей столько хлопотъ. До сихъ поръ около греческихъ береговъ крейсируетъ британскій флотъ и въ Аѳинахъ получаются строгія депеши изъ Лондона и Флоренціи, побуждающія короля Георгія I продолжать свои поиски за скрывшимися бандитами. За голову атамана Такоса король назначилъ награду въ 100,000 піастровъ, — всѣ разбойники, попавшіе въ руки властей, потерпѣли смертную казнь, хотя многіе изъ нихъ не принимали непосредственнаго участія въ умерщвленіи секретарей иностранныхъ посольствъ. Аѳинское правительство полагаетъ, вѣроятно, что стоитъ только истребить всѣхъ бандитовъ, участвовавшихъ въ мараѳонской катастрофѣ, и все дѣло о разбойникахъ канетъ въ Лету. Объ уничтоженіи основныхъ причинъ разбойничества оно не хлопочетъ, а министру Сутцо, совѣты и увѣренія котораго много способствовали тому, что англичане отправились прогуливаться подъ прикрытіемъ слишкомъ слабаго конвоя, предоставляется, между тѣмъ, полная воля вызывать на дуель всѣхъ, кто осмѣливается такъ или иначе утверждать что министръ не мало виноватъ въ гибели несчастныхъ путешественниковъ.

Въ Испаніи, въ окрестностяхъ Гибралтара, тоже случилось нападеніе разбойниковъ на путешествующихъ англичанъ, которые были захвачены въ расплохъ и уведены въ горы, но хорошій выкупъ, вовремя предложенный и допущенный испанскимъ правительствомъ, успѣлъ смягчить сердца бандитовъ, и путешественники благополучно вернулись въ Гибралтаръ. Испанскія власти, между тѣмъ, узнавъ о мѣстопребываніи бандитовъ, успѣли настигнуть ихъ и отнять значительную часть выкупа: только одинъ разбойникъ спасся бѣгствомъ, только одна треть выкупной суммы осталась у него въ рукахъ. Этотъ фактъ превосходно доказываетъ, что еслибъ греческія власти, узнавъ о захватѣ секретарей иностранныхъ посольствъ, пожелали освободить ихъ, они могли бы сдѣлать это также удобно, какъ сдѣлали испанскія власти, и потомъ съ тою же ловкостью могли бы отнять выкупную сумму. Испанское правительство обязалось возвратить англичанамъ всю выкупную сумму, но греки платить не любятъ: пусть себѣ разбойники упьются кровью англичанъ и итальянца, лишь бы намъ ничего не платить!

Другой международный вопросъ, волновавшій въ послѣднее время Испанію, касался самыхъ важныхъ интересовъ правительства марша-

ловъ Серрано и Прима. Мы говоримъ о переговорахъ, возбужденныхъ между Испаніею и Португаліею по поводу бунта герцога Салданьи въ Лисабонѣ. Герцогъ Салданья, подобно маршалу Приму, большой приверженецъ идеи о сліяніи Испаніи съ Португаліею подъ общимъ скипетромъ нынѣшняго португальскаго короля. Такъ какъ лисабонскій кабинетъ Луле и слышать не хотѣлъ объ «иберійскомъ союзѣ», то Салданья рѣшился свергнуть его и на развалинахъ министерства Луле создать свой собственный кабинетъ. Планъ его вполнѣ удался, и герцогъ, во главѣ нѣсколькихъ полковъ, поднявшихъ знамя бунта противъ министерства Луле, успѣлъ овладѣть королевскимъ дворцомъ и получить отъ короля повелѣніе составить новое министерство. Самъ король, Люисъ I не прочь принять испанскую корону, но лисабонскій парламентъ держался до сихъ поръ другого мнѣнія и, когда герцогъ Салданья насильственно вступилъ въ управленіе министерствомъ, значительное большинство голосовъ въ парламентѣ громко заявило, что оно клянется защищать до послѣдней капли крови независимость своей страны; парламентъ былъ все-таки распущенъ, и новый португальскій премьеръ начнетъ, вѣроятно, свое правленіе распущеніемъ нынѣшнихъ членовъ парламента и назначеніемъ новыхъ выборовъ.

Одновременно съ этою видимою удачею маршала Прима въ Португаліи, въ мадридскомъ парламентѣ кандидатура герцога Монпансье на испанскій престолъ потерпѣла окончательное пораженіе въ новомъ законѣ объ избраніи короля. Прежній законъ требовалъ простого большинства голосовъ въ пользу какого-нибудь кандидата на испанскій престолъ, и кандидата всѣ должны были признать королемъ; — такъ какъ въ Испаніи парламентскія рѣшенія считаются законными лишь въ томъ случаѣ, если они приняты въ собраніи, въ которомъ присутствовало не менѣе половины всѣхъ членовъ парламента (всѣхъ членовъ — 358). Новый законъ признаетъ королемъ лишь такого кандидата, который получитъ *въ свою пользу* больше половины всѣхъ голосовъ въ парламентѣ, то-есть, не менѣе 180. Такъ какъ изъ существующихъ теперь трехъ монархическихъ партій въ парламентѣ: приверженцевъ королевы Изабеллы и донъ-Карлоса, приверженцевъ Монпансье, и приверженцевъ Иберійскаго Союза, — ни одна не насчитываетъ въ своихъ рядахъ и половины требуемаго по новому закону числа голосовъ, то ясно, что королевское достоинство можетъ установиться въ Испаніи не раньше, пока по крайней мѣрѣ двѣ изъ монархическихъ партій не найдутъ себѣ общаго кандидата. Маршалъ Примъ, какъ кажется, надѣется, что, спустя еще годъ-два, ему удастся сломить упорство уніонистовъ и заставить ихъ лучше бросить Монпансье, чѣмъ окончательно отказаться отъ монархической идеи.

Изъ другихъ законовъ, утвержденныхъ въ послѣднее время мадридскимъ парламентомъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ проектъ

министра колоній Морета объ отмѣнѣ невольничества на островѣ Кубѣ, но не своимъ человѣколюбіемъ заслуживаетъ этотъ законъ особеннаго вниманія, а, напротивъ, тѣмъ, что сущность его вовсе не соотвѣтствуетъ ни названію, ни фразистой цвѣтистости своихъ «мотивовъ», такъ какъ главнымъ побужденіемъ новаго закона служило, вѣроятно, желаніе не отмѣнить невольничество, но продлить его еще на цѣлую половину столѣтія. Начинается законъ такимъ образомъ:—«Наконецъ пробилъ часъ, столь страстно ожидаемый правительствомъ, которое должно было, слѣдуя внушеніямъ патріотизма, соблюдать молчаніе относительно жизненнаго вопроса о невольничествѣ,—наступилъ часъ отмѣны его. Никто изъ людей революціи не можетъ ни на минуту допустить мысли о томъ, что свобода, освященная конституціею 1869 года, слишкомъ слаба для того, чтобы искупить самую печальную и самую несчастную изъ человѣческихъ несостоятельностей, или дозволить, чтобы въ прекрасныхъ испанскихъ провинціяхъ за дальними морями, среди испанскаго, и потому христіанскаго общества,—чтобы бѣдный негръ продолжалъ тамъ существовать въ униженіи, всѣми покинутый и доведенный лишеніемъ свободы до самаго крайняго положенія». Такъ начинается законъ Морета и по этому началу слѣдовало бы предполагать, что министръ дѣйствительно желаетъ вывести «бѣднаго негра» изъ униженія, окружить его своими заботами и даровать ему свободу. Не тутъ-то было; министръ играетъ съ негромъ, какъ злая нянька, находящая удовольствіе дразнить ребенка, отданнаго ей на попеченіе. Законъ освобождаетъ однихъ лишь дряхлыхъ старцевъ, достигшихъ 65-лѣтняго возраста. Хорошо еще, что этимъ эманципированнымъ предоставляется право оставаться до конца жизни въ неволѣ, а то бы проектъ Морета можно было бы такъ резюмировать: «предоставляется рабовладѣльцамъ право выгнать на всѣ четыре стороны всѣхъ негровъ, достигшихъ 65-лѣтняго возраста, и тѣмъ освободиться отъ необходимости кормить и одѣвать ихъ до конца жизни». Надо полагать, во всякомъ случаѣ, что освобожденныхъ по новому закону негровъ (всѣхъ невольниковъ около 400 тысячъ) весьма немного, ибо только очень сильная натура можетъ дожить въ неволѣ, при варварскомъ обращеніи и непосильномъ трудѣ, до столь глубокой старости. Всѣ остальные негры, какъ мужчины такъ и женщины, остаются въ неволѣ по-прежнему и освобождаются лишь по достиженіи 65-лѣтняго возраста. Свободными неграми признаются лишь новорождающіеся со дня освобожденія Испаніи изъ-подъ правленія Изабеллы II, то-есть, съ 18-го сентября 1868 года. Но и эти несчастные свободны не со дня рожденія; — напротивъ, они должны оставаться у того рабовладѣльца, которому принадлежатъ ихъ матери, и находиться въ полной отеческой опекѣ хозяина до 18-лѣтняго возраста; съ 18 лѣтъ до 22-хъ они остаются у того же хозяина въ работни-

кахъ на половинномъ въ сравненіи съ свободнымъ работникомъ жалованьѣ и только, достигнувъ 22-лѣтняго возраста, новое поколѣніе негровъ становится вполнѣ свободнымъ племенемъ,—свободнымъ отъ всего и отъ земли даже, на которой онъ родился и прожилъ въ неволѣ свои лучшіе годы. Вотъ каковъ либерализмъ нынѣшняго испанскаго правительства, — вотъ что значитъ: «часъ свободы пробилъ!» и т. п. Неудивительно поэтому, что негры на о. Кудѣ бѣгутъ въ ряды инсургентовъ и лучше готовы погибнуть вмѣстѣ съ возставшими, чѣмъ принять новыя либеральныя мѣры мадридскихъ правителей.

Испанцы ведутъ себя на Кубѣ до того варварски, — смертныя казни совершаются столь часто, и селенія инсургентовъ истребляются огнемъ и мечомъ столь безпощадно, что о всѣхъ подвигахъ подобнаго рода счелъ нужнымъ высказать свое слово какъ американскій президентъ Грантъ, такъ и вашингтонскій конгрессъ. И тотъ, и другой сильно осуждаютъ варварство испанскаго правительства, а въ вашингтонскомъ конгрессѣ много смѣялись подъ эманципаціонною политикою мадридскихъ маршаловъ,—однако Грантъ не нашелъ возможнымъ признать кубанскихъ инсургентовъ воюющею стороною, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни постоянной резиденціи правительства, ни государственныхъ доходовъ, ни городовъ, ни портовъ. Въ вашингтонской палатѣ представителей значительная часть республиканской партіи не соглашалась съ президентомъ въ этомъ отношеніи и утверждала, что инсургенты имѣютъ и резиденцію, и доходы, и города, и порты, однако общее большинство голосовъ оказалось въ пользу совѣтовъ Гранта, и кубанскіе инсургенты остаются пока инсургентами. Правительство Соединенныхъ Штатовъ будетъ хлопотать о томъ, чтобы американскіе граждане не подвергались разстрѣливанію со стороны испанскихъ властей.

Смертная казнь, благодаря усиліямъ графа Бисмарка, вновь вошла въ уголовный кодексъ Сѣверо-Германскаго Союза. Тотъ самый парламентъ, который въ началѣ нынѣшняго года отвергъ смертную казнь, несмотря на противодѣйствіе Бисмарка, — 25-го мая снова принялъ ее — правда, незначительнымъ большинствомъ голосовъ (127-ю противъ 119, и 128-ю противъ 107),—когда министръ погрозилъ взять весь законъ назадъ. Между тѣмъ, весь новый уголовный кодексъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого особеннаго, что бы вполнѣ искупало столь странную подвижность и податливость въ убѣжденіяхъ парламента. Эта податливость даетъ лишь Бисмарку нравственное право относиться съ полнымъ пренебреженіемъ, и даже презрѣніемъ ко всѣмъ рѣшеніямъ парламента вообще. Да такъ онъ и относится. Нѣмецкіе либералы, подававшіе свои голоса вмѣстѣ съ Бисмаркомъ, думали, можетъ быть, упрочить единство сѣверо-германскаго Союза посред-

ствомъ распространенія смертной казни во всѣ углы Союза, даже въ Саксонію и Ольденбургъ, гдѣ эта казнь была уже отмѣнена, но мы рѣшительно не умѣемъ понять, что́ такого объединяющаго находятъ нѣмецкіе либералы въ томъ, что смертная казнь утвердится въ Германіи. Но, говорятъ нѣмецкіе либералы, вы забываете, что введеніемъ смертной казни въ новый кодексъ обусловливалось объединеніе уголовныхъ наказаній во всемъ Союзѣ, — ну а если всѣ мы, сѣверные нѣмцы, будемъ подлежать однимъ и тѣмъ же наказаніямъ, эта одинаковость боли и страданій развѣ не возбудитъ въ нашихъ умахъ мысли о томъ, что мы — люди общаго отечества и что намъ никакъ не слѣдуетъ врозь бѣжать другъ отъ друга. Вотъ какую философію проповѣдуютъ теперь нѣмецкіе либералы. Объединители того же сорта въ Баваріи погубили и тамъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни. Но тамъ фактъ вышелъ еще болѣе странный. Сперва баварцы употребляли всѣ усилія на то, чтобы проектъ объ отмѣнѣ смертной казни сталъ закономъ страны; но когда они узнали, что Бисмаркъ ввелъ смертную казнь въ новый сѣверо-германскій кодексъ, они вдругъ лишились всякой энергіи—точно Баваріею управляетъ самъ Бисмаркъ, и стали спрашивать себя:—нѣтъ-ли чего неприличнаго—ist es in der Ordnung? въ ихъ усиліяхъ отмѣнить смертную казнь въ то время, когда сѣверные нѣмцы раскаялись уже въ своей шалости съ сіятельнымъ графомъ? Отмѣнить казнь показалось имъ неприличнымъ, и они остановили свои пренія объ этомъ важномъ предметѣ на точкѣ съ запятою. Не смертная казнь занимаетъ баварскихъ объединителей, а желанія графа Бисмарка. Эти смѣшные филистеры тоже называютъ себя либералами и политиками!

Либеральные политики въ вопросѣ смертной казни пріобрѣли рѣшительную побѣду въ Нидерландахъ, гдѣ вторая палата высказалась за отмѣну казни большинствомъ 48 голосовъ противъ 30. Надо надѣяться, что первая палата утвердитъ этотъ законъ, такъ какъ въ Нидерландахъ уже 15 лѣтъ сряду не было ни одной смертной казни, хотя убійства случались и суды становили смертные приговоры. Правительство обыкновенно замѣняло казнь другими менѣе жестокими и менѣе варварскими карами. Несмотря на то, отсутствіе этого варварскаго устрашенія нисколько не способствовало увеличенію числа убійствъ въ государствѣ, какъ незамѣтно этого и въ сосѣднемъ государствѣ Бельгіи, гдѣ смертная казнь тоже отмѣнена de-facto.

Въ Бельгіи, въ первой половинѣ іюня мѣсяца происходили дополнительные выборы въ парламентъ, результатомъ которыхъ было паденіе либеральнаго министерства и вступленіе въ брюссельскій кабинетъ клерикаловъ, подъ предводительствомъ маркиза Анетана. Эта побѣда клерикаловъ надъ либералами обусловливается, впрочемъ, не клерикальнымъ настроеніемъ всего бельгійскаго общества, а скорѣе

союзомъ клерикаловъ съ радикалами. Въ нѣкоторыхъ округахъ, напримѣръ, въ Вервье, всѣ демократы подавали голоса въ пользу депутатовъ клерикальной партіи, которые и вышли побѣдителями на выборахъ. Союзъ этотъ обусловливается требованіемъ радикаловъ расширить лоно избирательнаго права; министерство Фреръ-Орбана отказывалось провести эту реформу, клерикалы обѣщали. Вступленіе клерикаловъ въ министерство, поэтому, значитъ прежде всего расширеніе избирательнаго права.

Избирательная борьба идетъ съ большимъ ожесточеніемъ въ Австріи, гдѣ результатъ ея долженъ обусловить будущую политику министерства графа Потоцкаго. Графъ велъ переговоры съ вождями всѣхъ партій въ Цислейтаніи, но эти переговоры не привели ни къ чему положительному, за исключеніемъ убѣжденія Потоцкаго въ томъ, что съ богемскими чехами невозможно никакое примиреніе. Оттого-то онъ распустилъ всѣ провинціальные сеймы, кромѣ пражскаго, и назначилъ вездѣ полные выборы, а въ Богеміи лишь дополнительные, то-есть, на мѣста тѣхъ чеховъ, которые извѣстны подъ именемъ «д - кларантовъ», вслѣдствіе того, что они открыто, въ особой деклараціи, отказались принимать какое-либо участіе въ преніяхъ богемскаго сейма и вѣнскаго парламента, пока правительство не откажется отъ централистской политики.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Конецъ парламентскихъ сессій и законодательнаго періода.

Берлинъ, 24 (12) іюня, 1870.

Вотъ уже прошелъ почти цѣлый мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ у насъ окончились парламентскія сессіи, а именно по сѣверо-германскому союзу: 26 (14) мая, въ бѣлой залѣ дворца, король Вильгельмъ закрылъ засѣданія сейма, который при этомъ заключилъ свой періодъ (трехгодичный) законодательной дѣятельности. Вообще двери парламента нынѣшній разъ не закрывались въ теченіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ: сначала засѣдали прусскія палаты (отъ октября до 12 февраля), затѣмъ сѣверо-германскій сеймъ, потомъ таможенный парламентъ и наконецъ снова сѣверо-германскій сеймъ. Стенографическіе отчеты образовали съ полдюжины толстыхъ фоліантовъ: зай-

мется ли кто-нибудь изученіемъ этихъ отчетовъ — Богъ-вѣсть! но несомнѣнно, что въ нихъ заключается драгоцѣнный матеріалъ, и пренія объ уголовномъ кодексѣ, вмѣстѣ съ предложеніями, исходившими отъ правительства, займутъ, конечно, почетное мѣсто въ литературѣ уголовнаго права. Вамъ извѣстно, что исходъ этихъ преній обманулъ ожиданія тѣхъ, кто желалъ увѣковѣчить славу сѣверо-германскаго сейма отмѣной смертной казни. Вина въ томъ падаетъ на графа Бисмарка. Уже при вторичномъ чтеніи уголовнаго кодекса, онъ объявилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что прусское правительство ни за что не согласится на отмѣну смертной казни; самъ онъ энергически возставалъ противъ этой мѣры, и когда въ маѣ мѣсяцѣ, послѣ закрытія таможеннаго парламента, снова собрался сеймъ, для третьяго чтенія уголовнаго кодекса, то стало ясно, что прусское правительство крѣпко держится своего мнѣнія и рѣшилось совсѣмъ не допускать принятія новаго уголовнаго кодекса, въ случаѣ, еслибы сеймъ упорствовалъ въ намѣреніи отмѣнить смертную казнь. Послѣ неоднократныхъ отсрочекъ, 21-го мая назначено было третье чтеніе уголовнаго кодекса. До начала преній, министръ юстиціи Леонгардтъ всталъ и объявилъ, что союзный совѣтъ распредѣлилъ на три категоріи измѣненія въ уголовномъ кодексѣ (всѣ въ либеральномъ духѣ) принятыя при вторичномъ чтеніи. Первую категорію онъ принимаетъ; вторую не мѣшало бы, по его мнѣнію, вычеркнуть, однако онъ согласенъ и тутъ подчиниться рѣшенію сейма. Что же касается вопросовъ третьей категоріи, а именно: объ упраздненіи верховнаго, государственнаго суда, о допущеніи, даже въ случаѣ самыхъ тяжкихъ политическихъ преступленій, заключенія въ крѣпости или въ смирительномъ домѣ—одно изъ двухъ—и наконецъ о полной отмѣнѣ смертной казни, — *то этого онъ отнюдь не можетъ допустить.* Относительно послѣдняго пункта, то-есть отмѣны смертной казни, союзный совѣтъ готовъ на уступку; онъ требуетъ смертной казни лишь для тѣхъ случаевъ, когда совершено убійство или покушеніе надъ особой верховнаго главы союза, особой своего государя и государя той страны, въ которой совершено убійство или покушеніе; т.-е., если дѣло идетъ объ убійствѣ или покушеніи на жизнь прусскаго короля, какъ верховнаго главы союза, то оно будетъ наказываемо смертью во всѣхъ государствахъ сѣверо-германскаго союза, а также и покушеніе на жизнь кого-либо изъ 20-ти союзныхъ государей, совершенное въ его собственной странѣ, мѣстнымъ уроженцемъ или все равно иностранцемъ. Но если покушеніе на жизнь одного изъ союзныхъ государей совершится не въ его собственной землѣ или землицѣ, а въ одной изъ сосѣднихъ нѣмецкихъ земель, то оно уже не подлежитъ смертной казни. Вы конечно согласитесь, что такое рѣшеніе вопроса противно всякой юридической логикѣ, но къ нему пришли, руководясь теоріей, созданной

графомъ Бисмаркомъ, по которой выходитъ, что примѣненіе смертной казни, только въ извѣстныхъ случаяхъ, необходимо для обезпеченія жизни государей.

Такое предложеніе было просто на-просто *компромиссомъ*.

Затѣмъ возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли сейму принять его, или нѣтъ? Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ національно-либеральной партіи, которая вся вотировала за отмѣну смертной казни; но теперь часть ея склонялась къ уступкѣ, въ виду утилитарныхъ цѣлей. Конечно, самые твердые приверженцы этой партіи объявили, что они остаются при прежнемъ мнѣніи, не взирая ни на какія послѣдствія, такъ какъ измѣнить мнѣніе вслѣдствіе внѣшняго давленія, а не внутренняго убѣжденія, считается дѣломъ позорнымъ.

Рядомъ съ этими людьми строгаго принципа выдѣлилась небольшая партія такихъ, которые дали тотъ же отвѣтъ, но по другимъ причинамъ. Не велика бѣда, сказалъ Ласкеръ, представитель этой партіи, если уголовный кодексъ не будетъ принятъ; правительства внесутъ въ слѣдующемъ году новый проектъ и когда увидятъ, что на требованія ихъ не сдаются, то непремѣнно сдѣлаютъ уступки. На это возражали, что нельзя поручиться, чтобы на слѣдующемъ сеймѣ преобладала либеральная партія, и чтобы обстоятельства сложились также благопріятно, какъ теперь.

Затѣмъ заговорили утилитаристы. Они ставятъ вопросъ такъ: или мы примемъ новый уголовный кодексъ, или останемся при старомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, смертной казни подлежатъ четырнадцать родовъ преступленій, а въ первомъ — только два. Сроки тюремнаго заключенія также значительно уменьшены по новому кодексу. Не слѣдуетъ отказываться отъ хорошаго, изъ-за того, что не можешь получить наилучшаго. Мы будемъ ближе къ цѣли, то-есть къ полной отмѣнѣ смертной казни, если число случаевъ, когда она примѣняется, будетъ постоянно уменьшаться. Если жертва уже неизбѣжна, то она выкупается великой цѣлью — единствомъ уголовнаго законодательства.

«Милостивые государи — сказалъ министръ юстиціи, передъ окончательной баллотировкой вопроса — настоящая минута велика и торжественна; дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ: добьемся ли мы того, къ чему тщетно стремились, въ теченіи многихъ столѣтій, германскіе императоры и германская нація: единства въ законодательствѣ.

«Наступитъ ли снова подобная минута, и когда именно она наступитъ? кто можетъ на это отвѣтить! Потому прошу васъ, отъ имени союзныхъ правительствъ, воспользуйтесь этой минутой для основанія незыблемаго памятника германскому генію и національному, юридическому бытію».

Я изложилъ вамъ, вполнѣ объективно, тѣ основанія, которыя ру-

ководили различными партіями, при подачѣ голосовъ. Но прежде, чѣмъ къ ней перейти, я долженъ упомянуть еще объ одномъ эпизодѣ. Вслѣдъ за сообщеніемъ компромисса, предложеннаго союзнымъ совѣтомъ, депутатъ Планкъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы не вводили снова смертной казни тамъ, гдѣ она уже отмѣнена (какъ напр. въ Саксоніи и Ольденбургѣ). Министръ юстиціи, который лично готовъ былъ пойти на это крайнее средство, обѣщалъ узнать мнѣніе союзнаго совѣта. Союзный совѣтъ навѣрное согласился бы на предложеніе Планка, еслибы гр. Бисмаркъ не явился самъ изъ Варцина и не высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ въ самомъ совѣтѣ, такъ и въ засѣданіи сейма, противъ предложенія Планка, причемъ онъ затронулъ національное чувство:

«Наша задача—такъ сказалъ онъ — заключается въ томъ, чтобы установить равенство передъ закономъ для всѣхъ сѣверо-германскихъ гражданъ, а вовсе не въ томъ, чтобы поддерживать неравенство тамъ, гдѣ оно существуетъ, или же создавать его въ какой-нибудь союзной области. Это политическая невозможность. Мы жестко или, по крайней мѣрѣ, рѣшительно дѣйствовали противъ особыхъ правъ, особыхъ учрежденій, даже противъ привилегій отдѣльныхъ правительствъ и отдѣльныхъ племенъ, потому что сознавали великость нашей задачи. Мы никогда не упускали изъ вида нашей національной задачи, никогда не оглядывались по сторонамъ: не задѣваемъ ли кого въ его самыхъ дорогихъ убѣжденіяхъ? Этому духу обязаны мы той силой, тѣмъ мужествомъ, той властью, съ какими мы дѣйствовали въ нашемъ направленіи.

«Если насъ покинетъ этотъ духъ, то это будетъ служить доказательствомъ, что напряженность, съ какою мы дѣйствовали на нашемъ постѣ, въ теченіи $3^1/_2$ лѣтъ, ослабѣла въ борьбѣ съ партикуляризмомъ государствъ и партій. Тотъ источникъ, изъ котораго мы черпаемъ право быть неумолимыми и желѣзною пятой давить все, что преграждаетъ германской націи путь къ славѣ и могуществу»....

Забавно то, что графъ Бисмаркъ такъ и не докончилъ начатой имъ фразы и даже въ стенографическихъ отчетахъ мысль осталась безъ конца: послѣднія его слова вызвали бурю аплодисментовъ со стороны большинства, а аплодисменты встрѣтили сильный протестъ со стороны соціально-демократической партіи. Когда шумъ утихъ, то графъ Бисмаркъ не возвратился къ прерванной мысли, а продолжалъ дальше, при чемъ замѣтилъ: «Я радуюсь подтвержденію, какое даетъ моимъ словамъ неодобреніе противниковъ германскаго единства и величія»!

Воззваніе къ національному чувству, со стороны правительства въ Германіи, такая новая, собственно говоря, вещь, что этимъ можно всего достичь, и гр. Бисмаркъ выигралъ дѣло, какъ только пустилъ

въ ходъ эту уловку. Но его разглагольствованія не выдерживаютъ спокойной критики: въ сѣверо-германскомъ союзѣ существуетъ великое неравенство въ правахъ, которое гр. Бисмаркъ не только не давилъ желѣзной пятой, а напротивъ, съ любовью охранялъ, такъ напр. въ дѣлѣ ремесленнаго устройства; наконецъ и по военной части Саксонія и Мекленбургъ пользуются значительными привилегіями. Какъ бы то ни было, предложеніе Планка было отвергнуто, а затѣмъ смертная казнь снова введена въ уголовный кодексъ большинствомъ 127 голосовъ противъ 119. Такой исходъ сдѣлался возможнымъ лишь потому, что одна часть національно-либеральной партіи измѣнила своему первоначальному мнѣнію. Понятно, что послѣ этого стало несомнѣннымъ, что тоже большинство, и въ томъ же духѣ, рѣшитъ всѣ другіе спорные пункты. Такъ оно и случилось въ дѣйствительности.

Поэтому тронная рѣчь преисполнена похвалъ дѣятельности сейма; впрочемъ и нельзя отрицать, что въ цѣломъ дѣятельность эта весьма почтенна.

Противники германскаго единства, еще болѣе чѣмъ демократы, недовольны новымъ уголовнымъ кодексомъ и поведеніемъ національно-либеральной партіи, и осыпаютъ ее насмѣшками. Слова Гейне о «національно-исправительномъ домѣ и объ общемъ для всѣхъ кнутѣ», выпадающихъ на долю нѣмцевъ, повторялись, въ это послѣднее время, безчисленное множество разъ, а имя гр. Бисмарка, на всевозможные не лестные для него лады, сочеталось съ гильотиной. Тѣмъ не менѣе компетентные люди говорятъ, что новый уголовный кодексъ Пруссіи все же мягче всѣхъ другихъ европейскихъ кодексовъ. Уже и теперь видно, что буря, которую онъ возбуждалъ, скоро уляжется и, во всякомъ случаѣ, едва ли продлится до новыхъ выборовъ.

Въ настоящее время, эти выборы чрезвычайно занимаютъ всѣхъ политиковъ. Законодательные періоды прусской палаты депутатовъ и сейма наступятъ почти одновременно въ концѣ нынѣшняго года, а потому въ сентябрѣ будутъ производиться новые выборы: сперва—въ сѣверо-германскій сеймъ, посредствомъ общей, непосредственной подачи голосовъ, а затѣмъ—въ прусскую палату депутатовъ, по трехклассному выборному закону, противъ котораго много кричали, но который все еще не отмѣненъ, частью потому, что депутаты не особенно налегали на его отмѣну, частью же потому, что у правительства есть тайная мысль придать общему сейму, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, болѣе широкія начала и болѣе высокое положеніе, чѣмъ какое выпало на долю палаты прусскихъ депутатовъ, благодаря ограниченному праву подачи голосовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ все яснѣе и яснѣе становится, что настоящій, страшно сложный, государственный механизмъ не можетъ быть проченъ. Силы правительства и силы страны не могутъ выдержать восьми мѣсяцевъ парламентской жизни,

а сокращеніе немыслимо, потому что изъ этихъ восьми мѣсяцевъ 4 приходятся на долю прусскихъ палатъ, 3 на долю сейма и 1 на долю таможеннаго парламента. Въ послѣднемъ засѣдаютъ *ipso facto* члены сѣверо-германскаго сейма, но большая часть изъ нихъ засѣдаетъ также и въ прусскихъ палатахъ, а немногіе изъ политиковъ по призванію могутъ на цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ бросить всѣ свои частныя дѣла. Поэтому нѣтъ другого исхода, какъ постоянно ограничивать кругъ дѣятельности прусскаго ландтага и, передавъ мало-помалу всѣ его права германскому сейму, сдѣлать этотъ послѣдній душою всей политической жизни. Но такого рода задача встрѣчаетъ сильныхъ противниковъ, съ одной стороны въ извѣстной части демократической партіи, которая боится утратить нѣкоторыя права, даваемыя прусской конституціей (хотя болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, и которыхъ нѣтъ въ союзной конституціи); съ другой стороны, въ приверженцахъ крайней *правой*, т.-е. въ *палатѣ господъ*, для которыхъ совсѣмъ не отведено мѣста въ сѣверо-германскомъ союзѣ. Поведеніе сторонниковъ этой партіи въ высшей степени оригинально. Цѣлыхъ 16 лѣтъ всячески старались они ограничить и обезсилить прусскую конституцію, а теперь принялись расхваливать ее—немножко только поздно—и порицать неудовлетворительность союзной конституціи.

Самымъ важнымъ вопросомъ ближайшей сессіи у насъ будетъ военный бюджетъ: 31 декабря 1871 г. наступитъ конецъ разорительному, невыносимому бюджету, который былъ опредѣленъ союзной конституціей. Большинство либераловъ съ нетерпѣніемъ ждетъ этого момента, чтобы сократить военные расходы, а правительство, по всей вѣроятности, объявитъ такое сокращеніе немыслимымъ. Ходятъ даже слухи (правда, постоянно опровергаемые), что правительство намѣрено требовать прибавки на содержаніе союзной арміи. Поэтому, уже при самыхъ выборахъ, этотъ вопросъ будетъ стоять главнымъ пунктомъ въ программѣ различныхъ партій: консерваторы всѣхъ оттѣнковъ намѣрены безусловно стоять за правительство; либералы же всѣ, болѣе или менѣе, держатся оппозиціи. Умѣренные желаютъ только одного: денежныхъ сбереженій, насколько они возможны; а крайняя *лѣвая* требуетъ сокращенія срока службы, какъ самаго радикальнаго средства уменьшить расходы по арміи. Пруссія уже пережила однажды тяжелую трехгодичную смуту изъ-за этого щекотливаго вопроса. Какъ-то выпутается она изъ него теперь — вотъ что тревожитъ многіе умы.

Во всякомъ случаѣ общее мнѣніе таково, что положеніе дѣлъ въ Европѣ очень мирное. Со времени февральской революціи еще не бывало такого періода, когда бы политическій горизонтъ былъ болѣе безоблаченъ, чѣмъ въ настоящее время. Франція примирилась съ бла-

пріятными для Пруссіи перемѣнами, происшедшими въ 1866 г., на томъ, покрайней мѣрѣ, условіи, чтобы Пруссія не шла дальше по этому пути, и Пруссія избѣгаетъ съ тѣхъ поръ всякаго случая задѣть за живое Францію. Австріи бояться нечего: если тайныя чувства гр. Бейста, относительно Пруссіи, остались неизмѣнными, то внутреннія затрудненія этого многоязычнаго государства до того возрасли, что живи мы лѣтъ сто тому назадъ, когда миръ не столько цѣнился, сколько теперь, и когда дипломаты весьма мало заботились о народныхъ желаніяхъ, — Австріи бы пришлось плохо. Но мирное настроеніе умовъ мало вліяетъ на вышеупомянутый вопросъ. Защитники военнаго величія даже утверждаютъ, что именно сила, численность и воинственный духъ арміи упрочиваютъ продолжительность мира, потому что отбиваютъ охоту у враговъ вступать въ борьбу, исходъ которой весьма сомнителенъ.

Что все происходящее на вселенскомъ соборѣ въ Римѣ не можетъ проходить безслѣдно для Германіи — страны, гдѣ католики и протестанты почти равны въ численности — это разумѣется само собою. Но ошибочно было бы думать, что возбужденіе велико и повсемѣстно. Главнѣйшимъ спорнымъ пунктомъ—непогрѣшимостью папы—интересуется лишь весьма небольшое число образованныхъ католиковъ, по преимуществу богослововъ; органомъ ихъ сдѣлалась аугсбургская «Allgemeine Zeitung», напечатавшая чрезвычайно умныя письма о вселенскомъ соборѣ, автора которыхъ папская полиція, несмотря на всѣ свои усилія, до сихъ поръ еще не могла открыть. Эта партія боится, чтобы признаніе непогрѣшимости папы не повлекло за собой столкновеній между церковью и правительствами. Кромѣ того, интересы ея и самолюбіе сильно задѣты. Нѣмецкое католическое богословіе всегда стояло на дурномъ счету въ Римѣ. Если въ какомъ-нибудь изъ нѣмецкихъ университетовъ, кому-нибудь изъ католическихъ богослововъ случалось отличиться своей ученостью или желаніемъ подкрѣпить католическія вѣрованія научными пріемами, то онъ неизбѣжно приходилъ въ столкновеніе съ Римомъ и отъ него или требовали отреченія или признавали его отщепенцемъ. Но всего непріятнѣе ультрамонтанамъ то, что нѣмецкіе епископы въ Германіи все еще сохраняютъ часть своего прежняго величія и, случается, управляютъ епархіями, въ которыхъ числится болѣе милліона католиковъ, да и кромѣ того они всегда пользовались вниманіемъ правительства, а потому въ Римѣ ихъ третируютъ свысока и оттѣсняютъ на задній планъ итальянскими, восточными и другими епископами, между тѣмъ какъ послѣдніе, ни по своей учености, ни по своему общественному положенію, не могутъ съ ними равняться. Въ Римѣ ничего не требуютъ, кромѣ послушанія и ко всѣмъ заслугамъ прикидываютъ мѣрку послушанія. Но личное недовольство нѣмецкихъ епископовъ и бого-

слововъ очень мало вліяетъ на массы; для этихъ послѣднихъ вселенскій соборъ проходитъ совсѣмъ безслѣдно. Иное дѣло, если бы епископы рѣшились на открытую оппозицію, но имъ не хватаетъ мужества и они слишкомъ привыкли къ безусловному послушанію. Мысль о нѣмецкой (католической) церкви, занимавшая неоднократно весьма талантливыхъ богослововъ и на которую благопріятно смотрятъ и евангелическіе богословы, надѣющіеся этимъ путемъ достигнуть слія-нія католическаго нѣмецкаго міра съ протестантскимъ, до сихъ поръ еще не получила никакого практическаго значенія. Важныя событія должны произойти прежде, чѣмъ католическая церковь переживетъ такое сильное потрясеніе, но быть можетъ вселенскій соборъ уже сѣетъ сѣмяна этихъ событій.

Читатели «Вѣстника Европы» знакомы уже нѣсколько съ борьбой, которая происходила въ Пруссіи по поводу парламентской свободы рѣчи, а потому я позволю себѣ возвратиться къ этому вопросу, но теперь уже въ *послѣдній* разъ: онъ окончательно рѣшенъ и при этомъ либералы одержали самую полную и блистательную побѣду. Этой послѣдней обязаны принятію у насъ уголовнаго кодекса, въ который, по предложенію Ласкера, занесены были самыя важныя положенія (какъ напр. §§ 11 и 12): по нимъ никто изъ членовъ ландтага или палаты того государства, которое принадлежитъ къ сѣверо-германскому союзу, не можетъ быть, внѣ собранія, котораго онъ членъ, привлеченъ къ отвѣтственности за свои мнѣнія или за правдивый отчетъ о дѣйствіяхъ ландтага или палаты какой-нибудь изъ странъ, принадлежащихъ къ сѣверо-германскому союзу. Въ 1854 г. прусское правительство сдѣлало первую попытку къ уничтоженію неприкосновенности депутатовъ, которая самымъ положительнымъ образомъ выговорена въ конституціи, и тогдашняя вторая палата, весьма ретроградная, готова была ему содѣйствовать. Затѣмъ, правда, наступилъ длинный перерывъ и, какъ вамъ извѣстно, борьба снова разгорѣлась жаркимъ пламенемъ лишь въ эпоху смуты, но тѣмъ не менѣе, считая съ перваго момента ея возникновенія, эта борьба длилась цѣлыхъ 16 лѣтъ. За свободу рѣчи стояла либеральная партія въ палатѣ депутатовъ, а позднѣе въ сеймѣ; противъ нея было правительство, верховный судъ и прусская палата господъ. Верховный судъ, въ угоду правительству, желавшему, если можно такъ выразиться, урѣзать когти оппозиціи, притягивая къ суду депутатовъ за ихъ мнѣнія, высказался противъ свободы рѣчи, несмотря на то, что прежде постоянно стоялъ за нее, и этимъ сильно уронилъ себя въ общественномъ мнѣніи. Палата же господъ зашла такъ далеко въ своемъ ослѣпленіи, что хотя ея собственная свобода рѣчи была также стѣснена, какъ и свобода рѣчи палаты депутатовъ, — она изъ ненависти къ послѣдней и къ либерализму постоянно подзадоривала и разжигала правительство и

даже тогда, когда свобода рѣчи была признана сеймомъ, отказалась признать ея принципъ въ Пруссіи! Правительство недавно сошло съ ложнаго пути и покорилось неизбѣжному, но палата господъ до послѣдней минуты стояла на своемъ и дождалась самаго рѣшительнаго пораженія, какое только можно себѣ представить.

Верховный судъ давно уже сталъ у насъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ ультра-ретроградныхъ юристовъ, и господа, которые большею частію засѣдаютъ также въ качествѣ коронныхъ синдиковъ въ палатѣ господъ, изо всѣхъ силъ борются тамъ противъ союзной политики Бисмарка и законодательной дѣятельности теперешняго министра юстиціи Леонгардта. Они привлекли на свою сторону предшественника послѣдняго, графа Липпе, который питаетъ самую жаркую ненависть къ Бисмарку, съ тѣхъ поръ, какъ этотъ послѣдній удалилъ его съ его поста, за неспособность и непопулярность. Графъ Липпе старается, при всякомъ удобномъ случаѣ, дѣлать затрудненія Бисмарку. Въ прошедшемъ году, напр., ему чуть-чуть не удалось провести предложеніе просить правительство не допускать, на будущее время, безъ согласія прусскихъ земельныхъ представителей, никакихъ измѣненій въ конституціи сѣверогерманскаго союза, какъ скоро они могутъ повлечь за собою измѣненіе прусской конституціи. Уже тогда было извѣстно, что только громовое письмо, которое написалъ графъ Бисмаркъ изъ Варцина къ одному изъ преданныхъ ему сочленовъ по палатѣ господъ, князю Путбусу, помѣшало принятію этого предложенія. Въ недавнее время профессоръ Мюллеръ, издающій въ началѣ каждаго года очень хорошую исторію истекшаго года, подъ заглавіемъ «Политическая исторія настоящаго времени», опубликовалъ вышеупомянутое письмо графа Бисмарка, могущее служить образцемъ рѣзкости. «По части внутренней политики, говоритъ Бисмаркъ, палата господъ можетъ оппонировать сколько ея душѣ угодно, но что касается германской политики, то здѣсь правительство такъ *глубоко* и *крѣпко* засѣло на своемъ пути, что не можетъ свернуть съ него, не рискуя сломать государственной колесницы. Это предложеніе ставило насъ въ безвыходное положеніе: на насъ напираетъ палата господъ, а за ней стоятъ: *Франція и Австрія, саксонскіе и южно-германскіе партикуляристы, ультрамонтаны и республиканцы, Гитцингъ и Штутгартъ*..... Еслибы гр. Липпе удалось провести свое мнѣніе въ этомъ основномъ, охватывающемъ все положеніе дѣлъ, вопросѣ, то ему слѣдовало бы также быть готовымъ вести дальше нашу политику, въ духѣ этого предложенія. Если онъ этого не хочетъ и не можетъ, то составитель предложенія и всѣ его единомышленники ведутъ преступную и легкомысленную игру съ самыми важными интересами страны». Графъ Липпе молча проглотилъ эту великую обиду, но никогда не проститъ ее канцлеру союза. Возвращаясь къ верховному суду, упомяну о томъ,

что онъ остался вѣренъ себѣ, когда по смерти *Вальдека* не публиковалъ обычной рѣчи и ни одинъ изъ трехъ предсѣдателей суда не явился на похороны. Это, должно быть, показалось черезъ-чуръ гнуснымъ самому графу Бисмарку, потому что вскорѣ затѣмъ онъ воспользовался представившимся въ сеймѣ случаемъ почтить нѣсколькими похвальными словами память умершаго (который, какъ извѣстно, былъ самымъ популярнымъ членомъ демократической партіи въ Пруссіи).

Борьба между классическимъ и реальнымъ образованіемъ снова разгорѣлась въ Пруссіи. Когда открылась послѣдняя сессія ландтага (въ октябрѣ прошедшаго года), то въ палату депутатовъ поступили различныя петиціи, которыя, болѣе или менѣе, настойчиво просили о допущеніи кончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ въ нѣкоторые, или лучше сказать во всѣ факультеты университетовъ. На совѣщаніяхъ коммиссіи петицій въ палатѣ было выражено желаніе: спросить объ этомъ вопросѣ мнѣніе всѣхъ факультетовъ прусскихъ университетовъ. Министръ народнаго просвѣщенія, фонъ-Мюлеръ, согласился выполнить это желаніе и 9 ноября разослалъ циркуляръ ко всѣмъ ректорамъ университетовъ, въ которомъ поручалъ имъ собрать мнѣнія факультетовъ и прислать ихъ къ нему, министру, и притомъ возможно скорѣе, «такъ чтобы они подоспѣли—этимъ заканчивался циркуляръ—къ предстоящему совѣщанію, касательно проекта закона о преподаваніи, *въ которомъ не предложено никакого измѣненія въ духѣ петицій*». Подчеркнутыя слова въ высшей степени характеризуютъ іезуитское лукавство фонъ-Мюлера: ими онъ намекаетъ на то, каково *его* мнѣніе на этотъ счетъ и въ какомъ духѣ желалъ бы онъ получить требуемыя мнѣнія. Какъ бы ни были независимы господа профессора, тѣмъ не менѣе они все-таки люди, и желаніе министра не можетъ быть для нихъ совершенно безразличнымъ, уже хотя бы потому, что сами они значительно сходятся съ нимъ во мнѣніи объ этомъ вопросѣ: всѣ они, почти безъ исключенія, сами получили классическое образованіе и далеко не безпристрастные судьи въ этомъ дѣлѣ. Всѣ факультеты поспѣшили исполнить желаніе министра и нѣкоторые такъ поусердствовали, что еще въ ноябрѣ прислали свои отвѣты; самые запоздалые пришли въ январѣ. Въ палатѣ же депутатовъ вовсе не обсуждался законъ о преподаваніи, потому что депутаты предвидѣли, что имъ никогда не сговориться съ фонъ-Мюлеромъ. Поэтому этотъ послѣдній напечаталъ всѣ мнѣнія факультетовъ.

Пруссія имѣетъ теперь девять университетовъ: въ Кенигсбергѣ, Берлинѣ, Галле, Грейфсвальдѣ, Бреславлѣ, Боннѣ, Геттингенѣ, Килѣ и Марбургѣ, и въ каждомъ изъ этихъ университетовъ четыре факультета: богословскій, юридическій, медицинскій и философскій. Только въ бреславльскомъ и въ боннскомъ пять факультетовъ, по-

тому что богословскій распадается на евангелическій и католическій. (Во всѣхъ остальныхъ университетахъ существуетъ только евангелическій богословскій факультетъ, и это происходитъ вовсе не оттого, что правительство не благопріятствуетъ католическимъ богословамъ, но потому, что сама католическая церковь не любитъ университетскаго образованія въ своемъ духовенствѣ и предпочитаетъ ему образованіе, даваемое семинаріями и заведеніями, устроенными на монастырскій ладъ.) Итакъ, эти университеты представили 38 факультетскихъ мнѣній, а такъ какъ ректоръ и сенатъ берлинскаго университета нашли нужнымъ представить особое мнѣніе, то всѣхъ мнѣній получилось 39. Результатъ вышелъ болѣе благопріятный для приверженцевъ реальнаго образованія, чѣмъ можно было ожидать. Изъ четырехъ факультетовъ только одинъ высказался безусловно противъ допущенія учениковъ реальныхъ школъ въ университетъ, а именно: богословскій. Въ этомъ пунктѣ господствуетъ полное согласіе между католическими и евангелическими богословами.

Послѣ богослововъ самыми ярыми противниками реальнаго образованія являются юристы. Ихъ мнѣнія всѣ неблагопріятны для учениковъ реальныхъ школъ; только два или три факультета объявляютъ, что они ничего не имѣютъ противъ допущенія учениковъ реальныхъ школъ къ слушанію отдѣльныхъ предметовъ (что и въ настоящее время отнюдь не запрещается), лишь бы они только не выступали на дальнѣйшую юридическую дорогу. Это очевидно насмѣшка и было бы приличнѣе дать просто отрицательный отвѣтъ, какъ сдѣлали другіе юридическіе факультеты.

Иной результатъ даетъ мнѣніе остальныхъ двухъ факультетовъ: медицинскаго и философскаго. Изъ 18-ти мнѣній, представленныхъ этими факультетами, только 7 безусловно противъ нововведеній, одно мнѣніе не говоритъ ни за, ни противъ и 10 болѣе или менѣе за нихъ.

Неопредѣленное мнѣніе принадлежитъ медицинскому факультету геттингенскаго университета, который умудрился сказать заразъ и *да*, и *нѣтъ*. «Факультетъ по возможности не желалъ бы — такъ гласитъ это мнѣніе—лишить юныхъ медиковъ классическаго образованія, но онъ не можетъ также не признать факта, что реальное образованіе, особенно налегающее на математику, физику, химію и землевѣдѣніе, даетъ вполнѣ удовлетворительную и даже, быть можетъ, лучшую подготовку для чисто научнаго изученія медицины, чѣмъ классическое образованіе»; *но* съ другой стороны факультетъ долженъ принять во вниманіе....», и такимъ образомъ постоянно является *но*, пока наконецъ посланіе не заканчивается слѣдующимъ драгоцѣннымъ изреченіемъ: «пусть высоко поставленное министерство милостиво соблаговолитъ считать все вышеизложенное выраженіемъ нашего глубокаго убѣжденія и усмотритъ изъ него, что мы также далеки отъ желанія ввести

что-либо новое, во имя того только, что оно ново, какъ и отъ желанія сохранить старое, во что бы то ни стало». По истинѣ, нужна изумительная самонадѣянность для того, чтобы рѣшиться написать такую банальную тираду.

Изъ остальныхъ медицинскихъ факультетовъ четыре, а именно: берлинскій, бреславскій, Галле и марбургскій противъ допущенія учениковъ реальныхъ школъ [1]), а четыре: кёнигсбергскій, грейфсвальдскій, гёттингенскій и кильскій за него. Самыми крайними представителями обоихъ мнѣній являются факультеты берлинскій и кильскій.

Берлинскій факультетъ говоритъ:

«Опираясь на опытѣ, ежедневно повторяющемся, и на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, куда допускаются ученики реальныхъ школъ, факультетъ долженъ высказать слѣдующее: что ученики реальныхъ школъ, равно какъ и всѣ вообще, кто не получилъ классическаго образованія, стоятъ ниже по умственному развитію, чѣмъ ученики нѣмецкихъ классическихъ гимназій и оказываются не столь способными къ научному изученію медицины. О томъ, можетъ ли изученіе новѣйшихъ языковъ замѣнить классическое образованіе,—медицинскій факультетъ не можетъ рѣшить; онъ позволитъ только себѣ замѣтить, что жалобы на недостаточность подготовки академической молодёжи, затрудняющей изученіе медицины, слышатся какъ разъ отъ профессоровъ тѣхъ иностранныхъ высшихъ заведеній, для поступленія въ которыя не требуется представить изъ гимназіи *testimonium maturitatis* и студенты которыхъ однако хорошо знаютъ родной языкъ. Далѣе: знанія по части описательныхъ наукъ, физики и химіи, которыя приносятъ съ собой ученики реальныхъ школъ, частью имѣютъ второстепенное значеніе при изученіи медицины, частью же слишкомъ поверхностны для того, чтобы можно было принять ихъ во вниманіе при рѣшеніи жизненнаго для медицинскаго факультета вопроса. Факультетъ сдѣлалъ даже наблюденіе, что студенты, поступающіе съ подобными предварительными знаніями, безъ достаточнаго классическаго образованія, оказываются тупыми и менѣе способными къ глубокому, научному изученію естественныхъ наукъ, чѣмъ ученики классическихъ гимназій. Поэтому, хотя факультетъ и признаетъ полезнымъ для врача знаніе новѣйшихъ языковъ, но несомнѣнно и то, что это преимущество, если только признать вообще, что оно дается реальными школами, покупается на счетъ умственнаго развитія учениковъ. Жертву, которую приходится принести въ подобномъ случаѣ, ради новѣйшихъ языковъ, слѣдуетъ считать утратой, которая не вознаградится во всю жизнь. Изучающему медицину, равно

---

[1]) Однако изъ Марбурга получено также и противоположное мнѣніе, данное министромъ.

какъ и медику, можетъ представиться случай выучиться новѣйшимъ языкамъ, которыхъ онъ не знаетъ; но то, что утрачено вслѣдствіе недостатка классическаго образованія, утрачено, по большей части, имъ навсегда».

Совершенную противуположность съ этимъ мнѣніемъ составляетъ мнѣніе медицинскаго факультета кильскаго университета. Факультетъ прежде всего заявляетъ, что допущеніе учениковъ реальныхъ школъ перваго класса къ изученію медицины желательно, и затѣмъ прибавляетъ, что это право слѣдуетъ дать не однимъ только медикамъ, потому что иначе можетъ явиться мнѣніе, что общее образованіе медиковъ ниже образованія другихъ студентовъ. Во избѣжаніе этого факультетъ предлагаетъ открыть доступъ въ университетъ и тѣмъ изъ учениковъ реальныхъ школъ, которые желаютъ посвятить себя спеціальному изученію математики и естественныхъ наукъ. Мнѣніе рекомендуетъ ввести необязательное изученіе греческаго языка въ реальныхъ школахъ, и затѣмъ приводитъ слѣдующія основанія для допущенія учениковъ реальныхъ школъ:

«Такъ какъ давно уже въ здѣшнемъ университетѣ не держатся особой строгости при пріемѣ желающихъ въ него поступить, то факультетъ имѣлъ случай сдѣлать сравненіе между тѣми, которые прошли курсъ въ классическихъ гимназіяхъ, и тѣми, которые частью вовсе въ нихъ не были, частью не прошли полнаго курса. Между этими послѣдними иные не удовлетворяли требованіямъ и слѣдовательно, или не выдерживали экзамена или, выдержавъ экзаменъ посредственно, не пріобрѣтали никакого положенія въ свѣтѣ. Другіе же удовлетворяли всѣмъ требованіямъ и своему положенію; и не рѣдко видали мы, что изъ этихъ самоучекъ выходили врачи, которые вполнѣ удовлетворяли всѣмъ предъявляемымъ требованіямъ, какъ своими научными свѣдѣніями на экзаменахъ, такъ и на поприщѣ практической жизни».

Далѣе выставляется на видъ, что эти люди не проходили даже курса въ реальныхъ школахъ перваго класса, а между тѣмъ выдержали очень хорошо конкурренцію съ провинціальными учениками; изъ этого выходитъ, говоритъ факультетъ, что классическое образованіе, само по себѣ, *не имѣетъ* особеннаго значенія для спеціальнаго изученія медицины и можетъ быть, даже съ пользой, замѣнено реальнымъ образованіемъ. «Едва ли можно сомнѣваться въ томъ—подлинныя слова факультета,—что реальныя школы даютъ подготовку болѣе обширную и болѣе подходящую для академическаго курса медиковъ, чѣмъ классическія гимназіи настоящаго времени. Какъ латинскій, такъ и греческій языки имѣютъ весьма небольшое практическое значеніе; между тѣмъ реальная школа преподаетъ латынь въ совершенно достаточномъ объёмѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣляетъ знаніемъ французскаго

и англійскаго языковъ, какое необходимо врачу и какого не даютъ классическія гимназіи. Далѣе, географія и естественныя науки весьма посредственно преподаются въ классическихъ гимназіяхъ, между тѣмъ какъ въ реальныхъ школахъ преподаваніе ихъ не въ примѣръ лучше и обширнѣе. Благодаря этому, ученикъ пріобрѣтаетъ не только хорошій запасъ знаній, но знакомится вмѣстѣ съ тѣмъ съ естественно-историческимъ методомъ; онъ научается наблюдать, научается самостоятельно мыслить. Предметы, преподаваемые въ реальныхъ школахъ, всѣ тѣсно связаны съ математикой и такимъ образомъ эта, столь важная для медика наука, преподается въ реальныхъ школахъ обширнѣе и настоятельнѣе, чѣмъ въ классическихъ гимназіяхъ».

Между философскими факультетами: берлинскій, бреславльскій, боннскій безусловно противъ нововведенія; кильскій, грейфсвальдскій, галльскій, марбургскій, гёттингенскій, кёнигсбергскій болѣе или менѣе за него, но въ различной степени.

Между всѣми мнѣніями самое пространное и самое неблагопріятное для нововведенія высказалъ ректоръ и сенатъ берлинскаго университета, которые, можно сказать, страстно ратуютъ за безусловное превосходство классическаго образованія.

Разница между ученикомъ реальной школы и ученикомъ классической гимназіи — такъ заявляетъ мнѣніе въ одномъ изъ самыхъ рельефныхъ мѣстъ—заключается не только въ томъ, что первый не обучался греческому языку и не можетъ читать Гиппократа и Галена въ подлинникѣ, но и въ томъ, что ученику реальной школы остаются болѣе или менѣе чужды великіе историческіе идеи и образы, въ тѣ годы, когда человѣкъ всего впечатлительнѣе; между тѣмъ, какъ ученикъ классической гимназіи сживается съ этими идеями и образами, и развитіе и культурная работа человѣчества живо рисуется его воображенію, просвѣтленному духомъ эстетики, такъ что онъ живетъ общею жизнью съ героями, мыслителями и поэтами всѣхъ временъ,— для ученика реальной школы всѣ эти вещи остаются внѣшними и посторонними; онъ имъ чужой. Многіе, чрезвычайно замѣчательные люди, всю жизнь страдали отъ отсутствія классическаго образованія, что сообщало ихъ произведеніямъ, ихъ нравственному существу характеръ какой-то посредственности..... Конечно, допущеніе учениковъ реальныхъ школъ въ университетъ, а затѣмъ къ государственнымъ испытаніямъ и, слѣдовательно, къ занятію государственныхъ должностей, для чего до сихъ поръ требовалось классическое образованіе будетъ средствомъ привлечь въ первоклассныя реальныя школы, которыя теперь мало посѣщаются, большое количество учениковъ, которые не преминутъ избрать удобнѣйшій путь для достиженія высшихъ государственныхъ должностей, обходя труднѣйшее — какъ его часто называютъ—испытаніе, роковой, но знаменитый прусскій экзаменъ. Въ

эпоху, когда всѣ стремятся поскорѣе пробиться впередъ, когда всѣ жаждутъ матеріальныхъ наслажденій, не многіе отцы рѣшатся, безъ настоятельной необходимости, осудить своихъ дѣтей тратить свои юношескія силы на изученіе Платона и Ѳукидида, Гомера и трагиковъ, и не многія дѣти пойдутъ на это..... Въ послѣднее время все толкуютъ объ опасностяхъ, грозящихъ цивилизаціи. Истинная опасность заключается въ томъ, какъ бы она не вытѣснилась матеріальными заботами, новѣйшимъ варварствомъ поколѣнія, которое стремится только наживаться и наслаждаться, для котораго наука имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько она полезна, и которому роскошь замѣняетъ искусство. Кто желаетъ потворствовать этому направленію, тотъ пусть сниметъ узду, налагаемую *testimonium maturitatis*».

Берлинскій университетъ, какъ видно, держится въ этомъ вопросѣ крайней *правой*. Бойцы же крайней *лѣвой* желаютъ совершенно покончить со всей древностью и требуютъ для человѣчества новаго *идеала цивилизаціи*. Тонъ этому направленію задалъ, какъ извѣстно, французскій политико-экономъ Фредерикъ Бастіа своей талантливой критикой недостатковъ цивилизаціи грековъ и римлянъ. Его аргументами пользовались многіе; такъ напр., Юнгъ въ своей «Исторіи женщинъ» приводитъ, — какъ возмутительный, для почитателей древности, примѣръ, — положеніе женщины въ древнемъ мірѣ, которое во всякомъ случаѣ, по нашимъ новѣйшимъ, гуманнымъ воззрѣніямъ, было чрезвычайно печально. Противъ исключительнаго занятія древними языками высказался также высоко-образованный и свободно-мыслящій *Шлейермахеръ;* онъ говоритъ: «принимать одни древніе языки за основаніе всеобщаго человѣческаго и общественнаго образованія, значитъ создавать непригодный для жизни *типъ образованія*. Тѣ результаты, какіе дало это образованіе, очевидно неудовлетворительны и не выдерживаютъ критики, а причины, способствовавшія его распространенію, непозволительны и вредны. Гораздо позднѣе уже выставлены были иныя основанія; но между прочимъ доводъ, что древніе языки служатъ наилучшимъ матеріаломъ для всеобщаго образованія, на дѣлѣ *не* оправдался. Все указываетъ на измѣненіе *типа образованія*» *).

*) Итакъ, въ западной Европѣ, и притомъ именно въ самой Германіи, происходитъ также борьба за классическое и реальное образованіе, съ тѣмъ отличіемъ, впрочемъ, отъ такой же борьбы у насъ, что въ Германіи приверженцевъ реальнаго образованія не обзываютъ измѣнниками и вратами отечества и просвѣщенія. Впрочемъ, намъ пріятно засвидѣтельствовать, что такіе яростные проповѣдники и представители классической системы, какъ гг. Катковъ и Леонтьевъ, поколебались наконецъ значительно въ своихъ убѣжденіяхъ, и хотя еще робко, но уже начинаютъ утверждать то, что мы утверждали давно, и за что были ими же обозваны всячески. На дняхъ, въ № 117, мы читали съ удовольствіемъ слѣдующее въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (статья однако никѣмъ не подписана, какъ не были подписаны и у насъ статьи за реальное

При томъ интересѣ, какой внушаетъ русской публикѣ Шпильгагенъ, ей не безъинтересно будетъ узнать, что нашъ романистъ съ успѣхомъ подвизается теперь на драматическомъ поприщѣ. *Гансъ и Грэтэ*—таково заглавіе пяти-актной комедіи, передѣланной имъ изъ маленькаго разсказа—давалась въ первый разъ, въ маѣ мѣсяцѣ, на Королевскомъ театрѣ въ пользу ассоціаціи «Берлинской Прессы». Первая сцена происходитъ въ домѣ школьнаго учителя, дочка котораго заливается горькими слезами, потому что отецъ хочетъ насильно выдать ее за богатаго, но противнаго жениха, между тѣмъ, какъ она любитъ бѣднаго, но красиваго и мужественнаго Ганса, который служитъ въ солдатахъ и только что вернулся на родину, гдѣ встрѣтилъ самый нерадушный и даже враждебный пріемъ. Хотя онъ и возобновляетъ всѣ любовныя клятвы въ горячемъ *tête-à-tête* съ своей возлюбленной, но его рѣзкое и безцеремонное обращеніе съ крестьянами, навлекающее на него много непріятностей, обращается въ оружіе, которымъ возстановляютъ противъ него его возлюбленную; отецъ преслѣдуетъ ее немилосердно и запуганная дѣвочка рѣшается обручиться съ ненавистнымъ женихомъ. Гансъ сраженъ этимъ. Онъ пытается найти себѣ работу въ деревнѣ, но его отовсюду прогоняютъ; одинъ только арендаторъ костяной мельницы, на котораго падаетъ сильное подозрѣніе въ браконьерствѣ, дружески относится къ гонимому. Гансъ сначала-было отталкиваетъ его попытки къ сближенію, но потомъ, когда гоненія, воздвигнутыя на него крестьянами, не прекращаются, когда его хотятъ запрятать въ тюрьму по несправедливому подозрѣнію, когда онъ не можетъ представить залога, а арендаторъ вноситъ за него залогъ,—тогда Гансъ бросается въ его объятія. Содержаніе первыхъ двухъ актовъ, какъ видно, очень просто и не отличается ни эффектами, ни особенной оригинальностью. Но съ третьимъ актомъ наступаетъ изумительный переворотъ въ піесѣ и она получаетъ драматическій интересъ. Гансъ становится у арендатора лѣснымъ сторо-

---

образованіе, и что та газета крайне осуждала): Мы — говорятъ «Москов. Вѣд.»— отнюдь не думаетъ высказываться вообще и противъ предоставленія разныхъ (?) правъ воспитанникамъ, оканчивающимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ спеціальнаго характера. Напротивъ, мы полагаемъ, что при теперешней (?) постановкѣ нашихъ сословій извѣстныя права необходимы всѣмъ заведеніямъ этого рода». Впрочемъ, гг. Катковъ и Леонтьевъ, какъ мы видѣли выше съ геттингенскимъ университетомъ, не воздержались отъ неизбѣжнаго «но». «Но, во-первыхъ, права эти должны соотвѣтствовать назначенію училища, а не подрывать (!?) его»; во-вторыхъ, «они должны быть соображены (?) съ правами всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній» и т. д. Какія это бываютъ права, которыя могутъ подорвать учебное заведеніе, и за какія *другія учебныя заведенія* боятся редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» — вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ, которые они невольно вызываютъ своимъ «но». Они же предлагаютъ реальнымъ училищамъ дать *разныя* права; не лучше ли, вмѣсто *разныхъ*, дать одно простое: доступъ въ высшія учебныя заведенія? — *Ред.*

жемъ. Арендаторъ и его сообщникъ, старичокъ, промышляющій деревянными башмаками (и котораго *Дёрингъ* безподобно изображаетъ), употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы заманить Ганса и заставить его принять участіе въ ихъ шашняхъ. Повидимому это имъ удается. Старикъ разыгрываетъ ловкую комедію, которая даетъ думать Гансу, что его отецъ также былъ браконьеромъ, противъ чего онъ всегда ратовалъ, изъ сыновняго почтенія къ покойному. Гансъ получаетъ винтовку, пороховницу и ягдташъ покойнаго. Но, оставшись одинъ, Гансъ предается горести, оттого, что ему измѣнило послѣднее утѣшеніе, вѣра въ честь и правду отца (соблазнители, разумѣется, его обманули); онъ рѣшается застрѣлиться. Вдругъ приходитъ Грэтэ. Страшное безпокойство не дало ей сомкнуть глазъ. Ей представлялся покинутый милый, плавающій въ крови. Наконецъ она не выдержала и въ одномъ платьѣ бросилась въ лѣсъ спасать его, если еще не поздно. Она не опоздала, но никакой сантиментальной сцены не разыгрывается въ ночной тиши. Влюбленные осыпаютъ другъ друга укоризнами. Гансъ высокомѣрно и озлобленно относится къ дѣвушкѣ и упрекаетъ ее за то, что у нея не хватаетъ мужества отстоять свою любовь передъ жестокимъ отцомъ. Вдругъ раздаются выстрѣлы. Лѣсничій избралъ, какъ разъ, эту ночь, чтобы устроить большую облаву на браконьеровъ. Грэтэ должна попасться ночью, въ лѣсу, наединѣ съ молодымъ человѣкомъ: репутація ея погибла навсегда. Остается одинъ путь къ спасенію — бѣгство. Юноша беретъ дѣвушку на руки и бѣжитъ, осыпаемый пулями преслѣдователей и занавѣсъ падаетъ. Семимѣсячный промежутокъ отдѣляетъ четвертый актъ отъ третьяго. Гансъ сидитъ въ тюрьмѣ; сегодня должны его привести передъ судъ присяжныхъ, а присяжные все больше его односельцы, которые его ненавидятъ и боятся. Грэтэ, которую нашли на другой день послѣ страшной ночи между камнями, у пруда, только что оправилась отъ жестокой нервной горячки. Какъ тѣнь бродитъ она взадъ и впередъ и мучится отъ мысли, что могла бы спасти милаго, но стыдъ и боязнь отца удерживаютъ. Но вотъ приходятъ крестьяне изъ суда веселые, довольные, торжествующіе; они осудили его: онъ долженъ три года «прясть шерсть». Раздирающій крикъ дѣвушки раздается въ отвѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ къ ней вернулось мужество. Громко обвиняетъ она себя передъ всѣми присутствующими и затѣмъ вскрикиваетъ: «къ герцогу»! Пятый актъ переноситъ насъ изъ лѣсной глуши въ великолѣпныя палаты герцогскаго замка. Грэтэ является просительницей сначала къ герцогинѣ и, найдя въ ней покровительницу, идетъ къ самому герцогу. Гансъ могъ бы спасти себя, еслибы выдалъ тайну Грэтэ, но онъ этого не хочетъ и даже теперь, когда герцогъ дѣлаетъ ему испытаніе, отказывается отвѣчать и согласенъ лучше быть отосланнымъ назадъ въ тюрьму. Конецъ вы легко можете отгадать: Гансу достается

Грэтэ въ жены, да еще мѣсто лѣсничаго въ придачу. Послѣдній актъ слишкомъ отличается въ колоритѣ отъ предъидущихъ, да и въ эстетическомъ отношеніи не выдерживаетъ критики, такъ какъ здѣсь вводится, какъ *deus ex machina*, совершенно новое лицо (и даже цѣлыхъ два: герцогъ и герцогиня). Но въ цѣломъ этотъ актъ не дурно обработанъ и занимателенъ. Публика встрѣтила пьесу очень благосклонно, чему, конечно, не мало способствовало превосходное исполненіе.

Другой любимый нѣмецкій поэтъ также въ недавнемъ времени пересаженъ изъ книгъ на сцену, а именно: *Фрицъ Рёйтеръ*. Его извѣстный разсказъ: *Ut mine stromtid* (изъ моихъ странствованій) шелъ одновременно на двухъ здѣшнихъ маленькихъ театрахъ, подъ заглавіемъ «Инспекторъ Брезигъ». Это имя одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, самаго популярнаго типа, созданнаго Рёйтеромъ. При этомъ ясно выказалось, какъ ничтожно, сравнительно, литературное значеніе Рёйтера, котораго *мода* превознесла не по заслугамъ. Въ цѣломъ разсказѣ нѣтъ ни одной драматической черты и передѣлыватели его исключительно занялись тѣмъ, чтобы инспекторъ Брезигъ по возможности не сходилъ со сцены. Этотъ Брезигъ говоритъ на мекленбургскомъ нарѣчіи и если актеръ, играющій эту роль, хорошо умѣетъ говорить на этомъ нарѣчіи, то встрѣтитъ непремѣнно одобреніе со стороны публики, которая любитъ такіе фокусы, хотя они и роняютъ значеніе искусства.

Самымъ интереснымъ явленіемъ на сценѣ, въ послѣднее время, была актриса, снискавшая себѣ громкую славу во всей Германіи и въ первый разъ появившаяся передъ берлинской публикой. Эта актриса—*Клара Циглеръ*, заявляющая претензію быть первой трагической актрисой Германіи. Какъ во Франціи, по смерти Рашель, такъ и въ Германіи, по смерти Шрёдеръ и Юліи Реттихъ, появлялись одни только второстепенныя трагическія актрисы. Съ трагиками та же исторія. Это зависитъ просто оттого, что лишь по особой милости судьбы *одно* лицо можетъ соединить въ себѣ физическія совершенства съ великимъ талантомъ: «Антигону» Софокла, «Ифигенію» Гёте, «Орлеанскую дѣву» Шиллера можетъ играть только такая актриса, у которой во внѣшности, дикціи и манерахъ сказывается нѣчто геройское. Всѣми этими качествами обладаетъ Клара Циглеръ: она высока, полна, имѣетъ звучный голосъ, но, къ несчастію, ей недостаетъ одного генія, который бы соотвѣтствовалъ этимъ прекраснымъ качествамъ. Несмотря на то, играя производитъ сильное впечатлѣніе. Строгая критика не можетъ ею удовлетвориться; требованія критики гораздо обширнѣе; но это не мѣшаетъ однако игрѣ артистки, къ которой критика относится не съ безусловной похвалой, производитъ на зрителей сильное впечатлѣніе. Я вообще того мнѣнія, что *слишкомъ* увлекаться исполненіемъ пьесы и ставить его выше содержанія—вредная утонченность. По край-

ней мѣрѣ мнѣ случалось во время путешествій замѣчать на маленькихъ театрахъ, что пьеса, исполненная толково и съ любовью посредственными актерами, производитъ совсѣмъ иное и лучшее впечатлѣніе, чѣмъ тогда, когда вниманіе зрителей поглощено виртуозностью исполненія. Поэтому я не раздѣляю насмѣшливаго отношенія къ исполненію классическихъ вещей на маленькихъ сценахъ, которыя выросли, какъ грибы и большею частію процвѣтаютъ, съ тѣхъ поръ, какъ ремесленный уставъ далъ полную свободу театральнымъ антрепренерамъ. На этихъ сценахъ были уже исполнены «Коварство и Любовь», «Разбойники» и даже «Фаустъ» Гёте. Конечно, эти пьесы не исполняются здѣсь съ такимъ совершенствомъ, какъ на королевскихъ театрахъ, но и при посредственномъ исполненіи они могутъ потрясать, возвышать, развивать толпу. Конечно, паденіе монополіи, которая дѣлала недоступными, для народной массы, по цѣнѣ классическія произведенія, — не простая случайность, а продуктъ мощнаго современнаго движенія, равно какъ и паденіе другой монополіи, закрывавшей двери театра передъ народной массой. Но только теперь можно будетъ судить о вліяніи поэтовъ на народное образованіе, потому что до сихъ поръ вліяніе ихъ ограничивалось только образованными и достаточными классами. К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

Политическая неурядица во Франціи.

24 (12) іюня 1870.

Задача, которую вы поставили мнѣ въ началѣ нынѣшняго года, иногда заставляетъ меня переживать не особенно сладкія минуты. Обязанный обозрѣвать текущія событія и сличать положеніе дѣлъ въ различные моменты, я долженъ придти къ заключенію, что наше политическое развитіе идетъ очень туго. Наблюдателю невольно кажется, что правительство и нація топчутся на одномъ мѣстѣ, и ни на волосъ не подвигаются впередъ. Два мѣсяца тому назадъ мы находились въ самомъ разгарѣ движенія, произведеннаго плебисцитомъ; ни о чемъ другомъ я не говорилъ и не могъ говорить съ вами. Въ настоящее время все это движеніе улеглось и прошло почти безслѣдно. Если бы, паче чаянія, общая подача голосовъ дала большинство или по крайней мѣрѣ очень значительное меньшинство отрицательныхъ отвѣтовъ, то революція была бы почти несомнѣнна и наполеоновской династіи гро-

зила бы серьезная опасность. Но общая подача голосовъ не только дала достаточное и разумное число утвердительныхъ отвѣтовъ, какого слѣдовало ожидать,—она отвѣтила такимъ звучнымъ подавляющимъ *да*, какого никто не ожидалъ, ни даже само правительство. А между тѣмъ тріумфъ этотъ безплоденъ. Правительство не можетъ, не умѣетъ воспользоваться имъ и можно вполнѣ добросовѣстно задать ему вопросъ: ради чего, ради какихъ благъ оно подвинуло Францію на эту мѣру, которая отняла у нея цѣлый мѣсяцъ времени? Что свобода ничего не могла выиграть отъ этой мѣры, несмотря на либеральный смыслъ вопроса, заданнаго французскому народу,—было заранѣе видно для всякаго сколько-нибудь проницательнаго человѣка. Она даже проиграла; въ этой великой битвѣ свобода претерпѣла пораженіе: трудно, чтобы императоръ, поощренный успѣхомъ плебисцита, не прибѣгнулъ къ нему снова, при первомъ своемъ столкновеніи съ палатами. Принципъ свободнаго обсужденія политическихъ и общественныхъ вопросовъ будетъ мертвъ, пока передъ нимъ будетъ стоять пугаломъ плебисцитъ, пока императоръ можетъ лелѣять мысль: обращаться непосредственно къ невѣжественнымъ массамъ, какъ скоро просвѣщенные представители націи разойдутся съ нимъ во мнѣніи. Вотъ въ чемъ заключается непоправимое зло, принесенное плебисцитомъ и его необычайнымъ успѣхомъ. Но сказать по правдѣ, зло это въ настоящее время не ощутительно и грозитъ лишь будущимъ представителямъ: палаты, способной, въ случаѣ нужды, сопротивляться императору, еще не имѣется на лицо. Въ настоящее время плебисцитъ, съ точки зрѣнія интересовъ свободы, прошелъ безслѣдно. Но удивительнѣе, всего то, что дѣйствіе его не оказалось болѣе ощутительнымъ образомъ на интересахъ правительства. Можно было бы думать, что правительство съумѣетъ воспользоваться своей побѣдой, что оно станетъ дѣйствовать смѣлѣе, увѣреннѣе, рѣшительнѣе. Ничуть не бывало. Тріумфъ его выходитъ платоническимъ или, если хотите, статистическимъ, но та неопредѣленная и вялая вещь, которую называютъ либеральной имперіей, пребываетъ все въ томъ же, если даже еще и не въ худшемъ, положеніи, какъ было до знаменитаго 8 мая. Реакція, которой несомнѣнно принадлежитъ первая мысль о плебисцитѣ, недовольна. Она ждала бо̀льшаго; ей тошенъ даже самый видъ либеральнаго министерства и она надѣялась добиться отъ императора позволенія свергнуть кабинетъ, что́ при настоящей палатѣ было бы очень легко; но императоръ рѣшительно стоитъ за *status quo*. Онъ не можетъ рѣшиться серьезно отнестись къ парламентской формѣ правленія, или же не понимаетъ ее: иначе онъ не прибѣгалъ бы къ плебисциту; но Эмиль Олливье ему нравится и онъ самъ нравится Эмилю Олливье. Эти родственныя натуры сошлись между собою и каждая воображаетъ, что держитъ другую въ рукахъ. Императоръ принесъ въ жертву Эмилю Олливье своего

любимаго журналиста Клемана Дювернуа, котораго принудилъ отказаться отъ редакціи газеты, основанной подъ непосредственнымъ и гласнымъ покровительствомъ двора. Но онъ не принесетъ ему въ жертву палаты; онъ желаетъ, чтобы кабинетъ и большинство ладили между собою, хотя они терпѣть не могутъ другъ друга.

Министры, заговорившіе-было съ своими друзьями объ избирательной реформѣ и новыхъ выборахъ, принуждены были прикусить языкъ. Императоръ находитъ, что все обстоитъ благополучно и желаетъ отдыхать на лаврахъ плебисцита. При этихъ условіяхъ парламентское правительство кое-какъ перебивается. Кабинетъ ничего не можетъ сдѣлать путнаго, потому что единственная путная вещь — избирательная реформа — для него еще недосягаема. Не имѣя возможности дѣлать что-нибудь путное, онъ дѣлаетъ глупыя и безтактныя вещи. Такою я считаю, напримѣръ, проектъ закона о сокращеніи на половину жалованья сенаторамъ, на будущее время, безъ обратнаго дѣйствія. Наши сенаторы получаютъ тридцать тысячъ франковъ въ годъ жалованья. Это немного, если принять во вниманіе іерархическое положеніе сената. Но этого слишкомъ много, если принять во вниманіе его дѣятельность. Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе общества; но согласитесь сами, что правительству никакъ не слѣдовало бы выказывать, что оно его раздѣляетъ, и въ особенности теперь, когда сенату готовится новая роль, когда онъ призванъ стать верхней палатой въ либеральной имперіи. Сознаюсь, что достоинство сената очень мало меня интересуетъ, но мнѣ кажется, что оно должно было бы интересовать императора и его министровъ; а по моему мнѣнію, этотъ злополучный проектъ особенно рѣзко даетъ чувствовать, какая путаница въ понятіяхъ воцарилась теперь во Франціи, не только касательно свободнаго правительства, но и всякаго правительства вообще. Непостижимо, какъ могло правительство, ради ничтожнѣйшей экономіи, съ такимъ презрѣніемъ отнестись къ первенствующему государственному учрежденію, къ тому самому, которое въ гипотезѣ парламентскаго правленія призвано служить ему опорой противъ возможныхъ увлеченій нижней палаты.

Если уже необходимо уменьшить жалованье сенаторамъ, то разсудительное правительство распорядилось бы такъ, чтобы инициатива подобной мѣры вышла изъ самого сената, гдѣ оно должно же имѣть приверженцевъ. Достоинство этого собранія было бы спасено такимъ образомъ и сенаторы могли бы даже снискать нѣкоторую популярность; тогда какъ теперь кредитъ ихъ еще сильнѣе подорванъ. Прибавьте къ этому, что законодательный корпусъ, радуясь случаю придраться къ министерству и также мало, какъ и оно, заботясь о достоинствѣ сената, требуетъ распространенія этой мѣры, то-есть уменьшенія жалованья, на всѣхъ сенаторовъ безъ исключенія, подъ предлогомъ, до-

вольно основательнымъ впрочемъ, что невозможно допустить существованія въ сенатѣ двухъ категорій лицъ, услуги которыхъ оплачиваются различно. Въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, я не могу поручиться, чтобы министерство не отказалось отъ проекта закона, несообразность котораго повидимому и ему бросилась въ глаза, хотя немного поздно; но большинство законодательнаго корпуса намѣрено кажется, въ такомъ случаѣ, внести проектъ отъ себя, въ силу иниціативы, предоставленной ему въ послѣднее время. Какъ бы то ни было, но обстоятельство, которое мы здѣсь разсматриваемъ, входитъ въ разрядъ тѣхъ политическихъ ошибокъ, которыя непоправимы. Будетъ или нѣтъ уничтоженъ этотъ проектъ закона, онъ тѣмъ не менѣе показалъ, что правительство смотритъ на первыхъ сановниковъ государства, какъ на лакеевъ, которымъ оно по желанію можетъ назначать жалованье. Повторяю: ничто не могло бы, по моему мнѣнію, болѣе подорвать значеніе свободнаго и парламентскаго правленія, какое желаютъ установить, и основнымъ принципомъ котораго должно быть полное и обоюдное уваженіе другъ къ другу всѣхъ политическихъ факторовъ, которыхъ оно выводитъ на сцену и ставитъ лицомъ къ лицу. Но намъ до этого принципа, какъ до звѣзды небесной, далеко: право, можно даже сказать, что парламентское правленіе, которое никакъ не можетъ развиваться, вслѣдствіе оппозиціи императора избирательной реформѣ, и поставлено въ безвыходное положеніе, стремится убить себя въ зародышѣ.

Положеніе партій и настроеніе ихъ умовъ, на мой взглядъ, не лучше положенія правительства. Правая сторона палаты, какъ я вамъ уже говорилъ, вполнѣ въ рукахъ не министровъ, а императора. Сама по себѣ она не имѣетъ ровно никакого значенія. Лѣвый центръ, который доставилъ министерству 2-го января гг. Бюффе и Дарю и въ которомъ, казалось бы, должна была сосредоточиваться вся жизненная сила либеральной имперіи, дошелъ до такого положенія, со времени плебисцита, что вынужденъ былъ прекратить свои собранія, чтобы не выставлять на свѣтъ Божій своего безсилія и своей розни. Бороться ли ему съ министерствомъ, или нѣтъ? — этого онъ не знаетъ; да и по правдѣ сказать, это рѣшительно все равно, потому что министерство отъ него болѣе не зависитъ и будетъ существовать, пока императоръ не подастъ знакъ большинству свергнуть его. Что касается крайней лѣвой, то она гласно и оффиціально раздѣлилась на двѣ партіи, но ни та, ни другая не выказываетъ особеннаго политическаго смысла. Одна партія, вполнѣ подчинившаяся вліянію Гамбетты, поддерживаетъ во всей строгости фикцію непримиримости и заявляетъ, что свобода совершенно немыслима въ имперіи и можетъ существовать только при республиканскомъ образѣ правленія. Они льстятъ себя мыслью, что систематически подкапываются подъ существованіе

имперіи, но не понимаютъ, что если они вполнѣ властны разсуждать и вотировать, какъ имъ вздумается, то не властны надъ вліяніемъ, которое производятъ ихъ рѣчи и голоса. Порицанія ихъ могутъ упрочить имперію, если они возбудятъ вниманіе и если имперія приметъ ихъ къ свѣдѣнію. Угрозы ихъ и рѣзкости еще вѣрнѣе приведутъ къ тому же результату: этимъ они могутъ только запугать общественное мнѣніе, а не привлечь его на свою сторону. Въ этомъ отношеніи послѣдній плебисцитъ можетъ служить имъ самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ и предостереженіемъ. Противъ обыкновенія, у нихъ хватило такта обнародовать довольно умѣренный манифестъ, но газеты ихъ, а въ особенности ораторы общественныхъ собраній пошли гораздо дальше и никто не сомнѣвается, что страхъ и отвращеніе, порожденные этими нелѣпостями, не мало содѣйствовали результату, данному плебисцитомъ: множество лицъ, которыя намѣревались было воздержаться отъ подачи голоса считая плебисцитъ недостойнымъ фарсомъ, измѣнили свое мнѣніе и дали утвердительный отвѣтъ, изъ боязни революціонныхъ послѣдствій. Всякая мысль о переворотѣ, открыто высказанная, только вредитъ дѣлу. Вотъ чего радикалы никакъ не могутъ понять. Прибавьте къ этому, что на практикѣ они не въ состояніи ни минуты продержаться на своей исключительной и непреклонной точкѣ зрѣнія. Они участвуютъ такъ же точно, какъ и другіе депутаты, въ обсужденіи проектовъ; они принимаютъ или не принимаютъ ихъ по своему личному усмотрѣнію, безъ всякаго отношенія къ республикѣ, которая, какъ они увѣряютъ, составляетъ единственный предметъ всѣхъ ихъ помысловъ. Разумѣется, нельзя порицать Эрнеста Пикара и его друзей за то, что они отдѣлились отъ этихъ несговорчивыхъ доктринеровъ. Скорѣе ихъ можно упрекнуть въ томъ, что они не достаточно рѣзко порвали свою связь съ ними и не по своей собственной иниціативѣ. Дѣйствительно, наша республиканская партія въ высшей степени заражена сектантскимъ духомъ и фанатики вытѣснили либераловъ. Поэтому Эрнестъ Пикаръ волею-неволею долженъ былъ образовать новую партію, которую, впрочемъ, довольно трудно опредѣлить. Если она и не заявляетъ, какъ крайняя лѣвая, что республика есть единственная дозволительная, справедливая и логическая форма правленія, то все-таки останавливается на пол-пути и не признаетъ, что форма правленія не составляетъ еще всей сущности дѣла. Съ одной стороны она держится, въ извѣстной степени, взгляда непримиримыхъ и отбрасываетъ гипотезу: стать въ имперіи, опираясь на общественное мнѣніе и свободно избранную палату, во главѣ либеральнаго правительства. Съ другой стороны, если она и заявляетъ себя республиканской партіей, то тѣмъ не менѣе желаетъ отличиться отъ радикаловъ, противопоставляя *республику добровольно принятую республикѣ навязанной насильно;* различіе это вдвойнѣ забавно: если

радикалы и желаютъ навязать Франціи республику, то желаніе это безплодно и лишено на дѣлѣ всякаго значенія. Республика немыслима иначе, какъ съ согласія большинства французовъ; словомъ, такая, какую желаетъ Эрнестъ Пикаръ. Но если этотъ послѣдній согласенъ быть республиканцемъ лишь на томъ условіи, что большинство французовъ въ одно время съ нимъ, или даже раньше его, обратится въ республиканцевъ, то онъ не имѣетъ основанія называть себя республиканцемъ въ настоящее время, когда ясно, какъ Божій день, что большинство французовъ не на сторонѣ республики. Вы видите, что все это довольно глупо.

Хотите ли теперь получить понятіе объ общемъ характерѣ палаты? Займемся для примѣра засѣданіемъ, въ которомъ обсуждался вопросъ о проведеніи желѣзной дороги черезъ Сенъ-Готардъ. Эта желѣзная дорога, какъ вамъ извѣстно, принадлежитъ къ линіи швейцарскихъ дорогъ, но Пруссія и Италія даютъ большія субсидіи, потому что она для нихъ выгодна. Несомнѣнно, что эта дорога очень важна въ коммерческомъ отношеніи, да и въ политическомъ также, потому что результатомъ ея будетъ сближеніе двухъ союзницъ 1866 г. Наконецъ, она не лишена стратегическаго значенія, хотя послѣднее очень преувеличено. Любопытно то, что во Франціи никогда и никто не занимался этой дорогой, хотя газеты заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ государствъ, и преимущественно швейцарскія, цѣлые годы толковали о ней. Это показываетъ, какое вниманіе удѣляемъ мы, французы, внѣшнимъ дѣламъ. Но вотъ графъ Бисмаркъ, желая побудить парламенты вотировать за субсидію, произноситъ нѣсколько патріотическихъ словъ и совѣтуетъ Сѣверо-германскому Союзу протянуть Италіи черезъ Альпы «свою желѣзную длань!» Впрочемъ, нѣтъ, и этого было бы еще недостаточно. Но случись такъ, что въ то же самое время образовалась французская компанія, намѣревавшаяся проложить другой путь черезъ Альпы, а именно черезъ Симплонъ; эта компанія пришла въ упадокъ, и требовалась большая субсидія, чтобы ее поддержать. Вотъ она-то и озаботилась о переводѣ и распространеніи въ публикѣ рѣчи Бисмарка, и такимъ образомъ общественное мнѣніе и палата узнали о ней и взволновались не въ мѣру. Одинъ изъ депутатовъ проситъ позволенія сдѣлать запросъ правительству, правительство съ большой торжественностью требуетъ времени, чтобы приготовить свой отвѣтъ. Всѣ устремляются изучать вопросъ; вытаскиваются на свѣтъ Божій географическія карты и каждый спѣшитъ какъ можно скорѣе нахвататься крупицъ изъ географіи и статистики. Шовинисты приходятъ въ азартъ. Раздаются крики о нарушеніи пражскаго договора, хотя договоръ этотъ не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ дѣлу, а права Пруссіи, Швейцаріи и Италіи ясны, какъ Божій день. Наконецъ, среди всеобщаго волненія наступаетъ день, когда вопросъ

долженъ обсуждаться и мы просто-на-просто присутствуемъ при новомъ представленіи пьесы *Много шуму изъ ничего*. Правительство, которое выставило на ратное поле трехъ министровъ, говоритъ ихъ устами весьма простыя вещи, для которыхъ вовсе не требовалось двухнедѣльныхъ размышленій. Министръ иностранныхъ дѣлъ докладываетъ, что Швейцарія запаслась возможными гарантіями, для ограниченія своего нейтралитета, на случай войны; военный министръ доказываетъ стратегикамъ палаты, что съ военной точки зрѣнія желѣзная дорога представляется тѣмъ менѣе опасной, что между Сѣверо-германскимъ Союзомъ и Швейцаріей она проходитъ параллельно французской границѣ, въ ея непосредственномъ сосѣдствѣ и, такъ-сказать, подъ огнемъ крѣпостей Страсбурга и Бельфора, и что другое направленіе дороги, черезъ Вюртембергъ, которое Пруссія могла бы точно также избрать, было бы не въ примѣръ опаснѣе, потому что ставило бы эту ужасную дорогу внѣ нашихъ выстрѣловъ, подъ защитой горъ Шварцвальда. Но самымъ любопытнымъ открытіемъ было слѣдующее: наши западные департаменты столько же, какъ и Германія, заинтересованы въ проведеніи дороги черезъ Сенъ-Готардъ и французское правительство, еслибы захотѣло, имѣло бы такія же основанія, какъ Сѣверогерманскій Союзъ, дать компаніи субсидію.

Если бы все это было извѣстно — какъ бы того слѣдовало ожидать—то запросъ о Сенъ-Готардской дорогѣ не могъ бы имѣть мѣста; но никто ничего не зналъ, никто не отдавалъ себѣ ни въ чемъ отчета и мистификація, устроенная желѣзнодорожной компаніей, интересы которой были задѣты, удалась вполнѣ. Надо сознаться, что вся эта исторія можетъ только ослабить въ глазахъ публики обаяніе народнаго представительства.... Нашъ законодательный корпусъ, по истинѣ, упалъ очень низко и даже сенатъ, самъ сенатъ затмѣваетъ его въ настоящую минуту. Вопросъ о жалованьѣ задѣлъ его заживое, онъ захотѣлъ проучить министерство и выбралъ очень удачный случай. Правительство заключило или готовится заключить въ настоящую минуту — навѣрное неизвѣстно — различные трактаты, и между прочимъ съ Испаніей взаимный договоръ о приведеніи въ исполненіе судебныхъ приговоровъ. Вѣрная своей тактикѣ, т.-е. глухой и непрестанной оппозиціи кабинету—правая стала доказывать, что эти трактаты грозятъ французскимъ интересамъ или нарушаютъ извѣстные принципы французскаго общественнаго права. Я не знаю пока, да и мало кто знаетъ, основателенъ ли этотъ упрекъ. Какъ бы то ни было, но по этому поводу возникли запросы изъ палаты и изъ сената. Правительство, быть можетъ несправедливо обвиненное, по вопросу о данныхъ трактатахъ, впало въ ошибку: оно выбрало самый нераціональный способъ защиты. Оно стало утверждать, что не обязано давать въ данную минуту никакого объясненія палатамъ; что въ силу лежа-

щей на немъ отвѣтственности оно обязано представлять на ихъ усмотрѣніе лишь совершившіеся факты. Такая доктрина нелѣпа и дѣлаетъ всякій контроль призрачнымъ. Со всѣмъ тѣмъ, большинство законодательнаго корпуса, которому, какъ я уже объяснилъ, дано право досаждать кабинету, но не посягать на его существованіе, покорно приняло смѣлую доктрину, заявленную правительствомъ. Сенатъ же, напротивъ того, не сдался и не только добился отъ министровъ объясненій, въ которыхъ они отказали законодательному корпусу, но даже выразилъ косвенное порицаніе ихъ поведенію, заставивъ ихъ принять указъ, въ которомъ имъ предписывается охранять французскіе интересы.

На дняхъ произойдетъ вѣроятно любопытное обсужденіе петиціи, которую принцы орлеанскаго дома, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, прислали въ законодательный корпусъ,—объ отмѣнѣ закона, осуждающаго ихъ на ссылку. Эта попытка принцевъ совершенно чужда политикѣ. Она просто свидѣтельствуетъ о томъ, что ссылка страшно тяготитъ ихъ и они страстно желаютъ вернуться во Францію. Это чувство такъ сильно, что заставило ихъ упустить изъ виду великія и неизбѣжныя затрудненія, ожидающія ихъ во Франціи, при императорскомъ правленіи. Какъ бы ни были велики ихъ тактъ и рѣшимость жить въ полномъ уединеніи и одиночествѣ, какъ того требуетъ чувство собственнаго достоинства, осторожность, честность,—имъ трудно будетъ вполнѣ устранить отъ себя двѣ категоріи людей, одинаково непріятныхъ и опасныхъ: полицію, которая окружитъ ихъ шпіонами, и интригановъ, которые будутъ стремиться ихъ эксплуатировать. Съ другой стороны, строгимъ, послѣдовательнымъ, непоколебимымъ орлеанистамъ, т.-е. тѣмъ изъ приверженцевъ этого дома, которые въ немъ отожествляютъ свой идеалъ конституціонной свободы,—въ высшей степени непріятна попытка принцевъ, которая естественно влечетъ за собою признаніе современнаго порядка вещей во Франціи и если не равняется полному отреченію отъ случайностей будущаго, то по крайней мѣрѣ означаетъ отреченіе отъ претендентства, основаннаго на прошломъ и на рожденіи. Или я сильно ошибаюсь, или же это отреченіе искренно и не стоитъ никакой жертвы принцамъ, но друзья ихъ желали бы удержать ихъ отъ этой попытки. Теперь остается узнать, какъ правительство и палата примутъ ихъ петицію. Мнѣнія на этотъ счетъ весьма различны и нельзя съ увѣренностью сказать, которое восторжествуетъ. Попытка принцевъ во всякомъ случаѣ—хотятъ они того или нѣтъ—есть въ нѣкоторомъ родѣ заявленіе ихъ уваженія къ имперіи. Отказъ на ихъ петицію будетъ со стороны имперіи мелочностью, жестокостью и трусостью. Но съ другой стороны, императоръ старѣется, здоровье его ослабѣваетъ. Онъ можетъ скоро умереть, а всѣ считаютъ, что передача короны ребенку — об-

стоятельство весьма критическое; присутствіе же орлеанскихъ принцевъ можетъ казаться усложненіемъ вопроса и угрозой для императорской династіи. Я указываю на это мнѣніе, ни мало не ручаясь, что оно восторжествуетъ. Напротивъ того, возможно, что тѣ самыя обстоятельства, которыя повидимому могли бы всего болѣе повредить петиціи, послужатъ ей въ пользу. Императрица—женщина романическая; ей извѣстно, что она не популярна и кромѣ того она въ открытой враждѣ съ принцемъ Жеромомъ, который конечно захочетъ играть роль, въ случаѣ регентства. Давно уже носятся слухи, что императрица лелѣетъ различныя химеры, чрезвычайно несбыточныя, какъ напр. брачное обязательство между императорскимъ принцемъ и какой-нибудь принцессой орлеанскаго дома и обезпеченіе трона за Наполеономъ IV, при содѣйствіи благородной и великодушной опеки герцога Омальскаго. Эти химеры, быть можетъ, повліяютъ на рѣшеніе вопроса о петиціи,—хотя возможно также, что самая мелочная и пустая причина побудитъ отвергнуть петицію, а именно досада на то, что правительство допустило опередить себя въ этомъ дѣлѣ: многіе полагали, что послѣ плебисцита императоръ возьметъ на себя иниціативу въ вопросѣ о возвращеніи принцевъ.

Въ то время, какъ орлеанскіе принцы хлопочутъ о прекращеніи ихъ ссылки, человѣкъ, выставлявшій себя самымъ преданнымъ ихъ другомъ и вдобавокъ личнымъ врагомъ императора, Прево Парадоль, готовится ѣхать въ Соединенные Штаты въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и уполномоченнаго своего властелина, Наполеона III. Не скрою отъ васъ, что это назначеніе произвело нѣкоторый скандалъ и, прибавлю, что до извѣстной степени я раздѣляю общее удивленіе. Конечно, какъ я уже кажется объяснялъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, орлеанская партія не можетъ имѣть непреклоннаго характера ни легитимистской партіи, которая не можетъ допустить другого государя, кромѣ Генриха V, ни республиканской, которая возводитъ свой идеалъ въ непоколебимый догматъ. Ей приходится уступать, мириться на тѣхъ пунктахъ, на которыхъ имперія принимаетъ ея доктрины. Какъ партія, орлеанизмъ стирается, когда либеральная имперія оживаетъ, и оживаетъ, когда падаетъ либеральная имперія. Для нея не могутъ стоять на первомъ планѣ личные вопросы и личныя симпатіи, и легко допустить, что лица, весьма расположенныя къ орлеанскимъ принцамъ, станутъ содѣйствовать другой династіи, если найдутъ, что ихъ содѣйствіе служитъ интересамъ свободы.

Но положеніе Прево Парадоля нѣсколько иное; во-1-хъ, вслѣдствіе его личныхъ связей съ орлеанскими принцами и его обязательствъ по отношенію къ нимъ; во-2-хъ потому, что никакъ нельзя, какъ ни старайся, объяснить его поступокъ желаніемъ послужить свободѣ. Либеральная имперія не нуждается, чтобы ее оберегали въ Вашинг-

тонѣ, гдѣ ей не грозитъ никакая опасность. Прево Парадоль могъ бы служить свободѣ въ самомъ Парижѣ, какъ писатель, какъ депутатъ, даже какъ министръ. Принимая постъ, который первый попавшійся бонапартистъ старой школы могъ занять съ такимъ же успѣхомъ, какъ и онъ, Прево Парадоль умалилъ свое значеніе до нуля и заставляетъ думать, что онъ просто на-просто принялъ награду за свое отщепенство. Прибавлю къ этому, что имперіи не пришлось за нимъ бѣгать. Едва успѣло сформироваться министерство 2 января, онъ, не дожидаясь того, какъ оно станетъ дѣйствовать, немедленно предложилъ свои услуги и просилъ Эмиля Оливье о томъ мѣстѣ, какое теперь получилъ. Эмиль Оливье тутъ же обѣщалъ ему это мѣсто и если назначеніе такъ запоздало, то это потому, что пришлось вымогать согласіе у императора, нѣсколько изумленнаго и встревоженнаго этимъ внезапнымъ обращеніемъ. Кромѣ того нужно было также побѣдить сопротивленіе министерства иностранныхъ дѣлъ, что было еще труднѣе; въ этомъ министерствѣ живетъ сильный духъ партіи и оно всегда неохотно допускаетъ новобранцевъ, которые сваливаются, какъ аэролиты и перерываютъ цѣпь іерархическаго повышенія.

Моя политическая хроника была бы не полна, еслибы я не упомянулъ о бѣдствіи, надъ которымъ правительство не властно, но которое можетъ создать серьезныя затрудненія не только для него, но и для цѣлой націи. Я говорю о безпримѣрной почти засухѣ, которая уже сгубила часть нашей жатвы и грозитъ погубить и остальную. Сѣно страшно дорого, благодаря неурожаю. Вслѣдствіе этого земледѣльцы бьютъ скотъ, котораго не въ состояніи откармливать. Благодаря этому мы ѣдимъ теперь плохую говядину и рискуемъ на будущій годъ остаться вовсе безъ нея. Правительство публиковало длинный трактатъ, въ которомъ указываетъ населенію всякаго рода культурныя растенія, которыя болѣе или менѣе годятся для замѣны обыкновеннаго корма. Но средство это не радикальное, а паллятивное, да къ тому же наше земледѣльческое населеніе сильно предано рутинѣ. Вопросъ о скотоводствѣ и кормовыхъ средствахъ имѣетъ въ настоящее время гораздо больше значенія, чѣмъ лѣтъ двадцать тому назадъ: потребленіе мяса значительно увеличилось и рабочее населеніе втянулось въ него. Со всѣмъ тѣмъ, хлѣбъ все еще остается самымъ важнымъ продуктомъ: возвышеніе цѣны на хлѣбъ, какъ бы оно ни было незначительно, не проходитъ безслѣдно. Если цѣна поднимается свыше 20 сантимовъ за фунтъ, то считается, что хлѣбъ дорогъ, и городское населеніе начинаетъ волноваться и роптать. Между тѣмъ уже теперь цѣна на хлѣбъ стала выше въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, и хотя урожай зерновыхъ хлѣбовъ обѣщаетъ быть лучше урожая кормовыхъ травъ, онъ все-таки будетъ незначителенъ. Привозный хлѣбъ конечно пополнитъ дефицитъ, потому что засуха, ка-

жется, главнымъ образомъ захватила только Францію и часть Германіи; но тѣмъ не менѣе цѣна на хлѣбъ будетъ выше той, о которой я говорилъ, по крайней мѣрѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; если же при этомъ въ будущемъ году зима выдастся суровая, то положеніе дѣлъ станетъ критическимъ, очень критическимъ. У насъ недовольство, возбуждаемое дороговизной жизненныхъ припасовъ, всегда грозитъ опасностью правительству, а въ настоящее время эта опасность тѣмъ серьезнѣе, что работники, составляющіе большинство населенія большихъ городовъ, все сильнѣе и сильнѣе стремятся сплотиться въ отдѣльное сословіе, враждебное всѣмъ остальнымъ и имѣющее связь съ работниками чужихъ странъ.

Прибавьте къ этому, что громадныя постройки, предпринятыя такъ неразсчетливо администраціей, не знавшей контроля, въ настоящее время почти пріостановлены, за недостаткомъ средствъ. Даже тѣ изъ нихъ, которыя слѣдовало бы докончить, не кончены и врядъ ли будутъ окончены. Вотъ еще обстоятельство, благопріятствующее знаменитой «международной ассоціаціи рабочихъ», дѣятельность которой проявляется умноженіемъ стачекъ. Процессъ, поднятый въ настоящее время, проливаетъ яркій свѣтъ на ея организацію и планы. Десятка три членовъ этой ассоціаціи были пріобщены юстиціей къ знаменитому заговору, который подоспѣлъ такъ кстати, накапунѣ плебисцита, и который правительство эксплуатировало такъ усердно и даже нахально. Результаты слѣдствія не дозволили обвинить рабочихъ международной ассоціаціи въ участіи въ заговорѣ. Ихъ обвиняютъ теперь только въ составленіи незаконнаго и тайнаго общества; но захваченная переписка любопытна, поучительна, и возбуждаетъ серьезныя опасенія. Дѣятельность международной ассоціаціи не только сказывается на всѣхъ стачкахъ, но повидимому открывается—по крайней мѣрѣ обвинительная власть берется это доказать—что члены ассоціаціи занимаются также приготовленіемъ оружія и матеріала для произведенія взрывовъ, не съ какой-нибудь опредѣленной, извѣстной цѣлью, но на всякій случай, который можетъ представиться въ борьбѣ противъ существующаго порядка вещей. Они считаютъ себя во враждѣ съ капиталомъ и обществомъ, и это врагъ такого рода, что отнюдь нельзя пренебрегать имъ. Въ ту самую минуту, какъ ихъ преслѣдуютъ въ Парижѣ, они одержали въ Марсели, на выборахъ въ генеральный совѣтъ, блистательную побѣду и провели почти всѣхъ своихъ кандидатовъ, вытѣснивъ не только имперіалистовъ и либераловъ, но и республиканцевъ, непринадлежащихъ къ ихъ партіи.

Тѣ изъ арестованныхъ лицъ, которыя принадлежатъ къ международной ассоціаціи, призваны въ настоящую минуту къ суду исправительной полиціи въ Парижѣ. Остальныя, надъ которыми все еще тяготѣетъ обвиненіе въ заговорѣ и покушеніи на жизнь императора,

предстанутъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ передъ болѣе торжественнымъ верховнымъ судомъ. Но я имѣю всѣ основанія предполагать, что публичные дебаты очень уменьшатъ значеніе всего этого дѣла, которымъ такъ запугали избирателей. Покушеніе на жизнь императора уже вовсе не считается серьезнымъ пунктомъ въ дѣлѣ: лицо, которое въ немъ обвиняется—старый дезертёръ—кажется никогда не имѣло серьезнаго намѣренія привести его въ исполненіе. Повидимому, оно просто на-просто изловчилось выманить нѣсколько деньжонокъ у восторженныхъ и фанатическихъ демократовъ; послѣдніе, не желая, изъ осторожности или по другимъ какимъ причинамъ, принять на себя рискъ покушенія, были повидимому не прочь свалить этотъ рискъ на другихъ и попались на удочку бывшаго сержанта Бори. Я нисколько не желаю оправдывать ихъ поведенія, но все заставляетъ меня думать, что лицо, вызвавшееся быть орудіемъ ихъ фанатизма, никогда не имѣло намѣренія посягать на жизнь императора. Когда правительство подняло такой шумъ изъ-за этого дѣла, ему очень хорошо было извѣстно это обстоятельство, но плебисцитъ былъ у него на виду и ему надо было мистифировать Францію.

Поговоримъ теперь о книгахъ. Герцогъ де-Брольи публиковалъ посмертное твореніе своего отца, недавно скончавшагося. Эта книга называется: *Vues sur le gouvernement de la France.* Исторія ея въ высшей степени любопытна и можетъ доказать пессимистамъ, что положеніе дѣлъ значительно измѣнилось во Франціи, въ послѣдніе десять лѣтъ. Покойный герцогъ де-Брольи, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ и наиболѣе уважаемыхъ, по справедливости, государственныхъ дѣятелей іюльской монархіи, принимавшій дѣятельное участіе въ политическихъ собраніяхъ до 2 декабря 1851 г., посвятилъ на это сочиненіе свои досуги, когда переворотъ заставилъ его выдти въ отставку. Но онъ желалъ трудиться только для себя и для нѣсколькихъ друзей. Поэтому онъ не печаталъ своего сочиненія, а велѣлъ просто литографировать его, и въ этомъ видѣ оно обращалось въ 1860 г. въ весьма ограниченномъ кружкѣ людей, а большинство публики о немъ даже и не слыхало. Императорская полиція, въ то время весьма подозрительная и бдительная, добыла одинъ экземпляръ книги, благодаря предательству кого-то изъ слугъ, и не принимая во вниманіе ни общественнаго положенія герцога де-Брольи, ни его преклонныхъ лѣтъ, ни содержанія книги, которая, какъ вы сейчасъ увидите, отнюдь не имѣетъ возмутительнаго характера,—сдѣлала обыскъ у литографа, захватила нѣсколько экземпляровъ книги и начала судебное преслѣдованіе противъ автора. Это дѣло надѣлало въ то время большого шуму и по всей вѣроятности кончилось бы осужденіемъ автора — по дѣламъ печати, тогдашніе трибуналы карали все, на что указывало правительство,—еслибы совершенно случайное обстоятель-

ство не положило конецъ преслѣдованіямъ. Въ качествѣ бывшаго посланника и бывшаго министра, герцогъ де-Брольи былъ кавалеромъ большого креста почетнаго легіона. Между тѣмъ императорская конституція, наперекоръ принципамъ 89 г., освобождаетъ отъ обыкновеннаго суда кавалеровъ этого ордена и предоставляетъ имъ право быть судимыми верховнымъ судомъ, наравнѣ съ министрами и членами императорской фамиліи. Полиція и юстиція совершенно позабыли, что эта привилегія, нелѣпая сама по себѣ, примѣняется къ писателю, котораго они вздумали преслѣдовать, но этотъ послѣдній не преминулъ вспомнить о ней и воспользоваться ею, обращая противъ имперіи ея собственное оружіе. Правительство испугалось скандала и судебный слѣдователь прекратилъ преслѣдованіе, на томъ основаніи, что сочиненіе не было обнародовано, что было вполнѣ вѣрно. Герцогъ де-Брольи былъ избавленъ отъ суда, но самый мотивъ избавленія могъ заставить думать, что книга преступна и была бы осуждена, еслибы была обнародована. Между тѣмъ слѣдующая цитата, которую я беру изъ нея почти на удачу, покажетъ вамъ, что тогда подозрѣвалось и преслѣдовалось и какой непостижимой жаждой угнетенія было одушевлено императорское правительство: «Каждый честный человѣкъ—говоритъ авторъ этими самыми словами—каждый честный человѣкъ, какова бы ни была его нелюбовь къ правительству, при которомъ онъ дѣйствуетъ, какъ бы пламенно ни желалъ онъ въ душѣ, какъ бы ни надѣялся, что рано или поздно его смѣнитъ лучшее правительство, обязанъ, обязанъ по совѣсти не строить заговоровъ противъ этого правительства, не стараться свергнуть его, помощью измѣны или насилія, и если онъ нарушитъ этотъ долгъ, налагаемый на него совѣстью, онъ заслуживаетъ порицанія, заслуживаетъ наказанія. Каждый честный человѣкъ, каково бы ни было его мнѣніе о законахъ и учрежденіяхъ его страны, если бы даже онъ находилъ ихъ во многихъ отношеніяхъ несправедливыми и нелѣпыми, каждый честный человѣкъ обязанъ имъ повиноваться, въ ожиданіи лучшаго, и не долженъ возбуждать къ бунту или содѣйствовать ему, и если онъ нарушитъ этотъ долгъ, налагаемый на него совѣстью, онъ заслуживаетъ порицанія, онъ заслуживаетъ наказанія».

Какъ видите, невозможно болѣе рѣшительно отвергать и осуждать всякія возмутительныя идеи, всякія революціонныя попытки; полагаю также излишнимъ доказывать, что такое рѣшительное заявленіе образа мыслей составляетъ самую сущность книги и что она вся отъ начала до конца, пропитана однимъ духомъ. По моему мнѣнію, ничто лучше этой исторіи не доказываетъ тупоумія автократическаго правленія, которое пережила Франція и отъ возврата къ которому она далеко не застрахована: достаточно самой ничтожной революціонной затѣи, чтобы побудить Францію пожелать диктатуры и согласиться на нее.

Въ настоящее время книга герцога де-Брольи безпрепятственно обращается въ публикѣ. Въ ней онъ развиваетъ довольно остроумный планъ управленія, и теоретически ничто не мѣшало бы либеральной имперіи принять этотъ планъ, во всемъ его объемѣ. Но на практикѣ выходитъ не то. Ни одинъ народъ не можетъ вернуться къ тому, что уже имъ пережито и кануло въ вѣчность, а для французскаго народа, я полагаю, это еще менѣе возможно, чѣмъ для всякаго другого. Исторіи не передѣлать, былого не воскресить и отжившихъ учрежденій не вернуть къ жизни. Между тѣмъ сочиненіе герцога де-Брольи, если и не представляется попыткой къ реакціи въ обыкновенномъ и скверномъ значеніи того слова,—авторъ вполнѣ стоитъ на демократической, современной почвѣ,—то тѣмъ не менѣе въ ней видно усиліе повернуть къ прошлому, стремленіе обуздать демократію, создать ей противовѣсъ. Другими словами, герцогъ де-Брольи особенно усердно защищаетъ консервативные интересы. Онъ желаетъ на мѣсто прежней родовой аристократіи поставить аристократію избранную, аристократію личнаго отличія, труда и таланта, и противопоставить ее грубой численной силѣ, выраженіемъ которой служитъ общая подача голосовъ. Главная забота его создать верхнюю палату, солидную, полезную, торжественную. Элементы этой аристократіи, разумѣется, существуютъ во Франціи, какъ и во всякомъ образованномъ государствѣ. Затрудненіе не въ томъ, чтобы найти ихъ, а въ томъ, чтобы отвести имъ мѣсто на ряду со всеобщей подачей голосовъ.

Невѣжественная демократія не въ состояніи понять, тѣмъ менѣе допустить существованіе силы, лежащей внѣ ея, а французская демократія очень невѣжественна. Она охотно будетъ терпѣть господина, про котораго можетъ похвалиться, что сама избрала его изъ своей среды и передъ которымъ все будетъ одинаково склоняться; но она не въ состояніи оцѣнить полезности, необходимости существованія великихъ личностей, способныхъ къ независимости и сопротивленію. Ея стремленіе къ общему равенству возмущается всѣмъ аристократическимъ. Нашъ теперешній сенатъ далеко не популяренъ; но онъ былъ бы еще менѣе популяренъ, еслибы имѣлъ хоть какое-нибудь значеніе. Кромѣ того, обаяніе аристократіи основано на чувствѣ уваженія, а чувство уваженія, разъ оно убито, больше не оживаетъ. Теперь уже прошло довольно времени съ тѣхъ поръ, какъ Ройе-Колларъ сказалъ, что чувство уваженія во Франціи умерло; но еслибы этотъ государственный человѣкъ вернулся къ намъ, онъ не нашелъ бы основанія измѣнить свое сужденіе. Имперіалисты, воображающіе себя самыми преданными людьми, совсѣмъ не умѣютъ уважать императора. Прибавлю къ этому, что высшіе классы, которые могли бы выдѣлить изъ себя политическую аристократію, не отличаются, за весьма немногими исключеніями, большимъ политическимъ смысломъ, чѣмъ народная

масса, и ведутъ самую пустую и эгоистическую жизнь. Ни дворянство, ни буржуазія никогда не умѣли у насъ стать *классомъ руководящимъ*. Еслибы дворянство съумѣло это сдѣлать, то революціи 1789 г. не было бы, а еслибы буржуазія въ свою очередь не оказалась ниже своего призванія, то революція 1848 г. оказалась бы ненужной. Поэтому совершенно неправдоподобно, во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы во Франціи образовалась политическая и популярная аристократія; всѣ наши надежды сосредоточены на демократіи: на томъ, чтобы она поскорѣе развилась и образовалась настолько, чтобы быть въ состояніи опираться на самое себя. Сознаюсь, что лично, я мало на это разсчитываю.

Какъ всѣ либералы, которые серьезно изучали задачу свободнаго правленія, и желали бы замѣнить случайности и рискъ революціоннаго хода событій вѣрнымъ и правильнымъ прогрессивнымъ движеніемъ, герцогъ де-Брольи высказывается за децентрализацію. Мало того, онъ желаетъ возстановленія старинныхъ провинцій, въ томъ почти видѣ, въ какомъ онѣ существовали до революціи, и возвращенія имъ прежней автономіи. Онъ безъ труда показываетъ, что преобладаніе Парижа надъ провинціей является постоянной опасностью. Но здѣсь я опять повторяю: легко доказать это въ теоріи, но трудно, очень трудно измѣнить на практикѣ. Конечно, центральной власти было бы выгодно облегчить свою задачу, но облегчить задачу не значитъ ли ослабить свое значеніе. Всякая уступка въ этомъ родѣ, сдѣланная центральной властью департаментамъ или провинціямъ, будетъ въ ущербъ ея собственнаго значенія, и на такую жертву никакая власть не пойдетъ добровольно. Быть можетъ, вамъ покажутся странными мои слова, но я глубоко убѣжденъ, что существуетъ только одинъ способъ децентрализировать Францію и успѣшно противодѣйствовать стремленію къ унитаризму. Вотъ этотъ способъ: еслибы въ Парижѣ произошла революція, то провинціи слѣдовало бы произвести такую же революцію у себя и для себя, прогнать провинціальныя власти, какъ Парижъ прогналъ бы династію и пустить въ ходъ *самоуправленіе*, не дожидаясь позволенія Парижа. Но мы имѣемъ всѣ основанія думать, что этого никогда не случится и что если намъ суждено пережить новыя революціи, чего я лично не желаю, провинція будетъ продолжать принимать отъ Парижа готовыхъ администраторовъ, какъ и всегда. Зло до того укоренилось, что, по моему, оно неисправимо. Поэтому сочиненіе герцога де-Брольи кажется мнѣ, въ своихъ главныхъ пунктахъ, утопіей, но тѣмъ не менѣе это произведеніе возвышеннаго ума, государственнаго человѣка и истиннаго патріота. Спасеніе Франціи лежитъ именно на томъ пути, гдѣ онъ его ищетъ, но весь вопросъ въ томъ: съумѣетъ ли Франція найти этотъ путь?

Я писалъ вамъ, въ послѣднемъ письмѣ, о новомъ сочиненіи Тэна

De l'intelligence. Это, какъ я, быть можетъ, уже говорилъ вамъ, психологическій очеркъ, задуманный на новыхъ началахъ или, лучше сказать, попытка обобщенія психологіи съ физіологіей. Такая попытка была, я полагаю, необходима. Я отнюдь не намѣренъ нападать на изученіе чистой психологіи, которое породило въ новѣйшихъ философскихъ школахъ во Франціи, въ Германіи и въ Англіи, столько тонкихъ анализовъ, столько замѣчательныхъ и остроумныхъ работъ. Но нельзя отрицать, что на нее пала часть пренебреженія, съ какимъ въ наше время относятся къ чистой и общей философіи. Я полагаю, что Тэнъ хорошо сдѣлалъ, что попытался примирить физіологію съ психологіей, но онъ внесъ въ это многотрудное произведеніе всѣ недостатки, также какъ и всѣ хорошія качества своего ума, несомнѣнно замѣчательнаго, но склоннаго увлекаться и дѣлать слишкомъ поспѣшные выводы. Анализъ у него тонкій, пониманіе вещей — широкое и быстрое, но при этомъ у него есть слѣдующій недостатокъ: онъ слишкомъ спѣшитъ систематизировать и не умѣетъ контролировать идей, которыя, разъ овладѣвъ имъ, его подчиняютъ и какъ бы ослѣпляютъ. Онъ лично занимался физіологіей, но не могу скрыть отъ васъ, что физіологи находятъ его знанія сомнительными. Онъ легко усвоиваетъ себѣ вещи, но, быть можетъ, недостаточно обдумываетъ ихъ и слишкомъ спѣшитъ дѣлиться ими съ публикой. Отъ этого его новая книга, какъ и нѣкоторыя предъидущія сочиненія, напр., *Путешествіе по Италіи*, носитъ характеръ незрѣлости, необдуманности, сбивчивости. Но несмотря на этотъ чувствительный и прискорбный недостатокъ, Тэнъ все же остается замѣчательнымъ мыслителемъ и многіе люди желали бы умѣть импровизировать такъ, какъ онъ.

Политическая и военная литература первой имперіи обогатилась новой публикаціей, не лишенной значенія. Я говорю о *Correspondance du général Vandamme* (два большихъ тома *in-8°*). Этотъ генералъ былъ, какъ вамъ конечно извѣстно, однимъ изъ лучшихъ генераловъ Наполеона I, но къ несчастью вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ тѣхъ, которые заслужили у нашихъ противниковъ славу жестокости и неумолимости. Личность его особенно рельефно выдѣляется въ послѣдніе годы имперіи. Онъ былъ русскимъ плѣнникомъ послѣ Кульмской катастрофы, которая имѣла такое рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи 1813 г. Корреспонденція генерала и комментаріи, которыми снабдилъ ее издатель, бывшій инженерный офицеръ Дюкассъ, стремятся свалить отвѣтственность въ понесенномъ пораженіи на другихъ наполеоновскихъ офицеровъ и на самого императора. Я не судья въ этомъ дѣлѣ: замѣчу только, что однимъ изъ недостатковъ Наполеона было то, что онъ слишкомъ многаго требовалъ отъ своихъ офицеровъ, слишкомъ много разсчитывалъ на нихъ и на математическую точность въ исполненіи его приказаній, не принимая во вниманіе разницы

между силами, идеально распредѣленными на бумагѣ, и силами, дѣйствительно выставленными на поле сраженія.

На этотъ разъ, я могу закончить письмо нѣсколькими словами о театрахъ, которые наконецъ рѣшились дать что-нибудь новое и серьезное; но самый моментъ появленія этого новаго—въ самый разгаръ лѣта—показываетъ, что оно второстепеннаго достоинства. Самыя лучшія пьесы всегда приберегаются для зимы. *Французскій театръ* далъ намъ большую драму въ стихахъ, *Maurice de Saxe*. Дѣло идетъ о любви саксонскаго маршала къ женѣ сочинителя-актера-импрезарио Фавора; этотъ эпизодъ взятъ дѣйствительно изъ жизни Морица, но не дѣлаетъ чести побѣдителю при Фонтенэ, потому что дѣйствія его здѣсь скорѣе грубы, чѣмъ любезны. Авторы, потому что ихъ два, дебютируютъ на драматическомъ поприщѣ, хотя уже немолоды. Я не очень люблю произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера двухъ писателей, когда эти произведенія имѣютъ претензію принадлежать къ высокому роду. Они всегда носятъ характеръ фабрикаціи, и я не сомнѣваюсь, что этому слѣдуетъ приписать неровности и несообразности, которыя портятъ *Maurice de Saxe*. Но въ этой пьесѣ есть хорошія мѣста и красивые стихи, какъ напр., пророческая тирада о французской революціи, которой публика яростно апплодируетъ, хотя она не совсѣмъ у мѣста и во всякомъ случаѣ является анахронизмомъ. Какъ бы то ни было, а пьэса пользуется бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ повидимому актеры разсчитывали. Въ театрѣ *Porte St. Martin* молодой авторъ, отвергнутый многими театрами, ла-Беккъ, поставилъ на свой собственный страхъ и рискъ, т.-е. нанявъ залу и актеровъ, грубую, тривіальную, нескладную пьесу, но въ которой, тѣмъ не менѣе, сказывается сильный драматическій талантъ. Пьеса называется *Michel Pauper:* въ ней фигурируютъ, на первомъ планѣ, отецъ—фальшивый монетчикъ, вынужденный къ самоубійству, обольщенная дочь, вовсе не поэтическая, безсовѣстный и неизящный обольститель и геніальный, но преданный пьянству работникъ. Всѣ эти элементы образуютъ нѣсколько грубое и отчасти возмутительное цѣлое, но нѣкоторыя сцены отличаются такимъ драматизмомъ, что вызываютъ заслуженныя рукоплесканія.

Опера поставила новый балетъ и новую танцовщицу. Балетъ плохъ, но знатоки предсказываютъ самую блестящую будущность танцовщицѣ г-жѣ *Больцакки:* ей шестнадцать лѣтъ и это ея самый первый дебютъ.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Общественное воспитаніе въ Англіи.

Среднія учебныя заведенія въ Англіи и Шотландіи. Отчетъ, представленный министру народнаго просвѣщенія І. Деможо, докторомъ словесныхъ наукъ, адъюнктомъ парижскаго словеснаго факультета, и Г. Монтуччи, докторомъ математическихъ наукъ, преподавателемъ императ. Лицея св. Лудовика. Москва, 1870.

Не однихъ насъ интересуетъ система англійскаго общественнаго воспитанія, но едва ли не у однихъ насъ напали на мысль, что въ этой системѣ заключается весь секретъ англійской цивилизаціи, и потому стóитъ только взять эту систему за образецъ, и Россія въ слѣдующемъ поколѣніи, которое выйдетъ изъ лицея г. Каткова, будетъ Англіей. Французскіе ученые, Деможо и Монтуччи, были отправлены, тода три тому назадъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія Дюрюи, для ознакомленія на мѣстѣ съ системою обученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Англіи и Шотландіи, и вотъ чтó прежде всего обратило на себя ихъ вниманіе въ этой системѣ. «Въ организаціи народнаго воспитанія въ Англіи—такъ начинаетъ ихъ отчетъ министру — замѣчается большая аналогія со всѣми другими учрежденіями этой страны: на первый взглядъ оно не представляется въ видѣ стройной системы, не составляетъ логическаго развитія извѣстной идеи, предварительно задуманнаго плана; оно кажется своеобразнымъ результатомъ нѣсколькихъ разнородныхъ, а нерѣдко и противоположныхъ силъ; оно представляется какою-то чисто-случайною совокупностью преданій, болѣе или менѣе раціональныхъ обычаевъ, мѣстныхъ улучшеній, иногда смѣлыхъ, иногда робкихъ нововведеній, предоставленныхъ личной иниціативѣ, при совершенномъ безучастіи со стороны общественной власти. Это какъ бы городъ, построенный безъ опредѣленнаго плана, и въ которомъ дома размѣщаются произвольно и строятся каждый по-своему. Въ Англіи государство не занимается обученіемъ; оно принимаетъ только участіе въ просвѣщеніи недостаточныхъ классовъ путемъ субсидій, когда просятъ ихъ у правительства, а также путемъ надзора и инспекцій, которымъ подчиняются за получаемыя субсидіи. Что касается до зажиточныхъ классовъ, то они совершеннолѣтни: государство не беретъ на себя опеки надъ ними. Мы, говоритъ графъ Гарроуби (при раздачѣ наградъ въ Ливерпульской Коллегіи), народъ, обладающій совершенно особымъ строемъ жизни общественной и политической; мы живемъ въ странѣ свободной; наше об-

разованіе не можетъ быть навязано намъ властью одной личности или отдѣльнаго учрежденія».

Дѣйствительно, въ устройствѣ дѣла народнаго просвѣщенія въ Англіи мы не найдемъ непрерывной лѣстницы, на верху которой стоитъ министръ, имѣющій возможность, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ и сообразно своему личному вкусу, давать тотъ или другой характеръ народному просвѣщенію, разрушать и созидать, чаще всего разрушать, ничего не созидая, такъ какъ это и довольно легко и упрочиваетъ иногда репутацію дѣятельнаго человѣка. Карамзинъ когда-то сказалъ: «министромъ народнаго просвѣщенія можетъ быть только Аполлонъ»; говоря такъ, онъ, вѣроятно, думалъ, что задача министра народнаго просвѣщенія слишкомъ трудна и обширна, и выполнить ее удовлетворительно можетъ либо человѣкъ геніальный, либо настолько просвѣщенный и благоразумный, что способенъ дать народному образованію всѣ возможные пути для развитія, не стѣсняя ихъ, а поощряя, вызывая общественную и частную иниціативу, не создавая привилегированныхъ мнѣній и привилегированныхъ школъ, такъ какъ на привилегіи всяческаго рода особенно падки только шарлатаны и всяческаго рода откупщики, и жертвуя своими убѣжденіями, какъ бы они ни казались ему правильными и благонадежными, свободѣ развитія, убѣжденіямъ интеллигенціи страны, которая во всякомъ случаѣ, въ суммѣ своей, умнѣе и даровитѣе всякаго отдѣльнаго лица, хотя бы оно было даже и министромъ. При такой системѣ дѣйствій, всякій уставъ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, могъ бы только служить просвѣщенію, ибо онъ развивался бы совершенно правильно самъ собою, органически, онъ росъ бы вмѣстѣ съ ростомъ просвѣщенія страны, отметывая ненужное и обогащаясь плодами опыта. Тогда не нужно было бы сжигать то, чему поклонялись и поклоняться тому, что сожгли, не нужны были бы чуть не ежегодно назначаемыя коммиссіи изъ чиновниковъ, которые будто бы что-то работаютъ, но работы которыхъ, едва созрѣвъ, снова подвергаются переработкѣ, а страна, между тѣмъ, несетъ на себѣ лишніе матеріальные расходы, теряетъ нравственныя силы иногда и безъ того не великія, и получаетъ, вмѣсто похищаемыхъ смертью зрѣлыхъ гражданъ, молодыхъ недоносковъ, которые растеряли свои физическія и умственныя силы въ педагогической ретортѣ экспериментовъ, куда ихъ погружали. Эти несчастные, невольные «перекрещенцы», переходя изъ купели въ купель, вступаютъ въ жизнь усталые, надорванные, безъ энергіи воли, безъ стойкихъ убѣжденій, безъ правильно-выработаннаго характера, и либо покорно клонятъ свою голову въ ту сторону, куда наклонитъ ее вѣтеръ, либо легко вспыхиваютъ, увлекаются ненаучными интересами, берутъ на себя непринадлежащую имъ роль и истлѣваютъ въ борьбѣ, исполненной пароксизмовъ крайняго напряженія и крайняго обезсилѣнія.

Если кому приходилось прислушиваться къ мнѣніямъ нашего общества на счетъ классическаго образованія, то онъ долженъ былъ замѣтить, что защитники его обыкновенно ссылаются на Англію, гдѣ въ такой высокой степени выработаны стойкость и независимость характера; по мнѣнію огромнаго большинства нашего общества, не различающаго ясно понятій, связанныхъ съ словами «образованіе» и «воспитаніе», эти завидныя черты англійскаго характера всецѣло выработаны классицизмомъ, и онѣ-то обыкновенно соблазняютъ въ пользу грековъ и латинъ тѣхъ отцовъ, которые желаютъ, чтобъ изъ дѣтей ихъ вышли хорошо сформированные люди, способные къ упорному труду, къ иниціативѣ, къ борьбѣ со всѣми случайностями жизни. Классицизмъ представляется имъ всеобщей панацеей отъ тѣхъ болѣзней, которыми страдаетъ наша молодежь; онъ долженъ научить ихъ благоразумному пользованію временемъ, уваженію дисциплины, любви къ наукѣ. Мальчикъ сидитъ надъ своими классическими уроками по нѣскольку часовъ въ день, лицо его блѣднѣетъ, физическія силы слабнутъ, отецъ видитъ, что занятія изнуряютъ сына, но онъ утѣшаетъ себя мыслью, что плоды будутъ сладки: «вотъ у англичанъ», думаетъ онъ, «точно также: молодые люди лѣтъ до 20 сидятъ почти исключительно надъ латынью, и какіе за то выходятъ изъ нихъ люди!» и онъ перебираетъ въ своей памяти всѣхъ англійскихъ знаменитостей, воспитанныхъ классицизмомъ. Наше большинство не подозрѣваетъ, что англійскія школы прежде всего воспитываютъ характеръ, укрѣпляютъ волю, развиваютъ физическія силы строго-логическою, вѣками выработанною системою воспитанія, причемъ классическіе языки играютъ далеко не первостепенную роль. Въ упомянутомъ отчетѣ Деможо и Монтуччи на каждомъ шагу встрѣчаются восторженныя похвалы англійскому «воспитанію» и желанія перенести, въ разумной долѣ, средства ея на французское юношество. Очевидно, французскіе ученые не могутъ имѣть въ виду перенесеніе классическаго образованія изъ Англіи во Францію, ихъ интересуетъ нѣчто совсѣмъ другое.

«Дадимъ, говорятъ они, ученикамъ болѣе свободнаго времени; нѣкоторые, безъ сомнѣнія, злоупотребятъ имъ; но, говоря словами наставниковъ большихъ школъ, все же это лучше того, чѣмъ еслибъ ни одинъ воспитанникъ не привыкъ надлежащимъ образомъ пользоваться свободой... Во Франціи (какъ и у насъ) ученикъ не имѣетъ свободной минуты, столь плодотворной для таланта и самостоятельности мысли, той минуты, когда молодой человѣкъ остается съ самимъ собою и собираетъ свои умственныя силы въ опредѣленный центръ. Предоставимъ ученикамъ болѣе свободы; не будемъ принуждать ихъ къ занятіямъ; удовольствуемся тѣмъ, что внушимъ имъ охоту къ ученію.... Англійскіе наставники содрогались отъ ужаса, когда мы говорили имъ объ одиннадцати съ половиною часахъ ежедневныхъ уро-

ковъ и приготовленій, — часахъ, въ продолженіи которыхъ наши ученики остаются безъ движенія, прикованные къ своимъ скамьямъ и вынуждаемые къ невозможному прилежанію. «Вы проигрываете относительно воспитанія физическаго, говорили они намъ, и немного выигрываете для умственнаго. Ни одно дитя неспособно къ столь продолжительному вниманію». Самыя работящія школы въ Англіи назначаютъ на умственный трудъ не болѣе семи или восьми часовъ въ день, другія довольствуются и шестью. Остальное время посвящается занятію, слишкомъ увлекающему, въ особенности слишкомъ возбуждающему страсти—охотно признаемъ это—оно посвящается тѣлеснымъ упражненіямъ. У насъ во Франціи нѣтъ ни физическихъ силъ, ни foot-ball, ни гонки лодокъ, ни крикета и т. п.»

Но если избытокъ воспитанія создаетъ совершенныхъ джентльменовъ, здоровыхъ, крѣпкихъ, честныхъ, то избытокъ классицизма создаетъ очень часто круглыхъ невѣждъ, безъ знанія исторіи, безъ изученія не только какого-нибудь иностраннаго языка, но и родного; одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ учителей школы Гарроу, Феррасъ, самымъ категорическимъ образомъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, прибавляя, что молодые люди не знаютъ и «того самаго греческаго языка и того самаго латинскаго, на которые спеціально потрачены были длинные годы ихъ безцѣльнаго обученія», и это говоритъ онъ по отношенію къ тѣмъ немногимъ, 25 на 100, которые поступаютъ изъ публичныхъ школъ въ университетъ. Что же сказать о прочихъ? «Обратитесь, продолжаетъ онъ, къ нашимъ лучшимъ современныхъ писателямъ, и они обличатъ вамъ гордость, расточительность и непостоянство нашихъ зажиточныхъ классовъ. Обратитесь къ родителямъ, и они съ тяжелымъ вздохомъ вспомнятъ о времени, потерянномъ на прогулки по биллiардной и конюшнямъ. Обратитесь къ содержателямъ школъ, и вы услышите сѣтованія на большое число невѣждъ и лѣнтяевъ, ими выпускаемыхъ. Обратитесь къ самымъ ревностнымъ, самымъ серьезнымъ тюторамъ нашихъ университетскихъ коллегій, и они назовутъ вамъ учащихся, которые смотрятъ на свои прекрасные, завѣтные университеты какъ на пышныя модныя собранія, они укажутъ вамъ на отупѣвшіе умы, не заботящіеся объ ученіи даже настолько, чтобы выдержать самый элементарный экзаменъ, или пожалуй позволяющіе себя пичкать науками съ крайнею неохотою и отвращеніемъ. Сравните это безсиліе неподвижнаго ученія съ пылкимъ, страстнымъ, настойчивымъ и непреклоннымъ энтузіазмомъ, съ которымъ тысячи еще неразвитыхъ умовъ бросаются со всею энергіею на приманку точныхъ наукъ, прибавляя ежегодно новые вклады къ огромному наслѣдію новой науки, и спросите себя потомъ, не заслуживаетъ ли порицанія система нашего обученія?»

И это не единичный голосъ; множество людей образованныхъ, заявившихъ себя съ самой выгодной стороны или въ наукѣ, или въ го-

сударственной дѣятельности, между прочимъ кородевскіе коммиссары, обозрѣвавшіе школы и написавшіе огромный отчетъ о нихъ, пришли къ тому же убѣжденію, именно, что классическая система обученія понижаетъ уровень образованія высшихъ и среднихъ англійскихъ классовъ. Даже люди, устранявшіе основанія системы утилитарной въ обученіи, то-есть соглашающіеся, что цѣль образованія состоитъ въ развитіи ума и укрѣпленіи воли, невольно спрашиваютъ: развѣ достиженіе этой цѣли возможно только при посредствѣ занятій безполезныхъ для будущей карьеры мальчика? Развѣ нельзя требовать, чтобы наука, которая можетъ ему пригодиться въ будущемъ, послужила для той гимнастики ума, которую ищутъ въ древнихъ языкахъ? Если разсматривать въ предметахъ ученія одну только образовательную силу, то справедливо ли, что словесныя занятія одни, или даже въ связи съ занятіями математикой, даютъ уму развиться вполнѣ? Развѣ, кромѣ быстроты соображенія и точности въ умозаключеніи, человѣку не присущъ еще даръ наблюденія, опыта, наведенія? Не эти ли качества ума преобразили міръ, создавъ новѣйшія науки? И не обязано ли настоящее поколѣніе передать послѣдующему не только свои завоеванія, но даръ еще болѣе драгоцѣнный, умѣнье превзойти его въ этомъ отношеніи? Сколько юныхъ умовъ, глухихъ къ такимъ вопросамъ словесныхъ и къ строгимъ отвлеченностямъ точныхъ наукъ, раскрылось бы охотно предъ лучами наукъ опытныхъ, и стало бы привлекать къ труду изъ удовольствія, совершенно для нихъ новаго, понимать дѣло и успѣвать въ немъ! Наконецъ, съ точки зрѣнія нравственной и религіозной, почему не дать юной душѣ возможности услышать эту чудную проповѣдь внѣшняго міра, столь исполненную разума и мудрости, и такъ высоко провозглашающую славу Творца? Люди, посвятившіе себя служенію классическимъ языкамъ, провозглашаютъ ихъ единственными орудіями умственнаго воспитанія; но можно ли признавать вѣрнымъ то, что словесники, которые все-таки не болѣе какъ словесники, могутъ быть компетентными судьями въ этомъ вопросѣ? Умъ учениковъ будетъ развитъ на классическихъ занятіяхъ, то-есть они уподобятся своимъ учителямъ. Но достаточно ли этого? Никому не дано быть выше самого себя. Видѣть свои предѣлы и сознавать ихъ ограниченность, значило бы уже переступить ихъ. Пасторъ Раулинсонъ, профессоръ древней исторіи въ Оксфордскомъ университетѣ, порицаетъ, во имя математики, классическую систему. «Когда все образованіе заключается въ древнихъ языкахъ, говоритъ онъ, то результатъ, по моему мнѣнію, неудовлетворителенъ. Является недостатокъ основательности, знанія свѣта, энергіи—недостатокъ, который превосходнаго словесника превращаетъ часто въ человѣка столь же высокомѣрнаго, сколько и безполезнаго». Докторъ Карпентеръ, архиваріусъ Лондонскаго университета, находитъ, что и самая математика

не можетъ служить классическимъ языкамъ достаточнымъ дополненіемъ, такъ какъ кругъ ея ограниченъ и такъ какъ она исходитъ отъ аксіомъ, не имѣющихъ ничего общаго съ явленіями внѣшняго міра. Королевскіе коммиссары обратили вниманіе на политическія послѣдствія пренебреженія точными науками въ пользу классическихъ языковъ и обратились съ вопросомъ къ извѣстному ученому сэру Чарльзу Ляйелю, порицавшему классическую систему: «Думаете ли вы, что такое отсутствіе обученія точнымъ наукамъ унижаетъ высшіе классы Англіи и уменьшаетъ уваженіе къ нимъ среднихъ классовъ?»

— «Этого бы слѣдовало ожидать, отвѣчалъ Ляйэль, но я не считаю себя вправѣ опредѣлительно высказаться по этому вопросу, ибо аристократическіе классы нашей страны, вопреки нѣсколько узкой образовательной системѣ, *другими путями* образовываютъ себя, и такимъ образомъ возстановляютъ уваженіе къ себѣ.

—«Полагаете ли вы, продолжали коммиссары, что превосходство образованія, получаемаго нѣмцами въ этихъ отрасляхъ знанія, ведетъ вообще къ соотвѣтственному превосходству высшихъ классовъ Германіи надъ тѣми же классами въ Англіи?

—«Нѣтъ; наши политическія вольности составляютъ такое важное преимущество, что нельзя и сравнивать эти два класса».

Отсюда прямо слѣдуетъ, что въ странахъ, гдѣ нѣтъ политическихъ вольностей, недостатки классическаго образованія ничѣмъ не могутъ быть восполнены. Между защитниками классической системы обученія назовемъ знаменитаго Гладстона; высоко ставя классическій принципъ, онъ, однакожъ, прибавляетъ, что этотъ принципъ «долженъ быть ограниченъ разумными предѣлами, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ. Онъ долженъ примѣняться во всей полнотѣ только лишь къ той *небольшой части юношества* всѣхъ націй, которая составляетъ классъ людей, получающихъ законченное образованіе». Распространеніе этого принципа болѣе или менѣе на все юношество онъ, не обинуясь, называетъ «безразсуднымъ увлеченіемъ» [1]). Чтожъ должно сказать послѣ этого про насъ, которые, безразсудно вообразивъ, что классическіе языки—якорь спасенія отъ всѣхъ бурь, вводимъ ихъ во всѣ заведенія и заставляемъ безполезно сидѣть надъ ними почти все наше юношество, изъ котораго только самый незначительный процентъ поступаетъ въ университеты. Еслибъ иностранцы прислали къ намъ коммиссію для изслѣдованія нашихъ системъ образованія, то можно смѣло сказать, что они не надивились бы нашему безразсудству и тому равнодушію, съ которымъ общественное мнѣніе подчиняется измышленіямъ какого-нибудь ловкаго газетчика, воздвигающаго собственное благосо-

[1]) Пусть подумаютъ объ этомъ наши доморощеные «классики», которые думаютъ, что головами юношей можно играть, какъ мячикомъ.

стояніе на общемъ невѣжествѣ и индифферентизмѣ къ такимъ жгучимъ вопросамъ, какъ воспитаніе.

Недостатки старыхъ классическихъ школъ вызвали энергическую дѣятельность англійскаго общества и правительства на основаніе школъ реальныхъ и смѣшанныхъ реально-классическихъ. Эта дѣятельность привела къ тѣмъ результатамъ, что старыя школы, въ родѣ Итона, Рогби, Гарроу и др., стали терять свое значеніе и уступать новымъ школамъ. Изъ нихъ мы остановимся на двухъ учрежденіяхъ, обязанныхъ своимъ процвѣтаніемъ общественной иниціативѣ. Это—школа Королевскаго Учрежденія въ Ливерпулѣ (Liverpool Royal Institution School) и школа Лондонскаго Города (City of London School). Первая школа содержитъ въ своихъ великолѣпныхъ зданіяхъ библіотеку, галлереи живописи и ваянія, музей естественной исторіи, зоологіи и технологіи, химическую лабораторію. Члены общества, основавшіе эту школу на акціяхъ, позволяютъ себѣ царственную роскошь, какъ выражаются гг. Деможо и Монтуччи, открывать свои галлереи безплатно для публики, приглашать туда лекторовъ, устроивать тамъ умственные праздники. Въ извѣстные, опредѣленные программой дни, двери школы отворяются въ $6^1/_2$ часовъ вечера; всѣ залы открываются для обзора дамамъ и джентльменамъ, имѣющимъ билеты. Нѣсколько членовъ общества, разсѣянныхъ по галлереямъ, любезно предлагаютъ поясненія посѣтителямъ. Нѣсколько ученыхъ, раздѣляющихъ между собою вечеръ, послѣдовательно подчуютъ своихъ гостей самыми любопытными новостями науки. Школа Королевскаго Учрежденія нѣсколько походитъ на большія публичныя школы; это экстернатъ, питаемый двумя пансіонами, изъ которыхъ одинъ содержится старшимъ учителемъ, а другой однимъ изъ преподавателей. Плата за ученіе 25 гиней (184 р.) въ годъ, а для дѣтей акціонеровъ 20 гиней (131 р.), плата за пансіонъ 105 фунтовъ (656 р.) у старшаго учителя, и 80 фунтовъ (500 р.) у преподавателя. Классовъ шесть, шестой—младшій, первый—старшій. Значеніе классическихъ занятій *увеличивается съ возрастомъ и успѣхами дѣтей*. Ученики 6-го класса занимаются только 3 часа въ недѣлю; ученики 5-го, 4-го и 3-го — шесть часовъ въ недѣлю; ученики 2-го—11 ч., а перваго—19 часовъ. Должно замѣтить, что слово *классъ* не синонимъ *года*. Ученикъ, предназначающій себя въ университетъ, можетъ оставаться въ первомъ классѣ болѣе года. Въ элементарныхъ классахъ главнымъ образомъ проходятся курсы ученія новыхъ и коммерческихъ предметовъ: исторія, географія, новые языки, чтенія и объясненія популярной науки (reading and explanations in popular science). Это очень оригинальный и полезный предметъ, котораго у себя мы нигдѣ не найдемъ; чтенія эти имѣютъ для дѣтей такое же значеніе, какъ упомянутые выше вечера для свѣтскихъ людей. Старшіе ученики слушаютъ лекціи химіи, которыя

вообще имѣютъ своимъ предметомъ мануфактурныя производства окрестныхъ мѣстъ. Вообще, планъ ученія распредѣленъ такимъ образомъ, что ученики, не имѣющіе возможности учиться продолжительное время, оставляютъ школу въ молодые годы съ запасомъ полезныхъ свѣдѣній, а желающіе поступить въ университетъ «привязываются къ древнимъ языкамъ и усвоиваютъ ихъ себѣ тѣмъ лучше, что приступаютъ къ ихъ изученію съ развитымъ умомъ». Результатъ тотъ, что не проходитъ года, чтобъ эта школа не получила блестящихъ отличій въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, стипендій, премій, первыхъ мѣстъ при экзаменѣ на степени, или не заняла почетныхъ мѣстъ въ конкурсѣ на гражданскую службу въ Индіи.

Еще лучше организована школа Лондонскаго Города, назначенная только для приходящихъ и могущая служить образцомъ для среднихъ учебныхъ заведеній; плата за ученіе 56 руб., почти такая же, какъ въ нашихъ гимназіяхъ, классы отъ 9 до 3 ч. съ получасовымъ отдыхомъ для завтрака. Обученіе начинается съ занятій скромныхъ и общеполезныхъ, потомъ возвышается въ такой постепенности, что ученіе можетъ быть закончено на каждой ступени школьной лѣстницы. Ученики, не располагающіе свободнымъ временемъ или мало способные довольствуются первыми ступенями образованія; тѣ же, у которыхъ есть время, средства или таланты, достигаютъ вершины и стоятъ на уровнѣ преподаванія оксфордскаго и кембриджскаго. Заведеніе раздѣляется на два отдѣленія — на низшую школу о четырехъ классахъ и школу высшую или классическую о шести классахъ. Въ низшей школѣ классическимъ языкамъ совсѣмъ не учатъ, въ высшей латинскій языкъ начинается съ 1-го класса, а греческій только съ 4-го. Подъ названіемъ классиковъ преподаватели читаютъ съ учениками не только Гомера и Виргилія, но и Шекспира и Мильтона. Число часовъ, употребляемыхъ въ недѣлю на классиковъ, включая сюда и англійскихъ авторовъ, въ первомъ классѣ—10½, въ двухъ слѣдующихъ по 12½, въ четвертомъ 15½, въ 5 — 13 и въ 6 — 15. Предметы преподаванія въ высшей школѣ—математика, чистописаніе, географія, исторія, французскій языкъ, бухгалтерія, латинскій и греческій, физика и химія. Химія и ея важнѣйшія примѣненія къ искусствамъ и мануфактурамъ преподается и въ низшемъ отдѣленіи. Нѣмецкій языкъ, рисованіе и вокальная музыка — предметы необязательные, преподаваемые во внѣклассные часы; причемъ добавочная плата требуется только за рисованіе. «Опытъ доказалъ, говоритъ докторъ Мортимеръ, бывшій старшій учитель этой школы, что разнообразіе предметовъ могущественнымъ образомъ возбуждаетъ дѣятельность и подвигаетъ на трудъ такихъ учениковъ, которые при другой системѣ не дѣлали бы столькихъ усилій. Многіе ученики, изъ которыхъ вышли бы развѣ посредственные латинисты, становятся превосходными математиками, физи-

ками или химиками». Гг. Деможо и Монтуччи, подробно разобравъ преподаваніе всѣхъ предметовъ въ школѣ, указавъ, что преподаваніе въ ней классическихъ языковъ, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать рутинѣ, усвоило себѣ въ извѣстной мѣрѣ лучшіе пріемы преподаванія новыхъ языковъ, дѣлаютъ такое заключеніе о ея курсѣ: «Этотъ курсъ, который можетъ продолжаться, но можетъ и заканчиваться на каждомъ шагу, вполнѣ соотвѣтствуетъ различной степени способностей и состоянія: онъ какъ бы слѣдуетъ ходу самой природы, и какъ бы воспроизводитъ въ своемъ развитіи ту величественную систему, которую Жоффруа Сентъ-Илеръ указалъ въ ряду живыхъ существъ: единство плана и различіе степеней его развитія».

Оставляя классицизмъ, мы должны обратиться къ одному явленію высокопоучительному, которое больше всего поразило французовъ, Деможо и Монтуччи, и которое насъ должно поражать еще больше, насъ, у которыхъ и въ зародышѣ нѣтъ идеи, руководящей англійскимъ обществомъ, именно, что расточать народу образованіе, значитъ навѣрное улучшать его бытъ. Но какою дорогою идти, если допустить, что грамотность сама по себѣ еще не большое благодѣяніе, что массу народа нельзя оставить при однихъ начальныхъ школахъ? Древне-англійская система не понимала возможности развить человѣка сколько-нибудь, помимо классическаго воспитанія, но въ настоящее время эта вѣра въ классицизмъ поколебалась и въ Англіи. Графъ Гарроуби, президентъ одной ассоціаціи, въ своей рѣчи при полугодовой раздачѣ наградъ, на Рождествѣ 1865 г. сказалъ весьма замѣчательныя слова по поводу системы ученія. «Возможно ли—говорилъ онъ—усвоить преподаванію, стоящему по своему курсу выше начальныхъ школъ, нѣкоторыя изъ преимуществъ классическаго ученія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма затруднителенъ, если спросить лица, занимающіяся учебнымъ дѣломъ; они принадлежатъ по большей части къ числу умовъ, сформировавшихся въ греко-латинской школѣ; они преодолѣли всѣ ея трудности и пожали плоды и удовольствія, ею представляемыя. Такимъ людямъ, когда обращаются къ нимъ съ вопросомъ по этому дѣлу, весьма трудно отдать справедливость какому-либо другому способу образованія кромѣ того, которымъ они сами пользовались; потому-то и говорятъ, что большинство выслушанныхъ коммиссіей (дѣло идетъ о коммиссіи средне-учебныхъ заведеній 1865 года) свидѣтелей склоняется на сторону исключительно классическаго курса; старыя грамматическія школы нашей страны поддерживаютъ въ этомъ направленіи потокъ общественнаго мнѣнія. Но *такое сужденіе не должно быть принимаемо за принципъ; не слѣдуетъ страшиться провѣрить его справедливость*».

Если гр. Гарроуби не могъ не сознаться въ возможности страха произносить такія еретическія сужденія относительно панацеи классическа-

го образованія, то легко себѣ представить, чѣмъ рискуетъ у насъ всякое поползновеніе «провѣрить справедливость» системы классицизма! У насъ гр. Гарроуби былъ бы обвиненъ въ злостномъ желаніи уронить Англію сравнительно съ другими европейскими странами, понизить уровень англійской образованности, а затѣмъ переходъ къ обвиненію въ измѣнѣ и подпольной интригѣ—совершился бы самъ собою. Но послушаемъ далѣе англійскаго графа. Онъ указалъ своимъ слушателямъ на то, что со времени безусловнаго господства классицизма глубоко измѣнились общественныя отношенія и условія: теперь нѣтъ того, что было въ силѣ два, три столѣтія тому назадъ, и наоборотъ, многое изъ того, что тогда вовсе и не существовало, теперь пріобрѣло силу и значеніе: развитіе блестящихъ литературъ, бывшихъ тогда еще въ дѣтствѣ, колоссальное обогащеніе положительныхъ наукъ, громадные успѣхи промышленности—все это «лишило греческій и латинскій языки ихъ привилегіи служить необходимыми орудіями сношеній». «Послѣ такихъ перемѣнъ—восклицаетъ гр. Гарроуби—въ состояніи общества, для чего настаивать на томъ, чтобы образованіе осталось безъ измѣненій? Зачѣмъ налагать на все населеніе, стоящее выше рабочихъ классовъ, обязательство пробиваться по тернистымъ тропамъ греческаго и латинскаго спряженій, вмѣсто того, чтобы позволить ему пользоваться богатыми сокровищами науки и воображенія, которыя оно можетъ найти въ своемъ языкѣ? Почему не попытаться посредствомъ родной рѣчи развить его мозгъ, его умъ, его нравственность? Я не желалъ бы, чтобы слова мои были истолкованы въ видѣ усилія подорвать изученіе древнихъ языковъ (видно, что ораторъ опасался и въ Англіи встрѣтить гг. Катковыхъ etc.). Они, нѣтъ сомнѣнія, представляютъ драгоцѣнныя преимущества; но преимущества эти относительныя и стоятъ въ зависимости отъ личностей и классовъ общества, а потому не слѣдуетъ превращать ихъ въ недостатки, налагая ихъ безразлично на всѣхъ». Эти слова сопровождались рукоплесканіями собравшейся публики.

Въ Англіи впрочемъ не любятъ ограничиваться преніями о теоріяхъ, системахъ и т. п. Англичане вездѣ ищутъ практическаго выхода, и потому для поднятія уровня народнаго образованія тамъ начали устраиваться въ послѣднія десятилѣтія *курсы для взрослыхъ*, особенно распространившіеся въ сѣверозападныхъ промышленныхъ округахъ Великобританіи. Эти курсы обратили на себя особенное вниманіе Деможо и Монтуччи; понятія о ихъ устройствѣ и развитіи еще болѣе любопытны для Россіи, нежели во Франціи, а потому мы позволимъ себѣ извлечь изъ отчета цѣликомъ ту главу, гдѣ говорится о курсахъ для взрослыхъ.

«Мы не можемъ разстаться—говоритъ отчетъ—съ группой коммерческихъ и мануфактурныхъ городовъ сѣверозапада, не бросивъ бѣг-

лаго взгляда на ту отрасль обученія, которая возбуждаетъ теперь во Франціи столь живой интересъ, и которая получила тамъ въ недавнее время столь быстрое развитіе; мы разумѣемъ курсы для взрослыхъ, курсы, назначенные для рабочихъ классовъ. Эта глава, къ которой привлекаютъ насъ всѣ наши симпатіи, не будетъ даже для насъ отступленіемъ отъ предмета. Курсы для взрослыхъ приняли теперь, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на западѣ Великобританіи, такое развитіе, что составляютъ существенную часть въ общемъ составѣ средняго образованія.

«Въ эпоху своего учрежденія, около 1825 года, институты для рабочихъ (*mechanics' institutes*) почти нигдѣ не имѣли успѣха по причинѣ неспособности слушателей, слишкомъ мало подготовленныхъ. Но для англичанъ неуспѣхъ вѣрной идеи представляетъ собою первую ступень ея успѣха. Въ ихъ характерѣ есть та дѣятельная терпѣливость, та разумная настойчивость, которая наконецъ преодолѣваетъ всѣ препятствія уже потому только, что переживаетъ ихъ. Начальныя школы для дѣтей явились какъ естественное средство для преодолѣнія препятствій; а время — союзникомъ лицъ, трудившихся на этомъ поприщѣ. И теперь школы для взрослыхъ, даже высшія, могутъ найти и находятъ себѣ слушателей.

«Здѣсь, какъ и въ другихъ отрасляхъ обученія, государственная власть остается совершенно въ сторонѣ: все дѣлается свободной ассоціаціей частныхъ лицъ. Вотъ какимъ образомъ обыкновенно ведется дѣло: нѣсколько лицъ изъ богатаго класса, большею частію купцы или фабриканты, открываютъ подписку на покрытіе первоначальныхъ издержекъ учрежденія, въ опредѣленной мѣстности, *института*. Они составляютъ мѣстное бюро, входящее въ сношеніе съ другими учрежденіями, направленными къ той же цѣли. Рабочіе, желающіе учиться, взносятъ плату, довольно низкую, чтобы не превысить ихъ средствъ, но и настолько высокую, чтобы не оскорбить ихъ личнаго достоинства, и даже достаточную для полнаго содержанія учрежденія, въ томъ случаѣ, если оно пользуется успѣхомъ. Уроки имѣютъ мѣсто по вечерамъ, отъ 8 до 10 часовъ. Учителя почти всѣ получаютъ плату; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ учатъ безплатно. Ассоціація управляется совѣтомъ, избираемымъ и обновляемымъ общимъ собраніемъ подписчиковъ, которому совѣтъ представляетъ ежегодно свой отчетъ. Насчитываютъ до *тысячи шестисотъ институтовъ*, дѣйствующихъ теперь въ Англіи.

«Добровольная организація идетъ далѣе: нѣсколько институтовъ группируются около центральнаго и составляютъ округъ (*district*), простирающійся на двѣ мили въ окружности. Каждый институтъ имѣетъ свой составъ преподавателей; но по нѣкоторымъ спеціальнымъ пред-

метамъ, одинъ и тотъ же учитель послѣдовательно читаетъ лекціи въ различныхъ институтахъ округа.

«Наконецъ нѣсколько округовъ соединяются иногда въ болѣе обширное цѣлое, называемое *союзомъ* (*union*) и управляемое депутатами отъ округовъ, которые устраиваютъ годичныя собранія поочередно въ главныхъ городахъ союза. Такимъ образомъ существуютъ: *Союзъ ремесленныхъ школъ для Іоркшира*, обнимающій сто двадцать институтовъ; *Союзъ институтовъ Ворчестершира*, заключающій двадцать шесть институтовъ и десять вечернихъ школъ; *Ассоціація метрополіи для обученія взрослыхъ*, имѣющая сорокъ девять институтовъ и т. д.

«Сѣверозападныя графства, о которыхъ главнымъ образомъ здѣсь говорится, образуютъ *Союзъ институтовъ Ланкашира и Чешира*, резиденція котораго была въ 1865 году въ Ливерпулѣ, а въ 1866 г. въ Манчестерѣ.

«Самые почтенные государственные люди Англіи не гнушаются записываться во главѣ этихъ ассоціацій. Союзъ Ланкашира и Чешира имѣетъ своимъ покровителемъ принца Вэльскаго, своимъ президентомъ г. Бэзлея (*Th. Bazley*), вице-президентами г. Гладстона и до шестидесяти другихъ членовъ парламента и значительныхъ лицъ обоихъ графствъ.

«Въ августѣ 1866 года, въ составѣ сѣверозападнаго Союза было сто восемнадцать институтовъ; число ихъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ; за истекшій годъ присоединились къ Союзу тридцать пять новыхъ институтовъ. Не всѣ эти институты одинаково дѣятельны: изъ ста восемнадцати было двадцать-три такихъ, которые по различнымъ причинамъ не достигали въ прошломъ году своей главной цѣли, не устроивъ у себя вечернихъ уроковъ.

«Въ семидесяти изъ этихъ институтовъ считалось въ 1865 году 20,176 человѣкъ: мужчинъ 19,184, женщинъ 1,992.

«Доходъ шестидесяти четырехъ изъ нихъ составлялъ 21,529 фунтовъ 16 ш. $1^1/_2$ п. (134,561 р. $28^3/_4$ к.).

«Въ библіотекахъ шестидесяти пяти институтовъ имѣлось 116,541 томъ.

«Ими выдано для чтенія въ теченіе года 245,956 книгъ. Кромѣ того подвижныя библіотеки, коллекціи художественныхъ предметовъ переходятъ изъ одного института въ другой и увеличиваютъ число пособій, не увеличивая въ значительной мѣрѣ издержекъ.

«Число членовъ, посѣщавшихъ вечерніе уроки, доходило въ пятидесяти-девяти институтахъ до 6,840.

«Въ двадцати трехъ институтахъ устроены были вечерніе курсы для женщинъ. Ассоціація сѣтуетъ на то, что число это незначительно, и заботится объ увеличеніи его.

«Предметы преподаванія, какъ и слѣдовало ожидать, весьма раз-

нообразны, въ зависимости отъ потребностей и средствъ различныхъ мѣстностей. Нѣкоторые институты ограничиваются начальнымъ обученіемъ: изъ нихъ въ трехъ преподаютъ только чтеніе, письмо и ариѳметику, въ восьми или десяти присоединяютъ къ этому грамматику, исторію Англіи и географію. Бо́льшая же часть институтовъ даетъ своимъ курсамъ болѣе широкое развитіе, прибавляя къ предъидущимъ предметамъ бухгалтерію, политическую экономію, рисованіе, музыку, а иногда и одинъ изъ новыхъ языковъ. Всѣ тѣ, въ которыхъ устроены классы для женщинъ, обучаютъ ихъ рукодѣлью. Нѣкоторые институты, какъ напримѣръ ливерпульскій, манчестерскій и т. д., даютъ весьма полное среднее образованіе; они, кромѣ вышепоименованныхъ классовъ, имѣютъ курсы французскаго, нѣмецкаго, испанскаго языковъ, различныхъ частей математики, химіи, физики, ботаники, геологіи, физіологіи; а двадцать три института изъ принадлежащихъ къ Союзу двухъ графствъ имѣютъ такой курсъ наукъ, который можетъ подготовить къ правительственнымъ экзаменамъ для рабочихъ классовъ *(science and art department)*, о которыхъ сейчасъ будетъ говорено. Мы насчитали даже три такихъ, въ которыхъ преподается для *нѣкоторыхъ* учениковъ латинскій языкъ [1]).

«Инспекторъ, получающій плату отъ Союза, визитируетъ различные институты, самъ даетъ уроки, совѣщается съ директорами и представляетъ ежегодно отчетъ собранію депутатовъ.

«И тутъ, какъ и въ описанныхъ нами школахъ для юношества, главная пружина, возбуждающая дѣятельность учениковъ и учителей, заключается въ экзаменахъ съ связанными съ ними отличіями, почетными и прибыльными. Три рода экзаменовъ, всѣ для учениковъ необязательные, возбуждаютъ ежегодно ихъ честолюбіе.

«Первый экзаменъ называется *экзаменомъ элементарнымъ;* онъ производится мѣстнымъ бюро *(local board)* изъ ариѳметики и изъ одного изъ слѣдующихъ предметовъ: священнаго писанія, исторіи или географіи Англіи. Съ этими свѣдѣніями кандидаты должны соединять хорошій почеркъ, удовлетворительную орѳографію и приличное чтеніе. Женщины, являющіяся на это испытаніе, замѣняютъ необязательный предметъ шитьемъ, исполняемымъ во время засѣданія.

«Элементарный экзаменъ дѣлится на двѣ степени, требованія которыхъ отличаются только по трудности вопросовъ. Согласно съ тѣмъ и выдаваемыя свидѣтельства бываютъ двухъ степеней.

«Кандидатамъ, одобреннымъ на экзаменѣ и получившимъ наибольшее число балловъ или по каждому предмету въ отдѣльности, или

---

[1]) Въ классической Англіи нашлось только три школы, гдѣ, и то для нѣкоторыхъ, преподается латинскій языкъ. Мы указывали не разъ какъ смотрятъ на это же дѣло въ нашихъ школахъ. — *Ред.*

по совокупности ихъ, выдаются преміи. Низшей степени присвоены преміи въ 1 фунтъ стерлинговъ (6 р. 25); высшей степени въ 2 фунта (12 р. 50 к.).

«Второй родъ экзаменовъ, болѣе трудныхъ чѣмъ предъидущіе, составляютъ экзамены Общества распространенія просвѣщенія. Они дѣлятся также на два разряда: приготовительный экзаменъ, производимый мѣстнымъ бюро; отъ этого экзамена освобождаются представляющіе вышеупомянутыя свидѣтельства въ выдержаніи элементарнаго экзамена на высшую степень; и экзаменъ окончательный, по вопросамъ присланнымъ изъ Лондона экзаменаторами упомянутаго общества. Этотъ экзаменъ, по англійскому обычаю, исключительно письменный и производится въ каждой мѣстности подъ наблюденіемъ мѣстнаго бюро. Письменные отвѣты отсылаются въ главное мѣстопребываніе общества *(Adelphi)*, гдѣ и производится имъ оцѣнка.

«На окончательномъ экзаменѣ можно предъявлять: ариѳметику, бухгалтерію, алгебру, геометрію, геодезію, тригонометрію, навигацію, механику, физику, химію, естественныя науки, металлургію, домашнее хозяйство, политическую экономію, географію, исторію Англіи, англійскую литературу, логику, французскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій языки, рисованіе, и наконецъ теорію музыки. Женщины могутъ сверхъ того экзаменоваться въ наукѣ *ухода за малыми дѣтьми, больными и т. д.*

«Въ виду такого энциклопедическаго списка необходимо вспомнить, что кандидаты избираютъ изъ него одинъ или два предмета, по желанію, и что экзаменаторы, число которыхъ соотвѣтствуетъ числу предметовъ, суть только корректоры ограниченнаго числа письменныхъ отвѣтовъ.

«Послѣдствія экзамена таковы: 1) кандидаты раздѣляются на четыре класса, изъ коихъ послѣдній не считается выдержавшимъ экзамена, а первые три получаютъ свидѣтельства перваго, второго или третьяго классовъ; 2) наиболѣе отличившимся изъ перваго класса выдаются преміи; высшія преміи бываютъ въ 5 фунтовъ (31 р. 25 к.), вторыя въ 3 фунта (25 р.).

«*Премія Принца-Супруга*, которую королева продолжаетъ выдавать, состоитъ изъ 25 гиней (164 р. 6¼ к.); это своего рода премія за особое отличіе: она выдается ученику, который получилъ въ текущемъ году свидѣтельство перваго класса и имѣетъ за этотъ же и за три предыдущіе года *наибольшее число свидѣтельствъ того же класса.* Такимъ образомъ разумно поощряется и прилежаніе учениковъ и непрерывность ихъ усилій. Эта премія въ 1865 году была присуждена конторщику, ученику Борнлейскаго института *(Burnley mechanics' institute)*, получившему слѣдующія отличія: въ 1862 году свидѣтельство перваго разряда по ариѳметикѣ, по исторіи Англіи свидѣтельство пер-

ваго разряда и вторую премію: въ 1863 году по бухгалтеріи свидѣтельство перваго разряда; въ 1864 году по алгебрѣ свидѣтельство перваго класса и первую премію; по геодезіи свидѣтельство перваго класса и вторую премію; по химіи свидѣтельство перваго класса и вторую премію; наконецъ, въ 1865 году, по музыкѣ свидѣтельство перваго класса съ первой преміей; по физіологіи животныхъ свидѣтельство перваго класса съ первой преміей. Легко понять, какое соревнованіе должны возбуждать подобныя награды, какъ въ средѣ работниковъ, такъ и между институтами, ихъ обучающими.

«Союзъ Ланкашира и Чешира получилъ, въ 1865 году, отъ общества распространенія просвѣщенія 56 свидѣтельствъ перваго, 100 свидѣтельствъ второго, 124 свидѣтельства третьяго класса: всего 280 свидѣтельствъ.

«Кромѣ экзаменовъ *элементарныхъ* и *Общества распространенія просвѣщенія*, институты, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ (двадцать три въ ланкаширскомъ и чеширскомъ союзѣ), подготовляютъ учениковъ и къ экзаменамъ, установленнымъ правительствомъ и состоящимъ въ завѣдываніи его.

«Англійскій парламентъ ежегодно назначаетъ нѣкоторую сумму для поощренія научнаго образованія.

«Эта сумма находится въ распоряженіи комитета департамента народнаго просвѣщенія *(education department)*, называемаго «отдѣленіемъ наукъ и искусствъ» *(science and art department)*, состоящаго подъ начальствомъ министра-президента тайнаго совѣта, и засѣдающаго въ Кенсингтонѣ.

«Означенная сумма назначается для поощренія образованія рабочихъ классовъ въ наукахъ и искусствахъ. Главная мѣра, принятая отдѣленіемъ наукъ, заключается въ присужденіи премій не только ученикамъ-рабочимъ, выдерживающимъ экзаменъ, но и тѣмъ, имѣющимъ патентъ на преподаваніе наставникамъ, которые ихъ обучали. Предметы и порядокъ экзамена отдѣленія наукъ почти одинаковы съ экзаменами Общества распространенія просвѣщенія; но только кандидаты, выдержавшіе экзаменъ, дѣлятся, вмѣсто трехъ, на пять классовъ. Всякій учитель, имѣющій оффиціальный дипломъ, получаетъ по 1 фунту за каждаго принадлежащаго къ рабочему классу ученика, выдержавшаго экзаменъ по одному предмету; 2 фунта за ученика, зачисленнаго въ четвертый классъ; 3, 4 и 5 фунтовъ за каждаго ученика, зачисленнаго соотвѣтственно въ третій, второй и первый классы; при этомъ ставится единственнымъ условіемъ, чтобы учитель доказалъ, что онъ выдержавшему экзаменъ ученику, со времени послѣдней сессіи экзаменовъ, далъ двадцать пять уроковъ, каждый по меньшей мѣрѣ въ $^3/_4$ часа, изъ того предмета, въ которомъ ученикъ оказалъ удовлетворительные успѣхи.

«Съ своей стороны ученики, кромѣ свидѣтельствъ, получаютъ золотыя, серебряныя и бронзовыя медали, книги или инструменты, ими самими избираемые изъ списка, и наконецъ стипендіи въ королевскомъ Горномъ Институтѣ.

«Союзъ двухъ графствъ, въ 1865 году, получилъ отъ отдѣленія наукъ 46 свидѣтельствъ перваго класса, 118 свидѣтельствъ второго класса, 212 свидѣтельствъ третьяго класса, 226 свидѣтельствъ четвертаго и 251 свидѣтельство пятаго классовъ; всего 853 свидѣтельства.

«Отдѣленіе искусствъ» (*art department*) подобными же мѣрами поощряетъ изученіе пластическихъ искусствъ въ средѣ рабочаго класса Великобританіи. Можно предвидѣть, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этихъ усилій будетъ существенное обновленіе во вкусѣ и произведеніяхъ британской промышленности. Научное развитіе рабочихъ сдѣлаетъ не меньшіе успѣхи; *среднимъ и даже высшимъ классамъ общества придется помыслить о томъ, какимъ бы образомъ удержать свое мѣсто по образованію.*»

И это говорятъ французы о своихъ среднемъ и высшемъ классахъ, которыхъ образованіе построено главнымъ образомъ на системѣ классическихъ языковъ! И этимъ-то классамъ предстоитъ опасность уступить первенство по образованію простымъ англійскимъ рабочимъ! Какова же послѣ этого должна быть опасность для нашего средняго и высшаго классовъ?! Присутствуя на урокахъ химіи и физіологіи въ Манчестерскомъ институтѣ, самомъ цвѣтущемъ и самомъ замѣчательномъ по успѣхамъ учениковъ изъ всѣхъ институтовъ сѣверозападнаго союза, наши французы-классики замѣчаютъ: «Лекціи эти навели насъ на мысль, что не одинъ эллинистъ Итона могъ бы позавидовать урокамъ, которыми пользуются манчестерскіе рабочіе». Платя 5 шиллинговъ (1 р. 50 к.) за три мѣсяца, рабочій имѣетъ право на посѣщеніе 11 курсовъ, обнимающихъ предметы высшаго начальнаго обученія. За нѣсколько добавочныхъ шиллинговъ, онъ можетъ избирать еще изъ 14 курсовъ, въ числѣ которыхъ есть курсы новыхъ языковъ, естественныхъ наукъ и т. п. Кромѣ того, они пользуются еще другими преимуществами: библіотека въ 14,500 томовъ выдаетъ имъ книги; превосходный кабинетъ для чтенія предлагаетъ всѣ газеты манчестерскія, лондонскія и провинціальныя, а также и главные журналы. Институтъ имѣетъ также гимнастику, фехтовальную залу, бильярдную, шахматный клубъ, большой танцовальный залъ, въ которомъ царитъ учитель-французъ; приманкой приличныхъ увеселеній стараются привлечь тѣхъ работниковъ, для привлеченія которыхъ недостаточно одной науки. Ежегодно, во время вакацій, устроиваются различныя увеселительныя экскурсіи для посѣщенія окрестностей. Не обходится безъ того, чтобъ какой-нибудь мѣстный владѣлецъ не предложилъ на эти дни своего парка и нѣсколькихъ комнатъ своего замка. Особенно важно то, что

основатели института стараются поднять рабочихъ на степень независимыхъ людей. Ихъ постепенно приводятъ сначала къ уплатѣ за ихъ обученіе, потомъ къ управленію своимъ обществомъ, и наконецъ они становятся собственниками и хозяевами своего учрежденія. До какой степени развито стремленіе къ образованію въ сѣверозападныхъ графствахъ наглядным примѣромъ можетъ служить городъ Лидсъ, въ которомъ всего 180,000 жит. и въ которомъ было въ 1851 году—371 школа съ 21,834 учениками.

Хотите имѣть понятіе объ успѣхахъ учениковъ, напримѣръ, манчестерской школы? Мы можемъ представить образчикъ тому изумительный въ самомъ дѣлѣ, и особенно изумительный для русской публики. По словамъ того же отчета, «эта школа представляетъ собою экстернатъ для коммерческаго преподаванія, въ которомъ учатъ латинскому языку только въ видѣ исключенія. Ученики платятъ по 2 ф. 18 ш. (21 р. 25 к.) въ годъ, и число ихъ около двухъ сотъ. Блестящіе успѣхи ученія вполнѣ отвѣчаютъ солидности преподаванія: въ прошломъ году школа представила десять учениковъ на мѣстные экзамены Оксфордскаго университета, несмотря на относительно высокую таксу расходовъ по экзамену: изъ этого числа одинъ его не выдержалъ; трое были признаны достойными диплома высшаго разряда, а шестеро диплома, присуждаемаго младшимъ».

Если бы наши реальныя школы и вывели бы отличныхъ учениковъ, то имъ нельзя было бы держать экзамена въ университетахъ, потому что необходимо для того держать предварительно пріемный экзаменъ, и слѣдовательно искуситься въ латинскихъ и греческихъ склоненіяхъ.

Кончимъ пожеланіемъ, чтобы у насъ со временемъ уразумѣли необходимость вполнѣ слѣдовать за примѣромъ Англіи въ дѣлѣ народнаго образованія; но наши противники останавливаются на Англіи чуть не временъ Вильгельма Молчаливаго, между тѣмъ какъ мы указываемъ на современную, могущественную и образованную Англію, понявшею новыя требованія времени и новыя условія общественной жизни.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА.

Les origines d'une dynastie. Le coup d'Etat de brumaire, an VIII. Etude historique par Paschal Grousset, Paris. 1869.

При чтеніи этой книги никакъ нельзя отдѣлить личности автора ея отъ личности журналиста, извѣстной впрочемъ репутаціи. Книга въ томъ, что касается главнаго ея предмета—катастрофы 18-го брюмера, составлена старательно; авторъ далъ себѣ трудъ провѣрить событіе

по подлиннымъ документамъ—протоколамъ собраній, приказамъ, прокламаціямъ и современнымъ газетамъ, съ цѣлью очистить посягательство перваго Наполеона на свободу отъ всякихъ «облегчающихъ обстоятельствъ», придуманныхъ виновниками и впослѣдствіи подтвержденныхъ панегиристами императора, выставить этотъ фактъ во всей наготѣ его отвратительнаго насилія, и еслибы Паскаль Груссе́ ограничился однимъ этимъ, явился бы только историкомъ 18-го брюмера, то книга его производила бы болѣе впечатлѣнія, чѣмъ она способна произвесть теперь. Гораздо раньше, чѣмъ вы дойдете до исторіи 18-го брюмера, съ первыхъ же страницъ, вы встрѣчаетесь не съ историкомъ, а съ прокуроромъ. Этотъ прокуроръ не хочетъ знать никакихъ резоновъ въ защиту обвиняемаго и въ обвиненіе его обращаетъ все, что попало—и анекдоты, и простыя свои догадки, произвольныя толкованія тамъ, гдѣ недостаточно положительныхъ фактовъ, и вмѣняетъ обвиняемому въ вину всѣ свойства и качества, какія въ немъ находитъ: и славу, и фальшивость этой славы, и національность, и малый ростъ, и некрасивыя черты лица, такъ что, пока вы дойдете до настоящаго предмета книги, до серьезной критики происшествій 18-го брюмера, вы привыкли къ мысли, что передъ вами—не исторія, а обвинительный актъ, и критическая потребность вашего ума побуждаетъ васъ невольно взяться за роль защитника, въ виду этого неразборчиваго прокурора. Такимъ образомъ, Паскаль Груссе́—журналистъ повредилъ успѣху Паскаля Груссе-историка не въ «Марсельезѣ [1])», а въ самой предлежащей книгѣ, гдѣ историка давитъ памфлетистъ.

Первая половина книги Груссе́ имѣетъ мало цѣны. Она составлена по источникамъ общеизвѣстнымъ, какъ напр. обнародованная переписка Наполеона, и отчасти не вполнѣ достовѣрнымъ, какъ напр. мемуары г-жи д'Абрантесъ. Вся эта часть написана не по документамъ и представляетъ просто біографію Наполеона съ точки зрѣнія Груссе́, а не біографію по новымъ изслѣдованіямъ. Но такъ какъ эта первая часть обнимаетъ большую половину всей книги, то мы можемъ оставить ее въ сторонѣ, и посмотримъ какъ Груссе́ понимаетъ исторію.

Первый полемическій пріемъ автора состоитъ въ томъ, что онъ пишетъ всегда не «Бонапартъ», а «Буонапарте»; второй въ томъ, что въ началѣ книги онъ называетъ своего героя (или обвиненнаго) не Наполеономъ, а Набуліоне. О цѣнности этихъ пріемовъ говорить незачѣмъ; преступленіе перваго императора нисколько не уменьшается,

---

[1]) Груссе́ довелъ ребячество до того, что въ одномъ мѣстѣ книги, вѣроятно желая усилить эффектъ разсказа, напечаталъ цѣликомъ «марсельезу», не статью изъ газеты этого имени, а самую пѣсню, которую всѣ знаютъ наизустъ! При этомъ онъ пропустилъ только ту строфу, въ которой поется о пощадѣ менѣе виновнымъ: Français en guerriers magnanimes»... и т. д.!

если называть его Наполеономъ, и не дѣлается отвратительнѣе оттого собственно, что совершилъ его «Набуліоне Буонапарте». Что касается французскаго національнаго самолюбія, то и оно немного выигрываетъ при этомъ: если ему и можетъ быть пріятно вспомнить, что такое преступленіе совершено не французомъ, а инородцемъ, то ему же должно быть и непріятно, что инородецъ могъ до такой степени покорить своей грубой волѣ всѣ французскія свѣтила.

Дальнѣйшій пріемъ представляется въ отрицаніи у «Набуліона» всякихъ возвышенныхъ свойствъ, ума, таланта, красоты, благородства, не говоря уже о патріотизмѣ; такъ что неоспоримые тѣмъ не менѣе успѣхи этой некрасивой корсиканской посредственности во Франціи представляются дѣломъ одной рекламы и подличанья. Но изъ этого само собою истекаетъ заключеніе, какого не предвидѣлъ авторъ: если такой жалкій человѣкъ такими жалкими средствами могъ завладѣть Франціею и распоряжаться ею затѣмъ по произволу, то какъ же жалка была сама Франція, и именно въ то республиканское время, котораго авторъ является апологистомъ?

Приведемъ образчикъ анекдотовъ, «возобновляемыхъ» Паскалемъ Груссé въ исторіи. Набуліоне произведенъ въ офицеры и очень спѣсивится этимъ; некрасивый, малорослый, d'intelligence moyenne, онъ покупаетъ себѣ огромные, несоотвѣтствующіе его личной незначительности ботфорты и въ нихъ является въ домъ къ родителямъ г-жи Абрантесъ. Она и сестра ея, молодыя дѣвушки, не могутъ удержаться отъ смѣха. Набуліоне обижается и говоритъ сестрѣ г-жи Абрантесъ: «видно, что вы только что изъ пансіона»; а она отвѣчаетъ ему: «а вы—просто котъ въ сапогахъ». Само собою разумѣется, что Набуліоне, даже ставъ первымъ консуломъ, все еще не возвысился надъ уровнемъ этихъ сапогъ, такъ что достаточно было, при случаѣ, намекнуть о chat botté и первый консулъ тотчасъ прекращалъ свои насмѣшки надъ кѣмъ-либо. При разсказѣ объ участіи Наполеона въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Сардиніи, авторъ обращаетъ въ вину поручику Буонапарту неудачу экспедиціи, въ которой онъ участвовалъ. Но когда идетъ дѣло о Тулонѣ, объ Арколѣ, Риволи, Аустерлицѣ, то авторъ нисколько не вмѣняетъ этихъ побѣдъ въ заслугу генералу Бонапарту. «Въ Тулонѣ—говоритъ онъ—побѣдителемъ былъ не Картò, не Доппѣ, не Дюгоммьé, не Лапуапъ или Викторъ, и въ особенности—не Набуліоне Буонапарте, неизвѣстный офицеръ, муха на козлахъ, при этомъ страшномъ столкновеніи: побѣдителемъ былъ—народъ, и *главою* всѣ». «Да и въ Тулонѣ ли только — прибавляетъ онъ въ выноскѣ: а при Монтенотте, Миллезимо, Арколѣ, Риволи, Аустерлицѣ, развѣ не тоже самое? Порывъ былъ такъ силенъ, что дѣйствіе его продолжается до Эйлау. Народъ несется силою пріобрѣтеннаго движенія, которое требуетъ исхода. Буонапарте несетъ эта волна, и когда на этомъ морѣ

прекращаются остатки бури, онъ—тонетъ». Все это прекрасно и въ извѣстномъ смыслѣ справедливо. Само собою разумѣется, что не герои создаютъ силу, они только употребляютъ ее; но все это ровно ничего не доказываетъ противъ военнаго генія Наполеона и не умаляетъ его военной славы, то-есть не достигаетъ той именно цѣли, съ которой это сказано. Интересно бы знать, отчего та самая волна въ Италіи отступала передъ Суворовымъ, и отчего «народъ» не оказался побѣдителемъ этого генерала?

Побѣды Бонапарта въ Италіи, конечно, не выкупаютъ его насилій, контрибуцій и т. д. Величіе завоевателя и нравственное величіе — двѣ вещи совершенно разныя. Но если, какъ дѣлаетъ авторъ, мы откажемся хотя словомъ признать величіе Наполеона, какъ завоевателя, потому что намъ оно заслоняется картиною совершенныхъ имъ насилій, то съ какой же стати мы будемъ ставить генералу Бонапарту въ вину самое отсутствіе этого, непризнаваемаго нами величія, прежде, когда онъ былъ лишенъ командованія, являлся въ Парижѣ просителемъ и жилъ въ бѣдности? А Груссé поступаетъ именно такъ, и съ ребяческимъ самодовольствомъ разсказываетъ, какъ Буонапарте «шлялся по переднимъ», ѣлъ за табль-д'отомъ въ Пале-Роялѣ, и положивъ деньги на выручку, уходилъ незамѣтно, избѣгая разговоровъ? «Въ эту пору своей жизни Наполеонъ былъ не красивъ... Онъ такъ мало заботился о своей внѣшности, что худо причесанные, худо напудренные волосы давали ему видъ непріятный... Вотъ онъ пробирается неловкимъ и нетвердымъ шагомъ, въ 1795 году, во дворъ отеля de la Tranquillité, въ плохой круглой шляпѣ, надвинутой на глаза, изъ-подъ которой спадаютъ двѣ пряди худо напудренныхъ волосъ на сюртукъ его, желѣзно-сѣраго цвѣта... Онъ безъ перчатокъ, потому что, говаривалъ онъ, это напрасный расходъ; сапоги его дурно сшиты, плохо вычищены, да и весь онъ смотритъ болѣзненнымъ, худой, желтый»... Если сообразить, что этотъ бѣдняга командовалъ артиллеріею при взятіи Тулона, и потомъ артиллеріею въ первой итальянской кампаніи, въ которой онъ участвовалъ, то картина производитъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, для котораго она написана.

Пристрастіе Груссé такъ мелочно, что оно доводитъ его до смѣшного: когда двадцати-трехлѣтній капитанъ Бонапартъ въ 1792 году отправился въ Парижъ безъ формальнаго отпуска, то авторъ не видитъ въ этомъ никакого сочувствія къ революціонному духу, торжествовавшему въ Парижѣ: «наступило 10-го августа, побѣдилъ народъ; рѣшено, онъ (Бонапартъ) будетъ другомъ народа». Мало того, за неправильность отпуска, авторъ даже прямо клеймитъ Бонапарта названіемъ «капитанъ-дезертиръ». Между тѣмъ, тотъ же авторъ, двумя страницами раньше, придаетъ значеніе тому факту, что подпоручикъ Бонапартъ, въ 1789 году, участвовалъ съ отрядомъ

своего полка въ усмиреніи безпорядковъ въ Сёррѣ, и удивляется, какъ одинъ историкъ разсказываетъ совершенно-просто, «безъ взрыва негодованія», фактъ, что вечеромъ того же дня подпоручикъ Бонапартъ былъ въ гостяхъ и *танцовалъ*. Если поѣздка въ центръ революціи въ 1792 году, безъ правильнаго отпуска, была «дезертирствомъ», то чѣмъ же былъ бы отказъ подпоручика Бонапарта, въ 1789 году, идти съ полкомъ противъ бунтовщиковъ?

Оцѣнка Паскалемъ Груссе Наполеона въ итальянскую кампанію IV года республики, въ ряду побѣдъ, одержанныхъ съ истощенной и оборванной арміей, заключается въ слѣдующихъ словахъ автора: «Представьте себѣ всю эту кровь, всѣ эти ужасы (т.-е. ужасы сраженій) и справьтесь о результатахъ; тогда Буонапартъ представится вамъ тѣмъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ, то-есть ничѣмъ болѣе, какъ чудовищнымъ пуфистомъ, шарлатаномъ, который громомъ пушекъ сзываетъ толпу и изъ смерти дѣлаетъ для себя—рекламу». Затѣмъ рядъ побѣдъ описывается какъ реклама, слава побѣдителя приписывается газетамъ: «Буонапарте удивителенъ при Лонато, Буонапарте несравненъ при Кастильоне, Буонапарте удивителенъ при Леньяно, Арколѣ, Риволи, Буонапарте перешелъ юлійскіе Альпы; Буонапарте идетъ на Вѣну; Буонапарте побѣдилъ при Тальяменто. Буонапарте «принуждаетъ» Австрію къ «унизительному» миру (а развѣ онъ не принудилъ?); Буонапарте «съумѣлъ остановиться среди своихъ побѣдъ». Буонапарте болѣе чѣмъ завоеватель, онъ еще миротворецъ. Онъ-же—«посредникъ» между народами. Онъ же «основатель» конституціи. Буонапарте ученъ, благоразуменъ, человѣколюбивъ, непреклоненъ, добродѣтеленъ, воздержанъ, безкорыстенъ. Это — человѣкъ, «вылитый изъ бронзы», плутарховъ герой, это — богъ». Вотъ что кричитъ втеченіи двадцати мѣсяцевъ Франціи, каждое утро, своею сотнею тысячъ голосовъ пресса. И Франція слушаетъ со вниманіемъ, и вѣритъ всему этому, такъ какъ Альпы закрываютъ отъ нея правду». Пусть Альпы «закрывали правду» относительно мнимыхъ добродѣтелей Наполеона, но Альпы не могли имѣть никакого вліянія на то, что Буонапарте дѣйствительно побѣдилъ при Тальяменто и во многихъ другихъ мѣстахъ, т.-е. вездѣ. Что Наполеонъ былъ «удивителенъ при Арколѣ и Риволи» и «несравненъ при Кастильоне»—въ этомъ Альпы тоже неповинны. Что «Буонапарте идетъ на Вѣну», а впослѣдствіи и вступитъ въ Вѣну—это никакъ не реклама и не пуфъ.

Допуская въ историческомъ очеркѣ намѣреніе чисто-субъективное, полемическое по отношенію къ событіямъ и дѣятелямъ исторіи, нельзя все-таки не замѣтить, что при такомъ пріемѣ часто оправдывается пословица — qui prouve trop ne prouve rien. Пусть доказываютъ, что Наполеонъ былъ не что иное, какъ воплощенное насиліе; но если при этомъ станутъ еще доказывать, что онъ былъ—ничтожество, про-

дуктъ рекламы и пуфа, то это будетъ нелѣпо и наброситъ тѣнь несерьёзности и на всѣ остальные тезисы демонстраціи. Въ наше время уже не производитъ впечатлѣнія провозглашеніе кому-либо полной анаѳемы: in anima et corpore, in ossibus, et oculis etc. anathema sit. Одно дѣло — Наполеонъ преступникъ, и другое — Наполеонъ геній, и писатель, который будетъ стремиться отрицать геній въ наказаніе за преступленіе, не будетъ имѣть серьёзнаго значенія, какъ бы старательно онъ ни изучилъ факты.

Но перейдемъ ко второй половинѣ книги Груссе, къ исторіи 18-го брюмера. Когда Бонапартъ возвратился изъ Египта, членами Директоріи были Баррасъ, Сіэйесъ, Рожѐ-Дюкò, Гойѐ и Муленъ. По конституціи III года, Директорія избиралась законодательною властью, на шесть лѣтъ, такъ что ежегодно долженъ былъ избираться вновь одинъ изъ директоровъ. Власть законодательная принадлежала двумъ совѣтамъ, исходившимъ изъ всенароднаго избранія: Совѣту Старѣйшинъ (Conseil des anciens — 250 членовъ, не моложе 40 лѣтъ) и Совѣту Пятисотъ; оба эти совѣта ежегодно пополнялись новыми членами, взамѣнъ трети своего состава. Ужасы революціи миновали и Франція начинала собирать ея цѣнные плоды. Освобожденные земледѣльцы пріобрѣли уже часть конфискованныхъ земель и разработали вновь много земли, умножили скотъ, оставили малопроизводительную систему пускать землю подъ «паръ», однимъ словомъ земледѣліе обновилось. Въ дѣлѣ ремесленномъ чувствовалось уже огромное облегченіе отъ уничтоженія привилегій цеховъ, возникали фабрики бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, оружейные заводы, фабрика часовъ въ Безансонѣ, основанная двумя тысячами выходцевъ изъ Невшателя. Всѣ роды мануфактурной промышленности, оправляясь отъ убытковъ, нанесенныхъ терроромъ, вмѣстѣ принимали невиданное дотолѣ развитіе. Груссе исчисляетъ подробно всѣ механическія усовершенствованія, входившія въ это время во французскую фабрикацію; изъ нихъ многія придуманы французами, другія съ большою поспѣшностью заимствовались изъ-за границы. Внѣшняя торговля ограничена войною, но за то торговля внутренняя принимаетъ развитіе, въ которомъ Франція давно нуждалась и которое облегчается уничтоженіемъ внутреннихъ, провинціальныхъ таможень.

Законодательную дѣятельность того времени авторъ изображаетъ исчисленіемъ новыхъ постановленій по всѣмъ отраслямъ народнаго хозяйства и управленія; такихъ законовъ при дѣйствіи конституціи III года издано болѣе 3000. Существовавшей при Директоріи системы насильственнаго займа онъ, конечно, оправдать не можетъ, но наивно хвалитъ директоровъ уже за то, что принудительный заемъ они откровенно и называли такъ, принудительнымъ займомъ. Любопытенъ бюджетъ того времени (an VIII—1799 годъ); онъ представляетъ едва

ли не самое краснорѣчивое возраженіе противъ «спасенія общества» какъ во Франціи, такъ и въ Европѣ, отъ «ужасовъ революціи», произведшаго, какъ извѣстно, баснословный долгъ Англіи, и неоплатные долги всѣхъ державъ, и Франціи стоившій расходовъ на четырнадцатилѣтнія войны, громадной контрибуціи и вознагражденія эмигрантамъ.

Республика въ это время содержала огромное войско, именно 633 т. человѣкъ и большой флотъ, въ которомъ однихъ линейныхъ кораблей было 64, а бюджетъ ея составлялъ всего 750 милл. франковъ, несмотря на упадокъ курса денегъ, или, что тоже, на большую дороговизну. Предоставимъ автору слово для заключенія картины; онъ имѣлъ полное право показать, что̀ именно разрушило деспотизмъ Наполеона, прежде чѣмъ приступилъ къ описанію событія, установившаго этотъ деспотизмъ.

«Эта республика по сходной цѣнѣ, эта Франція VIII года пользуется однако своими естественными предѣлами; она насчитываетъ въ себѣ 115 департаментовъ; ее уважаютъ, ей удивляются и завидуютъ за границею; послы ея говорятъ громко, какъ люди свободные, имѣющіе дѣло съ королями; вездѣ имъ даютъ почетное мѣсто. Генералы этой республики называются: Клеберъ, Моро́, Шампіоннѣ, Массена̀, Бернадоттъ, Ожеро́; солдаты ея — лучшіе въ Европѣ. Въ ней — печать свободна, трибуна царствуетъ, муниципальная и департаментская самостоятельность прочно обезпечены (?): она не несетъ на себѣ ни церковнаго бюджета, ни религіи, установленной закономъ, ни косвеннаго налога, давящаго рабочіе классы; она пользуется независимою юстиціею и присяжными на всѣхъ степеняхъ судопроизводства». Обращая вниманіе на посредственность талантовъ людей, бывшихъ членами правительственной директоріи (въ томъ числѣ и Сіэйеса), Груссѐ считаетъ себя вправѣ тѣмъ болѣе почитать учрежденія того времени, такъ какъ они дѣйствовали исправно и дѣла шли удовлетворительно, несмотря на такую посредственность исполнительной власти.

Неожиданно возвратясь изъ Египта, гдѣ не предвидѣлъ возможности дальнѣйшихъ успѣховъ, Бонапартъ сталъ стремиться къ тому, чтобы попасть въ число членовъ Директоріи, на мѣсто Сіэйеса. Съ этой цѣлью онъ ухаживалъ за Гойе́ (президентомъ), а къ Сіэйесу выказывалъ пренебреженіе. Но Гойѐ однажды, въ разговорѣ съ Бонапартомъ, рѣшительно отвергъ мысль о допущеніи молодого генерала въ Директорію, вопреки тому закону, который установлялъ для должности директоровъ минимумъ возраста—въ 40 лѣтъ. Попытки Бонапарта у Мулена кончились столь же неблагопріятно для генерала. Тогда онъ вдругъ перешелъ на сторону Сіэйеса, съ которымъ и вступилъ въ тайное соглашеніе, при посредствѣ Талейрана. Въ тоже время пре-

зиденты обоихъ законодательныхъ собраній, Лемерсье и Люціанъ Бонапартъ старались объ образованіи парламентской партіи для поддержки плановъ заговорщиковъ. Предварительный планъ дѣйствія состоялъ въ томъ, чтобы распустить слухъ о готовящемся якобинскомъ покушеніи противъ народнаго представительства: это былъ первый примѣръ употребленія въ дѣло такъ-называемаго «краснаго призрака». По ст. 102 конституціи, совѣту старѣйшинъ принадлежало право перенесть засѣданіе законодательныхъ собраній куда либо внѣ Парижа, и послѣ такого рѣшенія всякое отправленіе законодательной власти тѣмъ самымъ пріостановлялось до той минуты, когда собранія должны были открыться въ назначенномъ мѣстѣ. Законъ этотъ, очевидно, былъ разсчитанъ на случай важныхъ смутъ, дѣйствительно чрезвычайныхъ обстоятельствъ, но это не выражалось ни словомъ въ самомъ текстѣ закона.

Вотъ за этотъ-то пропускъ и за двойственность законодательнаго сословія (два совѣта) и можно было ухватиться, чтобы произвесть замѣшательство, временную анархію, во время которой повелителемъ неизбѣжно явился бы генералъ, командующій войсками, которому поручено было бы охраненіе безопасности собраній. Заговорщики условились исторгнуть у собранія Старѣйшинъ, при помощи своихъ единомышленниковъ и подъ вліяніемъ слуховъ о готовыхъ мнимыхъ ужасахъ революціи, рѣшеніе о перенесеніи собраній въ Сенъ-Клу и о назначеніи командующимъ охраннымъ войскомъ — генерала Бонапарта. Тогда оставалось бы только уничтожить правительственную власть — Директорію; для этого Сіэйесъ и Рожѐ-Дюко́ должны были въ моментъ этого общаго переполоха подать въ отставку. Затѣмъ, съ остальными членами Директоріи, уже не полной, именно съ Баррасомъ, Гойе́ и Муленомъ поступили бы такъ или иначе, по внушенію обстоятельствъ, но съ тѣмъ, чтобы въ результатѣ и они выбыли изъ Директоріи. Планъ въ сущности весьма простой. Груссѐ, которому хочется по возможности унизить насиліе 18-го брюмера, придаетъ большое значеніе коварству этого плана, низости пособниковъ его и ехидству главныхъ участниковъ интриги. Но, очевидно, что этотъ планъ, эта интрига, заимствовали всю силу собственно изъ факта огромной популярности Бонапарта въ войскѣ, вліянія его надъ солдатами. Только въ виду такого, преобладавшаго факта, могло быть достаточно—произвесть анархію, чтобы изъ нея вышелъ въ всеоружіи диктаторъ Бонапартъ.

Члены совѣта Старѣйшинъ были созваны въ чрезвычайное засѣданіе 18-го брюмера: засѣданіе назначено было въ 7 часовъ утра, а увѣдомленія разосланы въ 5 часовъ, съ тою цѣлью, чтобы тѣ члены, которыхъ заговорщики считали особенно враждебными, и которымъ безъ церемоніи увѣдомленій *не послали*, не успѣли узнать дѣла во́ время

и явиться въ засѣданіе. Чтобы отклонить всякое подозрѣніе директоровъ, Бонапартъ послалъ къ Гойе́ приглашеніе къ завтраку, къ 8 часамъ, а Баррасу обѣщалъ въ тотъ же день пріѣхать къ нему для переговоровъ о дѣлахъ. Въ тоже время, Бонапартъ созвалъ къ себѣ на квартиру, къ 7 часамъ утра, всѣхъ генераловъ и главныхъ офицеровъ парижскаго округа, а 9-му драгунскому полку полковникъ Себастіани роздалъ патроны, и взявъ съ собою эскадронъ этого полка, прибылъ къ дому Бонапарта, а командиры полковъ, служившихъ подъ начальствомъ Бонапарта въ Италіи, и давно просившіе его сдѣлать смотръ ихъ частямъ, получили отъ него увѣдомленіе, что смотръ будетъ 18-го числа и чтобы полки были готовы къ выступленію изъ казармъ къ 7 часамъ утра. Такъ точны и предусмотрительны были всѣ сдѣланныя приготовленія, что остается отнесть только къ безпечности директоровъ незнанія ими того, что готовилось.

Къ семи часамъ, когда войска готовились выступить на улицы, собрался совѣтъ Старѣйшинъ и подъ вліяніемъ зловѣщихъ слуховъ, нѣсколько дней уже ходившихъ въ городѣ, а теперь прямо выраженныхъ предсѣдательствующимъ въ наблюдательной коммисіи собранія, Карно́, о революціонномъ заговорѣ, о кинжалахъ, готовыхъ поразить народныхъ представителей и т. д., постановилъ рѣшеніе о перенесеніи собраній въ Сенъ-Клу, 19-го брюмера, съ воспрещеніемъ до тѣхъ поръ всякихъ преній, и о порученіи генералу Бонапарту исполнить настоящій декретъ и охранять безопасность собраній. Бонапартъ, получивъ оффиціальное сообщеніе о декретѣ Старѣйшинъ, собирался выступить со своими товарищами, какъ вдругъ явился генералъ Лефебръ, начальникъ парижскаго округа. Лефебръ, подчиненный непосредственно Директоріи, колебался слѣдовать за Бонапартомъ для исполненія декрета Старѣйшинъ. Тогда Бонапартъ обратился къ нему такъ: «Неужели ты, Лефебръ, покинешь стараго товарища? Полно, повѣрь мнѣ, лучше вытолкнемъ въ дверь этихъ адвокатовъ! На, вотъ тебѣ та сабля, которую я носилъ подъ пирамидами!» Говоря это, Бонапартъ крѣпко обнялъ Лефебра — и Лефебръ взялъ саблю, и когда Бонапартъ сѣлъ на коня, послѣдовалъ за нимъ.

Этотъ короткій, случайный эпизодъ, обрисовывая обаяніе Бонапарта, резюмируетъ въ себѣ всю сущность положенія дѣлъ. Въ драмѣ 18-го брюмера, эта легкая побѣда Бонапарта надъ Лефебромъ, очевидно, была гораздо важнѣе всѣхъ остальныхъ фактовъ, рѣчей, постановленій собраній, протестовъ и т. д. Еслибы Лефебръ, начальникъ парижской дивизіи, не поддался вліянію простого дружескаго обращенія къ себѣ Бонапарта, то это значило бы, что нравственная сила въ тотъ моментъ была на сторонѣ Директоріи, а не на сторонѣ побѣдоноснаго полководца, и тогда 18-го брюмера не было бы.

Члены директоріи Гойе́ и Муленъ, узнавъ о происходившемъ, за-

суетились, но было слишкомъ поздно и всѣ ихъ усилія были парализованы тѣмъ обстоятельствомъ, что они не могли найти ни Сіэйеса, ни Роже-Дюко, ни Барраса. Лефебръ, явившись къ Гойе и Мулену, объявилъ, что въ виду декрета старѣйшинъ, онъ передалъ командованіе Бонапарту. Между тѣмъ, Бонапартъ дѣлалъ смотръ войскамъ, какъ имъ было предположено, и въ прокламаціи прочитанной при этомъ уже прямо объявлялъ, что республикою управляютъ люди неспособные, что слѣдуетъ возвратить Франціи то положеніе въ Европѣ, котораго лишили ее неспособность и измѣна. Баррасъ не имѣлъ мужества выступить впередъ ни съ Бонапартомъ, ни противъ него; когда же существенный прологъ былъ сыгранъ, и онъ, явившись въ наблюдательную коммиссію за объясненіями, получилъ отъ Бонапарта отвѣтъ: «скажите этому человѣку, что я не хочу его видѣть!» то Баррасъ понялъ, что его роль окончена и подалъ въ отставку. Къ нему приставленъ былъ конвой, а вслѣдъ за довольно бурнымъ объясненіемъ съ Гойе и Муленомъ, Бонапартъ и къ нимъ, въ люксенбурскомъ дворцѣ, приставилъ стражу въ 500 чел. подъ начальствомъ Моро. Они выслали протестъ, но этотъ протестъ былъ перехваченъ, и затѣмъ имъ не позволили видѣться другъ съ другомъ.

Засѣданія законодательныхъ собраній въ Сенъ-Клу на другой день были рядомъ сценъ замѣшательства, наглой лжи со стороны обоихъ президентовъ — Люціана Бонапарта и Лемерсье и другихъ единомышленниковъ Бонапарта — съ одной стороны, а съ другой стороны — безпорядочныхъ, безсильныхъ протестовъ республиканцевъ. Съ обѣихъ сторонъ вызовы, оскорбленія, ежеминутно грозившія перейти въ дѣйствіе. «Il faut en finir!» воскликнулъ Бонапартъ, ожидавшій въ одной изъ залъ результата преній и появился въ совѣтѣ Старѣйшинъ. Но здѣсь, въ первый моментъ столкновенія съ народнымъ представительствомъ, смѣлость до такой степени оставила его, что онъ могъ только произнести почти безсвязныя слова, съ увѣреніями о своей преданности и опасности отечества и наконецъ, сознавая, что заговаривается, поспѣшно вышелъ.

Въ совѣтѣ Пятисотъ, ему не дали и говорить: какъ только онъ вошелъ туда, имѣя позади себя четырехъ рослыхъ солдатъ, депутаты закричали: «Это что? Сюда являются вооруженные люди!» и бросились толпою на Бонапарта съ криками: «Hors la loi! A bas le dictateur! Mort au tyran!» Дестремъ схватилъ его за плечо, крича: «C'est donc pour cela, misérable, que tu as gagné tes batailles!» Аренъ ударилъ генерала въ лицо, другіе порывались схватить Бонапарта и онъ насилу вышелъ, прикрываемый солдатами и не сказавъ ни слова. Само собою разумѣется, что эта сцена должна была возбудить негодованіе въ солдатахъ. Это былъ со стороны депутатовъ настоящій пароксизмъ безсилія, которое само даетъ предлогъ къ нападенію на

себя. Тотчасъ распространился въ войскѣ слухъ, что генерала хотѣли убить, что надъ нимъ были занесены кинжалы, что одинъ ударъ кинжала разорвалъ рукавъ одного изъ солдатъ, прикрывавшихъ Бонапарта, и этотъ слухъ былъ употребленъ въ пользу заговорщиками, и впослѣдствіи, во всѣхъ прокламаціяхъ, оффиціальныхъ статьяхъ и т. д. кинжалы, угрожавшіе жизни Бонапарта, играли важную роль, хотя впослѣдствіи очевидцы засвидѣтельствовали, что все это басня, и что никакихъ кинжаловъ не было.

По выходѣ Бонапарта изъ совѣта Пятисотъ, смятеніе продолжалось и ярость республиканцевъ обратилась на президента Люціана Бонапарта, который наконецъ оставилъ предсѣдательское мѣсто. Въ эту минуту явились солдаты и вынесли Люціана изъ собранія, подъ тѣмъ предлогомъ, что «мятежное меньшинство держитъ собраніе подъ страхомъ». Такимъ образомъ, окончательное покушеніе на совѣтъ Пятисотъ было освящено присутствіемъ среди войскъ самого президента законодательнаго собранія. Извѣстно, какъ совершилось это посягательство: въ залу вторглись гренадеры, имѣя ружья на перевѣсъ, при барабанномъ боѣ, и остановились. Бригадиръ Дюмуленъ громко произнесъ: «Граждане-представители, нельзя далѣе отвѣтствовать за безопасность совѣта; приглашаю васъ удалиться.» Собраніе отвѣчало крикомъ: «да здравствуетъ республика!» и оставалось неподвижно. Тогда послышалась команда: «гренадеры—впередъ!», солдаты сомкнутыми рядами зашли въ средину зала и, продолжая наступать, буквально вытолкали представителей. 20-го брюмера всѣ газеты сообщали: «Бонапартъ провелъ ночь въ Люксанбургскомъ дворцѣ».

Въ книгѣ Груссе́ помѣщены тексты главныхъ прокламацій, афишъ, газетныхъ статей, по поводу событія 18-го брюмера, представляющихъ любопытное зданіе оффиціальной лжи, и показывающихъ, до какой степени безстыдной клеветы доходитъ грубая сила, когда она старается затоптать идею. Л. П.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ пятый. Спб. 1870. Стр. XI и 509. Ц. 3 р.

Мы ожидали встрѣтить въ этомъ томѣ продолженіе начатыхъ печатаніемъ въ IV томѣ историческихъ свѣдѣній о екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, собранныхъ и приведенныхъ въ порядокъ г. Полѣновымъ. Сколько намъ извѣстно, трудъ г. Полѣнова законченъ вполнѣ, и откладывать окончаніе его тѣмъ неумѣстнѣе, что начало его возбудило живѣйшій интересъ въ публикѣ. Но, кто знаетъ, быть можетъ, этотъ интересъ и заставляетъ Историческое Общество медлить и оно дѣлится съ публикою другими архив-

ными документами, не столь важными и въ особенности не столь, такъ сказать, «современными». Первое мѣсто въ V томѣ по праву отведено письмамъ императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Письма эти хранились въ семействѣ Лагарпа въ Швейцаріи. Русское Историческое Общество, узнавъ, что въ Лозаннѣ живетъ родственникъ Лагарпа, Гейнрихъ Монодъ, въ рукахъ котораго хранятся бумаги Лагарпа и который былъ бы готовъ уступить ихъ русскому правительству, вступило съ нимъ въ сношенія. Г. Монодъ согласился передать всѣ имѣющіяся у него подлинныя письма членовъ императорской фамиліи къ Лагарпу, но не иначе, какъ въ приношеніе императорскому дому. Августѣйшій предсѣдатель Общества, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, почтилъ г. Монода письмомъ, вслѣдствіе котораго вся переписка поступила въ собственность его высочества и доставлена имъ для напечатанія въ «Сборникѣ».

Наши читатели знакомы съ отношеніями Лагарпа къ своимъ воспитанникамъ, великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ. Напечатанная теперь переписка, далеко впрочемъ не полная, опредѣляетъ эти отношенія еще рельефнѣе и даетъ Лагарпу довольно значительную роль въ направленіи дѣятельности Александра почти во все его царствованіе. Когда вся переписка будетъ извѣстна, быть можетъ съ бо́льшимъ правомъ можно будетъ приписать Лагарпу то значеніе, которое приписывалось Лефорту по отношенію къ Петру Великому. Пока можно только судить, въ извѣстной степени, о той системѣ воспитанія, которой держался Лагарпъ и о тѣхъ идеяхъ, которыя старался онъ вложить въ своихъ учениковъ.

Стараясь воспитать великихъ князей достойными ихъ высокаго положенія, Лагарпъ не щадилъ ихъ дурныхъ наклонностей и лѣни и постоянно заставлялъ ихъ письменно дѣлать замѣтки о своихъ проступкахъ.

«Я былъ нерадивъ, лѣнивъ, я былъ невѣжда, я—ничтожность, знаніе и прилежаніе мое — достойны армейскаго барабанщика» — въ такихъ выраженіяхъ великіе князья опредѣляли свое поведеніе, и съ такой строгостью наставникъ указывалъ имъ ихъ недостатки. Одна замѣтка великаго князя Александра о своемъ характерѣ особенно замѣчательна: «Вмѣсто того, чтобъ себя поощрять и удвоивать старанія воспользоваться остающимися мнѣ годами ученія, я день ото дня становлюсь все болѣе нерадивъ, болѣе неприлеженъ, болѣе неспособенъ и съ каждымъ днемъ все болѣе приближаюсь ко мнѣ подобнымъ, которые безумно считаютъ себя совершенствами, потому только, что они принцы. Полный самолюбія и лишенный соревнованія, я чрезвычайно нечувствителенъ ко всему, что́ не задѣваетъ прямо самолюбія. Эгоистъ, лишь бы мнѣ ни въ чемъ не было недостатка, мнѣ мало дѣла до дру-

гихъ. Тщеславенъ [1]), мнѣ бы хотѣлось выказываться и блестѣть на счетъ ближняго, потому что я не чувствую въ себѣ нужныхъ силъ для пріобрѣтенія истиннаго достоинства. 13-ти лѣтъ я такой же дитя, какъ въ 8-мъ и чѣмъ болѣе я подвигаюсь въ возрастѣ, тѣмъ болѣе приближаюсь къ нулю. Что́ изъ меня выйдетъ? Ничего, судя по наружности (по примѣтамъ). Благоразумные люди, которые будутъ мнѣ кланяться, будутъ изъ состраданія пожимать плечами, а можетъ быть будутъ смѣяться на мой счетъ, потому что я, вѣроятно, буду приписывать своему отличному достоинству тѣ внѣшніе знаки уваженія, которые будутъ оказываться моей особѣ. Такъ-то кадятъ идолу, смѣясь надъ подобной комедіей». Послѣ женитьбы своей, великій князь продолжалъ занятія съ Лагарпомъ, но, судя по короткимъ записочкамъ къ послѣднему, не весьма прилежно, отговариваясь то нездоровьемъ жены, то балами, то необходимостью быть при женѣ, чтобъ «не отчуждать ея расположенія». Между тѣмъ, интрига, поднятая противъ Лагарпа съ 1792 г., дѣятельной главой которой была графиня Шувалова, гофмейстерина двора великой княгини Елизаветы Алексѣевны, принесла свои плоды и Салтыковъ объявилъ Лагарпу, что обязанности его кончены и удаленіе его желательно. Салтыковъ пришелъ въ то время, когда Лагарпъ былъ съ великимъ княземъ. Онъ попросилъ его въ другую комнату. «По возвращеніи моемъ, разсказываетъ Лагарпъ, великій князь, встревоженный, вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и въ волненіи спросилъ меня: «ну что-жъ?» — Позвольте мнѣ, ваше высочество, поговорить объ этомъ въ другой разъ.—«Неужели вы думаете, что я не знаю все, что́ дѣлается для того, чтобы удалить васъ!» Затѣмъ, бросившись меня обнимать, онъ облилъ меня слезами... Я вырвался лишь давъ ему почувствовать —(Je ne pus m'arracher qu'après lui avoir fait и пр.), что онъ могъ *навлечь бѣду на меня, еслибы кто-нибудь насъ въ это время увидалъ*». Послѣднія, подчеркнутыя нами строки, указываютъ, что положеніе наставника и его ученика было незавидно. Александръ долженъ былъ инкогнито прибѣжать изъ Таврическаго дворца къ Лагарпу, жившему за полторы мили оттуда, чтобъ проститься съ нимъ. «Мнѣ понадобилась, прибавляетъ Лагарпъ, вся моя твердость духа, чтобъ вырваться изъ его объятій, покуда онъ обливалъ меня слезами».

Дальнѣйшая переписка Александра съ Лагарпомъ показываетъ, какъ возмущала юную, впечатлительную душу великаго князя придворная обстановка. Еще до отъѣзда Лагарпа изъ Петербурга, онъ писалъ ему: «Вы поймете, любезный другъ, какая для меня скорбь въ одно и тоже время думать, что я долженъ съ вами скоро разстаться, особенно оста-

---

[1]) Мы цитируемъ по переводу Р. И. О., который, какъ видятъ читатели, не совсѣмъ удовлетворителенъ.

ваясь одинъ *при этомъ дворѣ, который я ненавижу*, и предназначенный къ положенію, одна мысль о коемъ меня заставляетъ содрогаться». Очевидно, великому князю былъ извѣстенъ планъ Екатерины, провозгласить своимъ наслѣдникомъ его, а не Павла Петровича; эта мысль и заставляла его содрогаться, потому что поставила бы его въ непріязненныя и крайне-фальшивыя отношенія къ отцу. Онъ возвращается къ этой мысли въ письмѣ отъ 21-го февраля 1796 г.: «Какъ часто вспоминаю я о васъ и обо всемъ, что́ вы мнѣ говорили, когда мы были вмѣстѣ! но это не могло измѣнить принятаго мною намѣренія отдѣлаться со временемъ *отъ моего бремени*. Оно день ото дня мнѣ становится все болѣе невыносимымъ по всему, что̀ я вижу вокругъ себя. Непостижимо, что происходитъ: *всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка*; это ужасно». Его тяготятъ постоянныя празднества, парады, маневры и ученья и отнимаютъ время, которое онъ хотѣлъ бы посвятить чтенію и наукѣ. Онъ жалуется на брата Константина, который «горячъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, весьма своеволенъ и часто прихоти его не согласуются съ разумомъ; военное искусство ему вскружило голову, и онъ иногда грубъ съ солдатами своей роты». «Я же, продолжаетъ онъ, хотя и военный, жажду лишь мира и спокойствія, и охотно уступлю свое званіе за ферму подлѣ вашей или, по крайней мѣрѣ, въ окрестностяхъ». Въ заключеніе письма онъ совѣтуетъ Лагарпу быть осторожнымъ въ своихъ письмахъ и дѣлать, какъ онъ, то-есть писать по почтѣ лишь тогда, когда ничего особеннаго сказать не приходится, въ противномъ случаѣ искать оказіи. Самъ онъ откровенныя свои письма пересылалъ черезъ довѣренныхъ людей къ тещѣ, а та ужъ посылала ихъ Лагарпу; съ своей стороны Лагарпъ также долженъ былъ пересылать свои письма Александру къ его тещѣ, которая пересылала ихъ зятю. Подробность, весьма занимательная для свободы великихъ князей въ «просвѣщенное» царствованіе Екатерины. «Soyez circonspect dans les apostrophes», восклицаетъ Александръ и дѣлаетъ выноску: N'oubliez pas, le *cher ami*, vous comprenez». «Le cher ami» — огромными буквами. По всей вѣроятности, тутъ разумѣется Платонъ Зубовъ или кто-нибудь изъ его клевретовъ. Затѣмъ снова жалобы на помѣхи въ занятіяхъ: «Пріѣхалъ шведскій король; новая суета, праздники, балы, ужины всякаго рода, и все это каждый день, такъ что голова шла кругомъ, и все безъ малѣйшаго удовольствія, потому что къ этому примѣшалась церемонность. Благодаря Бога опять настала тишина; я же и пользуюсь этимъ, живу спокойно, читаю, учусь, размышляю надъ моими любезными идеями... Я былъ такъ счастливъ, что нашелъ одного или двухъ просвѣщенныхъ людей, которые обязательно доставляютъ мнѣ интересныя книги и совѣты для моихъ занятій. Я учусь молча, наблюдаю, сравниваю, вывожу заключенія, иногда непріятныя, но надежда ихъ

смягчаетъ. Я нахожу, что она есть душа жизни, безъ нея люди были бы очень несчастливы». За все царствованіе Павла — нѣтъ ни одного письма: сначала если они и были, то потомъ все-таки переписка была прекращена, должно думать, что потому что въ первомъ письмѣ своемъ къ Лагарпу, по восшествіи своемъ на престолъ, Александръ говоритъ о «перерывѣ сношеній», не повредившемъ, однако, ихъ дружбѣ, и о томъ, что онъ «пересталъ писать» Лагарпу, «лишь повинуясь самымъ положительнымъ приказаніямъ». Письмо это исполнено нѣжнаго чувства признательности; Александръ желалъ бы снова имѣть при себѣ Лагарпа, но если это невозможно, то онъ просилъ «одной милости»— писать ему отъ времени до времени и давать ему совѣты. «Почему вы не можете быть здѣсь, чтобъ руководить меня вашею опытностью и оградить отъ ловушекъ, въ которыя я могу впасть по милости и можетъ быть по невѣдѣнію черноты испорченныхъ душъ. Часто самъ судишь по себѣ и, желая добра, ласкаешь себя тѣмъ, что другіе имѣютъ тѣже намѣренія, до тѣхъ поръ, пока опытъ не убѣдитъ въ противномъ... Болѣе всего мнѣ доставляетъ заботъ и труда согласовать частные интересы и ненависти и заставить другихъ содѣйствовать единственной цѣли—общей пользѣ». Лагарпъ просьбу о совѣтахъ императору близко принялъ къ сердцу и пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, однако, оставался не долго; изъ дальнѣйшихъ писемъ Александра видно, что Лагарпъ дѣлился съ нимъ своими мнѣніями о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ того времени и откровенно высказывалъ свой образъ мыслей о дѣйствіяхъ императора. Лагарпъ недоволенъ назначеніемъ Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія. Александръ отвѣчаетъ ему: «Сожалѣнія ваши о назначеніи Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія весьма бы уменьшились, еслибъ вамъ была извѣстна организація его министерства. Это совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго, Новосильцева и др., который всѣмъ управляетъ; нѣтъ бумаги, которая бы не была обработана ими, нѣтъ человѣка, назначеннаго не ими. Частыя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними, мѣшаютъ министру ставить какія-либо преграды тому добру, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы сдѣлали его снисходительнымъ до нельзя; настоящая овца; словомъ, онъ ничтоженъ и посаженъ въ министерство только для того, чтобъ не кричалъ, что отстраненъ. Вы упомянули о г-жѣ Филисъ и о превосходныхъ подаркахъ, которые будто бы она отъ меня получала. Увѣряю васъ *честнымъ словомъ* (курс. въ подл.), что совершенно напрасно полагаютъ, что между нами что-нибудь есть общаго; подарокъ былъ ничто иное, какъ то, что обыкновенно дарится всякому дебютанту». Александръ рѣдко отвѣчалъ на письма своего бывшаго наставника, отговариваясь неимѣніемъ времени: «12-ти часовая работа моя каждый день, къ которой присоединяются другія обязанности, связанныя съ моимъ мѣстомъ и от-

нимающія у меня послѣдніе 4 часа, такъ что мнѣ остается едва часъ до того, какъ лечь спать, — отнимаютъ у меня всякую возможность вступать въ пренія, которыя бы должны порождать ваши письма; тѣмъ не менѣе они всегда принимаются съ жадностью и величайшимъ интересомъ». Иногда Александръ, вмѣсто своего отвѣта, препровождалъ къ Лагарпу меморіи, составленныя подъ его личнымъ наблюденіемъ: эти меморіи должны были оправдывать дѣйствія бывшаго ученика въ глазахъ стараго учителя, которому суждено было на много лѣтъ пережить его. Съ 1818 г. переписка ихъ прекращается совсѣмъ, по крайней мѣрѣ со стороны Александра. Было бы желательно, чтобъ были обнародованы письма Лагарпа къ Александру, меморіи, которыя послѣдній посылалъ ему и тѣ бумаги, которыя препроводилъ Лагарпъ императору Николаю. Въ нихъ тоже заключалась переписка Лагарпа съ Александромъ, судя по слѣдующимъ словамъ императора: «Я тѣмъ болѣе оцѣняю причины, заставлявшія васъ смотрѣть на *переписку вашу* съ нимъ, какъ на священный залогъ и которыя побудили васъ разстаться съ нею, чтобъ не повергнуть ее когда либо изслѣдованіямъ нескромнаго или злонамѣреннаго любопытства». Къ этому собранію бумагъ, Лагарпъ присоединилъ и реестръ и, по всей вѣроятности, оно было довольно обширно, если императоръ Николай говоритъ о реестрѣ, какъ о «трудной работѣ». Въ одномъ изъ писемъ великаго князя Константина говорится, что Лагарпу были присланы бумаги, найденныя въ кабинетѣ Александра, для приведенія ихъ въ порядокъ и нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ онъ пересылалъ для прочтенія Константину. Составляютъ ли они часть возвращенныхъ Лагарпомъ императору Николаю, или нѣтъ? Сношенія Александра съ Лагарпомъ очевидно были обширны и должна существовать цѣлая масса документовъ, относящихся до нихъ. По всей вѣроятности они прольютъ новый свѣтъ на дѣятельность Александра и объяснятъ многое изъ того, что доселѣ остается нѣсколько темнымъ.

Изъ писемъ другихъ высочайшихъ особъ къ Лагарпу, заслуживаютъ вниманія письма великаго князя Константина, который рисуется въ нихъ довольно полно и вовсе не съ дурной стороны. Константинъ Павловичъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ пристрастился къ военному, и еще мальчикомъ высказывалъ о дисциплинѣ по истинѣ странныя понятія, напр., что офицеръ долженъ быть машиною и исполнять всѣ приказанія начальства, хотя бы они были безумны и жестоки. О воспитаніи его заботились мало, предоставляя его развитіе тому пути, который оно могло принять среди окружающей обстановки. Ничего нѣтъ мудренаго, поэтому, что капризы въ великомъ князѣ развились въ своеволіе и въ тѣ поступки, которые Александръ называлъ впослѣдствіи «несогласными съ здравымъ разсудкомъ». Но въ природѣ великаго князя остались и хорошія черты—честность, правдивость, великодуш-

ные порывы и прямота. Несмотря на то, что Лагарпъ менѣе всего щадилъ его и злоупотреблялъ даже словомъ asinus въ примѣненіи къ великому князю, онъ сохранилъ къ своему наставнику чувства благодарности и уваженія. Сдѣлавшись женихомъ принцессы Юліи Саксенъ-Кобургской, Константинъ извѣщалъ своего наставника объ этомъ событіи съ радостью, увѣрялъ его въ любви своей и подписался съ этимъ словомъ. Очевидно, что подобныя выраженія часто примѣнялись къ великому князю, но онъ вспоминалъ ихъ безъ всякой злобы. Слѣдующее письмо—съ извѣстіемъ о женитьбѣ и о томъ, что его обокрали; затѣмъ письмо изъ Варшавы отъ января 1819 года, о разлукѣ съ Михаиломъ Павловичемъ, совершенно непонятное безъ комментарій, которыхъ нигдѣ не даетъ Р. Ист. Общество, но очевидно дѣло идетъ о женщинѣ, оскорбленной Михаиломъ. Поведеніе Константина во время коронаціи Николая въ Москвѣ было одобрено Лагарпомъ и Константинъ отвѣчаетъ ему, что очень счастливъ этимъ, «но, прибавляетъ онъ, откровенность моя заставляетъ просить васъ не придавать этому такой большой цѣны, ибо, рѣшившись не отступать ни на шагъ отъ того образа дѣйствій, который я себѣ предназначилъ, съ моей стороны все это было лишь просто и естественно. Никто въ мірѣ болѣе меня не боялся и ненавидитъ дѣйствій эффектныхъ, коихъ эффектъ разсчитывается впередъ, или дѣйствій драматическихъ, восторженныхъ, и т. п.; признаюсь въ моей глупости, я въ этомъ ничего не смыслю.» Къ своей дѣятельности онъ обращается нѣсколько разъ: онъ всегда былъ чуждъ всякихъ интригъ, «зналъ только повиновеніе самое пассивное и всегда въ отношеніи ихъ (Александра и Николая) дѣйствовалъ съ самою безкорыстною откровенностью, безъ всякой задней мысли, храня свое частное мнѣніе для себя и выражая его лишь тогда, когда къ тому былъ призываемъ, подчиняясь всегда, даже вопреки моему мнѣнію, исполненію воли моихъ государей съ самой строгою добросовѣстностью и дѣлая, такъ сказать, родъ рыцарства изъ того, чтобы удалось, хотя бы противъ моего мнѣнія, то, что мнѣ было предписано.» Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ, что «34½ года провелъ на службѣ не краснѣя за свой образъ дѣйствій, несмотря на сотни тысячъ рапсодій, распространенныхъ на мой счетъ. Чистый совѣстью, я смѣло могу смотрѣть свѣту въ глаза, рано или поздно мнѣ отдадутъ справедливость.» Сильно оскорбленный колкостями парижскихъ газетъ, онъ благодаритъ Лагарпа за его хлопоты въ Парижѣ, чтобъ прекратить эти нападки, и замѣчаетъ: «Печатайте что угодно, но скажите тому, противъ кого вы печатаете, источникъ, откуда вы это почерпнули, дабы онъ могъ найдти справедливость, если онъ оскорбленъ или обиженъ.»

Въ одномъ изъ писемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Лагарпу есть отзывъ о нынѣ царствующемъ Государѣ, которому въ то

время шелъ десятый годъ: «Внукъ мой подаетъ намъ самыя большія, самыя счастливыя надежды.» Кромѣ переписки съ Лагарпомъ особъ императорской фамиліи, въ V-мъ томѣ «Сборника» помѣщены документы изъ семейнаго архива Н. В. Репнина, таблицы государственныхъ доходовъ и расходовъ въ царствованіе Екатерины II и продолженіе дипломатическихъ документовъ, заимствованныхъ изъ Дрезденскаго архива, которые обнимаютъ 1728—1734 годы. Здѣсь много подробностей о характерѣ и царствованіи Петра II, и объ извѣстномъ планѣ ограничить самодержавную власть и о царствованіи Анны.

ПОПРАВКА.

Въ іюньской книгѣ, стр. 802, строка 4 снизу, вмѣсто: *Чарфнуй*, должно быть: *Чарджуй*.

Стран. 804, строк. 6, вм. *Кюня-Ургендонъ*, должно быть: *Кюня-Урганджъ*.

Стран. 807, строк. 13 снизу, вм. *Джуссека*, должно быть: *Джулека*.

М. Стасюлевичъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

3 —